ISSN 2078-8975

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 2 (46)

BULLETIN

OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Issue 2 (46)

КЕМЕРОВО
2011

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических
и прикладных исследований.
Издается с 1999 г.

№ 2 (46) 2011

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Белозёрова М. В. К проблеме толерантности и межкультурного взаимодействия в студенческой среде 5

Горбатов А. В. Государство и религиозные организации в СССР (1940-е- 1960-е гг.) в трудах эмигрантских и советских исследователей 10

Зяблицева С. В. Киносеть Западной Сибири накануне и в годы Великой Отечественной войны 13

Китова Л. Ю. Теоретические воззрения С. И. Руденко в области археологии 18

Морозов Н. М. Понятие «теория локальной цивилизации» в отечественной историографии на рубеже XX – XXI вв. 23

Никитенко Е. В. «Кламарский раскол» в истории Евразийства: выявление и анализ причин 28

Пономарёв В. А. Социально-политические причины возникновения межэтнического конфликта в нагорном Карабахе и вокруг него в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: исторический аспект 33

Тулуш Д. К. Средневековые городища-крепости Тувы 39

Умеренкова О. В. Украшения эпохи бронзы Западной Сибири как источник изучения половозрастной структуры общества 45

МАТЕМАТИКА

Фомин А. А., Фомина Л. Н. Об асимптотической сходимости неявного итерационного полинейного рекуррентного метода решения разностных эллиптических уравнений 52

ПЕДАГОГИКА

Артюхов М. В., Миронова Т. Н.Теоретические и содержательные подходы к студенческому самоуправлению 58

Вержицкая Е. Н. Уровневая дифференциация профессионализма как закономерность личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования 64

Гринвальд О. Н. Формирование социально-этической компетентности будущих юристов при изучении дисциплины “иностранный язык в сфере юриспруденции” 68

Касаткина Н. Э. Проектирование программы развития современной школы 73

Ковалева И. В. Проектирование фасилитационной деятельности педагога: ресурсы и средства 76

Кондаурова И. Г., Игонина Т. Б. Система педагогической деятельности по подготовке студентов вуза к будущей профессиональной деятельности 80

Патрина В. В. Организация подготовки, повышение квалификации и переподготовки кадров для производства в системе непрерывного образования взрослых 85

Семенкова Т. Н. Состояние здоровья учащейся молодежи 90

УЧРЕДИТЕЛЬ*:*
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Свиридова И. А. – **координатор,** ректор КемГУ, канд. мед. наук, доцент;
Афанасьев К. Е. – **главный редактор,** проректор по научной работе и информатизации, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Садовой А. Н. – **зам. главного редактора,** д-р ист. наук, проф.;
Григорьева О. С. – отв. секретарь
Зеленин А. А. – проректор по социальным вопросам и молодежной политике, д-р полит. наук, доцент;
Семенкова Т. Н. – проректор по учебно-организационной работе, канд. пед. наук;
Шадрин А. В. – начальник научного управления, д-р техн. наук, доцент;
Захаров Ю. А. – член-корр. РАН, д-р хим. наук, проф.;
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.;
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.;
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.;
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.;
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.;
Карташов В. Я. – д-р техн. наук, проф.;
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.;
Курбатова М. В. – д-р экон. наук, проф.;
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф.;
Осадчий М. А. – канд. филол. наук;
Поварич И. П. – д-р экон. наук, проф.;
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.;
Шер Я. А. – д-р ист. наук, проф.;
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.;
Юркевич Н. А. – канд. юр. наук, доцент;
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редакторы выпуска:**З.А. Кунашева**
Компьютерная верстка: **В. А. Шерина.**

Вестник Кемеровского государственного университета. Журнал теоретических и прикладных исследований

Печатается по решению научно-методического и редакционно-издательского советов государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 225, редакция журнала «Вестник Кемеровского государственного университета».
Телефон: (3842)58-28-39, 58-80-24,
факс (3842)58-38-85,
E-mail: keafa@kemsu.ru, gos@kemsu.ru
Адрес сайта:
http://www.kemsu.ru/kemsu_info/science/bulletin.htm

Адрес издателя: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Телефон: (3842) 58-28-39,
факс (3842)58-12-26,
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150,
Каталог российской прессы «Почта России» – 51944.

Подписано к печати 28.05.2011 г.
Формат А 4.
Печать офсетная.
Бумага Sveto Copy.
Усл. печ. л. – 28,6.
Уч.- изд. л. – 26,56.
Тираж 500 экз.
Заказ № _____
Цена свободная.

Отпечатано в ООО ПК «Офсет».
650001, Кемерово,
ул. 40 лет Октября, 1[6].

© государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет», 2011

Семенкова Т. Н., Касаткина Н. Э., Казин Э. М. Факторы «риска», влияющие на здоровье обучающихся в процессе обучения 98

Тупикина Г. Г., Дочкин С. А. Образовательный портал как способ доступа к информационным ресурсам 106

Чурекова Т. М., Москаленко И. В. К вопросу о дефиниции нравственных ценностей и оснований для их выделения 112

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

Крымова Э. И., Желтов В. В. Форсайт как технология политики городского развития 117

Матвеева Е. В. Проблема модернизации России и экологическая политика 120

ПСИХОЛОГИЯ

Бучек А. А. Этническое конструирование как способ реализации этнического самосознания личности в полиэтничной среде 127

Валиуллина Е. В. Психологические особенности кризисов профессионального самоопределения в процессе высшего медицинского образования 131

Михайлова В. П., Фокина И. А., Александрова Л. А. Сравнительный анализ эмоциональной компетентности и типов отношений студентов в зависимости от успешности в обучении 134

ФИЛОЛОГИЯ

Волобуева Ю. С. Формы репрезентации обыденной семантики бионимической лексики (на материале метаязыковых рефлексий и ассоциаций рядовых носителей русского языка) 145

Коняева Л. А., Чачибая М. Д. Подходы к созданию языкового портфеля как технология контроля сформированности лингвистической компетенции студентов 150

Рабкина Н. В. Эсхатологические мотивы в военной поэзии 157

Рябова М. Ю. Интерпретация грамматического времени в холистической модели 160

Шуматова Т. В. Фактор адресата в речевом жанре «книга отзывов и предложений» 166

ФИЛОСОФИЯ

Зауэрвайн Л. Т. Национально-культурная самоидентификация народов и народностей Кузбасса в условиях глобализации 173

Золотухин В. М., Суслова С. В. Правовая культура и образование 178

Рязанова С. В. Религиозное окружение верующих женщин как фактор формирования и реализации конфессиональных представлений 182

ЭКОЛОГИЯ. ЗДОРОВЬЕ

Каприн А. Д., Добровольская Н. Ю., Шестаков А. В., Гармаш С. В., Цыбульский А. Д. Определение качества жизни при помощи опросника FACT – Bl у больных инвазивным раком мочевого пузыря 186

Климов П. В., Суржиков Д. В., Суржиков В. Д., Большаков В. В. Оценка антропогенного загрязнения атмосферного воздуха г. Новокузнецка 190

ЭКОНОМИКА

Леванов А. Д. Гуманистическая составляющая качества жизни населения 195

Левин С. Н., Саблин К. С., Кислицын Д. В. Интегрированные бизнес-группы как «субъекты модернизации» экономики регионов ресурсного типа 199

РЕЦЕНЗИИ

Шер Я. А. Кентавры, единороги, драконы и другие мифологические персонажи (о книге Л. С. Клейн. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. – СПб, Евразия, 2010. – 496 с., илл. цв. 32 с.). 205

Авторы выпуска 212

Правила оформления статей в «Вестник КемГУ» 217

Подписка на «Вестник КемГУ» 219

FOUNDERS:
State Education institution of Higher Professional Education, Kemerovo State University

EDITORIAL BOARD:
Sviridova I. A. – **coordinator,** rector of KemSU, PhD-medicine, associate prof..
Afanasyev K. E. – **chief editor,** vice-rector on scientific work and informatization, doctor of physics-mathematics, prof.;
Sadovoy A. N. – **deputy chief editor,** doctor of history, prof.;
Grigorjeva O. S. – responsible secretary;
Zelenin A. A. – vice-rector on social work and youth policy, doctor of political science, associate prof.;
Semenkova T. N. – vice-rector on educational-organizing work, PhD-pedagogic;
Shadrin A. V. – head of scientific department, doctor of techniques, associate prof.;
Zakharov Yu. A. – corresponding member of Russian Academy of Science, doctor of chemistry, prof.;
Araeva L. A. – doctor of philology, prof.;
Bobrov V. V. – doctor of history, prof.;
Danilov N. N. – doctor of physics-mathematics, prof.;
Zheltov V. V. – doctor of philosophic studies, prof.;
Kazin E. M. – doctor of biology, prof.;
Kartashov B. Ya. – doctor of techniques, prof.;
Kasatkina N. E. – doctor of pedagogic, prof.;
Kurbatova M. V. – doctor of economics, prof.;
Nevzorov B. P. – doctor of pedagogic, prof.;
Osadchiy M. A. – PhD-philology;
Pimenov E. A. – doctor of philology, prof.;
Povarich I. P. – doctor of economics, prof.;
Poplavnoy A. S. - doctor of physics-mathematics, prof.;
Sher Ya. A. – doctor of history, prof.;
Schennikov B. P. – doctor of philosophic studies, prof.;
Yurkevich N. A. – PhD-law, associate prof.;
Yanitsky M. S. – doctor of psychology, prof.

Issues editor: **Z.A. Kounasheva**
Computer layout : **V. A. Sherina**

CONTENTS

HISTORY

Belozerova M. V. To the problem of tolerance and intercultural communication in the students' environment 5

Gorbatov A. V. state and religion societies in USSR (1940-1960) in emigrant and soviet scolary works 10

Ziablitseva S. V. Movie theater chai of west Siberia on the eve of and in the years of read patriotic war 13

Kitova L. Yu. Theoretical views of S. I. Rudenko in the field of archeology 18

Morozov N. M. The concept of «theory of the local civilization» in the domestic historiography at the turn of XX – XXI centuries 23

Nikitenko E. V. «Klamarsky split »in the history of eurosianizm: revealing and the analysis of the reasons 28

Ponomaryov V. A. Social and polytical causes of interethnical conflict in Nagorny Karabach and surrounding areas, 1980 s – beginning of 1990 s: historical aspect 33

Tulush D. K. The medieval sites-fortresses of ancient settlements of Tuva 39

Umerenkova O. V. Western Siberian Bronze Age Adornments As a Source of Knowledge About a Society Age-Related Structure 45

MATHEMATICS

Fomin A. A., Fomina L. N. On asymtotic convergence of implicit iteration line-by-line recurrence method for solving a difference elliptical equations 52

PEDAGOGY

Artykhov M. V., Mironova T. N. The theoretical and instructive approaches to student's self-government 58

Verzhitskaya E. N. The differentiation between levels of profwssionalism as the regularity of pedagogue's personal and professional development in conditions of education modernization 64

Greenwald O. N. The development of social-ethical competence of law students while studying the subject "foreign language of law" 68

Kasatkina N. E. Modern School Development Project 73

Kovaleva I. V. Designing facilitating activity of teacher: resources and means 76

Kondaurova I. G., Igonina T. B. System of pedagogical activity for the preparation of high school students to future of professional activities 80

Patrina V. V. The organization of preparation, improvement of professional skill and retrainings of personnel for manufacture in system of continuous formation of adults 85

Semenkova T. N. The health status of students 90

Semenkova T. N., Kasatkina N. E., Kazin E. M. Factors of "risk" that affect Student's health in the learning process 98

Tupikina G. G., Dochkin S. A. Education portal is access's way for informational resources 106

Churekova T. M., Moskalenko I. V. On defining moral values and grounds for distinguishing them 112

POLITICAL SCIENCE AND SOZIOLOGIE

Krymova E. I., Zheltov V. V. Forsythe technology policies of urban development 117

Matveeva E. V. Problem of modernization of Russia and ecological policy 120

PSYCHOLOGIE

Buchek A. A. Ethnic design as the way of realization of ethnic consciousness of the person in polyethnic to environment 127

Valiullina E. V. Psychological features of crises of professional self-determination in the course of the higher medical education 131

The Journal of theoretic and applied researches is published by the decision of scientific-methodic and editorial board of Kemerovo State University.

It is issued once a quarter.

The magazine is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration is:
ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

None of any parts of the Journal can be republished without the permission of the authors or the editor.

Address Editor: 650043, Kemerovo, Krasnaya Str. 6, room 225, Editorial office "Vestnik of Kemerovo State University"
Telephone: 8 (3842) 58-28-39, 58-80-24
Fax: 8 (3842) 58-38-85
E-mail: keafa@kemsu.ru , gos@kemsu.ru
Web-site:
http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm.en

Address of the publisher*:* 650043, Kemerovo, Krasnaya Str. 6,
Telephone: (3842) 58-28-39,
Fax: (3842)58-12-26,
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscribing indexes:
Unity catalogue "The Press of Russia" – 42150,
Catalogue of Russian press "The Post of Russia" – 51944.

Signed to printing 28.05.2011 г
Format A4
Offset printing
Paper Sveto Copy
Printing sheet – 28,6
Edition sheet - 26,56
Circulation 500 copies.
Order # _____
Price free.

It is printed in OOO PK « Offset".
650003, Kemerovo,
40 years of October Str., 1[b]

© State Education institution of Higher Professional Education, Kemerovo State University, 2011

Mikhailova V. P., Fokina I. A., Alexandrova L. A. A comparative study of emotional competence and types of students' relationships with relevance to their academic accomplishments 134

PHILOLOGY

Volobueva J. S. The forms of representation of bionimic word ordinary semantics (on the material of metalanguage reflections and ordinary rassian speakers associations) 145
Koniaeva L. A., Chachibaia M. D.Approaches to european langauge portfolio creation as a means of students' linguistic competence monitoring 150
Rabkina N. V. Eschatological motives in war poetry 157
Ryabova M. Yu. Holistic interpretation of tense 160
Shumatova T. V. Factor of the addressee in the speech genre "opinions and proposals book" 166

PHILOSOPHIE

Zauervine L. T. National and cultural self-idenyity of nations and nationalities of Kuzbass in the context of globalization 173
Zolotuhin V. M., Suslova S. V. Legal culture and education 178
Ryazanova S. V. Religious environment of believing women as the factor formations and realizations of confessional positions 182

ECOLOGY. HEALTH

Kaprin A. D, Dobrovolskaya N. Y., Shestakov A. V., Garmash S. V., Tsybulsky A. D. Determination of quality of life with the help of fact-bl in patients with invasive bladder cancer 186
Klimov P. V., Surzhikov D. V., Surzhikov V. D., Bolshakov V. V. Assessment of anthropogenic air pollution in novokuznetsk 190

ECONOMY

Levanov A. D. The humanitarian component of quality life population 195
Levin S. N., Sablin K. S., Kislitsyn D. V. Integrated business groups as 'modernization subjects' of economy of resource type regions 199

REVIEWS

Sher Ya. A. Centaurs, unicorns, dragons and other mythological characters (about the book and LS Klein. Time centaurs. steppe homeland of the Greeks and the Aryans. - St. Petersburg, Eurasia, 2010. – pp.496., illus. col. 32 sec.) 205

Authors Edition 212
Formatting in journal «Vestnik KemGU» 217
Subscribe to «Vestnik KemGU» 219

ИСТОРИЯ

УДК: 316.647.5/316.77-057.87

К ПРОБЛЕМЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

М. В. Белозёрова

TO THE PROBLEM OF TOLERANCE AND INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE STUDENTS' ENVIRONMENT

M. V. Belozerova

Статья выполнена в научно-исследовательском институте толерантности и межкультурных коммуникаций Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

В статье рассматриваются проблемы адаптации молодежи из национальных районов Южной Сибири к социокультурной среде вуза. Внимание уделяется межкультурному взаимодействию русскоязычных студентов и представителей коренных народов на примере Кемеровского государственного университета культуры и искусств и формированию толерантности в студенческой среде.

The article deals with the problems of adaptation of young people from ethnic regions of Southern Siberia to the social-cultural environment in institutes of higher education. The author highlights intercultural communication among Russian-speaking students and natives (using the example of Kemerovo State University of Culture and Arts) and forming of tolerance in the students' environment.

Ключевые слова: коренные народы Южной Сибири, толерантность, межкультурное взаимодействие, студенческая среда.

Keywords: Natives of Southern Siberia, tolerance, intercultural interaction and communication, students' environment.

Демографическая ситуация в ряде европейских стран (Швейцария, Франция, Бельгия, Германия [1, 2, 3] и др.), в том числе и в Российской Федерации в 1990-е – начале 2000-х гг., характеризуется мощными миграционными процессами [4, с. 18, 19], которые во многом определяются факторами экономического порядка и могут рассматриваться как риски для экономического, социального и культурного развития различных стран. И они уже проявляются. С одной стороны, за счет мигрантов восполняется недостаток в трудовых ресурсах, с другой – так называемая «замещающая» миграция имеет негативные стороны. Речь идет о таких явлениях, как психологическая дезориентация, появление и распространение девиантных форм поведения, маргинализация в среде мигрантов. Все это может угрожать их этнокультурной идентичности. Но проблема заключается еще и в том, что мигранты «заполняют» не пустующие территории, а концентрируются в районах, где не прослеживается отток местного населения, то есть в мегаполисах, в густонаселенных районах, где в достаточной степени хорошо развита инфраструктура. В результате растут цены на жилье, мигранты занимают трудовые места, среди местного населения возможен рост безработицы, падение уровня жизни, и как следствие – формирование негативного отношения к мигрантам, ксенофобия, открытые столкновения и драки между представителями различных этносов. Об этом красноречиво свидетельствуют события в Кан-допоге (Карелия, апрель 2006 г.) и в Москве (декабрь 2010 г.) [5, 6].

Значительная часть мигрантов, особенно из числа молодежи, стремится получить образование (среднее специальное, высшее), жить и трудиться в европейских странах, которые будут для них «новой Родиной». В связи с этим чрезвычайно актуальной становится проблема адаптации и формирования толерантности у молодежи из семей мигрантов к новой ситуации страны, региона, города, в том числе и в образовательном пространстве высшего учебного заведения.

Для Российской Федерации значимой проблемой является не только адаптация мигрантов из стран «ближнего» зарубежья – бывших советских республик (Азербайджана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и др.), но также и представителей так называемой «маятниковой» миграции. В демографии под «маятниковой миграцией» понимаются регулярные передвижения населения из одного населенного пункта в другой на работу или учёбу, ее регулярность соответствует режиму трудовой деятельности или учёбы. Главные направления маятниковой миграции – из села в город, из малого города – в крупный город. В наиболее существенных масштабах она совершается в тех агломерациях, центрами которых являются крупные и крупнейшие города. Она является важным источником формирования трудовых ресурсов в городах, создает равноценные условия выбора места работы, профессионального обучения [7, 8].

Для крупных городов Западной Сибири во многом характерна маятниковая миграция молодежи из национальных районов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Основная цель – обучение в высших учебных заведениях, расположенных, как правило, в крупных городах (Новосибирске, Томске, Кемерово, Барнауле). Приезжая из сельской местности или не-

больших городков, и поступая в высшие учебные заведения, представители коренных народов (тувинцы, хакасы, буряты, шорцы и др.) сталкиваются с рядом проблем, связанных с адаптацией к социокультурной среде крупного города как промышленного, научного и культурного центра Западной Сибири и вуза.

С нашей точки зрения, проблема адаптации студентов взаимосвязана с воспитанием толерантности [9, с. 153] как потребности и готовности к конструктивному взаимодействию с людьми независимо от их национальной, социальной, религиозной принадлежности, взглядов, мировоззрения, стилей мышления и поведения, как воспитание миролюбия, умения позитивно с ними взаимодействовать, как формирование негативного отношения к насилию и агрессии в любой форме, уважения и признания к себе и к людям, к их культуре.

Актуальность повышается в результате резкой стратификации российского общества в ходе социально-экономических реформ 1990-х – начала 2000 х гг., постоянного ухудшения качества жизни населения, безработицы. В этих условиях зарождается опасность непонимания и развития различного рода предрассудков к людям иной национальности, другой культуры, вероисповедания. В ряде случаев нетерпимость принимает крайние формы экстремизма и ксенофобии, что становится характерным и для студенческой среды.

В 2010 г. сотрудниками НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций Кемеровского государственного университета культуры и искусств (далее – КемГУКИ) был проведен социологический опрос студентов из числа коренных народов Южной Сибири, обучающихся в КемГУКИ, – тувинцев, хакасов, алтайцев, шорцев, телеутов. Анкета «Проблемы адаптации и межкультурного взаимодействия студентов из числа коренных народов Сибири в Кемеровском государственном университете культуры и искусств» [10] была разработана сотрудниками НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций КемГУКИ и кафедры социологии Кемеровского государственного университета.

Социологический опрос был проведен в процессе организации Института культуры и искусств коренных народов Сибири, реализации Закона Кемеровской области от 18.12.2008 г. № 122 «О ратификации Соглашения между Администрацией Кемеровской области и Правительством Республики Алтай о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве» и научной работы НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций [11]. Цели проекта, в частности, заключались:

– в необходимости дать оценку состояния межкультурных отношений в Кемеровском государственном университете культуры и искусств;

– в определении наиболее острых проблем адаптации представителей коренных народов Сибири в КемГУКИ;

– в определении направления программы развития толерантности в среде студентов и преподавателей КемГУКИ.

В статье приводятся промежуточные результаты анкетирования. Наша задача заключалась в том, чтобы проследить насколько быстро студенты из коренных народов могут адаптироваться в крупном городе (г. Кемерово), в полиэтничном коллективе вуза и какие факторы влияют на процесс адаптации.

В социологическом опросе участвовало около 68,8 % от общей численности обучающихся в университете студентов из коренных народов Сибири, т. е. можно говорить о репрезентативности выборки. По курсам они распределяются следующим образом: на 1 курсе в 2010 г. обучалось около 27,3 % анкетируемых, на 2 курсе – около 36,4 %, на 3 курсе – около 18,2 %, на 4 и 5 курсах – около 6,1 % на каждом.

Из общего числа опрошенных около 45,5 % проживали до поступления в вуз в городах, остальные – сельские жители: примерно 39,4 % – выходцы из села, примерно 6,1 % – из деревень, 3 человека не ответили на данный вопрос анкеты.

Этнический состав студентов отражен на рис. 1: большинство студентов – тувинцы, боле 1/5 – алтайцы, около 15 % – шорцы и телеуты, менее 10 % – хакасы.

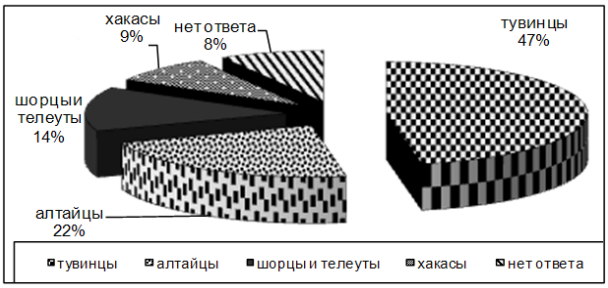


Рис. 1. Национальный состав студентов – представителей коренных народов Сибири в КемГКИ

В городе Кемерово студенты из числа коренных народов проживают в университетском общежитии. Большинство студентов обучаются в корпусе КемГУКИ, в непосредственной близости от места своего проживания (около 85,3 %), другие вынуждены добираться до места учебы на транспорте (примерно 17,6 %). На вопрос о том, помогает или мешает процессу адаптации к среде крупного русского города удаленность проживания от места учебы, однозначных ответов не было (рис. 2).

Около половины студентов (42,8 %) считают, что удаленность от места проживания помогает в адаптации, так как приходится общаться с большим количеством людей другой культуры, носителями другого языка, принадлежащим к различным социальным слоям. Из них более 1/3 студентов считают, что «очень помогает», 1/8 части – «помогает отчасти» их «включению» в ритмичную жизнь большого города. Для 1/5 части студентов «не помогло», так как они были морально готовы к этому. Для 4,2 % – не только не помогло, но наоборот «помешало»: им приходилось привыкать к новым людям, пользоваться транспортом.

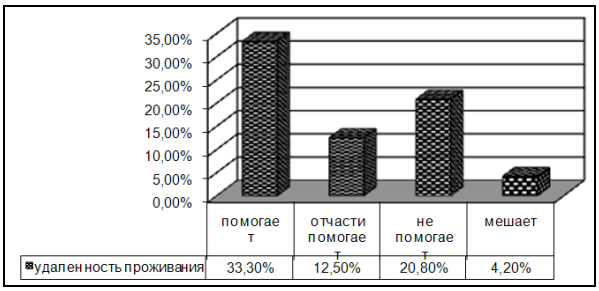


Рис. 2. Распределение ответов студентов – представителей коренных народов на вопрос: «Помогает или мешает адаптации к социокультурной среде города удаленность проживания от места учебы?»

Наиболее значимыми в анкете являются вопросы, связанные с проблемами межэтнического общения. Так, на вопрос «Как часто Вы встречаете непонимание со стороны представителей других национальностей?» (рис. 3) большинство студентов ответили, что сталкиваются с недопониманием со стороны представителей других этносов; более 1/3 студентов – иногда, 1/3 студентов – редко, и только около 1/7 части студентов никогда не сталкивались.

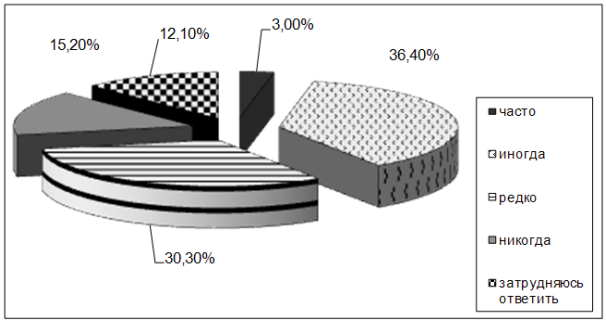


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы встречаете непонимание со стороны представителей других национальностей?»

Более 1/3 студентов из коренных народов сталкиваются с недопониманием, прежде всего, со стороны студентов других национальностей, около 1/7 части – со стороны преподавательского состава и около 1/7 части – не встречают недопонимания (рис. 4).

Недопонимание объясняют факторами, перечень которых представлен в гистограмме на рис. 5: почти половина студентов (42,4 %) объясняют его незнанием менталитета коренных народов, особенностей национального языка и традиций; более 1/3 студентов – отсутствием общих интересов; четвертая часть студентов или не ответили на вопрос, или затруднились с ответом; десятая часть студентов недопонимание со стороны других этносов объяснили «расхождением характеров», «русские, живя в Сибири, забывают, что они живут на землях коренных народов и называют нас «приезжими». Но это не так!», незнанием русского языка представителями коренных народов: «Я привыкла говорить на русском языке».

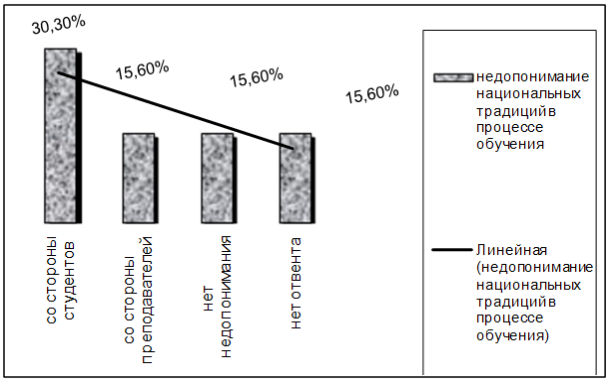


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Сталкиваетесь ли Вы с примерами недопонимания национальных традиций в процессе обучения, общения?»

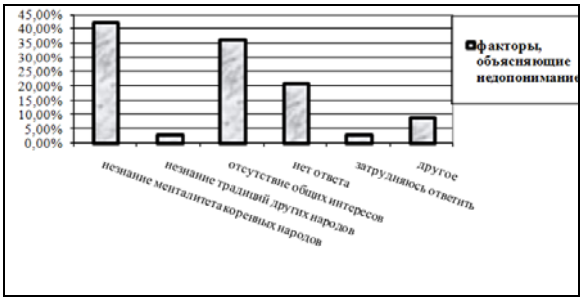


Рис. 5. Распределение мнения студентов – представителей коренных народов о факторах недопонимания между различными этническими группами

Частота ответов и распределение вариантов по курсам прослеживается по диаграммам на рис. 6 и 7 соответственно.

По диаграмме на рис. 6 прослеживается, что, во-первых, студенты из коренных народов сталкиваются с недопониманием и со стороны студентов других этнических групп, и со стороны преподавателей. Во-вторых, в большей степени с недопониманием сталкиваются студенты 2 курса, в меньшей – студенты 1, 3, 4 и 5 курсов. В-третьих, значительная часть студентов 2 и 1 курсов и минимальная часть студентов 3, 4, 5 курсов не сталкиваются с недопониманием.

Рассмотрим три первых варианта ответов: «незнание менталитета…коренных народов», «незнание традиций других народов коренными народами», «отсутствие общих интересов». На всех курсах (рис. 7) в большинстве случаев недопонимание объясняется незнанием менталитета, языка и традиций коренных народов. Значительная доля приходится на ответ «отсутствие общих интересов». Вариант ответа «незнание традиций других народов коренными народами» на 1 курсе находится на нулевом уровне, повышается на 2 курсе до 3,0 %, и только к 3 курсу, возможно, к представителям коренных народов приходит «осознание» данного фактора во взаимоотношениях между различными этническими группами.

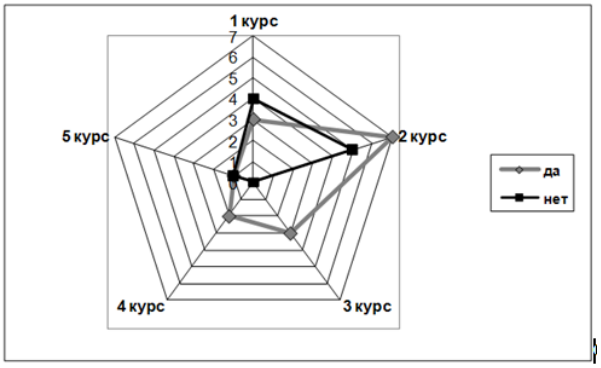


Рис. 6. Распределение частоты ответов по курсам на вопрос: «Сталкиваетесь ли Вы с примерами недопонимания национальных традиций в процессе обучения, общения?»

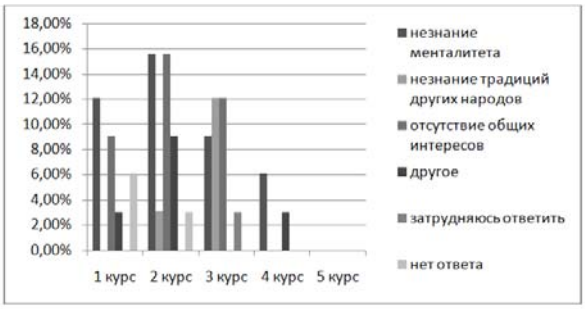


Рис. 7. Распределение по курсам мнения студентов – представителей коренных народов о факторах недопонимания между различными этническими группами

То есть прослеживаются определенные трудности в межкультурном взаимодействии студентов – представителей коренных народов и других этносов.

В какой-то степени это связано с языком, прежде всего – с уровнем знания русского языка. Знание русского языка – это существенный фактор, особенно для коренных народов, т. к. они являются выходцами из национальных районов, население которых в недостаточной степени владеет русским языком, особенно сельские жители. Эти студенты не могут оценить уровень знания русского языка, но они понимают, что его необходимо учить. По диаграмме на рис. 8 показано изменение приоритетов в изучении национального и русского языков.

Так, в школе стремление изучать русский язык присутствовало лишь у половины опрошенных более 1/3 стремились изучать наряду с русским и национальный язык, 1/5 часть – только национальный. Но с поступлением в вуз приоритеты изменились. Практически все студенты считают необходимым изучать русский язык. Такое стремление студенты обосновывают возможностью получить хорошее образование и найти престижную работу (около 63,6 %) и тем, что «оба языка – родные» (около 51,5 %).

При этом не следует забывать, что знание русского языка является и средством межкультурного общения и возможной успешной адаптации студентов из числа коренных народов в иноязычной среде.

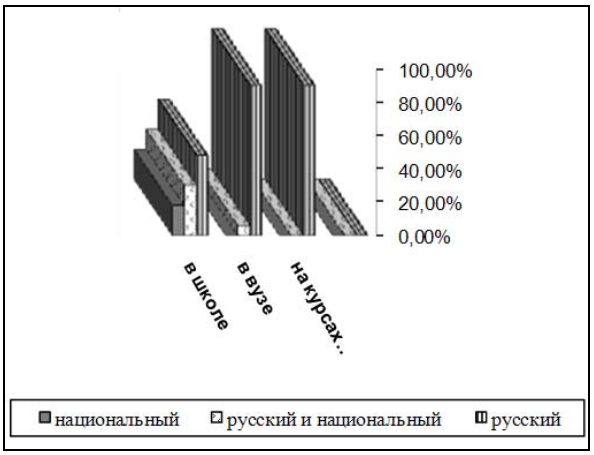


Рис. 8. Изменение приоритетов в изучении языков у студентов КемГУКИ из числа коренных народов Сибири

Рассматривая возможность адаптации этой категории студентов, остановимся еще на одном сюжете – в каких группах по национальному составу они предпочитают обучаться (рис. 9). По диаграмме прослеживается, что более 1/3, или 36,4 %, студентов не акцентируют внимание на этническом составе группы: им «все равно в какой» группе обучаться, «главное, чтобы были хорошие отношения…». Около 30,7 % предпочитали бы учиться в моноэтничной группе, из них 15,6 % – в так называемой «тюркской», 12,1 % – в группе с русским составом, около 15,6 % – в полиэтничной, или смешанной группе, и 18,2 % – не определились в какой.

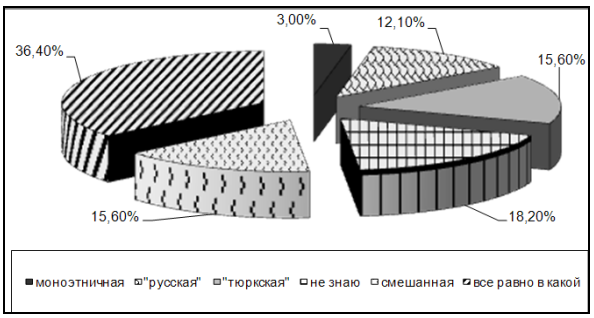


Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: «В какой (по национальному составу) группе Вы предпочли бы учиться?»

Предпочтение отдается обучению в полиэтничной, или смешанной, группе студентами на всех курсах, в моноэтничной группе – студентами 1 и 3 курсов (в русской по составу), 2 курса – в «тувинской» (рис. 10). С точки зрения последних так проще найти взаимопонимание, поддерживать свои национальные традиции. Часть студентов 1, 3 и 4 курсов не определились в своем выборе.

Обоснование ответов у тех, кто предпочитает обучаться в полиэтничной группе или в «русской» по составу следующее: проще найти взаимопонимание, общий язык помогает в обучении, около 87,9 % выбрали вариант ответа: «Мне интересны другие национальности, традиции».

Таким образом, рассматривая проблему адаптации студентов из числа коренных народов Сибири и их готовность к конструктивному взаимодействию с

людьми другой этнической и культурной принадлежности, можно проследить несколько тенденций.

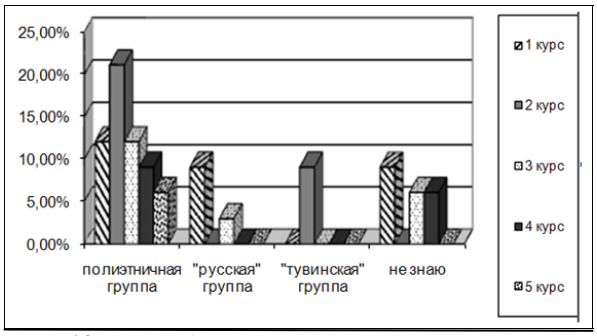


Рис. 10. Распределение ответов по курсам на вопрос: «В какой (по национальному составу) группе Вы предпочли бы учиться?»

В целом в КемГУКИ сложились условия к межкультурному диалогу. В то же время есть ряд обстоятельств, которые оказывают негативное влияние на его развитие.

Студенты из числа коренных народов, оказавшись в инокультурной среде, сталкиваются с проблемами непонимания со стороны студентов других этнических групп, что в основном связано с незнанием менталитета коренных народов, национального языка и их традиций. В то же время более 1/3 опрошенных одним из основных факторов непонимания назвали «отсутствие общих интересов», что свойственно большинству людей.

На наш взгляд, следует обратить внимание на то, что такой немаловажный фактор, вызывающий недопонимание, как «незнание коренными народами традиций других этносов», в данной выборке начал проявляться только у студентов 2 курса. Видимо, до поступления в вуз и на 1 курсе студенты еще не задумываются, что он оказывает влияние на процесс межэтнического и межкультурного взаимодействия.

Следует отметить и то, что студентам из коренных народов свойственно стремление к межкультурному взаимодействию. Об этом, с нашей точки зрения, свидетельствует желание учиться в полиэничных группах или в группах преимущественно с русским составом студентов. Это подтверждает и интерес к традициям и культуре других народов, понимание необходимости изучения русского языка.

В заключение хочется отметить, что для решения задачи успешной адаптации студентов из числа коренных народов в полиэтничном коллективе возрастает роль этнологического образования, уроков толерантности, в ходе которых даются знания о культуре различных народов, культуре межнациональных отношений, этнокультурных стереотипах. Как видно из анализа результатов социологического опроса, это особенно важно на первых курсах.

Литература

1. Ярошинская, А. Мигранты раскололи Швейцарию / А. Ярошинская // Заграница. – № 40 (402). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zagran.kiev.ua/article.php.

2. Нухажиев, Н. События на Манежной показывают, как раздражено и озлоблено наше общество / Н. Нухажиев // Росбалт-Кавказ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/ 2010/12/15/801069.html.

3. Антонов, М. Что написал Сарацин? / М. Антонов // Вести недели. – 13.09.2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vesti7.ru/news?id =20543.

4. Многонациональный Кузбасс: история, практика. – Кемерово: ТриЗ, 2003.

5. Эхо Москвы: заявление Общественной палаты по поводу событий в Кандопоге. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://viperson.ru/wind. php?ID=467395.

6. Фалалеев, М. Скорбь и провокация [Электронный ресурс]/ М. Фалалеев // Российская газета. Федеральный выпуск. – 13.12.2010 г. – № 5360 (281). – Режим доступа: http://www.rg.ru/ 2010/ 12/11/fanaty-site.html.

7. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса / Л. Л. Рыбаковский. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.rin.ru/doc/i/16293p1.html.

8. Управление организацией: Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – М.: ИНФРА-М, 2001. – Режим доступа: http://yas.yuna.ru/.

9. Белозёрова, М. В. Толерантность в России: за и против / М. В. Белозерова // Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность. – Кемерово, 2009.

10. Анкета «Проблемы адаптации и межкультурного взаимодействия студентов из числа коренных народов Сибири в Кемеровском государственном университете культуры и искусств // НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций КемГУКИ, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, Кемеровский государственный университет. – Кемерово: изд-во КемГУКИ, 2010 // Текущий архив НИИ толерантности и межкультурных ком-муникаций Кемеровского государственного уни-верситета культуры и искусств. – 13 с.

11. Белозёрова, М. В. Толерантность и проблемы межкультурного взаимодействия в студенческой среде (по результатам социологического опроса студентов КемГУКИ из числа коренных народов) / М. В. Белозёрова, М. С. Щеглова // Вестник КемГУКИ. Журнал теоретических и прикладных исследований. – 2010. – № 13.

УДК 947.8

ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СССР (1940-е- 1960-е гг.) В ТРУДАХ ЭМИГРАНТСКИХ И СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

А. В. Горбатов

STATE AND RELIGION SOCIETIES IN USSR (1940-1960) IN EMIGRANT AND SOVIET SCOLARY WORKS

A. V. Gorbatov

Статья посвящена историографии проблемы взаимоотношения государства и религиозных организаций в России (1940-е – 1960-е гг.) в трудах эмигрантских и советских исследователей. Рассмотрены следующие вопросы: труды эмигрантских историков (ИМКА-Пресс), политика советского государства в сфере государственно-конфессиональных отношений в советской историографии.

The article is devoted to historiography problems of state-religion societies relations in Russia (1940 – 1960) in emigrant and soviet scolarly works. The following questions are considered: scolarly works of emigrants (YMCA-Press), policy of Soviet government in the sphere of state-religion relations in soviet historiography.

Ключевые слова: историография, государственно-конфессиональные отношения в СССР.

Keywords: historiography, state-religion relations in Russia.

В последние десятилетия вопросы взаимоотношений государства и религиозных организаций в России занимают все большее место в работах ведущих отечественных историков, религиоведов, политологов, религиозных исследователей [30].

Первыми русскими исследователями, обратившимися к церковной политике Советского государства в послевоенный период, стали представители русской эмиграции. Особую роль здесь сыграла деятельность Вестника РСХД (Русского студенческого христианского движения за рубежом), на страницах которого выступали известные представители русской религиозно-философской мысли, историки, священнослужители: А. В. Карташев, Н. А. Струве, протоиерей Д. Константинов, епископ Сильвестр, Аркадьев и др.

Еще до событий 1917 г. среди русского студенчества (в Петербурге, Москве и Киеве) по аналогии с движением на Западе возникли кружки для изучения Евангелия. В эмиграции, согласно данным протоиерея Василия Зеньковского, движение первоначально имело два различных начала. Сначала в Белграде в середине 1921 г. возник кружок, который с самого начала имел ярко выраженный православный характер. Почти одновременно по инициативе Всемирной студенческой Христианской Федерации и YMCA ("Христианская ассоциация молодых людей" (Young Men's Christian Association)) организуются кружки в Эстонии, Латвии, Берлине, Праге и Софии, которые в работе своей придерживались «интерконфессионального» метода. На первом общем съезде всех русских студенческих кружков в Западной Европе, который состоялся в Пшерове (Чехия) в сентябре 1923 г., без всяких осложнений восторжествовала позиция Белградского кружка [9, с. 4 – 5], председателем Движения был избран В. В. Зеньковский.

Присутствие на съездах РСХД ряда профессоров, представителей русской религиозно-философской мысли (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, А. В. Карташев, Н. И. Новгородцев, С. А. Франк, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, Г. П. Федотов) связало Движение с богатой русской научно-философской традицией. Основными задачами Движения являлись развитие миссионерства, объединение молодежи, уже живущей верой, и содействие развитию церковного сознания [9, с. 5, 11]. Однако с началом первых атак государства на Церковь в послевоенный период изменяется вектор направления деятельности издания. Вестник начал издаваться с января 1949 г. в Мюнхене. С 31 номера 1954 г. месячник начал регулярно осведомлять читателей о положении Православной Церкви в СССР, в том числе перепечатывая публикации журнала Московской патриархии, Комсомольской правды и других советских изданий. В Вестнике появляется специальный раздел «Церковь в Советской России».

Историк Н. А. Струве на страницах вестника в 1962 г. так писал о современных задачах издания: «Наш долг – как можно громче говорить о новой полосе гонений на церковь и религию в Советской России» [28, с. 29].

Объединяющей, сквозной характеристикой всех публикаций авторов издания являлась их незыблемая церковность. На страницах месячника немало проповедей и церковно-катехизических бесед. Присутствуют нападки и на Московскую патриархию. Вместе с тем именно в этом издании появляются первые попытки обобщить результаты, касающиеся государственной церковной политики. Так, Н. А. Струве, одним из первых, уже в 1961 г. попытался вычленить основные направления «хрущевской атаки» 1958 – 1960 гг. на РПЦ: давление на духовенство; закрытие церквей, монастырей и духовных школ; меры, принятые против мирян [26, с. 28 – 33].

В этом же году историк рассматривает состояние антирелигиозной пропаганды в СССР. Автор, выделяя основные методы антирелигиозной пропаганды, приходит, на наш взгляд, к совершенно справедливому выводу, что, «несмотря на все усилия агитаторов, она остается малоэффективной, в чем, впрочем, они сами часто признаются» [27, с. 38].

В первом номере 1962 г. Н. Струве анализирует и подвергает критике решения Архиерейского Собора 1961 года о разграничении обязанностей настоятелей и исполнительных органов мирян. Историк указывал на очевидно «советский стиль» прове-

дения мероприятия. Несмотря на то, что программа состояла из четырех существенных пунктов, собор продлился всего один день. «По каждому вопросу было несколько выступлений, которые все склонялись в одну сторону, сторону утверждения постановления Священного Синода. Ни одного возражения, ни одного уточнения или дополнения к предложенным резолюциям не раздалось в патриарших покоях…» [28, с. 24 – 27].

Протоиерей Д. Константинов в 1965 г. подводит итоги гонений на Церковь, при этом выделяет причины, побудившие государство начать наступление на Церковь в послевоенный период. Важнейшие из них:

– резкое увеличение количества храмов и молитвенных домов;

– рост авторитета и влияние Церкви в народе. Начавшийся диалог между религией и безбожием в итоге, считает автор, продемонстрировал духовное и идейное преимущество Церкви;

– работа вновь открытых духовных академий показала тягу части советской молодежи к религии, т. е. отход от официальной социалистической идеологии.

Вслед за Н. Струве, Д. Константинов предложил свой список «линий преследования» государством Церкви и религии, выделив уже десять направлений:

1) закрытие церквей, молитвенных домов и монастырей;

2) сокращение до минимума подготовки священников;

3) запрет миссионерства;

4) запрет на совершение богослужений и проведение молитвы вне храма и заупокойных служб на кладбищах;

5) совершение церковных треб при обязательной регистрации;

6) запрет на благотворительную деятельность;

7) гонения на родителей, воспитывающих детей в религиозном духе;

8) репрессии епископов, священников и верующих;

9) усиление «до предела» антирелигиозной пропаганды [14, с. 16 – 18].

Положения, изложенные Д. Константиновым на страницах Вестника, были развиты в последующих монографиях [15].

Как видно, авторы издания оперативно и активно реагировали на происходящие в России события, связанные с религиозной жизнью. Так, редакция месячника в 1966 г. публикует первый систематизированный опыт алгоритма закрытия церквей свидетеля этих событий – религиозного правозащитника Бориса Талантова [2, с. 29 – 64].

Таким образом, мы видим, что основные тенденции будущего направления в современной историографии – «государственно-конфессиональ-ные отношения» – были заложены отечественными исследователями-эмигрантами еще в 1960-х годах.

Что касается советских историков, то практически во всех исследованиях советского времени религиозные организации рассматривались в качестве реакционной силы, препятствующей прогрессивной политике государства по построению социалистического общества. Такая постановка вопроса вела, с одной стороны, к предельной идеологизации проблемы, с другой – сосредоточивала внимание исследователей на деятельности религиозных институтов и их реакции на политику советского правительства в отношении тех или иных конфессий. Эта деятельность неизменно оценивалась как исключительно отрицательная. Практически замалчивалась их активная патриотическая деятельность во время войны, вклад в миротворческое движение и обеспечение сохранности культурно-исторического наследия. Менее всего говорилось об ошибках и просчетах в политике государства по отношению к религиозным организациям. Наиболее востребованной темой соответственно являлась контрреволюционная деятельность церкви и «сектантов» в периоды Октябрьской революции и Гражданской войны, индустриализации и коллективизации.

Другое популярное направление среди ученых-религиоведов (историков и философов) – атеистическая работа партии и комсомола среди верующих и населения. Неизменными постулатами советского религиоведения оставались утверждения об имманентно присущей религии реакционности и об изживании религиозных взглядов и суеверий в ходе социалистического строительства. В то же время всегда подчеркивалось, что никаких религиозных гонений в СССР не было и нет, а существующее государственное устройство предполагает «исключительно благоприятные условия для окончательного преодоления религиозных взглядов и суеверий» [см., например, 25, 23, 22].

И без того непростые отношения между властью и религиозными организациями осложнялись валом откровенно антирелигиозных публикаций, в том числе и научных. Только за 1960 – 66 гг. было защищено более 60 диссертаций по научному атеизму [16]. Общий уровень этих работ определялся как односторонностью освещения проблемы, так и тенденциозным подбором источников (в основном официальные советские документы и публикации в печати).

Причины такого подхода кроются в идеологических установках правящей партии на построение «бесклассового и безрелигиозного общества», в догматизме и идеологической зашоренности КПСС. Вплоть до «перестройки» непререкаемыми в среде идеологического аппарата оставались известные формулировки «основоположников» о религии как «опиуме и духовной сивухе» для народа.

В то же время к концу 1970-х годов намечается отход от «антирелигиозных догм» до рассмотрения религиозной деятельности с использованием научных методов, основанных на конкретном историческом анализе. Пересматриваются многие положения, касающиеся деятельности современных конфессий, т. н. «сектантства». Отметим труды таких авторов, как В. И. Гараджа, А. И. Клибанов, Л. Н. Митрохин, А. Т. Москаленко, А. И. Демьянов и др. [10, 11, 4, 19, 21, 8]. При сохранении общего

критического настроя по отношению к религиозным организациям, характерного для советского религиоведения, ряд их положений и выводов все еще представляет определенный научный интерес.

В связи с подготовкой и принятием новой Конституции в СССР в религиоведении произошла определенная активизация в разработке проблемы свободы совести и положения религиозных организаций [1, 3, 17]. В освещении вопросов истории отношений государства и религиозных организаций литература данного периода руководствовалась, прежде всего, соображениями идеологического характера и не внесла ничего нового по сравнению с предшествующим временем. Лишь работы Г. Р. Гольст, Ю. А. Розенбаума, В. В. Клочкова, разумеется, с узкоклассовых позиций, подвергают анализу юридический статус религиозных организаций в СССР, рассматривают эволюцию правовых основ отношений государства и Церкви, механизм государственного контроля за соблюдением законодательства о свободе совести и другие правовые вопросы [5, 12. 13, 24].

Общественным наукам в целом и «научному атеизму» в том числе присущи были методологические недостатки. Ведущим принципом было обоснование «преимуществ» социалис-тического понимания принципа свободы совести перед буржуазным, преобладала апологетически-комментаторская направленность, догматизм подходов и трафаретность выводов.

Отдельно государственно-конфессиональные отношения периода середины 1940-х – 1980-х гг. советскими исследователями не рассматривались. Главное внимание религиоведами вплоть до конца 1980-х гг. уделялось вопросам атеистического воспитания и деятельности «реакционного сектантства». Деятельность религиозных организаций, прежде всего Русской Православной Церкви, рассматривалась в аспекте их приспосабливаемости к новым социальным условиям.

Интересующий нас послевоенный период в публикациях характеризуется схематично и довольно односторонне. В 1941 – 1945 гг. религиозные организации (РПЦ) принимают ряд мер по укреплению своих позиций, используя вызванное войной оживление религиозных чувств у части советских людей и имевшее тогда место некоторое отступление от ленинских принципов в отношении к религии. Государство, позитивно оценив патриотическую позицию церкви, предоставляет ей ряд юридических и экономических прав. В послевоенное время большинство религиозных организаций, за исключением «реакционных сектантов», встают на лояльные позиции по отношению к государству и социалистическому строю. Со второй половины 1950-х гг. (прежде всего это касается РПЦ) начинается этап модернизации (процесс «приспосабливаемости») церкви [см., например, 6, 7, 18, 20, 29]. Факты волюнтаристской политики в отношении к религии, церкви и верующим конца 1950-х – середины 1960-х годов, конечно, не упоминались.

Анализ исследований 1960-х – 1980-х гг. по данной проблеме приводит к выводу о фрагментарности и бессистемности в освещении интересующего нас периода. Более того, непосредственно религиозная политика советского государства практически не являлась предметом исследования. Причины этого заключаются в следующем.

Во-первых, главенствующая идеологическая установка на то, что «в СССР верующие не преследуются», вынуждала авторов исследовани стараться избегать конкретных вопросов, касающихся вероисповедной политики.

Во-вторых, послевоенный период в истории отношений государства и религии не так богат событиями, какими были 1920 – 30-е гг. XX века. Уже не было того жесткого противостояния между двумя противоборствующими лагерями, которое бы наглядно иллюстрировало реакционность ведущих конфессий (РПЦ, буддизм, ислам, баптизм). Исследователи исходили из действующей в то время научной практики – представлять религиозные организации обязательно в критическом аспекте. При таком подходе подбор фактического материала часто происходил тенденциозно. Необходимо было подтвердить «реакционный характер» деятельности конфессий, потому наибольшее количество публикаций посвящено т. н. «сектантству», наиболее активному в отстаивании своих прав в исследуемый период.

В-третьих, серьезным препятствием для плодотворного развития исследований по истории государственно-конфессиональных отношений в СССР была ограниченность источниковедческой базы, так как основной массив документов находился в спецхранах и спецфондах (под грифами «секретно» или «совершенно секретно»), и был недоступен для большинства историков.

В-четвертых, определенная «аберрация близости», мешающая адекватно осмысливать относительно недавно происшедшие события, процессы и явления.

Литература

1. Барменков, А. И. Свобода совести в СССР / А. И. Барменков. – М., 1979.

2. Бедственное положение Православной Церкви в Кировской области и роль Московской патриархии (из открытого письма Бориса Талантова от 10.11.1966 г.) // Вестник РСХД. – Париж; Нью-Йорк. – № 83, I. – 1967.

3. Варичев, Е. С. Православная церковь. История и социальная сущность / Е. С. Варичев. – М., 1982.

4. Гараджа, В. И. Протестантизм / В. И. Гараджа. – М., 1971.

5. Гольст, Г. Р. Религия и закон / Г. Р. Гольст. – М., 1975.

6. Гордиенко, Н. С. Современное православие / Н. С. Гордиенко. – М., 1968.

7. Гордиенко, Н. С. Эволюция русского православия (20-е – 80-е годы XX столетия) / Н. С. Гордиенко. – М., 1984.

8. Демьянов, А. И. Истинно православное христианство / А. И. Демьянов. – Воронеж, 1977.

9. Зеньковский, В. Русское студенческое христианское движение / В. Зеньковский // Вестник РСХД в Германии. – Мюнхен. – 1949.

10. Клибанов, А. И. Религиозное сектантство и современность / А. И. Клибанов. – М., 1969.

11. Клибанов, А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем / А. И. Клибанов. – М., 1973.

12. Клочков, В. В. Религия, государство, право / В. В. Клочков. – М.: Мысль, 1978.

13. Клочков, В. В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР / В. В. Клочков. – М., 1982.

14. Константинов, Д. Итоги гонений на Православную Церковь в СССР / Д. Константинов // Вестник РСХД. – Париж; Нью-Йорк. – № 77, I.I. – 1965.

15. Константинов, Д. Гонимая Церковь: Русская Православная Церковь в СССР. – Нью-Йорк, 1967; Зарницы духовного возрождения: Русская Православная Церковь в СССР в конце 60-х и начале 70-х гг. – Лондон, 1973.

16. Костенко, Н. А. Реакционная сущность идеологии и деятельности протестантских сект в Сибири: автореф. дис. …канд. филос. наук / Н. А. Костенко. – Томск, 1967.

17. Куроедов, В. А. Религия и церковь в Советском государстве / В. А. Куроедов. – М., 1981.

18. Курочкин, П. К. Эволюция современного русского православия / П. К. Курочкин. – М., 1971.

19. Митрохин, Л. Н. Баптизм / Л. Н. Митрохин. – М., 1974.

20. Молоков, В. А. Современное православие / В. А. Молоков, Р. П. Платонов. – Минск, 1966.

21. Москаленко, А. Т. Идеология и деятельность христианских сект / А. Т. Москаленко. – Новосибирск, 1978.

22. Покровский, В. В. О свободе совести / В. В. Покровский, А. И. Гагарин. – М., 1962.

23. Покровский, В. В. Православие и современность / В. В. Покровский. – Свердловск, 1967.

24. Розенбаум, Ю. А. Советское государство и церковь / Ю. А. Розенбаум. – М., 1985.

25. Рудинский, Ф. М. Свобода совести в СССР / Ф. М. Рудинский. – М., 1961.

26. Струве, Н. А. Гонения на церковь в советской России / Н. А. Струве // Вестник РСХД. – Париж; Нью-Йорк. – № 62-63, I. – 1961.

27. Струве, Н. А. Современное положение антирелигиозной пропаганды в СССР / Н. А. Струве // Вестник РСХД. – Париж; Нью-Йорк. – № 62-63, III-IV. – 1961.

28. Струве, Н. А. Церковь в Советской России / Н. А. Струве // Вестник РСХД. – Париж; Нью-Йорк. – № 64, I. – 1962.

29. Эзрин, Г. И. Государство и религия / Г. И. Эзрин. – М., 1974.

30. Ярким примером могут служить публикации: Одинцов, М. И. Церковь предпринимает маневры, чтобы обвенчаться с современностью, врасти в коммунизм // Исторический архив. – 2009. – № 4. – С. 60 – 82; Маслова, И. И. Свобода совести: быть или не быть? / И. И. Маслова // Религиоведение. – 2008. – № 2. – С. 180 – 183; Маслова, И. И. Россия между Востоком и Западом: на пути к оптимальной модели государственно-конфессиональных отношений / И. И. Маслова // Современное право. – 2010. – С. 159 – 160.

УДК 791.43.091(571.17)

КИНОСЕТЬ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С. В. Зяблицева

MOVIE THEATER CHAIN OF WEST SIBERIA ON THE EVE OF AND IN THE YEARS OF GREAT PATRIOTIC WAR

S. V. Ziablitseva

В статье рассмотрен процесс становления и развития киносети Западной Сибири в конце 1920-х – первой половине 1940-х гг. Автор анализирует состояние и проблемы региональной системы кинофикации и кинопроката, ее материально-технической базы и кадрового состава. В статье нашли отражение вопросы, касающиеся основных форм кинообслуживания населения в довоенные и военные годы и специфика формирования кинорепертуара в условиях Великой Отечественной войны.

In the article is examined the making and development of the movie theater chain of West Siberia in the end 1920-x - first half 1940-x yr. The author predominantly analyzes state and problems of the regional system of cinematization and film release, its material and technical base and regular service personnel. In the article the questions, which are concerned the basic forms of the cinema entertainment of population in the prewar and war years and the specific character of the formation of film repertoire under the conditions of Great Patriotic War, was reflected.

Ключевые слова: кино, кинофикация, киносеть, Великая Отечественная война, Западная Сибирь.

Keywords: cinema, cinematization, movie theater chain, Great Patriotic War, West Siberia.

Проблематика, относящаяся к феномену сибирского кино, традиционно находится на периферии научных интересов исторического сообщества. Ограниченный массив публикаций на эту тему в основном представлен трудами историко-очеркового характера, в своей абсолютной части посвященных кинопроизводству и кинопоказу при практически полном забвении третьей составляющей кинематографа – системы кинофикации и кинопроката, являющейся его базовым элементом. Предлагаемая

статья является попыткой в какой-то мере восстановить справедливость, осветить заявленную тему в пределах двух судьбоносных для страны и региона исторических периодов.

Изначально отметим, что развитие сибирской кинофикации проходило в более трудных условиях, чем в центральной части страны, что было обусловлено как значительным рассредоточением населения по огромной территории региона и малыми размерами селений, так и слабостью материальной базы кинопросветучреждений и кинопроката. Однако, как это следует из представленной ниже таблицы, по темпам кинофикации Западная Сибирь в этот период опережала районы европейской части РСФСР, а по количеству киноустановок уступала только Центральному району [1].

Число киноустановок по районам РСФСР (на конец года)

Районы	1927 г.	1940 г.	1940 г. по отношению к 1927 г., %
Западно-Сибирский	384	1593	414,8
Северо-Западный	371	1416	381,6
Центральный	967	3312	342,5
Волго-Вятский	302	1188	393,3
Центрально-Черноземный	368	1331	361,6

Значительно расширилась в эти годы деревенская киносеть, которую до того, как отмечалось в отчете Западно-Сибирского отделения Союзкино за 1931 г., отличали «слабость материальной базы, отсутствие запасных частей и киномехаников, низкий культурный уровень киноработников, не обеспечивающих выполнение политико-хозяйственных задач» [2]. Наибольшие сдвиги в кинофикации сибирской деревни наблюдались в последние предвоенные годы. В Новосибирской области количество сельских стационарных и передвижных киноустановок в 1937 – 1940 гг. увеличилось с 206 до 381, в Алтайском крае с 1938 по 1940 гг. – с 328 до 384 [3]. Если в 1937 г. число посещений кино сельскими жителями в расчете на одного человека составляло 2,9 раза, то в 1940 г. – 5,2 раза [4]. Во многом этому способствовали новые правила проката фильмов, в соответствии с которыми были введены кольцевые маршруты кинообслуживания и одновременный переход с месячных на тринадцатидневные маршруты, в результате чего селяне получили возможность смотреть фильмы 2 – 3 раза в месяц вместо одного. Тогда же в практику вошла договорная система работы киномехаников, определявшая количество дней и сеансов в неделю [5]. Большей частью сёла региона обслуживались кинопередвижками, поскольку стационарная киносеть в западносибирской деревне только становилась на ноги. В 1940 г. из 1672 киноустановок, функционировавших в сибирских сёлах, 1475 (88,2 %) составляли передвижки, обслуживавшие колхозы, совхозы и МТС [4]. Особое место в эти годы отводилось кинообслуживанию шахтеров Кузбасса, о чем свидетельствует, в частности, принятое в мае 1932 г. Постановление Бюро Запсибкрайкома ВКП(б) «О культурном обслуживании рабочих угольных районов», обязавшее Совкино «улучшить обслуживание высокоидейными картинами тружеников горняцкого края» [6]. В процессе его выполнения для горняков была снижена цена билетов на кинопросмотры, обновлён репертуар фильмов, смонтированы стационарные киноустановки в клубных учреждениях: во Дворце Шахтёров Анжеро-Судженска, клубах шахты «Центральная» – в Кемерово, им. К. Маркса и «Емельяновская» – в Ленинске-Кузнецком, им. Артёма – в Прокопьевске и др. Если на 1 ноября 1938 г. шахтёров Кузбасса обслуживала 21 киноустановка, то в мае 1939 г. – 42 [7]. По последнему слову техники были оборудованы 5 новых кинотеатров общей вместимостью 4250 зрителей, в том числе – «Москва» в Кемерове, им. Н. Островского – в Прокопьевске, «Коммунар» – в Сталинске [8].

Значительное расширение сети стационарных установок и кинопередвижек обострило проблему кадров киноработников. К концу первой пятилетки в Сибири недоставало 450 киномехаников и 150 киноадминистраторов [7, с. 93]. В целях ликвидации кадрового дефицита, в Томске в сентябре 1930 г. был открыт кинотехникум с двумя отделениями – кинотехническим и кинопрокатным. Однако, в силу слабости материальной базы, отсутствия надлежащего помещения и квалифицированных педагогических кадров, он просуществовал всего два года. Подготовка и переподготовка большинства работников Западной Сибири в довоенные годы велась преимущественно через систему ученичества и краткосрочных курсов. Только в 1935 – 1936 гг. подобные курсы окончили 325 человек, в том числе 150 киномехаников звуковых киноустановок. Специалисты на руководящую «киноработу» в основном рекрутировались из представителей местной творческой интеллигенции [9]. В связи с расширением киносети, во второй половине 1930-х гг. была изменена организационная структура управления ею. В 1936 г. на базе региональных агентств Совкино были образованы краевые тресты кинофикации, накануне войны реорганизованные в управления кинофикации с типовой структурой отделов. К примеру, в Омской области в 1940 г. было создано 19 межрайонных и 3 окружных отдела, объединявшие от 2-х до 4-х районов [5, с. 34].

С довоенных лет берет начало и укоренившаяся впоследствии практика отношения к пропаганде киноискусства как одной из форм клубной работы. Это наглядно проявилось в деятельности членов Общества друзей советского кино, в начале 1930-х гг. насчитывавшего более 8,5 тыс. чел. С их помощью и при их участии проводились кинодиспуты, подготавливались рефераты, читавшиеся перед сеансами, члены Общества нередко были участниками агитационно-художественных бригад. Большое внимание они уделяли научно-просветительской пропаганде. Из тех же времен в военные и первые послевоенные годы перешла утерянная впоследствии традиция до-

полнять кинопросмотры другими формами досуга. В этой связи на эстрадных площадках кинотеатров нередко проходили выступления приглашенных артистов, а в наиболее крупных стационарах – концерты собственных джаз-оркестров. В 1940 г., к примеру, в Омской области работали 6 подобных коллективов [5, с. 35].

В планах на третью пятилетку было заложено решение двух глобальных задач: развития киносети в масштабах, позволявших удовлетворить запросы всего населения Западной Сибири, а также повсеместного перехода на звуковой формат кинопоказа. Но с началом войны приоритеты изменились – необходимо было максимально использовать возможности кино как важного средства агитации и пропаганды. Причем сделать это предстояло в условиях ухудшившейся материально-технической базы и сократившегося кадрового состава. Уже в первые месяцы войны ушли на фронт 12 руководителей Алтайской кинодирекции, 9 начальников межрайонных отделов кинофикации и 13 работников областной конторы «Главкинопроката» в Омской области. В целях экономии средств, был значительно – до 30 % – сокращен аппарат управлений кинофикации и контор кинопроката. Одновременно было проведено укрупнение окружных и межрайонных отделов кинофикации – в Омской области, к примеру, их стало в два раза меньше (11 вместо 22) [10; 5, с. 37]. Значительные сокращения произошли и в технической группе. Так, из 373 киномехаников, работавших на стационарных и передвижных установках Омской области, на фронт ушли 120 человек [11].

Заметно сократилась материальная база региональной киносети. Только на территории Новосибирской области в ее довоенных границах различным ведомствам были переданы помещения 15 крупных стационаров, в том числе кинотеатр «Октябрь» в Новосибирске, Яшкинский и Мошковский кинотеатры, большие клубы с киноустановками в Сталинске, Анжеро-Судженске и Прокопьевске [12]. В Омске количество кинотеатров в первый период войны сократилось с 8 до 3 [13]. В Барнауле под военные нужды был передан кинотеатр «Совкино». И хотя в ноябре 1941 г. здесь был открыт новый двухзальный кинотеатр «Родина», что в условиях войны было редчайшим событием, решающим образом повлиять на ситуацию в крае этот факт не мог. По официальным данным, киносеть Алтая к 1943 г. по сравнению с 1940 г. сократилась с 483 до 360 единиц. При этом 70 % краевой киносети приходилось на долю передвижек, из которых 38 % относились к категории «немых», а 31,4 % перевозились гужевым транспортом [14]. Ситуация с кинофикацией в крае была настолько серьезной, что ею в режиме «ручного управления» вынуждены были заниматься его первые руководители. Так, своим распоряжением от 28 июля 1943 г. председатель крайисполкома П. Беляев обязал начальника областного Управления кинофикации «в месячный срок смонтировать в клубе Алтайского тракторного завода стационарную установку из двух аппаратов», а директора АТЗ «принять на себя затраты, связанные с переоборудованием аппаратной и оказать возможную помощь монтажными материалами» [15]. Значительные потери в сфере кинофикации понесла Кемеровская область. В одном из основных на тот период угольных городов Кузбасса – Анжеро-Судженске, в августе 1941 г. оставалось всего 6 киноустановок, в том числе лишь одна звуковая [16]. В 1943 г. областная киносеть насчитывала 159 киноустановок против 283 в 1940 г. Несмотря на все усилия ее работников, количество киноустановок в области в 1945 г. оставалось на уровне 1943 г. [17].

Особенно тревожной была ситуация в сельской киносети Западной Сибири. В Омской области количество деревенских киноустановок всех ведомств к 1943 г. уменьшилось на 160 единиц, или почти наполовину. В 1944 г. из 116 имевшихся в селах киноустановок бездействовало 40. В колхозах ряда районов фильмы не демонстрировались с начала войны. Исходя из реального положения дел, ЦК ВКП(б) в своем Постановлении от 11 февраля 1944 г. «Об улучшении кинообслуживания тру-дящихся Омской области» ставил минимальную задачу: демонстрировать фильмы в каждом сельсовете хотя бы 1 – 2 раза в месяц [18]. В Алтайском крае на 1 июня 1944 г. действовали 133 сельские государственные установки вместо 178 по плану. В нескольких районах – Зональном, Старо-Бардинском, Шаргинском, Краюшкинском – фильмы не демонстрировались годами [12, с. 137]. В Кузбассе из 30 сельских кинотеатров в 1943 г. работало 9, из 22 звуковых кинопередвижек – 6, а из 59 «немых» – 38 [17]. В Новосибирской области в 1942 г. одна звуковая кинопередвижка приходилась в среднем на 64 населенных пункта, а одна «немая» – на 24 [19]. Естественным следствием этого стало сокращение количества кинозрителей-селян: в первом квартале 1942 г. сельская киносеть Новосибирской области обслужила на 216 тыс. чел. меньше, чем за соответствующий период 1941 г. В целом же по Сибири количество сельских кинозрителей в 1942 г. по сравнению с 1941 г. сократилось в 3 раза [20].

В трудном положении оказалась и сеть кинопроката, особенно его районное звено, штаты которого были сокращены в несколько раз. В Тарском отделении, одном из наиболее крупных в Омской области, в 1946 г. трудились всего 2 человека: директор и фильмопроверщица. На их плечи легла работа, которую раньше выполняли 6 сотрудников: составление репертуарного расписания, прием, проверка и ремонт фильмокопий, отправка их в отделы кинофикации или на киноустановки, получение фильмов. Положение осложнялось нехваткой транспорта. Ведь только Омская контора кинопроката в 1941 – 1942 гг. передала Красной Армии 44 автомашины [5, с. 37 – 38]. Частично их нагрузку брал на себя гужевой транспорт, тоже поредевший в связи с мобилизацией в армию части лошадей. Но чаще всего средством доставки фильмов до киноустановок была почта, до которой банки с пленкой работники кинопроката доставляли летом на тележках, зимой – на санках. Все это осложнялось малым количеством кинокопий, имевшихся в распоряжении кинопро-

катчиков. За первые два с половиной военных года фильмофонд Омской области сократился почти на 260 копий. Поскольку его пополнение было минимальным, то в начале 1945 г. 147 широкоплёночных звуковых картин были представлены всего 187-ю копиями, а 133 «немых» – 186-ю. Количество фильмов и их копий на узкой пленке (в озвученном и неозвученном вариантах) в обоих случаях соотносилось как 1:1 [5, с. 37, 44]. Кардинально повлиять на ситуацию не смог ни новосибирский «Сибтехфильм», помимо собственного функции-онального предназначения занимавшийся копированием фильмов, ни организованный при новосибирской конторе Главкинопроката кинокопировальный цех [21]. Неудивительно, что система кинопроката в подобных условиях постоянно давала сбои, особенно в первые месяцы войны. «Снабжение киноустановок фильмами не налажено, – говорилось в отчете Омского Управления кинофикации за 1941 г. – Простои киноустановок по причине несвоевременного получения фильмов за последние месяцы 1941 г. стали обычным явлением не только для сельской киносети, но и городской» [22]. Чрезвычайная обстановка, сложившаяся во всех сегментах сферы кинообслуживания, потребовала принятия целого ряда оперативных решений. Активизировалась, в частности, работа по восполнению кадровых потерь. В Барнауле и областных центрах были организованы постоянно действовавшие курсы по подготовке киномехаников звуковых установок, а в ряде районных центров – по обучению работе на кинопередвижках. В 1942 г. киносеть Алтая, к примеру, пополнили 99 «доморощенных» киномехаников и 24 человека, окончившие курсы в Новосибирске [10, с. 51]. Часть из них составляли инвалиды войны, проходившие обучение прямо в госпиталях, как это практиковалось в Омске. В 1943 г. в расположенных в городе госпиталях №№ 1256 и 1496 специальность киномеханика получили 40 солдат и офицеров. Тогда же в госпитале № 1495 профессию киномеханика осваивали 38 человек [5, с. 65].

В целях компенсации материально-технических потерь (кинотеатров, киноустановок и т. п.) по решению городских советов кинотеатры повсеместно стали переходить на удлиненный режим работы, выдавая, как это было, например, в Томске, за день (а иногда и за полночь) по 9 – 10 сеансов [23]. Для работников районных кинотеатров был установлен особый график труда: 7 – 8 дней в месяц они демонстрировали фильмы в райцентрах, а остальные дни – в населенных пунктах, не имевших стационарных киноустановок, используя для этого кинопередвижки. Подобным образом был организован кинопоказ на призывных пунктах, полевых станах, вокзалах, в заводских цехах и военных лагерях.

Нередко в кинозалы на время превращались помещения столовых. «Фильмы показывали один – два раза в неделю, – пишет в своем очерке «Искровцы» С. С. Букин. – Приехавшего на пригородном поезде киномеханика комсомольцы встречали на станции и, забрав пленки и аппаратуру, сопровождали в столовую, которая уже до отказа была заполнена людьми» [24]. О том же читаем в «Омской правде»: «Киносеансы в столовой одного из заводов организуются в выходные дни. За последнее время здесь посмотрели лучшие фильмы советской кинематографии, а также несколько американских и английских фильмов» [25]. Оставляя за пределами исследования кинорепертуар военных лет, в то же время отметим, что наряду с картинами комедийного и лирического плана, дарivших зрителю редкие минуты душевного комфорта, значительное, а в начале войны – основное место, в нем занимали ленты хроникально-документального жанра, а также игровые фильмы, созданные на документальной или близкой к ней основе. Отражая суровую героику военного времени, мужество и самоотверженность советских людей на войне, в тылу и за линией фронта, они вызывали у сибирского зрителя не только неподдельный интерес, но также чувство патриотизма и ненависти к врагу.

Еще раз сошлемся на «Омскую правду», которая постоянно рецензировала лучшие фильмы, выходившие в те годы на сибирские экраны. «С исключительным интересом трудящиеся Омска смотрят документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой», – читаем в номере газеты от 14 марта 1942 г. – Со 2 по 12 марта в кинотеатре «Художественный» этот фильм посмотрели около 50 тыс. трудящихся. Кроме того, уже продано около 40 тыс. билетов на дальнейшие сеансы». В Новосибирской области фильм о победе под Москвой посмотрели 793 тыс. человек [26]. С 4 по 27 августа 1942 г. демонстрировался в Омске документальный фильм «Ленинград в борьбе». Жизнь осажденного города разворачивалась на глазах у зрителей. Они видели, как, шатаясь от голода, падая, с трудом продвигаясь по занесенным снегом улицам, брели одинокие прохожие, как около прорубей застыли длинные очереди еле стоявших на ногах людей. Они сопереживали стоявшему у станка старому рабочему, пытающемуся дыханием согреть руки, ученому, в холодном зале Публичной библиотеки, щепотка за щепоткой съедающего свой скудный паек хлеба, порой рыдали, видя женщину с девочкой, везущих на санках тело умершего. По силе обвинения фашизма с этими кадрами не могли сравниться ни один призыв, ни один лозунг, ни одна лекция. «Фильм, – писала та же «Омская правда», – пользуется огромным успехом. Билеты проданы на ряд дней вперед, поступает много заявок на коллективные посещения. Ежедневно устраивается 9 сеансов, что дает возможность пропустить за день около 6 тыс. зрителей» [27]. Такой же массовый интерес сибиряки проявляли к игровым лентам героико-патриотической тематики. Три недели по 5 – 7 сеансов ежедневно в омском кинотеатре «Художественный» демонстрировался фильм «Она защищает Родину». 50 тыс. человек посмотрели в Барнауле картину «Секретарь райкома», 100 тыс. жителей Алтая – фильм «Радуга» [5, с. 41; 10, с. 49].

Приравнивая демонстрацию подобного рода фильмов к большим общественно-политическим событиям, партийные и советские органы требовали

от работников киносети и кинопроката их широкой пропаганды. В связи с этим накануне выхода этих лент на экраны в городах и районах начиналась предварительная продажа билетов, издавались рекламные плакаты, печатались рецензии, проводилась активная работа по организации коллективных просмотров. Представляется, что именно показ фильмов, отражавших неприкрытую правду смертельной схватки с фашизмом, его звериную сущность, являлся первопричиной постоянно возраставшего в годы войны количества кинозрителей. Если в 1940 г. фильмы посмотрели 37,1 млн сибиряков, то в 1942 г. – 42,8 млн, в 1943 г. – 49,8 млн, в 1945 г. – 41,8 млн человек. Спад кинопосещений, пришедшийся на 1945 г., лишь подтверждает высказанное предположение [28].

Другим фактором столь значительного увеличения зрительского интереса к кино в годы войны явилось использование разнообразных форм кинопропаганды. Одновременно с показом «точечных» фильмов ярко выраженного агитационно-пропагандистского характера в городских кинотеатрах, сельских стационарах и на кинопередвижках проводились массово-политические киноакции, растянутые во времени: декадники и месячники (фестивали), посвященные той или иной теме, празднику или памятной дате. Некоторые из них носили сугубо практический характер, как, например, показ технических или оборонных фильмов. В Томске демонстрация фильмов о рационализации производства, стахановских методах труда, новейших достижениях науки регулярно проводилась в Доме науки и техники. Там же для показа оборонных фильмов был отдан специализированный кинотеатр [23, с. 244]. В Новосибирске военно-инструктивные фильмы только с 1 января по 1 июля 1942 г. просмотрело более 610 тыс. человек [29]. Практически во всех городах и райцентрах проводился многодневный показ фильмов, объединенных единой тематикой. Новосибирский кинотеатр «Пионер» проводил кинофестивали под девизом: «Советские дети – пламенные патриоты своей Родины». Демонстрация фильмов здесь дополнялась выступлениями коллективов художественной самодеятельности, встречами с участниками войны [30].

С 1 октября по 1 ноября 1942 г. проходил Всекузбасский фестиваль новых фильмов о Великой Отечественной и Гражданской войнах, во время которого во многих кинотеатрах проводились беседы о ситуации на фронте, организовывались встречи с фронтовиками, а для учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО – беседы о роли молодых рабочих в условиях войны [12, с. 136].

Кинофестивали, проходившие в Домах офицеров и Домах Красной Армии, расположенных на территории Западной Сибири, как правило, посвящались двум темам: «Красная Армия в боях за социалистическую Родину» и «Герои Гражданской войны». Демонстрировались такие фильмы, как «Ленин в Октябре», «Человек с ружьем», «Мы из Кронштадта», «Чапаев» и другие ленты революционной и военно-исторической тематики. Аналогичный характер носил показ фильмов, посвященных великим русским полководцам («Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Петр I», «Суворов») [31].

Одной из разновидностей кинофестивалей был многодневный показ фильмов, приуроченных к революционным праздникам и событиям. В Прокопьевске, например, в преддверии Дня Красной Армии с 13 по 25 февраля 1942 г. демонстрировались фильмы «Минин и Пожарский», «Суворов», «Боевые киносборники»; в Новосибирске тогда же – «Фронтовые подруги», «Волочаевские дни» и другие героико-исторические картины. В Новосибирской области в ходе предпраздничного месячника военно-патрио-тические фильмы демонстрировались в 11 районах [32]. В Омской области кинофестиваль, посвященный двадцатипятилетию Комсомола, проходил на территории большинства районов [5, с. 43].

Особой формой кинообслуживания населения были постоянно действовавшие кинолектории, предназначенные для самой различной зрительской аудитории. В Новосибирске на всём протяжении войны функционировал один общегородской и три заводских кинолектория. Подобная практика кинопропаганды применялась в Томске, Кемерове, Сталинске, Прокопьевске и других городах региона. В Новосибирске и Томске кинолектории особого содержания были организованы для партактива. Наряду с традиционными лекциями и кинопоказом («Героическое прошлое нашей Родины», «О Великой Отечественной войне» и т. п.), в программу включались и специфические темы («Великие писатели страны», «Кто такие национал-социалисты и что значит их новый порядок», киноматериалы и лекции по истории ВКП(б) и т. п.) [12, с. 136.].

Подводя итоги сказанному отметим следующее:

1. При всех издержках материально-технического и кадрового характера киносеть Западной Сибири в довоенный период развивалась достаточно высокими темпами, превышавшими показатели большинства других регионов страны, при ускоренной динамике кинофикации сельских районов и новых индустриальных центров.

2. Заложенная в предвоенные годы система кинопоказа и кинопроката оказалась настолько прочной, что в тяжелейших условиях военного времени, при неизбежных для этого периода потерях ей удалось не только сохранить, но и приумножить зрительскую аудиторию и, перестраиваясь на марше в поисках новых форм привлечения зрителя и средств воздействия на него, полностью выполнить свою общественную функцию просветителя и психотерапевта, агитатора и пропагандиста.

Литература

1. Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. – М., 1960. – С. 535.

2. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 488. Л. 135.

3. Народное хозяйство Алтайского края за 50 лет Советской власти. – Барнаул, 1968. – С. 2.

4. Гущин, Н. Я. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1937 – 1941 гг.) / Н. Я. Гущин, Э. В. Кошелева, В. В. Чарушин. – Новосибирск, 1975. – С. 25.

5. Кино в Омске и Омской области: прошлое и настоящее. (К 100-летию мирового и российского кинематографа). – Омск, 1995. – С. 35.

6. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 297. Л. 6.

7. Леляков, А. П. Развитие кинодела в Сибири (конец 1920-х – начало 1930-х гг./ А. П. Леляков // Художественная культура Сибири: особенности освоения и развития. – Новосибирск, 1988. – С. 99.

8. Светлаков, Ю. Я. Кинолетопись Кузбасса / Ю. Я. Светлаков. – Кемерово, 2004. – С. 65.

9. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 487. Л. 28, 188; «Советская Сибирь». 1931. 14 января.

10. Антропова, М. Г. Кино и Алтай / М. Г. Антропова. – Барнаул, 1980. – С. 50.

11. ГАОО. Ф. Р-241. Оп. 3. Д. 52. Л. 14.

12. Горячева, В. М. Учреждения культуры в период Великой Отечественной войны. (На материалах Западной Сибири) / В. М. Горячева // Из истории партийных организаций Сибири. Научные труды НГПИ. – № 24. – Новосибирск, 1968. – С. 136.

13. ЦДНИ ОО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 52. Л. 323.

14. ЦХАФ АК. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 131. Л. 455.

15. ЦХАФ АК. Ф. Р-838. Оп. 1. Д. 53. Л. 11.

16. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 10. Л. 7.

17. История Кузбасса (с древнейших времен до настоящего времени). – Кемерово, 2006 . – С. 202.

12. Омская правда. – 1944. – 29 декабря.

13. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 26. Д. 191. Л. 9.

14. Там же. Л. 32.

15. ГАНО. Ф. Р-1123. Оп. 1. Д. 312-а. Л. 4.

16. ГАОО. Ф. Р-241. Оп. 3. Д. 52. Л. 23.

17. Куперт, Н. В. Участие городских Советов Западной Сибири в культурно-массовой работе в годы Великой Отечественной войны / Н. В. Куперт // В грозные годы. Труды научной конференции «Сибиряки – фронту». – Омск, 1973. – С. 245.

18. Букин, С. С. Искровцы: история Новосибирского механического завода / С. С. Букин. – Новосибирск, 2002. – С. 33.

19. Омская правда. – 1943. – 20 июля.

20. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 26. Д. 191. Л. 107.

21. Омская правда. – 1942. – 6 августа.

22. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. – Новосибирск, 1984. – С. 146.

23. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 26. Д. 195-а. Л. 41.

24. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 26. Д. 191. Л. 32.

25. Ростов, Н. Д. Идем мы в решительный бой… Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны / Н. Д. Ростов. – Барнаул, 2007. – С. 380.

26. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 26. Д. 176. Л. 122-127.

УДК 902, 930.2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ С.И. РУДЕНКО В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ

Л. Ю. Китова

THEORETICAL VIEWS OF S. I. RUDENKO IN THE FIELD OF ARCHEOLOGY

L. Yu. Kitova

В статье анализируется теоретические воззрения выдающегося отечественного исследователя С. И. Руденко (1885–1969) в области археологии на фоне развития методологии естествознания и гуманитарной науки конца XIX в. – начала XX в. Вводятся в научный оборот неизвестные архивные материалы, характеризующие взгляды исследователя.

The paper discusses theoretical views of an outstanding Russian researcher S. I. Rudenko (1885–1969) in the field of archeology against the background of developing methodology of the natural science and the humanities in the late XIX – early XX centuries. Some previously unknown archive materials, characterizing the researcher's views, are introduced into scientific use.

Ключевые слова: эволюционизм, палеоэтнологическое направление, комплексный подход.

Key words: evolutionism, paleoethnological school, complex approach.

Сергей Иванович Руденко (1885–1969) – одна из самых ярких и харизматичных фигур отечественной науки 1920–1960 гг. С одной стороны, он не нуждается в представлении. Его роли в развитии археологии, этнографии, антропологии Северной Евразии посвящен не один десяток статей [20; 17; 19 и др.]. С другой стороны, исследователи по-разному оценивают теоретические воззрения С. И. Руденко. Автором этих строк одной из первых отмечены комплексный подход и палеоэтнологическое направление исследований С. И. Руденко [12, с. 5], позже часть материалов о жизни и научной деятельности С. И. Руденко была включена мною в монографию по истории сибирской археологии 1920-1930-х гг. [13, с. 33–37, 72–73, 91–96]. И. Л. Тихонов, изучая процесс становления и развития археологической науки в Санкт-Петербургском университете, посвятил статью, а также отдельный параграф своей книги палеоэтнологической школе Ф. К. Волкова и его учеников, в том числе и С. И. Руденко [28, с. 53–64; 29, с. 115-130]. Алтайский государственный университет ввел хорошую традицию проведения научных конференций памяти исследователя, к которым готовятся специальные доклады по неопубликованным архивным материалам, и неизвестные данные вводятся в научный оборот [11; 21]. Тем не менее, несмотря на продолжительное изучение научного наследия С. И. Руденко, до сих пор ему приписывают приверженность позитивизму, историческому материализму и даже марксизму [30, с. 34]. Исследователи находят редкие примеры использования

им марксистского метода восхождения [18, с. 54; 27, с. 23-24].

Одной из последних монографических работ, посвященных Руденко, стала кандидатская диссертация О. Г. Шмидт «Археологические исследования С.И. Руденко в Северной Евразии» (2006). Автор в отдельной главе исчерпывающе проанализировала комплексный подход в научной деятельности Руденко, сторонника палеоэтнологического направления [31]. Однако и в настоящее время, изучая вклад ученого в разработку проблем общественного строя населения древнего Алтая, исследователи выявляют его приверженность принципам эволюционной теории и исторического материализма и считают, что на взгляды С. И. Руденко «не могли не оказывать влияние выработанные в советском кочевниковедении в 1930-х – начале 1950-х гг. идеологические догмы» [10, с. 139]. Так, например, цитирую: «В частности, среди советских ученых господствовало мнение, что «пазырыкцы» не «дотягивали» по имеющимся в их культуре признакам до уровня рабовладельческой формации. В связи с этим возникла необходимость обоснования более низкого развития номадов Горного Алтая. Особенно отчетливо такая тенденция наблюдается в монографиях С. И. Руденко, изданных в 1952 и 1953 гг. В этих работах в качестве определенного теоретического обоснования своих выводов по вопросам социальной истории ученый в ряде случаев ссылается на работы И. В. Сталина» [10, с. 139].

Почему С. И Руденко попал в разряд ученых, которые дискутировали о том, достигли ли «пазырыкцы» уровня рабовладельческой формации или нет? Если коллеги имели в виду цивилизованных ближневосточных соседей «пазырыкцев», то в данном случае С. И. Руденко не нужно было ничего доказывать, и так все различия налицо: в середине XX в. уже существовал большой комплекс археологических и письменных источников по древней истории Передней Азии. Если же в такой словесной форме выражена идея Руденко о том, «что уровень общественного и культурного развития горных алтайских племен и их западных соседей был неодинаков», то С. И. Руденко обосновал свою точку зрения не ссылкой на работу Сталина, а опять же археологическими и письменными источниками, известными на тот период [24, с. 269–270]. И уж совершенно невозможно представить цитату И. В. Сталина о том, что развитие языков идет по линии «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным», обоснованием выводов по вопросам социальной истории пазырыкцев. Сталинская риторика просто служила прикрытием взглядов С. И. Руденко. И использовал он ее только в единственной работе 1953 г. [24, с. 7, 270], ни в каких других книгах, в том числе широко известных трудах 1949, 1952, 1960 и 1961 гг., ссылок на сочинения классиков марксизма-ленинизма нет [22; 23; 25; 26]. В отличие от археологической молодежи С. И. Руденко не изобретал новый марксистский метод в археологии – метод восхождения (А. Я. Брюсов А. В. Арциховский, А. П. Смирнов, С. В. Киселев), не искал черты рабовладения и феодализма на Енисее (С. В. Киселев).

Почему же современные исследователи часто приписывают марксистские взгляды ученым, сформировавшимся до революции? Здесь я вижу три причины. Первая заключается в том, что в отечественной археологии всегда были и сейчас остаются неразработанными вопросы теории, методологии и истории науки. Вторая кроется в методологической эклектике российской археологии, которая не была уничтожена даже в советское время. Наша наука не стала теоретически унифицированной ни после Октября 1917 г., ни после проведения культурной революции и введения советской «имперской» идеологии единомыслия. И третья причина состоит в том, что некоторые российские археологи убеждены, что теория (методология) археологической науки началась с эволюционизма, сменившегося затем марксизмом и историческим материализмом. Однако история теоретической мысли в российской археологии намного богаче и сложнее.

С. И. Руденко принадлежал к тому поколению ученых с дореволюционным стажем, чей интеллектуальный багаж не исчерпывался марксистскими догмами.

Позволю себе напомнить, что С. И. Руденко, дворянин по происхождению, получил классическое образование, обучаясь в гимназии, а затем на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета (1904–1910), где такие науки как антропология, этнография и археология он изучал в комплексе. Его учителем был Ф. К. Волков, создатель палео-этнологической школы в Петербурге. Термин «палеоэтнология» появился в России из Франции. Эволюционист Г. Мортилье (1821-1898) называл так первобытную археологию эпохи камня, определяя «её промежуточное положение между естественной историей (эволюционной биологией, геологией и др.) и социокультурной историей (как историей «цивилизации»)» [14, с. 49]. Ф. К. Волков считал палеоэтнологию наряду с физичекой антропологией и этнографией одним из компо-нентов антропологии в целом.

Палеоэтнологическое направление развивалось в России под влиянием эволюционной теории. Эволюционизм как течение пришел в археологию из биологии. Благодаря трудам Чарльза Дарвина «Происхождение видов» (1859) и «Происхождение человека и половой отбор» (1871) была выявлена взаимосвязь всех форм жизни, определено единство человеческого рода и убедительно обоснована материалистическая теория развития всего живого на земле. Становление первобытной археологии в России было вплотную связано с формированием в области естествознания взглядов о закономерном развитии, основанном на методологии эволюционизма. Эволюционизм позволил на философском уровне объединить историю и естествознание и создать новое научное обоснование идеи прогресса общественного развития. Апогеем эволюционизма в исследовании истории культуры стали работы Эду-

арда Тайлора «Первобытная культура» (1871) и «Антропология. Введение в изучение человека и цивилизации» (1881). В них был предложен комплекс идей, которые стали методологической основой для объединения этнографии и археологии, антропологии и истории культуры при изучении человеческого общества и культуры на ранних этапах развития [16, с. 120]. Основы историко-материалистической концепции первобытного общества были заложены американским историком и этнографом Льюисом Генри Морганом. Он в работе «Древнее общество» (1877) обстоятельно изложил социокультурную периодизацию первобытной истории и показал, как основная социальная ячейка первобытного общества – род развивается от архаичной (материнской) к позднейшей патриархальной форме. Морган выдвинул тезис о всемирно-исторической закономерности этого процесса [16, с. 121]. В России труд Л. Моргана приобретает широкую популярность. Уже в 1878-1879 гг. публикуются две статьи Д. А. Коропчевского с детальным изложением существенной части сочинения Моргана. Под влиянием учения Моргана были проведены оригинальные исследования русских ученых В. В. Сокольского, Н. И. Зибера, В. В. Ефимова, М. Ковалевского [15, с. 197–207].

Один из основоположников марксизма Фридрих Энгельс, используя периодизацию Моргана, в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) определил место первобытного общества в системе социально-экономических формаций. Главным достижением в исследовании теоретических проблем первобытности стала идея Энгельса об общественном разделении труда, согласно которой каждое новое свершение в экономике приводило к изменению в социальной структуре. Как отметил Г. С. Лебедев: «современная Энгельсу наука о первобытности приняла положение о закономерном эволюционном соотношении различных общественных структур, об исторически обусловленном сосуществовании обществ, находящихся на разных ступенях социального развития, о принципиальном единстве исходных стадий этого развития» [16, с. 122]. В конце XIX в. часть исследователей восприняла идеи Моргана – Энгельса как передовые.

В Европе в этот период эволюционизм как методологическая основа науки уже изжил себе. Он не давал необходимых методов для изучения специфических черт развития конкретных древних обществ и культур. На смену эволюционизму пришла философия позитивизма, которая предоставила возможность этнографам и археологам определять особенности локального развития, выявлять взаимодействие культур и культурные изменения.

В России распространение позитивизма произошло позже. Отечественных философов больше интересовали вопросы поиска путей развития России, ее места и роли в историческом процессе, общетеоретические проблемы рассматривались редко. Тем не менее, в конкретных науках предлагались свои методологические подходы. Одно из самых передовых направлений исследования было предложено ведущим антропологом Д. Н. Анучиным. Не отказываясь целиком от эволюционизма, он широко применял срав-нительно-исторический метод и комплексный подход в изучении проблем древнего человека. Человек признавался одной из составляющих природной среды, и для полноценной харак-теристики его жизни необходимы были изыскания в области естествознания. С именем Д. Н. Анучина связано становление палеоэтнологической школы в Москве, а также идея комплексных исследований по археологии, этнологии и антропологии в сочетании с изучением естественной среды обитания древнего человека.

В Петербурге, как отмечено выше, палеоэтнологическое направление возглавлял Ф. К. Волков. Он передал Руденко свое понимание палеоэтнологии. Это – изучение «происхождения и развития человечества в физическом и бытовом отношении во времена, предшествовавшие появлению исторических сведений» [29, с. 117]. В рамках небольшой статьи я не буду останавливаться на всех моментах формирования палео-этнологических взглядов Руденко в период обучения, тем более что этот вопрос уже достаточно освещен в литературе [29, с. 117–126].

Важно только отметить, что С. И. Руденко успел перед I Мировой войной познакомиться с передовыми достижениями европейской науки. Он относился к тем претендентам на профессорское звание, которые еще могли получить магистерскую стажировку за границей. В 1913–1914 гг. С. И. Руденко в Париже слушал лекции известных профессоров в Антропологической школе, Сорбонне (Парижский университет), Океанографическом институте, а также под руководством профессора Л. Мануврие (Антропологическая школа) разрабатывал специальную тему: «Сравнительная морфология таза приматов и человека в связи с его переходом к вертикальному положению» [8, л. 3, 16–17]. В 1913 г. С. И Руденко был избран членом Парижского Антропологического общества, участвовал в его заседаниях, в дискуссиях, неоднократно выступал с научными докладами. В последующем его доклады были опубликованы в Бюллетенях этого общества, он принимал участие в работе антропологического съезда в Ниме (Франция) и международном этнологическом конгрессе в Невшателе (Швейцария) [9, л. 96].

К моменту возвращения на родину С. И. Руденко – сложившийся ученый, широко образованный, имеющий глубокие познания не только в области антропологии, археологии, этнографии, но и в таких смежных науках как география, геология. В январе 1915 г. он был назначен преподавателем кафедры географии и антропологии Петроградского университета, читал лекции по антропологии на Высших Бестужевских курсах и в Географическом институте. Руденко состоял членом Императорского Русского географического общества, Русского антропологического общества. По просьбе профессора М. И. Ростовцева он в 1915 г. произвел раскопки знаменитых Прохоровских курганов. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии

при Московском университете в 1916 г. присудило ему премию имени Великого князя Сергея Александровича за совокупность трудов по антропологии и этнографии России. В этом же 1916 г. С. И. Руденко были присуждены Советом Томского университета две премии по социологии и антропологии за работу «Антропологические исследования инородцев Северо-Западной Сибири». С 1917 г. Руденко являлся ученым секретарем Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС). Важное событие в профессиональной жизни Руденко произошло декабре 1917 г., когда ученым советом Московского университета ему была присуждена степень магистра по итогам диспута за изданную в 1916 г. работу «Башкиры. Опыт этнологической монографии» [9, л. 96–96 об.].

Свои главные археологические открытия – Пазырыкские курганы (1924), С. И. Руденко сделал в Сибири. Исследование памятников мирового значения на Горном Алтае продолжалось в 1927 и 1929 гг. до ареста С. И. Руденко в 1930 г. Вернуться на Алтай исследователь смог только в 1947 г., изыскания длились до 1954 г. Основные результаты деятельности С. И. Руденко опубликованы в фундаментальных монографиях 1953 и 1960 гг. и ряде других работ [22; 23; 24; 25; 26].

Специальных теоретических работ С. И. Руденко не писал, но это не означало, что он перестал следовать палеоэтнологической парадигме и руководствоваться комплексным подходом в исследованиях. В рамках небольшой статьи я только остановлюсь на неизвестных архивных материалах и введу их в научный оборот.

Особенно ярко проявились взгляды С. И. Руденко в выступлении о создании музея истории человечества. Он его замышлял как музей антропологии в широком смысле слова, соединяющий современные данные нескольких наук: физической антропологии, этнографии, археологии, географии, биологии. В таком музее, по замыслу С. И. Руденко, будут экспонироваться ископаемые и современные приматы; человек будет представлен в развитии; с помощью многочисленных препаратов, слепков, фотографий и красочных иллюстраций будут показаны возрастные, половые и расовые отличия людей. В музее, по его мнению, должен быть воссоздан облик представителей различных этнических групп, приведены в таблицах изменения строения человеческого тела во времени, а на географических картах отображено распространение в пространстве отдельных видов человека. Рассматривая природу как полноценный источник, С. И. Руденко полагал, что особое место должно быть уделено влиянию окружающей среды на строение человеческого тела. В экспозиции должна быть представлена физиология размножения, питания и труда человека [1, л. 1–3]. С. И. Руденко считал, что археологические и этнографические источники дополняют друг друга и между ними можно проводить аналогии. Это явствует из всех его работ, об этом он прямо писал в 1920-е гг.: «Воспроизведение быта прошлых времен возможно только отправляясь от известного изучения быта современного нам человечества». С. И. Руденко исходил из двух предпосылок: 1) если в древности и в этнографической современности у народов встречаются похожие орудия и другие предметы быта, то древние и этнографические предметы принадлежат к одной культурной группе; 2) по аналогии с современным бытом можно делать заключение и о древней социальной организации, «сходство в вещественных остатках свидетельствует о сходстве и в общественных обычаях» [1, л. 4–3]. При этом он предостерегал от отождествления понятий «этнос» и «археологическая культура»: «этническая группа и культура не совпадают между собой» [2, л. 7].

Сохранились некоторые замечания общего порядка, согласно которым С. И. Руденко в 1920-е гг. являлся страстным поборником сциентизма, расценивающим математику образцовой наукой и призывающим строить остальные науки по ее образу и подобию. Он отмечал, что «наука учит не фактам, а тому, как обращаться с фактами, чтобы осветить их; учит логике, системе, порядку. Логика и математика – это не науки, а все-таки совершенные методы, лежащие в основе всех наук. Они учат, как правильно моделировать и приводить в порядок любое многообразие. На их основе строится общая методология науки, затем методология отдельных дисциплин» [4, л. 15]. Заметьте, о марксизме ни слова. Конечно, в данном случае он писал о методах: о систематике и классификации, которые рассматривал в качестве основы всякой науки, отмечая при этом, что всякая классификация условна [1, л. 5].

В методике полевых исследований С. И. Руденко исходил из того, что, раскапывая памятник, археолог его уничтожает, поэтому он «должен сделать все от него зависящее, чтобы его не винили в ущербе нанесенном науке». Исходя из этого, Руденко предлагал «записывать протокольно весь процесс раскопок», брать все находки независимо от их количества [2, л. 7–7 об.], для установления относительной хронологии археологических объек-тов соблюдать стратиграфический метод [6, л. 1]. С. И. Руденко считал в изучении вещественных материалов важнейшими аналитический и синтетический методы, а при показе в музейных экспозициях – эволюционный и систематический методы [3, л. 1].

Судьба распорядилась так, что в годы репрессий С. И. Руденко занимался инженерной гидрологией, а в 1944 г. ему была присуждена степень доктора технических наук за работу «Испарения с водной поверхности и расчеты потерь на испарение с больших водохранилищ» [9, л. 97 об.–98]. В 1953 г. он возглавил лабораторию археологической технологии Ленинградского отделения Института истории материальной культуры (с 1959 г. Иститута археологии) [9, л. 74, 78, 84]. С. И. Руденко был ярым сторонником использования методов точных наук в разрешении спорных вопросов археологии и, особенно это касалось определения возраста археологических объектов. «Для археологии, науки исторической, определение времени или иных событий в абсолютных величинах имеет первостепенное зна-

чение» – писал он. [7, л. 1]. В 1950-1960-е гг. С. И. Руденко полагал, что широкое использование радиоуглеродного, дендрохронологического, палеогеографического, палеомагнитного и других методов точных наук выведет отечественную археологию на новый уровень [5; 6; 7].

Итак, подводя итог анализу теоретических воззрений С. И. Руденко в археологии, можно констатировать, что исследователь не был привержен марксистским догмам. С. И. Руденко всегда придерживался палеоэтнологической парадигмы, согласно которой исследования трех наук: антропологии, археологии и этнографии должны проводиться в комплексе с изучением естественной среды обитания древнего человека. Его эволюционистские взгляды никогда не базировались на концепции однолинейного развития культуры от простых форм к сложным. Они заключались в активном применении сравнительно-исторического метода, который основывался на представлении о том, что социокультурные системы настоящего в различной степени содержат в себе элементы прошлых стадий развития. Исходя из этого, С. И. Руденко полагал, что можно проводить аналогии между социальной организацией современных этносов и древних племен. В 1920-е годы он выступал страстным сторонником сциетизма, популярного среди научно-технической интеллигенции 1920–1930-х гг. Приверженцем математических и естественнонаучных методов в археологии он остался и в 1950–1960-е гг.

Литература

1. ПФА РАН (Санкт-Петербургский филиал архива РАН), Ф. 1004. Оп. 1. Д. 16.
2. ПФА РАН, Ф. 1004. Оп. 1. Д. 19.
3. ПФА РАН, Ф. 1004. Оп. 1. Д. 20.
4. ПФА РАН, Ф. 1004. Оп. 1. Д. 21.
5. ПФА РАН, Ф. 1004. Оп. 1. Д. 88.
6. ПФА РАН, Ф. 1004. Оп. 1. Д. 91.
7. ПФА РАН, Ф. 1004. Оп. 1. Д. 92.
8. ПФА РАН, Ф. 1004. Оп. 1. Д. 199.
9. РА ИИМК (Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН), Ф. 35. Оп. 5. Д. 262.
10. Васютин, С. А. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования) [Текст] / С. А. Васютин, П. К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 400 с.
11. Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег [Текст] / отв. ред.: А. А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 148 с.
12. Китова, Л. Ю. Изучение археологии Сибири эпохи палеометалла в 1920-1930-е годы [Текст]: автореф. канд. истор. наук / Л. Ю. Китова – Кемерово, 1993. – 22 с.
13. Китова, Л. Ю. История сибирской археологии (1920-1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла [Текст] / Л. Ю. Китова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2007. – 272 с.
14. Клейн, Л. С. Российское палеоэтнологическое направление в контексте мировой археологии [Текст] / Л. С. Клейн // Традиции отечественной палеоэтнологии. Тезисы докладов Международной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения Фёдора Кондратьевича Волкова (Вовка). – СПб.: СПбГУ, 1997. – С. 49-52.
15. Косвен, М. О. Матриархат. История проблемы [Текст] / М. О. Косвен. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 330 с.
16. Лебедев, Г. С. История отечественной археологии. 1700-1971 гг. [Текст] / Г. С. Лебедев. – Спб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та, 1992. – 464 с.
17. Литература о биографии и научных исследованиях С. И. Руденко [Текст] // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег / отв. ред. А. А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 105-113.
18. Матющенко, В. И. Историческая интерпретация археологического источника в трудах археологов-сибиреведов (на примере творчества С. И. Руденко, М. П. Грязнова, С. В. Киселева) [Текст] / В. И. Матющенко, О. С. Свешникова // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова) – М.: ИА РАН, 2004. – С. 48-57.
19. Платонова, Н. И. «Дело» Сергея Ивановича Руденко: 1930-1957 [Текст] / Н. И. Платонова // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию к.и.н. А. А. Формозова. – СПб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та, 2003. – С. 126-138.
20. Решетов, А. М. С. И. Руденко – антрополог, этнограф, археолог [Текст] / А. М. Решетов // С. И. Руденко и башкиры. – Уфа: Гилем, 1998 – С. 5-25.
21. Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях [Текст] / отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 384 с.
22. Руденко, С. И. Искусство скифов Алтая [Текст] / С. И. Руденко, Н. М. Руденко. – М.: Изд-во ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1949. – 91 с.
23. Руденко, С. И. Горноалтайские находки и скифы [Текст] / С. И. Руденко. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 267 с.
24. Руденко, С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время [Текст] / С. И. Руденко. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 385 с.: табл.
25. Руденко, С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время [Текст] / С. И. Руденко. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.: табл.
26. Руденко, С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (сер. I тыс. до н. э.) [Текст] / С. И. Руденко. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – 67 с.: табл.
27. Свешникова, О. С. Историческая интерпретация археологического источника в отечественной археологии (конец 1920-х – середина 1950-х гг.) [Текст] / О. С. Свешникова: автореф. канд. истор. наук. – Омск, 2006. – 26 с.

28. Тихонов, И. Л. Палеоэтнологическая школа в Санкт-Петербургском университете (этапы формирования) [Текст] / И. Л. Тихонов // Археология Сибири: историография. Межвед. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Матющенко. – Омск: ОмГУ, 1995. – Ч. 1. – С. 43-67.

29. Тихонов, И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки [Текст] / И. Л. Тихонов. – СПб., 2003. – 332с.

30. Тишкин, А. А. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая: учеб. пособие [Текст] / А. А. Тишкин, П. К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 238 с.

31. Шмидт, О. Г. Археологические исследования С.И. Руденко в Северной Евразии [Текст]: автореф. канд. истор. наук / О. Г. Шмидт – Барнаул, 2006. – 24 с.

УДК 930.85(470)

ПОНЯТИЕ «ТЕОРИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НА РУБЕЖЕ XX – XXI вв.

Н. М. Морозов

THE CONCEPT OF «THEORY OF THE LOCAL CIVILIZATION» IN THE DOMESTIC HISTORIOGRAPHY AT THE TURN OF XX - XXI CENTURIES.

N. M.Morozov

В статье рассмотрена практика употребления терминов «концепция», «теория», «парадигма» в трудах по проблемам цивилизации. Проанализированы авторские подходы к идентификации теории локальной цивилизации по формальным признакам. Выявлен ряд идей и технологий, которые могли выступить в качестве базовых для составления её дефиниции.

The article describes the practice of use of the terms “concept”, “theory”, “paradigm” in the works on the problems of civilization. Analyzed the author's approach to the identification of local civilization theory on formal grounds. Identified a number of ideas and technologies that could serve as a basis for drawing up its definition.

Ключевые слова: гипотеза; концепция; парадигма; теория локальной цивилизации; эквивалентные умозаключения; эмпирический, семантический и лингвистический планы.

Keywords: hypothesis; concept and paradigm, theory of a local civilization; equivalent inferences; empirical, semantic and inguistic plans.

Теория как форма аналитики – одна из ключевых в формировании научной картины мира и обозначает горизонт систематизации определённой совокупности знаний в рамках отдельных наук или в их междисциплинарном пространстве. Она фиксирует целостное видение своего предмета, которое формируется по мере накопления достаточного объёма фактологического материала о нём и опыта осмысления на основе комплекса методологических принципов [49, с. 122 – 123] философского, эпистемологического, общенаучного и предметного уровней.

Позиционирование конкретным автором его системы знаний о локальной цивилизации в виде одной из аналитических форм: концепции, теории или парадигмы, является заявкой на уровень научного обобщения. В указанной последовательности они составляют ряд возрастающего логического упорядочения как уже известных исследователям фактов и явлений, так ещё и не открытых, но потенциально существующих и имеющих свою нишу в эмпирике. Избыток или дефицит подобных аналитических схем, возникающая время от времени заинтересованность в них со стороны общества, согласованность или противоречивость вложенных смыслов и другие факторы говорят о динамике и направлении процесса познания феномена локальной цивилизации в целом.

В отечественной историографии, несмотря на активное изучение проблемы теории локальной цивилизации (далее – ТЛЦ), задача её дефиниции как аналитической модели не ставилась. Учёные, признавая за этим понятием право на существование, параллельно широко употребляли словосочетания «теория цивилизаций» и «цивилизационная теория» [13, с. 127 – 138; 19, с. 341 – 348; 29, с. 85; 34, с. 155; 36], нередко отождествляя их с парадигмой, концепцией и чаще – с методологическим подходом [1, с. 7; 42, с. 10; 48]. Таким образом, в отношении ТЛЦ сложилась разноречивая ситуация – в научном сообществе ещё не было достигнуто взаимопонимания по поводу структурной формализации знаний о цивилизации, но в текстах под различными формами аналитики выдавалось множество версий её осмысления, претендующих на научность. Чтобы достичь в этом вопросе взаимопонимания, со стороны некоторых исследователей периодически раздавались призывы к чёткому обозначению познавательных ракурсов [10, с. 265 – 273; 24, с. 330 – 346; 55, с. 251 – 264]. Актуальность решения данной проблемы подчёркивал статус ТЛЦ как одной из макротеорий исторического процесса, в реконструкции которого двусмысленность всегда пагубна.

Для выяснения причин указанной коллизии обратимся к периоду 90-х гг. XX – первому десятилетию XXI вв., в течение которого в интеллектуальной среде шёл процесс реанимации (после советской эпохи) и накопления новых знаний о российской цивилизации, формировался соответствующий понятийный аппарат, что послужило основой для утверждений о наличии одноимённой теории. Одновременно с анализом авторских подходов к идентификации понятия ТЛЦ по формальным признакам, поставим задачу выделить идеи, правдоподобные с

точки зрения неоклассической рациональности, которые могли выступить в качестве базовых для составления её дефиниции. Их совокупность или отсутствие таковых дополнительно характеризовали достижения в методологии познания исторической специфики общества.

Приступая к анализу практики употребления в текстах понятий «концепция», «теория», «парадигма», отметим, что в 90-е годы в результате знакомства с трудами зарубежных авторов, посвящённых принципам структурирования знаний [24. с. 330 – 346], отдельные отечественные исследователи, постоянно или эпизодически работавшие в цивилизационной проблематике, не только постигали предгаемые подходы, но и пробовали определить пределы функционирования встреченной там терминологии. В первую очередь, внимание было обращено на идею Томаса Куна о зависимости научных революций от конкуренции и смены парадигм как признанных всеми достижений в области новых знаний, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений [22, с. 11].

Так, обратив внимание на «расплывчатость» определения Куна, Н. С. Розов предложил «… понимать под парадигмой устойчивую связную совокупность философских и/или научных взглядов, служащую основой ученым как минимум двух поколений ставить проблемы, планировать и проводить исследования для их решения» [39, с. 60 – 61]. Историческая парадигма, по мнению Е. В. Каронновой, может быть представлена на методологическом уровне как образец для интерпретации исторических фактов и исторических текстов, а на онтологическом – как совокупность определённых элементов, к числу которых относятся общественные идеи, теории, а также, например, культурная историческая традиция [16, с. 39]. Указанное понятие О. А. Сергеева употребила в значении теории наиболее высокой степени универсальности, которая в течение некоего времени признаётся интеллектуалами как основа научного исследования в конкретной области, имеющая общее концептуальное основание для существования и развития целого ряда теорий [45, с. 9].

Вышеизложенные взгляды на парадигму позволяют заключить, что её структурно-функциональный формат представлялся авторам, специально изучавшим этот вопрос, шире, чем формат теорий, и указывал на возможность объединения последних по признаку родства в её пределах как более масштабной аналитической модели (когнитивной, историософской, предметной и т. д.).

Термин «теория цивилизации» широко использовался в трудах Б. С. Ерасова, И. Н. Ионова, Е. Б. Рашковского, Е. Б. Черняка, И. Г. Яковенко, И А. Яковлева и других [6, с. 9 – 20; 11, с. 59 – 84; 35, с. 63 – 70; 53; 59, с. 44 – 58; 60, с. 161 – 162]. Потребность в нём и в образованных с его участием смысловых фигурах была очевидной на фоне кризиса учения о формациях, необходимости более глубокого постижения специфики России и возраставшего внутри гуманитарного сообщества интереса к созданию новых умозрительных схем. Внимание к подобным новациям провоцировали в том числе представители смежных исследовательских направлений, таких, как теоретическая, новая интеллектуальная история и других, где, по мнению Л. П. Репиной, «…постоянно возникает необходимость всестороннего анализа и чёткого определения того комплекса установок, который собственно и создаёт новое качество» [37, с. 58].

Так, в соответствии с требованиями логики и принципами рационального познания, Н. С. Розовым, одним из основоположников отечественной теоретической истории и автором первой монографии о структуре цивилизации [38], было дано определение теории как дедуктивно организованной совокупности суждений, сформулированных в замкнутой системе понятий. Автор посчитал необходимым установить минимум её компонентов. Это «… базовые неопределяемые понятия, производные понятия, аксиомы (невыводимые в рамках данной теории постулаты в терминах базовых и производных понятий) и теоремы, т. е. суждения, выводимые по определенным правилам из аксиом» [39, с. 81], которые, как правило, не достижимы для имеющихся исторических теорий, но задают ориентир для их уточнения в будущем. Внутреннее построение теории было описано в «вертикальном» срезе в виде последовательных ступеней методологической лестницы: от простых материальных свидетельств – к фактам, эмпирическим описаниям, нормализованным данным, эмпирическим гипотезам, теоретическим моделям, концепциям и теоретическим гипотезам, научным основаниям и далее – к философским. Обращает внимание отдельная ступень – концепции, представляемые в виде связанных совокупностей суждений, лишенных «… как строгой дедуктивности (выводимости теорем из аксиом), так и понятийной замкнутости (построения всех производных понятий из конечного числа базовых неопределяемых понятий). Подлежащие проверке их положения называются теоретическими гипотезами, которые относятся к этому же методологическому уровню» [39, с. 64 – 65].

Таким образом, Н. С. Розов отличал теорию от концепции как отдельные формы аналитических знаний и уточнил иерархическую связь между указанными понятиями, которая для других исследователей могла представляться в обратной последовательности. Например, в контексте идей М. Вебера об идеальных типах О. А. Сергеева сформулировала определение теории как системы «…идеальных образов (понятий), отражающих сущность исследуемого объекта, его внутренне необходимые связи, законы его функционирования и развития» [45, с. 11]. Автор сочла необходимым разработать эпистемологическую схему, приспособленную извлекать из трудов Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и Л. Н. Гумилёва [4; 5; 50; 58] смыслы для объяснения феномена локальной цивилизации. В результате выявленные значения были соотнесены с теориями указанных авторов [45, с. 221 – 223], кото-

рые участвовали, согласно названию монографии, в становлении цивилизационной концепции.

Разночтение по поводу соотношения теории с концепцией и парадигмой являлось не единственным препятствием для конкретизации первого понятия в рамках дефиниции. Наряду с этим фактором проявлялись и другие гносеологические барьеры.

Подобным барьером являлось наличие параллельно сосуществовавших в историографии (начиная с гипотезы Г. Рюккерта (середина XIX в.) о культурных типах) [14, с. 245 – 252] двух групп аналитических моделей познания цивилизации. Первую составили стадиальные концепции, авторы которых были солидарны во мнении, что человечество представляет собой единое целое, переживающее переходы от одной стадии цивилизации к другой, или этапы (фазы, ступени) поступательного движения исторического (точнее, – технологического. – Н. М.) прогресса [28, с. 11 – 13; 25, с. 45 – 46; 30, с. 3, 50]. Основные смыслы этого утверждения оказались созвучны с постулатами классической теории всемирной истории. Их близкое родство прослеживалось, в том числе, через закономерно избираемые в исследовательских стратегиях приоритеты формационному и ранним версиям модернизационного подходам [18, с. 55 – 112; 26; 43, с. 68 – 93].

Таким образом, для разработки специальной теории цивилизации в стадиальном варианте отсутствовали существенные основания, но для некоторой части научного сообщества сложность состояла в осознании, что с иных методологических позиций достаточно убедительными выглядели теоретические выкладки, касающиеся уже локальной цивилизации, характерные для второй группы концепций. Их адепты были объединены идеей о том, что «…в ходе исторического развития на земном шаре формируется ограниченное количество особых, отличающихся друг от друга стратегий человеческого бытия. Каждая из этих стратегий, доминируя на определённой, весьма ограниченной территории, оказывается фактором, задающим весь строй жизни» [59, с. 48]. Аналогичные процитированной тезе умозаключения являлись оригинальными в сравнении с постулатами других макротеорий. Разработанные на их основе гипотезы, сформулированные в разрезе различных предметных, историософских и мировоззренческих «оптик», были направлены на понимание и объяснение особенностей отдельно взятой локальной цивилизации как одного из макросоциальных организмов.

В 1995 – 2002 гг. и частично в более поздние годы в свет вышло достаточно большое количество ёмких и в подобном ключе написанных монографий [2; 3; 7; 8; 9; 15; 17; 20; 21; 31; 32; 33; 40; 44; 47; 51; 52; 54; 56; 57], выполненных с различной глубиной проникновения в сущность российской цивилизации. В задействованном методологическом инструментарии лишь некоторые авторы настаивали на приоритетной роли цивилизационного подхода, выборочно останавливаясь на руководстве его отдельными принципами. В текстах эту картину показательно и в содержательном отношении логично раскрывал понятийный аппарат. Элементы цивилизационного подхода обнаруживали себя в процессе исследования менталитета, времени и пространства цивилизации, её природной среды, суперэтноса и т. д. Приветствовалось встраивание согласованных в смысловом отношении гибридных категорий, выделенных на стыке истории с областями естественных наук (биосоциальность, социокод и другие).

Без сомнения, задача использования всего комплекта элементов цивилизационного подхода, в совокупности с целесообразными для конкретных сюжетов принципами и методиками иного методологического характера, наиболее соответствовала цели создания полноценной теории локальной цивилизации, но она оказалась не под силу для одиночного исполнения. Систематизированные результаты по аналитической разработке её отдельных компонентов, которым с позиций феноменологии придавалось самостоятельное значение, наделялись компромиссным по форме статусом теории среднего уровня. В монографиях и в статьях исследователи редко удостаивали друг друга сторонним анализом по поводу обоснованности и целостности встреченных теоретических композиций. Историографическая часть многих трудов страдала библиографичностью.

Другой барьер в разделении компетенции между концепцией и теорией, как установил И. Н. Ионов, был связан с ограниченной познавательной продуктивностью классической рациональности. Классический стиль интерпретации оказался, по его мнению, невосприимчивым к дальнейшей проблематизации и инструментализации множества подходов в целях разностороннего изучения локальной цивилизации и к учёту релятивного (релятивный характер знаний указывает на их вероятный и условный контекст) характера цивилизационных знаний [12, с. 145]. Обратим внимание на то, что эмпирическую основу последних составляли свидетельства и факты существования вековых традиций в социальном мышлении и самоорганизации общества, успешно распознаваемые в неклассической и неоклассической познавательных практиках [46, с. 23 – 26].

Отдельные учёные предлагали уточнять параметры аналитических конструкций. С целью отбора концепций, достойных уровню макроисторической теории, И. А. Яковлев сформулировал критерии для их оценки. Он призвал учитывать: указания границ и внутреннего системного единства того, что подлежит объяснению; возможности закономерного и случайного в судьбе цивилизации; исключение «…детерминизма предзаданности жизненных циклов цивилизации» [60, с. 161 – 162]. Вследствие многомерности её внутренней природы данный перечень, сосредоточенный на включении - исключении некоторых метафоричных категорий, выраженных в философском контексте, не мог быть исчерпывающим. Идея отбора на указанных основаниях имела перспективу бесконечной дискуссии.

Теорию цивилизаций в широком и узком смыслах на формальном уровне различал И. М. Самусенко. В первом случае подразумевалась культуро-

логическая аналитика, рассматривающая связь феномена цивилизации с феноменом культуры, во втором случае – это ТЛЦ [41, с. 12]. Автор отметил наличие в историографии трёх подходов в изучении эволюции последней: через традиции философской мысли от античности до современности; в соответствии с меняющимися социально-культурными условиями её создания; с точки зрения этапов развития науки.

Цивилизационная теория представлялась Е. Б. Рашковскому как «… эвристический, условно-конвенциональный научный способ символического описания» [35, с. 64], который не может являться общезначимым и директивным и требует оговорок, если выстраивается на основе исторической эмпирики конкретного общества. Отметим особенность вялотекущей полемики по рассматриваемой проблеме: вышеназванные и другие идеи, имевшие рациональное зерно, растворялись среди многочисленных суждений, поступавших из большого потока разнообразных в концептуальном отношении публикаций [6, с. 10 – 11], и в трудах других авторов далее констатации встреченного в литературе мнения не имели достойного продолжения.

На страницах отечественных изданий исследователи имели возможность ознакомиться с опытом зарубежных учёных-структуралистов по взаимной интеграции аналитических форм знаний, используемых в общественно-гуманитарных науках. Так, Х. Ленк обратил внимание российской аудитории на неоклассический по характеру технологический подход Р. Гири к построению теории из двух компонентов: семейства моделей (концепций), составляющих ядро, и гипотез их применения – как приложений, связывающих эти модели между собой и с пониманием важнейших типов существующих в мире общественных систем [23, с. 162, 164]. Согласно автору, развитие теории может идти как путём расширения множества приложений, так и в направлении совершенствования структуры ядра, в том числе посредством разведения взаимоисключающих моделей.

В прагматическом отношении подход Р. Гири функционально дополняла технология мониторинга проблемных ситуаций неизбежных в процессе сопряжения концепций (гипотез). Её разработчиком – Е. А. Мамчур – к первому виду конкурирующих были отнесены умозаключения, эквивалентные в эмпирическом (одинаково хорошо согласующиеся с эмпирическими данными) и семантическом (несущие одно и то же содержание) плане, но различные лингвистически – средствами (языком) описания. Ко второму – эквивалентные в эмпирическом плане, но неэквивалентные в семантическом отношении, когда на основании одних и тех же эмпирических данных выводятся различные гипотезы и вычленяется разное теоретическое содержание. К третьему виду конкуренции были отнесены суждения, неэквивалентные в эмпирическом плане и обладающие различной семантикой [27, с. 259 – 260]. Представленная типология указывала на вероятность существования сложных комбинаций эквивалентных связей между эмпирическими, семантическими и лингвистическими планами различных концепций, объединённых на основе общей идеи и претендующих на место в ядре или в приложениях теории.

Из сказанного следует, что в историографии в течение рассматриваемого периода был выработан ряд идей и технологий, указавших на возможность неоклассического подхода к формализации понятия ТЛЦ. Если солидаризироваться с мнениями: Н. С. Розова о целесообразности выделения иерархии аналитических форм, И. Н. Ионова и И. В. Следзевского – по поводу неклассической природы знаний о локальной цивилизации; Е. Б. Рашковского – об условно-конвенциональной схеме построения её теории; с технологическими подходами Р. Гири, Е. А. Мамчур и другим накопленным отечественными исследователями опытом сопряжения гипотез в междисциплинарном пространстве, то дефиниция теории локальной цивилизации может выглядеть следующим образом. Теория локальной цивилизации представляет собой совокупность концепций, раскрывающих сущность локальной цивилизации на основании принципов цивилизационного подхода.

По логике классического определения его предыдущие родовидовые уровни описываются категориями, расшифровывающими понятия «концепция», «локальная цивилизация», «сущность и принципы цивилизационного подхода». Термин «совокупность» акцентирует внимание на множественности комплиментарных аналитических и эмпирических гипотез, выведенных в рамках гуманитарных, естественнонаучных дисциплин или в междисциплинарном пространстве. Их способность к взаимной интеграции в ядре теории или в её приложениях, согласно Е. А. Мамчур, находится в зависимости от эквивалентности друг к другу в эмпирическом, семантическом и лингвистическом планах.

Подведём итоги. В отечественной историографии на рубеже веков в научный оборот было введено понятие «теория локальной цивилизации», которое наделялось различными смыслами. У одних авторов оно обозначало в целом концепции Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя, П. А. Сорокина и Л. Н. Гумилёва, названных классиками ТЛЦ, что давало повод оппонентам утверждать о её актуальности в прошедшем времени. У других – представляло некую совокупность категорий, идей о структуре и свойствах локальной цивилизации, которую, согласно методологической лестнице Н. С. Розова, лишь у отдельных исследователей в пределе можно было соотнести с концепцией. Случаи нестрогого отношения к идентификации систематизируемых умозаключений с формами аналитических знаний вносили путаницу в употреблении терминов: «концепция», «теория», «парадигма».

Редкий обмен мнениями по проблеме определения параметров теории локальной цивилизации не выходил на уровень широкой дискуссии или на согласованное при иных обстоятельствах решение. Тем не менее в идеях, в разные годы высказанных

Р. Гири, И. Н. Ионовым, Е. А. Мамчур, Е. Б. Рашковским, Н. С. Розовым, И. М. Самусенко, И. А. Яковлевым и другими авторами, в методологическом плане уточнялись критерии формализации терминологии ТЛЦ, выделялись элементы целесообразного (с позиций неоклассической рациональности) порядка их структурирования, в том числе, в звене «ядро-приложения», и тем самым была предопределена возможность появления новых подходов к составлению научно обоснованной дефиниции ключевого понятия, вынесенного в заголовок статьи.

Литература

1. Абросимова, И. А. Методологическая роль понятия цивилизации в социально-философском исследовании: автореф. дис. … канд. филос. наук / И. А. Абросимова. – Саратов, 2000.
27. Бабушкин, С. А. Теория цивилизации / С. А. Бабушкин. – Курск: РОСИ: КГПУ, 1997.
28. В поисках теории российской цивилизации: памяти А. С. Ахиезера: сборник статей /сост. А. П. Давыдов. – М.: Новый хронограф, 2009.
29. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – М.: АСТ, 2001.
30. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к греко-романскому / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991.
31. Ерасов, Б. С. О статусе и содержании теории цивилизаций / Б. С. Ерасов // История России: теоретические проблемы. – Вып. 1: Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения / отв. ред. А. С. Сенявский; Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 2002.
32. Ерасов, Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов. – М.: Наука, 2002.
33. Ильин, В. В. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности / В. В. Ильин, А. С. Ахиезер. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000.
34. Иноземцев, В. Л. Расколотая цивилизация / В. Л. Иноземцев. – М.: Academia: Наука, 1999.
35. Ионов, И. Н. О парадигмах, теории цивилизаций и немного о научной этике (ответ В. В. Шапаренко) / И. Н. Ионов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / гл. ред. Л. П. Репина. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – Вып. 22.
36. Ионов, И. Н. Рождение теории локальных цивилизаций и смена научных парадигм / И. Н. Ионов // Образы историографии. – М., 2001.
37. Ионов, И. Н. Теория цивилизации и неклассическое знание (социокультурные предпосылки макроисторических интерпретаций) / И. Н. Ионов // Общественные науки и современность. – 2004. – № 5.
38. Ионов, И. Н. Теория цивилизаций на рубеже XXI века / И. Н. Ионов // Общественные науки и современность. – 1999. – № 2.
39. Ионов, И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / И. Н. Ионов. – М.: Наука, 2007.
40. Каверин, Б. И. Российская цивилизация / Б. И. Каверин. – М.: МГТУ им. А. Н. Косыгина, 2005.
41. Кароннова, Е. В. Парадигма в историческом знании: дис. … канд. филос. наук. / Е. В. Кароннова – М., 2000.
42. Козин, Н. Г. Постижение России. Опыт историософского анализа / Н. Г. Козин. – М.: Алгоритм, 2002.
43. Комаров, В. Д. Философия цивилизации / В. Д. Комаров // Философия и общество. – 1998. – № 3.
44. Корякин, В. В. Цивилизационный и формационный подход к истории: возможен ли синтез? / В. В. Корякин // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. XI. – Вып. 3.
45. Кузык, Б. Н. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 1, 2 / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. – М.: Институт экономических стратегий, 2006.
46. Кульпин, Э. С. Путь России. Серия СЕИ. Вып. 5 / Э. С. Кульпин. – М.: Московский лицей, 1995.
47. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1977.
48. Ленк, Х. Эпистемологические заметки относительно понятий «теория» и «теоретическое понятие» / Х. Ленк // Философия, наука, цивилизация / под ред. В. В. Казютинского. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.
49. Лешкевич, Т. Г. Философия науки: традиции и новации: учебное пособие для вузов / Т. Г. Лешкевич. – М.: ПРИОР, 2001.
50. Лукин, В. М. Очерк теории цивилизации: учебное пособие / В. М. Лукин. – СПб.: Изд-во С-Петерб. гос. ун-та, 2006.
51. Миголатьев, А. А. Философия цивилизации / А. А. Миголатьев // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 4, 6; 2004. – № 1, 2.
52. Микешина, Л. А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. пособие / Л. А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005.
53. Новикова, Л. И. Вызов цивилизации / Л. И. Новикова // Общество, цивилизация, социализм / отв. ред. Л. И. Новикова. – М., 1988.
54. Овсянников, В. И. В поисках новых подходов к историческим исследованиям / В. И. Овсянников // Новая и новейшая история. – 1996. – № 6.
55. Олех, Л. Г. Цивилизации и революции / Л. Г. Олех. – Новосибирск: Наука, 1989.
56. Орлова, И. Б. Современные цивилизации и Россия / И. Б. Орлова. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000.
57. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2002.
58. Платонов, О. А. Экономика русской цивилизации / О. А. Платонов. – М.: Родник, 1995.
59. Проскурякова, Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии / Н. А. Проскурякова // Вопросы истории. – 2005. – № 7.

60. Рашковский, Е. Б. Целостность и многоединство российской цивилизации: интервью с Е. Б. Рашковским / Е. Б. Рашковский // Общественные науки и современность. – 1995. – № 5.

61. Рашковский, Е. Б. Цивилизационная теория: познание истории – познание современности / Е. Б. Рашковский // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 8, 9.

62. Репина, Л. П. Социальная история в историографии XX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук/ Л. П. Репина. – М., 1998.

63. Розов, Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития / Н. С. Розов. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1992.

64. Розов, Н. С. Философия и теория истории. Книга 1. Пролегомены / Н. С. Розов. – М., 2001.

65. Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: энциклопедический словарь / ред. М. П. Мчедлов и др. – М.: Республика, 2001.

66. Самусенко, И. М. Философско-методологические основы анализа феномена цивилизации: учеб. пособие / И. М. Самусенко. – Армавир: Армавирское полиграфпредприятие, 2008.

67. Семенникова, Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: учебное пособие для вузов / Л. И. Семенникова. – Брянск: Курсив, 2000.

68. Семёнов, В. С. Диалектика взаиморазвития общества, культуры, цивилизации / В. С. Семёнов // Философия и общество. – 2006. – № 2.

69. Сергеева, О. А. Особенности современных цивилизационных процессов / О. А. Сергеева. – М.: МАТИ: РГТУ им. К. Э. Циолковского, 2002.

70. Сергеева, О. А. Становление цивилизационной концепции. Генезис и структура цивилизационной концепции общественного развития / О. А. Сергеева. – М.: МАТИ: РГТУ им. К. Э. Циолковского, 2000.

71. Следзевский, И. В. Особенности и возможности цивилизационного подхода / И. В. Следзевский // История России: теоретические проблемы. – Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения / отв. ред. А. С. Сенявский; Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 2002.

72. Старостенков, Н. В. Российская цивилизация в социальном измерении: методология социально-гуманитарного знания / Н. В. Старостенков, Г. Ф. Шилова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

73. Старостин, А. М. Цивилизационная парадигма в политической науке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.strategy-spb.ru/partner/files/starostin.pdf (дата обращения: 10.01.2011).

74. Стёпин, В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин. – М.: Прогресс-традиция, 1999.

75. Тойнби, А. Дж. Постижение истории: сборник: [пер. с англ.] / А. Дж. Тойнби; сост. А. П. Огурцов. – М.: Прогресс, 1991.

76. Тонких, В. А. Россия: цивилизация и культура / В. А. Тонких, Ю. Л. Ярецкий. – М.: Союз, 1998.

77. Уткин, А. И. Россия и Запад: история цивилизаций: учеб. пособие для студ. вузов / А. И. Уткин. – М.: Гардарики, 2000.

78. Черняк, Е. Б. Цивилиография: наука о цивилизации / Е. Б. Черняк. – М.: Междунар. отн., 1996.

79. Чусовитин, А. Г. Российская цивилизация: учебное пособие / А. Г. Чусовитин. – Новосибирск: НГАС, 1997.

80. Шапаренко, В. В. Познавательные ракурсы истории / В. В. Шапаренко // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / гл. ред. Л. П. Репина. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – Вып. 22.

81. Шаповалов, В. Ф. Россиеведение: учебное пособие для вузов / В. Ф. Шаповалов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.

82. Шемякин, Я. Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории / Я. Г. Шемякин. – М.: Наука, 2001.

83. Шпенглер, О. Закат Европы. – Т. 1: Образ действительности / О. Шпенглер; пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. – Новосибирск: Наука, 1993.

84. Яковенко, И. Г. Российская история и проблемы цивилизационного анализа / И. Г. Яковенко // История России: теоретические проблемы. – Вып. 1: Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения / отв. ред. А. С. Сенявский; Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 2002.

85. Яковлев, И. А. История человечества: история отношений человека и природы как цивилизационный процесс / И. А. Яковлев. – СПб.: Алетейя, 2006.

УДК 94(47+57)

«КЛАМАРСКИЙ РАСКОЛ» В ИСТОРИИ ЕВРАЗИЙСТВА: ВЫЯВЛЕНИЕ И АНАЛИЗ ПРИЧИН

Е. В. Никитенко

«KLAMARSKY SPLIT »IN THE HISTORY OF EUROSIANIZM: REVEALING AND THE ANALYSIS OF THE REASONS

E. V. Nikitenko

Статья посвящена выявлению и анализу причин «Кламарского раскола». Известно, что события конца 1928 г. – начала 1929 г. (Кламарский раскол) привели к расколу евразийского движения. Установлено, что ряд факторов способствовал данному процессу, начиная с середины 1920-х гг.: сотрудничество с чекистской организацией под кодовым названием «Трест», с группой А. П. Кутепова, личное общение некоторых представителей евразийства с советскими гражданами, а именно – с М. Горьким.

This article is devoted to revealing and the analysis of the reasons of the «Klamarsky split». It is known that events of the end of 1928 - the beginnings of 1929 (Klamarsky split) have led to split of the Euroasian movement. It

is established that several factors promoted to this process, since the middle of 1920th: cooperation with the organization, which code-named was "Trust", with group A.P. Kutepov, personal contact of some representatives of eurasionizm with the Soviet citizens, for example with soviet writer M. Gorkim.

Ключевые слова: евразийство, Кламарский раскол, пражское отделение, парижское отделение, организация «Трест».

Keywords: eurasionizm, Klamar's split, Prague's department, Paris's department, organization of «Trest».

Евразийство – идеологическое движение, возникшее в 1921 году в среде русской эмиграции. В становлении и развитии евразийского движения следует выделить несколько этапов. И именно период конца 1920-х гг. стал переломным в истории евразийства. События конца 1928 – начала 1929 гг. привели к расколу в движении, дискредитации в среде русской эмиграции. События, известные в истории как «кламарский раскол» связаны с работой над выходом официального печатного органа газеты «Евразия». Противоречия, сложившиеся между пражским и парижским центрами, касались содержания газеты [4, 6, 9]. В ней проводились прокоммунистические идеи в разрез с идеями ортодоксального евразийства, которые отстаивало пражское отделение во главе с П. Н. Савицким.

Обращаясь к изучению истории раскола в евразийском движении, к событиям, которые привели к противостоянию двух старейших центров, пражского и парижского, представляется важным выявить причины, которые привели к возникновению противоречий среди партийного руководства, лидеров евразийства, а также левоуклонистских тенденций в движении.

Изучение вопроса «кламарского раскола» связано с рядом трудностей. Отметим, что одновременно это событие и хорошо известное и плохо документировано внешне. Архивные материалы из личного фонда П. Н. Савицкого включают непосредственно как воспоминания и заметки лидера пражского центра, по сути, создавшего и возглавившего оппозиционную коалицию по отношению к «Кламару», так и записи, сделанные соратниками П. Н. Савицкого, К. А. Чхеидзе, Н. А. Дунаева, Н. Н. Алексеева [6, 9, 15]. Со слов самого П. Н. Савицкого, основные противоречия и споры рождались в личных устных беседах с представителями кламарской группировки, что соответственно невозможно было задокументировать. Тем не менее, П. Н. Савицкий, как показывают архивные документы, делал пометки в записной книжке, отмечая важнейшие моменты разговоров для дальнейшей обработки и письменного восстановления бесед.

К возможным факторам, спровоцировавшим в дальнейшем левоуклонистские тенденции в евразийстве, относится сотрудничество с организацией «Трест». Поездки в Россию лидеров движения и других евразийцев в середине 1920-х гг. организовывались не без участия, а иногда и посредством финансирования этой организации. В изучении вопроса сотрудничества с «Трестом» важным источником является собрание С. Л. Войцеховского, хранящееся в архиве Гуверовского института в Стэнфорде. Как отмечает И. Д. Шевеленко, имя С. Л. Войцеховского связывается с крупнейшей провокацией ГПУ 1920-х годов – так называемым Монархическим Объединением Центральной России (МОЦР) или «Трестом». Вовлеченный в эту деятельность евразийцем, одновременно и монархистом Ю. А. Артамоновым и благодаря ему, С. Л. Войцеховский познакомился с работами евразийцев и в декабре 1924 г. вступил в переписку с П. Н. Савицким [16, с. 376]. Переписка, судя по архивным данным, оборвалась лишь к осени 1933 года. Организационно С.Л. Войцеховский не считал себя связанным с евразийством. Но по замечанию И. Д. Шевеленко, данные личного архива С. Л. Войцеховского не оставляют сомнений в том, что в обстоятельства евразийской работы он был посвящен достаточно хорошо [16, с. 376]. Кроме того, переписка между П. С. Араповым и П. Н. Савицким, а также постановления руководящих органов евразийства в период 1924 – 1926 гг. («Совета Пяти», «Совета Семи») позволяет выявить практические задачи, которые ставили перед собой евразийцы в целях распространения собственных идей и какую роль они отводили организации «Трест».

Работа по проникновению в евразийскую среду органов ГПУ велась посредством Монархической организации Центральной России (МОЦР), где ей было дано кодовое название «Трест». Причем, как отмечает С. Л. Войцеховский, МОЦР как тайное объединение, организованное в Москве, в период налаживания контактов с эмиграцией, возглавлялось советскими агентами. Агентами являлись: бывший генерал-лейтенант А. М. Зайончковский, генерал-майор Н. М. Потапов, статский советник А. А. Якушев [4, с. 7]. Этих же людей называет и Б. Пряшников, занимавших руководящие посты в «Тресте» [14, с. 68 – 70].

Нельзя однозначно утверждать было ли это Объединение сразу создано как легенда, или состояло из действительных монархистов и стала ею после проникновения А. А. Якушева и Н. М. Потапова. Тем не менее, уже с ноября 1921 года связь с эмигрантами была налажена. Контакты с евразийцами были установлены через евразийца Ю. А. Артамонова, который встречался с А. А. Якушевым в Ревеле [14]. Отметим, что, в первую очередь, А. А. Якушев обратил внимание как раз на евразийцев Ю. А. Артамонова и П. С. Арапова. Далее началось внедрение в евразийскую среду через А. А. Лангового, человека, сведущего в философских течениях, истинного интеллигента. А. А. Якушевым, в свою очередь, инициировались поездки в Москву, куда он ездил вместе с П. С. Араповым, сведя его с А. А. Ланговым, лидером евразийской фракции «Трест» [8, с. 117]. Кроме того, воспоминания С. Л. Войцеховского указывают на тот факт, что и поездки одного из лидеров движения

П. Н. Савицкого в Москву также осуществлялись при содействии МОЦР [4, с. 29].

Как отмечает Б. Пряшников в книге «Незримая паутина», сотрудниками ОГПУ организовывались совещания евразийской фракции, распределялись роли, заучивались тексты для убедительности и правдоподобности. Высказывались совершенно разные мнения о судьбе России, но при этом акцент делался на необходимости сближения евразийцев с руководством «Треста» [14, с. 69]. Когда весной 1924 г. П. С. Арапов находился в Москве, состоялось знакомство с руководителями организации, монархистами-чекистами А. Д. Зайончковским, Н. М. Потаповым. Как отмечает Б. Пряшников, в Берлин П. С. Арапов вернулся «очарованный всем виденным и слышанным» [14, с. 70]. Именно по протекции П. С. Арапова А. А. Ланговой, по приезду в Берлин, принимал участие в Первом евразийском съезде в январе 1925 г. На съезде присутствовали виднейшие евразийцы – П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Д. П. Святополк-Мирский, П. П. Сувчинский и другие. При этом А. А. Ланговой выступал с докладом в тон идеям и настроениям евразийцев и постановлением съезда был введен в состав совета евразийцев [14, с. 70]. В период 1924 – 1927 гг. сотрудники МОЦР установили достаточно тесные контакты с представителями евразийства.

Мы не будем акцентировать внимание на истории существования «Треста», на подробностях деятельности организации. Представляется важным выявить степень внедрения в евразийскую среду и возможность воздействия на проводимую евразийцами политику. В этой связи следует отметить факт содействия МОЦР конспиративным поездкам евразийцев в Москву. Об этом упоминает С. Л. Войцеховский: о поездках П. Н. Савицкого, П. С. Арапова [4, с. 29]. Б. Пряшников не раз упоминает о том, что организацию поездок евразийцев в Россию брал на себя «Трест» [14]. Понятно, что это осуществлялось в интересах самих же чекистов. Но тем самым для евразийцев выстраивались возможные пути сотрудничества с соотечественниками. А это способствовало реализации поставленных целей по продвижению и пропаганде евразийских идей. При этом евразийцы верили в реальную возможность распространения идеологии не только в Москве, но и в других российских городах. Подобное содействие как минимум располагало к благосклонному отношению к МОЦР и придавало веры в возможность существования евразийской организации в России. Помощник начальника КРО ОГПУ В. А. Стырне утверждает, что влияние Треста на евразийство определенно и провести через евразийство возможно любой вопрос [7, с. 251].

Отношения евразийцев с «Трестом» поддерживались на протяжении 1924 – 1927 гг., до самого разоблачения организации. Особенно тесные отношения были между А. А. Ланговым и П. С. Араповым [4, с. 56]. В архиве С. Л. Войцеховского имеются письма и телеграммы П. С. Арапова. Кроме того, как отмечает С. Л. Войцеховский, к евразийцу Ю. А. Артамонову «Трест» неоднократно проявлял доброжелательное внимание. Так, например, Ю. А. Артамонову предоставлялся от «Треста» отпуск в Югославию для встречи с родителями, также высылались дорогие подарки из Москвы [4, с. 71]. В целом основными действующими лицами в отношениях с МОЦР были евразийцы Ю. А. Артамонов и П. С. Арапов. О каких-либо постоянных контактах и переписке лидеров евразийства П. Н. Савицкого, Н. Трубецкого, П. П. Сувчинского С. Л. Войцеховский практически не упоминает. Но участие чекистов, выдававших себя за сторонников евразийцев, в проводившихся съездах не вызывает сомнения [4, 5, 14].

Распорядительный центр в Москве, на который возлагали надежды евразийцы, несомненно, интересовался литературной и организационной работой, которую вели евразийцы среди эмигрантов. Постановления эмигрантских евразийцев для Распорядительного центра в Москве были не обязательны [1, с. 120]. Кроме того, в статье неизвестного автора (А. Б.) «Евразийцы и Трест», написанной в 1928 году, а напечатанной в журнале «Возрождение» в 1953 году, подчеркивается обязательный характер для исполнения евразийцами директив, которые давал Распорядительный центр в Москве [1, с. 120]. Интересен характер этих распоряжений. Как свидетельствует пересказ автором слов одного из евразийцев: «Центр», присылая директивы, «такое пишут, что напечатать никак невозможно, …что пора забыть все и идти с коммунистами нога в ногу, и что коммунисты и есть новая сила, тот отбор, о котором говорят евразийцы» [1, с. 124]. О выполнении директив из Москвы, а также о всяческом содействии деятельности «Треста», свидетельствует и отчет помощника начальника КРО ОГПУ В. А. Стырне, составленный в 1925 году [7, с. 251].

По мнению современников, евразийцам намекалось на сомнительность отношений с «Трестом», о том, что это не действительная Монархическая организация в России, а чекистская организация. Но как утверждали сами евразийцы, в июле 1926 г. в Москве от «Треста» отпочковался некий Распорядительный центр, который как раз и избавился от провокаторов. Именно с этим «Центром» евразийцы поддерживали и вели работу в соответствии с поставленными задачами [1, с. 120].

Отметим, что до 1926 г. действительных сомнений в характере монархической организации у евразийцев не возникало. Хотя и после, несмотря на существовавшие в эмиграции слухи, евразийцы поддерживали связь с Распорядительным центром в Москве, вплоть до полного разоблачения всего «Треста». Изначально для евразийцев «Трест» был неким окном, механизмом для прохождения границы, поездок в Россию. Свидетельством тому служит письмо П. С. Арапова, адресованное П. Н. Савицкому в июле 1924 г., высказавшего мысль о том, что «вся задача заключается в том, чтобы из «Треста» сделать нефтяную организацию («Нефтяная организация» – евразийская организация), способствующую разрешению нефтяных целей. Так как, по существу, «Трест» является очень хорошим меха-

низмом, но без души, то такой механизм может явиться оружием в руках любой группировки, цели которой приблизительно совпадают с чисто практическими целями «Треста» – т. е. свержение коммунистической власти и установление монархии – нам надлежит этим положением воспользоваться» [2, л. 28 – 29].

Чекисты же посредством «Треста» кардинальным образом не воздействовали на политику евразийства. Проникновение в евразийские ряды было способом получения информации о контрреволюционной деятельности в эмиграции, диктовались необходимостью полной осведомленности о пропагандистской работе как в Европе, так и в России для выявления и ликвидации антисоветски настроенных граждан СССР [8, с. 118 – 119]. Об успешности сбора информации среди эмигрантских евразийских кругов свидетельствует докладная записка помощника начальника КРО ОГПУ В. А. Стырне начальнику КРО ОГПУ А. Х. Артузову о контрразведовательной операции «Трест». Кроме того, указывает на факт принятия двух «евразийцев» (чекистов) в евразийский совет (Совет Семи). При этом «полномочным решением считается решение, принятое в присутствие 5 человек, из коих один должен быть евразийцем, состоящим на службе «Треста» [7, с. 249]. Работа, которая велась по распространению евразийства в России, по сути, работа строго конспиративная, и допущение на руководящие посты членов «Треста» говорит о высокой степени доверия и вовлеченности «Треста» в евразийские дела. Также в отчет включена информация о резолюции «Отношение к «Тресту», принятой евразийцами на совещании в январе 1925 года. Преследуя свои цели, евразийцы считают необходимым всячески поддерживать связь с «Трестом» и ему содействовать [7, с. 250]. В отчете резюмируется, что «Трест» сросся с евразийством и что влияние наше в евразийстве определенно и провести через него мы можем любой вопрос, а отдельные члены евразийского совета выполнят наше поручение и окажут нам всяческое содействие» [7, с. 251].

Представляется сложным проследить, насколько велико было воздействие на проводимую евразийцами политику. Но то, что члены МОЦР («Треста») участвовали в евразийских совещаниях, в принятии определенных решений, говорит переписка самих евразийцев, воспоминания современников.[1, с. 123]. В вопросе о погруженности «Треста» в евразийские дела, о степени доверия евразийцев МОЦР, интересными представляются данные вышеупомянутой статьи «Евразийцы и «Трест». Автор сообщает о личной беседе с лидером движения, в которой сам П. Н. Савицкий упоминал о том, что у евразийцев существует некая внутрироссийская организация для контрреволюционной борьбы и «евразийцы переправляют через нее 75 % всей, идущей из-за границы, литературы» [1, с. 117]. При этом со слов автора, евразийцами, да и П. Н. Савицким, подчеркивалась принадлежность «Треста» непосредственно евразийскому движению: «В начале этого года я узнал, что, примерно, в октябре 26 г. Савицкий при помощи своей организации ездил в Москву и благополучно вернулся через несколько дней» [1, с. 118].

Будь «Трест» действительно монархической организацией в России, то для евразийцев это был бы единственный способ их практической реализации на родине. «Трест» выступал бы в качестве организации, на которую возлагалась бы основная работа по пропаганде идей, а именно: передача литературы, организация конспиративных поездок в Россию. Со своей стороны евразийцы могли предложить лишь членство в организации. Но этого было бы мало, скорее, членство в евразийском совете, что и было сделано, включив в члены руководящего органа А. А. Лангового. Хотя в заметке о «Тресте» П. Н. Савицкого, написанной в 1937 году, говорится о заинтересованности евразийцев в развертываемых А. А. Якушевым перспективах по проникновению евразийства в Россию, но при этом евразийцы отнюдь ему не доверяли [5, с. 254]. Отметим, что сама заметка является противоположностью Постановлению «Совета Пяти» об отношениях с «Трестом», датируемому концом 1925 – началом 1926 гг. При этом П. Н. Савицкий являлся одним из членов Совета. Евразийцы доверяли «Тресту», считая организацию «организмом живым и здоровым, порожденным реальными условиями аргентинской действительности (Аргентинская действительность – российская действительность. Аргентина – Россия) и при этом единственной организацией, могущей произвести тот учет векселей (произвести учет векселей – способность реально работать), без которого осуществление в Аргентине каких-либо культурных начинаний, а особенно нефтяных (нефтяных – евразийских), невозможно» [12, л. 72 – 74]. Так неистово евразийцы верили в необходимость и возможность прививания членам «Треста» евразийских идеологических установок, разрабатывая даже тактику по продвижению идей среди самих работников «Треста».

В апреле 1927 г. организация «Трест» была разоблачена бежавшим из Москвы чекистом Опперпутом, называвшем себя в МОЦР Стауницем и Касаткиным. Последствием этого разоблачения стал ряд статей, обрушившихся на евразийское движение с обвинениями в сотрудничестве с органами ГПУ. Одной из таких статей стала заметка рижского корреспондента Н. Курганского, писавшего о том, что Сувчинский «в результате своей таинственной поездки в Берлин и переговоров, которые он там вел, заключил с большевиками какой-то договор» [16, с. 378]. Эта корреспонденция вызвала особое раздражение у П. Н. Савицкого. Как отмечает И. Шевеленко, статья Н. Курганского не только выражала, но и формировала комплекс слухов вокруг евразийства. При этом П. Н. Савицкий упоминает о несдержанности П. П. Сувчинского и его помощников в разглашении евразийских секретов [16, с. 378].

Собрав все факты воедино, а именно – обязательный характер исполнения директив, приходивших из Москвы с учетом местных условий, принятие работников «Треста» в евразийские ряды, их

участие в евразийских совещаниях с правом голоса, а также избрание в члены руководящего органа – евразийского совета, организация поездок в Россию посредством «Треста», распространение евразийской литературы через «Трест», можно придти к выводу о непосредственной вовлеченности, установления тесного сотрудничества чекистов не только с рядовыми евразийцами, но и с партийной верхушкой. Доступ к информации о конспиративной деятельности евразийцев обеспечил ОГПУ. Кроме того, операция «Трест», организованная ОГПУ, нанесла определенный удар по евразийству, дав почву для еще большей критики движения, которой в среде русской эмиграции было немало.

Еще одним фактором, определившим развитие внутренних противоречий в руководстве движения, стало сближение евразийцев с группой А. П. Кутепова, представлявшего сторонников Великого князя Николая Николаевича. Как отмечает М. Ю. Панченко, активным сторонником союза с группой А. П. Кутепова в 1925 – 1926 гг. являлся П. Н. Малевский-Малевич при поддержке П. С. Арапова [10, с. 15]. В конце 1925 года Совет Семи был заменен Советом Евразийства, в состав которого вошли члены бывшего Совета Пяти. В центральном аппарате утверждались 1-й и 2-й отделы, уполномоченные координировать редакционно-идеологическую деятельность и военно-конспиративные мероприятия. В первый отдел вошли Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский; во второй – П. С. Арапов, П. Н. Малевский-Малевич и полковник лейб-гвардии Семеновского полка А. А. Зайцов. В период января 1926 – марта 1927 гг. усиление влияния подчиненных А. П. Кутепова, в частности А. А. Зайцова, который был личным помощником А. П. Кутепова и личным другом казначея евразийского движения, явилось причиной начавшегося противостояния между П. Н. Савицким и П. П. Сувчинским. Это противостояние было связано с борьбой, развернувшейся вокруг включения в первой половине 1926 г. А. А. Зайцова в Евразийский Совет. П. Н. Малевский-Малевич, П. С. Арапов, П. П. Сувчинский выступали за включение А. А. Зайцова в Совет, тогда как П. Н. Савицкий был против расширения состава руководящего органа движения. Отметим, что сам П. Н. Савицкий дает оценку деятельности П. Н. Малевскому-Малевичу: «Сам ПНММ действует в этой связи как агент А. А. Зайцова и тем самым Кутепова, но не как евразиец. Он втягивает в эти комбинации П. С. Арапова» [5, с. 254]. Но на данном этапе расхождения евразийцев не носили принципиального характера, как и деятельность П. П. Сувчинского в качестве лидера парижского (кламарского) отделения, члены которого придерживались уже в тот период левых воззрений.

Отдельно следует сказать о личном общении членов парижского отделения Д. Святополк-Мирского, П. Сувчинского и С. Эфрона с советским писателем М. Горьким. Установлению контактов способствовала работа над выпуском литературного журнала «Версты» (Д. Святополк-Мирского, П. Сувчинского, С. Эфрона). Исследователями отмечается благосклонное отношение М. Горького к работе редколлегии [13, с. 244]. С 1927 года устанавливается личный контакт с писателем по инициативе Д. Мирского и П. Сувчинского. Как показывает Н. Н. Примочкина, непримиримость позиций собеседников была связана только с религиозным вопросом, категорично отвергаемым М. Горьким [13, с. 248]. Благодатная почва для утверждения своих леворадикальных воззрений, которые нашли свое полное воплощение на страницах газеты «Евразия». Следующий момент, требующий детального изучения – исследовательская позиция А. Бросса. Автор высказал предположение: «убедительно аргументирую свои выводы, о том, что К. Б. Родзевич (член парижского отделения) являлся советским агентом» [3, с. 226 – 247]. В своей совокупности данные факты указывают на истоки леворадикального евразийского уклона, усматриваемые в связях с представителями различных кругов Советской России.

Литература

1. А. Б. Евразийцы и «Трест» // Возрождение. – Париж, 1953. – Тетрадь № 30. – С. 117 – 127.
2. Арапов, П. С. Письмо П. Н. Савицкому / П. С. Арапов // ГАРФ. Ф.5783. Оп.1. Ед. хр. 406. Л. 28 – 29.
3. Бросс, А. Групповой портрет с дамой. Глава из книги «Агенты Москвы» / А. Бросс // Иностранная литература. – 1989. – № 12. – С. 226 – 247.
4. Войцеховский, С. Л. Трест / С. Л. Войцеховский. – Канада, 1974. – 193 с.
5. Заметки П. Н. Савицкого о «Тресте» // Политическая история русской эмиграции 1920 – 1940 гг. Документы и материалы / под ред. проф. А. Ф. Киселева. – М., 1999. – 776 с.
6. Записка К. А. Чхеидзе о его пребывании в Кламаре // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 150 – 156.
7. Из докладной записки помощника начальника КРО ОГПУ В. А. Стырне начальнику КРО ОГПУ Ф. Х. Артузову о контрразве-довательных операциях «Ярославец» и «Трест» // Политическая история русской эмиграции 1920 – 1940 гг. Документы и материалы.
8. Очерки истории Российской внешней разведки. – М.: Международные отношения, 2006. – Т. 2. – 272 с.
9. Памятная записка Н. А. Дунаева о его пребывании в Кламаре // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 149 – 150.
10. Панченко, М. Ю. Политическая история евразийского движения 1926 – 1929 гг. Фракционная борьба и Кламарский раскол: автореф. дис. … канд. ист. наук/ М. Ю. Панченко. – СПб., 2007. – 27 с.
11. По поводу кламарской манеры ведения идеологических разговоров // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 157 – 163.
12. Постановление «Совета Пяти» об отношении с «Трестом» // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 72 – 74.

13. Примочкина, Н. Н. Эти евразийцы – люди крупного калибра (П. Сувчинский, Д. Святополк-Мирский. С. Эфрон)/ Н. Н. Примочкина // Горький и писатели русского зарубежья. – М., 2003. – 364 с.

14. Пряшников, Б. Незримая паутина / Б. Пряшников. – Нью-Йорк, 1979. – 396 с.

15. Савицкий, П. Н. Запись разговора с «кламарцем» К. Б. Родзевичем / П. Н. Савицкий // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 117.

16. Шевеленко, И. Д. К истории евразийского раскола 1929 года / И. Д. Шевеленко // Stanford Slavic Studies. – Stanford, 1994. – Vol. 8. – P. 376.

УДК 93:30:32.001

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ И ВОКРУГ НЕГО В КОНЦЕ 1980-х – НАЧАЛЕ 1990-х гг.: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. А. Пономарёв

SOCIAL AND POLYTICAL CAUSES OF INTERETHNICAL CONFLICT IN NAGORNY KARABACH AND SURROUNDING AREAS, 1980-s – BEGINNING OF 1990-s: HISTORICAL ASPECT

V. A. Ponomaryov

В статье рассматривается проблема межэтнического конфликта в Нагорном Карабахе. Исследуется и анализируется исторический аспект социально-политических причин его возникновения в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в СССР.

The problem of interethnic conflict in Nagorny Karabakh is considered. The historical aspect of social and political causes of its origin at the end of 1980s – the beginning of 1990s in the USSR are examined and analyzed in the article.

Ключевые слова: Нагорный Карабах, анклав, автономия, межэтнический конфликт.

Keywords: Nagorny Karabakh, enclave, autonomy, interethnic conflict.

1918 г. стал ключевым в возникновении карабахского конфликта вследствие распада Российской империи, вторжения в Закавказье турецких и германских войск и создания ими на «обломках» закавказских губерний марионеточного государственного образования, названного «Азербайджаном» [1, с. 123 – 125] по имени северной Персидской провинции, в целях последующей аннексии последней и прямого выхода в Среднюю Азию. Известный российский и советский историк, академик В. В. Бартольд в советское время по этому поводу отмечал: «… термин Азербайджан избран потому, что когда устанавливалась Азербайджанская Республика, предполагалось, что персидский и этот Азербайджан составят одно целое… На этом основании было принято название Азербайджан…» [2, с. 703].

Этническую основу будущего Азербайджана составили тюрки-мусульмане Восточного Закавказья. На рубеже XIX и XX веков это население ещё не обладало сколько-нибудь выраженным национальным самосознанием. В официальных документах того времени оно именовалось «татарами», что смешивало его с другими тюркоязычными народами России от Крыма до Алтая, причём сами азербайджанские «татары» и не думали протестовать против такого словоупотребления [3, с. 12].

Невозможно понять самой природы застарелой и тлевшей все советские годы карабахской проблемы, не исследовав времена советизации Закавказья и становления Союза ССР.

Названных исключительно по географическим, а не «этническим» или «этногеографическим» названиям, автономных республик и областей в Советском Союзе в разное время было образовано шесть [4].

В АзССР входило наибольшее число автономий: Нахичеванская АССР и Нагорно-Карабахская автономная область [4]. Подмена этнических понятий географическими объяснялась просто: необходимостью «закамуфлировать» факт передачи большевистским правительством Советской России исконных армянских территорий новообразованному Советскому Азербайджану.

Факт передачи этих территорий от Армении к Азербайджану был оформлен соответственно:

– в случае Нахичевани – межгосударственным договором между большевистской Советской Россией и кемалистской (от имени руководителя постосманской Турции Мустафы Кемаля, впоследствии прозванного Ататюрком, т. е. «отцом турок») Турцией, заключённым без участия оккупированной Армении – Московским договором от 16 марта 1921 г. [5, с. 731 – 735];

– в случае с Нагорным Карабахом передача была оформлена решением российского партийного органа – пленума Кавказского бюро ЦК Российской Коммунистической партии большевиков – РКП(б) [6, л. 77].

По сути, это был раздел Армении большевистской Россией и кемалистской Турцией, по форме своей схожий с разделом Польши между СССР и гитлеровской Германией в 1939 г. При этом территория бывшей Армянской Республики была примерно поровну поделена между ними.

Территория Нагорного Карабаха в целом намного больше той территории, на которой в 1923 г. была создана Автономная область Нагорного Карабаха (АОНК) в её малых границах. Границы области было поручено определить АзЦИК – прямому наследнику правительства Азербайджанской Демократической Республики, так как в то время их (границ)

не существовало, – ни НКАО, ни границ между советскими Арменией и Азербайджаном.

После советизации Армянской республики в 1920 г. Советский Азербайджан декларировал отказ от претензий на Карабах, Зангезур и Нахичеван [7].

Первоначально декларацией Азербайджанского ревкома от 30 ноября 1920 г. спорные районы Зангезур и Нахичевань были признанны частью уже Советской Армении, а Нагорному Карабаху, большую часть населения которого составляли армяне, было предложено право на самоопределение.

На торжественном заседании Бакинского Совета 1 декабря 1920 г. С. Орджоникидзе и Н. Нариманов заявили о вхождении Нагорного Карабаха в состав Армении [8, с. 65]. Это подтвердил И. В. Сталин в газете «Правда» от 4 декабря 1920 г. [9].

В 1920 г., после занятия края войсками Красной Армии и в дальнейшем, судьба Нагорного Карабаха решалась партийной инстанцией большевистской России. Так, 3 июня 1921 г. пленум Кавбюро ЦК РКП(б) постановил: «Указать в декларации Армянского правительства о принадлежности Нагорного Карабаха Армении» [6], а 12 июня 1921 г. в Декрете Совнаркома ССР Армении провозглашалось, что «… отныне Нагорный Карабах является неотъемлемой частью Социалистической Советской Республики Армении» [10, л. 2].

Фактически с апреля 1920 г. по июль 1921 г. Нагорный Карабах и занятая Красной Армией совместно с турками Нахичевань, а также Зангезур, входили в систему управления советизированной АДР. Отсюда следует решение большевистского пленума об «… оставлении Нагорного Карабаха в пределах АзССР» [11, л. 17].

4 июля 1921 г. пленум Кавбюро ЦК РКП(б) в Тифлисе постановил: «… Нагорный Карабах включить в состав ССР Армении, плебисцит провести только в Нагорном Карабахе» [11, л. 17], а 5 июля принял другое решение: «… Нагорный Карабах оставить в пределах АзССР, предоставив ему широкую областную автономию с административным центром в городе Шуше» [11, л. 18] и «… образовав автономную область Азербайджана» [12, л. 13].

Решение от 5 июля 1921 г. было принято под давлением И.В. Сталина и ультимативно-угрожающего заявления Н. Нариманова. Защищая свои позиции, Н. Нариманов угрожал возможной «катастрофой» и прибегал к «тактике отставок» [8, с. 65]. Он заявил, что если Нагорный Карабах будет передан Армении, то «Совнарком Азербайджана слагает с себя ответственность», т. к. при таком исходе «мы восстанавливаем в Азербайджане... антисоветские группы» [12, л. 13]. По сути дела, на заседании обсуждения не было. На I съезде КП Армении (26 – 29 января 1922 г.) А. Мясникян (Председатель СНК и нарком по военным делам АрмССР) [13, с. 364], отвечая на вопрос, почему Нагорный Карабах не был присоединен к Армении, сообщил: «Так Азербайджан говорил, что если Армения потребует Карабах, то не отпустим керосину» [14, л. 22 – 23].

Под давлением Закфедерации, 7 июля 1923 г. АзЦИК своим Декретом провозгласил автономию на «Армянской части Нагорного Карабаха» [15]. Для исполнения Декрета была образована комиссия. Издав Декрет и образовав комиссию, руководство АзССР в дальнейшем не предприняло последующих действий.

Таким образом, в ходе создания в 1923 г. автономии в аннексированном Нагорном Карабахе, значительная часть его не была включена в автономию и осталась за её пределами, что было зафиксировано в юридических документах.

В 1923 – 1936 гг. область официально называлась не НКАО (Нагорно-Карабахская автономная область), а АОНК – Автономная область Нагорного Карабаха. Об этом свидетельствует само название декрета АзЦИКа от 7 июля 1923 г. «Об образовании Автономной области Нагорного Карабаха» [15]. Тем самым смысл первоначального названия АОНК в том, что автономная область создана на части территории Нагорного Карабаха. Последующее название – НКАО, или Нагорно-Карабахская автономная область, низводило территорию всего Нагорного Карабаха до административных границ этой самой автономии.

В 1923 г. была создана Автономная область Нагорного Карабаха (АОНК) из частей дореволюционных Джеванширского, Шушинского и Карягинского уездов, изначально площадью в 4590 кв. км [16, столб. 148]. В более поздних советских изданиях площадь АОНК (с 1936 г. – НКАО) указывалась равной 4200 кв. км с населением 133200 чел. [17, столб. 20] и 4400 кв. км [18, с. 198].

Власти АзССР проигнорировали решение вышестоящих партийных инстанций о Шуше как об областном центре. Им АзЦИК объявил местечко Ханкенди (тюрк. – «ханское село») – небольшой посёлок, по-армянски когда-то именовавшийся Вараракн – дачное место с садами и лугами, близ которого был расквартирован гарнизон русских войск. Таким образом, 7 июля 1923 г. из армянской части Нагорного Карабаха была образована Автономная область Нагорного Карабаха (АОНК) с центром в местечке Ханкенди [15], переименованном в сентябре 1923 г. в г. Степанакерт [19, с. 684] в честь большевика Степана Шаумяна [20, с. 661].

За первые пять лет после передачи Нагорного Карабаха АзССР и через три года после создания АОНК численность населения последней сократилась на 4 – 6 тыс. человек, при этом численность армянского населения уменьшилась на 11 – 12 тыс. чел. [21, с. 11]. Этот факт можно объяснить массовым выездом за пределы Нагорного Карабаха армянских беженцев из г. Шуши и ряда разорённых сёл после официального включения края в состав АзССР.

В марте 1920 г. начались вооружённые столкновения между направленными в Нагорный Карабах с целью разоружения и уничтожения карабахских армян азербайджанскими войсками Азербайджанской Демократической Республики, при поддержке турецких войск, и силами самообороны Национального Совета Нагорного Карабаха.

Самые трагические события произошли в столице края Шуше. Из армянского населения мало кто предполагал, что противник развернёт войну в столице края, где пострадают обе части города.

В ночь с 22 на 23 марта верхняя, армянская, часть города была обстреляна из орудий и подожжена [22, с. 62].

По сведениям, удалось спастись бегством 6000 армян. Ещё 3000 попали в плен, но все были вырезаны. Судьба остальных неизвестна, но многие были убиты или заживо сгорели в домах [23, с. 30]. В ходе убийств и погромов азербайджанскими аскерами и местными вооружёнными формированиями были совершены чудовищные преступления против человечности [24, с. 48 – 49].

После пожара и погромов марта 1920 г. в Шуше проживало 9200 чел., из них армян – 289 чел. [25, с. 100].

Всего в ходе военных событий 1918 – 1920 гг. погибло примерно 20 % населения будущей НКАО, что при абсолютном исчислении даёт до 30000 человек; притом, что 94 % от общей численности населения составляли армяне [26, столб. 19], сам край находился в состоянии разрухи. О численности населения отдельных районов Нагорного Карабаха в начале XX в. и сразу после советизации, то есть по окончании войны и погромов, отмечается в статье В. Н. Худадова «Современный Азербайджан» в разделе «Армяно-татарские отношения», где автор упоминает эпидемию оспы, в результате которой «в районе Варанда, к северо-востоку от Шуши, армянское население, насчитывавшее тогда 80000 душ, потеряло за зиму 1906 – 1907 гг. 1300 детей, умерших от оспы» [27, с. 181].

На территориях, вошедших в состав АзССР, армянское население значительно сократилось вследствие массовых убийств, погромов, осуществлённых турками и мусаватистами в 1918 – 1920 гг. Особенно это коснулось Баку и районов расселения армян вне Нагорного Карабаха, в предгорьях Большого Кавказа: в 1914 г. армяне составляли 12,6 % общего числа населения Геокчайского уезда, а в 1921 г. – уже 4,9 %. В Шемахинском уезде соответственно 13,4 % и 7,3 %, в Агдашском уезде – 19,5 % и 0,7 %, в Нухинском – 20,2 % и 2,4 %. В 1914 г. в Шемахинском, Геокчайском, Арешском и Нухинском уездах (предгорья Большого Кавказа) армян проживало 73500 чел., а в 1921 г. – лишь 12700 [28, с. 47].

В 1920 – 1960-х гг. на территории самой АОНК – НКАО возникло несколько минианклавов, выведенных из областного подчинения и переданных в подчинение соседних с автономной областью районов. Это были новые азербайджанские сёла, возникавшие на карте области, особенно в послевоенные годы. Другая роль анклавов была связана с территориями сельскохозяйственного назначения. Часто плодородные земли изымали у армянских хозяйств НКАО и передавали вновь созданным близ её административных границ азербайджанским сёлам в целях искусственного создания в новых административных образованиях азербайджанского большинства.

К 1980-м гг. северная часть Нагорного Карабаха была частями включена в состав административных единиц (районов) АзССР.

Несмотря на миграцию армян северной части Нагорного Карабаха за пределы АзССР, в Баку, а также из армянских сёл в Кировабад, вплоть до 1988 г. армяне по-прежнему составляли большинство населения в зоне компактного проживания в Северном Нагорном Карабахе, который административно входил в районы бывшей АзССР.

Таким образом, несмотря на десятилетия вынужденной миграции, к 1988 г. в северной части Нагорного Карабаха (севернее Шаумянского района) проживала треть всего армянского населения края – более 83000 чел. [29, с. 73], – более чем вдвое больше, чем азербайджанцев в НКАО.

Национально-территориальное «размежевание» в неправовом Советском государстве не имело никакой юридической основы. «Буржуазное» международное право до Второй мировой войны в СССР не признавалось, а международно-правовое содержание имевших место территориальных споров и конфликтов игнорировалось. Единственной незыблемой основой национально-территориального урегулирования были решения РКП(б)-КПСС, зафиксированные в Конституциях [30, с. 47].

«Анонимность» автономий, созданных на части отторгнутых от Армении и переданных в управление азербайджанским властям территорий, была призвана сильнее закамуфлировать политику этнических чисток, проводимых на этих территориях в отношении их автохтонного большинства.

Азербайджанская сторона пыталась объяснить «анонимность» НКАО. В книге И. Маммадова и Т. Мусаева «Армяно-азербайджанский конфликт. История. Право. Посредничество» отмечалось: «Автономии в СССР создавались по этническому признаку и, как правило, назывались по названию этносов. Поскольку армяне уже самоопределились в Армении, то создание автономии для армян в Азербайджане было необоснованным. Поэтому автономный регион получил не этническое, а географическое название» [31, с. 36].

О большинстве коренного армянского населения Нагорного Карабаха в 1923 г. отмечается в протоколе заседания Пленума Заккрайкома РКП(б) от 25 июня 1923 г.: «Цифровые данные о населении Нагорного Карабаха. Нагорный Карабах состоит из 3-х уездов и имеет народонаселения до 175000 душ, из коих 158000 падает на армян, 11000 на тюрок и 6000 на курдов» [32, л. 31].

В 1923 г. речь шла о трёх уездах Нагорного Карабаха: Шушинском, Джеванширском и Карягинском, которые составляли территорию не только будущей Автономной области Нагорного Карабаха (АОНК), созданной 26 ноября 1924 г. только из части этих уездов, но и территории Кельбаджара, Лачина, Джебраила, Физули, Агдама, частично Зангеланский и Кубатлинский районы (за исключением городов Кубатлы и Зангелан, входивших ранее в

Зангезурский уезд). Таким образом, не только на территории АОНК, но и на ныне реинтегрированных в НКР (Нагорно-Карабахская Республика) вышеперечисленных карабахских землях в 1923 г. большинство населения (90 %) составляли армяне.

Факт создания автономии на части территории Нагорного Карабаха противоречил планам азербайджанских руководителей. Первый секретарь ЦК КП Азербайджана и Президент (1993-2003 гг.) Азербайджанской Республики Г.А. Алиев на встрече с группой азербайджанских писателей и поэтов в ноябре 1999 г. заявлял: «Предоставление в 1923 г. автономии Нагорному Карабаху стало бедой Азербайджана, знайте это. Правда, в те времена её хотели отдать Армении. Руководители Азербайджана постарались и, наконец, добились, чтобы она осталась в Азербайджане. Должна была остаться: но не в виде автономии!» [33].

После бурных протестов начала 1920-х гг., вылившихся в Нагорном Карабахе в массовое восстание населения и вооружённую борьбу против большевиков и азербайджанского правительства, последовал некоторый спад движения сопротивления. Последовали меры по созданию автономии на части территории края; был создан Совнарком АОНК, областные Наркоматы. В 1920-х гг. ещё сильна была роль ЦИК ЗСФСР, объединившей три республики Закавказья, в управлении на местах. Это смягчало национальный гнёт Баку и породило у части населения армянского Нагорного Карабаха надежду на последующее исчезновение национальных границ в регионе. Надежды на лучшее не оправдались. В 1930 – 1932 и 1936 – 1937 гг. имели место легальные выступления – на областных заседаниях, съездах и сходах – с требованием возвращения края в состав Армянской ССР [34].

В 1945 г., после окончания Второй мировой войны, Первый секретарь ЦК КП(б) Армении Г. Арутюнов обратился к И. В. Сталину с письмом, в котором, на основании экономических и социально-культурных аспектов, а также «исходя из желания населения Нагорного Карабаха, ЦК и Совнарком Армении вносят на рассмотрение ЦК ВКП(б) и Союзного правительства вопрос о включении в состав Армянской СССР Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в качестве Карабахской области» [35, л. 1].

По этому поводу А. Пашаев отмечает, что «в 1945 г. Ереван в очередной раз поднял проблему присоединения Нагорного Карабаха к Армении. Москва поинтересовалась мнением М. Д. Багирова (Первый секретарь ЦК КП Азербайджана), который ответил: мы не возражаем, но с условием, что Армения, Грузия и Дагестан вернут Азербайджану его исторические земли: Зангезур и оз. Гейча, Борчалы и Южный Дагестан, всего 33000 кв. км.» [36, с. 7 – 8].

Новые попытки поднять карабахский вопрос были предприняты в 1960-х гг. – в период после хрущёвской «оттепели». В июле 1965 г. группа коммунистов – ответственных работников и представителей интеллигенции НКАО обратилась с письмом к Генеральному Секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, Председателю Совета министров СССР А. Н. Косыгину, Председателю Верховного Совета СССР А. И. Микояну. В обращении были приведены многочисленные факты, которые свидетельствовали о национальной и социально-экономической дискриминации населения НКАО со стороны руководства Азербайджанской ССР. Вслед за этим обращением в автономной области был начат сбор подписей в пользу перехода НКАО в административное подчинение Армянской ССР; было собрано более 45000 подписей, а 30 сентября 1966 г. Секретарь ЦК КП Армении А. Кочинян и Председатель Совмина Армянской ССР Б. Мурадян направили в адрес ЦК КПСС, Совета министров СССР и Л. И. Брежнева обращение, в котором отмечалось: «Передача Нагорного Карабаха Армении устранит ненормальность создавшегося положения: всегда малочисленный армянский народ в условиях Советского Союза имеет две государственности – одну союзную Армянскую республику и одну прилежащую к ней же автономную национальную область, но в составе другой союзной республики… На основе вышеизложенного… считаем крайне необходимым рассмотреть вопросы, связанные с возвращением Нахичевани и Нагорного Карабаха Армянской ССР» [37, л. 1 – 9].

В 1967 г. Первый секретарь ЦК КП Армении А. Кочинян обратился к Первому секретарю ЦК КП Азербайджана В. Ахундову с просьбой провести встречу по карабахскому вопросу. Это вытекало из специального Постановления секретариата ЦК КПСС о создании армянской и азербайджанской республиканских комиссий для совместной подготовки проекта решения проблемы НКАО [38, с. 42].

В Азербайджанской ССР при декларировании «интернационализма» и дружбы народов на деле осуществлялась политика, направленная против армянского большинства Нагорного Карабаха.

12 июля 1969 г. на пленуме ЦК КП Азербайджана Первым секретарём был избран Г. А. Алиев. Его пребывание в 1970-х гг. в руководстве Азербайджана стало для азербайджанского населения Нагорного Карабаха проявлением особой заботы: проводилась большая работа по благоустройству дорог области, улучшилось снабжение азербайджанских сёл газом и электроэнергией, в 1973 г. в Степанакертском педагогическом институте велось обучение в трёх секторах: азербайджанском, русском и армянском, развивалась сеть здравоохранения, в областных, городских и районных партийно-советских органах НКАО были открыты новые должности, на которые направлялись выпускники Бакинской высшей партийной школы и другие специалисты азербайджанской национальности [39, с. 227 – 228]. Все эти меры, осуществлённые благодаря деятельности Первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г. А. Алиева, способствовали усилению связей автономной области с другими регионами Азербайджана, благоприятствуя притоку азербайджанцев [40].

Официальная азербайджанская пропаганда, пытавшаяся убедить, что в составе АзССР Нагорный Карабах успешно развивался и процветал, на деле давала очевидную ложную информацию населению в своих материалах.

Во второй половине 1970-х гг., при подготовке Конституции СССР 1977 г., вопрос Нагорного Карабаха и Нахичевани вновь многократно поднимался в письмах и обращениях граждан в ЦК КПСС и Совмин СССР, о чём последний отмечал в своих официальных документах (Протокол заседания Президиума Совмина СССР от 23 ноября 1977 г., № 61. 11-4133.) [41, с. 67].

В принятом Законе Азербайджанской ССР «О Нагорно-Карабахской автономной области» [42] азербайджанские власти не допустили упоминания об армянском языке ни как об основном языке автономии, ни как о языке большинства её населения. В НКАО (АОНК) изначально армянский язык был определён в качестве официального языка в управлении и повседневной жизни [31, с. 37].

Таким образом, искусственно превращённый в анклав Нагорный Карабах, в силу однородности ландшафтно-климатических условий тяготел к соседним районам АрмССР. Но это стремление искусственным образом подавлялось и тормозилось социальной и экономической политиками, проводившимися властями АзССР на протяжении всех лет советской власти.

После включения Нагорного Карабаха в состав Азербайджанской ССР духовная жизнь армян Карабаха фактически попала под двойной гнёт большевиков-атеистов и националистов из руководства АзССР. Церкви закрывались и намеренно разрушались, священники подвергались репрессиям. В своём письме, адресованному Католикосу всех армян Хорену Мурадбекяну, последний предводитель Арцахской епархии епископ Вртанес сообщал о сокращающемся числе действующих церквей в Арцахе, уменьшении количества церковнослужителей. В 1931 г. в крае оставалось 112 действующих церквей и 18 монастырей, священнослужителей и монахов – 276. После этого письма епископ был арестован и сослан, как и многие другие служители культа [43].

После 1932 г. в крае были закрыты все армянские церкви и монастыри, и до 1989 г. в Нагорном Карабахе не было ни одного действующего храма [44, с. 32].

Положение не изменилось ни после Великой Отечественной войны, когда И. В. Сталин приостановил антицерковные репрессии и сделал некоторые послабления для верующих граждан, ни после относительной либерализации советского режима в период постсталинской «оттепели» 1960-х гг.

Католикос всех армян Вазген I (занимал этот пост с 1955 по 1994 гг.) неоднократно обращался к правительству Азербайджанской ССР с просьбой открыть в Нагорном Карабахе хотя бы один храм, но неизменно получал отказ [43].

Тем самым национальная дискриминация, которой подвергалось коренное армянское население Нагорного Карабаха на протяжении всех лет советской власти, сопровождалась и грубой дискриминацией в области духовной жизни.

Всё изменилось после 20 февраля 1988 г. В этот день, 20 февраля, внеочередная сессия Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области XX-го созыва обратилась в Верховные Советы Азербайджанской ССР, Армянской ССР и СССР с ходатайством о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР. В решении сессии отмечалось: «Идя навстречу пожеланиям трудящихся НКАО, просить Верховный Совет Азербайджанской ССР и Верховный Совет Армянской ССР проявить чувство глубокого понимания чаяний армянского населения Нагорного Карабаха и решить вопрос о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР, одновременно ходатайствовать перед Верховным Советом Союза ССР о положительном решении вопроса передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР» [45].

Это решение стало юридическим оформлением массовых обращений жителей НКАО по этому вопросу к руководству СССР – ранее были собраны многие десятки тысяч подписей граждан на этот счёт – и следствием многотысячного митинга на центральной площади областного центра, продолжавшегося беспрерывно с 13 по 20 февраля 1988 г. Участники митинга требовали от народных депутатов Областного совета созвать сессию и принять соответствующее решение. Впервые за всю историю Советского Союза региональная «власть Советов» приняла судьбоносное решение, опираясь на волю подавляющего большинства представляемого ею населения, а не выполняя «спущенное сверху» указание партии и правительства.

Впоследствии, 2 сентября 1991 г., были приняты:

– Декларация о провозглашении Нагорно-Карабахской Республики (НКР) [46, л. 63 – 64];

– обращение к азербайджанскому народу, в котором отмечалось: «Провозглашение Нагорно-Карабахской Республики, самостоятельно определяющей свой государственно-правовой статус, полностью соответствует действующей Конституции и законодательству Союза ССР и ни в коей мере не ущемляет истинные интересы азербайджанского народа. Мы с пониманием относимся к стремлению азербайджанского народа к независимости и рассчитываем на адекватное отношение к волеизъявлению народа Нагорного Карабаха. Другого пути к согласию нет» [46, л. 67];

– обращение к народу Нагорно-Карабахской Республики. В нём провозглашалось: «Мы гарантируем неукоснительное соблюдение прав человека в Нагорном Карабахе независимо от национальной и религиозной принадлежности, политических убеждений» [46, л. 68].

10 декабря 1991 г. был проведён Референдум по признанию НКР независимым государством, самостоятельно определяющим формы сотрудничества с другими государствами и сообществами [47].

Сам факт привлечения внимания советской и мировой общественности к существованию Нагорного Карабаха как армянского края сделал невозможным прежнее игнорирование карабахской проблемы со стороны властей Азербайджанской ССР и руководства СССР.

Общественность и руководство страны практически не знали, что такое есть Нагорный Карабах и чем порождены возникшие проблемы. Не представляли, что важнейшей задачей руководства АзССР в отношении края всегда было выдавливание коренного армянского населения со своей родины и его «замещение» прибывающими извне азербайджанскими переселенцами. Этот процесс имел место ещё в начале XX в., когда он принял форму массовых убийств и погромов, и продолжался в «мягкой форме» на протяжении всего советского периода, хотя ещё в 1920-х гг. лидер советских коммунистов В. И. Ленин призывал своих соратников тактично строить отношения между людьми разных национальностей, не допускать оскорбления национальных чувств граждан, «… хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки» [48, с. 360].

Интернационализм и дружба народов – эти два неотъемлемых понятия, которые должны быть неразрывным целым в существующем едином, многонациональном, социалистическом государстве оказались пустым звуком, когда дело дошло до решения трудных задач в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Нагорном Карабахе и вокруг него в указанный выше период в СССР.

Следовательно, на протяжении всего XX в. по отношению к армянскому населению Нагорного Карабаха применялась политика геноцида и национальной ненависти со стороны властей Азербайджана, которая в начале и в конце XX в. нередко приводила к эскалации военных действий со стороны последней. Это вызывало стремление к справедливой борьбе карабахских армян за выход из состава Азербайджана и создание самостоятельного государства – Нагорно-Карабахской Республики (НКР).

Литература

1. Протоколы заседаний мусульманских фракций Закавказского Сейма и Азербайджанского Национального Совета 1918 г. [Текст]. – Баку, 2006.
2. Бартольд, В. В. Соч. – Т. II. – Ч. 1. [Текст] / В. В. Бартольд. – М.: Изд. Восточной литературы, 1963.
3. Волхонский, М. По следам Азербайджанской Демократической Республики [Текст] / В. Волхонский., В. Муханов. – М., 2006.
4. Конституция СССР. Ст. 85, 87 [Текст]. – М., 1977.
5. Договор между Россией и Турцией от 16 марта 1921 г. [Текст] // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства АССР. – 1921 – № 73 (12 декабря)..
6. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории), Ф. 64. Оп. 1. Д. 1.
7. Декларация Ревкома Азербайджана от 30 ноября 1920 г. «О признании Нагорного Карабаха, Зангезура и Нахичевани составной частью Армянской ССР» [Текст] // Коммунист (Эривань, на арм. яз.). – 1920. – 7 дек.
8. К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР, 1918 – 1925: документы и материалы [Текст]. – Баку: Азернешр, 1989.
9. Сталин, И. В. Да здравствует Советская Армения! [Текст] / И. В. Сталин // Сочинения: в 16 т. – – Т. 4. –М., 1953. – С. 414.; Сталин, И. В. Да здравствует Советская Армения! / И. В. Сталин // Правда. – 1920. – 4 дек.
10. НАА (Национальный архив Армении), Ф. 1022. Оп. 2. Д. 197.
11. РГАСПИ, Ф. 85. Оп. 18. Д. 58.
12. РГАСПИ, Ф. 64. Оп. 2. Д. 7.
13. Жуков, Ю. Н. Мясников (Мясникян) Александр Фёдорович [Текст] / Ю. Н. Жуков // Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. – М.: Сов. энциклопедия, 1983.
14. РГАСПИ, Ф. 1. Оп. 1. Д. 232.
15. Декрет АзЦИКа Советов «Об образовании Автономной области Нагорного Карабаха» от 7 июля 1923 г. [Текст] // ГА НКР, Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
16. Мещеряков, Н. Л. Автономная область Нагорного Карабаха [Текст] / Н. Л. Мещеряков // Малая Советская энциклопедия. Первое издание. – Т. 1. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1932.
17. Арекелян, А. Нагорно-Карабахская автономная область [Текст] / А. Арекелян, М. Симхович, А. Щукина // Большая Советская энциклопедия. Изд. 1. – Т. 41. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1939.
18. Алиев, А. Нагорно-Карабахская автономная область [Текст] / А. Алиев // Большая Советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – Т. 17.
19. Словарь топонимов Армении и прилегающих областей [Текст] / под ред. Т. Х. Акопяна, С. Т. Мелик-Бахшяна, О. Х. Барсегяна. – Т. 4. – Ереван: Изд-во Ереванского государственного университета, 1998 (на арм. яз.).
20. Жуков, Ю. Н. Шаумян Степан Георгиевич [Текст] / Ю. Н. Жуков // Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. – М.: Сов. энциклопедия, 1983.
21. НКАО, 50 лет в дружной советской семье [Текст]. – Степанакерт, 1973.
22. Мкртчян, Ш. М. Арцах [Текст] / Ш. М. Мкртчян. – Ер.: Айастан, 1991.
23. Саркисян, М. Из истории градостроительства Шуши. Армянский центр стратегических и национальных исследований [Текст] / М. Саркисян. – Ереван, 1996.
24. Мелик-Шахназаров, З. С. Записки карабахского солдата [Текст] / предисл. А. А. Мелик-Шахназарова. // З. С. Мелик-Шахназаров (воспоминания участника событий 1918 – 20 гг. в Нагорном

Карабахе). – М.: Шварц: Центр рус.-арм. инициатив, 1995.

25. Известия Аз. ЦСУ [Текст]. – 1922. – № 2 (4).

26. Симхович, М. Нагорно-Карабахская автономная область [Текст] / М. Симхович // Большая Советская энциклопедия. – Изд. 1. – Т. 41. – М., 1939.

27. Худадов, В. Н. Современный Азербайджан. Армяно-татарские отношения [Текст] / В. Н. Худадов // Новый Восток. – 1923. – № 4.

28. Сельскохозяйственная перепись населения АзССР 1921 г. [Текст] // Известия Аз. ЦСУ. – 1923. – № 1 (7).

29. Заргарян, Р. А. Доктрина геополитики современной Восточно-Средиземноморской цивилизации: турецкая угроза Восточно-Средиземноморской цивилизации [Текст] / Р. А. Заргарян. – СПб.: Алетейя, 2004.

30. Барсегов, Ю. Культ аннексий [Текст] / Ю. Барсегов. – М.: Готика, 1997.

31. Маммадов, И. Армяно-азербайджанский конфликт // История. Право. Посредничество 2-е изд. [Текст] / И. Маммадов, Т. Мусаев. – Тула.: ЗАО Гриф и К^0, 2007.

32. РГАСПИ, Ф. 85. Оп. 24. Д. 272.

33. Речь Г. Алиева на встрече с группой азербайджанских писателей и поэтов [Текст] // Бакинский рабочий. – 1999. – 12 ноября.

34. Акопян, А. Требуется решение / А. Акопян // Советский Карабах. – 1989. – 11 августа.

35. НАА, Ф. 1. Оп. 25. Д. 41.

36. Пашаев, А. Переселение [Текст] / А. Пашаев. – Баку, 1995.

37. НАА, Ф. 1. Оп. 46. Д. 65-а.

38. Мелик-Шахназаров, А. А. Нагорный Карабах: факты против лжи. Информационно-идеологические аспекты нагорно-карабахского конфликта [Текст] / А. А. Мелик-Шахназаров. – М.: Волшебный фонарь, 2009.

39. Арешев, А. Е. Нагорный Карабах: Становление государственности и переговорный процесс [Текст] / А. Е. Арешев. – М.: Русская панорама, 2010.

40. Усубов, Р. Нагорный Карабах: Гейдар Алиев отстаивал его ещё в 70-е годы / Р. Усубов // Бакинский рабочий. – 1999. – 14 мая.

41. Манасян, А. Карабахский конфликт: ключевые понятия и хроника [Текст] / А. Манасян. – Ер.: Нораванк, 2005.

42. Закон Азербайджанской Советской Социалистической Республики «О Нагорно-Карабахской автономной области»: принят Верховным Советом АзССР 16 июня 1981 г.: с изм. всес. от 22 июля 1982 г. – Баку: Азернешр, 1985. – 51 с.

43. Колокола Арцаха. Беседа с епископом Арцахским Паргевом Мартиросяном [Текст] // Коммунист. – 1990. – 30 марта.

44. НКР: путь к вершинам / под ред. Н. Р. Мелкумян [Текст]. – Издание МИД НКР, 2001.

45. Материалы внеочередной сессии Совета народных депутатов НКАО XX-го созыва [Текст] // Советский Карабах. – 1988. – 21 февр.

46. ГА НКР (Государственный архив Нагорно-Карабахской Республики), Ф. 1. Оп. 2. Д. 309. Св. 28.

47. Протокол Центральной избирательной комиссии о результатах голосования на Референдуме Нагорно-Карабахской Республики [Текст] // ГА НКР, Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. Св. 28. Л. 6-8.

48. Ленин, В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации», 1922 г. [Текст] / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М., 1982. – Т. 45.

УДК 902 (903.43)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДИЩА-КРЕПОСТИ ТУВЫ

Д. К. Тулуш

THE MEDIEVAL SITES-FORTRESSES OF ANCIENT SETTLEMENTS OF TUVA

D. K. Tulush

В статье представлены результаты исследований средневековых фортификационных сооружений, расположенных на территории Республики Тыва. Дана краткая история исследования крепостей Тувы, основные характеристики 14 наиболее известных памятников.

In the paper the results of researches medieval fortification constructions located in territory of Republic Tuva are presented. The short history of research of fortresses of Tuva, the basic characteristics 14 most known monuments is given.

Ключевые слова: средневековая Тува, крепости, городища, Уйгурский каганат, Пор-Бажын

Keywords: medieval Tuva, fortresses, sites of ancient settlement, Uigur khaganat, Por-Bajyn

Средневековые городища – одни из наименее изученных типов археологических памятников на территории Тувы. В археологии Центральной Азии и, в частности, Тувы, мало примеров последовательного и целенаправленного исследования отдельных поселений как памятников бытовой культуры и фортификационной археологии. Изучение материалов археологических исследований показывает, что в разные годы на территории Тувы было выявлено 18 городищ и 2 наблюдательных пункта. В это число включены как разрушенные (I Шагонарское, Бажын-Алаак), так и сохранившиеся городища, в том числе вновь выявленные памятники, зафиксированные автором (Целинное, Боом). Большинство крепостей расположено вдоль рек Енисей и Хемчик. Большинство исследователей (С. В. Киселев, С. И. Вайнштейн, Л. Р. Кызласов, А. Я. Щетенко и др.) относят средневековые крепости на территории Тувы к периоду существования Уйгурского каганата (745 – 840 гг.). Несмотря на большую исследовательскую работу, проведенную в советский период, многие вопросы, включая их возникновение, датировку, роль в истории Центральной Азии остаются открытыми. Частично это связано с такими факторами, как незначительность или полное отсутствие на территории средневековых фортификационных памятников культурного слоя, малочисленность керамики – основного датирующего элемента.

Средневековые городища – одни из наименее изученных типов археологических памятников на территории Тувы. В археологии Центральной Азии и, в частности, Тувы, мало примеров последовательного и целенаправленного исследования отдельных поселений как памятников бытовой культуры и фортификационной археологии. Изучение материалов археологических исследований показывает, что в разные годы на территории Тувы было выявлено 18 городищ и 2 наблюдательных пункта. В это число включены как разрушенные (I Шагонарское, Бажын-Алаак), так и сохранившиеся городища, в том числе вновь выявленные памятники, зафиксированные автором (Целинное, Боом). Большинство крепостей расположено вдоль рек Енисей и Хемчик. Большинство исследователей (С. В. Киселев, С. И. Вайнштейн, Л. Р. Кызласов, А. Я. Щетенко и др.) относят средневековые крепости на территории Тувы к периоду существования Уйгурского каганата (745 – 840 гг.). Несмотря на большую исследовательскую работу, проведенную в советский период, многие вопросы, включая их возникновение, датировку, роль в истории Центральной Азии остаются открытыми. Частично это связано с такими факторами, как незначительность или полное отсутствие на территории средневековых фортификационных памятников культурного слоя, малочисленность керамики – основного датирующего элемента.

Большинство городищ на территории Тувы были обследованы в ходе работ Саяно-Алтайской экспедиции ИИМК АН СССР, а позже – Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР (СТЭАН), основной целью которой было проведение аварийно-спасательных раскопок в зоне затопления Саяно-Шушенского водохранилища. При его строительстве на территории Улуг-Хемского и Чаа-Хольского кожуунов было затоплено несколько населенных пунктов, в том числе г. Шагонар (Старый Шагонар) и пос. Чаа-Холь (Старый Чаа-Холь), близ которых располагались городища I Шагонарское и Бажын-Алаак.

Цель настоящей публикации – обобщить известные сейчас материалы по средневековым крепостям Тувы, выявить специфические черты фортификационных сооружений, расположенных на территории Тувы и рассмотреть существующие датировки периодом Уйгурского каганата. Источниковой базой стали труды Д. А. Клеменца, Н. М. Ядринцева, С. В. Киселева, С. И. Вайнштейна, Л. Р. Кызласова, Д. Г. Савинова, С. Г. Кляшторного, Ю. С. Худякова, А. Я. Щетенко и других исследователей, в разные годы проводивших археологические экспедиции. В основу исследования также вошли материалы раскопок крепости Пор-Бажын (археологическая экспедиция 2007 – 2008 гг.), а также данные, собранные автором в ходе разведок по территории Тувы в 2006 – 2010 гг.

В научной литературе прочно закрепился археологический термин «городище», который повлиял на наименование группы фортификационных памятников, расположенных близ г. Шагонара – I, II, III и IV Шагонарские городища. Однако при этом не учитывалось то, что на средневековых городищах, расположенных на территории Тувы, за исключением отдельных памятников (Пор-Бажын, Бажын-Алаак и Балгаш-Бажын), отсутствовал или был слабо выражен культурный слой, остатки внутренних построек. Также, в отличие от городищ, расположенных на территории Монголии, на фортификационных памятниках Тувы отсутствуют или слабо выражены следы строительства за пределами валов, что, возможно, свидетельствует о специфическом – оборонительном, в основном пограничном, характере памятников. Такое функциональное назначение не позволяет мирному населению постоянно проживать в непосредственной близости от крепостей. Следует отметить, что население Тувы эпохи средневековья, несмотря на некоторую оседлость, вероятно, вело полукочевой или кочевой образ жизни, использовало сборно-разборные жилища каркасного типа – юрты, приспособленные к степному климату. Этот универсальный тип жилища по сей день сохраняется у большинства народов Центральноазиатского региона.

Современные исследования городищ, их оборонительных конструкций и структуры (мощные внешние стены, наличие рвов и башен) позволяют называть их в большей степени крепостями – фортификационными сооружениями, цель которых заключалась только в охране рубежей государства от вторжения врагов и укрытии населения и скота во время набегов. В то же время устоявшееся в научной литературе наименование оборонительных памятников Тувы не позволяет применить этот термин

к группе Шагонарских городищ. Исходя из этого, в настоящей публикации оба термина – «городище» и «крепость», используются равнозначно.

Падение Второго Тюркского каганата (744 г.) привело к возвышению над тюркскими племенами уйгуров – одного из древнейших племенных союзов Центральной Азии. В III – IV вв. уйгуры входили в объединение, которое в китайских династийных хрониках носило название гаоцзюй (букв.: «высокие телеги»). В V в. появляется новое название этого союза — теле (тегрег — «тележники»). В 605 г. уйгуры создали обособленную группу, названную китайскими историографами «девятью племенами». В орхонских надписях племена этой группы названы токуз-огузами. С 630 г., после падения Первого Тюркского каганата, токуз-огузское объединение выступает как значительная политическая сила, лидерство внутри которой утвердилось за десятью племенами уйгуров во главе с родом Яглакар [С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов, 2005, с. 111 – 112].

В период становления и развития Уйгурского каганата (745 – 840 гг.) происходит рост городов и городских построек – военных, административно-культурных и торгово-ремесленных центров. Археологи относят к этой эпохе 14 городищ на территории Монголии [Кляшторный, 1977, с. 64 – 65]. Картографирование крепостей показало, что они были построены в пределах плодородных долин рек Орхон, Селенга (Монголия) и Енисей (Тува). Последнее направление имело, очевидно, достаточно большое значение для Уйгурского каганата. Городища-крепости, расположенные по левому берегу р. Енисей и в бассейне р. Хемчик составляли оборонительную пограничную линию, направленную против племен древних кыргызов, занимавших территорию Минусинской котловины. Это подтверждает и наличие оборонительного вала, связывавшего городища между собой. Каменистый вал, названый в народе «дорогой Чингисхана», представлял собой каменное сооружение высотой до 3 м, укреплявшее пологие и низинные участки р. Енисей (рис. 1).

В настоящей статье мы рассмотрим 14 наиболее известных фортификационных памятников Тувы, составляющих вышеуказанную оборонительную линию.

1. Пор-Бажын – наиболее исследованный фортификационный памятник на территории Тувы. Остатки древней крепости расположены на одном из островов озера Тере-Холь на юго-востоке Тувы в верховьях Малого Енисея. Впервые крепость была обследована в 1891 г. этнографом и археологом Д. А. Клеменцом, участником русской Орхонской экспедиции в Среднюю Монголию. Исследователь считал, что этот памятник в Туве «занимает первое место среди древностей». Он отмечал сходство развалин Пор-Бажына с развалинами Хара-Болгасуна (Хара-Болгас) на р. Орхон в Монголии [Клеменц, 1895].

В 1952 г. Пор-Бажын был вновь открыт и описан С. И. Вайнштейном. Раскопки Пор-Бажына были начаты в 1957 г. археологической экспедицией ТНИИЯЛИ под руководством С. И. Вайнштейна. Он предположил, что городище, погибшее в результате пожара, было буддийским монастырем, о чем «…говорят характер планировки городища, бедность бытового инвентаря, находка предмета буддийского культа. …Это позволяет сделать предварительный вывод, что монастырь XI-XII вв. был сооружен киданями, как известно, буддистами. Народное предание… утверждает, что Бор-Бажын [Пор-Бажын] был сооружен китайцами (кыдат), т. е., очевидно, киданями» [Вайнштейн, 1958, с. 229].

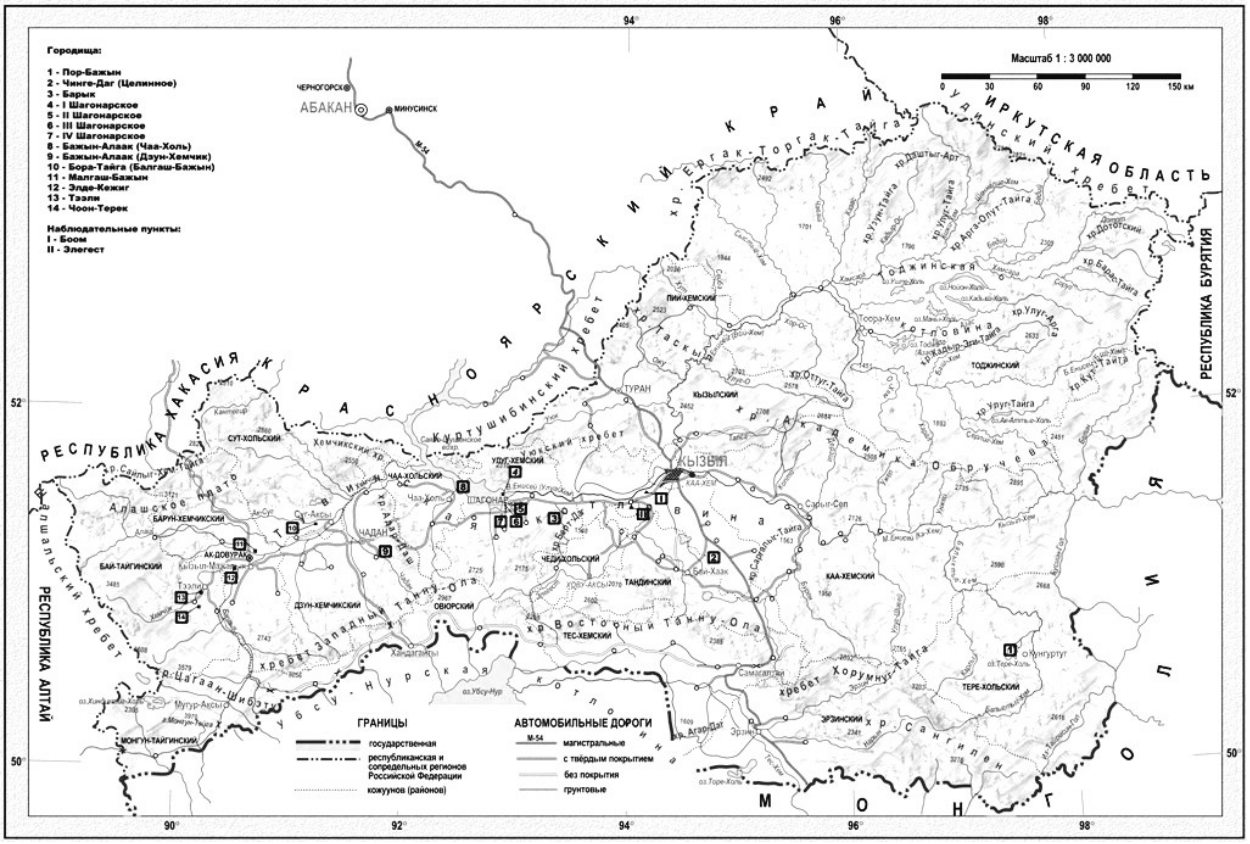


Рис. 1. Схема расположения фортификационных памятников периода средневековья на территории Тувы

В 1963 г. раскопки были продолжены Восточно-тувинским отрядом Тувинской экспедиции Института этнографии Академии наук СССР совместно с ТНИИЯЛИ и Тувинским республиканским музеем. По их результатам исследователь отмечает, что Пор-Бажын был «…сооружен уйгурами в период Уйгурского каганата (середина VIII – середина IX в.)» [Вайнштейн, 1964, с. 103 – 114].

Крепость почти полностью занимает остров площадью 6 га на оз. Тере-Холь. В плане она подпрямоугольна и ориентирована стенами по странам света, длинная ось ее проходит с запада на восток. Глинобитные стены крепости около 211 м длиной и шириной около 158 м окружали остатки 27 жилищ и служебных построек (средние размеры 7×8 м). Два основных сооружения располагались в центральной части крепости и представляли собой многокомнатные здания, образовывающие дворцовый комплекс. В середине восточной стены находились ворота с хорошо укрепленными привратными башнями, на которые с внутренних сторон поднимаются параллельно стенам въезды-пандусы.

Для датировки Пор-Бажына важное значение имеют найденные во время раскопок концевые орнаментированные диски черепиц, ближайшие аналоги которым обнаружены в находках С. В. Киселева на Орду-Балыке (Кара-Болгас), построенным уйгурским каганом Баян-чором (Моюн-чуром) в 751 – 752 гг. в Монголии на р. Орхон [Киселев, 1957, с. 92 – 93].

Для исследований С. И. Вайнштейн привлек письменные источники, в первую очередь, надписи руническим шрифтом на камне в бассейне р. Селенги (в 1909 г. обнаружена и переведена Г. И. Рамстедтом) – «… в год тигра (750 г.) я пошел в поход против чиков. Четырнадцатого числа второго месяца сразился я у реки Кем. В тот же год (чики) подчинились… Потом у ключа… там я распорядился устроить свой беловатый лагерь и дворец (с престолом), там я заставил построить крепостные стены (заборы), там я провел лето, и там я устраивал моления высшим божествам…» [Вайнштейн, 1964, с. 112]. Исходя из этого, С. И. Вайнштейн утверждает, что крепость Пор-Бажын является древнейшей крепостью уйгурского времени на территории Тувы и первой ставкой уйгурского кагана Баян-Чора в Туве. Вайнштейн усматривает под словом «ключ» истоки Малого Енисея, причем предполагает, что крепость располагалась изначально на сухой возвышенности, а спустя некоторое время оказалась окружена озером, образовавшемся в результате таяния ледника.

2. Городище Целинное находится в 240 км от Пор-Бажына и представляет собой подквадратный вал (70×70 м), расположенный в открытой заболоченной местности. Городище ориентировано углами по сторонам света и окружено неглубоким рвом. Местоположение ворот не локализовано. Памятник был выявлен в 2006 г. в ходе разведочного выезда сотрудников Тувинского института гуманитарных исследований – канд. ист. наук, вед. науч. сотр.

М. Х. Маннай-оола и науч. сотр. Д. К. Тулуша. На городище не выявлено наличия следов сооружений кроме нескольких западин, в которых можно предположить остатки землянок размерами 2 – 5 м в ширину и от 6 до 12 м в длину. Однако подтвердить действительное наличие землянок можно лишь путем раскопок. Археологических и земляных работ на памятнике ранее не производилось, физического повреждения памятника вследствие антропогенного или природного фактора не выявлено.

3. Крепость Барык, расположенная на берегу р. Барык, представляет собой подквадратный вал с размерами сторон 210×207 м. Памятник был выявлен в ходе совместной разведки сотрудников ИИМК РАН канд. ист. наук М. Е. Килуновской и канд. ист. наук В. А. Семенова, науч. сотр. ТИГИ Д. К. Тулуша и ст. науч. сотр. ТИКОПР СО РАН Т. Н. Прудниковой в 2008 г. Наличие крепости в данном месте было вычислено Прудниковой Т.Н. по косвенным признакам – по наличию следов древних оросительных каналов на аэрофотосъемках 1970-х гг. На территории крепости не было выявлено никаких видимых следов построек или землянок. Памятник по оси север-юг практически надвое перерезан заброшенной автомобильной дорогой (ширина полотна до 12 – 14 м). Можно предположить, что городище имело ворота в середине каждой стены, однако в отношении северной и южной стен подтверждение данного факта уже невозможно. Археологическое исследование памятника ранее не производилось.

В устье рек Шагонарчик и Чааты, впадающих в Енисей, располагается группа городищ, названных по ближайшему населенному пункту – городу Шагонару. Городища были открыты и описаны Д. А. Клеменцем в 1891 г.

4. Шагонарское I городище было расположено на р. Шагонарчик и имело размеры: 235 м в длину (север-юг) и 232 м в ширину (запад-восток), занимало площадь 5,45 га. В городище было двое ворот (с ССЗ и ВСВ), следы башен по углам и по одной башне у ворот. Исследование I Шагонарского городища, проведенное экспедициями МГУ под руководством Л. Р. Кызласова в 1957 г., дало интересные материалы в виде керамики и большого количества обломков зернотерок. От северо-восточного угла крепости отходила стена длиной 2 км, доходившая до площади г. Шагонара. В настоящее время городище затоплено водами Саяно-Шушенского водохранилища. Вероятнее всего оно представляло собой форпост оборонительной линии Уйгурского каганата и не позволяло производить беспрепятственную переправу на данном участке, изобиловавшем ранее большим количеством бродов, мелких и крупных островов.

В 6 км к западу от г. Шагонара расположено 3 городища, представляющих собой, вместе с I Шагонарским городищем, единый комплекс – административный центр и оборонительные крепости.

5. Шагонарское II городище является наиболее северным из данной группы, площадь ее составляет 2,25 га (150×150 м). Высота стен крепости достигает 2,5 м. По углам памятника сохранились остатки башен, ворота располагались в западной стене и охранялись дополнительной башней, а вокруг стен городища, вероятно, был ров, сформировавшийся в результате выемки глины и грунта для строительства стен.

6. Шагонарское III городище расположено в 260 м к юго-востоку от предыдущего и представляет собой хорошо укрепленный «замок» площадью 126×119 м (около 1,5 га). Он отличается от остальных городищ наличием внутренней квадратной цитадели размером 47×45 м, площадью около 0,2 га. План памятника в 1927 г. снял С. А. Теплоухов. Проведя первые раскопки, Л. Р. Кызласов пишет: «Валы городища представляют собой оплывшие остатки мощных стен с башнями, сложенными из сырцового кирпича размерами 42(43)×20(23)×10 см» [Кызласов, 1964, с. 418]. По его мнению, размеры кирпича, использованные для строительства стен и башен крепости, были характерны для сырцовых сооружений центральных и восточных районов Средней Азии VII – IX вв. Кроме того, угловые башни имелись, по мнению Л. Р. Кызласова, и у внутренней цитадели замка, которая также имеет двое ворот с северной и восточной сторон. Высота стен цитадели от уровня дневной поверхности (пола) городища достигает 2 м.

7. Шагонарское IV городище расположено в 500 м к ЮЮЗ от III Шагонарского городища, вверх по руслу р. Чааты. Оно имеет подквадратную форму – около 80×80 м. Высота валов достигает 2 м, но крепость не имеет башен, хотя так же, как и на других городищах, имеет двое ворот, расположенных в северной и восточной стенах [Кызласов, 1959, с. 66 – 80].

Л. Р. Кызласов упоминает о 5 городищах, расположенных в районе г. Шагонара [Кызласов, 1979, с. 145]. Однако, в связи с отсутствием точных данных о местонахождении V Шагонарского городища, а также описания крепости, было решено не включать городище в рассматриваемый список памятников до подтверждения данных.

8. Крепость Бажын-Алаак находилась в 1,5 км к западу от пос. Чаа-Холь, имело почти квадратную форму (302×305 м) и была ориентирована длинной осью на ССЗ. Памятник был открыт в 1957 г., впервые раскопан в 1958 г. С. И. Вайнштейном. В 1967 – 1969 гг. исследования Бажын-Алаака производились II отрядом Саяно-Тувинской экспедиции, которые подтвердили датировку городища уйгурским временем. В 1975 – 1978 гг. раскопки были продолжены I отрядом Саяно-Тувинской экспедиции – частично раскопаны и интерпретированы защитные сооружения (башни, стены и ров), а также внутренняя площадь крепости [Щетенко, 1995, с. 173 – 179]. По результатам раскопок 1075 – 1979 гг. А. Я. Щетенко делает вывод о принадлежности памятника к уйгурской культуре по основному датирующему инвентарю – сероглиняной керамике, традиционной для уйгурского времени, а также характерной фортификации, сходной со структурой Шагонарских городищ. Однако при этом были оставлены без внима-

ния находки, датируемые бронзовым веком (полированные каменные топоры) и схожие с материалами племен забайкальских сюнну (фрагмент керамики) [Щетенко, 1983, с. 46 – 47]. В настоящее время крепость находится на дне Саяно-Шушенского водохранилища.

9. Крепость Бажын-Алаак-2 – наибольший по площади фортификационный памятник в Туве, расположенный на окраине с. Бажын-Алаак Дзун-Хемчикского района на берегу р. Чадан. Его линейные размеры составляют 538×375 м, а площадь – 18,2 га. В северо-западной части крепости расположено шесть пар длинных земляных валов (объединенных в три параллельные группы) с продольными углублениями посредине каждого вала, раскопки которых позволили обнаружить остатки длинных строений, разделенных на отсеки частоколом из деревянных столбов. В центре крепости находится группа небольших холмов и впадин – остатки дома на фундаменте из плитняка с очагом на глинобитном полу и небольшим количеством керамики [Кызласов, 1959, с. 70 – 71].

Современные жилые усадьбы разрослись до стен древней крепости, нарушая целостность памятника, наблюдается постоянное разрешение памятника под воздействием факторов антропогенного (забор глины со стен городища на обмазку печей) и природного (подмывание южной стены водами р. Чадан) [Тулуш, 2008].

10. Крепость Балгаш-Бажын расположена в с. Бора-Тайга. В настоящее время территория городища застроена жилыми усадьбами и хозяйственными постройками. Через городище проходит автодорога из с. Сут-Холь в верховья р. Ак-Суг, грунтовые дороги, пешеходные тропы и ЛЭП. Южная стена крепости полностью разрушена жилыми и хозяйственными постройками. От западной сохранились лишь два небольших «фрагмента». От восточной стены сохранился отрезок длиной 110 м. Длина северной, почти полностью сохранившейся стены, 340 м. Стены ориентированы по сторонам света, без следов башен, высота около 2-2,5 м, ширина – от 2 до 6 м. В центре северной стены, видимо, находились ворота. С наружной стороны имеются следы заплывших рвов, ширина – 2 – 3 м, глубина – 0,3 м. На ЮВ окраине городища сохранились остатки двух построек, предположительно – крепостных башен из сырцового кирпича (9×7 м). Размеры кирпичей – 0,25×0,15 м. Высота сохранившихся частей стен до 0,1 – 0,3 м. В основании стен – фундамент из сланцевых плит.

11. Крепость Малгаш-Бажын – один из наименее разрушенных фортификационных памятников, расположен на берегу р. Эдегейчик в 2,5 км к СЗ от Ак-Довуракского рудника. Размеры – 270×280 м, площадь – 7,56 га. Высота валов достигает 3 м, ширина в основании – до 16 м. Городище не было застроено, стены не подверглись воздействию факторов природного или антропогенного характера. Стены городища ориентированы по сторонам света, посреди каждой стены прослеживаются остатки ворот шириной не менее 4 – 5 м. На территории внутренней площади городища не выявлено следов наземных конструкций. При визуальном осмотре были выявлены следы башен или выступов (пилонов), равномерно расположенных в каждом углу, а также в промежутках от угла до каждого из ворот общим числом не менее 12. Возможно, подобные конструкции были и на воротах, но это может подтвердить лишь проведение шурфовки.

12. Крепость Элде-Кежиг (Эльдиг-Кежиг), согласно описаниям Л. Р. Кызласова, расположена в пойме р. Барлык и представляет собой большое подпрямоугольное сооружение размерами 500×250 м. В северной стене сохранились ворота и 2 прохода. По свидетельству ранних исследователей, от крепости к юго-западу отходил каменистый вал длиной 7 км.

13. Крепость Тээли-5 – квадрат (270×270 м) из валов с оплывшими башнями по углам. Памятник был локализован на ЮЗ окраине с. Тээли. Ширина валов, состоявших из щебня и гальки – 10 м., стороны квадрата ориентированы на ЮЮВ, ЗЮЗ, ССЗ и ВСВ. Трое ворот прослеживаются с ЮЮВ, ССЗ и ВСВ стороны.

14. Крепость Чоон-Терек является самой западной, расположена на берегу р. Хемчик в 6,5 км к ЮВ от с. Бай-Тал, с линейными размерами 170×164 м. Ширина валов составляет 12 м, стены ориентированы так же, как у крепости Тээли-5. Внутри стен – пустое плоское пространство без явных следов антропогенной деятельности.

Следует отметить, что все перечисленные памятники, кроме находящихся под водой, в настоящее время можно посетить, однако точное местонахождение и современное состояние трех самых западных крепостей неизвестно.

Все исследованные крепости, вероятно, одновременны, так как и в подъемном материале, и при раскопках найдены одинаковые материалы: обломки зернотерок и керамика. Для определения датировки наибольшее значение имеет керамика. Она в основном двух типов:

– посуда, сходная с так называемыми «кыргызскими вазами», сделанными на кругу;

– баночные лепные сосуды, по преимуществу, с накладным венчиком и прилепными выступами на нем, иногда укрепленные рассеченными валами.

Уйгурская керамика отличается от так называемых «кыргызских ваз» как деталями орнамента, так и характерными вертикальными полосами лощения всей поверхности тулова сосуда. Оба типа посуды характерны для четко обособленной группы погребений Тувы, относящейся к уйгурскому периоду ее истории (VIII – IX вв.). Важно и то, что аналогичные сосуды найдены в уйгурских курганах и поселениях на территории древней родины уйгуров – в Забайкалье, по рекам Селенге, Савве, Чикою и вплоть до р. Онона [Кызласов, 1959, с. 71].

Гончарная керамика и черепица были зафиксированы С. В. Киселевым в ходе раскопок на Орду-Балыке. Эти находки позволили установить принадлежность к уйгурской культуре развалин жилых

кварталов, крепости и цитадели Орду-Балыка [Киселев С. В., 1957, с. 94 – 95].

Позднее исследованием гончарной керамики Орду-Балыка занимались Ю. С. Худяков и Д. Цэвээндорж, которые отметили, что «вся керамическая посуда изготавливалась на гончарном круге, обжигалась в печи. Сосуды толстостенные, из хорошо отмученной серой глины, ровного обжига. В изломе фрагменты очень твёрдые, напоминают «кыргызские вазы». Судя по толщине стенок, профилю венчика, шейки и тулова, часть сосудов служила тарной посудой. Как правило, поверхность этих сосудов заглажена, лишена орнамента, венчик прямой, выступающий наружу, скошенный внутрь, снабжённый уступами внутри и снаружи, отогнутый наружу… большинство из них имели значительные размеры и подобно среднеазиатским хумам могли применяться для хранения жидких и сыпучих тел – вина, кумыса, зерна и др. Отдельные сосуды, судя по скошенному венчику и изгибу по окружности, напоминали по форме корчагу, применявшуюся для хранения молочных продуктов…» [Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д., 1982, с. 87 – 84].

В своих работах, опираясь на исследования керамики, Ю.Худяков отмечает аналогичность керамики городища Орду-Балык и крепостей, расположенных на территории Тувы [Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д., 1982, с. 92 – 93; Худяков Ю. С., 1989, с. 145; Баяр Д., Худяков Ю. С., 2002]. Это проявилось как в формах, так и орнаментации, хотя, как отмечают исследователи, керамики сходной с орду-балыкской в южносибирских памятниках уйгурского периода найдено немного, что не позволяет полностью опираться на гончарную керамику как окончательный датирующий элемент [Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д., 1982, с. 93].

При обследовании и раскопках древнеуйгурских городищ ученые обращали внимание на то, что строительные приемы, использованные в строительстве городищ как на территории Тувы, так и других территорий, входивших в состав Уйгурского каганата, – бассейнов Селенги и Орхона, а также на территории древнекыргызского государства в Хакасии, аналогичны архитектурным традициям, сложившимся у народов Средней Азии, а точнее согдийцев [Вайнштейн, 1964, с. 103 – 114; Кызласов, 1959, с. 66 – 80; Кызласов, 1999, с. 181 – 200]. И это неудивительно, поскольку еще в VI – VIII вв. среди восточных тюрков проживало довольно много согдийцев. Количество их колоний в Центральной Азии значительно увеличилось во время господства уйгуров.

Известно, что в 750 – 758 гг. на территории Тувы по распоряжению кагана шло строительство целой системы пограничных крепостей и укреплений, соединенных длинными глинобитными стенами (каменистый вал со рвом), названный местными жителями «Дорога Чингисхана». Л. Р. Кызласов предположил, что их внутренние цитадели были сооружены из сырцового кирпича так называемого «согдийского» формата: 42-44×20-23×10 см [Кызласов, 1999, с. 195 – 196].

Влияние согдийцев чувствовалось не только в строительстве, но и в духовных и культурных вопросах. Так, некоторые уйгурские вельможи были приверженцами манихейства, а сами согдийцы привнесли в культуру уйгуров алфавит, который затем перешел и к монголам. Одновременно с этим древние уйгуры тесно взаимодействовали с Танским Китаем. Это выражалось в торговых отношениях, некотором культурном обмене и других сферах. Самой основной сферой взаимодействия была военная – уйгуры предоставляли Китаю военную силу для подавления многочисленных восстаний, а также участвовали в китайских военных кампаниях в качестве ударной конницы. Это позволяло им выгодно торговать лошадьми, каждая из которых оценивалась в 20 кусков шелка.

При строительстве крепости Пор-Бажын (т. н. дворца Боян-Чора [Моюн-Чура]) были использованы архитектурные традиции, сложившиеся у народов Восточной Азии в период правления династии Тан (618 – 907 гг. н. э.) [Вайнштейн, 1964, с. 111 – 112]. Это предположение было подтверждено в ходе работы археологической экспедиции по исследованию крепости Пор-Бажын, проведенной в 2007 – 2008 гг. Были выявлены основные конструктивные особенности крепости: крепостные и внутренние стены построены из глинобитных пластов по 12 – 14 см толщиной, армированных бревнами диаметром до 20 см, центральное сооружение декорировано кирпичами (26×13×6 см), крыши внутренних помещений были покрыты толстым слоем глины и обожженной черепицы с танскими концевыми дисками. Данные обстоятельства, а также сходство конструкций стен крепостей в Центральной Туве с Пор-Бажыном дают возможность предположить преобладание на средневековых памятниках Тувы танской архитектурной традиции над согдийской.

Таким образом, цепь крепостей, построенных на территории Тувы более 1200 лет назад, несмотря на значительные исследования, проведенные крупнейшими археологами в течение XX века, требует дополнительных исследований. Необходимо понять технологию строительства, а также истинное предназначение крепостей, причины их оставления, а также то, почему они не использовались впоследствии народами, населявшими территорию Тувы – древними кыргызами, монголами и др., а также самими тувинцами.

Литература

1. Баяр, Д. Коллекция уйгурской керамики с памятника Сангийн Толгой в Монголии / Д. Баяр, Ю. С. Худяков. – Режим доступа: http://e-lib.gasu.ru/da/archive/ 2002/09/15.html (дата обращения - 15.12.2010 г.).

2. Вайнштейн, С. И. Древний Пор-Бажын / С. И. Вайнштейн // Советская этнография. – 1964. – № 6.

3. Вайнштейн, С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956 – 1957 гг. / С. И. Вайнштейн // УЗ ТНИИЯЛИ. – Вып. VI. – Кызыл, 1958.

4. Киселев, С. В. Древние города Монголии / С. В. Киселев // Советская археология. – 1957. – № 2.

5. Клеменц, Д. А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г. / Д. А. Клеменц // Сборник трудов Орхонской экспедиции. – СПб., 1895. – Т. II.

6. Кляшторный, С. Г. Древние города Монголии / С. Г. Кляшторный // Древние города: материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья» (Пенджикент, октябрь 1977 г.). – Л., 1977.

7. Кляшторный, С. Г. Степные империи древней Евразии / С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов. – СПб., 2005. – 346 с.

8. Кызласов, Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.) / Л. Р. Кызласов. – М., 1979.

9. Кызласов, Л. Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) / Л. Р. Кызласов // Российская археология. – 1999. – № 2.

10. Кызласов, Л. Р. Средневековые города Тувы / Л. Р. Кызласов // Советская археология. – 1959. – № 3.

11. Кызласов, Л. Р. Южная Сибирь в эпоху владычества уйгуров/ Л. Р. Кызласов // Материалы по древней истории Сибири. – Улан-Удэ, 1964.

12. Тулуш, Д. К. Разрушенные города / Д. К. Тулуш // Республика Тыва. – 2008. – № 37 (13 ноября)

13. Худяков, Ю. С. Керамика Орду-Балыка / Ю. С. Худяков, Д. Цэвээндорж // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 85 – 94.

14. Худяков Ю. С. К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // Керамика как исторический источник – Новосибирск, 1989. – С. 134-152.

15. Щетенко, А. Я. Бажын-Алаак – городище уйгурского времени в Туве / А. Я. Щетенко // Южная Сибирь в древности. – СПб., 1995.

16. Щетенко, А. Я. Раскопки средневекового городища Бажын-Алаак / А. Я. Щетенко // Древние культуры евразийских степей. – Л., 1983. – С. 45 – 47.

УДК 902.01, 903.24-25

УКРАШЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

О. В. Умеренкова

WESTERN SIBERIAN BRONZE AGE ADORNMENTS AS A SOURCE OF KNOWLEDGE ABOUT A SOCIETY AGE-RELATED STRUCTURE

O. V. Umerenkova

Исследование посвящено анализу украшений с позиции реконструкции половозрастной организации общества. Представлена объективная информация о зависимости распределения украшений от пола и возраста погребенных, выявлены закономерности распространения изделий и определены основные возрастные группы древнего населения Западной Сибири в эпоху бронзы.

The research analyses adornments in terms of reconstruction of age-related organization of society. Objective information about the relation between adornments distribution and age and sex of buried people is presented in the article, the regularities in items spreading are revealed and the main age-related groups of ancient population in Western Siberia of Bronze Age are identified.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Западная Сибирь, погребения, украшения, половозрастная структура.

Keywords: Bronze Age, Western Siberia, burials, adornments, age-related structure.

В современной археологической науке в основе изучения палеосоциальных процессов лежит признание функционирования нескольких основных социальных структур. Половозрастная (физико-генетическая) структура любого общества, начиная с эпохи неолита, функционировала во взаимосвязи с семейно-брачной, социально-профессиональной, имущественной, ранговой, культурно-символической (религиозной), мифологической социальными структурами [33, с. 52; 26, с. 89 – 91; 29 и др.]. В традиционных обществах в основе вертикальной проекции лежало социальное, имущественное, профессиональное различие, а горизонтальная базировалась на половозрастной структуре.

Сам термин «половозрастная стратификация», используемый в работах ученых, включает в себя половозрастные различия, возрастные классы и группы общества, в структуре которых определяющую роль играют пол и возраст [6, с. 63; 31, с. 68 – 70]. Отсутствие письменных источников в эпоху бронзы привело специалистов к логическому заключению, согласно которому социальная значимость человека в древности находила свое отражение в материальной культуре. Общественное производство, роль при распределении материальных ценностей и другие сферы жизнедеятельности должны были непременно отразиться в погребальном обряде [8, с. 218]. В нашем случае подобную дифференциацию объясняет наличие погребений, богатых инвентарем, главными признаками которых являются большие размеры погребальных сооружений, наличие изделий из драгоценных металлов, следы богатой тризны, большое количество изделий из бронзы. В данном контексте в качестве структурного критерия в организации возрастных групп выступал не просто возраст как биологическая характеристика, а возраст социальный, т. е. относительный признак, согласно которому возрастная группа формировалась как часть коллектива. При реконструкции половозрастной организации общества пе-

ред исследователями встает проблема типологии возрастных систем. Что считать критерием момента вступления в возрастную группу – рождение или инициацию? Мера физического состояния зрелости, способность к труду, полноправное участие в жизни общества становились условиями перехода индивида в иное групповое состояние. Например, первой ступенью социализации ребенка у традиционных народов является обряд инициации. Специалистами различаются такие дефиниции общих понятий жизненного пути человека, как возрастные классы и возрастные группы [14; 39]. Под возрастными классами понимают слои населения, занимающие особое место в системе возрастной стратификации общества и соответственно выделяемые и символизируемые культурой. Возрастные группы представлены организацией, основанной на общности хронологического и/или условного возраста своих членов, имеющие специфическую структуру, знаковые средства и соответственно воспринимаемые и символизируемые культурой. Методика реконструкции половозрастной структуры общества всегда была актуальной проблемой для этнографов и историков первобытного общества [1; 6; 11; 13; 14; 16; 21; 22; 29; 30]. Исследования в этом направлении проводились археологами на материалах крупных памятников, содержащих представительную источниковую базу и полностью изученных, с привлечением этнографических освидетельствований [2; 3; 5, с. 84; 7; 8; 15; 17; 18; 19; 20; 23; 25; 26; 27; 31; 33; 34; 35; 36; 42; 43; 45 и др.].

Рассматривая одну из самых ярких категорий материальной культуры – бронзовые украшения – в качестве источника изучения половозрастной структуры древнего общества, необходимо, на наш взгляд, использовать понятие «возрастного символизма» – системы представлений и образов, в которой общество воспринимает, осмысливает и освещает жизненный путь индивида и возрастную стратификацию в своей культуре. В данном контексте обязательны такие элементы, как критерии возраста, возрастные стереотипы, свойственные культуре, символизация возрастных процессов, обряды, специфический набор признаков и ценностей, принадлежащие данному возрастному слою [39, с. 112]. Любая система возрастной стратификации подразделяла индивиды на группы (жизненные периоды): младенчество, детство, подростковый возраст, зрелость, старость. Эти группы представлены и в погребальной символике, сохраняя основные статусные характеристики умершего в социальной структуре. Возрастной символизм представляет эти группы в знаках, которые проявляются, например, в одежде. Костюм отражает не только пол, но и возраст, социальное положение, родовую принадлежность, магические свойства и т. п. В одежде всегда существовали детали/элементы, символизирующие возрастную разницу. Такими знаками и являются изделия, украшающие одежду, головной убор, обувь и тело человека.

В данном исследовании приведены описания возрастных групп, предложенные специалистами для андроновской культуры и выполненные автором по материалам 25 погребальных памятников эпохи поздней бронзы Западной Сибири: памятники Кузнецкой котловины: Сапогово, Танай II, Ваганово 2, Журавлево I, III, IV, V, Танай 1, 7, 12, Титово 1, Пьяново, Иваново-Родионово, Шабаново I; лесостепного Алтая и Барнаульского Приобья: Ново-Троицкое I, II, Суртайка, Ближние Елбаны IV, IX; памятники Верхнего Приобья: Милованово 1, Ордынское 1г, Преображенка 3; памятники таежной зоны Обь-Томского междуречья: Иштан, ЕК I, II. Материал представлен по 716 погребениям. В ходе анализа были учтены захоронения, совершенные по обряду трупоположения, имеющие антропологические определения. Взрослые (268 ед.) и детские (57 ед.) погребения анализировались отдельно. Категория детских погребений варьировалась от 1 до 12 – 15 лет. В данном случае нами учитывался физиологический фактор по определению специалистов половой зрелости девушек в интервале с 12 – 15 лет, у юношей с 15 лет (более подробно о выделении исследователями таких возрастных групп будет сказано ниже). Данные помещались в таблицы баз памятников с учетом положения, планиграфии и наличия инвентаря. На основе анализа взаимовстречаемости и частоты встречаемости предметов в погребениях образовывались группы. На последнем этапе происходило выделение закономерностей использования категорий инвентаря и выявлен комплекс украшений, характерный для определенных групп в зависимости пол – возраст.

Реконструктивные варианты системы возрастных группирований для андроновского общества по наличию украшений в женских погребениях уже неоднократно предпринимались исследователями [37; 38; 41; 43; 44 и др.]. По типам головных уборов и составу их украшений специалистами выделялись основные возрастные группы: от 10 – 12 до 15 – 18 лет; от 15 до 20 лет; старше 20 лет. В соответствии с этим содержательная характеристика женских возрастных групп была представлена следующим образом: девочка-девушка; девушка-невеста; молодая замужняя женщина; женщина, вышедшая из репродуктивного возраста [41]. Необходимо отметить, что пол по костным останкам детей достаточно трудно определим, поэтому инвентарь детских захоронений относился специалистами к женскому, исходя из набора украшений.

Степень социализации в детском жизненном цикле носителей андроновской культуры прослеживалась по погребальному обряду: младенцев (до 1 года жизни) хоронили, как правило, в грунтовых ямах, в насыпях курганов, за пределами оград или совместно с женщинами в одной могиле; дети в возрасте от 1 г. до 7 – 9 лет погребались со взрослыми в одной ограде или в пристройке (межкурганное пространство); дети в возрасте от 8 – 9 лет до 10 – 15 лет помещались в погребения вместе со взрослыми в одной ограде или самостоятельно в отдельных пристройках; сепаратные детские погребения – отдельные кладбища или участки для захоронения детей. В погребениях детей младенческого возраста

украшения в основном отсутствовали. Скорее всего, смерть в таком возрасте не рассматривалась как значимая социальная потеря и поэтому половая специфика одежды (покрова) отсутствовала. Отсутствие знаковой принадлежности при жизни была отражена в погребальном ритуале. Первые украшения были зафиксированы в погребениях детей (девочек) в возрасте 5 – 6 лет. Набор инвентаря представляется для данной возрастной группы простыми в исполнении браслетами (без наверший), проволочными серьгами, низками бус.

Корреляция инвентаря и возраста погребенных показала, что украшения и детали костюма появляются в подростковом периоде, что, возможно, связано с прохождением обряда инициации и соответствуют времени полового созревания. При этом с возрастом количество украшений, особенно в женских могилах, увеличивалось. Головной убор с накосниками в погребениях девочек 10 – 14 лет указывал на новый этап в их социальном положении, намеченном при жизни, т. к. именно головной убор в традиционном костюме является основной деталью в одежде. Тем более показательно, что именно накосник в составе головного убора является социально-возрастным индикатором женщин и в алакульских коллективах [12, с. 68, 71; 40, с. 60 – 61]. Накосники являлись неотъемлемой частью головного убора. Эти украшения появлялись у девочек в момент перехода в разряд потенциальных матерей, а затем становились декором свадебного головного убора и исчезали у женщин, родивших ребенка [41, с. 79].

У женщин в возрасте фертильного периода в ювелирных гарнитурах присутствовали браслеты со спиралевидными навершиями, гривны, подвески, бляшки с орнаментом. Возможно, что сложность декора этой возрастной группы указывала на усиление функций защитной магии или плодородия, которыми обладали украшения. Представительницы андроновской культуры носили богатые головные уборы сложной конструкции, состоящие из бронзовых и золотых деталей (рис. 1 – 1, 2). Так, например, на памятнике Фирсово XIV подобные сложносоставные украшения были зафиксированы в семи погребениях из 11 (№№ 74, 88, 124, 200, 213, 222, 292) [41, с. 54]. Анализ археологического и антропологического материала из могильника Фирсово XIV позволил прийти к выводу, что головные уборы женщины андроновской культуры начинали носить примерно с 20 лет и продолжали их использовать вплоть до 60-летнего возраста. Возможно, представленные головные уборы являлись маркером репродуктивного возраста женщин и отражали их роль в андроновском обществе [43, с. 56]. По материалам могильника Лисаковский сложные составные головные уборы фиксировались в погребениях девушек 14 – 16 лет. Аналогичные типы накосников принадлежали погребениям, где были захоронены женщины 20 – 25 лет [39, с. 120]. По наблюдениям Ю. И. Михайлова женщины в возрасте старше 45 лет вообще достаточно редко представлены в андроновских могильниках [24, с. 110]. Участие представительниц старших возрастов в воспроизводстве популяции ограничено не только социальными, но и препятствиями биологического характера. В связи с этим остается спорным существование единой символики для столь широкого возрастного диапазона.

Корреляция инвентаря позднебронзовых комплексов погребений показала следующие закономерности распределения украшений по полу и возрасту.

Бляшки – универсальные украшения, зафиксированные в ирменских погребениях как мужчин, так и женщин. Из 180 экземпляров 2 бляшки были зафиксированы в погребениях младенцев, 3 экз. – в детских (возраст 5 – 7 лет), 7 экз. – в подростковых (возраст 13 – 15 лет). Основная часть находок этой категории украшений приходилась на возраст после 15 лет. Данные изделия были одинаково распространены как в погребениях женщин, так и мужчин. Встречаются по 1 – 2 экз. В одном случае было зафиксировано 11 экз. (мог. Журавлево-14, кург. 9).

Накосники – украшения, найденные исключительно в женских погребениях. Из 47 экз., относящихся к ирменскому времени, в 2 случаях накосники принадлежали девушкам 13 – 15 лет (по 2 экз.). Все остальные находки были сделаны в погребениях молодых женщин в возрасте 16 – 30 лет; 30 – 35 лет – 1 случай. Анализ данных сводной таблицы показал, что наличие накосников во многих случаях сопровождалось присутствием гвоздевидных подвесок (38 %). Во всех случаях возраст погребенных фиксировался от 20 до 40 лет и только в одном – 16 – 20 лет. Для этой же возрастной группы вместе с накосниками отмечается наличие пластинчатых браслетов по 1 – 2 шт. (48 %). Остальные категории украшений представлены единично.

Гвоздевидные подвески – из 63 экз. только в одном случае зафиксированы у ребенка в возрасте 5 – 6 лет. Все остальные экземпляры обнаружены в погребениях женщин от 16 до 50 лет. Основная доля встречаемости приходится на возраст от 20 до 35 лет (72 %). В 2 случаях подвески были найдены в погребениях женщин в возрасте 60 – 70 лет.

Пронизки – 214 экз. Строгой закономерности встречаемости от возраста не установлено. Известны находки в погребениях младенцев, детей до 5 – 6 лет, в репродуктивном возрасте и старости. Основная доля приходится на погребения молодых женщин 20 – 35 лет. В 9 случаях зафиксированы в мужских могилах.

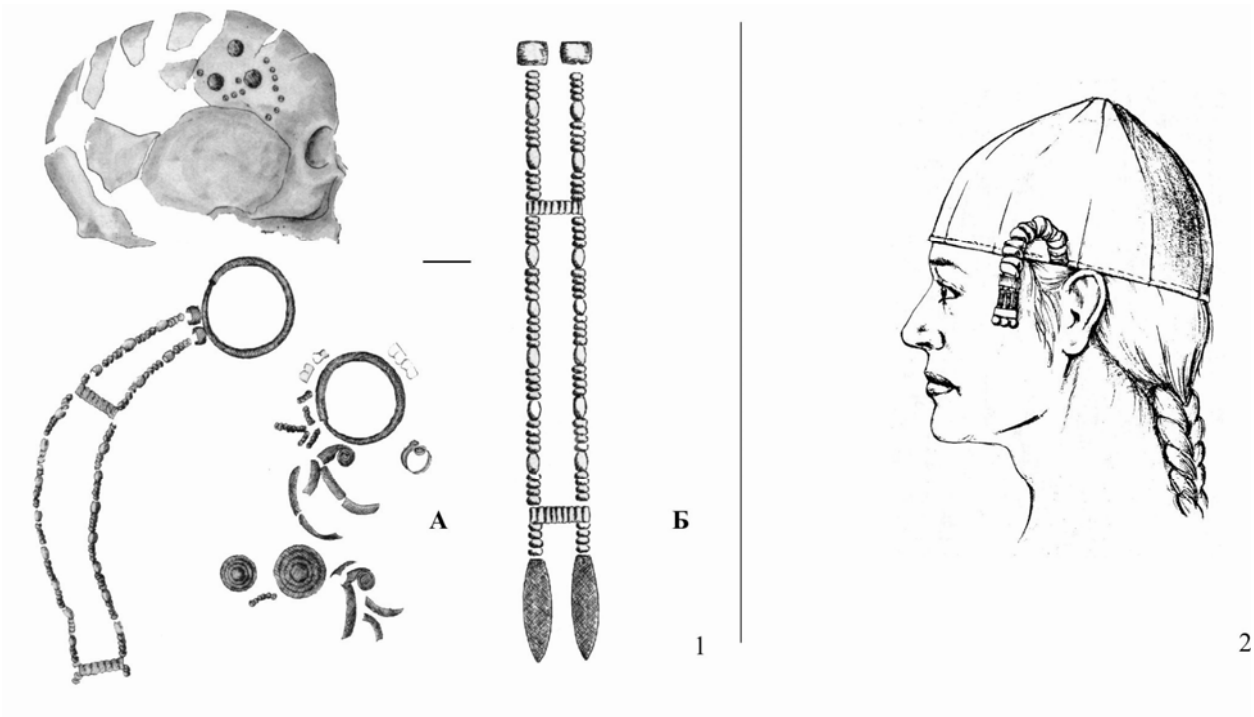


Рис. 1. 1 – могильник Лисаковский, к. 2, м. 2:
А – фрагмент погребения взрослой женщины;
Б – реконструкция накосника, тип 1 [по: 38, рис. 4, 14];
2 – реконструкция головного убора из погребения андроновской культуры мог. Фирсово XVI (рисунок Д. В. Позднякова) [по: 9, рис. 40]

С учетом высокой частоты встречаемости были выделены «ведущие типы» – накосники и гвоздевидные височные подвески [5, с. 84 – 85]. Установленные возрастные границы женщин по этим типам головных украшений выглядят следующим образом: 15 – 20 лет – обязательным украшением являются накосники при отсутствии гвоздевидных подвесок; 20 – 40 лет – накосники и гвоздевидные подвески; старше 40 лет – обязательным атрибутом остаются только гвоздевидные подвески, а накосники полностью отсутствуют. В приведенной выше последовательности возрастных группирований у ирменских женщин очевидна дифференцирующая роль накосников. Появление накосников у представительниц ирменского общества с 15 лет совпадало с получением первоначального статуса в системе брачных отношений, а их исчезновение после 40 соответственно означало переход в новое состояние, связанное с исключением из репродуктивного процесса. Временной интервал от 15 до 40 лет совпадал с периодом участия женщин в воспроизводстве населения как у ирменцев, так и андроновцев. Этот интервал – 25 лет – в целом соответствует средней продолжительности репродуктивного периода, определяемого специалистами в 25 – 30 лет.

Украшения головного убора выделяются в особую группу инвентаря и представляют собой сочетания накосников и гвоздевидных подвесок. В качестве сопутствующего инвентаря представлены браслеты и кольца. Кольца пластинчатые (94 экз.) зафиксированы у погребенных в возрасте 16 – 40 лет (46 %), старше 40 лет (29 %), младенцев (8 %). Единичны находки этой категории украшений у детей 5 – 6 лет и подростков 14 – 15 лет. В 9 случаях пластинчатые кольца были зафиксированы в погребениях мужчин 25 – 45 лет по 1 экз. С категорией пластинчатых колец наиболее массово представлен тип пластинчатых браслетов (83 %). Эти изделия зафиксированы у погребенных в возрасте 16 – 40 лет (33 %), старше 40 лет (20 %), у детей от 1,5 – 5-6 лет известно 4 экз., в погребениях младенцев – 2 экз. и в погребениях подростков 12 – 15 лет –3 экз. Только в одном случае пластинчатый браслет был зафиксирован в погребении мужчин, остальные являются инвентарем женских погребений.

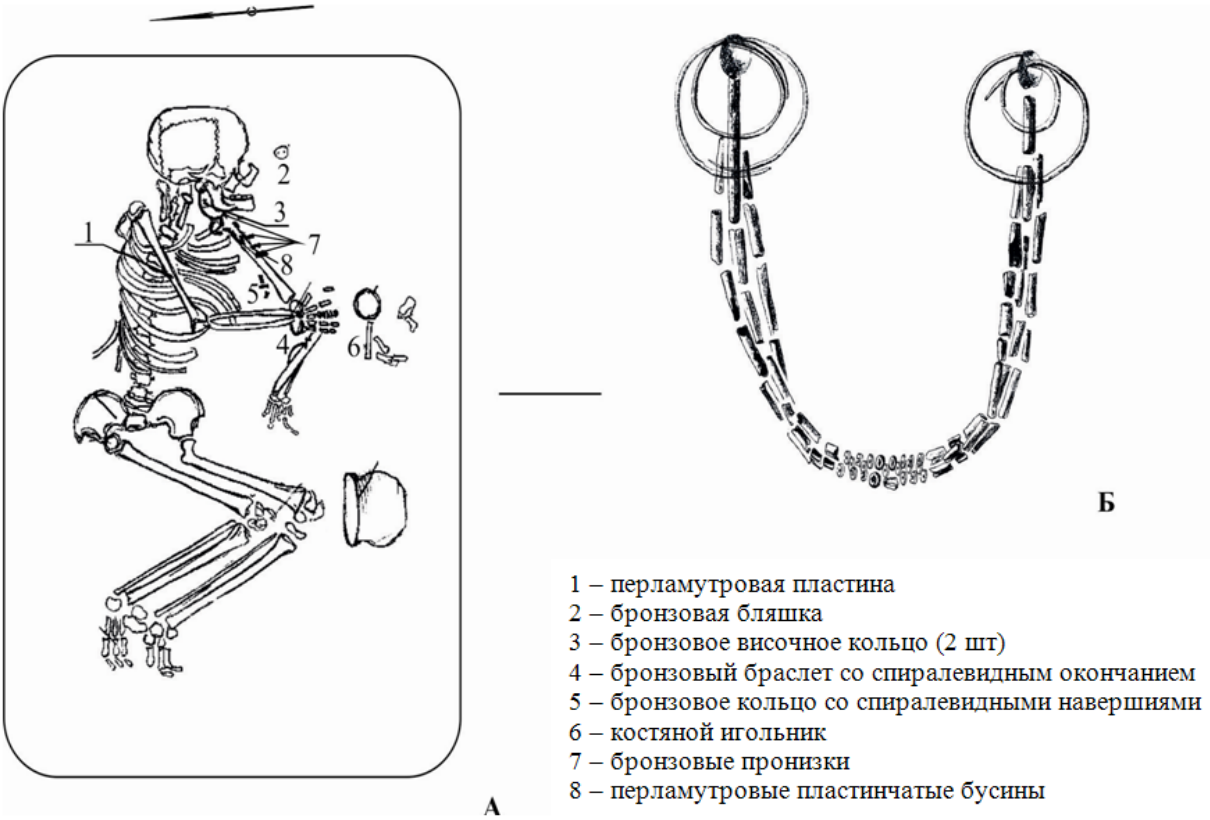


Рис. 2. Могильник Танай-12, к. 9, погр. 18: А – погребение 18; Б – вариант реконструкции головного украшения взрослой женщины [по: 4]

Кольца проволочные – 117 экз. Зависимости от возраста не выявлено. Данный тип зафиксирован у погребенных от младенческого возраста до старости. Единственным отличием является месторасположения колец – у младенцев и детей до 2,5 лет кольца расположены в районе черепа (височных костей), у остальных, как правило, – на фалангах пальцев рук. В 62 случаях кольца были обнаружены по 1 экз., в 17 случаях по 2 экз., в единичных случаях количество варьировалось от 3 до 10 экз. В 12 случаях проволочные кольца зафиксированы в инвентаре погребений мужчин: в возрасте 25 – 40 лет (75 %), у мужчин после 60 лет (25 %).

При количественном анализе предметов сопроводительного инвентаря ирменских погребений выявляется локализация группы погребенных 14 – 16 лет. Среднее количество предметов сопроводительного инвентаря в этом возрасте составляет 7,5 единицы на одно погребение, тогда как в 16 – 20 лет – 2, а в 20 – 30 – 2,7. Можно предположить, что 14 – 16 лет – наиболее вероятное время первых родов у ирменских женщин, что подтверждается проведенным анализом комплекса украшений ирменских погребений [12, с. 40].

Таким образом, информативные возможности украшений в области половозрастной реконструкции общества не вызывают сомнения. Эти изделия являлись неотъемлемой частью костюма и сопровождали человека на протяжении всей его жизни, демонстрируя, в первую очередь, семейно-брачный статус женщины. Основные возрастные группы, выделенные по материалам погребений эпохи бронзы на территории Западной Сибири включают в себя младенческий возраст до 1 года; 2 – 7(10) лет; 10 – 14 лет; 14(16) лет – 20(25) лет; 25 лет и старше. Украшения, как правило, были одинаковыми для мальчиков и девочек, и различия их в наборе и внешнем виде становились явными только с пяти лет. Наибольше значение для представительниц женского пола имела перемена детской прически на девичью, а также сватовство и переход в ранг невесты. Центральным моментом в жизни девушки считалась смена девичьей прически и украшений на женские. Именно перемена прически и украшений символизировали новый статус женщины, в некоторых случаях – факт перехода в другой род. Наиболее многочисленным и сложным был комплект свадебных украшений, который носился до рождения первого ребенка. После 30 – 35 лет количество украшений становилось минимальным, а с 40 – 45 лет женщина носила лишь простые серьги и кольца [32, с. 8]. По мере старения и выхода из детородного возраста женщины обычно переставали носить накосные украшения или их количество сводилось к минимуму.

Литература

1. Алекшин, В. А. Социальная реконструкция и погребальный обряд древнеземледельческих обществ [Текст]: монография / В. А. Алекшин. – Л.: Наука, 1986. – 191 с.

2. Бобров, В. В. О демографической ситуации в эпоху поздней бронзы на юге Западной Сибири (ирменская культура) [Текст] / В. В. Бобров // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск, 2000. – С. 8 – 11.

3. Бобров, В. В. Половозрастная структура ирменского общества (по материалам головного убора) [Текст] / В. В. Бобров, Ю. И. Михайлов // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск, 1992. – С. 70 – 72.

4. Бобров, В. В. Набор украшений эпохи поздней бронзы из могильника Танай-12 [Текст] / В. В. Бобров, О. В. Умеренкова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003. – Ч. 1. – С. 260 – 263.

5. Бобров, В. В. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4 [Текст]: монография / В. В. Бобров, Т. А. Чикишева, Ю. И. Михайлов. – Новосибирск, 1993. – 157 с.

6. Бутинов, Н. А. Половозрастная организация [Текст] / Н. А. Бутинов // Советская этнография. – № 1. – М.: Наука, 1982. – С. 63 – 68.

7. Гей, А. Н. Проблема социальной дифференциации и эволюции общества степных скотоводов бронзового века (на примере новотиторовской и катакомбной культур Степного Прикубанья) [Текст] / А. Н. Гей // Социальная дифференциация обществ (поиски археологических критериев). – М., 1993. – С. 42 – 77.

8. Генинг, В. Ф. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования [Текст]: монография / А. Н. Гей. – Киев, 1989. – 296 с.

9. Горбунов, В. В. История Алтая. – Часть 1: Древний Алтай [рисунок] / В. В. Горбунов, А. Л. Кунгуров, О. Ф. Кунгурова, А. Б. Шамшин. – Барнаул, 2010. – С. 40.

10. Горяев, В. С. О начале «брачного периода» у женщин ирменского общества [Текст] / В. С. Горяев // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск, 1997. – С. 39 – 42.

11. Добролюбский, А. О. Принципы социологической реконструкции по данным погребального обряда [Текст] / А. О. Добролюбский // Теория и методы археологических исследований. – Киев: Наукова Думка, 1982. – С. 54 – 68.

12. Евдокимов, В. В. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурной общности из Центрального Казахстана) [Текст] / В. В. Евдокимов, Э. Р. Усманова // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск, 1990. – С. 66 – 80.

13. Калиновская, К. П. К проблеме возрастных систем [Текст] / К. П. Калиновская // Советская этнография. – № 1. – М.: Наука, 1982. – С. 59 – 62.

14. Калиновская, К. П. Региональное и глобальное в половозрастной дифференциации обществ с системами возрастных классов [Текст] / К. П. Калиновская // Исследования по первобытной истории. – М.: Наука, 1992. – С. 157 – 168.

15. Кирюшин, Ю. Ф. Некоторые аспекты социальной организации андроновского общества [Текст] / Ю. Ф. Кирюшин // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 29 – 34.

16. Кожин, П. М. Значение материальной культуры для диагностики процессов доисторического этногенеза [Текст] / П. М. Кожин // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. – М., 1987. – С. 80 – 107.

17. Комарова, М. Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак [Текст] / М. Н. Комарова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – № 3. – Л., 1961. – С. 32 – 73.

18. Кореняко, В. А. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) [Текст] / В. А. Кореняко // СА. – № 2. – 1990. – С. 28 – 41.

19. Максименков, Г. А. Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины – источник изучения семейных и общественных отношений [Текст] / Г. А. Максименков // Древняя Сибирь. – Вып. 4. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 8 – 17.

20. Максименков, Г. А. Андроновская культура на Енисее [Текст]: монография / Г. А. Максименков. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

21. Массон, В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии) [Текст]: монография / В. М. Массон. – Л.: Наука, 1976. – 192 с.

22. Массон, В. М. Исторические реконструкции в археологии [Текст]: монография / В. М. Массон. – Фрунзе: Илим, 1990. – 95 с.

23. Матвеев, А. В. Семья в ирменском обществе: некоторые аспекты палеодемографического изучения по материалам поселений [Текст] / А. В. Матвеев // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск, 1995. – С. 25 – 41.

24. Михайлов, Ю. И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы) [Текст]: монография / Ю. И. Михайлов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 264 с.

25. Молодин, В. И. Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка–3) [Текст] / В. И. Молодин // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1984. – С. 37 – 44.

26. Молодин, В. И. Бараба в эпоху бронзы [Текст]: монография / В. И. Молодин. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

27. Молодин, В. И. Социальнозначимые захоронения кротовской культуры [Текст] / В. И. Молодин // Религиозные представления в первобытном обществе. – М., 1987. – С. 140 – 144.

28. Ольховский, В. С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции [Текст] / В. С. Ольховский // Российская археология. – № 2. – 1995. – С. 85 – 98.

29. Поликанова, Е. П. Социальная структура общества (анализ различных концепций) [Текст] /

Е. П. Поликанова // Философия и общество. – № 5. – 1998. – С. 233 – 240.

30. Попов, В. А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности. (Вместо ответа оппонентам) [Текст] / В. А. Попов // Советская этнография. – № 1. – М.: Наука, 1982. – С. 68 – 79.

31. Смирнов, К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время [Текст] / К. Ф. Смирнов // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа, 1981. – С. 68 – 90.

32. Сычева, Н. С. Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана XIX – XX веков [Текст]: монография / Н. С. Сычева // Из собрания Государственного музея искусства народов Востока. – М.: Советский художник, 1984. – 180 с.

33. Тишкин, А. А. Возможности проведения палеосоциальных исследований на основе археологических данных [Текст] / А. А. Тишкин, П. К. Дашковский // Археология Южной Сибири. – Новосибирск, 2003. – С. 51 – 55.

34. Ткачев, А. А. Половозрастная характеристика нуртайских комплексов Северной Сары-Арки [Текст] / А. А. Ткачев // Экология древних и современных обществ. – Тюмень, 1999. – С. 146 – 149.

35. Ткачев, А. А. Социальная структура андроновского общества [Текст] / А. А. Ткачев, Н. А. Ткачева // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: АГУ, 1997. – С. 49 – 52.

36. Троицкая, Т. Н. Некоторые вопросы социальной стратификации общества большереченскй культуры (V – I вв. до н. э.) [Текст] / Т. Н. Троицкая // Скифо-Сибирский мир. – Кемерово, 1989. – С. 73 – 76.

37. Усманова, Э. Р. Андроновский могильник Лисаковский [Текст] / Э. Р. Усманова // Маргулановские чтения. – Алма-Ата: МВД Казахской ССР, 1989. – С. 116 – 119.

38. Усманова, Э. Р. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) [Текст] / Э. Р. Усманова // Маргулановские чтения. – Ч. 1. – М., 1992. – С. 97 – 104.

39. Усманова, Э. Р. Могильник Лисаковский 1: факты и параллели [Текст]: монография / Э. Р. Усманова. – Караганда – Лисаковск, 2005. – 232 с.

40. Усманова, Э. Р. Женские накосные украшения Казахстана (эпоха бронзы) [Текст]: монография / Э. Р. Усманова, В. Н. Логвин. – Караганда, 1998. – 64 с.

41. Усманова, Э. Р. Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) [Текст] / Э. Р. Усманова, А. А. Ткачев // Вопросы древней истории. – № 2. – М., 1993. – С. 75 – 83.

42. Хлобыстина, М. Д. Андроновские детские могильники как палеосоциологический источник [Текст] / М. Д. Хлобыстина // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1985. – С. 18 – 27.

43. Шамшин, А. Б. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая [Текст] / А. Б. Шамшин, О. А. Ченских // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: АГУ, 1997. – С. 52 – 56.

44. Шевнина, И. В. Опыт реконструкции женского погребального костюма по материалам могильника эпохи бронзы Джангильды V [Текст] / И. В. Шевнина // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: ЭКО, 2002. – С. 113 – 117.

45. Шпакова, Е. Г. Демографическая характеристика населения тагарского времени по материалам могильника Береговой-1 [Текст] / Е. Г. Шпакова, А. П. Бородовский // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 4. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 386 – 391.

МАТЕМАТИКА

УДК 519.632.4

ОБ АСИМПТОТИЧЕСКОЙ СХОДИМОСТИ НЕЯВНОГО ИТЕРАЦИОННОГО ПОЛИНЕЙНОГО РЕКУРРЕНТНОГО МЕТОДА РЕШЕНИЯ РАЗНОСТНЫХ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ УРАВНЕНИЙ

А. А. Фомин, Л. Н. Фомина

ON ASYMTOTIC CONVERGENCE OF IMPLICIT ITERATION LINE-BY-LINE RECURRENCE METHOD FOR SOLVING A DIFFERENCE ELLIPTICAL EQUATIONS

A. A. Fomin, L. N. Fomina

Анализируется результирующая матрично-векторная форма записи алгоритма неявного итерационного полинейного рекуррентного метода решения систем разностных эллиптических уравнений с пятидиагональными матрицами положительного типа. Путем оценки норм входящих в нее матричных операторов доказывается сходимость метода в асимптотическом случае, когда шаг разностной сетки стремится к нулю, а параметр компенсации близок к оптимальному значению.

Matrix-vector form of recording the algorithm of implicit iteration line-by-line recurrence method is analyzed for solving five-diagonal matrix systems of difference elliptical equations with positive type matrixes. By an estimation of norms of matrix operators entering into it convergence of the method in an asymptotic case is proved, when a difference grid step aspires to zero and compensation parameter is near to the optimum value.

Ключевые слова: разностные эллиптические уравнения, итерационный метод решения, сходимость метода.

Keywords: a difference elliptic equations, iteration method, convergence of the method.

Разностные аппроксимации дифференциальных постановок краевых задач тепло- и массопереноса приводят, как правило, к системам линейных алгебраических уравнений (СЛАУ) вида

$$A\vec{\Phi} = \vec{f}\,, \qquad (1)$$

где A – матрица системы, $\vec{\Phi}$ – искомый вектор решения, $\vec{f}$ – вектор правой части системы. Причем при выполнении простых и вполне разумных правил разностной аппроксимации получаемые матрицы СЛАУ имеют положительный тип, а именно: они неразложимы, имеют строчное диагональное преобладание, элементы главной диагонали строго положительны, а внедиагональные элементы неположительны [1, 2]. В случае использования регулярной сетки при разностной аппроксимации двумерных краевых задач матрица A зачастую имеет пятидиагональную структуру.

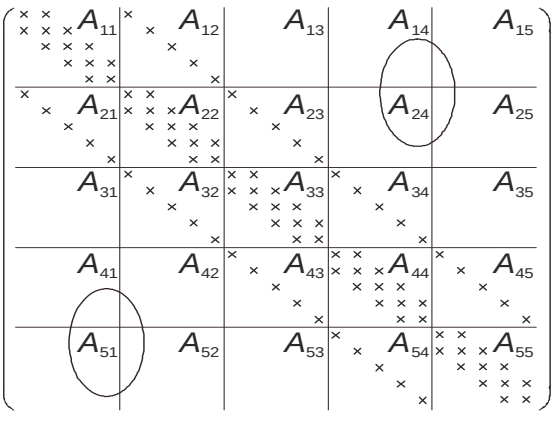


Рис. 1

Для решения подобных СЛАУ был разработан неявный итерационный полинейный рекуррентный метод, который при решении систем с различными матрицами, в том числе характеризующимися большими числами обусловленности, показал высокую практическую эффективность [3 – 5]. Однако вопросы теоретического обоснования этого метода до сих пор не получили в литературе достаточно полного отражения. В этом плане следует отметить работу [6], в которой путем матрично-векторных преобразований системы показывается, что если в процессе итераций вектор приближенного решения $\vec{\Phi}^{(k)}$ сходится к некоторому предельному значению $\vec{\Phi}^{(*)}$, то этот предельный вектор $\vec{\Phi}^{(*)}$ есть также решение исходной системы (1). Цель настоящего исследования – доказать сходимость неявного итерационного полинейного рекуррентного метода в асимптотическом случае, то есть когда шаг разностной сетки $h \to 0$, а параметр компенсации метода θ близок к своему оптимальному значению θ_{opt}.

В общем случае для двумерной задачи пятиточечное разностное уравнение имеет следующий вид:

$$a_{P_{ij}}\Phi_{ij} = a_{E_{ij}}\Phi_{i+1j} + a_{W_{ij}}\Phi_{i-1j} + a_{N_{ij}}\Phi_{ij+1} + a_{S_{ij}}\Phi_{ij-1} + b_{ij}\,, \qquad (2)$$

где $1 < i < n, \quad 1 < j < m$,

причем $a_P \geq a_E + a_W + a_S + a_N$. Здесь n, m – количество узлов сеточного разбиения области по координатам x, y соответственно. Пусть матрица A системы из таких разностных уравнений будет матрицей положительного типа. Ее структура приве-

дена на рис. 1. Общее число неизвестных и, следовательно, размерность матрицы A равно числу N = n×m. Для удобства матрица разбита на отдельные квадратные клетки, каждая из которых на рис. 1 поименована как A_{is}. Если количество клеток, для определенности, равно n×n, тогда размерность каждой клетки – m×m. Здесь и далее для наглядности и не в ущерб общности изложения материала выбрана разностная сетка 5×5. Видно, что клетки A_{ii} являются трехдиагональными, клетки A_{ii+1}, A_{ii-1} – диагональными, а все остальные – нулевыми.

В [4, 6] показано, что суть рассматриваемого метода – это последовательность эквивалентных и приближенных преобразований исходной системы уравнений, которая приводит ее в конечном счете к системе с четырехдиагональной матрицей. Ее структура представлена на рис. 2. Здесь черные крестики означают элементы, которые остались неизменными от исходной матрицы A, а белые крестики – видоизмененные элементы. Пусть при этом сами уравнения преобразованной системы в общем случае будут иметь следующий вид:

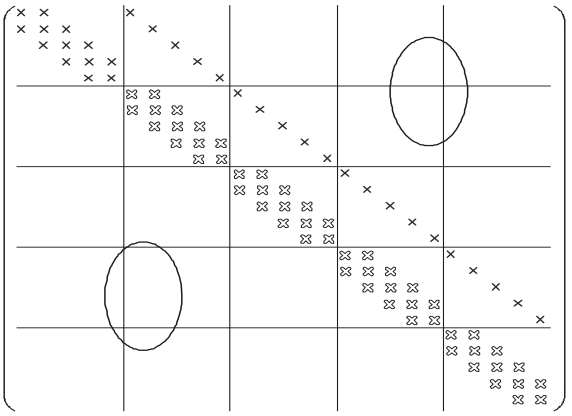


Рис. 2

$$\overline{a}_{P_{ij}} \Phi_{ij}^{(k+1)} = a_{E_{ij}} \Phi_{i+1\,j}^{(k+1)} + \\ + \overline{a}_{N_{ij}} \Phi_{ij+1}^{(k+1)} + \overline{a}_{S_{ij-1}} \Phi_{ij}^{(k+1)} + \overline{b}_{ij}, \quad (3)$$

где, в отличие от (2), уже присутствует номер итерации k как следствие выполненных приближенных преобразований. При этом свободный член $\overline{b}_{ij}$ является линейной функцией $\Phi_{ij}^{(k)}$, в противном случае метод будет прямым, что, в общем случае, невозможно. Очевидна цель проводимых преобразований – получить в конечной системе разложимую матрицу (рис. 2), откуда сразу же следует последовательно-поклеточная разрешимость преобразованной системы трехточечными скалярными прогонками.

Пусть $\Delta\vec{\Phi}^{(k+1)} = \vec{\Phi}^{(k+1)} - \vec{\Phi}^{(k)}$ – приращение решения на k+1 итерации. Тогда в матрично-векторной форме записи преобразованная система уравнений согласно [6] имеет вид:

$$\mathcal{G}^{(n)} \vec{\Phi}^{(k+1)} + \theta \mathcal{B}^{(n)} \Delta\vec{\Phi}^{(k+1)} = \\ = -\mathcal{L}^{(n)} \vec{\Phi}^{(k)} + \mathcal{M}^{(n)} \vec{f}, \quad (4)$$

где матричные коэффициенты $\mathcal{G}^{(n)}$, $\mathcal{B}^{(n)}$, $\mathcal{L}^{(n)}$ и $\mathcal{M}^{(n)}$ вычисляются по формулам:

$$\mathcal{G}^{(n)} = \left(E_{(0)}^{(n)} - E_{(p)}^{(n)} H^{(n)} \right) \mathcal{G}^{(n-1)} + \\ + E_{(p)}^{(n)} H^{(n)} \left(G_{(+)}^{(n-1\,m-1)} + G_{(-)}^{(n-1\,2)} \right),$$

$$\mathcal{B}^{(n)} = \left(E_{(0)}^{(n)} - E_{(p)}^{(n)} H^{(n)} \right) \mathcal{B}^{(n-1)} + \\ + E_{(p)}^{(n)} H^{(n)} \left(\overline{B}_{(+)}^{(n-1\,m-1)} + \overline{B}_{(-)}^{(n-1\,2)} \right), \quad (5)$$

$$\mathcal{L}^{(n)} = \left(E_{(0)}^{(n)} - E_{(p)}^{(n)} H^{(n)} \right) \mathcal{L}^{(n-1)} + \\ + E_{(p)}^{(n)} H^{(n)} \left(\overline{L}_{(+)}^{(n-1\,m-1)} + \overline{L}_{(-)}^{(n-1\,2)} \right),$$

$$\mathcal{M}^{(n)} = \left[\left(E_{(0)}^{(n)} - E_{(p)}^{(n)} H^{(n)} \right) + \right. \\ \left. + E_{(p)}^{(n)} H^{(n)} \left(\prod_{j=m-1}^{1} M_{(+)}^{(n-1\,j)} + \prod_{j=2}^{m} M_{(-)}^{(n-1\,j)} \right) \right] \mathcal{M}^{(n-1)}.$$

Суть первичных матриц элементарных преобразований $M_{(+)}^{(ij)}$, $B_{(+)}^{(i\,s)}$, $L_{(+)}^{(i\,s)}$, $M_{(-)}^{(ij)}$, $B_{(-)}^{(i\,s)}$, $L_{(-)}^{(i\,s)}$, $H^{(i)}$, $E_{(0)}^{(i)}$, $E_{(p)}^{(i)}$ обсуждается в [6]. Здесь же, в первую очередь, следует обратить внимание на рекуррентную структуру этих формул относительно коэффициентов $\mathcal{G}^{(n)}$, $\mathcal{B}^{(n)}$, $\mathcal{L}^{(n)}$ и $\mathcal{M}^{(n)}$. Если последовательно подставлять в них рекуррентные выражения вида (5) сначала для $\mathcal{G}^{(n-1)}$, $\mathcal{B}^{(n-1)}$, $\mathcal{L}^{(n-1)}$ и $\mathcal{M}^{(n-1)}$ через $\mathcal{G}^{(n-2)}$, $\mathcal{B}^{(n-2)}$, $\mathcal{L}^{(n-2)}$ и $\mathcal{M}^{(n-2)}$ соответственно, затем для $\mathcal{G}^{(n-2)}$, $\mathcal{B}^{(n-2)}$, $\mathcal{L}^{(n-2)}$ и $\mathcal{M}^{(n-2)}$ через $\mathcal{G}^{(n-3)}$, $\mathcal{B}^{(n-3)}$, $\mathcal{L}^{(n-3)}$ и $\mathcal{M}^{(n-3)}$

и так далее, то есть выполнить обратное по отношению к работе [6] преобразование системы уравнений, то в итоге получатся следующие явные выражения для коэффициентов уравнения (4):

$$\mathcal{G}^{(n)} + \theta \mathcal{B}^{(n)} = \mathcal{M}^{(n)} A + \Delta_{\Sigma}^{(n)}, \quad (6)$$

$$\theta \mathcal{B}^{(n)} - \mathcal{L}^{(n)} = \Delta_{\Sigma}^{(n)}, \quad (7)$$

$$\mathcal{M}^{(n)} = \prod_{i=n}^{2} M_H^{(i)}. \quad (8)$$

Здесь

$$\Delta_{\Sigma}^{(n)} = \sum_{l=2}^{n-1}\left(\prod_{i=n}^{l+1} M_H^{(i)}\right)\Delta_H^{(l)} + \Delta_H^{(n)}, \qquad (9)$$

$$M_H^{(i)} = E_{(0)}^{(i)} + E_{(p)}^{(i)} H^{(i)}\left[\left(\prod_{j=m-1}^{1} M_{(+)}^{(i-1\,j)} + \prod_{j=2}^{m} M_{(-)}^{(i-1\,j)}\right) - E\right], \qquad (10)$$

$$\Delta_H^{(i)} = E_{(p)}^{(i)} H^{(i)}\left\{\sum_{s=m}^{3}\left[\left(\prod_{j=m}^{s} M_{(+)}^{(i-1\,j)}\right)\left(\theta B_{(+)}^{(i-1\,s-1)} - L_{(+)}^{(i-1\,s-1)}\right)\right] + \sum_{s=1}^{m-2}\left[\left(\prod_{j=1}^{s} M_{(-)}^{(i-1\,j)}\right)\left(\theta B_{(-)}^{(i-1\,s+1)} - L_{(-)}^{(i-1\,s+1)}\right)\right]\right\} \qquad (11)$$

При выводе (6) – (7) учтено, что

$$\mathcal{G}^{(n)} + \theta\mathcal{B}^{(n)} = \left(\mathcal{G}^{(n)} + \mathcal{L}^{(n)}\right) + \left(\theta\mathcal{B}^{(n)} - \mathcal{L}^{(n)}\right)$$

.

Следовательно, система (4) теперь может быть записана в виде:

$$\left(\mathcal{M}^{(n)} A + \Delta_{\Sigma}^{(n)}\right)\vec{\Phi}^{(k+1)} = \Delta_{\Sigma}^{(n)}\vec{\Phi}^{(k)} + \mathcal{M}^{(n)}\vec{f} \qquad (12)$$

или

$$\vec{\Phi}^{(k+1)} = S_\theta\vec{\Phi}^{(k)} + \left(\mathcal{M}^{(n)} A + \Delta_{\Sigma}^{(n)}\right)^{-1}\mathcal{M}^{(n)}\vec{f},$$

где $S_\theta = \left(\mathcal{M}^{(n)} A + \Delta_{\Sigma}^{(n)}\right)^{-1}\Delta_{\Sigma}^{(n)}$ – матрица перехода. Если теперь показать, что при определенных условиях спектральный радиус матрицы перехода $\rho\left(S_\theta\right) < 1$, то согласно теореме 1.9 [2] сходимость метода будет доказана.

Для наглядности изложения материала имеет смысл привести примеры не тривиальных (ненулевых и неединичных) клеток матрицы A и матриц первичных элементарных преобразований для алгоритма LR1. Поскольку структура матриц преобразований идентично повторяется от линии к линии i = const, для определенности их содержание и структуры можно рассмотреть для сеточной линии i = 1.

Первые две клетки первого ряда матрицы A имеют вид:

$$A_{11} = \begin{pmatrix} a_{P_{11}} & -a_{N_{11}} & 0 & 0 & 0 \\ -a_{S_{12}} & a_{P_{12}} & -a_{N_{12}} & 0 & 0 \\ 0 & -a_{S_{13}} & a_{P_{13}} & -a_{N_{13}} & 0 \\ 0 & 0 & -a_{S_{14}} & a_{P_{14}} & -a_{N_{14}} \\ 0 & 0 & 0 & -a_{S_{15}} & a_{P_{15}} \end{pmatrix},$$

$$A_{12} = \begin{pmatrix} -a_{E_{11}} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & -a_{E_{12}} & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & -a_{E_{13}} & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & -a_{E_{14}} & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & -a_{E_{15}} \end{pmatrix};$$

остальные клетки матрицы A выписываются подобным образом согласно уравнению (2) и схеме на рис. 1.

Первые диагональные клетки матриц первого шага эквивалентных преобразований $M_{(+)}^{(11)}$ и $M_{(-)}^{(1m)}$ имеют вид:

$$M_{11(+)}^{(11)} = \begin{pmatrix} 1 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ \frac{a_{S_{12}}}{a_{P_{11}}} & 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 1 \end{pmatrix},$$

$$M_{11(-)}^{(1m)} = \begin{pmatrix} 1 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1 & \frac{a_{N_{1m-1}}}{a_{P_{1m}}} \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 1 \end{pmatrix};$$

– второго шага эквивалентных преобразований $M_{(+)}^{(12)}$ и $M_{(-)}^{(1m-1)}$:

$$M_{11(+)}^{(12)} = \begin{pmatrix} 1 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & \frac{a_{S_{13}}}{\alpha_{P_{12}}} & 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 1 \end{pmatrix},$$

$$M_{11(-)}^{(1m-1)} = \begin{pmatrix} 1 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 & \frac{a_{N_{1m-2}}}{\gamma_{P_{1m-1}}} & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 1 \end{pmatrix};$$

остальные диагональные клетки матриц $M_{(+)}^{(1\,1)}$, $M_{(+)}^{(1\,2)}$, $M_{(-)}^{(1\,m)}$, $M_{(-)}^{(1\,m-1)}$ – единичные матрицы, а внедиагональные клетки – нулевые матрицы. Здесь $\alpha_{P_{12}} = a_{P_{12}} - a_{S_{12}} a_{N_{11}} / a_{P_{11}}$,

$\gamma_{P_{1m-1}} = a_{P_{1m-1}} - a_{N_{1m-1}} a_{S_{1m}} / a_{P_{1m}}$, а в общем случае: $\alpha_{P_{1j}} = a_{P_{1j}} - a_{S_{1j}} a_{N_{1j-1}} / \alpha_{P_{1j-1}}$;

$\gamma_{P_{1j}} = a_{P_{1j}} - a_{N_{1j}} a_{S_{1j+1}} \,/\, \gamma_{P_{1j+1}}$.

Нетривиальные клетки матриц приближенных преобразований, отражающие механизм компенсации второго шага имеют вид:

$$L^{(12)}_{12(+)} = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ -\eta^{\alpha}_{12} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix};$$

$$L^{(1m-1)}_{12(-)} = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & -\eta^{\gamma}_{1m-1} \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix};$$

$$B^{(12)}_{12(+)} = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & -2\eta^{\alpha}_{12} & \eta^{\alpha}_{12} & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix};$$

$$B^{(1m-1)}_{12(-)} = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \eta^{\gamma}_{1m-1} & -2\eta^{\gamma}_{1m-1} & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix}.$$

Здесь $\eta^{\alpha}_{12} = \left(a_{E_{11}} a_{S_{12}} \,/\, a_{P_{11}}\right)\left(a_{S_{13}} \,/\, \alpha_{P_{12}}\right)$,

$\eta^{\gamma}_{1m-1} = \left(a_{E_{1m}} a_{N_{1m-1}} \,/\, a_{P_{1m}}\right)\left(a_{N_{1m-2}} \,/\, \gamma_{P_{1m-1}}\right)$;

в общем случае

$$\eta^{\alpha}_{1j} = \alpha_{SE_{1j}} \frac{a_{S_{1j+1}}}{\alpha_{P_{1j}}}, \qquad \eta^{\gamma}_{1j} = \gamma_{NE_{1j}} \frac{a_{N_{1j-1}}}{\gamma_{P_{1j}}};$$

$$\alpha_{SE_{1j}} = \frac{a_{S_{1j+1}}}{\alpha_{P_{1j}}}\left(\alpha_{E_{1j-1}} + 2\theta\alpha_{SE_{1j-1}}\right),$$

$$\gamma_{NE_{1j}} = \frac{a_{N_{1j-1}}}{\gamma_{P_{1j}}}\left(\gamma_{E_{1j+1}} + 2\theta\gamma_{NE_{1j+1}}\right);$$

$$\alpha_{E_{1j}} = a_{E_{1j}} - \theta\alpha_{SE_{1j-1}} \frac{a_{S_{1j}}}{\alpha_{P_{1j-1}}},$$

$$\gamma_{E_{1j}} = a_{E_{1j}} - \theta\gamma_{NE_{1j+1}} \frac{a_{N_{1j}}}{\gamma_{P_{1j+1}}}.$$

Все остальные клетки матриц $L^{(12)}_{(+)}$, $L^{(1m-1)}_{(-)}$, $B^{(12)}_{(+)}$ и $B^{(1m-1)}_{(-)}$ – нулевые. Алгоритмы LR2 и LRz [4,5] отличаются от LR1 только содержанием (но не сутью!) матриц $B^{(ij)}_{(+)}$ и $B^{(ij)}_{(-)}$ – их элементами также являются составляющие соответствующих компенсационных формул.

Матрица $H^{(2)}$ имеет на главной диагонали единичные клетки, а первая клетка второго ряда следующая:

$$H^{(2)}_{21} = \begin{pmatrix} a_{W_{21}} \,/\, a_{P_{11}} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & a_{W_{22}} \,/\, \left(\alpha_{P_{12}} + \gamma_{P_{12}} - a_{P_{12}}\right) & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & a_{W_{23}} \,/\, \left(\alpha_{P_{13}} + \gamma_{P_{13}} - a_{P_{13}}\right) & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & a_{W_{2m-1}} \,/\, \left(\alpha_{P_{1m-1}} + \gamma_{P_{1m-1}} - a_{P_{1m-1}}\right) & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & a_{W_{2m}} \,/\, a_{P_{1m}} \end{pmatrix};$$

все остальные клетки матрицы $H^{(2)}$ – нулевые.

И наконец, матрицы «разделения» рядов клеток: $E^{(2)}_{(0)}$ – почти единичная, у которой только диагональная клетка $E^{(2)}_{22(0)}$ – нулевая;

$E^{(2)}_{(p)}$ – почти нулевая, у которой только диагональная клетка $E^{(2)}_{22(p)}$ – единичная матрица. Понятно, что $E^{(2)}_{(0)} + E^{(2)}_{(p)} = E$ – единичная матрица.

Здесь следует обратить внимание на то, что все коэффициенты и их комплексы по построению положительны [4 – 6], иными словами, знаки элементов рассмотренных клеток матриц представлены явно.

Для оценки величины оптимального значения параметра компенсации θ_{opt} необходимо проанализировать формулу вычисления свободных членов $\overline{b}_{ij}$ преобразованной системы уравнений. Она имеет вид [4]:

$$\overline{b}_{i+1j} = b_{i+1j} + \frac{a_{W_{i+1j}}}{p_{P_{ij}}}\left\{\overline{b}_{ij} + \frac{\overline{a}_{S_{ij}}}{\alpha_{P_{ij-1}}}\left[\beta_{ij-1} + \alpha_{SE_{ij-1}}\left(\Phi^k_{i+1j-2} - 2\theta\,\Phi^k_{i+1j-1} + \theta\,\Phi^k_{i+1j}\right)\right] + \right.$$
$$\left. + \frac{\overline{a}_{N_{ij}}}{\gamma_{P_{ij+1}}}\left[\delta_{ij+1} + \gamma_{NE_{ij+1}}\left(\Phi^k_{i+1j+2} - 2\theta\,\Phi^k_{i+1j+1} + \theta\,\Phi^k_{i+1j}\right)\right]\right\}. \quad (13)$$

Смысл входящих в (13) коэффициентов подробно изложен в [4], здесь же следует обратить внимание на две круглые скобки, отражающие явную зависимость $\overline{b}_{ij}$ от Φ^k_{ij}, поскольку целью оптимизации параметра θ является минимизация выражений в этих круглых скобках.

В случае линейной экстраполяции, приращение решения в точке (i+1, j-2)
$\Delta\Phi_{i+1j-2} = \Phi^{k+1}_{i+1j-2} - \Phi^k_{i+1j-2}$ определяется экстраполяционным выражением $2\Delta\Phi_{i+1j-1} - \Delta\Phi_{i+1j}$. В силу своей приближенности, оно не позволяет точно определить приращение $\Delta\Phi_{i+1j-2}$. Поэтому вместо него реально определяется приближенное значение величины $\Delta\Phi_{i+1j-2}$:

$$\Delta\tilde{\Phi}_{i+1j-2} = 2\Delta\Phi_{i+1j-1} - \Delta\Phi_{i+1j}. \quad (14)$$

Для оценки привнесенной погрешности, функции $\Delta\Phi_{i+1j}$ и $\Delta\Phi_{i+1j-1}$ раскладываются в ряд Тейлора в окрестности точки (i+1, j-2):

$$\Delta\Phi_{i+1j-1} = \Delta\Phi_{i+1j-2} + h\Delta\Phi'_{i+1j-2} + \frac{h^2}{2}\Delta\Phi''_{i+1j-2} + O(h^3), \quad (15)$$

$$\Delta\Phi_{i+1j} = \Delta\Phi_{i+1j-2} + 2h\Delta\Phi'_{i+1j-2} + 2h^2\Delta\Phi''_{i+1j-2} + O(h^3). \quad (16)$$

Комбинация (15) и (16) дает

$$\Delta\Phi_{i+1j-2} = (2\Delta\Phi_{i+1j-1} - \Delta\Phi_{i+1j}) + h^2\Delta\Phi''_{i+1j-2} + O(h^3). \quad (17)$$

Введение множителя θ призвано устранить разницу между (14) и (17). Следовательно, оптимальное значение θ_{opt} параметра компенсации должно быть таким, чтобы $\Delta\Phi_{i+1j-2} = \theta_{opt}\,\Delta\tilde{\Phi}_{i+1j-2}$

или

$$(2\Delta\Phi_{i+1j-1} - \Delta\Phi_{i+1j}) + h^2\Delta\Phi''_{i+1j-2} + O(h^3) = \theta_{opt}(2\Delta\Phi_{i+1j-1} - \Delta\Phi_{i+1j}),$$

откуда следует, что

$$\theta_{opt} = 1 + \left[\Delta\Phi''_{i+1j-2} \,/\, \left(2\Delta\Phi_{i+1j-1} - \Delta\Phi_{i+1j}\right)\right]h^2 + O(h^3).$$

Поскольку стоит задача только оценки порядка величины θ в зависимости от h, то окончательно можно записать

$$\theta_{opt} = 1 + O(h^2). \quad (18)$$

Поскольку по определению компенсация не может быть более чем полной, то есть $\theta \le 1$ [2], то из (18) следует, что $\theta_{opt} \in \left[1 - O(h^2), 1\right]$.

Проведенные рассуждения позволяют сформулировать следующую теорему о сходимости неявного итерационного полинейного рекуррентного метода в асимптотическом случае.

Теорема. Пусть система линейных алгебраических уравнений (1) корректно определена путем разностной аппроксимации краевой задачи в области Ω, покрытой регулярной сеткой с шагом h. При этом A – ленточная пятидиагональная матрица положительного типа. Тогда при условии, что решение исходной краевой задачи в Ω есть функция, дважды непрерывно дифференцируемая и ограниченная вместе со своими производными, итерационный метод (12) сходится при $h \to 0$ и параметре компенсации $\theta = \theta_{opt}$.

Доказательство. В работе [6] было показано, что используемая в методе последовательность линейных эквивалентно-приближенных преобразований системы уравнений сохраняет свойство невырожденности матрицы со строчным диагональным преобладанием на каждом этапе преобразований. Следовательно, итоговая матрица в (12) $\left(\mathcal{M}^{(n)}A + \Delta^{(n)}_{\Sigma}\right)$ является невырожденной и для нее существует обратная матрица, которая, в силу конечномерности рассматриваемых пространств векторов $\vec{\Phi}$, порожденных сеточным разбиением Ω, является ограниченной [7]. Иными словами, существует константа M_0:

$$\left\|\left(\mathcal{M}^{(n)}A + \Delta^{(n)}_{\Sigma}\right)^{-1}\right\| \le M_0.$$

Нетрудно показать, что M_0 не зависит от сеточного разбиения области Ω. Действительно, при любом сеточном разбиении Ω структура матрицы $\left(\mathcal{M}^{(n)}A + \Delta^{(n)}_{\Sigma}\right)$ остается четырехдиагональной с ненулевой главной диагональю. Такую систему уравнений всегда можно привести к виду, при котором ее коэффициенты при неизвестных на главной диагонали будут иметь порядок $O(1) + O(h^q)$, где $q = 1,2,3,\ldots$, путем умножения каждого уравнения системы на h в соответствующей степени. При этом коэффициенты на побочных диагоналях не могут иметь более низкий порядок по h (то есть, не возможен случай $q < 0$), иначе нарушится свойство строчного диагонального преобладания. Тогда оценка

первой нормы матрицы $\left(\mathcal{M}^{(n)}A+\Delta_{\Sigma}^{(n)}\right)$ будет следующей [8]:

$$\left\|\mathcal{M}^{(n)}A+\Delta_{\Sigma}^{(n)}\right\|_1=\max_{i,j}\left(\overline{a}_{P_{ij}}+\overline{a}_{N_{ij}}+\overline{a}_{S_{ij}}+\overline{a}_{E_{ij}}\right)\geq$$

$$\geq\max_{i,j}\left(\overline{a}_{P_{ij}}\right)=m_0+O\left(h^q\right)\underset{h\to 0}{>}\frac{m_0}{2}>0,$$

где m_0 – const, не зависящая от h. В этом случае по теореме 1 главы 5 [7]

$$\left\|\left(\mathcal{M}^{(n)}A+\Delta_{\Sigma}^{(n)}\right)^{-1}\right\|_1\leq\frac{2}{m_0}=M_0.$$

С другой стороны, рассмотренная ранее структура и содержание матриц $M_{(+)}^{(ij)}$, $M_{(-)}^{(ij)}$, $H^{(i)}$, $E_{(0)}^{(i)}$, $E_{(p)}^{(i)}$ говорят о том, что элементами данных матриц являются либо нули, либо единицы, либо положительные отношения меньше единицы, не зависящие от θ и h в отрицательной степени (см. рассуждения выше), причем в одну строку располагается не более двух ненулевых элементов. Поэтому сами матрицы и их линейные комбинации являются ограниченными. Тогда, как следует из (11), оценка норм матриц $\Delta_H^{(i)}$ сводится к оценке норм матриц

$$\left(\theta B_{(+)}^{(i\,s)}-L_{(+)}^{(i\,s)}\right)\text{ и }\left(\theta B_{(-)}^{(i\,s)}-L_{(-)}^{(i\,s)}\right),$$

элементы которых есть нули либо составляющие формулы компенсации.

По определению нормы матрицы [7, 8] применительно, для примера, к матрице $\left(\theta B_{(+)}^{(i\,s)}-L_{(+)}^{(i\,s)}\right)$, можно записать:

$$\left\|\theta B_{(+)}^{(i\,s)}-L_{(+)}^{(i\,s)}\right\|=\sup_{\|\vec{\Phi}\|=1}\left\|\left(\theta B_{(+)}^{(i\,s)}-L_{(+)}^{(i\,s)}\right)\vec{\Phi}\right\|=$$

$$=\sup_{\|\vec{\Phi}\|=1}\left\{\eta_{is}^{\alpha}\left|\Phi_{i+1s+1}-2\theta\Phi_{i+1s}+\theta\Phi_{i+1s-1}\right|\right\},$$

где $\eta_{is}^{\alpha}=\left(\alpha_{SE_{is}}\overline{a}_{S_{is+1}}/\alpha_{P_{is}}\right)$. Подставляя в полученное соотношение $\theta=\theta_{opt}$ из (18) и учитывая, что $\theta_{opt}<1$, можно получить следующую оценку:

$$\left\|\theta B_{(+)}^{(i\,s)}-L_{(+)}^{(i\,s)}\right\|=$$

$$=\sup_{\|\vec{\Phi}\|=1}\left\{\eta_{is}^{\alpha}\left|\Phi_{i+1s+1}-2\theta\Phi_{i+1s}+\theta\Phi_{i+1s-1}\right|\right\}=$$

$$=\sup_{\|\vec{\Phi}\|=1}\left\{\eta_{is}^{\alpha}\left|\begin{matrix}\left(\Phi_{i+1s+1}-2\Phi_{i+1s}+\Phi_{i+1s-1}\right)-\\-\left(2\Phi_{i+1s}-\Phi_{i+1s-1}\right)O\left(h^2\right)\end{matrix}\right|\right\}=$$

$$=\sup_{\|\vec{\Phi}\|=1}\left\{\eta_{is}^{\alpha}\left|1-\left(2\Phi_{i+1s}-\Phi_{i+1s-1}\right)\right|O\left(h^2\right)\right\}=O\left(h^2\right).$$

Здесь учтено, что вектор $\vec{\Phi}$ является покоординатно «гладким», то есть

$\Phi_{i+1s+1}-2\Phi_{i+1s}+\Phi_{i+1s-1}=O\left(h^2\right)$, поскольку искомое решение задачи непрерывно и ограничено вместе со своими производными. По аналогии можно сразу записать: $\left\|\theta B_{(-)}^{(i\,s)}-L_{(-)}^{(i\,s)}\right\|=O\left(h^2\right)$.

Анализ структуры формулы (11) говорит о том, что в матрице $\Delta_H^{(i)}$: 1) из-за множителя $E_{(p)}^{(i)}$ только i-я строка клеток содержит ненулевые клетки; 2) каждая строка ненулевой клетки содержит не более одного набора составляющих формулы компенсации. Отсюда следует, что $\left\|\Delta_H^{(i)}\right\|=O\left(h^2\right)$ в силу ограниченности матриц $M_{(+)}^{(ij)}$, $M_{(-)}^{(ij)}$, $H^{(i)}$.

В итоге, поскольку из (9) следует, что $\Delta_{\Sigma}^{(n)}$ есть суммарный набор по рядам клеток линейных комбинаций соответствующих ненулевых рядов клеток из матриц $\Delta_H^{(i)}$ и ограниченных матричных коэффициентов в виде произведений матриц $M_H^{(i)}$, то оценка нормы результирующей матрицы $\Delta_{\Sigma}^{(n)}$ не изменится. То есть при $\theta=\theta_{opt}$

$$\left\|\Delta_{\Sigma}^{(n)}\right\|=O\left(h^2\right).$$

Следовательно, оценка спектрального радиуса матрицы перехода S_θ имеет вид:

$$\rho\left(S_\theta\right)=\rho\left(\left(\mathcal{M}^{(n)}A+\Delta_{\Sigma}^{(n)}\right)^{-1}\Delta_{\Sigma}^{(n)}\right)\leq$$

$$\leq\left\|\left(\mathcal{M}^{(n)}A+\Delta_{\Sigma}^{(n)}\right)^{-1}\Delta_{\Sigma}^{(n)}\right\|\leq \qquad (19)$$

$$\leq\left\|\left(\mathcal{M}^{(n)}A+\Delta_{\Sigma}^{(n)}\right)^{-1}\right\|\cdot\left\|\Delta_{\Sigma}^{(n)}\right\|\leq M_0\cdot O\left(h^2\right).$$

Понятно, что соответствующим подбором малого h можно всегда добиться выполнения неравенства $\rho\left(S_\theta\right)<1$, откуда следует доказательство теоремы.

Замечание 1. Очевидно, что метод сходится и при $\theta\in\left[\theta_{opt}-O(h^2),1\right]$.

Замечание 2. Если рассмотреть алгоритм LR2 [4] (используются квадратичные экстраполяционные формулы компенсации в отличие от линейных для LR1 (14)), то по аналогии нетрудно убедиться, что оценка спектрального радиуса матрицы перехода будет $\rho\left(S_\theta\right)\leq const\cdot O\left(h^3\right)$, а сам метод будет сходиться при $\theta\in\left[\theta_{opt}-O\left(h^3\right),1\right]$.

Замечание 3. Из оценки (19) следует, что при $h\to 0$ спектральный радиус $\rho\left(S_\theta\right)$ становится

сколь угодно малым и на точной арифметике итерационный метод (12) стремится к прямому.

Литература

1. Патанкар, С. Численные методы решения задач теплообмена и динамики жидкости [Текст] / С. Патанкар. – М.: Энергоатомиздат,1984. – 152 с.

2. Ильин, В. П. Методы неполной факторизации для решения алгебраических систем [Текст] / В. П. Ильин. – М.: Физматлит, 1995. – 288 с.

3. Фомин, А. А. Сравнение эффективности высокоскоростных методов решения разностных эллиптических СЛАУ [Текст] / А. А. Фомин, Л. Н. Фомина // Вестник Томского государственного университета. Математика и механика. – 2009. – № 2. – С. 71 – 77.

4. Фомина, Л. Н. Использование полинейного рекуррентного метода с переменным параметром компенсации для решения разностных эллиптических уравнений [Текст] / Л. Н. Фомина // Вычислительные технологии. – ИВТ СО РАН. – 2009. – Т. 14. – № 4. – С. 108 – 120.

5. Фомин, А. А. Об одном варианте полинейного рекуррентного метода решения разностных эллиптических уравнений [Текст] / А. А. Фомин, Л. Н. Фомина // Вестник Томского государственного университета. Математика и механика. – 2010. – № 2. – С. 20 – 27.

6. Фомин, А. А. Обоснование корректности неявного итерационного полинейного рекуррентного метода решения разностных эллиптических уравнений [Текст] / А. А. Фомин, Л. Н. Фомина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 39 – 45.

7. Самарский, А. А. Методы решения сеточных уравнений [Текст] / Е. С. Николаев, А. А. Самарский. – М.: Наука, 1978. – 590 с.

8. Самарский, А. А. Численные методы [Текст] / А. А. Самарский, А. В. Гулин. – М.: Наука, 1989. – 432 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.013

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СТУДЕНЧЕСКОМУ САМОУПРАВЛЕНИЮ

М. В. Артюхов, Т. Н. Миронова

THE THEORETICAL AND INSTRUCTIVE APPROACHES TO STUDENT'S SELF-GOVERNMENT

M. V. Artykhov, T. N. Mironova

В статье анализируется содержание основных подходов к студенческому самоуправлению, сложившихся на современном этапе. Студенческое самоуправление рассматривается как одно из направлений государственной молодежной политики, как направление воспитательной работы в образовательном учреждении и как самостоятельная инициативная деятельность студентов.

The content of the basic approaches to the student's self-government, formed on the present period is analyzed in this article. Student's self-government is considered as one of orientations of the state youth policy, as orientation of educational work in educational institution and as independent initiative activity of students.

Ключевые слова: студенческое самоуправление, деятельность студентов, подходы, модели студенческого самоуправления.

Keywords: student's self-government, activity of students, approaches, the models of student's self-government.

В современной педагогике изучению феномена студенческого самоуправления посвящен ряд диссертационных исследований. К примеру, Н. А. Помелова, И. И. Тимерманис, Г. Ю. Баландина, В. В. Овчинников рассматривают ССУ как социальный институт и ресурс общественного развития; с позиций организации воспитательной работы и вне учебной деятельности в образовательном учреждении студенческое самоуправление исследуют В. М. Певзнер, Т. Н. Волоткевич, С. Г. Заяц, И. А. Винтин, А. Н. Чиж; с точки зрения формирования гуманистической направленности личности – Л. Д. Варламова, Г. Б. Жанбуршина; как средство формирования лидерских качеств и социальной активности студентов – Л. П. Шигапова, С. И. Карпенко; с позиций профессионального становления личности специалиста – О. А. Колмогорова, Г. В. Гарбузова, А. И. Давыдова, А. Я. Камалетдинова, И. С. Клименко.

Анализ современных исследований по проблемам студенческого самоуправления позволяет обозначить две его важнейшие функции:

– обеспечение эффективной работы всех коллективов образовательного учреждения с учетом интересов студентов;

– приобретение навыков управленческой деятельности студентами, что подготовит их к будущему продуктивному участию в управлении собственной и общественно - производственной деятельностью.

Изучение роли самоуправления в студенческих коллективах показывает, что в качестве одного из главных факторов, стимулирующих рост коллектива, выступает осознание субъектами своей ответ-

ственности и самостоятельности, что возможно лишь при достаточной зрелости коллектива в целом и каждого его члена в отдельности [3]. Однако для того, чтобы переход к самоуправлению в студенческой среде как к более высокой форме организации коллектива стал реально возможным, необходимо создать условия, способствующие организации, укреплению и развитию системы студенческого самоуправления, вовлечению членов этого коллектива в разные виды усложняющейся деятельности, постепенно меняя при этом методы руководства коллективом, переходя от прямых к косвенным. В связи с чем становится актуальной проблема систематизации подходов к рассмотрению и организации системы студенческого самоуправления.

Понятие «самоуправление» может относиться к различным областям общественной жизни и деятельности или к разным субъектам – личности, образовательным учреждениям, хозяйственным организациям, корпорациям.

Современная теория самоуправления в образовательных учреждениях базируется на важном принципе, суть которого (по С. И. Гессену) состоит в том, что самоуправление должно состоять не в копировании форм государственных учреждений, но в создании таких форм, которые бы соответствовали материалу образовательного учреждения, кругу тех вопросов, которые могут быть осилены обучающимися и в самостоятельном разрешении которых будут расти их личности.

В нашей стране одним из первых обратился к проблеме детского самоуправления С. Т. Шацкий, который изучал проблемы детского коллектива, вопросы лидерства в детском сообществе, внедрял в практику самоуправление детей [8].

Значителен вклад в развитие детского самоуправления А. С. Макаренко, создавшего теорию воспитательного коллектива как формы педагогического процесса, в котором формируются присущие объединению людей нормы, стиль жизни, отношения. Главной задачей воспитательной работы, по мнению педагога, является воспитание личности в коллективе и через коллектив. А. С. Макаренко разработал вопросы строения и организации коллектива, методы воспитания в нем, методику формирования сознательной дисциплины, создания воспитывающих традиций [4].

В советское время основной формой реализации детского самоуправления стали пионерские и комсомольские организации. В 60-х годах мощным импульсом для развития детского самоуправления стало появление коммунарской методики И. П. Иванова. В основу коммунарской методики положены идеи педагогики сотрудничества. Основными её принципами стали самоорганизация, самостоятельность принятия решений, увлеченность делом, взаимодействие на равных, а не с позиций определяющей роли учителя [1].

Идеи коммунарской методики положены в основу развития детского самоуправления в трудах В. А. Караковского, по мнению которого самоуправление – это непременный признак ученического коллектива и исследователь рассматривает его как средство самовоспитания личности, совершенствования коллектива. Изучение опыта организации ученического самоуправления в школе В. А. Караковского позволяет выделить несколько существенно важных его особенностей:

– непременное участие каждого воспитанника в самоуправленческой деятельности;

– гибкость, подвижность, обновляемость органов самоуправления;

– регулярный коллективный анализ деятельности органов самоуправления с целью объективной оценки их работы [2].

В научных работах М. И. Рожкова последовательно разработаны концепции организации воспитательного процесса и работы классного руководителя на основе личностно-деятельного подхода к развитию ученического самоуправления, социализации личности ребенка в деятельности детских и подростковых организаций [6].

В отличие от М. И. Рожкова, рассматривающего школьное самоуправление с позиций социализации личности учащихся, Д. В. Рогаткин делает попытку перехода от самоуправления к соуправлению. По мнению Д. В. Рогаткина, самоуправление является формой управления школой. Главный смысл самоуправления состоит в том, что с его помощью участники школьной жизни получают возможность влиять на школьную политику – как через участие в принятии решений, которыми руководствуется администрация учебного заведения, так и через собственную активность в управлении внутришкольными процессами [5].

В педагогической энциклопедии термин «самоуправление» рассматривается как участие субъектов образовательного учреждения (администрации, педагогов, студентов) в управлении и руководстве делами своего коллектива. Не отрицая этого, многие педагоги делают акцент на разных словах. Одни за основу берут руководство коллективом и рассматривают самоуправление как часть системы воспитания. Другие понимают самоуправление как форму организации коллективной жизни. Третьи – как возможность учащихся реализовать свое право на активное участие в управлении всеми делами образовательного учреждения.

Для нашего исследования актуальным является рассмотрение подходов к организации студенческого самоуправления. В материалах Международного центра студенческого актива «Славянское содружество» студенческое самоуправление рассматривается в трех аспектах:

– как одно из направлений молодёжной политики в РФ,

– как форма воспитательной работы в образовательном учреждении,

– как целенаправленная деятельность студентов.

По нашему мнению, эти аспекты тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Рассмотрим их более подробно.

Подход к студенческому самоуправлению как одному из направлений государственной молодежной политики объясняется заинтересованностью государственных институтов в системном вовлечении молодежи в общественную жизнь, развитии навыков самостоятельной жизнедеятельности, созидательной активности молодежи, интеграции молодых людей в жизнь общества с целью реализации своего потенциала, укрепления уверенности в своих силах и своем будущем. Однако, но мнению разработчиков Стратегии государственной молодежной политики, на сегодняшний день в молодежной среде имеют место ряд проблем и негативных тенденций.

В частности, отмечается отсутствие готовности молодых людей взять на себя ответственность за собственную самореализацию и будущее страны. В связи со стремительным старением населения и неблагоприятными демографическими тенденциями сегодняшние 10 – 25-летние жители страны скоро станут основным трудовым ресурсом России, их трудовая деятельность – источником средств для социального обеспечения детей, инвалидов и старшего поколения. Однако в Российской Федерации высок уровень безработицы среди молодых людей в возрасте 15 – 24 лет (6,4 %) [7].

От позиции молодежи в общественно-политической жизни, ее уверенности в завтрашнем дне и активности будет зависеть темп продвижения России по пути демократических преобразований. Именно молодые люди должны быть готовы к противостоянию политическим манипуляциям и экстремистским призывам. Однако результаты исследований показывают, что молодежь в целом аполитична. В выборах федерального уровня участвует менее половины молодых россиян, лишь 33 % молодых граждан в возрасте до 35 лет интересуются политикой. Только 2,7 % молодых людей принимают участие в деятельности общественных организаций [7].

В условиях глобализации и вынужденного притока мигрантов молодежь призвана выступить проводником идеологии толерантности, развития российской культуры и укрепления межпоколенческих и межнациональных отношений. Но в настоящий момент 35 % молодых людей в возрасте 18 – 35 лет испытывают раздражение или неприязнь к представителям иной национальности, 5 1 % молодых людей одобрили бы решение о выселении за пределы региона некоторых национальных групп [7].

Начиная с 90-х годов прошлого века число молодых пар, которые проживали без юридического оформления брака, увеличилось до 3 миллионов, что привело к реальному росту внебрачных детей и увеличению количества неполных семей [7].

Понимание важности решения обозначенных проблем в среде молодежи, необходимости целенаправленного развития социальной активности молодежи способствовало созданию в 2008 году Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодёжь). Основной целью агентства является осуществление государственной молодёжной политики, а именно – реализации во взаимодействии с общественными организациями и движениями, представляющими интересы молодежи мероприятий, направленных на обеспечение здорового образа жизни молодежи, нравственного и патриотического воспитания и на содействие реализации молодёжью своих личностных и профессиональных возможностей.

Одним из значимых направлений Стратегии государственной молодежной политики является реализация проекта «Команда», основными целями которого являются: обеспечение участия молодежи в процессе коллективного управления общественной жизнедеятельностью и в процессе самоуправления собственной жизнедеятельностью; развитие у молодых людей положительных навыков индивидуального и коллективного опыта самоуправления, в том числе и в студенческой среде [7].

Актуальность развития студенческого самоуправления привела к тому, что в последние годы вопросы и результаты студенческого самоуправления обсуждаются и пропагандируются на государственном уровне. Подтверждением данного тезиса является проведение Всероссийских конкурсов «Лучшая модель студенческого самоуправления», «Организация эффективной деятельности студенческого самоуправления», «Лидер студенческого самоуправления», которые включены в перечень мероприятий по поддержке талантливой молодежи президентом РФ. В международном центре студенческого актива «Славянское содружество» ежегодно демонстрируется передовой опыт студенческого самоуправления образовательных учреждений России, Украины, Республики Беларусь, Сербии, Абхазии.

Таким образом, организация молодежного самоуправления в студенческой среде действительно является одним из направлений молодёжной политики РФ, проводимой в целях консолидации студенческого общественного движения, наиболее полного использования потенциала студенчества в социально-экономических преобразованиях общества, решения студенческих проблем.

Очевидно, что молодежь в значительной части обладает тем уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, которые выгодно отличают ее от других групп населения. Именно молодые люди быстрее приспосабливаются к новым условиям жизни. В то же время перед российским обществом стоит вопрос о необходимости минимизации издержек и потерь, которые несет Россия из-за проблем, связанных с социализацией молодых людей и интеграцией их в единое экономическое, политическое и социокультурное пространство. И здесь важна роль профессиональных образовательных учреждений, которые могут эти издержки значительно сократить, организуя эффективную работу внутри учебного заведения по формированию общекультурных (ключевых) компетенций на основе их включенности в самоуправленческую деятельность, способствующую эффективной социализации, самоактуализации и самоорганизации будущих специалистов в производственной и общественной жизни.

Со вступлением России в Болонский процесс обострился интерес со стороны государственных

органов к организации, качеству и результативности воспитательной работы в профессиональных образовательных учреждениях, что отражено в ряде официальных документов. Обязательным условием аккредитации и аттестации вуза становится наличие системы воспитательной работы, в том числе наличие органов и системы студенческого самоуправления. Поэтому в контексте такого подхода студенческое самоуправление рассматривается как одна из форм системы воспитания образовательного учреждения, осуществляемая в рамках организации внеучебной деятельности, направленная на формирование всесторонне развитой, творческой личности, с активной жизненной позицией, подготовку современных специалистов, конкурентоспособных на рынке труда.

При таком подходе студенческое самоуправление в профессиональном образовательном учреждении – это один из оптимальных профессионально и деятельностно направленных способов организации воспитательной работы со студентами в период их обучения, обеспечивающих развитие у них таких личностных и профессионально значимых качеств, как инициатива, социальная активность, ответственность, разумная самодеятельность, умения строить отношения в коллективе, что в конечном итоге обеспечивает им условия для полноценной самореализации во всех сферах социальной и профессиональной деятельности. Критериями эффективности студенческого самоуправления при таком понимании его содержания является сформированность этих качеств.

Эффективно организованная внеучебная среда, а именно система воспитания профессионального образовательного учреждения, по нашему мнению, является одним из ресурсов развития ключевых компетенций студентов высших учебных заведений.

В Толковом словаре русского языка термин «ресурс» трактуется как запасы, возможности, источники, средства, имеющиеся в наличии для использования при необходимости. Так, система воспитания вуза, организованная на основе студенческого самоуправления в профессиональном образовательном учреждении, является огромным ресурсом для развития профессиональной компетентности будущих специалистов, их ключевых компетенций.

С точки зрения синергетического подхода, для любой системы существует такой набор элементов, при котором её потенциал может быть либо существенно выше простой суммы потенциалов входящих в неё элементов, либо существенно ниже. Эффективная конфигурация образовательно-воспитательных потенциалов профессионального учреждения, по нашему мнению, является внутренним ресурсом системы профессионального образования в формировании профессиональной компетентности будущих специалистов. В связи с чем задача учреждений высшего профессионального образования заключается в поиске оптимального сочетания элементов системы обучения и воспитания, при которых синергия носила бы созидательный характер.

Теоретической основой разработки воспитательной системы с позиций студенческого самоуправления могут служить концепции целостного учебно-воспитательного процесса (В. С. Ильин, В. А. Сластенин), личностно-деятельностного подхода в организации воспитательного процесса на основе ученического самоуправления, идеи коммунарской методики (И. П. Иванова), взятые за основу развития детского самоуправления в трудах В. А. Караковского, позиция Н. Е. Щурковой о переводе социальной ситуации в педагогическую.

В модели профессионального развития, профессиограмме и комплексе необходимых компетенций студента основной акцент переносится на становление у будущего специалиста умения «выйти» за пределы непрерывного потока повседневной практики, предвидеть, осознавать и оценивать различные проблемы, конструктивно решать их в соответствии со своими ценностными ориентациями. Воспитательная система, построенная на основе студенческого самоуправления, способствует приобретению студентами компетенций сначала исполнительской, а затем и организаторской деятельности, формирует их управленческий потенциал. Вуз фактически работает и на будущее тех организаций, фирм и предприятий, где будут работать его выпускники. Ведь через них как бы привносятся туда ростки самодеятельности, самоорганизации, самоуправления.

Подход к студенческому самоуправлению как целенаправленной деятельности студентов расположен к студенчеству ближе всего, так как зарождается внутри студенчества, по его инициативе (с редкими исключениями), им же реализуется. В этом ракурсе очень часто в уставах, конвенциях, резолюциях, положениях и других документах студенческое самоуправление рассматривают как особую форму инициативной, самостоятельной, ответственной общественной деятельности студентов, направленной на решение важных вопросов жизнедеятельности студенческой молодёжи, развитие её социальной активности. Цель студенческого самоуправления в данном случае – создание условий, способствующих самореализации студентов и решению вопросов в различных сферах студенческой жизни.

При проведении сравнительного анализа моделей студенческого самоуправления, представленных на Всероссийских конкурсах и на открытой защите в Международном центре студенческого актива «Славянское содружество», нами выделены ряд оснований для классификации существующих моделей студенческого самоуправления:

По субъектам студенческого самоуправления:

– студенты (что обусловлено самим названием «студенческое самоуправление»);

– студенты и преподаватели образовательного учреждения;

– студенты и администрация образовательного учреждения (так как студенческое самоуправление включает в себя такой компонент, как соуправление, предполагающий участие студентов в управлении

определенными процессами в образовательном учреждении).

2. По уровням самоуправления:

– одноуровневые существуют на уровне академической группы или факультета (отделения).

В академических группах ССУ представлено, как правило, активом группы, в который входят староста группы, его заместитель, руководители (или ответственные) направлений: учебно-исследовательского, трудового, творческого, спортивного, информационного и др.;

– многоуровневые – представляют собой иерархичную структуру. На уровне учебной группы – её актив, на факультете (отделении) – студенческий совет факультета, в образовательном учреждении – студенческий совет вуза. При многоуровневой структуре главным органом студенческого самоуправления является студенческая конференция.

3. По степени включенности студентов в управленческие процессы:

самоуправление – внутреннее, своими собственными силами управление делами в организации, коллективе. Следует понимать, что участники студенческого самоуправления собственными силами решают собственные задачи, ограничиваясь собственным коллективом;

соуправление предполагает процесс совместного формирования организационно-управленческих отношений в учебном заведении, обеспечивающих эффективную реализацию образовательной деятельности путем соединения субъекта и объекта управления, стимулирующих исполнение управленческих функций всеми участниками образовательного процесса на основе добровольного делегирования полномочий. В образовательном учреждении они определяют не только участие студента в управлении организацией, но и выступают в качестве механизмов развития ключевых компетенций студентов.

Студенческое соуправление, как внутренне мотивированное и творческое решение при участии студентов проблем управления учебным и внеучебным процессом, подчеркивает значимость согласования, координации и субординации административного и студенческого управления в образовательном учреждении. И смысл студенческого соуправления, в данном отношении состоит в том, что такое участие должно идти «на равных». Это партнерство предполагает отношения между субъектами, сторонами, имеющими наряду с общими, тождественными интересами и принципиально различные, иногда противоположные интересы, которые ориентируются не на конфронтацию сторон, а на поиск, достижение социального консенсуса, на обеспечение оптимального баланса в реализации различных специфических интересов субъектов, сторон социального партнерства. Социальное партнерство исходит в данном случае из ряда основных принципов:

– равноправие сторон на переговорах и при принятии решений;

– полномочность представителей сторон, добровольность принятия взаимных обязательств при заключении коллективных договоров, соглашений; реальность обеспечения и выполнения принятых социальными партнерами взаимных обязательств;

– обязательность исполнения договоренностей для всех сторон;

– обязательная и равная ответственность сторон за выполнение принятых обязательств.

4. По статусу органа студенческого самоуправления:

– общественное объединение, созданное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан и действующее в соответствии с Федеральным законом от 19.05.95 N 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и зарегистрированное как общественное объединение;

– структурное подразделение организационной системы управления образовательным учреждением (статус органа определяется приказом директора или договором);

– структурное подразделение отдела по воспитательной работе образовательного учреждения (статус органа определяется Положением о студенческом самоуправлении).

5. По форме студенческого самоуправления:

– общественная организация студентов, действующая на основе членства и Устава организации;

– общественное объединение студентов данного образовательного учреждения (добровольное студенческое объединение, студенческие советы, студенческие парламенты и др.). Руководящий орган общественной самодеятельности (студенческий совет) образовательного учреждения избирается на студенческой конференции из числа наиболее активных студентов, либо из числа студенческого актива, либо формируется из числа представителей или руководителей отдельных направлений деятельности студенческого самоуправления;

– профсоюзная организация студентов, выполняющая функции органа студенческой самоуправленческой деятельности.

Статус и порядок формирования руководящего органа профсоюзной организации студентов определяется коллективным договором на основе ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» и Уставом профсоюзной организации. В настоящее время в некоторых профессиональных образовательных учреждениях совместно существуют профсоюзная организация студентов и общественное студенческое объединение, при этом статус и приоритеты деятельности определяются трёхсторонним соглашением с администрацией образовательного учреждения.

– отделение муниципальной, региональной, межрегиональной, общероссийской общественной организации, заключившей договор с образовательным учреждением (статус организации определяется соглашением).

6. По подходу к организации студенческого самоуправления в образовательном учреждении:

– системный подход, который позволяет рассматривать студенческое самоуправление с позиций теории систем. Действительно, ССУ представляет собой сложноорганизованную открытую систему, состоящую из совокупности элементов, выполняющих определенные функции, взаимодействующих друг с другом и с внешней средой. Систему, включающую определенную структуру, цели, задачи, механизмы и формы взаимодействия;

– деятельностный подход, предполагает взгляд на студенческое самоуправление с позиций теории деятельности. Деятельность как философская категория есть форма бытия людей, целенаправленное преобразование природного и социального мира. Деятельность предполагает наличие определенных компонентов, таких как цель, средства, действия, результаты;

– проектный подход, предполагает организацию деятельности студенческого самоуправления на основе создания и реализации проектов – планируемых и реализуемых действий, необходимых условий и ресурсного обеспечения (мотивационного, правового, кадрового, материально-технического, финансово-экономического и т. д.) для достижения определенных целей и решения конкретных задач. Как правило, проекты нацелены на решение таких общих задач, как развитие, преобразование, совершенствование, разрешение противоречий в социальной среде.

Именно работа над проектом активно побуждает участников вторгаться в незнакомые области знаний, искать пути решения возникающих проблем, соизмерять собственные силы с поставленными целями и взаимодействовать с другими участниками проекта, что способствует личностному и профессиональному развитию проектировщиков;

– компетентностный подход наиболее полно отражает цель организации студенческого самоуправления в сфере профессионального образования так как напрямую отражает задачу достижения нового качества подготовки обучающихся за счёт развития ключевых (общекультурных) компетенций будущих специалистов. С одной стороны, компетенции – это цель образования. С другой стороны, компетенции – деятельностная составляющая образования. Если в целом представить ядро ключевых компетенций, то оно состоит из адаптации, социализации, интеграции в социум и самореализации личности.

Студенты, за счет сознательной, инициативной включенности в организацию собственной жизнедеятельности в вузе, получают опыт интеграции различных результатов образования в социум: ценностей, знаний, умений, навыков по осуществлению самоуправленческой деятельности, готовности использовать знания в незнакомой ситуации. В свою очередь, осваиваемые способы деятельности востребованы заказчиком: государством, профессиональным сообществом, социумом и самой личностью.

Таким образом, являясь активным участником студенческого самооуправления, посредством организованной продуктивной деятельности его участники приобретают необходимые ключевые компетенции, что позволяет быть мобильным и востребованным специалистом в рыночной экономике.

Исходя из важности обозначенных выше функций студенческого самоуправления, способствующих формированию ключевых компетенций его участников, возникает необходимость в создании организационно-педагогических условий в вузе, предполагающих:

– педагогическую поддержку самодеятельных студенческих коллективов;

– совершенствование механизма студенческого самоуправления:

– правовую, информационную, методическую, ресурсную поддержку органов студенческого самоуправления;

– формирование и развитие общественного мнения по проблемам воспитания молодёжи;

– подготовку предложений администрации образовательных учреждений, государственным органам и общественным объединениям по проблемам, затрагивающим интересы молодёжи и контроль их реализации;

– организацию межвузовского сотрудничества студенческих объединений на территории РФ, а также с международными организациями и межгосударственными объединениями.

Литература

1. Иванов, И. П. Методика коммунарского воспитания [Текст] / И. П. Иванов. – М.: Просвещение, 1990. – 143 с.

2. Караковский, В. А. Современные представления о воспитательном пространстве / В. А. Караковский, Н. Л. Селиванова. – Режим доступа: http.www. vspu.var.ru8101/parts/facultets/mstitute/conf/conf7.htm.

3. Колмогорова, О. А. ССУ как средство профессионального становления личности будущего специалиста [Текст] / О. А. Колмогорова: диссертационное исследование.

4. Макаренко, А. С. Коллектив и воспитание личности [Текст] / А. С. Макаренко. – М.: Педагогика, 1972. – 334 с.

5. Рогаткин, Д. В. Школьное ученическое самоуправление [Текст] / Д. В. Рогаткин // Юниорский союз «Дорога». – Петрозаводск, 2003. – С. 92.

6. Рожков, М. И. Развитие самоуправления в детских коллективах [Текст] / М. И. Рожков. – М.: Владос, 2002. – С. 160.

7. Стратегия государственной молодежной политики в РФ на период до 2016 года от 18 декабря 2006 года. – № 1760-р.

8. Шацкий, С. Т. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. [Текст] / С. Т. Шацкий. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 2. – 414 с.

УДК 159.947

УРОВНЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Е. Н. Вержицкая

THE DIFFERENTIATION BETWEEN LEVELS OF PROFWSSIONALISM AS THE REGULARITY OF PEDAGOGUE'S PERSONAL AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF EDUCATION MODERNIZATION

E. N.Verzhitskaya

Рассматривается уровневая дифференциация профессионализма как закономерность личностно-профессионального развития педагогов. Выделены и описаны особенности личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования. Представлены результаты эмпирического изучения показателей развития личности и профессиональной деятельности на различных уровнях личностно-профессионального развития педагогов (адаптационном, репродуктивном, продуктивном и этапе дезадаптации) в условиях модернизации образования.

The article describes the differentiation between levels of professionalism as the regularity of pedagogue's personal and professional development. The peculiarities of pedagogue's personal and professional development in conditions of education modernization are marked out. The results of empirical studies, connected with personality and professional activity development measuring on different levels (adaptive, reproductive, productive and desadaptive) are introduced.

Ключевые слова: личностно-профессиональное развитие, уровни личностно-профессионального развития, развитие личности и профессиональной деятельности в условиях модернизации образования.

Keywords: personal and professional development, levels of personal and professional development, development of personality and professional activity in conditions of education modernization.

В настоящее время российское образование постоянно модернизируется, выдвигая все новые требования к качеству педагогической деятельности, к профессионализму и личности педагога. Ориентация на высокие профессиональные достижения, с позиций акмеологии, невозможна без прогрессивного развития личности, которое «осуществляется в процессе деятельности, общения и взаимодействия» [1, с. 58]. Следует отметить, что развитие как процесс формирования личности и совершенствования профессионализма деятельности подразумевает существование закономерностей подобного развития, прежде всего, наличие стадий и уровней (Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, Л. М. Митина, А. А. Бодалев, А. А. Деркач, Л. Н. Горбунова и др.). В связи с этим актуализируется проблема уровневой дифференциации профессионализма как закономерности личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования, выявления особенностей развития личности и профессиональной деятельности педагогов на каждом из уровней с целью проектирования работы по акмеологическому сопровождению педагогов в условиях нововведений.

Наличие уровней личностно-профессионального развития как закономерности развития профессионализма педагогов, отмечалось рядом исследователей. Так, Н. В. Кузьмина, делая упор на деятельностную составляющую профессионализма педагога, выделяет репродуктивный, адаптивный, локально-моделирующий, системно-моделирующий знания, системно-моделирующий творчество уровни развития педагогов. Педагогов, находящихся на уровне системно-моделирующего творчество, по мнению автора, можно считать достигшими вершин профессионализма [2].

Модели профессиональной деятельности педагогов, описанные Л. М. Митиной (модель адаптивного поведения и модель профессионального развития), послужили основанием для выделения Л. Н. Горбуновой и Е. С. Манюковой следующих уровней личностно-профессионального развития: личностной адаптации, самореализации и самоактуализации [3;4,с.6]. Данные уровни личностно-профес-сионального развития педагогов близки уровням личностно-профессионального развития психологов: формально-исполнительский (низкий), репродуктивно-исполнительский (средний) и творческо-мастерский (высокий) (А. А. Бодалев, А. А. Деркач, Л. Г. Лаптева) [5, с. 45 – 52].

При выделении уровней личностно-профессионального развития педагогов Л. Н. Горбунова, Е. С. Манюкова также аппелируют к исследованиям этапов профессионального развития педагога Ю. И. Турчаниновой и Э. Н. Гусинским [6], которые выделяют этапы:

1) профессиональной самоидентификации, самоутверждения в профессии;

2) профессиональной самореализации, накопления и отработки способов, приемов и технологий работы;

3) профессиональной самоактуализации с переосмыслением ценностей профессиональной деятельности и где смыслом, ценностью и целью профессиональной деятельности становится «каждый конкретный ребенок» в его неповторимой индивидуальности и судьбы.

Современные исследования ориентированы на изучение высших ступеней личностно-профессионального развития. Так, А. А. Деркач и В. Г. Зазыкин указывают на то, что если деятельность специалиста характеризуется высоким профессионализмом

(личности и деятельности), то ему свойственен высокий акмеологический уровень. При этом личностные и профессиональные характеристики специалиста, достигшего акмеологического уровня, зависят от специфики профессиональной деятельности [7, с. 64].

Таким образом, анализ теоретических исследований уровней личностно-профессионального развития педагога показывает, что личностно-профессиональное развитие – это непрерывный процесс, затрагивающий не только процесс овладения и реализации профессиональной деятельности, но и развития личности педагога. Важным, на наш взгляд, является рассмотрение личностно-профессионального развития как линий прогрессивного восходящего развития (акмеологический уровень, А. А. Деркач; уровень самоактуализации, Л. Н. Горбунова).

Важной закономерностью прогрессивного личностно-профессионального развития педагога, восходящего перехода от одного уровня к другому, является осознание противоречий и нахождение конструктивных способов их преодоления. На то, что развитие личности сопряжено с осознанием и разрешением внутренних противоречий, указывала А. К. Маркова [8, с. 92]. Осознание и разрешение противоречий будет способствовать достижению наивысших результатов в профессиональной деятельности, что возможно только при развитии рефлексии – способности формировать собственные ценности и принципы, определять стратегию собственного развития, побуждать к постоянному саморазвитию и творческому отношению к профессиональной деятельности. Не менее важны для совершенствования профессионализма педагога наличие постоянной специфической мотивации к высокопродуктивной деятельности, активность и готовность реализации творческого потенциала в педагогической деятельности, стремление к восходящему саморазвитию с позиции единства личностного и профессионального развития.

В качестве маркеров динамики личностно-профессионального развития педагогов Л. Н. Горбунова предлагает рассматривать контекстные профессиональные затруднения педагогов, которые специфичны для каждого уровня такого развития [9, с. 34]. Личностно-профессиональное развитие педагога, как отмечают исследователи (А. К. Маркова, Л. Н. Горбунова, Е. С. Манюкова, И. П. Цвелюх и др.), сопровождается проявлением широкого спектра эмоциональных реакций, прогрессивное личностно-профессиональное развитие, безусловно, сопровождается положительным эмоциональным фоном, отсутствием отрицательных эмоциональных состояний педагогов.

На личностно-профессиональное развитие оказывает влияние среда, в которой педагог реализует профессиональную деятельность, в частности, возможность осуществлять сотрудничество с коллегами, особенности отношений с руководством, организации условий труда и т. д. [10, 11].

Таким образом, уровень личностно-профессионального развития педагога может, с одной стороны, характеризоваться эмоциональным фоном такого развития, уровнем рефлексии, условиями труда, определенными трудностями в профессиональной деятельности и наличием конструктивных способов преодоления подобных трудностей, особенностями мотивации в профессиональной деятельности, возможностью проявления в ней творчества; а с другой стороны – может выступать как закономерность личностно-профессионального развития педагога в определенных условиях.

Следует отметить, что, несмотря на важность исследования личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации, возрастания требований к личности и профессионализму педагогов, наблюдается недостаточная изученность проблемы особенностей уровневой дифференциации профессионализма современных педагогов в условиях нововведений. Это определило тему и цель настоящего исследования – изучение особенностей уровневой дифференциации личностно-про-фессионального развития педагогов в условиях модернизации. Предметом исследования выступили показатели развития личности педагогов и их профессиональной деятельности на каждом уровне личностно-профессионального развития. Нами было выдвинуто предположение, что в условиях модернизации образования педагоги демонстрируют следующие уровни личностно-профессионального развития: адаптационный уровень, т. к. вынуждены вновь осваивать профессиональную деятельность в новых условиях; репродуктивный уровень, на котором педагог выполняет профессиональные функции, используя арсенал хорошо известных ему способов и методов работы; продуктивный (акмеологический) уровень личностно-профессионального развития, который обусловлен более высокими проявлениями мотивации достижения и рефлексии, более позитивным отношением к профессиональной деятельности и модернизации образования, проявлениями конструктивных моделей преодоления профессиональных затруднений, большей выраженностью творческого потенциала и активности его реализации, более низкими проявлениями негативных эмоциональных состояний, чем аналогичные показатели личностно-профессионального развития педагогов на других уровнях развития.

Выявление уровней личностно-профессионального развития педагогов осуществляли проективной методикой Л. Н. Горбуновой «Я на рабочем месте» [10]. В обследовании приняли участие 770 педагогов разных образовательных учреждений г. Новокузнецка, были получены следующие результаты.

На этапе адаптации к новым условиям профессиональной деятельности при введении новшеств оказались 41,6 % педагогов, которые вновь вынуждены осваивать специфику профессиональной деятельности, чтобы выполнять ее на высоком профессиональном уровне, заново выстраивать межличностные отношения в новых условиях; уровень личностно-профессионального развития дан-

ных педагогов, с нашей точки зрения, можно охарактеризовать как адаптационный.

На этапе самореализации выявлено 17,1 % педагогов, которые были заняты поиском средств и методов осуществления профессиональной деятельности в новых условиях. Для этих педагогов была свойственна недостаточная интеграция педагогической деятельности с ее целями, смыслами и ценностями в условиях вводимых новшеств; уровень личностно-профессионального развития этой группы педагогов, с нашей точки зрения, можно охарактеризовать как репродуктивный, т. к. без осознания личностного смысла профессиональная деятельность может выполняться с ориентацией на те подходы, методы, способы, которые хорошо отработаны, понятны и привычны педагогу, т. е. происходит попытка приложения старых технологий, приемов к новым условиям труда.

На этапе самоактуализации в профессиональной деятельности оказалось 23,9 % педагогов, т. е. около четверти респондентов способны реализовывать профессиональную деятельность на высокопрофессиональном уровне в новых условиях, с пониманием смысла и ценностей педагогической деятельности, с возможностью конструктивно преодолевать профессиональные затруднения. Считаем, что данный уровень личностно-профессионального развития – прогрессивен и продуктивен, т. к. предполагает: стремление к достижению профессионального мастерства; использование рефлексии профессиональной деятельности; стремления реализоваться в ней по-новому, нестандартно; ориентирован на выстраивание индивидуального подхода к развитию личности обучающегося, с конструктивным преодолением профессиональных затруднений.

Выявленные 17,4 % педагогов, находящихся на этапе дезадаптации в изменившихся условиях профессиональной деятельности, вызывают наибольшую тревогу, т. к. они не способны к личностно-профессиональному развитию, ощущают свою «исключенность» из этого процесса, опустошенность и ненужность в профессии и, если не получат адекватной их состоянию помощи, могут уйти из профессии.

Таким образом, в условиях модернизации образования большая часть педагогов (41,6 %) вынуждены вновь адаптироваться к новым условиям профессиональной деятельности; продуктивное развитие демонстрируют менее четверти обследованных педагогов, и важным представляется изучение характеристик личности и деятельности, которые позволяют этой группе педагогов сохранить способность для прогрессивного развития.

Важным, с точки зрения исследования, явилось изучение особенностей развития личности и профессионализма деятельности педагогов на каждом уровне личностно-профессионального развития. Так, выявление особенностей развития педагогов этапа дезадаптации установило, что для них характерно: противоречивое отношение к профессиональной и творческой деятельности; преобладающее неадекватное отношение к нововведениям в образовании и стремление переложить ответственность за их реализацию на руководство; мотивация в профессиональной деятельности, направленная на избегание неудач; наличие трудностей в профессиональной деятельности, связанных с самовыражением и актуализацией потенциальных возможностей, а также с адаптацией к новым условиям; стремление преодолеть профессиональные затруднения использованием неконструктивных моделей поведения (осторожных манипуляций, проявлений агрессивности, избеганий решений) и пассивного ожидания помощи от ближайшего окружения; неиспользование рефлексивных способностей как инструмента развития собственной профессиональной деятельности; проявления эмоциональной нестабильности (невротичности, раздражительности, депрессивности), низкой общительности и уравновешенности на фоне общей удовлетворенности условиями труда (кроме заработной платы и состояния оборудования); преимущественно низкая и средняя самооценка творческого потенциала в профессиональной деятельности, недостаточная готовность и активность к творческой педагогической деятельности.

Для педагогов адаптационного уровня личностно-профессионального развития свойственно: противоречивое отношение к профессиональной деятельности и стремление избежать неудачи в ней; отрицательно-нейтральное отношение к проводимым нововведениям в образовании; наличие таких профессиональных затруднений, как недостаточность сформированности критериев профессиональной деятельности, информированности о нововведениях в ней, отсутствие нужного профессионального опыта и низкой мотивированности на работу в инновационном режиме; в качестве способов преодоления профессиональных затруднений выбираются преимущественно неконструктивные модели поведения (избегания решений, пассивного ожидания социальной поддержки, агрессивных действий); недостатки развития рефлексии отражаются в попытках перенести ответственность за успешность введения новшеств на руководителей образовательных учреждений; при высокой удовлетворенности условиями труда (кроме размера заработной платы и оснащения оборудованием) отмечаются негативные эмоциональные переживания (невротичность, раздражительность, депрессивность, реактивная агрессивность), а также низкая общительность, уравновешенность; самооценка творческого потенциала неустойчива и противоречива (при наличии творческих способностей и осознания их ценности для процесса обучения и развития учащегося – отсутствует стремление их использовать на практике); творческая активность не значима для профессиональной деятельности (она в большей степени декларируется, чем реализуется) как и готовность к творческой деятельности. Данные характеристики свидетельствуют о сложности процессов личностно-профессионального развития для ряда педагогов в условиях модернизации образования, о возврате их на этап адаптации к деятельности в новых для них

условиях (экономических, социальных, организационных).

Характеристики педагогов репродуктивного уровня личностно-профессионального развития проявлялись в преимущественно положительном отношении к профессиональной и творческой деятельности; в противоречивом отношении к нововведениям и невыраженной мотивации достижения; в удовлетворенности условиями профессиональной деятельности; среди профессиональных затруднений на первом плане оказались трудности, связанные с развитием профессионализма и профессиональной рефлексии (недостатки сформированности критериев роста, наличие внешних и внутренних блокаторов развития профессиональной деятельности); в поведенческом плане отмечалось наличие как конструктивных (прямых, просоциальных и активных стратегий), так и неконструктивных моделей (манипулятивных, агрессивных, избегания решений); ответственность за введение новшеств педагоги связывали с руководителями (проявление недостатков формирования субъектной позиции), но одновременно демонстрировали осознание необходимости собственного развития; отмечались трудности саморегуляции (проявления раздражительности, депрессивности, высокой эмоциональной лабильности, реактивной агрессивности); профессиональная деятельность частично рефлексируется педагогами, частично обращена на негативные переживания; реализация творческого потенциала затруднялась наличием барьеров (прежде всего – боязнью неудач); в педагогической деятельности отмечалась ориентация на совершенствование известных методов работы, их комбинацию; творческая активность и готовность к реализации творческой деятельности демонстрировались низкие, при наличии стремления их проявления.

Продуктивный уровень личностно-профессионального развития характеризовался положительным отношением к профессиональной деятельности и к нововведениям в ней, наличием мотивации достижения в педагогической деятельности; проявлениями психологической готовности к профессиональной деятельности в новых условиях, а именно: профессиональные затруднения обозначались как неудовлетворенность социальным и профессиональным статусом, сопровождались ощущением нехватки внутренних ресурсов личности для преодоления этих затруднений (как результат недостаточности позитивных стратегий совладающего поведения), что побуждало педагогов к преобразованию собственного опыта, конструированию профессиональной деятельности на уровне целей и задач, более активному использованию прямых, активных и просоциальных стратегий поведения; профессиональная деятельность рефлексируется педагогами, ответственность за ее выполнение и качество принимается на себя, личностно-профессиональное развитие происходит на положительном эмоциональном фоне, при отсутствии проявлений высокой депрессивности, невротичности, раздражительности, при демонстрации открытости, общительности и удовлетворенности условиями труда; творческий потенциал и инициатива высоко оцениваются самим педагогом, проявляются в готовности реализовать творческую деятельность и активность непосредственно в ходе выполнения повседневных профессиональных обязанностей.

Таким образом, выявлены особенности показателей развития личности и профессиональной деятельности на каждом из изучаемых уровней личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования. Полученные результаты были подвергнуты математико-статистической обработке и на основе выявления достоверности различий по критерию Стьдента (при $p < 0,05$) было установлено, что:

– мотивации достижения педагогов продуктивного уровня достоверно выше, чем у педагогов этапа дезадаптации ($t = 25,421$), адаптационного уровня ($t = 22,03$) и репродуктивного уровня ($t = 6,386$);

– показатель отношения к модернизации образования педагогов продуктивного уровня достоверно выше, чем у педагогов этапа дезадаптации ($t = 16,332$), адаптационного уровня ($t = 15,456$); достоверных различий в отношении к модернизации образования у педагогов продуктивного и репродуктивного уровней выявлено не было;

– отношение к профессиональной деятельности в новых условиях педагогов продуктивного уровня выше, чем у педагогов этапа дезадаптации ($t = 5,301$) и адаптационного уровня ($t = 7,727$), достоверных различий у педагогов продуктивного и репродуктивного уровней не выявлено;

– стратегии преодоления профессиональных затруднений педагогов продуктивного уровня и педагогов этапа дезадаптации достоверно различались – активная стратегия была более выражена у педагогов продуктивного уровня ($t = 3,777$), а пассивная ($t = 10,774$), непрямая ($t = 5,448$) и асоциальная ($t = 4,039$) более выражена у педагогов этапа дезадаптации; у педагогов уровня адаптированности также отмечены более низкая выраженность активной стратегии ($t = 4,0699$) и более высокая – асоциальной стратегии ($t = 7,176$), чем у педагогов продуктивного уровня; стратегии педагогов репродуктивного уровня достоверно отличались от стратегий педагогов продуктивного уровня – активная была более представлена в репертуаре поведения педагогов продуктивного уровня ($t = 4,4875$), пассивная ($t = 9,362$) и асоциальная ($t = 5,883$) более характерна для педагогов репродуктивного уровня;

– уровень развития рефлексии педагогов продуктивного уровня достоверно выше, чем у педагогов других уровней (этап дезадаптации: $t = 22,923$; адаптационный уровень: $t = 7,176$; репродуктивный уровень: $t = 5,896$);

– общительность педагогов продуктивного уровня достоверно выше, чем ее проявления у педагогов адаптационного уровня ($t = 14,442$) и репродуктивного уровня ($t = 12,656$);

– самооценка творческого потенциала у педагогов продуктивного уровня была достоверно выше и адекватнее, чем самооценка творческого потенциала

педагогами других уровней развития (этап дезадаптации: t = 10,250; адаптационный уровень: t = 17,462; репродуктивный уровень: t = 3,838);

– творческая активность педагогов продуктивного уровня достоверно выше, чем творческая активность педагогов других уровней личностно-профессионального развития (этап дезадаптации: t = 19,924; адаптационный уровень: t = 16,157; репродуктивный уровень: t = 14,009);

– готовность к творческой деятельности достоверно выше у педагогов продуктивного уровня, чем у педагогов адаптационного уровня (t = 13,569).

Итак, анализ результатов вычисления достоверности различий показателей развития личности и профессиональной деятельности педагогов на различных уровнях личностно-профессионального развития в условиях модернизации образования доказал, что педагоги продуктивного уровня отличаются более высокой мотивацией достижения, лучшим отношением к профессиональной деятельности в новых условиях и к самим нововведениям, более выраженной активной стратегией преодоления профессиональных затруднений и менее выраженными неконструктивными стратегиями – прежде всего асоциальной (чем ниже уровень личностно-профессионального развития педагогов, тем в большей мере представлены неконструктивные стратегии), у них более развит уровень рефлексии профессиональной деятельности, больше проявляется общительность (чем у педагогов адаптационного и репродуктивного уровней); они более высоко оценивают собственный творческий потенциал, проявляют творческую активность, а в сравнении с адаптирующимися педагогами – и готовность к творческой деятельности.

Следовательно, при выстраивании работы по акмеологическому сопровождению педагогов в условиях модернизации образования необходимо, прежде всего, обратить внимание на развитие таких показателей личности и профессиональной деятельности, как мотивированность на наивысшие достижения, улучшение отношения к профессиональной деятельности и нововведениям (при трудностях адаптации к новым условиям), поддержку проявлений активности, снижение демонстрации агрессивности и асоциальности, развитие способности к рефлексии профессиональной деятельности, общительности, как проявления социальной активности (потребности и готовности к общению в ситуациях профессиональных затруднений), поощрение проявления творческой активности по реализации творческого потенциала.

Литература

1. Деркач, А. А. Психология развития профессионала / А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин, А. К. Маркова. – М.: РАГС, 2000. – 125 с.

2. Кузьмина, Н. В. Профессионализм педагогической деятельности / Н. В. Кузьмина, А. А. Реан. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. – 238 с.

3. Митина, Л. М. Психология развития и здоровья педагога: проблемы и пути решения / Л. М. Митина // Вестник образования России. – 2005. – № 7–8. – С. 48 – 58, 33 – 49.

4. Горбунова, Л. Н. Возможности акмеологического консультирования в повышении квалификации педагогов / Л. Н. Горбунова, Е. С. Манюкова. – Новокузнецк: ИПК, 2004. – 57 с.

5. Рабочая книга практического психолога: технология эффективной профессиональной деятельности (пособие для специалистов, работающих с персоналом) / под ред. А. А. Бодалева, А. А. Деркача, Л. Г. Лаптева. – М.: Издательство Института психотерапии, 2001. – 497 с.

6. Гусинский, Э. Н. Введение в философию образования / Э. Н. Гусинский, Ю. И. Турчанинова. – М.: Логос, 2003. – 248 с.

7. Деркач, А. А. Акмеология: учебное пособие / А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин. – СПб.: Питер, 2003. – 256 с.

8. Маркова, А. К. Психология труда учителя / А. К. Маркова. – М.: Просвещение, 1993. – 192 с.

9. Горбунова, Л. Н. Поддержка профессиональных инициатив педагога в процессе повышения квалификации: научно-методическое пособие / Л. Н. Горбунова, И. П. Цвелюх. – М.: АПКиППРО, 2006. – 196 с.

10. Абдалина, Л. В. Психолого-акмеологичес-кая модель развития профессионализма педагога: автореф. дис. … д-ра психол. наук / Л. В. Абдалина – Тамбов, 2008. – 50 с.

11. Гаспарашвили, А. Т. Учитель в эпоху перемен / А. Т. Гаспарашвили и др. – М.: Логос, 2006. – 176 с.

УДК 37.013.32

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ “ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ”

О. Н. Гринвальд

THE DEVELOPMENT OF SOCIAL-ETHICAL COMPETENCE OF LAW STUDENTS WHILE STUDYING THE SUBJECT “FOREIGN LANGUAGE OF LAW”

O. N. Greenwald

В статье представлены результаты исследования по формированию социально-этической компетентности будущих юристов с помощью тематического содержания и интерактивных методов (метода проектов, кейс-метода, имитационных игр) при изучении дисциплины “Иностранный язык в сфере юриспруденции”.

The article represents the results of the research devoted to the development of social-ethical competence of law students by means of the content and interactive methods (project method, case method, imitating games) while studying the subject “Foreign Language of Law”.

Ключевые слова: социально-этическая компетентность, подготовка юристов, иностранный язык, метод проектов, кейс-метод, имитационные игры.

Keywords: social-ethical competence, legal education, foreign language, project method, case method, imitating games.

Качество подготовки специалиста в системе высшего образования определяется степенью соответствия его личностных и профессиональных характеристик определенным социально значимым требованиям. К профессиональной юридической деятельности в обществе предъявляются повышенные этические требования. Это связано с тем, что юридическая деятельность носит государственный характер, т. к. юрист в большинстве случаев является должностным лицом, представителем власти, осуществляет властные полномочия. Он наделяется этими полномочиями для осуществления законности и справедливости, защиты интересов граждан, общества и государства и в своем служебном общении с другими людьми представляет государственную власть. Кроме того, деятельность юриста в большинстве случаев осуществляется в сфере социальных и межличностных конфликтов. Люди, которым доверено в соответствии с законом разрешение этих конфликтов, несут повышенную нравственную ответственность за свои действия и решения.

Социально-ответственный характер юридической деятельности и регламентирующие ее нормы профессиональной этики определяют нормативность требований к юристу обладать социально-этической компетентностью – интегральной характеристикой личности, сочетающей знания, умения, навыки, мотивационно-ценностные ориентации и личностные качества, направленные на осуществление юридической деятельности в соответствии с нормами и требованиями профессиональной юридической этики.

Формирование социально-этической компетентности будущих юристов представляет собой процесс, направленный на формирование и развитие знаний этических основ профессиональной юридической деятельности, умений, навыков и опыта решения учебно-профессиональных задач в соответствии с нормами и требованиями юридической этики, а также общественно-значимых ценностных ориентаций, морально-волевых качеств и мотивации достижения.

Методологический принцип обучения иностранному языку в вузе как неотъемлемой части профессиональной подготовки специалиста дает возможность использовать ресурсы дисциплины “Иностранный язык в сфере юриспруденции” базового цикла ФГОС ВПО по направлению подготовки “Юриспруденция” для формирования социально-этической компетентности студентов юридических факультетов как необходимой профессиональной характеристики специалиста в области права. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку можно рассматривать как разновидность контекстного обучения, в ходе которого осуществляется ранняя профессионализация студентов – будущих юристов [2, с. 120; 3, с. 93].

С целью формирования социально-этической компетентности будущих юристов в ходе изучения студентами юридического факультета дисциплины “Иностранный язык в сфере юриспруденции”, были рассмотрены темы, способствующие формированию представлений о сущности и нравственном значении юридической профессии, объективности этических норм и требований к профессиональной деятельности юриста; формированию мотивационно-ценностных ориентаций и способов осуществления профессиональной юридической деятельности в соответствии с нормами и требованиями юридической этики. Указанные выше темы представлены в учебном пособии Е. Н. Борисенко, О. Н. Гринвальд, О. А. Игнатенко, Т. Н. Сурниной “Английский язык для юристов”, рекомендованном Сибирским региональным учебно-методическим центром высшего профессионального образования для межвузовского использования в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по специальности / по направлению подготовки “Юриспруденция” [1].

Тема “What is Law?” (“Что представляет собой право?”) объясняет сущность права, его неразрывную связь и историческую обусловленность существующими в обществе морально-этическими и религиозными нормами. Тема “The Sources of English Law” (“Источники английского права”) дает профессионально значимые знания о системе англо-американского права. Тема “Lawyers at Work” (“Юридическая профессия”) позволяет раскрыть сущность, общественное и нравственное значение профессии юриста, дает понятие о необходимых морально-психологических качествах личности специалиста в области права.

Темы “Criminal Law and Procedure” и “Civil Law and Procedure” (“Уголовное право и процесс” и “Гражданское право и процесс”) раскрывают этические основы состязательной системы правосудия, принципа презумпции невиновности, запрета на показания с чужих слов и наводящие вопросы в ходе судебного процесса, запрета на унижающее человеческое достоинство обращение и наказание. Содержание данных тем также позволяет осветить этические проблемы, встающие перед адвокатом и судьей в судебном процессе.

Тема “The Rights of Citizens” (“Права человека”) затрагивает этические основы конституционного и международного законодательства. Тема “Enforcing the Law” (“Осуществление правоприменительной деятельности”) содержит информацию об этических кодексах для представителей различных юридиче-

ских профессий, раскрывает отдельные аспекты содержания данных документов, поднимает проблемные вопросы о возможности отступать от данных норм и правил, например при проведении допроса подозреваемого в совершении террористического акта.

Тексты, предлагаемые для самостоятельного (внеаудиторного) чтения, также были посвящены этическим аспектам юридической деятельности. Так, в статье "Reap What You Sow" Гордона Беггса ("Что посеешь, то и пожнешь") из профессионального печатного органа Американской ассоциации адвокатов ABA Journal приводится анализ исторического развития юридической этики, изначально опирающейся на библейские принципы справедливости, честности, милосердия, а также поднимается проблема необходимости преподавания морали и этики в профессиональной подготовке будущих юристов [4, с. 116]. Обсуждение данной статьи традиционно вызывает оживленные дискуссии среди студентов о значимости юридической этики и необходимости её изучения в ходе воспитательно-образовательного процесса в вузе.

Необходимо отметить, что при существующей тенденции увеличения часов на самостоятельную работу студентов в вузе и уменьшения количества аудиторных занятий актуальными становятся методы, в основе которых лежит умение ориентироваться в информационном пространстве и самостоятельно конструировать свои знания. Одним из таких методов является метод проектов, представляющий собой презентацию на иностранном языке результатов самостоятельно проведенного исследования по определенной тематике, в частности, касающейся морально-этических проблем правоприменительной деятельности.

Целями создания проектной работы на иностранном языке являются: формирование и развитие знаний права и особенностей юридической деятельности с привлечением междисциплинарных знаний; формирование и развитие умений и навыков поиска информации, в т. ч. в Интернет и иноязычных источниках; формирование и развитие умений и навыков презентации и защиты результатов исследования; совершенствование знаний иностранного языка.

При выполнении проектов выполнялись следующие этапы.

Подготовительный этап. На данном этапе студентами выбиралась тема проекта с обоснованием её актуальности для формирования компетентного специалиста в области юриспруденции; формулировались цель и задачи, необходимые для решения поставленной проблемы; определялись структура работы, методы решения проблемы и источники информации. На данном этапе работы осуществлялось планирование действий и времени выполнения задания. Если проект носил групповой характер, соответственно на данном этапе проходило распределение индивидуальных функций.

2. Рабочий этап. На данном этапе работы над проектом проводился сбор информации с привлечением различных источников (учебной, научной, нормативно-правовой, справочной литературы; ресурсов Интернет), её анализ. Сбор и анализ информации сопровождался оформлением результатов исследования для представления их в виде слайд-шоу, выполненного в программе Power Point. Необходимой частью данного этапа работы над проектом была консультация с преподавателем, в ходе которой уточнялась структура работы, её содержание и особенности будущей презентации.

3. Заключительный этап. На заключительном этапе происходила презентация проекта, представляющая собой устный доклад, сопровождаемый демонстрацией слайд-шоу или видеозаписи с использованием мультимедийных технологий и интерактивных заданий.

В ходе проведения эксперимента по формированию социально-этической компетентности будущих юристов в ходе изучения дисциплины "Иностранный язык в сфере юриспруденции" были выполнены проектные работы "Мораль и право", "Принципы и нормы юридической этики", "Этика и этикет судебных прений", "Морально-этические основы международного законодательства", "Эвтаназия – юридические и моральные аспекты", "Смертная казнь – юридические и моральные аспекты".

Целью выполнения проекта "Мораль и право" было доказать неразрывное единство морали и права как необходимых, взаимосвязанных и взаимопроникающих систем регуляции поведения людей в обществе, а также показать, что этические категории и принципы добра, справедливости, гуманности, достоинства, милосердия находят свое отражение в правовых принципах законности, презумпции невиновности, гласности и открытости суда, запрета на унижающее человеческое достоинство обращение и наказание и др. Аргументированное убеждение в неразрывной связи морали и права способствовало формированию и укреплению понимания студентами – будущими юристами, сущности права и нравственного значения юридической деятельности.

При выполнении проекта "Принципы и нормы юридической этики" студенты обратились к пониманию этики как специфическому нравственному кодексу представителей юридической профессии, указали на существование этических кодексов представителей различных юридических профессий (адвокатской, судейской, прокурорской, нотариальной, следственной, экспертной этики). В своей презентации студенты продемонстрировали, что необходимость и многообразие видов этических кодексов в юридической профессии обусловлены огромным нравственным значением юридической профессии, которая связана с вторжением в частную жизнь, с ограничением прав и свободы, принятием решений, влияющих на судьбу человека, с ситуациями межличностного конфликта, горя и страданий, а также с наличием нравственных ситуаций, которые обычно не встречаются в деятельности представителей других профессий (например, адвокат, зная о совершении подзащитным преступления, не может выступать свидетелем против него).

В результате презентации студентами был сделан вывод, что юридическая этика придает нравственный характер правоприменительной деятельности, а знание норм и требований юридической этики формирует понимание сущности и нравственного значения юридической профессии у студентов – будущих юристов, и способствует развитию готовности соблюдать этические нормы при осуществлении собственной профессиональной деятельности.

Проект по теме "Этика и этикет судебных прений" на примере из видеофильмов и телепередач ("Час суда" – канал РЕН ТВ, "Федеральный судья" – Первый канал, "Адвокат дьявола" (на английском языке), "Блондинка в законе" (на английском языке) и др.) познакомил студентов с этикетными правилами внешнего вида и ведения прений при проведении судебных заседаний как в Российских, так и в зарубежных судах. Спонтанно инсценированный перед презентацией проекта судебный процесс показал, что студенты могут иметь затруднения в том, как обратиться к судье, прервать допрос, отклонить наводящий вопрос и т. п. Здесь же обсудили, соответствует ли внешний вид студентов, присутствующих на презентации, требованиям к внешнему виду представителя юридической профессии в зале суда, если нет – то почему.

В конце презентации студенты пришли к выводу, что в условиях повышения состязательности системы правосудия в России, значительном увеличении числа граждан, обращающихся в суд и нуждающихся в юридических представителях, введении института суда присяжных, умения и навыки ведения судебных прений, основанные на этических нормах и профессиональном этикете, становятся важными для будущих юристов, так как способствуют должному отправлению правосудия.

Студенты, выполнившие проект по теме "Морально-этические основы международного законодательства", провели контент-анализ статей Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах ООН (на английском языке) и в своей презентации показали воплощение этических категорий и принципов справедливости, гуманности, защиты человеческого достоинства в этих важнейших документах международного права.

Проекты по темам "Эвтаназия – юридические и моральные аспекты" и "Смертная казнь – юридические и моральные аспекты" представили правовое состояние проблем эвтаназии и смертной казни как в Российском законодательстве, так и в законодательстве других стран, а также серьезные моральные дилеммы, с которыми сталкиваются законодатели и участники судебных процессов при принятии решений относительно эвтаназии и смертной казни.

При выполнении данных проектов был проведен опрос граждан по вопросам эвтаназии и смертной казни, результаты которого были представлены на презентации и вызвали оживленную дискуссию среди студентов. В результате дискуссии студенты разделились на тех, кто "за" эвтаназию или смертную казнь, и тех, кто "против". Рефлексия относительно собственной позиции по данным вопросам позволила, по словам студентов, выполнивших данные проекты, а также присутствующих на презентации, понять всю сложность и полноту ответственности, с которой сталкивается и законодатель, и правоприменитель в вопросах эвтаназии или смертной казни. В результате студенты пришли к выводу, что современное законодательство развитых стран движется в сторону легализации эвтаназии и отмены смертной казни как выражение гуманизации современного общества на основе морально-этических принципов гуманности, достоинства и милосердия.

В оценивании проекта принимали участие сами исполнители, студенты группы, приглашенные студенты других групп и эксперты-преподаватели. Проект оценивался по следующим параметрам: обоснование значимости и актуальности проблемы; используемые источники и методы исследования и обработки результатов; привлечение междисциплинарных знаний; вклад каждого участника проекта в соответствии с его индивидуальными возможностями в области иностранного языка; качество иностранного языка; умение аргументировать свои заключения, выводы и отвечать на вопросы оппонентов.

Деятельностный характер компетентности предполагает не только вооружение студентов – будущих юристов знаниями этических основ права и юридической деятельности, но формирование и развитие умений, навыков и опыта действовать в соответствии с требованиями юридической этики в конкретных профессиональных ситуациях. Поэтому на уроках иностранного языка использовались практико-ориентированные интерактивные методы, моделирующие определенные профессиональные ситуации: имитационные игры и кейс метод.

Имитационные игры основаны на воспроизведении, имитации или моделировании профессиональных ситуаций и направлены на приобретение опыта эффективного решения реальных профессиональных задач. Их основная цель – выработать у студентов стратегии поведения, умения действовать в типичных ситуациях, возникающих в профессиональной деятельности. Игры, включающие ролевую деятельность, формируют коммуникативную, в том числе иноязычную, компетентность будущего специалиста, развивают умения и навыки межличностного взаимодействия. Помимо этого, имитационные игры на уроках иностранного языка обучают этикетным формам профессионального поведения, являются дополнительным инструментом формирования профессиональных и личностных качеств будущего специалиста, выступают мотивирующим фактором для овладения иностранным языком.

В ходе проведения эксперимента по формированию социально-этической компетентности будущих юристов в ходе изучения дисциплины "Иностранный язык в сфере юриспруденции" была проведена имитационная игра "Уголовный процесс в Королевском суде".

Организация и проведение имитационной игры в процессе эксперимента представляла собой последовательность следующих этапов.

Этап 1. Изучение ситуации или фабулы, предшествующей имитируемой ситуации и явившейся её причиной. Так, фабула игры "Уголовный процесс в Королевском суде" содержала информацию о совершенном убийстве молодой женщины, способе, времени, месте убийства, результатах осмотра места происшествия и личных контактах жертвы.

Этап 2. Следующим этапом явилось определение участников и распределение ролей; анализ профессиональных функций и психологических состояний участников ситуации, проявления ими деловых и личностных качеств; выявление и оценка способов взаимодействия. Для проведения имитационной игры "Уголовный процесс в Королевском суде" был определен список действующих лиц и распределены роли судьи, адвоката, прокурора, подозреваемого, свидетелей, присяжных, судебного пристава (бейлифа). Далее состоялось совместное обсуждение профессиональных задач каждого участника игры, стратегия его поведения, в том числе при взаимодействии с другими участниками.

Этап 3. Проработка сценария для решения ситуации в соответствии с характером ролей. Именно данный этап явился наиболее сложным, т. к. участники игры должны были не только разработать текст своей роли на английском языке, но и согласовать текст своей роли и свои действия с другими участниками игры. Так, при подготовке к имитационной игре "Уголовный процесс в Королевском суде" "прокурор" и "адвокат" должны были сформировать линии обвинения и защиты, обсудив со своими "свидетелями" вопросы и ответы при даче показаний, подготовить "вещественные доказательства". На данном этапе готовились необходимые документы и соответствующий реквизит (мантия судьи, вещественные доказательства и т. п.). Окончательным мероприятием в рамках данного этапа была репетиция игры.

Так как изучение дисциплины "Иностранный язык в сфере юриспруденции" предшествует изучению большинства дисциплин общепрофессионального и специального циклов, то при подготовке к проведению имитационной игры "Уголовный процесс в Королевском суде" и в ходе рефлексивного анализа её результатов внимание студентов акцентировалось не столько на правовой стороне разыгрываемой ситуации, сколько на процессуально-этикетном её оформлении, а также на необходимых профессиональных личностных качествах.

Этап 4. Собственно имитационная игра. Участники разыгрывали роли по подготовленному сценарию (или импровизировали, учитывая полученную информацию), развивали и завершали ситуацию. Финальным актом игры было судебное решение относительно имитируемой профессиональной ситуации, вынесенное на основании представленных сторонами доказательств.

Этап 5. По окончании каждой игры проходил анализ, осуществляемый экспертами (преподавателями, всеми присутствующими, не участвующими в игре в данный момент, приглашенными гостями), а также самими участниками. Во-первых, обсуждалось, насколько достигнута цель игры: насколько верно решена поставленная профессиональная задача; творчески ли использовались знания; каковым был уровень иностранного языка; соблюдались ли нормы и требования профессиональной этики при осуществлении процессуальных действий. Во-вторых, анализировался и оценивался вклад каждого участника в результат игры; выяснялось, что получилось, что не удалось и почему; какие качества – деловые, личностные – проявились в ходе игры, и как они повлияли на ее ход и результат.

Проводимый на данном этапе рефлексивный анализ способствовал обогащению каждого участника новыми представлениями о себе на основе сопоставления оценок. По отзывам студентов, участие в игре помогло им почувствовать (для некоторых – впервые) огромную ответственность, которая возложена на судью, прокурора, адвоката в связи с профессиональной необходимостью решать судьбу человека, задуматься о нравственном значении юридической деятельности.

По отзывам преподавателей дисциплин общепрофессионального и специального циклов, будучи подготовленными в результате проведения имитационных игр в ходе изучения дисциплины общегуманитарного цикла "Иностранный язык в сфере юриспруденции", студенты были более точны, эффективны и профессиональны в своем поведении при проведении имитационных игр в ходе изучения дисциплин общепрофессионального и специального циклов.

Кейс-метод (от лат. "casus" – запутанный или необычный случай) является интерактивным методом, ориентированным на выработку умений и навыков принятия решения в типовых профессиональных ситуациях. Основная цель кейс-метода – это формирование конкретных умений студентов – будущих юристов, решать практические задачи из области правоприменительной практики. Формирование социально-этической компетентности происходит при решении профессиональных кейсов, представляющих собой реальные правовые и этические дилеммы.

В ходе проведения эксперимента по формированию социально-этической компетентности будущих юристов в ходе изучения дисциплины "Иностранный язык в сфере юриспруденции" разбирались кейсы, представленные в аутентичных англоязычных сборниках прецедентов по различным отраслям права (Pollack, Daniel Social Work and the Courts: a Casebook / by Daniel Pollack. – New-York and London: Garland Publishing, Inc., 1997. – 263 p.), а также учебных курсах английского языка (Bell, J. Matters. Upper Intermediate / J. Bell, R. Gower. – London: Longman Group Limited, 1999. – P. 84 – 89 (раздел "Moral Issues"); Soars, John & Liz Headway. Advanced (Student's Book) / John & Liz Soars. – Oxford University Press, 2001. – P. 74 – 75 и др.).

Предлагаемые в данных источниках правовые казусы (кейсы) затрагивают определенные морально-этические проблемы: убийство подростком своего отца, систематически избивающего его мать; убийство, совершенное в состоянии аффекта; случай эвтаназии смертельно больного человека по его просьбе; правомерность оспаривания завещания; проблема классификации преступления в случае отказа пострадавшего в драке от переливания крови на основании религиозных воззрений, повлекшего его смерть; привлечение к ответственности педагога, на уроке которого произошел несчастный случай и т. п.

В ходе рассмотрения правовой проблемы и последующей дискуссии студенты сталкивались с проблемой поиска решения, оптимального и с правовой, и с моральной точек зрения, учитывающего все обстоятельства преступления и личность преступника. Подобного рода задания способствовали как формированию непосредственно иноязычных коммуникативных навыков, так и присущих социально-этической компетентности умений и навыков решения правовых казусов (кейсов) в соответствии с требованиями юридической этики, а также навыка этической рефлексии результатов собственной профессиональной деятельности.

По результатам мониторинга сформированности социально-этической компетентности по окончании изучения дисциплины “Иностранный язык в сфере юриспруденции”, количество студентов с продвинутым уровнем сформированности социально-этической компетентности возросло на 6,4 % (с 14,3 % до 20,7 %), в свою очередь, количество студентов с критическим уровнем сформированности социально-этической компетентности уменьшилось на 12,7 % (с 45,1 % до 32,4 %) (таблица).

Таблица

Соотношение количества студентов (в %) по уровням сформированности социально-этической компетентности

Показатели	Продвинутый уровень		Допустимый уровень		Критический уровень	
	начало 1-го курса	конец 2-го курса	начало 1-го курса	конец 2-го курса	начало 1-го курса	конец 2-го курса
Социально-этическая компетентность	14,3	20,7	40,6	46,9	45,1	32,4

Из полученных результатов можно сделать вывод, что интерактивный характер метода проектов, имитационной игры, кейс-метода, предлагаемое тематическое содержание изучаемых текстов и выполненных проектных работ, творческая презентация полученных результатов с использованием мультимедийных технологий, способствовали формированию и развитию у студентов юридического факультета знаний этических основ права и правоприменительной деятельности, умений и навыков, соответствующих социально-этической компетентности, эффективному воздействию на мотивационно-ценностную сферу будущих юристов.

Литература

1. Борисенко, Е. Н. Английский язык для юристов = English for Law Students: учеб. пособие / Е. Н. Борисенко, О. А. Игнатенко, О. Н. Гринвальд, Т. Н. Сурнина. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 196 с.

2. Борисенко, Е. Н. Технологии компетентностно-ориентированного обучения иностранному языку / Е. Н. Борисенко // Профессионально-ориенти-рованное обучение иностранным языкам в вузе: оценка состояния, проблемы и перспективы: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции / под ред. Л. С. Зникиной. – Кемерово: КузГТУ, 2007. – С. 119 – 124.

3. Николаева, Л. А. Коммуникативная толерантность будущих специалистов профессиональной сферы “человек - человек” / Л. А. Николаева, М. И. Губанова; ГОУ ВПО “Кемеровский государственный университет”. – Кемерово, 2009. – 164 с.

4. Beggs, G. J. Reap What you Sow / G. J. Beggs // ABA Journal. – 1996. – March. – P. 116.

УДК 378

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

Н. Э. Касаткина

MODERN SCHOOL DEVELOPMENT PROJECT

N. E. Kasatkina

В статье речь идет о региональном опыте проектирования программ развития современной школы на региональном, муниципальном и школьном уровнях. О первых результатах реализации таких программ.

The article is devoted to regional experience of projecting modern school development program for regional, municipal and school levels as well as to initial results of their realization.

Ключевые слова: проектирование, программа развития, современная школа, новая школа, национальная безопасность, факторы развития школы.

Keywords: projecting, development program, modern school, contemporary school, national security, factors of school development.

Реализация государственной политики России в части расширения возможностей личности для получения образования и повышения доступности образования широким слоям населения неизбежно приводит к необходимости создания образовательного пространства, существенно дополняющего структуру существующей системы образования и позволяющего реализовать парадигму современного образования, разработать программу развития отечественной школы.

Проектирование системы образования, способной подготовить российское общество в целом и каждого выпускника школы в частности к жизни в условиях конкурентоспособной экономики является одной из важных проблем, решение которой возможно лишь на уровне государственной политики.

Развитие системы общего и профессионального образования определяется необходимостью организации непрерывного, самостоятельного, опережающего воспитательно-образовательного процесса.

Проектирование программы общего и профессионального образования становится таким явлением, которое способно предоставить обучающимся разнообразные образовательные услуги, позволяющие учиться непрерывно, и обеспечивает возможность получения современного профессионального знания.

Подобная программа дает возможность каждому обучаемому выстроить ту образовательную траекторию, которая наиболее полно соответствует его образовательным и профессиональным способностям, независимо от того, где бы территориально он ни проживал.

В итоге формируется сеть (консорциум) связанных друг с другом учебных заведений, которая обеспечивает создание пространства образовательных услуг, взаимосвязь и преемственность программ, способных удовлетворить запросы и потребности учащейся молодежи.

Тем самым создается возможность многомерного движения личности в образовательно-профессиональном пространстве, ее развитие через обучение и функционирование постоянного образовательного профессионального консалтинга.

При проектировании программы образования мы использовали накопленный в условиях Кемеровской области научно-методический, кадровый и производственный потенциал, информационные ресурсы и технологии, опыт осуществления дистанционного обучения, существующую телекоммуникационную инфраструктуру и организационные структуры образования региона.

Таким образом мы обеспечили объединение усилий вузов, ссузов, учреждений НПО и общеобразовательных учреждений и на основе:

– требований государственных образовательных стандартов;

– общих психолого-педагогических, методических и технологических требований к учебно-методическим и информационным ресурсам регионального образования;

– единых требований к уровню психолого-педагогической компетентности кадров преподавателей системы регионального образования;

– создания единой информационно-образовательной системы регионального образования;

– объединения бюджетных и внебюджетных источников финансирования на развитие образования в целом;

– координации всех субъектов образовательного процесса региона.

Это особенно важно в настоящее время, когда система образования испытывает деградацию и как следствие – снижение количества и качества высококвалифицированных выпускников, что представляет угрозу даже национальной безопасности России. Такая постановка вопроса не является чем-то беспрецедентным в мировой практике. Достаточно обратиться к опыту США. Сама за себя говорит формулировка принятых в разное время американских федеральных законов: «Об образовании в целях национальной обороны», «Об образовании в целях укрепления экономической безопасности», «О национальных целях образования» и др.

По уровню квалификационного потенциала имеющиеся в распоряжении России трудовые ресурсы оцениваются многими экспертами по-прежнему как лучшие в мире. Данное качественное преимущество основывается на эффективных отечественных традициях. Однако по мере деградации отечественной образовательной системы снижается и квалификационный ресурс.

Требования к переходу к «постиндустриальному обществу», «наукоемкой экономике», «обществу знаний» представлены сегодня в каждой платформе развития России. Мы согласны с Б. Л. Вульфсоном, что в действительности отечественное образование развивается в прямо противоположном по отношению к обозначенным ориентирам направлении. Все более возрастает сырьевая составляющая экономического роста, которая не требует высокого уровня образования. Растрачиваются невосполнимые ресурсы при том, что возобновляемый интеллектуальный потенциал минимизируется. А потому очень важно определить угрозы, мешающие развитию образования, как фактора, лишающего Россию перспектив долгосрочного развития. Таким образом, российская система образования реформируется в направлении противоположном новым историческим реалиям [1].

В практике работы региональной системы образования существуют различные учреждения общего образования. Так, в Кемеровской области функционируют 64 лицея и гимназии, 12 школ с углубленным изучением учебных предметов, более 40 ресурсных центров и других образовательных учреждений. А потому мы считаем, что не может быть единой программы развития образования для всех

образовательных учреждений: каждое образовательное учреждение должно разрабатывать свою программу развития, в которой должны быть отражены: ведущая идея, цели, задачи реализации программы, развитие материально-технической базы школы, подготовки кадров для реализации новых стандартов обучения, финансирование образовательного учреждения и т. д.

Каждая школа в своей программе определяет: как будет осуществляться ремонт школы, какие классы будут модернизироваться, кто из учителей пройдет повышение квалификации и где, какие новые ученические, родительские и учительские объединения будут создаваться, где школьники проведут свои каникулы, где будут отдыхать учителя, в каких конкурсах и конференциях примут участие учителя, в каких олимпиадах, конференциях «школах» и конкурсах примут участие ученики и т. д.

Но для развития системы образования кроме программы развития необходимо создать организационно-педагогические условия, которые могут быть созданы только региональными и муниципальными органами образования. Мы считаем целесообразным программу разрабатывать на несколько лет.

Остановимся в качестве примера более подробно на вопросах проектирования создания материально-технического обеспечения образовательного процесса.

В Кузбассе самый большой парк школьных автобусов. Сегодня в области действует более 400 школьных маршрутов. Для обеспечения безопасности детей школьные автобусы начали оснащаться системой спутникового видеонаблюдения ГЛОНАСС или ГЛОНАС/GPRS/.

Важнейшим условием повышения качества образования является материально-техническая база образовательных учреждений, предполагающая оснащение помещений в соответствии с санитарно-гигиеническими требованиями, наличие необходимого оборудования.

В течение трех лет мы осуществляли мониторинговое исследование удовлетворенности жителей Кузбасса качеством образования. Более 75 % родителей, дети которых посещают образовательные учреждения, считают, что материально-техническая база учреждений образования соответствует современным требованиям.

В последние два года наблюдается повышение уровня удовлетворенности основных потребителей образовательных услуг отдельными составляющими материально-технической базы. Так в 2009 – 2010 учебном году родители отмечали улучшение материально-технической базы общеобразовательных учреждений (с 57,99 до 60,31 %), дошкольных образовательных учреждений (с 95,26 до 97,28 %) [2]. На протяжении двух лет сохраняется высокая оценка со стороны родителей материально-технической базы учреждений дополнительного образования детей.

Практически все родители (97,28 %) отмечают, что санитарно-гигиенические условия в образовательных учреждениях соответствуют предъявляемым требованиям, причем их оценки в 2009 – 2010 учебном году в сравнении с 2008 – 2009 учебным годом стали значительно выше.

Создание хорошей материально-технической базы это хорошо, но недостаточно. Ведь даже при наличии достаточной материально-технической базы и необходимого финансирования (что в Кемеровской области удалось обеспечить) без квалифицированных преподавателей, которые бы отвечали требованиям третьего тысячелетия, невозможно обеспечить не только создание эффективного образовательного пространства, но и развитие системы образования в целом.

В 2009 – 2010 учебном году в образовательных учреждениях региона работали 46893 педагогических работника, 19234 из них – в общеобразовательных учреждениях. Это на 608 человек меньше, чем в 2008 – 2009 учебном году, что объясняется процессами оптимизации кадрового потенциала образовательных учреждений всех типов и видов.

В региональной системе образования в основном работают учителя в возрасте от 30 до 45 и от 45 до 55 лет со стажем работы от 10 до 25 и более 25 лет. Снижается количество педагогических работников в возрасте более 60 лет (с 17,21 % в 2008 – 2009 учебном году до 15,43 % в 2009 – 2010 учебном году), наблюдается сокращение стажевой группы педагогов, которые трудятся в образовании более 25 лет. Увеличивается количество молодых специалистов со стажем работы до 3 лет с 4,78 % в 2008 – 2009 учебном году до 5,75 % в 2009 – 2010 учебном году [2].

Региональная кадровая программа, направленная на стимулирование притока в систему образования молодых специалистов через осуществление мер социальной поддержки, определена в «Законе об образовании Кемеровской области». Реализация этой программы способствовала постепенному омоложению педагогических коллективов образовательных учреждений, увеличению числа педагогов в возрасте до 30 лет и группы педагогов со стажем работы до трех лет.

В настоящее время в учреждениях образования области работают 1289 молодых специалистов. Из них: 474 педагога впервые в этом году приступили к педагогической деятельности, 428 имеют стаж работы до 2 лет, 387 – от 2 до 3 лет.

Особые условия созданы для молодых специалистов, работающих в сельской местности: им предоставляется жилье и единовременное социальное пособие: выпускники высших учебных заведений получают пособие в размере 35000 рублей, а выпускники средних профессиональных учебных заведений – 25000 рублей; осуществляется погашение жилищного займа за счет средств областного бюджета педагогам – молодым специалистам, которые едут работать в сельские образовательные учреждения и проработали в них 7 лет.

Наблюдается положительная динамика в качественных характеристиках педагогических кадров региона: 95,1 % из них имеют педагогическое обра-

зование, а 82,53 % – высшее профессиональное образование (данный показатель выше норматива, установленного в стандартах нового поколения на 22,53 %).

Количество учителей, имеющих квалификационную категорию, в Кемеровской области превышает нормативы стандарта (удельный вес не менее 75 %): около 90 % педагогов имеют квалификационную категорию и ежегодно эта цифра растет.

С каждым годом увеличивается число учителей, занимающихся подготовкой научной квалификационной работы на соискание ученой степени.

Сегодня в образовательных учреждениях Кемеровской области работают 147 кандидатов и докторов наук, 94 аспиранта и соискателя. Накопленный опыт, высокие результаты профессиональной деятельности, творческий поиск, интерес к исследованию актуальных проблем современной педагогики стимулируют желание учителей заниматься научной работой.

В 2010 году 34 учителям, защитившим диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, вручены премии на общую сумму 410 тысяч рублей.

Геополитическое соперничество в современной мировой конкурентной борьбе начинается со школьной парты. Не будет преувеличением сказать, что именно в сфере образования определяется расклад сил будущего мироустройства. Мы солидарны с В. Э. Багдасаряном [3] в том, что сегодня включение сферы образования в систему национальной безопасности представляет в иерархии управленческих задач российской государственной политики одну из приоритетных стратегических установок.

Литература

1. Вульфсон, Б. Л. Стратегия развития образования на Западе на пороге XXI века / Б. Л. Вульфсон. – М., 1999. – С. 48 – 61.

2. Год учителя в Кузбассе. Информационный справочник. – Кемерово, 2010. – 54 с.

3. Багдасарян, В. Э. Наука и образование как факторы национальной безопасности России / В. Э. Багдасарян. – М., 2011. – 56 с.

УДК 140.8(470+571) «19»

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ФАСИЛИТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА: РЕСУРСЫ И СРЕДСТВА

И. В. Ковалева

DESIGNING FACILITATING ACTIVITY OF TEACHER: RESOURCES AND MEANS

I. V. Kovaleva

В статье рассматривается проектирование педагогами фасилитационной деятельности по организации профильного самоопределения школьников. Определены ресурсы и средства, обеспечивающие и разработку, и реализацию проектов фасилитационной деятельности педагогами.

The article analyses teachers facilitating activity on the organization of profile self-determination of pupils. Resources and means are defined to provide working out and realization of projects directed of facilitating activity of teachers.

Ключевые слова: проект, фасилитационная деятельность, педагог, профильное самоопределение, школьник.

Keywords: project, facilitating activity, teacher, profile self-determination, pupils.

Понятие «фасилитация» в педагогическую науку было введено К. Роджерсом. В своей книге «Свобода учиться» автор определил сущность фасилитации как создание психологического климата доверия между учителем и школьниками, обеспечивающего сотрудничество в принятии решений и актуализацию мотивационных ресурсов учения. Поэтому под фасилитационной деятельностью педагога подразумеваем:

– наличие собственной педагогической концепции;

– высокую теоретическую подготовку в области педагогических наук;

– высокий уровень знания своего предмета;

– ведение активной научно-методической деятельности, предполагающей корректирование и адаптацию образовательных программ по предмету, разработку методических указаний, публикаций и т. д.;

– адекватную самооценку и объективную оценку успехов школьников;

– стремление к самообразованию и самосовершенствованию;

– высокую коммуникативную культуру, доброжелательность, педагогический такт;

– высокий уровень интеллектуально-духовного развития, эрудированность;

– наличие творческих и организаторских способностей.

Одним из решающих условий успешного протекания педагогического процесса является не только осуществление педагогом фасилитационной деятельности, но и его проектирование. Оно включает в себя анализ, диагностику, определение прогноза и разработку проекта деятельности педагога. Таким образом, педагогическое проектирование заключается в запланированном изменении деятельности педагогов для достижения общей цели и общего результата. Исходя из этого, мы понимаем под проек-

тированием педагогом фасилитационной деятельности по организации профильного самоопределения школьников деятельность учителя-фасилитатора, направленную на создание благоприятных условий для повышения уверенности школьников в своих силах, стимулирование, инициирование потребности в самостоятельной продуктивной деятельности, тем самым облегчая им выбор профиля обучения и побуждая к осознанности выбора самим старшим школьником.

Применение алгоритма педагогического проектирования (подготовительная работа, разработка проекта, проверка качества проекта), предложенного М. Н. Дудиной, позволило нам определить необходимые ресурсы для создания проектов фасилитационной деятельности педагогов по организации профильного самоопределения старших школьников, а также обеспечить подготовку средств исполнения, которые дали возможность обучить педагогов созданию проектов фасилитационной деятельности по организации профильного самоопределения школьников и выявить механизм обратной связи с педагогами, создавшими проекты фасилитационной деятельности для экспертизы, позволяющей скорректировать возможные отклонения от планируемых результатов организации профильного самоопределения школьников.

Этап подготовительной работы с педагогами по разработке проектов заключался в формулировании тем, определении цели, согласованности методов и способов ее осуществления в конкретных условиях и находящихся в распоряжении необходимых ресурсов. К ресурсам мы отнесли следующие принципы:

– гуманизации, способствующий созданию атмосферы доверия в отношениях между педагогом и школьником, сотрудничество в принятии решения о выборе профиля обучения;

– изучения и учета профильных намерений школьников, обеспечивающий адекватность и объективность результатов проектирования фасилитационной деятельности педагогов;

– прогнозирования, ориентированный на перспективную результативность проекта фасилитационной деятельности педагога по организации профильного самоопределения школьников;

– алгоритмитизаци, предполагающий план действий и его реализацию, при этом учитывается каждое последующее действие, основанное на результатах предыдущего;

– эффективности, подразумевающий оценивание результатов педагогом фасилитационной деятельности по организации профильного самоопределения школьников;

– саморазвития, предполагающий решение одних задач и приводящий к постановке новых задач, стимулирующих рост профессиональной компетентности педагогов по организации профильного самоопределения школьников.

Принципы проектирования позволили нам определить порядок действий педагогов для создания проектов фасилитационной деятельности по организации профильного самоопределения школьников:

– анализ деятельности общеобразовательного учреждения по организации профильного самоопределения школьников;

– формулирование цели и определение задач проектирования педагогом фасилитационной деятельности по организации профильного самоопределения школьников;

– педагог определяет содержание фасилитационной деятельности по организации профильного самоопределения школьников;

– педагог разрабатывает проект фасилитационной деятельности по организации профильного самоопределения школьников;

– реализация проекта фасилитационной деятельности педагога по организации профильного самоопределения школьников.

На этапе разработки проектов совместная деятельность с педагогами позволила довести созданные проекты до уровня применения в практической деятельности. Для этого нами были:

– разработаны и проведены проблемные семинары для каждой категории педагогов (заместители директоров по УВР, учителя-предметники, классные руководители, социальные педагоги и психологи);

– организованы межпредметный координационный совет и межпредметная лаборатория как средства исполнения, которые дали возможность для обучения педагогов созданию проектов фасилитационной деятельности по организации профильного самоопределения школьников, практической разработки педагогами проектов и их реализации.

Целью проведения проблемных семинаров являлось обеспечение теоретической подготовки педагогов для создания проектов фасилитационной деятельности по организации профильного самоопределения школьников. Тематика семинаров представлена ниже:

1. «Особенности профильного самоопределения школьников в теории и практике».

2. «Фасилитация как специфическая деятельность педагога».

3. «Фасилитационная деятельность педагога по управлению процессом профильного самоопределения школьников».

4. «Проектирование фасилитационной деятельности педагогов по организации профильного самоопределения старших школьников».

5. «Проектирование фасилитационной деятельности заместителями директоров по организации профильного самоопределения школьников».

6. «Проектирование фасилитационной деятельности учителями-предметниками по организации профильного самоопределения школьников».

7. «Проектирование фасилитационной деятельности классными руководителями по организации профильного самоопределения школьников».

8. «Проектирование фасилитационной деятельности социальными педагогами по организации профильного самоопределения школьников».

9. «Проектирование фасилитационной деятельности психологами по организации профильного самоопределения школьников».

Анализ проведенных семинаров позволил выявить наиболее трудные для педагогов дискуссионные вопросы. К таковым мы отнесли, во-первых, конкретизацию выводов о том, что проблема выбора профиля обучения для большинства школьников является следствием:

– недостаточных знаний о самих себе, о мире профессий, возможных путях продолжения своего образования;

– низкой потребности в выявлении школьниками своих способностей, склонностей, интересов и в целом в профильном самоопределении;

– отсутствия осознанных мотивов выбора;

– недостаточной способности к саморазвитию, самоактуализации, самореализации и самооценке;

– недостаточной сформированности ключевых компетенций, необходимых в любой профессиональной деятельности, которая не позволяет большинству школьников совершить осознанный, самостоятельный выбор профильного обучения. Во-вторых, вопросы, касающиеся важных профессиональных качеств учителя-фасилитатора, необходимых для организации профильного самоопределения школьников.

Сложными для восприятия педагогов были основные постулаты теории К. Роджерса, понятие «фасилитация», с чем связано введение иностранного слова «фасилитация» в психолого-педагогический обиход, характеристика основных аспектов фасилитации (алгоритм В. С. Леднева). Поэтому проводилась дополнительная целенаправленная работа (индивидуальные, групповые тематические консультации, беседы и т. д.) с педагогами для решения проблем с теоретической подготовкой. Например, для заместителей директоров были проведены консультации по организации взаимодействия субъектов воспитательно-образовательного процесса, ответственных за сопровождение профильного самоопределения школьников в ОУ, координации работы педагогического коллектива по формированию готовности школьников к выбору профиля обучения в соответствии с концепцией и образовательной программой общеобразовательного учреждения, проведению педагогических советов, производственных совещаний, родительских собраний с приглашением методистов МОУ ДПО «НМЦ» г. Кемерово, организации системы повышения квалификации классных руководителей, учителей-предметников, социального педагога по проблеме самоопределения школьников и т. д. Учителя-предметники нуждались в консультациях по организации поисково-исследовательской деятельности школьников, профильных проб, разработке межпредметных и ориентационных курсов, обеспечивающих профориентацию школьников. Для классных руководителей консультации проводились для решения возникающих сложностей по организации профильного самоопределения школьников в классе, связанных с координацией урочной и внеурочной деятельности и коррекцией ИОТ школьников.

Проведенные семинары способствовали формированию у педагогов способности к исследовательской деятельности в психолого-педагогической, предметной сферах и возможности владеть средствами, которые обеспечивали организацию профильного самоопределения школьников: психологические, методические, информационные и педагогические. К психологическим средствам были отнесены: формирование и комплектование диагностического инструментария для психолого-педагогической диагностики школьников в процессе их профильного самоопределения (методика «Мотивы выбора профессии, тест Д. Голланда по определению типа личности, дифференциально-диагностический опросник Е. Климова, карта интересов Голомштока, методики Г. В. Резапкиной, Н. С. Пряжникова и другие). Проведение психолого-педагогической диагностики школьников с целью изучения индивидуальных психолого-физиологических особенностей, образовательных потребностей и профильных намерений и т. п. Методическими средствами являлись: нормативно-правовое обеспечение, регламентирующее организацию профильного самоопределения школьников, адаптация, апробация педагогами учебных программ, разработка курсов по выбору, обучение школьников методам работы с портфолио, проведение профильных проб и т. д. Информационными средствами считали: информационное сопровождение школьников, обеспечивающее их информационную осведомленность о перспективных направлениях развития регионального рынка труда, сферы профессионального образования и вариантах получения профильного обучения на классных часах, экскурсиях, школьных и городских сайтах, встречах со специалистами центра профессиональной ориентации молодежи и т. д. Педагогические средства были определены как создание педагогических сообществ, работа творческих групп учителей-предметников, взаимодействие, сотрудничество школьных, районных, городских методических объединений учителей-предметников (далее ШМО, РМО, ГМО учителей-предметников) по организации профильного самоопределения школьников и т. п. Конкретизировать содержание данных средств было необходимо, так как каждый педагог выполнял свои функциональные обязанности в процессе организации профильного самоопределения школьников и использовал те средства, которые способствовали решению поставленных перед ним задач. Например, таковыми средствами у классного руководителя были: разработка ИОТ школьника, индивидуальное консультирование школьников по проблеме выбора профиля обучения, мониторинг результатов профильного самоопределения школьников в классе, проведение родительских собраний по вопросам выбора школьниками профиля обучения и т. д.

Межпредметный координационный совет (далее МКС) был необходим для организации деятельности педагогов, осуществляющих фасилитационную деятельность по организации профильного самооп-

ределения школьников. МКС был сформирован из методистов образовательных областей МОУ ДПО «Научно-методический центр» г. Кемерово. Методисты осуществляли взаимодействие с руководителями ГМО, РМО, ШМО педагогов и непосредственно с учителями - фасилитаторами. На рисунке представлено взаимодействие МКС с субъектами воспитательно-образовательного процесса, осуществляющих фасилитационную деятельность по организации профильного самоопределения школьников в общеобразовательном учреждении.

Основные направления этого взаимодействия заключались в совместном составлении перспективного и ежегодного планов методической работы с педагогами, осуществляющих фасилитационную деятельность, утверждении тематики заседаний педагогических сообществ, ГМО, РМО, ШМО педагогов, изучении спроса педагогов на оказание помощи в проектировании деятельности, обобщении опыта учителей - фасилитаторов, определении активных форм работы с педагогами, планировании семинаров, практикумов, мастер-классов, конкурсов и т. д.

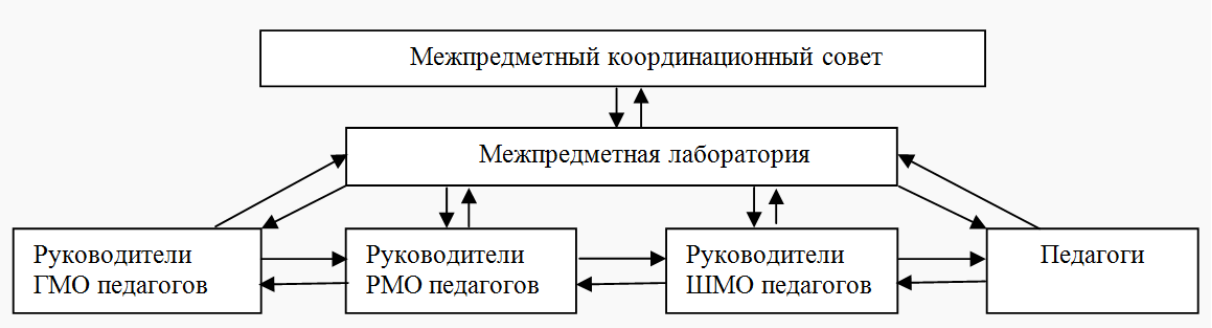


Рис. 1. Взаимодействие МКС и субъектов воспитательно-образовательного процесса, осуществляющих фасилитационную деятельность по организации профильного самоопределения школьников

Межпредметная лаборатория была организована на базе МОУ ДПО «НМЦ» г. Кемерово для реализации педагогами полученных теоретических знаний в практической деятельности и обеспечения возможности разрабатывать проекты фасилитационной деятельности на практике. Координация деятельности лаборатории осуществлялась методистами МКС и была направлена на самостоятельную разработку педагогами проектов фасилитационной деятельности: организация рефлексии в рамках проблемы, формулирование рабочей гипотезы, интерпретация полученных данных, поиск дополнительной информации.

На этапе проверки качества созданные проекты подвергались дальнейшей детализации, приближающей их к практическому применению в определенных условиях конкретными субъектами воспитательно-образовательного процесса, поэтому педагоги защищали свои проекты. Процедура защиты в интерактивной форме позволила нам оценить уровень проектирования педагогами фасилитационной деятельности и провести сравнительный анализ проектов по следующим аспектам: содержание, функции педагогов по организации профильного самоопределения школьников в ОУ, основные трудности педагогов при разработке проектов.

В результате сравнительного анализа проектов педагогов мы пришли к выводу о том, что заместители директоров по УВР точно определили цель фасилитационной деятельности «Обеспечение организации профильного самоопределения школьников в общеобразовательном учреждении». Педагоги четко представляли, какие результаты намерены получить при осуществлении фасилитационной деятельности по организации профильного самоопределения школьников. Тем не менее в проектах содержание деятельности заместителя директора по организации профильного самоопределения школьников представлено недостаточно, так как наблюдалось перечисление функциональных обязанностей педагогов. Выявлены трудности педагогов, связанные с конкретизацией задач проектирования, решение которых позволило достичь цель фасилитационной деятельности координацией взаимодействия субъектов воспитательно-образовательного процесса, ответственных за сопровождение профильного самоопределения школьников, проведением анализа и корректирования деятельности педагогического коллектива по организации профильного самоопределения школьников.

В проектах фасилитационной деятельности учителей-предметников содержание деятельности было направлено на обязательный учет профильных намерений школьников, предполагающий раскрытие важной роли межпредметной связи для понимания школьниками структуры профильного образования и самостоятельности выбора профиля обучения. Для этого учителя-предметники применяли модульную и блочную систематизацию содержания учебного материала по предмету, организовывали поисково-исследовательскую деятельность школьников, что позволяло укрепить интерес школьников к предмету. Разработка и ведение предметно-ориентированных, межпредметных и ориентационных курсов с учетом регионального рынка труда обеспечивала практическую направленность воспитательно-образовательного процесса школьников, которая побуждала к осознанности выбора профиля обучения самим школьником. Основные трудности учителей-предметников вызваны проблемами освоения и внедрения на уроках и во внеурочной деятельности личностно-ориентированных технологий: дифференциация и многоуровневая индивидуализация учебной деятельности школьников. В связи с

этим вывод школьников на позицию субъекта воспитательно-образовательного процесса являлся достаточно проблематичным.

Анализ проектов классных руководителей по содержанию и деятельности позволил сделать выводы о том, что педагоги в основном владели навыками научно-исследовательской деятельности, информированы о содержании и структуре предпрофильной подготовки. Также классные руководители вели мониторинг по изучению познавательных интересов и склонностей школьников, совместно с психологом организуют разработку и коррекцию со школьниками ИОТ. Для педагогов самыми трудными аспектами в проекте фасилитационной деятельности по организации профильного самоопределения школьников были координация урочной и внеурочной деятельности школьников, несогласованность действий классных руководителей в процессе проектирования и определение перспективных направлений работы в классе и отдельными школьниками.

Содержание фасилитационной деятельности социальных педагогов, представленное в проектах, направлено на формирование у школьников группы риска адекватной самооценки. Важно заметить, что педагогическое сопровождение школьников группы риска осуществлялось совместно с классными руководителями и учителями-предметниками. Таким образом, проекты социальных педагогов не нуждались в дальнейшей детализации для использования их в определенных условиях конкретными субъектами воспитательно-образовательного процесса.

В содержании проектов фасилитационной деятельности психологов были заложены условия, при которых старший школьник в зависимости от его возрастных особенностей и внутренних потребностей мог осмыслить свои предположения в деятельности, познать свои возможности и с учетом этого сделать осознанный, самостоятельный выбор профиля обучения. Также психологи осуществляли изучение профильных намерений и склонностей школьников совместно с классным руководителем и учителями-предметниками. В данной ситуации, представленные проекты психологов не нуждались в дальнейшей детализации.

По итогам защиты педагогами проектов фасилитационной деятельности по организации профильного самоопределения школьников методисты МКС рекомендовали заместителям директоров, учителям-предметникам и классным руководителям принимать участие в постоянно действующих и обучающих семинарах МОУ ДПО «Научно-методический центр» г. Кемерово. Также защиту проектов мы расценивали как механизм обратной связи с педагогами, осуществляющими фасилитационную деятельность для корректирования возможных отклонений от планируемых результатов организации профильного самоопределения школьников. Таким образом, была организована и проведена объективная экспертиза и оценка разработанных проектов. Дальнейшая проверка качества проектов предполагала их реализацию педагогами на базе общеобразовательных учреждений г. Кемерово.

Литература

1. Димухаметов, Р. С. Фасилитация в системе повышения квалификации педагогов: дис. … д-ра пед. наук / Р. С. Димухаметов. – Магнитогорск, 2006. – 150 с.

2. Дудина, М. Н. Педагогика: долгий путь к гуманистической этике / М. Н. Дудина. – Екатеринбург, 1998.

3. Монахов, В. М. Педагогическое проектирование – современный инструментарий дидактических исследований // Школьные технологии. – 2001. – № 5. – С. 13 – 16.

4. Роджерс, К. Свобода учиться / К. Роджерс, Д. Фрейберг. – М., 2002.

УДК 378.147

СИСТЕМА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ВУЗА К БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И. Г. Кондаурова, Т. Б. Игонина

SYSTEM OF PEDAGOGICAL ACTIVITY FOR THE PREPARATION OF HIGH SCHOOL STUDENTS TO FUTURE OF PROFESSIONAL ACTIVITIES

I. G. Kondaurova, T. B. Igonina

В статье рассматриваются условия подготовки студентов вуза к будущей профессиональной деятельности. Проведенный анализ психолого-педагогической литературы позволил автору выделить компоненты, определить этапы, разработать критерии и показатели системы педагогической деятельности по подготовке студентов вуза к будущей профессиональной деятельности. Констатирующий эксперимент позволил выделить группы студентов с различными уровнями сформированности готовности к будущей профессиональной деятельности, с которыми в дальнейшей экспериментальной работе апробирована педагогическая модель подготовки студентов вуза к будущей профессиональной деятельности. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что подготовка студентов вуза к будущей профессиональной деятельности – управляемый процесс.

In the article the conditions for the preparation of high school students for future professional activities. The analysis of psychological and educational literature allowed the author to select components, determine the steps to develop criteria and indicators of educational activities to prepare university students for future professional activities. Ascertaining the experiment allowed to identify groups of students with different levels of formation of preparedness for future professional activities, which further experimental work tested pedagogical model the preparation

of high school students for future professional activities. The results obtained suggest that the preparation of high school students for future professional activities controlled process.

Ключевые слова: система педагогической деятельности, студенты вуза, подготовка к будущей профессиональной деятельности, формирование готовности.

Keywords: system of educational activities, students of high school, preparing for future careers, the formation of preparedness.

С конца 90-х годов прошлого столетия значительно изменились технологии производства, условия и формы труда. Внедрение новых информационных технологий, гибких автоматизированных систем управления в производство повышает требования работодателей к уровню подготовки современных специалистов. Именно экономические преобразования в стране потребовали коренных изменений и в агропромышленном комплексе. Они связаны прежде всего с изменением структуры сельскохозяйственного производства, ростом межотраслевых связей в производственно-экономи-ческой сфере. В новых условиях требуется обеспечить студентов знаниями о будущей профессиональной деятельности, обеспечивающими наиболее полное и адекватное отражение специфических условий местных сельскохозяйственных предприятий, подготовить их к выполнению функциональных обязанностей. В связи с этим сельскохозяйственные вузы поставлены перед необходимостью выработки стратегии точного, динамичного отклика на социально-экономические потребности территорий.

Поэтому одной из задач, решаемых вузом, является создание системы педагогической деятельности в вузе, обеспечивающей качественную подготовку студентов к будущей профессиональной деятельности.

Государственный образовательный стандарт профессионального образования предъявляет ряд требований к уровню подготовки специалистов, в том числе:

– понимания сущности и социальной значимости своей будущей профессии, обладания чувством профессиональной ответственности за результаты своего труда;

– готовности решать поставленные задачи, требующие анализа ситуации и выбора решений, умения использовать инновационные технологии;

– готовности к повышению квалификации, самостоятельному овладению дополнительными знаниями в области профессиональной деятельности;

– высокого уровня активности и самостоятельности специалистов, готовности к взаимодействию с другими людьми и др.

Эти профессиональные качества сегодня являются критерием профессионализма специалистов и отражают требования работодателей.

Анализ справочной и психолого-педагогической литературы по проблеме исследования позволяет рассматривать готовность студентов к будущей профессиональной деятельности как:

– совокупность знаний, умений и навыков, способов деятельности;

– систему профессионально значимых качеств личности;

– установку на будущую деятельность, принятие ее и стремление к профессиональному самосовершенствованию.

В процессе подготовки студентов вуза к будущей профессиональной деятельности формируется и готовность к эффективному взаимодействию с коллегами, сотрудниками и окружающими, развиваются организаторские и коммуникативные способности личности, а также положительное отношение к своей будущей профессии.

Проведенный анализ источников позволил нам выделить: мотивационный, познавательный, операционно-деятельностный, рефлексивный компоненты готовности студентов вуза к будущей профессиональной деятельности. Таким образом, подготовку студентов вуза к будущей профессиональной деятельности мы понимаем как целенаправленный, поэтапный педагогический процесс, в результате которого студенты овладевают комплексом профессиональных знаний, умений и навыков, развивают мотивационные установки профессиональной деятельности, положительное отношение к будущей профессиональной деятельности, а также профессионально значимые личностные качества, позволяющие специалисту выполнять профессиональные задачи.

В ходе исследования мы исходили из предположения о том, что данный процесс будет результативным, если осуществляется в педагогической системе. Под системой педагогической деятельности по подготовке студентов вуза к будущей профессиональной деятельности мы понимаем целостное единство взаимосвязанных процессов, методов и средств, необходимых для создания организованного, целенаправленного педагогического влияния на подготовку студентов вуза к будущей профессиональной деятельности, при котором используется воздействие целостного единства всех факторов, способствующих достижению поставленных целей развития личности студентов.

На основании изученной педагогической литературы мы сделали вывод, что система педагогической деятельности по подготовке студентов вуза к будущей профессиональной деятельности включает следующие взаимосвязанные компоненты: целевой, содержательный, процессуальный и результативный. Целевой компонент определяет многообразие целей и задач педагогической системы. Содержательный компонент отражает смысл, вкладываемый как в цель, так и в конкретную задачу. Процессуальный компонент позволяет определить механизм взаимодействия преподавателей и студентов, организацию и управление процессом подготовки студентов вуза к будущей профессиональной деятельности. Результативный компонент позволяет оце-

нить эффективность и внести коррективы в организацию педагогического процесса в соответствии с поставленной целью; стремление к осознанному и самостоятельному построению, корректировке и реализации студентами перспектив своего профессионального развития; рефлексией сформированности профессионально значимых качеств, востребованных в будущей профессиональной деятельности в процессе прохождения ими учебных практик.

В связи с поиском наиболее оптимальных путей подготовки студентов вуза к будущей профессиональной деятельности изучение факторов, влияющих на данный процесс, имело особое значение для нашего исследования.

Для конкретизации факторов, влияющих на подготовку студентов вуза к будущей профессиональной деятельности, нами было проведено изучение мнений студентов и преподавателей Кемеровского государственного сельскохозяйственного института (КемГСХИ). Чтобы получить объективные данные, мы изучили мнение 78 преподавателей естественнонаучных, гуманитарных и специальных дисциплин, мнение 182 студентов III курса и 156 студентов V курса различных факультетов КемГСХИ. На вопрос о факторах, влияющих на подготовку студентов вуза к будущей профессиональной деятельности, мнения студентов различных курсов и преподавателей разошлись.

Сравнительный анализ доказал, что влияние внутренних факторов на подготовку студентов вуза к будущей профессиональной деятельности увеличивается от курса к курсу. К группе внутренних факторов мы относим психологические факторы, которые зависят от развития личности. Если на III курсе фактор «интерес к профессии» отметили 59,3 % студентов, то на V курсе его выделили 84 % опрошенных студентов как определяющий фактор. Фактор «желание самосовершенствования» назвали 53,8 % студентов III курса и 76,3 % – V курса. Фактор «интерес к предмету» значим для 56,6 % опрошенных респондентов III курса и 30,8 % – на V курсе. Данный фактор имеет важное значение для студентов III курса, в то время как для студентов V курса более значимым становится внешний фактор «возможность трудоустройства». Его выделили 62,2 % опрошенных респондентов.

К группе внешних факторов мы относим условия, в которых протекает деятельность. Группа внешних факторов объединяет социально-экономические факторы, которые зависят от условий социально-экономического развития общества (конкурентоспособность специалистов на рынке труда и спрос на данных специалистов, возможность трудоустройства и продвижения по службе, престижность профессии в обществе) и организационно-педагогические факторы, которые зависят от организации воспитательно-образовательного процесса вуза и проявляются в нем.

Влияние внешних факторов также увеличивается от курса к курсу. Так, фактор «конкурентоспособность» выделили 30,2 % студентов III курса, а на V курсе – 65,4 % респондентов как один из значимых факторов, влияющих на подготовку студентов вуза к будущей профессиональной деятельности, а также при дальнейшем трудоустройстве на работу. Фактор «участие в учебных и производственных практиках» на III курсе отметили 24,2 %, а на V курсе – 63,5 % респондентов, поскольку в процессе практики приобретаются определенные умения и навыки будущей профессиональной деятельности, формируются профессионально значимые качества личности. Фактор «возможность трудоустройства» выделили – 28 % и 62,2 % соответственно опрошенных респондентов. Большое значение, по мнению студентов, имеет фактор «организация учебного процесса в вузе» – 47,8 % студентов III курса и 60,2 % студентов V курса от числа опрошенных респондентов.

Анализ полученных данных позволяет утверждать, что среди факторов, влияющих на подготовку студентов вуза к будущей профессиональной деятельности, преподаватели КемГСХИ, в первую очередь, выдели группу организационно-педагогических факторов (97,4 % опрошенных преподавателей), поскольку в процессе овладения профессиональными знаниями, умениями и навыками, студенты узнают о специфике будущей профессиональной деятельности. В воспитательно-образовательном процессе формируется и интерес к предмету, и интерес к научно-исследовательской деятельности, и интерес к профессии. Среди внешних факторов, по мнению опрошенных преподавателей, на подготовку студентов вуза к будущей профессиональной деятельности оказывают влияние следующие: «конкурентоспособность» – 78,2 % респондентов, «возможность трудоустройства» – 75,6 % и «участие в учебных и производственных практиках» – 74,3 % респондентов от числа опрошенных преподавателей.

Приоритетные позиции среди внутренних факторов, влияющих на подготовку студентов вуза к будущей профессиональной деятельности, по мнению преподавателей КемГСХИ, занимают: «интерес к профессии» – 91 %, «интерес к предмету» – 85,9 % и «желание самосовершенствования» – 82 % респондентов от общего числа опрошенных.

Сопоставляя мнения студентов и преподавателей о факторах, влияющих на подготовку студентов вуза к будущей профессиональной деятельности, мы пришли к выводу, что определяющее значение имеет группа психологических факторов. Однако они определяются группой организационно-педагогических факторов, что позволяет управлять процессом подготовки студентов вуза к будущей профессиональной деятельности. Дальнейшую исследовательскую работу мы выстраивали с учетом выделенных факторов. С этой целью мы разработали педагогическую модель подготовки студентов вуза к будущей профессиональной деятельности, которую внедрили в воспитательно-образовательный процесс КемГСХИ в ходе экспериментальной работы.

Созданная нами система педагогической деятельности по подготовке студентов вуза к будущей профессиональной деятельности позволяла уже с

первых курсов организовать погружение студентов в контекст предстоящей профессиональной деятельности. Для этого в содержание обучения мы включали задания, показывающие связь с будущей профессиональной деятельностью.

Реализация содержания деятельности в аудиторной, внеаудиторной и научно-исследовательской работе оказывала положительное влияние и развивала профессионально-познавательную мотивацию (мотивационный компонент), стимулировала самостоятельную познавательную деятельность студентов (познавательный компонент), активизировала деятельность студентов при овладении профессиональными умениями и навыками (операционно-деятельностный компонент), развивала умения анализа и проявление волевых усилий в овладении профессией (рефлексивный компонент).

В процессе подготовки студентов вуза к будущей профессиональной деятельности мы использовали индивидуально-дифференцированный подход в процессе обучения, применяли практико-ориентированные задания при изучении фундаментальных, общепрофессиональных и специальных дисциплин, создавали профессионально-проблемные ситуации в учебном процессе. Такая организация работы позволила нам достичь взаимодействия всех субъектов в аудиторной, научно-исследовательской и воспитательной работе.

В результате проведенного исследования мы установили, что новый учебный материал усваивается студентами значительно легче, если он сопровождается достаточно большим числом иллюстрирующих его примеров. Результаты проведенного опроса студентов различных курсов обучения и факультетов позволяют констатировать, что практическая значимость является одним из факторов, влияющих на формирование положительной мотивации обучения, и определяет значимость учебной информации. Данный фактор отметили 47 % от числа опрошенных студентов. А использование индивидуально-дифференцированного подхода и применение практико-ориентированных заданий в процессе обучения позволяли создавать ситуацию успеха, в которой студенты не только овладевали знаниями, но и выступали организаторами совместной деятельности, консультантами. Это способствовало формированию их профессиональной направленности.

Понимая, что подготовка студентов вуза к будущей профессиональной деятельности не может протекать одинаково для всех студентов, мы определили критерии сформированности готовности студентов к будущей профессиональной деятельности: познавательный, мотивационный, операционно-деятельностный и рефлексивный критерии. Для каждого критерия мы определили показатели, исходя из содержания компонентов готовности студентов к будущей профессиональной деятельности. Тем самым мы объединили студентов, участвующих в экспериментальной работе, на три группы, в соответствии с уровнем их сформированности готовности к будущей профессиональной деятельности: высокий, средний и низкий.

В ходе экспериментальной работы мы учитывали особенности каждой из выделенных групп. Так, индивидуальные и учебные практико-ориентированные задания разрабатывались нами для каждой группы студентов с разным уровнем сформированности готовности к будущей профессиональной деятельности. Подбор индивидуальных заданий осуществлялся таким образом, чтобы каждому студенту выполнение задания было посильным.

Например, для группы с низким уровнем сформированности готовности к будущей профессиональной деятельности мы составляли задания, при выполнении которых освоение знаний начиналось с репродуктивного вида деятельности и приобретало все большую самостоятельность выполнения, обеспечивая продуктивную учебную деятельность студентов. Все задачи для данной группы соответствовали решению типовых задач. Для группы студентов со средним уровнем сформированности их готовности к будущей профессиональной деятельности подбор заданий осуществлялся с учетом того, чтобы студенты не только использовали имеющиеся знания, но и самостоятельно приобретали необходимую информацию, искали другие области применения уже освоенных ими знаний. Для группы студентов с высоким уровнем сформированности готовности к будущей профессиональной деятельности задания содержали элементы творческой деятельности.

Содержание заданий для всех групп студентов было связано с формированием умений и потребностей студентов самостоятельно приобретать профессиональные и специальные знания, которые способствовали развитию стремления к самообразованию, научной деятельности. Тем самым каждая из выделенных групп студентов имела возможность достичь успеха при выполнении индивидуальных заданий.

Научно-исследовательская работа студентов включала учебно-исследовательскую и научно-исследовательскую деятельность студентов, участие в студенческих научных объединениях, участие в научно-практических конференциях.

В процессе экспериментальной работы мы стремились, чтобы наряду с приобретением знаний, умений и навыков, позволяющих специалисту осуществлять свою профессиональную деятельность на уровне современных требований науки и техники, студенты приобретали умения видеть производственные задачи, применять различные методы для их решения в профессиональной деятельности, выдвигая идеи и предположения, обосновывая свою точку зрения.

Для этого нами совместно с ведущими преподавателями вуза была разработана тематика деловых и ролевых игр по отдельным дисциплинам. Тематика занятий с использованием деловых и ролевых игр учитывает: содержание предстоящей профессиональной деятельности; имитацию среды будущей профессиональной деятельности, создающей условия для раскрытия творческих способностей и формирования профессионально значимых качеств лич-

ности; психологическую комфортность, обеспечивающую положительное отношение к занятиям и стимулирующую творческую деятельность студентов; смысловую взаимосвязь дисциплины с будущей профессиональной деятельностью, а также достижение планируемого результата.

Овладение студентами методами и формами научного мышления в процессе обучения способствовало не только глубокому усвоению ими знаний, но и формированию таких профессионально значимых качеств личности, как вдумчивость, самостоятельность, инициативность, а также более качественной подготовке студентов вуза к предстоящей профессиональной деятельности.

В процессе обучения студенты осознавали необходимость последующего непрерывного самообразования, самостоятельного формирования определенной теоретической базы, умений анализировать и обобщать изучаемые явления, факты, информацию, творчески подходить к использованию знаний.

Одним из аспектов внеаудиторной деятельности является воспитательная работа. Важную роль в подготовке студентов вуза к будущей профессиональной деятельности, на наш взгляд, играют студенческие отряды как одна из форм приобретения студентами опыта общественной работы, способствующая развитию организаторских и коммуникативных способностей. Участие в деятельности сельскохозяйственных студенческих отрядов, студенческого отряда по рекультивации земель, педагогического студенческого отряда, волонтерского движения позволяло студентам пройти ряд профессиональных проб непосредственно на рабочих местах, а также способствовало развитию профессионально значимых качеств.

В процессе проведения экспериментальной работы в Кемеровском государственном сельскохозяйственном институте начали действовать несколько студенческих отрядов по различным направлениям: сельскохозяйственные студенческие отряды, отряд по рекультивации и восстановлению отработанных земель «Росток», педагогический студенческий отряд, который осуществляет профориентационную работу со школьниками в сельских образовательных учреждениях, направленную на выбор профессий сельскохозяйственного производства.

Все элементы самостоятельного труда в сельскохозяйственных студенческих отрядах позволяли студентам закрепить теоретические знания, накапливать собственный опыт сельскохозяйственного труда, сориентированный на окружающую действительность, а это, безусловно, одно из важнейших педагогических условий подготовки студентов вуза к будущей профессиональной деятельности в сфере сельскохозяйственного производства. Работа в сельскохозяйственных студенческих отрядах позволяла не только приобрести практические навыки сельскохозяйственного труда, но и изучать передовые аграрные технологии. Сами студенты отмечали важность своевременного знакомства с прогрессивными технологиями, проявляли интерес к их освоению для того, чтобы быть готовыми применять их в будущей профессиональной деятельности.

Члены студенческого отряда по рекультивации «Росток» проводили работы по восстановлению нарушенных земель в различных районах Кемеровской области и выявляли проблемы, в результате которых происходит разрушение земель, а также решали вопросы, связанные с заделкой саженцев деревьев в почвы с повышенным содержанием камней.

Участие в работе студенческих отрядов давало возможность студентам постоянного совершенствования, самостоятельности и активности, позволяло приобрести большой практический опыт работы в конкретных условиях производства, способствовало формированию готовности студентов вуза к будущей профессиональной деятельности и развивало личностные и профессионально значимые качества.

Следовательно, включение студентов в разнообразную социально значимую деятельность способствует подготовке студентов вуза к профессиональной деятельности, развитию творческой активности, организаторских способностей, инициативности, самостоятельности, ответственности. Об этом свидетельствуют данные динамики сформированности готовности студентов вуза к будущей профессиональной деятельности. Так, на начало экспериментальной работы студенты с различными уровнями сформированности готовности к профессиональной деятельности были распределены следующим образом: 42 % студентов составляли группу с низким уровнем, 35 % студентов – со средним уровнем и 23 % студентов – с высоким уровнем сформированности готовности к будущей профессиональной деятельности. На конец экспериментальной работы, как показали полученные данные, количество студентов группы с низким уровнем сформированности готовности к будущей профессиональной деятельности уменьшилось на 30 % и составило 12 % студентов, группы среднего уровня – увеличилось на 1 %, что составило 36 % студентов. Наибольшая динамика проявилась в группе с высоким уровнем сформированности готовности к будущей профессиональной деятельности. Их количество увеличилось на 29 % и составило 52 % от числа студентов, участвовавших в эксперименте.

Полученные результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о том, что подготовка студентов вуза к будущей профессиональной деятельности является поэтапным и педагогически управляемым процессом. А создание системы педагогической деятельности по подготовке студентов к будущей профессиональной деятельности позволяет этот процесс сделать результативнее, о чем свидетельствуют данные трудоустройства выпускников на рабочие места, участвовавших в экспериментальной работе.

Анализируя полученные данные, мы отметили, что в сфере сельскохозяйственного производства трудоустроились 53,57 % выпускников. Анализ трудоустройства выпускников показал, что в основном

выпускники трудоустраиваются на предприятия малого и среднего бизнеса.

Таким образом, экспериментальная работа доказала, что сочетание аудиторной и внеаудиторной деятельности с практической реализацией профессиональных знаний, умений и навыков стало залогом развития деловитости, коммуникативности, экономического мышления. А использование индивидуально-дифференцированного подхода в системе педагогической деятельности по подготовке студентов вуза к будущей профессиональной деятельности способствовало развитию профессионально-познавательной мотивации, стремлению студентов развивать профессионально значимые качества в соответствии с требованиями будущей профессии, оценивать собственную конкурентоспособность на рынке труда.

УДК 377. 44.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ, ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ И ПЕРЕПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ

В. В. Патрина

THE ORGANIZATION OF PREPARATION, IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL SKILL AND RETRAININGS OF PERSONNEL FOR MANUFACTURE IN SYSTEM OF CONTINUOUS FORMATION OF ADULTS

V. V. Patrina

В статье рассмотрены некоторые пути обеспечения рабочих профессиональной переподготовкой в условиях кризиса. Автором представлены формы организации подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров для производства в системе непрерывного образования взрослых.

In clause some ways of maintenance of workers by professional retraining in conditions of crisis are considered. The author presents forms of the organization of preparation, improvement of professional skill and retraining of personnel for manufacture in system of continuous formation of adults.

Ключевые слова: подготовка кадров, переподготовка кадров для производства, непрерывное обучение, наставничество.

Keywords: a professional training, Retraining of personnel for manufacture, Continuous training, Preceptorship.

Расширение задач, стоящих перед современными руководителями, значительное изменение требований, предъявляемых к личности мастеров, бригадиров, их работе, образованию привело к необходимости организации подготовки и повышения квалификации руководителей низшего звена.

Не секрет, что управление системой повышения квалификации и переподготовкой кадров для производства обладает некоторыми недостатками. Причинами такого положения можно назвать следующие:

– на общем фоне неуклонного роста численности высших заведений государственных и негосударственных и их филиалов, численность прошедших повышение квалификации и переподготовку неуклонно сокращается;

– разрушение общей системы повышения квалификации, которая была в СССР, не способствовало созданию альтернативной системы, способной заменить прежнюю;

– разрушительные последствия вхождения в рыночные отношения вызвали не только остановку большинства предприятий, обвальный спад производств, но и разрушение действующих внутризаводских систем повышения квалификации;

– как показывает реальное развитие событий, на предприятиях крупных, средних и коммерческих структур совсем отказались от системы самообразования, которая диктуется самой жизнью в части предпринимательства в целом;

– сегодня является заблуждением утверждение о том, что развитие рыночных отношений не может осуществляться на плановой основе, что руководство предприятия не должно иметь плана повышения квалификации;

– сдерживающим моментом в развитии систем повышения квалификации является отсутствие мотивации, что снижает заинтересованность работников в повышении своей квалификации;

– отсутствие механизма управления планирования и прогнозирования системы квалификации выдвигает проблему оценки потребности переподготовки и повышения квалификации специалистов для предприятий;

– ключевой является проблема, связанная с затратами на повышение квалификации.

Таким образом, возникает вопрос об управлении персоналом как процессе планирования, подбора, подготовки, оценки и непрерывного образования кадров с целью их рационального использования, повышения эффективности профессиональной деятельности. Нас также интересуют вопросы подбора кадров как одной из форм взаимовыгодного сотрудничества с работодателями, вопросы рационального использования кадрового потенциала.

В мировой практике существует и эффективно развивается непрерывное образование взрослых. Возникновение непрерывного обучения было обусловлено недостаточной профессиональной подготовкой школьников, большим удельным весом молодёжи в отраслях третичного сектора (сектора ус-

луг), а также недостатками производственного ученичества, дающее ученикам на производстве в основном узкоутилитарную профессиональную подготовку.

Сегодня задачами непрерывного образования являются: обеспечение рабочим профессиональной переподготовки в условиях кризиса; предоставление всем обучающимся равных возможностей в области профессионального обучения; преобразование профессионального обучения в систему непрерывного обучения.

В целях успешного функционирования непрерывного обучения на всех уровнях – республиканском, региональном, областном – целесообразно создавать консультативные институты, в функции которых входило бы распространение непрерывного обучения. В их распоряжение должны быть предоставлены значительные финансовые средства, поступавшие как от государства, так и от частных предпринимателей. Предприятия, на которых в фонд профессионального обучения отчислялись бы значительные средства, должны были бы выполнять полностью обязательства, закреплённые договорами между предприятиями или предпринимателями и профсоюзами. Профессиональное обучение должно носить систематический характер и не отождествляться с профессиональным обучением молодёжи, дающим ученикам на производстве в основном узкоутилитарную профессиональную подготовку. В обязанности консультативных институтов входят подготовка дипломированных мастеров, организация и проведение курсов для работников различных отраслей, организованные на местах по требованию отдельных промышленных предприятий. Контингент обучающихся на курсах должен включать различные категории рабочих: высококвалифицированные рабочие; квалифицированные рабочие, выполняющие функции руководителей; мастера, желающие получить диплом и повысить свою квалификацию.

Подготовка мастеров может осуществляться не только на специальных курсах, но и на самих предприятиях, в специальных центрах или школах. Можно использовать французский опыт подготовки мастеров. Во Франции имеется большое число высших учебных заведений, осуществляющих обучение и повышение квалификации различных категорий персонала, так называемый «рынок обучения». Рынок обучения представлен государственными организациями, находящимися в ведении Министерства национального образования, Министерства труда; частные учебные центры, смешанные организации, находящиеся в ведении промышленных и торговых палат, таких как «Ассоциация по обучению», «Фонд обеспечения обучения» и другие. Большинство этих учебных центров сконцентрировано в Париже и парижском районе. Степень специализации различных высших организаций не является однородной. Их можно разделить на две группы: учебные центры с многопредметным профилем (их программы учитывают все аспекты жизни предприятия) и центры, специализирующиеся на подготовку в одной или нескольких отраслях. К этой группе относятся крупные организации с бюджетом более 2 миллионов франков. Следует отметить, что внутри рынка идёт острая конкурентная борьба за завоевание клиентуры.

Заметим, что большинство крупных фирм при проведении обучения обращаются в частные центры, хорошо себя зарекомендовавшие. Государственные учебные центры рассматриваются с определённой осторожностью из-за боязни встретить здесь повторение ошибок, свойственных системе образования. Мелкие и средние предприятия для проведения отдельных учебных мероприятий обращаются в мелкие учебные центры.

Широкое распространение за рубежом получила система непрерывного образования, осуществляющая повышение квалификации непосредственно на самих предприятиях. Эта система ставит своей целью углубить и расширить знания по специальности, обучить умениям и нужным навыкам по профессии. Положительным аспектом распространения непрерывного обучения на предприятиях следует считать факт доступности повышения квалификации категориям работников всех звеньев, включая как квалифицированных так и неквалифицированных рабочих.

Непрерывное обучение должно получить распространение не только на крупных, но и на мелких и средних предприятиях и рассматриваться администрацией как одно из основных направлений развития предприятий.

Неотъемлемой частью непрерывного образования в США рассматривается подготовка кадров. Американский педагог Н. Цетрон [112, с. 3 – 6] отмечает, что стране требуется более совершенная система профессионального образования. Так как следующее поколение, по подсчетам ученых, на протяжении жизни будет в среднем 5 раз полностью менять профиль работы, а это, естественно, потребует постоянной переподготовки, Н. Цетрон сформулировал ряд требований, удовлетворение которых позволит повысить качество образования взрослых:

1) Обеспечить гибкость курсов с учетом потребностей отдельных обучающихся, использовать индивидуальные учебные программы.

2) Привлекать преподавателей-почасовиков из промышленности, бизнеса.

3) Осуществить интеграцию бизнеса и промышленности с государственной системой образования. Фирмы, предприятия должны повышать квалификацию своих сотрудников. Для этого необходимо заключить договоры на обучение с образовательными учреждениями. Для обучающихся – это возможность получить практический опыт, необходимый для эффективного вхождения в профессию.

Осуществление подобных требований может сделать более эффективным процесс обучения и профессиональной подготовки и в нашей системе образования. Необходимы меры, которые позволят избежать характерную для традиционной системы образования обособленность академической подготовки от практической, осуществить практическую

направленность обучения на основе интеграции высших образовательных учреждений с предприятиями, что послужит базой для приобретения практических навыков.

Обратимся к опыту обучения наставников, существовавшему в нашей стране. Существовали разнообразные формы обучения наставников: семинары и школы наставничества, факультеты наставничества непосредственно на предприятиях, районные и городские школы, а также университеты наставников, обучение наставников при отраслевых учебных комбинатах.

Одной из характерных ошибок в организации обучения являлось стремление охватить как можно большее число наставников, зачастую без учёта их общеобразовательного уровня и специфики конкретных профессий.

Большая часть наставников, прошедших такую форму обучения, не использовали полученные знания на практике, так как изучение теории не опиралось на конкретный образовательный уровень, трудовой опыт наставников.

Наиболее действенной формой повышения квалификации наставников являлось их обучение при отраслевых учебных комбинатах, также в районных и городских школах, где была организована дифференцированная подготовка наставников с отрывом от производства. Однако эта форма повышения квалификации не смогла заменить все другие формы и полностью удовлетворить растущие потребности производства в наставниках, получивших специальную психолого-педагогическую подготовку. Поэтому возникла необходимость использовать обучение наставников непосредственно на предприятиях, внеся в его организацию соответствующие коррективы.

Школы наставников на предприятиях можно считать начальной формой обучения. Ею были охвачены наставники, вступающие в эту сферу деятельности, и те, кто не проходил организованного обучения. Если предприятия по тем или иным причинам не имели возможности обучать наставников, начальное обучение брали на себя районные и городские школы наставников, а также аналогичные школы при учебных комбинатах. Эти школы проводили одновременно и второй этап обучения по углубленной и целенаправленной программе.

По нашему мнению, одним из путей обеспечения профессиональной переподготовки и профессионального обучения является организация непрерывного обучения на предприятиях. Положительным аспектом распространения непрерывного обучения на предприятиях следует считать факт доступности повышения квалификации для всех социально-профессиональных категорий. В целях успешного функционирования непрерывного обучения на всех уровнях (союзном, региональном) целесообразно создание консультативных институтов, в функции которых должно входить распространение непрерывного обучения с предоставлением в их распоряжение значительных средств, поступавших как от государства, так и от частных предпринимателей, закреплённых договорами. Отметим, что для развития непрерывного обучения на предприятиях следует поощрять работников: после окончания курса обеспечивать рабочим продвижение по служебной лестнице, повышать разряд, увеличивать заработную плату, улучшать условиях труда.

В контексте гуманистической образовательно-воспитательной парадигмы мы сконструировали структурно-функциональную модель содержания педагогического просвещения наставников.

Данная модель представляет собой единство основных структурных блоков: содержательного; мотивационного, блока способов, знаний и умений, организационно - деятельностного и диагностического. Каждый блок представляет структурное единство компонентов:

– Содержательный блок включает теоретические и практические основы наставнической деятельности (непрерывного обучения).

– Мотивационный блок обеспечивает поэтапное развитие мотивации в соответствующих педагогических условиях.

– Блок способов, знаний и умений нацелен на личностные изменения и включает способы работы наставника и воспитанника.

– Организационно-деятельностный блок обеспечивает развитие через индивидуальные и групповые формы деятельности; консультации; практическую деятельность; презентации (игры, тренинги...).

– Диагностический блок предусматривает анализ результатов тестирования, наблюдений, бесед, анкетирования и т. п.

На основании сконструированной структурно-функциональной модели содержания педагогического просвещения наставников мы предлагаем технологию инновационного обучения наставников.

Предлагаемая технология представляет собой инновационную многоступенчатую образовательно-воспитательную программу, которая существенно дополняет известные педагогические приёмы и обеспечивает индивидуализацию, становление новых способов и форм организации педагогического просвещения наставников. Это программа, части которой взаимосвязаны и представляют определённую систему познавательного развития учащихся. Иерархическая подчинённость блоков не является строго вертикальной, все деятельностные уровни переплетены, на каждом в большей или меньшей степени обнаруживаются содержательные элементы предшествующих или последующих технологических ступеней. Отметим, что технология в целом представляет собой совокупность последовательных операций, последовательность и постепенность способов подразумевает их достаточное усвоение, тем самым является залогом успешной реализации технологической цепочки.

Мы считаем, что для успешного осуществления педагогического просвещения наставников недостаточно только разработать программу, организовать систематическое поэтапное обучение. Успех во многом будет зависеть от выбора форм работы, методики проведения лекций, практических занятий.

С целью усовершенствования психолого-педагогической подготовки наставников из руководителей низшего, среднего звена и наставников нами была продумана и разработана программа обучения, осуществляющая дифференцированный подход к уровню образования каждого, в рамках непрерывного обучения. Отметим, что задачей непрерывного образования является обеспечение рабочим-наставникам профессиональной подготовки. Программа включает осуществление обучения по двум потокам: для наставников из руководителей, имеющих высшее, среднее профессиональное и начальное профессиональное образование. Учебные планы предусматривают научно-обоснованное сочетание профессиональной и психолого-педагогической подготовки. В них уделяется должное внимание методике производственного обучения, разнообразным формам организации, обеспечивающим слияние воедино методики обучения профессиональному мастерству с методикой воспитания, позволяющим наставнику обучаться тому, как наиболее рационально передать своему воспитаннику технические знания, профессиональные навыки и умения.

Программа включает разнообразные формы, методы и средства обучения наставников и руководителей среднего и высшего звеньев.

В связи с тем, что обучение наставников осуществляется без отрыва от производства, преподнесение знаний в форме лекций не будет способствовать прочному усвоению полученной информации. Поэтому курс обучения не ограничивается проведением лекционных занятий, а включает и семинарскую работу. Мы считаем, что при обучении наставников важно использовать методы эмоционального воздействия на личность, пробуждающие стремление к самостоятельному поиску знаний, такие как дискуссия, проблемная постановка вопроса, коллективное обсуждение сложных ситуаций, связанных с обучением и воспитанием молодёжи, самостоятельное выполнение заданий с учётом интересов наставников.

Нами была продумана и разработана программа "вертикальных» семинаров, в ходе которых обсуждались темы, затрагивающие выполняемую работу, проблемы эффективности производства, межличностные отношения между руководителями и рабочими, установление деловых и личных контактов наставников с подопечными. Работа семинара осуществлялась в несколько этапов:

1 этап включает знакомство участников друг с другом;

2 этап включает изучение темы.

Для изучения темы участники разбиваются на 2 – 3 подгруппы, которые руководитель объединяет или разъединяет в зависимости от темы и иерархического уровня. Изучением иерархических связей занимаются две подгруппы: в одной находятся работники, выполняющие функции руководства, начальников цехов; другая состоит из наставников из числа рабочих. Каждой подгруппе задаются аналогичные вопросы, касающиеся пожеланий по установлению контактов с воспитанниками, служащими, руководителями. Каждая группа записывает свои соображения и пожелания на большом листе бумаги, после чего другой группе предлагается отгадать ответ другой подгруппы. Полученные результаты свидетельствовали о том, что наставники нуждаются в советах или консультациях руководства, но предпочитают иметь возможность принимать участие в принимаемых решениях. Начальники производств, начальники цехов со своей стороны хотят, чтобы наставники были более инициативны.

Таким образом, «вертикальные» семинары являются одним из средств улучшения контактов на предприятии между дирекцией, руководством, наставниками, рабочими.

Участие в «вертикальных» семинарах позволяет участникам изучать конкретные ситуации, обмениваться мнениями. В ходе обсуждения наставники из числа начальников цехов, мастеров и рабочих имеют возможность правильно оценить существующее положение дел на предприятии, а также проследить за поведением и реакцией молодых рабочих.

Опыт проведения «вертикальных» семинаров позволяет утверждать, что семинары способствуют улучшению взаимопонимания между руководителями всех звеньев и исполнителями, отношения между наставниками и молодыми рабочими становятся более открытыми, возникающие проблемы решаются быстрее, исчезает почва для внезапно возникающих конфликтов. Семинары дают возможность участникам высказывать своё мнение, совместно обсуждать возникающие проблемы, общими усилиями преодолевать возникающие трудности, уважительно относиться к высказываниям других независимо от служебного положения.

С целью совершенствования знаний, умений и навыков наставников-мастеров, вытекающая из изменения содержания труда, нами разработана игра, позволяющая проектировать своё поведение в сложных ситуациях.

При разработке игры сначала были определены цели обучения, а затем был проведён анализ ситуации, в основу которого положена задача по реорганизации производства, разработанная модель была апробирована, после чего был создан прототип игры. Исходным материалом для проведения игры является анализ документации, отражающей вопросы организации труда, методы труда, работа мастеров и наставников по обучению молодых рабочих в цехах, численный состав и категории персонала, а также распоряжения директора и начальников производств и служебные записки.

Основная задача, стоящая перед каждой подгруппой обучающихся, заключается в разработке проектов организации и осуществлении наставнической деятельности. В ходе игры обучающиеся сталкиваются с необходимостью обсуждения возникающих трудностей. В их распоряжение предоставляется картотека с личным делами молодых рабочих, психолого-педагогическими характеристиками на личность каждого воспитанника, данными анкетирования, характеризующими степень удовлетворённости трудом молодыми рабочими, данные об их

отношении к профессии и т. д., если возникает потребность в привлечении дополнительной информации о различных формах и методах работы с подопечными. Изучая и анализируя полученные данные, обучающиеся учатся находить индивидуальный подход к молодым рабочим. Ведущая роль в проведении игры принадлежит наставнику, который должен выполнять функции организатора обучения и руководителя моделируемой деятельности. Он направляет работу групп, которые по ходу развития предложенной модели разрабатывают свои решения. В ходе игры организатор предлагает участникам различных профессиональных категорий разработать предложения о новых формах и методах наставнической деятельности, позволяющие устранить причины неудовлетворённости молодыми рабочими работой, условиями труда и т. д. Игра концентрирует в себя различные методы обучения: изложение материала, передачу информации с помощью аудиовизуальных средств, программированное обучение, изучение конкретных ситуаций. Оригинальность игры состоит в том, что обучающиеся выполняют заданную роль в точно определённых условиях и поэтому воспринимают моделируемое предприятие и проблемы как свои собственные. В конце каждого этапа игры проводится оценка поведения обучающихся, которая позволяет проанализировать свои действия. Руководитель обучения может вмешаться в ход игры и разрешить её участникам в любой момент дополнить свои знания недостающей информацией.

Одним из этапов игры является создание смешанных групп, в состав которых входят обучающиеся, выполняющие роли наставника, мастера и рабочего. Получив информацию, группы приступают к разработке проекта. Такой подход способствует лучшему пониманию наставниками своей роли в подготовке молодых рабочих к рабочим профессиям. Каждый этап завершается оценкой реализации мероприятий, обсуждением теоретических вопросов и проведением контрольного теста на проверку приобретённых знаний.

Эффективность такой формы всестороннего обсуждения проблем обучающихся, представляющими различные полномочия, заключается в том, что только коллективные усилия способствуют успеху проводимых мероприятий.

Всестороннее и глубокое изучение всех аспектов проблемы (финансовых, коммерческих, технических, психологических, педагогических и необходимость принятия решения в ограниченное время) является эффективным методом тренировки навыков групповой работы.

Программа обучения наставников включала также разработку и использование метода «конкретных ситуаций». Суть метода заключается в использовании конкретных производственных ситуаций в педагогических целях. Ситуации предлагаются для самостоятельного изучения каждому обучающемуся, затем организуется обсуждение в группе. Тематика включает конкретные вопросы производственного характера, а также социально-психологические и педагогические проблемы.

Необходимым условием использования метода «конкретных ситуаций» является строгое подчинение содержания обучения поставленным целям.

Одним из требований к выбору ситуаций является наличие педагогического потенциала, то есть возможности приобретения теоретических знаний и практических навыков в ходе решения конкретной ситуации, а также достижения конкретных воспитательных задач.

При выборе конкретных ситуаций учитываются педагогические цели программы обучения, контингент обучающихся, возраст, образование, выполняемые обязанности, стаж работы, количество участников, продолжительность и темп обучения. Важным условием при выборе конкретной ситуации является близость темы к практической деятельности.

К разработке конкретных ситуаций привлекались специалисты предприятия, имеющие практический опыт работы и принимавшие участие в решении тех или иных проблем.

Подготовка конкретных ситуаций включает выбор события, сбор данных, обработку материалов и описание их, а также апробирование ситуации. Метод «конкретных ситуаций» можно рассматривать как метод обучения, так как участие в выборе события, обработка материалов активизирует мыслительную деятельность обучающихся, способствует формированию умения представлять факты в их взаимосвязи, учит анализировать события, воспитывает творческий подход к обыденной работе.

Опрос лиц, имеющих отношение к поставленной проблеме, оформление собранной информации даёт возможность приобрести опыт общения с людьми, установить деловые и дружеские контакты, учит обобщать и анализировать факты. Апробирование конкретной ситуации формирует чувство ответственности за порученное дело.

Отметим, что при разработке программы нами основной акцент делался на изучение и рассмотрение проблем становления межличностных отношений и изучение теории и практики принятия решений. Заметим, что программа ориентирована на модульный тип обучения, причём учебные пакеты, рассчитанные на теоретическую подготовку, составлены таким образом, чтобы были достигнуты определённые, точно сформулированные практические цели. Проверка полученных знаний и умений осуществлялась с помощью тестов.

В результате осуществления всех этих мероприятий у наставников возрос интерес к воспитательной деятельности, улучшился психологический климат в коллективе; повысилась удовлетворённость молодыми рабочими выбранной профессией, возросла инициативность, самостоятельность, гибкость в принятии решений; изменилось отношение к работе на химическом предприятии.

Отметим, что для организации обучения наставников необходимо унифицировать учебные планы и программы с учётом специфики основных отраслей промышленности и сельского хозяйства. При разра-

ботке унифицированного учебного плана необходимо уточнить содержание учебного материала, на базе которого возможна продуктивная деятельность наставников. Для чтения лекций и ведения практических занятий следует использовать профессорско-преподавательский состав высших и средних педагогических учебных заведений, опытных учителей-методистов школ, инженерно-технических работников и самих наставников, хорошо владеющих материалом по той или иной теме учебного плана.

При обучении наставников, как и в любом другом виде учебной деятельности, важно использовать методы эмоционального воздействия на личность, пробуждающие стремление к самостоятельному поиску знаний. К ним относятся: дискуссия, проблемная постановка вопроса, коллективное обсуждение сложных ситуаций, связанных с обучением и воспитанием молодёжи, самостоятельное выполнение заданий с учётом интересов наставников.

Таким образом, методика проведения занятий с наставниками должна быть направлена на установление тесной связи между теорией, педагогической практикой и воспитательной деятельностью самих наставников. Объектом изучения должны стать конкретные жизненные явления, анализ опыта лучших наставников. Теоретический материал следует давать сжато, выделяя в каждой теме основные положения, которые можно проследить на соответствующих примерах.

Дальнейшее исследование проблемы требует продолжения работы, связанной с принятием ряда организационных, методических и законодательных актов:

– учреждения и промышленные предприятия, которые готовы обеспечить молодёжи прохождение практики, должны иметь налоговые льготы;

– в штатное расписание образовательных учреждений, на которых будут возложены обязанности вести работу с подростками, потерявшими связь с социумом, должны быть введены ставки педагогов-наставников /тьюторов/ на каждые 10 – 15 подростков;

– в учебные планы образовательных учреждений для работы с молодыми людьми должно быть введено достаточное количество индивидуальных часов, так как работа на этом этапе может осуществляться только индивидуально;

– должна быть организована система отбора и подготовки педагогов - наставников, чтобы исключить подбор с низкой степенью ответственности наставников и случайных людей;

– в каждом образовательном учреждении и на каждом промышленном предприятии, отобранных для работы с молодёжью, должны быть разработаны программы стажировок и практик и др.

Литература

1. Джуринский, А. Н. Реформы зарубежной школы. Надежды и действия [Текст] / А. И. Джуринский// Новое в жизни науке и технике. Сер. «Педагогика и психология». – № 5. – М.: Знание, 1989. – 80 с.

2. Джуринский, А. Н. Новые технологии в системе образования Франции [Текст] / А. Н. Джуринский // Сов. педагогика. – 1991. – № 4. – С. 132 – 134.

3. Деркач, А. А. Формирование и развитие профессионального мастерства руководящих кадров: социально- психологический тренинг, прикладные психотехнологии [Текст] / А. А. Деркач, А. И. Ситников. – М.: Луч, 1993. – 72 с.

4. Митина, А. М. Теория образования в течение жизни в зарубежной андрогогике / А. М. Митина // Педагогика. – 2005. – № 5. – С. 100 – 106.

5. Дубчик, С. В. Тьюторское сопровождение: история, технология, опыт [Текст] / С. В. Дубчик // НЦО. Открытое образование. – 2006. – № 4. – С. 29 – 34.

6. Копытов, А. Д. Инновационные педагогические технологии профессионального образования в США и Германии [Текст] / А. Д. Копытов, М. П. Пальянов // Педагогика. – 2009. – №8. – 86 – 93 с.

7. Объединение сферы труда и сферы профессионального образования [Текст] // Образование. Карьера. Общество. – 2004. – № 2. – С. 5 – 9.

8. Cetron, N. J. Our Life at the Turn of the 21st Century / N. J. Centron. – The Educational Digest. – 1999. – Vol. 54. – № 8.

9. Cropley, A. Lifelong Learning and System of Education: an Overview / A. Cropley (ed.) // Toward a System of Lifelong Education: Some Practical Considerations. – Oxford, 1980. – P. 3 – 4.

УДК 3786796

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Т. Н. Семенкова

THE HEALTH STATUS OF STUDENTS

T. N. Semenkova

В этой статье анализируется состояние здоровья детей, подростков и студентов, населения Российской Федерации в зависимости от региона, от природных условий, от системы образования, от демографии.

The article focuses on the health status of children, teenagers, students and population of the Russian Federation, depending on the region, on the natural conditions, on the system of education, on the demographics.

Ключевые слова: состояние здоровья, демография, рождаемость, смертность, заболеваемость, продолжительность жизни.

Keywords: health status, demography, fertility, mortality, morbidity, life expectancy.

Состояние здоровья населения страны оценивается по демографическим, социально-экономическим, медицинским аспектам и по специальным опросам.

Если в России уровень смертности в 50-е годы от болезней системы кровообращения составлял около 220 случаев на 100 тыс. населения, то в 2004 г. уже 892,3 тыс. В Европе в настоящее время этот показатель равен 170 – 250 случаям. Как видно, в структуре смертности населения России основное место занимают болезни системы кровообращения (55,8 %).

С 1986 по 1996 гг. Россия столкнулась с беспрецедентным увеличением смертности населения. Уровень общей смертности в стране увеличился в полтора раза, а численность преждевременно умерших составила 3 млн человек. Основными причинами смерти были болезни кровообращения (первое место среди причин смертности), злокачественные новообразования (второе место), травмы и отравления (третье место), заболевания органов дыхания [1].

Неопровержимым доказательством отсутствия снижения заболеваемости по всем видам болезней служит рост хронических больных, рост психических, злокачественных заболеваний, числа выкидышей у беременных и перинатальной смертности, сокращение продолжительности жизни населения.

Не высоки и показатели продолжительности жизни в современной России. В 2004 году средняя продолжительность жизни составила 65,8 лет (у мужчин – 59,1 года, у женщин – 72,5 года). По этому показателю мы значительно отстаем от зарубежных стран, где средняя продолжительность жизни следующая: Япония – 81,9 лет; Франция – 79,8; Испания – 79,6; Германия – 78,7; Греция – 78,4; США – 77,3; Чехия – 75,8; Венгрия – 72,6.

За последнее десятилетие произошло резкое снижение показателей продолжительности жизни: на 6,1 года у женщин и на 11 лет у мужчин (у лиц мужского пола срок жизни составляет 54 – 57 лет, у женщин – 60 – 65 лет). Особенно катастрофическое положение складывается у мужчин, до 40 % популяции которых не доживает до пенсии. В результате наша страна по продолжительности жизни занимает в мире 103 место у женщин и 147 у мужчин: продолжительность жизни мужчин в России меньше на 7 – 10 лет, женщин на 5 – 7 лет по сравнению со странами Западной Европы [2]. Учитывая эту тенденцию, к 2050 году Россия может подойти к цифре 100 млн человек населения, причем для этих 100 млн эквивалент увядания особенно тяжел в Сибири, где 22 % населения старше пенсионного возраста.

В целом демографическая ситуация в России следующая.

1. Темпы убыли населения РФ самые высокие в мире. Страна ежегодно теряет от 700 тысяч до 1 млн человек, что равноценно исчезновению каждый год таких городов, как Курск и Кострома, и ежедневно – двух средних деревень. За последние 13 лет Россия потеряла 11 тысяч сел, 290 городов (а почти 40 % горожан проживают в малых городах) и еще 13 тысяч сел близки к вымиранию.

2. При неизменности сложившихся тенденций и их ухудшении население страны сократится на 40 – 50 млн человек. Возникнет новая угроза – как малой численностью удержать от посягательств большую территорию.

3. К 2016 году на 100 работающих людей будет приходиться 52 – 62 пенсионера, что значительно ограничит социальные возможности государства. Самым выраженным дефицитом станет нехватка рабочей силы.

4. В процесс депопуляции наибольший вклад вносит высокая смертность – 62 %, на низкую рождаемость приходится всего 38 %.

5. Почти 50 % семей имеют всего одного ребенка и только 15 – 16 % семей – 2-х детей. Около 17 % браков бесплодны, в то время как аборты производятся у 64 % беременных и только треть беременностей завершаются родами. Исследования показывают, что нынешнее поколение подростков имеет существенные ограничения детородной функции, и в своем большинстве они не смогут воспроизвести здоровое потомство. К 2025 году репродуктивный потенциал в стране может быть полностью исчерпан, а с уходом из репродуктивного периода увеличенного поколения девочек, родившихся в 80-е годы, рождаемость упадет до самых низких значений.

6. Особенное беспокойство вызывает не столько количество рождений, сколько их качество. Здоровые новорожденные по разным данным составляют всего 15 – 30 %.

7. Показатели смертности в России на уровне самых отсталых развивающихся стран (ежегодно умирает свыше 2 млн человек). Соответственно крайне низка и средняя продолжительность ожидаемой жизни, по которой Россия отброшена почти на 50 лет назад.

8. Нарастает алкоголизм, наркомания, увеличивается число курящих. Резко снизилась возможность и доступность физической активности. Если от СПИДа умирает в год около 1000 человек, то от болезней, связанных с курением, – 370 тысяч. Официально зарегистрировано около 350 тысяч наркоманов, а по некоторым оценкам их в 17 раз больше. За последние 20 лет число инвалидов выросло в 3 раза.

9. Подавляющее большинство (70 %) граждан живут в условиях затяжного психоэмоционального и социального стресса, а 3,8 млн граждан страдают различными психическими расстройствами и еще 14 млн нуждаются в психиатрической помощи.

Стремительно стареет население страны. Впервые в 1999 году число лиц пенсионного возраста превысило число детей до 16 лет. С 1989 по 1999 годы число детей сократилось с 36 до 30,3 миллионов, а число пенсионеров выросло с 27,2 до 34,4 миллионов.

10. Массовые проблемы со здоровьем населения и медико-демографические проблемы, состояние

которых является вызовом всему обществу, представляют угрозу национальной безопасности страны [3].

Приведенные объективные данные заставляют очень серьезно задуматься над поиском путей выхода из создавшегося положения.

Особую тревогу вызывают показатели здоровья молодых людей.

Ухудшение социально-бытовых, экологических, гигиенических и психологических условий жизни в нашей стране особенно сильно сказывается на состоянии психосоматического здоровья детского организма: наблюдается рост общей и высокий уровень младенческой смертности; рост смертности подростков и молодых, наиболее репродуктивных возрастных групп мужского пола; увеличивается процент хронических заболеваний у детей и подростков (до 60 – 70 %); уменьшается первая группа здоровья; у новорожденных наблюдается увеличение врожденных и приобретенных заболеваний; количество учащихся, имеющих отклонения в состоянии здоровья, к окончанию школы увеличивается в 2,5 – 3 раза [4].

Большая часть молодых людей уже к 20 годам приобретают массу хронических заболеваний; здоровых детей практически не рождается, а смертность в нашей стране давно опережает рождаемость.

Здоровье подрастающего поколения в настоящее время вызывает тревогу как среди специалистов медико-биологического профиля, так и педагогической, родительской общественности, руководителей органов управления в сфере образования и здравоохранения. Здоровье детей, подростков и молодежи во многом зависит от качества среды обитания, уровня развития образования, условий обучения, воспитания, материальной обеспеченности, быта, организации медицинского обеспечения и многих других факторов.

По данным генетиков отмечается существенный рост врожденных пороков развития – на 1000 новорожденных приходится 173,3 случаев заболеваний. Родившиеся с такой патологией не доживают до 1 года, т. е. детская смертность в 2 – 2,5 раза больше, чем в странах Западной Европы, и в 4 раза, чем в Японии. Материнская смертность в стране в 15 – 20 раз выше, чем в Канаде и Скандинавии.

Уровень рождаемости детей с генетическими отклонениями достиг в стране 17 %. Проблема сохранения генофонда нации приобретает первостепенное значение, так как если деградация генофонда будет продолжаться подобными темпами, нация самоуничтожится через 2 – 3 поколения, поскольку генные повреждения у 30 % особей популяции приводят к полной ее гибели [5].

Статистика катастрофического состояния здоровья новорожденных во многом обусловлена неподготовленностью физической, психологической, моральной, социальной их родителей. Достаточно указать, что уже у 7 – 12 % девочек и девушек среднего и старшего школьного возрастов отмечается патология репродуктивной системы, у 5,5 % школьниц и у 15 % девушек, учащихся ПТУ, диагностируются гинекологические заболевания, а до 80 % девушек 14 – 16 лет нуждаются в консультации гинеколога. Сексуальный опыт среди школьников 14 – 17 лет имеют 9,1 %, а среди учащихся ПТУ – 66,7 % [6]. Неудивительно, что каждая третья девушка из этого контингента учащихся уже имела беременность, а у 59,4 % из них, сделавших аборт, наблюдаются осложнения репродуктивной системы. В общем же количестве женщин детородного возраста (15 – 44 года) гинекологическая патология отмечена у 40 – 60 % [6].

Прослеживающиеся в дошкольном возрасте нарушения здоровья, связанные с нездоровым образом жизни родителей, приводит к тому, что 60 % детей, приходящих в первый класс, имеют функциональные нарушения, 21,4 % имеют отставание биологического возраста от паспортного на два года, а 45 % нейро-психологически и физически не готовы к обучению и освоению программы (необходимо отметить, что дети из т. н. благополучных семей имеют более высокие уровни физической и умственной подготовки, чем их сверстники из неблагополучных семей) [7].

В настоящее время состояние здоровья большей части детского населения России не обеспечивает реализацию генетических программ, генетических функций, умственной деятельности, фенотипического поведения индивида. В России в целом, в Кемеровской области в частности, только 14 – 15 % детей рождается здоровыми, более 80 % школьников страдают хроническими заболеваниями, более 60 % студентов вузов требуют стационарного лечения, 85 % учителей имеют хронические заболевания [4].

По данным статистики, общая заболеваемость детей (0 – 14 лет) возросла за последние 5 лет на 16 %, подростков на 18 %; продолжается рост показателей болезней крови и кроветворных органов, анемий, болезней органов дыхания, мочеполовой системы, нервной системы, врожденных аномалий.

Серьезные нарушения в состоянии здоровья установлены среди наиболее уязвимой группы населения – детей первого года жизни, у которых железодефицитные анемии выявлены у 30 – 50 % обследованных, пищевая аллергия у 20 – 30 %, гипотрофия и рахит у 5 – 10 %.

Комплексные медицинские обследования детей дошкольного возраста, проведенные в различных регионах нашей страны, свидетельствуют о высокой их патологической пораженности: лишь 10 % 5-летних детей признаны здоровыми: среди заболеваний наиболее часто встречаются нарушения опорно-двигательного аппарата (63 %), отклонения в работе сердечно-сосудистой системы (33 %), болезни желудочно-кишечного тракта (18 %), причем частота этих и других заболеваний с возрастом только возрастает [8].

По статистическим данным НИИ педиатрии только 16 % всего детского населения здоровы, 50 % имеют функциональные нарушения и отклонения в состоянии здоровья, 34 % – хроническую патологию; количество детей в возрасте 6 – 7 лет не готовых к школьному обучению превышает 82 %;

около половины школьников страдают теми или иными невротическими синдромами, около 90 % имеют отклонения в физическом и психическом здоровье, 35 % детей, поступающих в школу, уже имеют хронические заболевания [9].

По данным всероссийской диспансеризации детей 2002 года доля здоровых детей по сравнению с предыдущей диспансеризацией снизилась с 45 до 34 %, вдвое увеличился удельный вес детей, имеющих хроническую патологию и инвалидность. Отмечены ухудшение показателей физического развития, нарастание процессов децелерации: дефицит массы тела стал выявляться в 3 раза чаще, чем 10 лет назад, снизились функциональные возможности организма: мышечная сила уменьшилась на 18 %, жизненная емкость легких на 15 %, у трети юношей и девушек наблюдается задержка полового созревания. За последнее десятилетие на 30 – 50 % увеличилось количество детей с патологией эндокринной, костно-мышечной, сердечно-сосудистой систем, аллергией и злокачественными заболеваниями; в 2 раза увеличился уровень психосоматических расстройств. Существенно выросла заболеваемость мочеполовой системы и, в частности, стали наблюдаться многочисленные случаи нарушения полового развития, особенно у девочек.

Особое беспокойство врачей вызывает резкое увеличение (в 1,8 раза) заболеваемости активными формами туберкулеза, а также венерическими болезнями. Заболеваемость сифилисом, по данным медицинской статистики, у детей выросла в 98(!) раз, при этом в значительной мере за счет врожденного сифилиса. По другим инфекционным заболеваниям половой сферы рост составил сотни процентов.

Число детей-инвалидов, по данным социальной статистики, неуклонно растет, начиная с 1980 г., увеличиваясь на 10 – 20 % в год. Наиболее быстрыми темпами эта цифра увеличивалась в 1991 – 92-х годах (35 – 38 % в год), к концу 90-х годов темп прироста снизился до 16 – 13 % в год. Распространенность инвалидизации среди мальчиков выше, чем среди девочек. Впервые инвалидность регистрируется чаще всего в возрасте от 0 до 4 лет, то есть большинство из детей-инвалидов имеют врожденные пороки и нарушения развития.

Основные нарушения в состоянии здоровья, обусловливающие инвалидность – висцеральные и метаболические нарушения и расстройства питания, двигательные и умственные нарушения. Серьезной причиной инвалидизации часто служит бронхиальная астма.

Около 7,5 миллионов детей России страдают заболеваниями нервно-психической сферы, причем основная масса таких детей обучается в обычных классах.

Почти половину из болезней нервной системы, приводящих к инвалидизации, составляет детский церебральный паралич. Психические расстройства у детей на 70 % состоят в умственной отсталости. В то же время специалисты отмечают что, специальной статистики по заболеваемости у детей школьного возраста не ведется. Отсутствуют достоверные данные об особенностях взаимосвязи уровня заболеваемости с показателями, характеризующими образ жизни, особенности физического и моторного развития.

Среди болезней психической сферы у детей наиболее часто встречаются специфические симптомы и синдромы врожденного характера и последствия родовой травмы (800 – 1000 на 100000 детей). Второе место занимает умственная отсталость (860 на 100000 детей в возрасте 0 – 14 лет) – чаще всего, следствие генетических нарушений (45 % случаев), недоношенности (26 %) и алкоголизма родителей. На третьем месте стоят функциональные расстройства непсихотического характера (300 – 390 на 100000) – «привычная рвота», фобии, ночные страхи, невротические реакции на непривычную обстановку и т. п. Довольно редко у детей наблюдаются психозы (70 – 80 на 100000 детского населения), к которым относится эпилепсия (20 – 24), шизофрения (12 – 13) и реактивные психозы (1,5 – 3 на 100000). У подростков психические расстройства наблюдаются в среднем в 1,5 раза чаще, чем у детей до 14 лет [9].

Свидетельством значительных изменений в физиологическом развитии детей на популяционном и индивидуальном уровнях является повсеместная астенизация и дисгармонизация, замедление развития детей, часто сопровождаемые снижением сопротивляемости организма, белковым и витаминным голоданием, увеличением в разы удельного веса детей с дефицитом массы тела.

Обоснованную тревогу вызывает состояние здоровья школьников как наиболее массового контингента детей и подростков: по данным НИИ гигиены и профилактики заболеваний детей, подростков и молодежи около 90 % детей школьного возраста имеют отклонения физического и психического здоровья: у детей констатируются рост дефицита массы тела, падение уровня физиометрических параметров, понижение иммунной реактивности, формирование хронических болезней, психоневрологические расстройства, нарушения сердечно-сосудистой системы неревматического происхождения. Сохраняется высокий удельный вес острой заболеваемости (1385 случаев на 1000 детей), отмечается тенденция к росту заболеваемости по таким нозологическим формам, как ожирение, миопия, плоскостопие, нервно-психические расстройства и аллергические заболевания [10].

Проблема состояния здоровья школьников в современных условиях является сложной и актуальной для гигиенистов, педиатров, физиологов и педагогов, поскольку уже при поступлении в школу у значительной части детей наблюдаются процессы дезадаптации, отставание биологического развития, дисгармоничное развитие, снижение соматического здоровья.

Отмечено, что за последние пять лет более чем в 2,2 раза уменьшилась доля практически здоровых детей, поступающих в школу.

В процессе школьного обучения ухудшение различных показателей здоровья прогрессирует: за период 2000 – 2005 гг. общая заболеваемость детей до 14 лет выросла на 21,7 %, подростков на 24 %.

В итоге, если при поступлении в школу дети зачастую имеют 1-2 хронических заболевания, либо не имеют вовсе, то по окончании школы приобретают 5 – 6 серьезных заболеваний.

Здоровье школьников социально обусловлено и зависит от таких факторов, как окружающая среда, наследственность и здоровье родителей, от условий жизни и воспитания в семье, характера питания и режима двигательной активности.

Неблагоприятные экологические факторы (высокое содержание в воздухе, воде, почве различных примесей техногенного происхождения, превышающих в 3 – 15 раз ПДК, повышенная радиация на многих территориях), нарушения санитарно-гигиенических условий существенно увеличивают число бронхо-легочной патологии, особенно респираторных аллергозов, приводят к возрастанию заболеваний желудочно-кишечного тракта, вегетативных нарушений, неврозоподобных состояний. Наиболее чувствительными к экологическим воздействия являются иммунная, эндокринная и кроветворная системы детей и подростков.

Не только медики, но демографы, экономисты, социологи и публицисты призывают обратить особое внимание на детей, их физическое, психическое и нравственное здоровье, справедливо утверждая, что «из больных детей не может вырасти здоровый народ».

Особенно значимым в современный сложный переходный период, обострivший ряд как экономических, так и социальных проблем, становится образ жизни. Более половины школьников (57,4 %) не соблюдают здоровый образ жизни.

В настоящее время актуальной медико-социальной и психолого-педагогической проблемой является значительное распространение среди детей, подростков и молодежи неблагоприятных факторов, обусловленных образом жизни – низкая двигательная активность, нерациональное (нездоровое) питание, курение, употребление алкоголя и других психоактивных веществ, которые Всемирная организация здравоохранения рассматривает как ключевые индикаторы здоровья.

Постоянно увеличивается число детей, лишенных родительского попечения, вовлеченных в преступную деятельность, увеличивается детская проституция, наркомания и алкоголизм, постоянно возрастает количество детей с нарушениями психического и физического развития: число детей, у которых были установлены формы отклонений психического развития, увеличивается каждые пять лет на 15 – 20 %.

Наибольший интерес представляет пубертат – период полового созревания, период острого биологического, психологического и социального стресса, когда собственно и устанавливается гормональное и биологическое равновесие, именно оно обеспечивает «мостик» между социально-психическими особенностями личности и сомато-типологическими характеристиками организма [11].

Подростковому возрасту принадлежит особое место в общих тенденциях роста заболеваемости, поскольку в биологическом отношении он является одним из критических и характеризуется мощными эндокринными перестройками, делающими организм подростка особенно чувствительным к воздействию вредоносных факторов [4].

По данным нашего исследования (2008 – 2009 гг.) для современных подростков характерна высокая распространенность вредных привычек. Распространенность регулярного курения среди учащихся 8 – 10 классов составляет 25,4 % у юношей и 20,9 % у девушек. Установлено, что более половины школьников уже пробовали курить, причем каждый второй из них впоследствии стал курильщиком. В среднем каждый третий школьник начинал курить в возрасте 10 лет. Среди мальчиков этот показатель достигает 42,4 %, среди девочек – 18,6 %.

За последнее десятилетие среди подростков возросло число лиц, употребляющих алкоголь: среди юношей с 61,5 % до 75,2 %, среди девушек с 63,2 % до 82,7 %, в том числе 2 – 3 раза в месяц и чаще с 15,7 % до 24,8 % и с 8,6 % до 24,1 % соответственно. Динамическое наблюдение свидетельствует о значительном увеличении к окончанию школы доли лиц, злоупотребляющих алкоголем (1 раз в неделю и чаще): среди юношей в 2,6 раза, среди девушек – в 2,2 раза, что свидетельствует о явном неблагополучии подросткового контингента и остроте социальной проблемы [12].

Уровень алкоголизации среди мальчиков в 11 регионах России колеблется от 72 % до 92 %, а среди девочек от 80 % до 94 %; к одиннадцатому классу курят около половины юношей и четвертая часть девушек; до 37 % подростков в возрасте 12 – 18 лет употребляют анаболики. В 1995 году зарегистрировано около 20 тысяч подростков больных сифилисом (в 45 раз больше в сравнении с 1989 годом), причем рост заболеваемости им гораздо выше, чем у взрослых. Отсутствие знаний по культуре здоровья ведет к тому, что 40 % школьников не знают, что такое здоровый образ жизни, 85 % не занимаются физической культурой и спортом, около 50 % (подростки и старшеклассники) уже пробовали наркотики [9].

На протяжении последних десятилетий отмечена тревожная тенденция ухудшения физической подготовленности учащейся молодежи. Это связано не только с изменениями, произошедшими в экономике, экологии, условиях труда и быта российского населения, но и с недооценкой в обществе оздоровительной и воспитательной функции физической культуры, что отразилось дефицитом на гармоничном развитии личности.

Низкий уровень здоровья выпускников школы сказывается на производственном потенциале и обороноспособности страны. Достаточно отметить, что за последние 10 лет хроническая заболеваемость призывников возросла на 49 % и показатель готов-

ности к военной службе составляет 69,5 %. По данным Министерства обороны РФ только около 20 % юношей призывного возраста по уровню своего здоровья соответствуют установленным требованиям [12].

Анализ эмоционального состояния школьников, который мы определили, показал, что более чем у 40 % детей в школе преобладают негативные эмоции, включая гнев (18 %), скуку (17 %), подозрительность, недоверие (17 %), страх (8 %) и т. д. Встречаются такие дети, которые испытывают в школе только отрицательные эмоции. В результате школа, учебный процесс теряют для детей эмоциональную привлекательность, замещаясь другими, иногда деструктивными для развития личности интересами.

Наличие у ребенка внутреннего эмоционального напряжения приводит к психосоматическим нарушениям, к общей физической ослабленности его организма, нарушению процессов адаптации. Эмоциональные проблемы детей неизбежно сказываются на состоянии их физического и психического здоровья. Обследование выявило наличие разного рода нарушений сна у 26 % учащихся.

В последние годы у детей все чаще наблюдаются эмоционально неустойчивые характеры: можно наблюдать самые разные варианты личностной акцентуации, затрудняющей учебный процесс: импульсивность, агрессивность, лживость, повышенная ранимость, застенчивость, замкнутость; у 82 % детей диагностируется неуравновешенность и раздражительность [13]. Исследования, проведенные коллегами, показывают, что данные особенности формируются на фоне «глубокого перерождения психики» учащихся, проявляющегося в притуплении эмоционального слуха, эмоциональной глухости, неумению распознавать как собственные эмоции, так и чувства окружающих.

По итогам 2005 года заболеваемость психическими расстройствами в пересчете на 100 тысяч населения среди детей находилась на уровне 676,4, тогда как среди взрослых была в два раза ниже и равнялась 325,5, при этом в структуре детской заболеваемости доминировали поведенческие синдромы (так называемые непсихотические расстройства) над органическими психическими заболеваниями, подлежащими лечению врачей психиатров, у детей в возрасте 14 лет было зарегистрировано около 3 тысяч случаев шизофрении, около 150 случаев органических психических заболеваний и около 330 тысяч случаев поведенческих расстройств. Поведенческие (дезадаптационные) синдромы более чем в два раза превышают случаи органической психической патологии, свидетельствуя о том, что среди детей и подростков признаки напряжения и перенапряжения адаптивных реакций являются весьма распространенным явлением [4].

Рост психических расстройств среди обучающихся за последние годы составил 32 %, а заболеваемость подростков возросла в 1,7 раза. Преимущественный рост отмечается среди психосоциальных нарушений, а также непсихотических расстройств, связанных с органическими поражениями головного мозга. Сложившийся уровень психического здоровья детей и подростков во многом определяет ограничение возможности получить полноценное образование, поскольку около 70 % учащихся общеобразовательных учреждений испытывают значительные трудности в усвоении базовой школьной программы.

Важнейшая социальная проблема, связанная с состоянием психического здоровья, употребление детьми и подростками психоактивных веществ (ПАВ), а отсюда высокий уровень преступности несовершеннолетних. Прослеживается устойчивая взаимосвязь между ростом случаев употребления наркотических средств и ростом числа противоправных действий, совершаемых детьми и подростками в наркотическом опьянении или в результате злоупотребления наркотиками. В 1998 году 32,2 тыс. несовершеннолетних 14 – 17 лет (19,6 % от общего числа подростков, совершивших преступления) совершили преступления в состоянии алкогольного опьянения; 1,3 тыс. – в состоянии наркотического опьянения. У большинства детей и подростков отсутствует превентивная психологическая защита, препятствующая приобщению к психоактивным веществам. В связи с этим не может быть признан достаточным уровень первичной психиатрической профилактической работы.

Потребление несовершеннолетними ПАВ продолжает оставаться острой проблемой, хотя за последние 2 – 3 года темпы роста числа наркозависимых снизились. В то же время увеличился рост потребления ненаркотических ПАВ (табакокурение, токсикомания, алкоголизм).

Продолжает расти, оставаясь на недопустимо высоком уровне, число суицидов среди подростков. С 1990 года уровень числа самоубийств на 100 тыс. населения вырос с показателя 26,4 случая до 39,7 случая в 2001 году и превышает даже число убийств по стране, равное 29,8 случая. В 2003 году покончили с собой 7800 несовершеннолетних. Уровень суицидов в России более чем в 2 раза превысил среднемировой уровень, равный приблизительно 15 случаям на 100 тысяч человек [9].

Изменения, происходящие сегодня в нашем обществе, выдвинули ряд проблем воспитания трудных детей, среди которых с каждым годом увеличивается количество подростков с девиантным поведением. Дети с девиантным поведением имеют высокую степень тревожности, агрессивности, у них отмечается низкая мотивация к учебной деятельности; они характеризуются заниженной самооценкой личности, нежеланием проявлять волевые усилия в трудных ситуациях [14].

Нарушение гормонального баланса в организме детей, подростков опосредует их склонность к асоциальному поведению, формированию таких качеств, как агрессивность, злобность, доминирование примитивных инстинктов. Ускорение физического, физиологического развития в пубертатном периоде может иметь патологические последствия, истощая эндогенные резервы организма, в результате чего

складываются аномальная биохимическая структура у человека и соответствующие психические и социальные отклонения, нередко связанные с проявлением алкоголизма, наркомании (токсикомании) и других видов асоциального поведения. Поэтому коррекция асоциальных проявлений в подростковом периоде должна включать не только воспитательные воздействия различных видов, но и определенное медикаментозное обеспечение для регуляции биохимического статуса для тех лиц, у которых обнаруживается его извращение. Необходимы также физиотерапевтические мероприятия для детей, у которых аномалии физического и полового развития сочетаются с повышенной нервной возбудимостью, эмоционально-поведенческими отклонениями. Другими словами, для возвращения подростков «группы риска» к нормальной жизни необходима комплексная биологическая, психологическая, социально-педагогическая коррекция и реабилитация.

Результаты сравнительного анализа показателей заболеваемости взрослых с аналогичными показателями детей и подростков свидетельствуют о том, что темпы прироста заболеваемости у подростков выше, чем у взрослых, что характеризует в свою очередь большую вероятность осуществления неблагоприятного прогноза здоровья населения России на ближайшее десятилетие.

В. А. Садовничий, ректор МГУ, академик РАН, президент Российского союза ректоров в своем выступлении на открытии форума в 2006 г. Сказал, что сверхзадача образования – это, безусловно, развитие каждого молодого человека как высококвалифицированного профессионала, гражданина, чувствующего свою ответственность за судьбу России, главная составляющая этой задачи – сохранить молодое поколение здоровым. Нынешняя демографическая ситуация в России – демографический кризис. Это отчасти связано с образом жизни, пропагандируемым некоторыми СМИ: агрессивная реклама алкоголя, табака. За последние 10 лет количество токсикоманов среди детей и подростков увеличилось в 10 раз. Каждый второй мальчик и каждая четвертая девочка в возрасте до 16 лет регулярно употребляют алкогольные напитки. Настоящим бедствием становится для России табакокурение, где возрастная планка курящих опустилась до 12 лет и ниже. Эти явления, безусловно, способствуют росту умственно отсталых подростков. Многие вузы страны это уже ощущают в достаточно полной мере на вступительных экзаменах.

Какое же сегодня состояние здоровья у студентов? Определенную картину состояния здоровья студенческой молодежи дают результаты мониторинга, проводимого ежегодно, в Российском государственном университете нефти и газа им. И. М. Губкина [15]. Он показал, что безопасный уровень здоровья (БУЗ) имеют 7 % студентов; 30 % – средний; 27 % – ниже среднего; 36 % – низкий. За последние 3 года БУЗ в этом вузе снизился на 4 – 6 %. К концу 2-го курса уровень здоровья студентов повышается лишь на 1 – 2 балла. При переходе на 1 разовые в неделю занятия физическими упражнениями, уровень здоровья возвращается к уровню 1 семестра. Наиболее высокие показатели уровня здоровья у девушек, занимающихся аэробикой, а у юношей – занимающихся баскетболом. Но даже самые эффективные средства в объеме учебной программы не позволяют достичь БУЗ (12 баллов). Только студенты, занимающиеся дополнительно во внеучебное время (в спортивных секциях, самостоятельно, в группах здоровья и т. п.), могут достичь БУЗ. Их уровень двигательной активности в объеме 4 – 7 часов достаточен для достижения БУЗ.

Как видим, положение удручающее и необходимо срочно менять отношение к здоровью, и в первую очередь, самим студентам.

Что же касается анализа заболеваемости, то исследования показали: особенно высокий уровень заболеваемости – среди студентов младших курсов. Так, показатель заболеваемости в различных вузах колеблется от 750,1 до 1803,8 на 1000 студентов в год. В структуре заболеваемости на 1 месте стоят болезни органов дыхания – 57,8 – 72,0 %, последующие места занимают болезни органов пищеварения, болезни нервной системы и органов чувств, близорукость и т. д. Общая заболеваемость снижается к старшим курсам, но наивысшего уровня достигает на втором курсе. Заболеваемость нервной системы и органов чувств, йододефицитные состояния, близорукость, травмы и несчастные случаи к старшим курсам не снижаются. Разработанная и апробированная нами специальная методика по изучению неучтенной заболеваемости студентов на основе ежемесячного текущего динамического наблюдения позволила установить, что неучтенными оказываются от 19,3 до 21,0 % заболеваний [16].

Какие же факторы и как влияют на здоровье людей, а следовательно, и на демографическую ситуацию в стране?

Профилактика заболеваний и формирование здорового образа жизни молодежи, как уже отмечалось выше, являются сегодня актуальной проблемой. Молодые люди составляют до 30 % населения земного шара. Именно в молодости (16 – 29 лет) закладывается основа трудовых, нравственных позиций, а также здоровья человека.

Конечно, государство в лице руководителей своих образовательных учреждений должно нести ответственность за состояние здоровья обучающейся молодежи. А что же сами молодые люди?

Нельзя не согласиться с известным врачом-педиатром Лео Бокерия, который сказал: «Здоровье является сферой взаимных интересов и взаимной ответственности государства, общества и личности. Ничуть не умаляя заинтересованности государства и общества в здоровом гражданине и их ответственности за это, необходимо признать, что интересы и ответственность личности здесь играют решающую роль, поскольку именно от образа жизни человека более чем на 50 % зависит его здоровье». Именно интересы и ответственность самой личности.

Вопросы здорового образа жизни людей, и особенно молодежи, имеют исключительное значение. Статистические данные и оценки, характеризующие

здоровье населения и складывающуюся в настоящее время демографическую ситуацию в России, показывают серьезность положения. Именно поэтому проблемам сохранения и укрепления здоровья людей в России были посвящены масштабные Всероссийские форумы (2005, 2006) «Здоровье нации – основа процветания России», которые собрали ведущих ученых, руководителей органов законодательной и исполнительной власти, представителей общественных организаций и деловых кругов.

Падение общего здоровья детей, подростков, учащейся молодежи происходит прежде всего потому, что мало кто из них ведет здоровый образ жизни. Ведь именно здоровый образ жизни и является главным профилактическим средством от различных заболеваний. Поэтому, чтобы здоровье обучающихся сохранить в нормальной форме, необходимо планировать специальные оздоровительные мероприятия. Но все эти меры будут работать эффективно только после детального изучения самих причин падения уровня здоровья учащейся молодежи.

Среди причин, оказывающих существенное негативное влияние на показатели здоровья обучающихся, – отсутствие на федеральном и региональном уровнях специалистов по основам культуры здоровья, способных квалифицированно участвовать в воспитательно-образовательном процессе, осуществлять комплексный социально-педагогический и психолого-физиологический мониторинг показателей адаптации, здоровья и развития личности на всех этапах образования.

Литература

1. Айзман, Р. И. Здоровье населения России: медико-социальные и психологические аспекты его формирования / Р. И. Айзман. – Новосибирск: Изд-во СО РАМН, 1996. – 28 с.
1. Дмитриева, Т. Б. О неотложных мерах по реализации концепции развития здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации / Т. Б. Дмитриева // Проблемы социальной гигиены и история медицины. – 1998. – № 1. – С. 3 – 7.
2. Комаров, Ю. М. К вопросу о национальной медико-демографической программе / Ю. М. Комаров // Материалы 2-го Всероссийского форума «Здоровье нации – основа процветания России» (часть 2). – М.: НЦССХ им. А. Н. Бакулева РАМН, 2006. – С. 11 – 13.
3. Казин, Э. М. Роль индивидуальной психофизиологической диагностики в комплексной оценке учащихся различных профилей обучения / Э. М. Казин, В. Ф. Кривошеев, Ю. Л. Майдиков. – М.: Изд-во Ин-та общего образования, 1995. – 115 с.
4. Кураев, Г. А. Валеологическая система сохранения здоровья населения России / Г. А. Кураев, С. К. Сергеев, Ю. В. Шленов // Валеология. – 1996. – № 1. – С. 7 – 14.
5. Ушакова, Г. А. Репродуктивное здоровье детей и подростков / Г. А. Ушакова, С. И. Елгина // Акушерство и гинекология. – Ростов н/Д., 1992. – С. 4 – 5.
6. Вайнер, Э. Н. Социальные аспекты здоровья и здорового образа жизни / Э. Н. Вайнер // Валеология. – 1998. – № 3. – С. 13 – 14.
7. Фалевич, В. И. Современный уровень и структура заболеваемости детей / В. И. Фалевич, С. Б. Хацкель // 3-й Национальный конгресс по профилактике мед. валеологии, 28–31 мая 1996 г. – СПб, 1996.
8. Фёдоров, А. И. Отношение подростков к своему здоровью: социально-педагогический аспект / А. И. Фёдоров // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2008. – № 1. – С. 5 – 7.
9. Антропова, М. В. Физиология развития ребенка / М. В. Антропова [и др.]; под ред. М. М. Безруких, Д. А. Фарбер. – М., 2000. – С. 259 – 273.
10. Васильев, В. Н. Использование средств и методов медико-биологической и педагогической валеологии в высшем учебном заведении / В. Н. Васильев [и др.] // Проблемы валеологизации образовательной среды. – Кемерово, 1999. – 203 с.
11. Кучма, В. Р. Гигиена детей и подростков / В. Р. Кучма. – М.: Медицина, 2001. – 387 с.
12. Личко, А. Е. Подростковая наркология / А. Е. Личко, В. С. Битенский. – Л.: Медицина, 1991. – 304 с.
13. Гаркави, Л. Х. Адаптационные реакции и резистентность организма / Л. И. Гаркави, Е. Б. Квакина, Н. А. Уколова. – 3-е изд., доп. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1990. – 224 с.
14. Егорычев, А. О. Мониторинг здоровья студентов в процессе профессионального образования / А. О. Егорычев, Н. В. Титушина, Ю. А. Смирнова // Материалы 2-го Всероссийского форума «Здоровье нации – основа процветания России» (часть 2). – М.: НЦССХ им. А. Н. Бакулева РАМН, 2006. – С. 79 – 80.
15. Агаджанян, Н. А. Физиологические механизмы респираторных феноменов при тревожных и депрессивных расстройствах / Н. А. Агаджанян, П. И. Терехин // Физиология человека: журнал РАН. – 2002. – Том 28. – № 3. – С. 112 – 122.

УДК 371.7; 378.1

ФАКТОРЫ «РИСКА», ВЛИЯЮЩИЕ НА ЗДОРОВЬЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Т. Н. Семенкова, Н. Э. Касаткина, Э. М. Казин

FACTORS OF "RISK" THAT AFFECT STUDENT'S HEALTH IN THE LEARNING PROCESS

T. N. Semenkova, N. E. Kasatkina, E. M. Kazin

В статье речь идет о факторах «риска», влияющих на адаптацию и здоровье обучающихся в процессе обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида.

The article focuses on the factors of "risk" that affect the adaptation and health of students in the learning process in educational institutions of various types and species.

Ключевые слова: адаптация, здоровье, экзогенные и эндогенные факторы, социально-культурная среда, индивидуальный потенциал, адаптационный резерв, индивидуальные различия обучающихся.

Keywords: adaptation, health, exogenous and endogenous factors, social and cultural environment, individual capacities, adaptative reserve, individual differences of students.

Реализация функциональных резервов обучающихся испытывает влияние многих внешних (экзогенных) и внутренних (эндогенных) факторов, к которым относятся социально-культурно-политическая среда; индивидуальное поведение обучающихся, их индивидуальный потенциал здоровья, склонности и способности, физико-биологическая среда обитания и др. [1].

Экзогенные факторы в значительной степени регулируются человеческим обществом, сюда входят социальные факторы (воспитание, обучение, быт), которые в основном являются определяющими в формировании образа жизни.

Большая часть эндогенных факторов не определяется человеком, его волей: пол, возраст, этническая принадлежность, наследственность с конституциональными особенностями, строение и формирование отдельных органов и систем, их взаимодействие, индивидуальные особенности обменных процессов, индивидуальные особенности типа нервной системы.

К внутренним факторам здоровья относится индивидуальный генофонд, который детерминирует физиологические возможности обучающихся. Среди генетически обусловленных заболеваний (которые встречаются приблизительно у 2 % населения земного шара) наиболее распространены заболевания, которые, будучи наследственно обусловленными, возникают только при определенном сочетании воздействий специфических внешних факторов с наследственной предрасположенностью. Например, гипертоническая болезнь возникает у детей, родители которых были гипертониками, только при условии, если они связаны с хроническими информационными стрессами. Дети этих же родителей, занятые спокойными видами трудовой деятельности, редко страдают сосудистой гипертонией [2].

Формирование здоровья обучающихся сопровождается не уменьшением, а возрастанием социально-психологических возмущающих факторов. Поэтому с возрастом [3] растет число людей со срывом адаптации и уменьшается число людей, имеющих удовлетворительную адаптацию к условиям среды. Помимо возрастного ограничения пределов и жесткости адаптации влияние оказывают два фактора на развитие дезадаптивных процессов: отсутствие тренировки механизмов адаптации естественными факторами и не востребованность адаптационных резервов комфортными условиями жизнедеятельности. П. К. Анохин отмечал, что «резервы адаптационных возможностей в организме всегда выше, чем их реализация» [4].

В процессе исследования мы установили, что приспособительные возможности связаны с индивидуальными различиями обучающихся, которые очень велики и определяются физиологическими особенностями организма, прежде всего состоянием нервной, эндокринной и иммунной систем, состоянием различных органов и уровнем обмена веществ. Нами выявлено, что от них зависят приспособительные возможности каждого конкретного организма, его устойчивость к разнообразным внешним воздействиям (резистентность) и его способность адекватно реагировать на эти воздействия (реактивность).

Сегодня не без основания ученые, политики, демографы, работники медицинской и педагогической сферы говорят о национальной трагедии русского народа, о кризисе здоровья учащейся молодежи России и о выборе адекватных стратегий, направленных на остановку этого разрушительного процесса и укрепление здоровья населения.

Известно, что здоровье напрямую связано с личными представлениями индивида, его культурой, условиями его жизни, его биологическими характеристиками, избранным образом жизни, а также с социальной, духовной, экономической и физической окружающей средой. Поэтому сохранение здоровья молодежи не может быть обеспечено одним из факторов, например социально-экономическим, а решаться эта проблема должна на всех уровнях, в том числе и образовательными учреждениями.

В настоящее время требования современного учебного процесса (условия обучения, информационная перегрузка), предъявляемые к учащейся молодежи, превышают их физиологические и психологические возможности, что ведет к развитию устойчивого состояния и возникновению тех или иных патологий.

В связи с этим очевидна роль преподавательских коллективов в формировании представлений о культуре здоровья, мотиваций на здоровый образ жизни в образовательной среде, повышении инте-

реса обучающихся к здоровьесберегающим технологиям.

Проведенные нами исследования позволяют к уже известным недостаткам традиционной российской школы (ориентация на количество знаний, оторванность получаемых знаний от реальной жизни, нивелирование индивидуальности обучающегося, его неспособность к самостоятельному выбору жизненной позиции) присовокупить и ее негативное влияние практически на все компоненты здоровья. Мы отмечаем, что традиционная школа замедляет психосоматическое развитие детей и, следовательно, препятствует естественному росту их адаптивных возможностей. Массовая школа не только не обеспечивает компенсацию типичного для современных обучающихся состояния физиологической и психологической незрелости, но и усугубляет ее.

Причинами такого положения являются, по данным Министерства образования и науки, факторы внутришкольной среды: перенаполненность классов, заниженный уровень освещенности и научно необоснованное их комплектование, когда рядом обучаются дети с разным уровнем подготовки, разными психофизиологическими качествами; авторитарный стиль работы учителя; недостаточная дифференциация учебных предметов; отсутствие помещений для отдыха; плохая организация питания в школе, перегруженность учащихся основными и дополнительными занятиями, неблагополучие психологического климата школьных коллективов; неоправданная интенсификация образования на фоне ухудшения социально-экономической и экологической обстановки.

Неоправданно завышенный объем учебных программ, учебников, их качество и полиграфическое оформление резко увеличивают число больных учеников. К этому же ведет и несоответствие мебели и оборудования гигиеническим нормам, загрязнение воздуха в школьных помещениях. Усугубляет положение отсутствие у большинства руководителей школ и учителей специальных знаний и умений по элементарной диагностике состояния здоровья детей, по организации учебно-воспитательной работы с детьми, имеющими различные отклонения в состоянии здоровья.

Среди факторов, негативно влияющих на особенности формирования приспособительных реакций обучающихся к процессу обучения в образовательных учреждениях различного уровня, следует выделить:

– нерациональную интенсификацию учебного процесса;

– гиподинамию;

– неблагоприятное социально-экономическое положение детей, подростков, учащейся молодежи;

– несоответствие возрастных и индивидуально-типологических особенностей обучающихся педагогическим программам и выбранному профессиональному направлению;

– несоблюдение элементарных физиолого-гигиенических требований организации учебного процесса;

– недостаточную квалификацию педагогов в вопросах развития и охраны здоровья ребенка;

– недостаточную подготовку родителей и педагогов в вопросах развития и охраны здоровья детей, включая вопросы полноценного питания-жатки в существующей системе физического воспитания;

– низкий уровень медицинского обслуживания, направленного, как правило, только на оказание экстренной, необходимой медицинской помощи;

– отсутствие межведомственного подхода к решению данной проблемы [5; 6].

Растущая учебная нагрузка, гиподинамия, общий психологический и социальный дискомфорт, антипедагогический и антикультурный характер многих материалов в СМИ – вот неполный перечень причин состояния проблемы, которое в целом должно быть определено как нетерпимое.

Образовательные учреждения стали полигоном для испытания различных инноваций в обучении, которые внедряются без комплексных медико-психофизиологических обоснований, без учета состояния здоровья основной массы учащихся. Усугубляет проблему совокупность воздействия различного рода неблагоприятных факторов:

– ухудшение материального положения многих семей учащихся;

– неправильно составленное расписание уроков и неправильно организованное школьное питание;

– эмоционально-стрессовые перегрузки; нарушение валеологических принципов в педагогическом процессе (учебные перегрузки и т. д.);

– гиподинамия; ограничение жизненного пространства в переполненных классах;

– нарушение внутришкольных санитарно-гигиенических условий.

По данным многолетних исследований НИИ гигиены детей и подростков РАМН и НИИ экологии человека и гигиены окружающей среды им. А. Н. Сысина установлено, что вклад факторов внутришкольной среды, оказывающих влияние на формирование здоровья обучающихся, составляет 21 – 27 %, а большую часть (около 70 % дневного времени) учащиеся проводят в стенах школы. С точки зрения их санитарно-эпидемического благополучия, лишь 19,42 % учреждений можно отнести к благополучным, 55,23 % к условно благополучным, 25,31 % к неблагополучным.

По данным Министерства образования и науки, за период с 1945/1946 учебного года по 1997 – 1998 учебный год учебная нагрузка увеличилась с 96 до 171 часа. Если учесть, что в основной школе на приготовление домашних заданий необходимо потратить 3 – 4 часа, то нетрудно подсчитать, что рабочий день школьников составляет 10 – 12 часов. Отмечается другой (скрытый) вариант интенсификации – реальное уменьшение количества учебных часов при сохранении или увеличении объема учебного материала. По данным того же министерства за период с 1945/1946 учебного года по настоящее время резко сократилось количество часов на образовательную область «филология» (на 49 %) и на образовательную область «математика» (на 62 %).

При этом содержание и объем учебных материалов ни в одной, ни в другой области за последние годы не уменьшился. Столь резкое сокращение количества неизбежно должно было привести к увеличению домашних заданий и интенсификации учебного процесса.

«Рабочий день» школьников, включая приготовление уроков, достигает 12 – 16 часов в день, а рабочая неделя достигает 64 часов [14].

Интенсификация учебной деятельности, имеющая место в учебных заведениях различного типа, приводит к повышению эффективности обучения, однако это происходит за счет возрастания психофизиологических затрат, истощения функциональных резервов, увеличения периодов восстановления работоспособности до нормального уровня [15].

Среди выпускников школ широко распространены «факторы риска» в образе жизни: низкая двигательная активность (56 %), нарушение режима сна (30 %), питания (36 %) и учебных занятий (25 %), широкая приобщенность к потреблению психоактивных веществ, раннее начало половой жизни, неблагополучные взаимоотношения с взрослыми, отмечен существенный недостаток физиолого-гигиенических знаний в области здоровья [12].

Различные расстройства здоровья наблюдаются у учащихся в процессе обучения в школе: неправильное кровообращение, расстройства пищеварительного тракта от неправильного питания, искривление позвоночника, близорукость школьника и другое [7].

Это связано с тем, что:

– во-первых, учебные программы обширны и нет обоснования их соответствия возрасту, физическим и психическим «силам» учащегося;

– во-вторых, число уроков слишком велико, и обучающиеся загружены различными подготовительными работами;

– в-третьих, большинство учителей имеют слабое представление о правильном развитии и функциональных особенностях ребенка. Учителя не исследуют кривую активности школьника в течение дня, недели, месяца. Да и для самих педагогов характерна высокая распространенность хронической патологии и плохого самочувствия (около 70 %), наличие поведенческих «факторов риска». Только каждый третий из числа опрошенных считает, что ведет здоровый образ жизни. Выявлена сопряженность между отношением учителей к собственному здоровью и уровнем знаний, необходимых для укрепления и компетентностью осуществлять физиолого-гигиеническое воспитание учащихся. Используемые преподавателем средства физиолого-гигиенического воспитания носят преимущественно информационно-просветительский характер, более 60 % учителей и 70 % родителей не удовлетворены качеством оздоровительной работы, формированием культуры здоровья школьников [5].

В настоящее время проблема здоровья приобретает особую актуальность в связи с тем, что в педагогической жизни наметилась тенденция к переходу от массового унифицированного образования, направленного на приобретение школьниками определенного набора стандартных знаний, к образованию по выбору, направленному на конкретного школьника с его личностными особенностями.

Многие исследователи обращают особое внимание на неблагоприятную ситуацию со здоровьем учащихся в школах нового типа. Повышенная учебная нагрузка не проходит бесследно:

– до 50 % гимназистов заканчивают учебный день с признаками сильного и выраженного переутомления, тогда как в общеобразовательных школах количество таких детей не превышает 20 – 30 %;

– к концу учебного года у гимназистов в 2 раза увеличивается частота гипертонических реакций, а общее число неблагоприятных изменений артериального давления достигает 90 %;

– функциональные резервы организма к концу недели в школах нового типа снижаются у 30 % младших школьников, у 24 % учащихся 5 – 9 классов и у 20 % старшеклассников [7].

Более высокие, чем в обычной школе, нагрузки при развивающем обучении негативно влияют на психоэмоциональное состояние учащихся, повышают уровень их утомляемости и невротизации. 97 % подростков 14 – 15 лет, начавших обучение в профильных классах, уже имеют те или иные отклонения в состоянии психосоматического здоровья, при этом у 44 % выявлены хронические заболевания и у 53 % патологические отклонения функционального характера. Нарушения осанки обнаружены у 84 % школьников, снижение остроты зрения у 35,5 %, нарушения функции сердечно-сосудистой системы у 81 %, из них 32 % – вегетососудистые расстройства. Патологическая пораженность среди детей инновационных учреждений (56,2 %) также превышает аналогичные показатели учащихся обычных школ (73,9 %). Анализ индекса пропусков занятий показал, что учащиеся стремятся даже за счет собственного здоровья посещать занятия, не желая отставать от сверстников [7].

На основании многочисленных эмпирических исследований педиатрами и гигиенистами были разработаны санитарные правила и нормы (СанПиНы). СанПиНы регламентируют требования к условиям и организации обучения школьников в различных видах общеобразовательных учреждений. В них достаточно большое внимание уделяется требованиям к зданию образовательного учреждения, воздушно-тепловому режиму, требования к помещению и оборудованию школ. В СанПиНах достаточно четко сформулированы требования к организации воспитательно-образовательного процесса. В этих требованиях для всех образовательных учреждений, независимо от языка обучения, устанавливается жестко фиксированная максимально допустимая учебная нагрузка. В частности, для первых классов по программе 1 – 4 (при шестидневной рабочей неделе) она составляет 22 часа, при пятидневной 20 часов для 2 – 4 классов 25 и 22 часа соответственно. СанПиНы также детерминировали продолжительность одного занятия, время двигательной активности, длительность непрерывного применения таких тех-

нических средств обучения, как телевизор и компьютер и многие другие параметры [8].

Нами доказано, что учебная нагрузка для 40 % школьников одиннадцатого класса по-прежнему значительно превышает существующие гигиенические и физиологические нормативы, что ведет к функциональной перегрузке, нарушению режима труда и отдыха и может неблагоприятно отразиться на состоянии здоровья.

Одна из самых острых и требующих срочного решения проблем – недостаточная физическая подготовленность учащихся, поскольку реальный объем двигательной активности учащихся и студентов не обеспечивает полноценного развития и укрепления здоровья подрастающего поколения.

Интенсификация учебного процесса и существующая его ориентация, основанная на преобладании статических нагрузок, способствуют искусственному сокращению объема произвольной двигательной активности учащихся: 70 % детей школьного возраста страдают гиподинамией, последствием которой являются снижение уровня стрессоустойчивости, работоспособности, общей реактивности организма и рост заболеваемости, поскольку физическая культура является действенной профилактикой психических расстройств, которые могут возникнуть у школьника из-за перегрузки [4].

Доказано, что двух уроков физкультуры в неделю явно не хватает для удовлетворения биологической потребности в движении. В школах широко практикуется неоправданное освобождение учащихся от уроков физкультуры, слабо внедряются малые формы физического воспитания (физкультурные паузы, игры на переменах и др.). Крайне неудовлетворительно поставлена внешкольная физкультурно-оздоровительная и культурно-массовая работа. Причина такого положения – отсутствие условий для занятий физкультурой во многих школах России: почти 1/3 школ не имеет спортивных залов, занятия проводятся в неприспособленных помещениях, нагрузка на спортзалы превышает нормативы в 1,5 – 2 раза, только 0,5 % школ имеют бассейны. С другой стороны, имеющиеся городские спортивные учреждения не функционируют в качестве валеологических структур, а их деятельность связана либо с профессиональным спортом, либо с коммерцией [9; 10].

Нами доказано, что двигательная активность у 35 – 40 % школьников не соответствует оптимальной норме, способствующей нормальному развитию ребенка; их физическое развитие не успевает за растущими умственными нагрузками.

Свой вклад в развитие гипокинезии вносит время, затрачиваемое детьми на выполнение домашних заданий, которое даже в начальной школе превышает регламент СанПиНа у половины учащихся.

По данным НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков Учреждения Российской академии медицинских наук Научного центра здоровья детей РАМН (НИИ ГиОЗДиП НЦЗД РАМН), только 4,2 % учащихся младших классов делают утреннюю гимнастику. У каждого второго ребенка двигательная активность ограничена уроками в школе. Всего 3,3 % детей имеют достаточную длительность прогулок.

С увеличением возраста и класса обучения участие школьников во всех видах физической активности заметно снижается. Показано, что среди московских школьников необходимый уровень двигательной активности имеет только каждый четвертый подросток (25,3 %). Выраженная гипокинезия в подростковом возрасте ведет к формированию различных отклонений в состоянии здоровья (артериальной гипертензии, отклонений в физическом развитии, как избыточной массы тела, так и дефицита, функциональных отклонений костно-мышечной, пищеварительной систем). Снижается физическая подготовленность школьников, что ограничивает их социальную дееспособность, обусловливает низкую степень устойчивости к факторам внешней среды. В суточном бюджете времени современных детей преобладают статические виды деятельности. В младшем школьном возрасте 60 % детей имеют дополнительные занятия, близкие по характеру к учебной деятельности (занятия с репетиторами, иностранным языком, шахматами и т. д., занятия с выраженным статическим компонентом [11].

Низкий уровень суточной двигательной активности ведет к снижению адаптационных возможностей организма, неспецифической резистентности, увеличивает риск формирования отклонений в состоянии здоровья. В результате до 75 % школьников страдают гиподинамией, выраженное утомление к концу дня отмечается у 40 – 55 % учащихся, у 60 – 63 % регистрируется изменение артериального давления, как правило, по гипертоническому типу, у 78 – 85 % наблюдаются неврозоподобные реакции. Низкая физическая активность формирует уже в детском и подростковом возрасте патологию сердечно-сосудистой системы, опорно-двигательного аппарата, способствует повышенной хрупкости костной ткани, что, в свою очередь, ведет к увеличению травматизма как в быту, так и в условиях школы [11].

В результате проведенного нами исследования учащихся установлено, что количество школьников, не посещающих уроки физической культуры, к 2006 году увеличилось, а занимающихся дополнительно в кружках физической культуры, спортивных секциях и клубах уменьшилось; в целом от 80 до 100 % мальчиков и девочек всех возрастных групп почти каждый день и более одного раза в неделю испытывают головную боль, боль в спине, подавленность, раздражительность или плохое настроение, нервное напряжение, причем девочки в большей степени; по мере взросления увеличивается количество мальчиков и девочек, имеющих ограниченный объем физической активности, регулярно (каждый день) курящих табак и употребляющих алкоголь.

С другой стороны, установлено, что объем систематических занятий физическими упражнениями от четырех до семи дней положительно влияет на отказ от вредных привычек и повышает у школьни-

ков старших классов позитивную субъективную оценку качества жизни.

Вызывает серьезную озабоченность неправильная организация питания в школах, что в итоге приводит к увеличению частоты специфических заболеваний органов пищеварения.

Неуклонный рост цен на продукты питания негативно отражается и на организации школьного питания: почти каждая третья школа в России не имеет условий для обеспечения учащихся питанием, особенно в сельской местности (отсутствие столовых, пищеблоков в школах, сложности с централизованной доставкой продуктов и т. д.).

У большинства современных детей и подростков отмечается нерациональное (нездоровое) питание, при котором рацион несбалансирован и характеризуется избытком углеводного компонента, преобладанием животных жиров. Такое питание сопровождается недостатком полиненасыщенных жирных кислот, витаминов, минеральных веществ, в особенности микроэлементов, дефицит которых влияет на рост и развитие детей и подростков крайне негативно.

Выявлено недостаточное использование в рационах питания продуктов, богатых витаминами Р, РР, минеральными веществами, содержащими кальций, фосфор, йод, железо, не учитываются климатические особенности районов проживания, особенно эндемических. В последние годы дети в среднем недополучают в год до 30 % белков и 15 – 50 % витаминов.

По данным НИИ ГиОЗДиП НЦЗД РАМН, за последние 10 лет среди современных школьников увеличилась доля лиц, употребляющих 1 раз в неделю и реже молочные (с 12,7 % до 28,2 %), мясные продукты (с 5,2 % до 13,0 %); свежие овощи, фрукты, соки (с 2,5 % до 5,3 %), снизилось их ежедневное употребление (с 67,7 % до 33,1 %). Возросло частое потребление консервированных продуктов (с 12,4 % до 27,5 %). Отмечается тесная связь нездорового питания в подростковом возрасте с различными функциональными отклонениями и хроническими болезнями органов пищеварения, а также тех систем организма, которые в этот период онтогенеза находятся в состоянии роста и развития: сердечно-сосудистой, костно-мышечной, эндокринной, нервной.

Хронические гастриты, гастродуодениты, нередко в сочетании с дискинезиями желчно-выводящих путей, панкреатитами, холециститами, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки диагностируются в среднем у каждого пятого школьника.

Поэтому проблема питания детей в стране и в том числе в общеобразовательных учреждениях становится все более важной государственной задачей.

В ряде исследований кузбасских авторов, показано, что в настоящее время наблюдается парадоксальная ситуация: при абсолютно положительном отношении к факторам здорового образа жизни, особенно в отношении питания и двигательного режима, в реальности их используют лишь 10 – 15 % опрошенных как из-за отсутствия валеологической грамотности, так и из-за низкой активности личности, поведенческой пассивности [6; 12].

Тревожным является тот факт, что уже в младшем школьном возрасте отмечается формирование вредных привычек, распространенность которых в динамике обучения возрастает. Употребление алкоголя, регулярное курение уже в подростковом возрасте оказывает значительное влияние на формирование функциональных отклонений и хронических болезней.

Таким образом, уклад жизни современных школьников характеризуется значительной распространенностью неблагоприятных факторов. Несоблюдение элементарных гигиенических требований ведет к снижению адаптационных возможностей организма. Гипокинезия, нездоровое питание, токсическое воздействие табака, алкоголя на фоне морфофункциональной незрелости, незавершенности развития основных систем организма в значительной степени определяют формирование отклонений в состоянии здоровья подрастающего поколения.

Общеизвестны наиболее характерные нарушения функционального состояния учащихся, которые развиваются в динамике учебного процесса:

– Состояния соматического дискомфорта. Проявляются легким недомоганием школьника, неопределенными или вполне конкретными ощущениями неблагополучия отдельных систем и органов. Чаще это несильные головные боли, легкое подташнивание, отрыжка, неприятный привкус во рту, тяжесть в желудке, неприятные ощущения и урчание в животе, обусловливающие метеоризм, насморк и кашель как проявления простуды, резь в глазах, кожный зуд в результате аллергических реакций и др. Обеспокоенный своими неприятными ощущениями, школьник отвлекается от урока, не может сосредоточиться, что приводит к ускоренному наступлению состояния утомления и иногда вынуждает учителя использовать свои властные полномочия, авторитарный стиль воздействия.

Причины этих состояний часто вне школы (неправильное питание; десинхроноз – нарушение ритма жизни, сбой «внутренних часов»; недосып, столь частый у школьников; физическое переутомление и т. д.). У старшеклассников к подобным состояниям иногда приводит чрезмерно интенсивная сексуальная активность (в том числе занятия онанизмом).

Списывать вину за такие состояния только на семью, родителей учащихся, плохую медицину и т. д. было бы ошибкой, поскольку во многих случаях причины связаны со школой: отсутствие горячего питания и плохая организация приема пищи, несоблюдение температурного режима в классах и в школе, сквозняки, нарушения гигиенических требований к проведению уроков физкультуры, сухость воздуха в классах, напряжение зрения на уроках и др.

– Состояния физического дискомфорта и гиперактивности учащихся. Физический дискомфорт проявляется на уроках в беспокоящих ребенка мы-

шечных ощущениях в разных частях тела, чаще в спине, в ногах, в области затылка, в невозможности принять статическую позу, которая была бы комфортна. Заметны нехарактерные для данного ученика непоседливость, «верчение» за партой, «кряхтения», жалобы на неприятные ощущения в теле и др. После проведения физкультминутки эти проявления могут исчезнуть, но вскоре снова возникнуть.

Одна из причин этих состояний – длительно фиксируемая неудобная поза, боль в мышцах после физической нагрузки при редких занятиях спортом, проявления остеохондроза, а также психологические реакции на дистресс и фрустрацию (мышечные зажимы при авторитарном стиле работы учителей, напряжении, тревоге, страхе, подавляемой агрессивности). Другая возможная причина – гиподинамия, актуальная проблема всех развитых стран мира.

К проявлениям физического дискомфорта относится и повышенная двигательная активность школьников на уроке. Причины эго состояния не столько в педагогической запущенности, сколько в нейрофизиологических проблемах ребенка, имеющих органическую природу. У педагогов, психологов и врачей всего мира рост числа детей, которым ставят диагнозы гиперкинетический синдром, синдром дефицита внимания с гиперактивностью, минимальная мозговая дисфункция, вызывает большую тревогу.

– Состояния утомления и переутомления учащихся. Учащиеся составляют группу лиц умственного труда, деятельность которых связана с интенсивными информационными нагрузками, что требует напряжения памяти, внимания, мыслительных процессов, а также эмоционального напряжения, что неизбежно сопровождается активацией структур лимбико-ретикулярного комплекса и изменением вегетативных функций.

В качестве неоптимальных функциональных состояний, развивающихся в процессе учебной деятельности и в той или иной мере вызывающих динамическое рассогласование, обычно описываются состояния хронического утомления и эмоционального стресса. Характерные симптомы умственного утомления – снижение показателей сенсорной чувствительности, увеличение времени сенсомоторных реакций, снижение частоты сердечных сокращений, увеличение длительности и амплитуды различных периодических составляющих волновой структуры сердечного ритма [13; 14].

Если развитие утомления следует считать естественной реакцией организма, имеющей приспособительный характер, то его чрезмерное развитие, а также кумуляция при отсутствии достаточно продолжительного и полноценного отдыха приводит к развитию переутомления – патологического состояния невротического типа.

Появление и повсеместное внедрение в практику образования различных инновационных методов обучения не подкреплено комплексными нейрофизиологическими, медицинскими и социально-гигиеническими исследованиями, зачастую инновации носят характер эксперимента, без должного научно-медицинского и психологического обоснования.

В контингентах массовых школ зачастую оказываются школьники (до 5 %) с различными наследственными дефектами, психосоматика которых формируется в период полового созревания, что приводит к их отставанию в физическом, половом, интеллектуальном развитии и ставит вопрос теперь уже о запоздалом переводе в специальные школы (VIII типа). При достижении определенных положительных результатов необходимо перевести ребенка в учебное заведение любого (вида) типа. При этом следует подчеркнуть, что существующая система диагностики и отбора, периодически функционирующие медико-педагогические комиссии допускают ошибки в комплектовании специальных детских учреждений, поскольку не располагают ни необходимым для надежной диагностики временем, ни соответствующими условиями работы [6].

Между тем отмечается низкий уровень информированности современных учащихся в отношении привычек, вредных для здоровья. Согласно результатам исследования, проведенного в общеобразовательных школах ряда регионов России (1073 подростка 14 – 18 лет, учащихся 8 – 11 классов) только 60 – 63 % учащихся 8 – 10 классов информированы о негативном влиянии на здоровье курения, употребления алкоголя, низкой двигательной активности, нерационального питания. К окончанию школы этот процент меняется незначительно (до 70 %). У каждого второго школьника (48,3 – 54,2 %) отсутствует сформированность стойких установок на здоровый образ жизни [16].

Это свидетельствует о недостаточной адекватности современной системы гигиенического обучения и воспитания школьников по формированию у них умений и навыков здорового образа жизни, сознательного и ответственного отношения к сохранению и укреплению своего здоровья и здоровью окружающих.

Усугубляет положение отсутствие у большинства руководителей школ и учителей специальных знаний и умений по элементарной функциональной диагностике состояния здоровья обучающихся, по организации психолого-физиологического сопровождения воспитательно-образовательного процесса.

Общая неудовлетворенность детей процессом обучения, а также психотравмирующие ситуации, которые возникают в школе, опасны, поскольку, не находя продуктивного выхода из школьных затруднений, многие дети, главным образом переходного возраста, могут приобщаться к психотропным веществам. Другими словами, массовая школа (не удовлетворяющая базовых потребностей занимающихся) косвенно способствует формированию у подростков психологической готовности к аддиктивному поведению (алкоголизм и наркомания) [15].

Распространенность среди школьников курения, употребление алкоголя, наркотиков свидетельствует о низком уровне гигиенических знаний, а также о неэффективности существующих форм и методов гигиенического воспитания подрастающего поколе-

ния. При этом должно возрастать воспитание детей и подростков не только в организованных коллективах, но и в семье: установлено, что в благополучных семьях нервно-психические расстройства у детей встречаются в 3 раза реже, чем в неблагополучных (126,8 % против 83,2 %), выраженные заболевания органов пищеварения в 2,5 раза (14,9 % против 39,9 %), ЛОР-органов – в 1,5 раза, количество часто болеющих детей различается в 6 раз [6].

Сохранение физического и психического здоровья студентов – важная составляющая образовательного процесса в вузе. Своевременное распознавание развивающихся дисфункций систем организма обучаемого в результате учебной деятельности является основной задачей педагогического коллектива.

Для выполнения задач по сохранению, укреплению здоровья студентов на базе Кемеровского государственного университета были проведены исследования состояния здоровья 738 студентов, их адаптационных возможностей и определения уровня их знаний о таких категориях, как «здоровье» и «здоровый образ жизни». С 1998 года началось создание паспорта состояния здоровья студентов в динамике их обучения в вузе.

Оценка состояния здоровья осуществлялась через анкетный опрос, тестирование, функциональную диагностику, врачебные осмотры.

За период с 1998 по 2008 годы нами зафиксировано существенное увеличение обращаемости студентов за медицинской помощью (на 24,9 %) и случаев заболеваний (на 29,6 %). В структуре заболеваемости на первом месте находятся болезни органов пищеварения, среди которых гастриты, гастродуодениты, язвы желудка и 12-перстной кишки, на втором месте – гипертоническая болезнь, на третьем – болезни органов дыхания, среди которых бронхит и бронхиальная астма. Обнаружены и такие патологии, как вегето-сосудистая дистония, нейроциркуляторные дистонии по гипертоническому и кардиальному типам, что, вероятно, связано с увеличивающимися нагрузками на нервную систему, умственным перенапряжением, стрессами различного характера, продолжительной гиподинамией, а также с нерациональной организацией учебного процесса, режима работы и отдыха.

Изучение состояния физического (соматического) здоровья студентов показало, что наиболее низкие показатели комплексной оценки здоровья наблюдаются у студентов 5-го курса, в отличие от студентов 1-го и 3-го курсов. Пятикурсники характеризуются «ниже среднего» и «низким» уровнем физического здоровья, студенты 1-го курса – «средним» уровнем, студенты 3-го курса – «средним» и «выше среднего» уровнем физического здоровья. Высокий уровень функционального состояния определен только у 20,5 %, средний – у 50 %, низкий – почти у 30 % студентов. Биологический возраст у 83 % студентов превышает паспортный, причем у отдельных студентов он составляет 10 – 15 лет.

Соматическое здоровье студентов существенно зависит от их эмоционального благополучия. Как показали исследования, большинству студентов свойственна высокая тревожность и даже депрессивное состояние, что в свою очередь приводит к нарушению когнитивной и эмоциональной сфер. Стрессоустойчивая психика выявлена у 18 % студентов, у 43 % отмечено перенапряжение регуляторных систем организма. Многие студенты (66 % на 1-м курсе, 31 % на 3-м курсе, 97 % на 5-м курсе) указывают в своих анкетах на то, что они, просыпаясь утром, не чувствуют себя «свежими» и отдохнувшими.

Полученные данные по вопросам общего самочувствия свидетельствуют о том, что на 1-м курсе соматические нарушения отмечены у 81 % обследованных студентов. Из них 100 % отмечали нарушения сразу по нескольким показателям; 100 % отмечали ухудшение общего самочувствия и 100 % – утомляемость. 95 % студентов, из числа предъявляющих жалобы, указывали на начальные проявления дисфункций сосудов головного мозга, 68 % – на нарушения со стороны сердечно-сосудистой системы, 45 % – со стороны нервной системы и 28% – со стороны желудочно-кишечного тракта. Не предъявляли жалоб вообще 19 % студентов 1-го курса [6].

Таким образом, в структуре субъективно отмечаемых соматических жалоб студентов 1-го курса преобладает утомляемость, ухудшение общего состояния и начальные признаки дисфункций сосудов головного мозга. Обращает на себя внимание значительная распространенность различного рода расстройств среди студентов-первокурсников, несмотря на то, что каждый из них перед поступлением в университет проходил всесторонний медицинский осмотр и был признан практически здоровым. Очевидно, это объясняется непривычно высокими эмоциональными нагрузками, неспособностью функциональных систем организма быстро адаптироваться к новому ритму жизнедеятельности, с одной стороны, и неадекватной оценкой собственного состояния – с другой.

Общее количество соматических жалоб у студентов 3-го курса значительно ниже. Наличие соматических нарушений отмечено у 28 % студентов из общего числа всех обследованных. Из них 75 % студентов отмечали нарушения по нескольким показателям; 100 % отмечали ухудшение общего состояния, 94 % – утомляемость, 95 % – нарушения функций сосудов головного мозга, 45 % – нарушения со стороны нервной системы, 43 % – со стороны сердечно-сосудистой системы и 10 % – со стороны желудочно-кишечного тракта. Не предъявляли жалоб вообще – 72 % из числа всех обследованных студентов 3-го курса. Таким образом, на 3 курсе отмечались сравнительно высокие показатели физического здоровья, снижение частоты соматических нарушений, что, по-видимому, можно объяснить функциональной адаптацией к условиям учебы в вузе. Однако, принимая во внимание тот факт, что имеющиеся нарушения со стороны нервной, сердечно-сосудистой и пищеварительной систем в большинстве случаев сопровождались ухудшением общего состояния и повышенной утомляемостью, можно го-

ворить об увеличении продолжительности функциональных нарушений и соматизации общей структуры нарушений.

Данные студентов 5 курса свидетельствуют о том, что число лиц, имеющих соматические жалобы, составило 92 % из числа всех обследованных. Из них 98 % студентов отмечали нарушения со стороны нескольких систем одновременно; нарушения со стороны нервной системы отмечали 45 %, со стороны сердечно-сосудистой системы – 49 %, желудочно-кишечного тракта – 19 %, постоянное утомление испытывали 100 % студентов, нарушения функций сосудов головного мозга – 92 % и лишь 8 % не предъявляли жалоб вообще. Таким образом, тенденция к увеличению функциональных нарушений отчетливо прослеживалась на показателях студентов 5 курса.

Таким образом, следует отметить, что к концу обучения (5 курс) отмечается стойкая тенденция к снижению физического здоровья студентов, увеличению соматических расстройств; увеличение количества обследованных, предъявляющих жалобы, что говорит о нарастающем истощении адаптационных механизмов. Неблагоприятные показатели состояния уровня физического здоровья пятикурсников можно объяснить еще и тем, что эти студенты полностью лишены занятий физкультурой и спортом и полевой практики. Кроме того, процент нарушающих домашний режим среди студентов 5 курса значительно выше, чем среди студентов 1-го и 3-го курсов.

Результаты ряда исследователей [15, 16] свидетельствуют о том, что в первые годы обучения для студентов характерна сначала мобилизация резервов организма, а затем – их истощение, поскольку адаптация к комплексу новых факторов, специфических для высшей школы, сопровождается значительным напряжением, а также нарушениями режима работы, отдыха, питания и особенно двигательной активности; что причиной ухудшения физического здоровья студентов является интенсификация учебного процесса и существующая его организация, основанная на преобладании статических нагрузок.

Показатели оценки уровня стресса, полученные при помощи диагностического прибора «МИР-21» (в баллах), указывают на то, что среди студентов 1 курса в период относительного «покоя» (обычных занятий) наибольший процент лиц находились в состоянии «напряжения» (36,25 % юношей и 32 % девушек) и «перенапряжения» (28,75 % юношей и 50 % девушек) адаптационных механизмов. В состоянии «нормы» отмечено 25 % юношей и 11 % девушек. Среди первокурсников выявлены лица, находящиеся в состоянии «истощения» адаптационных механизмов (10 % юношей и 7 % девушек) в период относительного «покоя». В период предэкзаменационного «стресса» (сессия) число лиц в состоянии «перенапряжения» возросло до 38,75 % у юношей и до 62 % у девушек, а число лиц в состоянии «нормы» уменьшилось до 7,5 % у юношей и до 2 % у девушек. Увеличение числа студентов в состоянии «перенапряжения» в период «стресса» происходило за счет перехода из состояния «нормы».

Среди студентов 3 курса наибольший процент учащихся в период относительного «покоя» находились в состоянии «нормы»: 54,6 % юношей и 49 % девушек. У 35,2 % юношей и 40 % девушек наблюдалось состояние «напряжения». В период «стресса» процент показателей «нормы» снизился до 30,7 % у юношей и до 15 % у девушек, а процент показателей «напряжения», наоборот, возрос до 59,2 % у юношей и до 64 % у девушек за счет перехода из состояния «нормы» в состояние «напряжения». Число лиц в состоянии «перенапряжения» у юношей изменилось незначительно, а у девушек возросло с 5 % до 13 %.

Для всех студентов 5 курса, практически в равной степени, было характерно состояние «нормы» (33 % юношей и 29 % девушек), «напряжения» (29 % юношей и 33 % девушек) и «перенапряжения» (29 % юношей и 26 % девушек) механизмов адаптации.

Следовательно, наиболее низкие показатели оценки уровня стресса выявлены у студентов 3 курса, которые в основном характеризовались состоянием «нормы» и «напряжения» адаптационных механизмов, возрастающего во время экзаменов, что является вполне естественной реакцией организма на стресс и может быть объяснено проявлением адаптации к учебному процессу. Полученные результаты по оценке уровня стресса у студентов 1, 3 и 5-го курсов подтверждают тот факт, что в первые годы обучения студентов характерна сначала активная мобилизация резервов организма, а затем – их истощение, так как адаптация к комплексу факторов, специфических для высшей школы, сопровождается значительным напряжением и нарушением режима работы и отдыха.

Таким образом, среди причин, вызывающих серьезные проблемы со здоровьем обучающихся, дисфункции в психической и социальной сферах, общее снижение иммунной защиты и нарушения в нервной, сердечно-сосудистой, дыхательной, опорно-двигательной и других анатомо-физиологических системах, одной из основных является нарушение адаптивных возможностей организма в отношении динамичной, а порой – в значительной степени агрессивной окружающей среды.

Исследование позволило сделать вывод о необходимости обратить внимание на нерациональную интенсификацию воспитательно-образовательного процесса: гиподинамию обучающихся, несоблюдение основных физиолого-гигиенических требований к организации учебного процесса, недостаточную профессиональную компетенцию педагогов в вопросах охраны здоровья обучающихся, воспитанников.

Литература

1. Дубровинская, Н. В. Психофизиология ребенка. Психофизиологические основы детской валеологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заве-

дений / Н. В. Дубровинская, Д. А. Фарбер, М. М. Безруких. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 144 с.

2. Казначеев, В. П. Адаптация и конституция человека / В. П. Казначеев, С. В. Казначеев. – Новосибирск, 1996. – 119 с.

3. Брехман, И. И. Введение в валеологию – науку о здоровье / И. И. Брехман. – Л.:Наука, 1987. – 125 с.

4. Анохин, П. К. Очерки по физиологии функциональных систем / П. К. Анохин. – М.: Медицина, 1975. – 448 с.

5. Безруких, М. М. Психофизиология ребенка / М. М. Безруких, Н. В. Дубровинская, Д. А. Фарбер. – М.: МОДЭК, 2005. – 496 с.

6. Казин, Э. М. Использование психолого-педагогической и психофизиологической диагностики в целях профессионального самоопределения старшеклассников / Э. М. Казин, Н. А. Заруба, О. А. Никифорова // Актуальные проблемы в образовании: матлы I Всерос. научно-практ. конф. – М., 1997. – С. 31 – 33.

7. Смирнов, Н. К. Здоровьесберегающие образовательные технологии и психология здоровья в школе / Н. К. Смирнов. – М.: АРКТИ, 2005. – 448 с.

8. Санитарные правила и нормы СанПиН 2.4.2.-1178-02.

9. Петухов, С. И. Педагогические основы формирования здоровья и развития младших школьников в системе физического воспитания: дис. … д-ра пед. наук / С. И. Петухов – Кемерово, 2001. – 303 с.

10. Солодова, Г. Г. Развитие и воспитание личности: в 2-х частях / Г. Г. Солодова. – Кемерово, 2004. – 244 с.

11. Кучма, В. Р. Гигиена детей и подростков / В. Р. Кучма. – М.: Медицина, 2001. – 387 с.

12. Литвинова, Н. А. Роль индивидуальных психофизиологических особенностей студентов в адаптации к умственной и физической деятельности: автореф. дис. … д-ра биол. наук / Н. А. Литвинова – Томск, 2008. – 38 с.

13. Баевский, Р. М. Прогнозирование состояний на грани нормы и патологии / Р. М. Баевский. – М.: Медицина, 1979. – С. 295.

14. Навакатикян, А. О. Возрастная работоспособность лиц умственного труда / А. О. Навакатикян, В. В. Крыжановская. – Киев: Здоровье, 1979. – 207 с.

15. Апанасенко, Г. Л. Индивидуальное здоровье: теория и практика / Г. Л. Апанасенко // Валеология. – 2006. – № 1. – С. 5 – 9.

16. Гончаренко, М. С. Валеологические аспекты социального здоровья / М. С. Гончаренко // Дерматология и венерология. – 2001. – № 2. – С. 58 – 62.

17. Агаджанян, Н. А. Чрезвычайные ситуации, стресс и биоритмы / Н. А. Агаджанян // Проблемы ритмов в естествознании: мат. II Междунар. симпозиума. – М.: РУДН, 2004. – С. 28 – 29.

УДК 378

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОРТАЛ КАК СПОСОБ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИОННЫМ РЕСУРСАМ

Г. Г. Тупикина, С. А. Дочкин

EDUCATION PORTAL IS ACCESS'S WAY FOR INFORMATIONAL RESOURCES.

G. G. Tupikina, S. A. Dochkin

В статье рассматриваются возможности применения портальных технологий в профессиональном образовании. Представлены характерные черты и особенности образовательного портала вуза, используемых ресурсов и сервисов. Предложена обобщенная модель портала и системная платформа для его развертывания

The article deals with the opportunities portal's technologies usage in professional education is discerned. It presented typical traits and peculiarities in higher educational institution education portal. There is suggested general model of portal and systemic platform for its opening.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, образовательный портал, контент, профессиональное образование, сетевые ресурсы.

Keywords: IT technologies, education portal, content, professional education, net's resources.

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) привело к новым взглядам на развитие мирового сообщества, в основе которого лежит его интеграция. Развитие современного общества уже невозможно без специалистов в современных областях, прежде всего в ИКТ, без поддержания высокого уровня интеллекта населения. В настоящее время промедление с развитием Интернета и родственных ему технологий в любой стране мира равносильно публичному признанию принадлежности страны к третьему миру. Соответственно в мире происходит конструктивное изменение системы образования за счет максимального использования ИКТ на основе применения Интернета. Решающее значение приобретает удаленный доступ к образовательным технологиям и ресурсам, возможность оперативного общения всех участников образовательного процесса. Модернизация российского профессионального образования также ведется в условиях глубокой информатизации, в целях решения задачи создания единой информационно-образовательной среды (ЕИОС). И особенно важную роль в формировании и развитии ЕИОС играет, в первую очередь, создание взаимосвязанной системы образовательных порталов, что позволит обеспечить рациональное взаимодействие многочисленных серверов и сайтов, имеющих отношение к образованию. Нами было проведено исследование по определению структуры образовательного портала,

способного решать задачи профессионального образования в вузе.

Вообще, портальная технология является одним из наиболее перспективных направлений использования ИКТ в образовании. В настоящее время термин «портал» является весьма популярным термином, которым часто злоупотребляют, зачастую у людей отсутствует отчетливое понимание того, что же скрывается за этим термином. Существует много определений портала, часто в научной и технической литературе под порталом понимается: Web-сайты, ориентированные на определенные аудитории и сообщества, которые обеспечивают: объединение информационного наполнения и доставку важной для данной аудитории информации; совместную работу и коллективные услуги; доступ к услугам и приложениям для избранной аудитории, предоставляемый на основе строгой персонализации [2]; WWW-компьютерная система (приложение, мультисервисный сервер), обеспечивающий персонифицированный и настраиваемый интерфейс, возможность людям находить и взаимодействовать с другими людьми, находить и использовать информацию в соответствии со своими интересами [4]; сайт, организованный как системное многоуровневое объединение различных ресурсов и сервисов; «электронная библиотека», разделенная на различные тематические отделы, способные включать в себя количественные и качественные данные, анализы, графики и т. д., обновление которых происходит в реальном времени [1]; сетевой телекоммуникационный узел, обладающий быстродействующим доступом, развитым пользовательским интерфейсом и широким диапазоном разнообразного содержимого, услуг и ссылок; интеллектуальный инструмент выбора источников содержания, объединение ресурсов для представления конечному пользователю посредством простого для навигации и настройки интерфейса [2]; специальным образом оформленная Web-страница, которая содержит большое число гиперссылок, позволяющих вызывать различные сервисы; информационный узел, совокупность тематических сайтов, объединенных поисковой системой, основная функция которого состоит в обеспечении подключения клиентов – посетителей портала, к соответствующим источникам информации и т. п.

В общем виде порталы обычно позиционируют как отправные точки для пользователей, ориентированных на определенную тематическую область. Очевидно, что, несмотря на различия в приведенных выше определениях, можно выделить основные моменты, характерные для всех дефиниций и отражающие сущность понятия «портал», а именно: портал – это единая интегрированная точка эффективного всестороннего неограниченного доступа к информации, приложениям и людям [1].

Преимущества использования информационных порталов заключаются в том, что они: структурируют данные, находящиеся в базе данных и предоставляют их в удобной для использования форме; отслеживают, извлекают и фильтруют информацию из Интернета, основываясь на требованиях пользователей; обеспечивают всеобщий доступ к открытой информации, ограниченный лишь возможностями сети; используют графические, аудио- и видеосредства предоставления информации и единую универсальную программу – браузер – для работы со всеми видами информации.

Таким образом, портальная технология позволяет максимально приблизить ресурсы к пользователям, обеспечивает интеграцию информационной сущности организации, организует отношения внутри рабочих и информационных групп, создавая условия для единого информационного пространства [3].

Современные Интернет-порталы представляют собой достаточно крупные и сложные сетевые информационно-технологические комплексы, ориентированные на оказание справочных, аналитических, коммуникационных, образовательных и иных информационных услуг. Их разработка требует глубокого и разностороннего концептуального исследования путей и возможностей построения информационных сетей, научно-методического и технологического обоснования способов формирования отраслевых и региональных информационных сетевых ресурсов различного назначения [1].

Многие современные мегапорталы первоначально создавались как механизмы поиска, однако со временем они начали аккумулировать большие запасы информации, предоставлять их широкой аудитории пользователей в структурированном виде, затем добавилось оказание дополнительных услуг, таких как электронная почта и т. д. Другой путь эволюции портала – из многочисленных сайтов, разворачиваемых каким-либо учреждением (вузом) под различные приложения [2]. С течением времени, по мере развития учреждения, появляется все больше проблем, связанных с чрезмерным объемом администрирования, управления пользователями и отдельными разработками. Возникает необходимость в оптимизации проблемы перехода количества размещаемых информационно-образовательных ресурсов в новое качество – в информационный портал как центр управления имеющимися ресурсами.

Таким образом, превращение «сайта» в «портал» связано с трансформацией идеологии использования сети Интернет, которая заключается в переходе от «скольжения» по различным адресам сети с целью поиска нужной информации или необходимых услуг, – к «углублению» в информационные, сервисные и, даже возможно, развлекательные «недра» одного тематического сайта, т. е. предполагается, что пользователь (в нашем случае – педагог учреждения профессионального образования), целенаправленно придя на портал, должен найти здесь цель своих поисков, получить всю интересующую его информацию и услуги [2].

Итак, важными характеристиками портала являются: персонализация для конечных пользователей – независимо от того, предназначено клиентское место портала для индивидуального пользователя

или для сообщества, портал должен позволять настраивать свой внешний вид, содержание и интерфейс приложений для каждого индивидуально; организация клиентского места – пользовательской рабочей среды, которая позволила бы устранить информационные перегрузки – доступ пользователя к информационным ресурсам должен быть организован в наиболее удобном, консолидированном виде; распределение ресурсов – обеспечение разделения некоторых возможностей портала на уровни, доступные разным категориям пользователей. Порталы должны обеспечивать идентификацию пользователя, т. е. поддерживать аутентификацию, единую регистрацию на сервере, создание карты прав доступа и т. д.; отслеживание выполнения работ – эта характеристика особенно важна для персонификации портала, которая устанавливается в начале его использования пользователем и нарастает по мере накопления информации о его интересах и склонностях. Важно, что пользователю предоставляется максимальный контроль над тем, что будет отслеживаться, чтобы не возникало опасений по поводу контроля над личной информацией; активный доступ и отображение информации из хранилища данных; локализация и обнаружение нужных людей и информации – используемые поисковые механизмы должны обеспечивать как пассивное информирование и обнаружение, так и средства активного обнаружения экспертов, сообществ и контента, связанного с определенной тематикой.

Итак, мы выделили следующие требования к порталу при его развертывании: обслуживание большого числа пользователей (студентов вузов); широкий спектр информации; поддержка основных сетевых форматов; широкие возможности персонализации; реализация удобных и эффективных поисковых механизмов, оценка достоверности и полноты полученных данных; обеспечение защиты хранящейся информации с использованием программных и физических способов обеспечения безопасности; интеграция – обеспечение возможности взаимодействия пользователей со всеми приложениями и информационными ресурсами через единый интерфейс; разбивка хранимой информации на категории – категориизация, автоматизированные процедуры категоризации результатов поиска; приложения интеллектуального анализа – системы управления знаниями [1]. При этом следует учитывать, что информационная система портала ориентирована на конечного пользователя, следовательно, она должна обладать простым, удобным, интуитивно понятным интерфейсом, который предоставит конечному пользователю возможность с наибольшей эффективностью использовать все предоставляемые информационные ресурсы и услуги, но в то же время не позволит ему выполнять какие-либо «лишние» действия. Это особенно важно для использования ресурсов портала неподготовленными пользователями.

Однако не следует увлекаться техническими аспектами, а помнить, что основная ценность портала определяется его информационным наполнением, «контентом».

Контент портала определяется его функциональным назначением и варьируется в зависимости от его вида – оперативная информация (погода, котировки и т. д.), картографическая информация, электронные календари, органайзеры и записные книжки, ежедневные новости, анонсы информационных статей, конкурсы, электронные рассылки и многое другое. Цель любого портала это прежде всего предоставление конкретному пользователю необходимой информации в течение минимального времени и без дополнительных затрат на просмотр несущественных материалов, переключение между разными интерфейсами и т. д. Находить, а не искать, – именно этот принцип обусловливает подбор, представление и организацию любого контента любого портала, особенно если портал нацелен на решение задач обеспечения образовательной деятельности.

Контент, являясь одним из ключевых понятий, представляет собой основное средство мотивации, «привязывания» студента (любого посетителя) к порталу, поэтому он должен обладать определенными свойствами, которые должны выгодно выделять его среди уже имеющихся структур: быть упорядоченным, структурированным, оперативно обновляемым, интерактивным, легальным и т. д. Таким образом, правильный подбор и администрирование контента определяет успешное функционирование портала в целом. Если контент портала теряет свою актуальность, то информационные ресурсы могут приобрести даже отрицательную ценность, вводя пользователя (в особенности обучающегося) в заблуждения, провоцируя различные неприятные ситуации и т. д., что, естественно, не будет способствовать повышению популярности портала и в результате – процесса обучения, построенного на его основе. Важное значение здесь имеет грамотная организация процесса обновления информационных ресурсов – распределение прав доступа на редактирование контента, а также определение стандартных процедур создания и публикации нового информационного наполнения.

Обычно системы управления контентом (системы контент-менеджмента) позволяют авторам, даже не обладая техническими знаниями, легко ввести информацию, что особенно актуально для «нетехнических» порталов гуманитарного профиля. И это особенно важно, если в качестве авторов должны выступать педагогические работники, не всегда обладающие высоким уровнем подготовки в области ИКТ.

Одной из основных форм, определяющих представление и распространение контента на портале, является персонализация – система регистрации пользователя, которая в той или иной мере используется теперь на большинстве Web-серверов. Для этого используются механизмы фильтрации информации и анализа работы пользователя, с их помощью удается определить ту область, которая может заинтересовать его. Посетителям портала направля-

ются личные приветствия, рекламные объявления, предоставляется возможность настройки интерфейса портала, регулярной доставки определенной информации и т. д. В основном в настоящее время используется два метода персонализации: с использованием правил – на основе вводимой пользователем в регистрационную карточку личной информации о себе и своих интересах, разрабатывается набор правил, которые выполняются в процессе обработки различных запросов пользователя на предоставление доступа к определенным информационным ресурсам, к элементам интерфейса и т. д.; на основе фильтров используются сложные алгоритмы категоризации и предоставления контента на основе анализа поведения пользователя (к какой информации он обращается, какие сайты посещает и т. д.). Таким образом, несмотря на различия в организации, обе системы персонификации объединяет механизм разграничения уровней доступа к базам данных портала. В общем случае, можно выделить следующие категории пользователей по уровням доступа: администратор портала; администраторы ресурсов (их может быть несколько); зарегистрированный пользователь; гость (обучающийся, посетитель).

Таким образом, с учетом таких понятий, как персонализация и контент, можно выделить пять областей информационного наполнения, которые могут присутствовать на образовательном портале вуза (кафедры):

– личная информация индивидуального пользователя (обучающегося): электронная почта, календарь, расписание, личная адресная книга и т. д. Эти приложения персонифицированы, поэтому единственное, что необходимо сделать, это связать их с конкретным порталом;

– информация на уровне рабочих групп, которая обычно организуется в соответствии с административным делением по отделам или типам выполняемых работ – в вузе за основу может быть взята «учебная группа», как структурная единица. Эта информация включает ссылки на документы рабочих групп и команд, приложения по отслеживанию продаж и управлению отношениями с заказчиками, библиотеки документов и т. д. Следует учесть также такие аспекты, как принятые в вузе методы организации и распределения информации между группами (как правило, информация каждой рабочей группы не должна быть доступна людям, которые в ней не состоят);

– корпоративная информация, относящаяся к вузу (организации) в целом и используемая всем коллективом (нормативные документы, документы отдела кадров, информация о сессии, об отпусках, командировках, различных мероприятиях и т. д.). Эта информация, которая уже существует внутри каждой организации, должна располагаться в той области портала, к которой каждый сотрудник имеет быстрый и простой доступ;

– информация из локальных сетей, которая обычно связана с интерактивным взаимодействием между вузом и его деловыми партнерами через защищенные фрагменты сети. Это может быть информация о заказах, образовательных услугах, совместных мероприятиях, информация по проектам, которые выполняются совместно с внешними организациями, или приложения, которые совместно используются партнерами;

– информация из сети Internet (прогнозы погоды, новостные подписки, Web-узлы партнеров, органов управления образованием). Этот тип контента может быть доступен как определенным рабочим группам, так и всем сотрудникам, в зависимости от политики конкретного учреждения, организации.

Если провести анализ популярности образовательных ресурсов в настоящее время, размещенных на сайтах вузов Кузбасса, то можно сделать вывод, что наиболее востребованными являются базы данных, справочники, электронные библиотеки, учебные материалы, наименее – лабораторные работы, сайты отдельных дисциплин (рис. 1).

Существует несколько различных классификаций порталов в зависимости: от контента и предоставляемого сервиса; от разноплановости контента; от глобальности и масшабности предлагаемых ресурсов; от назначения и ориентации на конечного пользователя; от целевой пользовательской аудитории.

Таким образом, образовательный портал, развертываемый в интересах вуза (или на его основе), может быть представлен:

– как информационный портал, основная цель которого – предоставление людям информации или портал для совместной работы;

– как вертикальный портал, сочетающий определенное число разнообразных слоев – горизонтальных и вертикальных, представляющих различные типы информации;

– как корпоративный информационный портал – как портал, ориентированный в основном на внутренних пользователей (обучающихся, обучающих и других сотрудников) и объединяющий внутреннюю и внешнюю информацию и приложения для повышения производительности труда служащих. В архитектуре такого портала желательно выделять две части: внутренний портал (Интранет) с информацией, предназначенной для внутреннего использования посредством локальной сети ограниченным числом пользователей, и внешний портал, на котором расположена информация для широкого использования через Интернет;

– как портал публикации информации, ориентированный на большие, разнородные группы пользователей (студенты различных учебных групп, факультетов, специальностей) с разнородными интересами. Эти порталы содержат немного элементов персонификации и предлагают только базовые средства поиска и интерактивного взаимодействия [1].Сервисы, которые поддерживаются всеми порталами и представляют собой общую платформу, являются основой для более эффективного управления приложениями и информацией, поступающей из самых разных источников, уменьшают загрузку персонала и административные издержки. Среди ос-

новных сервисов портальной технологии можно выделить: сервисы сообществ, которые организуют портальные сообщества и обеспечивают доступ к сервисам через регистрацию пользователей и политики безопасности.

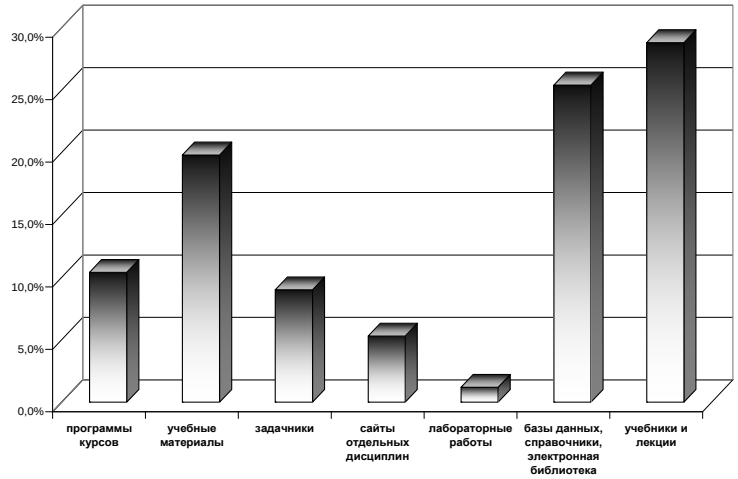


Рис. 1. Распределение ресурсов, представленных на сайтах вузов

Возможность интеграции сервисов и архитектуры является одним из основных преимуществ открытой портальной технологии, так как позволяет организациям использовать уже имеющиеся Web-совместимые приложения. Но в строгом значении понятий следует различать образовательный портал (портал обучения) и информационный портал системы образования. Первый в дополнение к функциям организации доступа к образовательной информации обладает также функциями создания и контроля знаний, а также подтверждения достигнутого образовательного уровня, т. е. реализует функции обучения. Если же в портале такой функции обучения нет, то такой портал является лишь информационным порталом.

Учитывая, что образовательная деятельность базируется на использовании больших объемов информации, соответственно именно система порталов, как средство представления, распространения, систематизации, структуризации и унификации информационных ресурсов Интернет, может обеспечить наиболее рациональный способ использования образовательных ресурсов. Таким образом, система порталов может составить основу информационной образовательной среды учреждения профессионального образования.

В нашем случае образовательный портал учреждения профессионального образования представляет собой составную часть системы порталов единого образовательного пространства, интегрированной в единую информационно-образовательную среду федерального уровня. При этом, с учетом рассмотренных возможностей и характеристик, портал представляет собой практически универсальное решение для организации очного и дистанционного обучения студентов, а также в целях повышения квалификации и переподготовки профессионально-педагогических кадров [1].

С учетом рассмотренных положений сформированный образовательный портал включил коммутационный портал и его сервисы. Модель коммуникационного портала (КП), решающая поставленные выше задачи, состоит из ряда организационных и технологических компонентов. Базовым компонентом образовательного портала является ядро коммуникационного портала, представляющее собой программно-аппаратный комплекс всей системы. В число функциональных блоков, входящих в состав ядра коммутационного портала, мы включили: блок формирования информационного содержания; блок управления БД; интерфейс администратора; интерфейс сетевой информационной системы.

Блок формирования информационного содержания обеспечил формирование информации о программах обучения, индивидуальных образовательных траекториях и индивидуальных образовательных маршрутах, предлагаемых и осваиваемых курсах для конкретного пользователя; формирование информации для адресной книги; формирование информации о библиотеке ссылок; механизмы проверки корректности вводимой пользователем информации. Блок управления базой данных обеспечил управление доступом к базам данных; настройку репликации и возможность слежения за доступом к базе и ее правильным функционированием. Блок интерфейса администратора обеспечил контроль за работой коммуникационного портала в целом; возможность добавления/удаления новых пользователей и назначения/изменения прав доступа имеющихся пользователей портала; возможность изменения/удаления уже имеющихся программ обучения и курсов и добавления новых индивидуальных образовательных программ и сформированных индивидуальных образовательных маршрутов; администрирование банка ссылок для каждого пользователя в отдельности, по группам или в целом для всех пользователей; возможность изменения/добавления/ удаления контактов в адресную книгу; изменение оформления коммуникационного портала в соответствии с требованиями; изменение/добавление сервисов в систему. Блок системного интерфейса обеспечивал взаимодействие КП с другими модулями сетевой системы и с другими

компонентами информационной образовательной среды.

Таким образом, данная модель, с одной стороны, позволила наиболее эффективно доставить необходимую для пользователя информацию в рамках процесса обучения, с другой – дала возможность достичь необходимой степени автоматизации этого процесса. Разработанная структура коммутационного портала предоставила возможности по организации клиентского места с целью устранения информационной перегрузки и оптимизации доступа к необходимой информации, отслеживанию и протоколированию действий пользователей для поддержания портала в рабочем состоянии, оценки эффективности его работы и оперативного устранения сбоев, обеспечению активного доступа и отображению информации из множественных гетерогенных источников данных. Причем в этом случае коммуникационный портал мог использоваться как в рамках сетевой информационной системы, так и автономно.

В целях реализации доступа к информационным ресурсам потребовались меры по созданию системной платформы, которая должна была служить основой информационной образовательной среды учреждения профессионального образования.

Нами были сформулированы следующие требования к используемой системной платформе: общедоступность и открытость, то есть обеспечение возможности легального использования технического решения и его компонентов с ориентацией на Web-технологии и свободно распространяемые программные продукты (класса Open Source); комплексность с возможностью охвата всех этапов обучения и участников процесса обучения – обучающихся и преподавателей-тьюторов; настраиваемость и изменяемость для адаптации к потребностям любого учреждения профессионального образования и обучающегося как с помощью изменения настроек, так и с помощью дополнительных программных компонентов; решение должно иметь простой и понятный интерфейс пользователя как для обучающихся, так и для преподавателей, оптимально-типовой Web-браузер; наличие максимального количества пользовательских сервисов, в том числе по организации работы удаленного пользователя в соответствии с учебным планом и разработки преподавателем собственных учебных ресурсов, созданных с учётом специфических потребностей и целей вуза; возможность обеспечения бюджетной поддержки со стороны вуза, техническое сопровождение и развитие собственными силами.

Существующие программные решения, как правило, являлись либо средством создания учебных курсов, либо средством демонстрации учебных материалов и, за некоторым исключением, не обладали достаточными функциональными возможностями для создания полноценной информационной образовательной среды и обеспечения подготовки педагогических кадров в сетевом режиме.

Поэтому, в интересах сообщества профессионального образования с учетом масштабов аудитории пользователей, финансовых аспектов развертывания и поддержки образовательного портала ПО, в качестве программной среды наш выбор был остановлен на свободно распространяемой системной платформе Moodle. Данная система распространяется бесплатно в виде набора компонентов с открытым исходным кодом по лицензии GNU GPL, что обеспечивает возможность ее использования без привлечения дополнительных финансовых затрат. Система Moodle широко используется в организации дистанционного обучения на различных уровнях образования в стране и мире. Это комплексный программный продукт, на базе которого может быть сформирована единая информационная образовательная среда, позволяющая обеспечить набор сервисов сетевого обучения, доступ и управление программными инструментами, цифровыми ресурсами, техническими и пользовательскими приложениями, структурированными данными.

Выбранное нами решение отвечало всем необходимым требованиям и обеспечивало открытую инфраструктуру для развития контентной информационной образовательной среды вуза (учреждения ПО) и интеграции аппаратно-программных компонент и разработок; организацию сетевого обучения и оценку знаний в удаленном доступе с локального рабочего места; возможность интеграции с внешними устройствами, инструментальными средствами, с приложениями и образовательным мультимедиа-контентом третьих фирм; единую регистрацию и авторизацию пользователей, регулируемое назначение ролей; доступ пользователей через Web-интерфейс, в том числе при работе с контентом; легкость обучения работе с системой; безопасность ресурсов и данных встроенными средствами; возможность использования современного интерактивного оборудования и терминальных устройств для организации учебного процесса; наличие простого настраиваемого интерфейса с использованием встроенных шаблонов и визуальных панелей управления для создания текстов, формул, графики; организацию сетевых сообществ обучающихся, преподавателей, родителей, поддержку индивидуальных траекторий обучения; высокую масштабируемость в зависимости от количества пользователей.

Литература

1. Дочкин, С. А. Информатизация дополнительного профессионального образования профессионально-педагогических кадров: организационно-педагогический аспект [Текст] / С. А. Дочкин: монография. – СПб.: Арден, 2010. – 226 с.

2. Образовательный портал [Электронный ресурс] / Гос.НИИ ИТ и ТК «Информика». – Режим доступа: http://tm.ifmo.ru/db/doc/presentation, свободный.

3. Прокофьева, М. С. Создание информационно-образовательного портала вуза [Текст] / М. С. Прокофьева // Технологии Интернет – на службу обществу: материалы Всерос. науч.-практич. конф. – Саратов, 2003. – С. 179 – 182.

4. Солдаткин, В. И. Информационно-образовательная среда открытого образования [Электронный ресурс] / В. И. Солдаткин // Телематика-2002: Всерос. науч.-метод. конф. – СПб, 2002. – Режим доступа: http://tm.ifmo.ru/db/doc/get_thes.php?id=22, свободный.

УДК 37.034

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ

Т. М. Чурекова, И. В. Москаленко

ON DEFINING MORAL VALUES AND GROUNDS FOR DISTINGUISHING THEM

T. M. Churekova, I. V. Moskalenko

Данная статья посвящена раскрытию некоторых существенных сторон природы нравственных ценностей. Приводятся основания для их выделения, исходя из которых уточняется определение нравственных ценностей, их признаки и функции. Особое внимание уделяется национальному аспекту нравственных ценностей. Охарактеризованы фундаментальные нравственные ценности русского народа и их реализация в более конкретных ценностях.

The article is devoted to displaying some essential nature of moral values. The grounds for distinguishing them from other kinds of values are given on the basis of which the definition of moral values, their characteristics and functions are specified. Special attention is paid to the national aspect of moral values. The fundamental moral values of the Russian people as well as more specific values that they comprise are characterized.

Ключевые слова: нравственные ценности, основания для выделения нравственных ценностей, признаки и функции нравственных ценностей, нравственные национальные ценности.

Keywords: moral values, grounds for distinguishing, characteristics and functions of moral values, national moral values.

Нравственные ценности являются универсальными формами человеческого общежития и простейшими нравственно-социальными нормами. Только человеку свойственно создавать мир ценностей. Создавая его в каждом конкретном случае, он созидает себя самого как личность, как социальный субъект, как неповторимую индивидуальность. В этом качестве человек способен взвешивать и иерархизировать ценности, делая сознательный выбор независимо от внешних влияний.

В научной литературе наряду с понятием «нравственные ценности» широко используется термин «духовно-нравственные ценности». При этом анализ их содержания показывает, что зачастую эти термины не разграничиваются. По сути дела, духовность и нравственность в ценностном аспекте практически употребляются как синонимы, что приводит к неоправданной подмене двух самостоятельных категорий и, как следствие, терминологической неточности.

Исследование нравственных ценностей предполагает раскрытие сущности понятие «нравственность» и разграничение его с семантически близким понятием «духовность». Изначально духовность – религиозное понятие, широко используемое в философии. Анализ научной литературы показал, что, несмотря на отсутствие однозначного определения духовности, можно выявить некоторое общее ее понимание, где духовность есть специфически человеческое качество, сущностно характеризующее позицию ценностного сознания, и, являясь ориентиром человека, выражается в идеале и ценностях, к которым стремится общество и человек. Если духовность характеризует высшие устремления человеческой личности, то нравственность – отношения личности с людьми и обществом. С этой точки зрения, духовность несводима к нравственности. Понятие «духовный мир» человека значительно шире понятия «нравственность».

В процессе исследования и формирования нравственных ценностей мы столкнулись с отсутствием чёткого понимания, что есть нравственные ценности и чем они отличаются от других видов ценностей. Проведённый анализ научной литературы позволяет нам утверждать, что не существует единого подхода в разграничении нравственных ценностей от других видов ценностей. В связи с этим одной из наших задач являлось описание оснований для выделения нравственных ценностей в общей системе ценностей. Другими словами, мы задались вопросом, на каком основании ту или иную ценность целесообразно относить или не относить к нравственной. К основаниям для выделения нравственных ценностей мы относим следующие.

1. Главным основанием является различение в нравственной ценности категории доброе/злое. Несмотря на исторически изменчивый характер этих понятий, суть их заключается в том, что под "добрым" всегда понимали то, что считается душевным, сердечным, чутким, достойным подражания; а "злым" – что жестоко, злобно, недоброжелательно и достойно осуждения.

Личность априори не является ни доброй, ни злой. Её нравственная сущность состоит в том, чтобы предпочесть добро злу в любой конкретной ситуации. «Добрым или злым является лишь человек …, в его отношении к ценностям» [1, с. 140]. Осуществление ценностей, признаваемых, в зависимости от обстоятельств, наиболее высокими и требующими наибольшей нравственной силы, является добром; осуществление ценностей, требующих

меньшей нравственной силы в конкретной ситуации, рассматривается как зло.

2. Любая нравственная ценность проявляется и актуализируется в своей направленности на другого человека, что на практике находит своё выражение в нравственных отношениях. Данная направленность, по мнению Ю. А. Шрейдера, связана с выбором альтруистической ориентации в поступках и «является важнейшей чертой нравственных ценностей, поскольку именно альтруизм превращает утилитарные блага в моральную ценность» [2, с. 39].

Альтруизм есть нравственный принцип, заключающийся в бескорыстном служении другим людям, в готовности жертвовать для их блага личными интересами. Выделяют два типа альтруистических мотивов: личностно-нормативный (мотив морального долга) и эмоциональный (мотив сочувствия). Реализация первого мотива сопровождается позитивными чувствами морального удовлетворения, самоуважения, повышения самооценки. Поведение человека, детерминируемое исключительно этим мотивом, носит жертвенный характер.

В свою очередь, эмоциональный мотив основан на эмпатии по отношению к тому, кто нуждается в помощи. Эмпатия есть способность поставить себя на место другого человека, увидеть и почувствовать происходящее так, как видит и чувствует этот человек. Мотив сочувствия лишает помощь жертвенного характера, так как внутреннее отождествление с объектом помощи предполагает слияние блага для другого и блага для себя.

В этой связи важным для нашего исследования является понятие «разумный альтруизм», введённое Е. Ю. Ермаковой и В. А. Ермаковым. Разумным альтруизмом ученые называют такое альтруистическое отношение, которое, во-первых, целесообразно (в противоположность тому, что называют обычно «донкихотством»), во-вторых, не способствует росту эгоизма окружающих и, в-третьих, переживается человеком не как самоотречение, а как самореализация, самоактуализация [3].

3. Актуализация смысла нравственной ценности заключается в добровольном самодеятельном согласовании чувств, стремлений и действий конкретной личности с чувствами, стремлениями и действиями другого человека и общества в целом. Под добровольностью мы понимаем независимость от окружения и ситуации при свободном выборе между добром и злом.

Совершаемый по естественному влечению поступок расширяет сферу моральной свободы. Данная категория также значима для нашего исследования, поскольку является необходимым условием для личности в выборе между добром и злом. В природе человека заключено стремление к добру и к злу. Человеку надо учиться минимизировать зло самому. Осознание человеком своей настоящей человеческой природы означает выбор в пользу добра.

4. Следующим основанием для выделения нравственных ценностей являются внутренние регуляторы стыда, совести и вины как субъективное сознание соответствия или несоответствия собственного поведения нравственным ценностям. Стыд – это непосредственная, импульсивно-эмоциональная реакция человека на несоответствие его поступков, помыслов или намерений, господствующим в обществе и разделяемым им самим нормам морали или правилам общественного поведения.

Э. Сандагийн различает стыд ложный (ситуативный) и настоящий (первородный), который «в отличие от ситуативного, есть всегда глубокое внутреннее переживание: когда и не пойман, но самонаказан» [4, с. 329]. Обладая чувством стыда, человек непосредственно различает в себе добро и зло. В работе же совести человек оценивает свои действия.

Совесть есть эмоционально-рациональная способность человека судить самого себя на основании уже имеющихся у него убеждений и представлений о добре и зле. Совесть предполагает субъективное сознание соответствия или несоответствия собственного поведения нравственным ценностям. Важной особенностью совести, на наш взгляд, является ее невозможность быть коллективной; она всегда индивидуальна и относится только к личности. Как субъективный принцип ответственности человека за свои действия совесть может быть предупреждающей, предостерегающей от зла.

По мнению Б. Л. Вульфсона, «связанное с совестью чувство вины зависит от уровня нравственного развития. Чем ниже этот уровень, тем меньше индивид задумывается о том, виноват ли он в чем-нибудь, а чем выше – тем сильнее чувство ответственности, осознание того, что он где-то совершил не безукоризненный в нравственном отношении поступок…» [5, с. 74]. Это связано с тем, что человек предопределен к свободному, ответственному, нравственному самоопределению и поэтому может совершать выбор в соответствии с нравственными ценностями.

5. Ещё одним основанием для выделения нравственных ценностей мы считаем категорию благоразумия, где благоразумие есть разумное предпочтение добра злу. Важно сохранять разумную меру при актуализации нравственной ценности по отношению к другому человеку. По природе своей человек (особенно русский) склонен к крайностям. Идея о необходимости некоего баланса между двумя крайностями как выборе разумного пути, «золотой середины» между ними восходит еще к Аристотелю.

Следуя его мысли, во всём нужна благоразумная умеренность. «Усиленное или недостаточное занятие гимнастикой губит телесную силу, точно так же и недостаточная или излишняя пища и питьё губит здоровье. Легко промахнуться, трудно попасть в цель, поэтому-то избыток и недостаток – принадлежности порока, середина – принадлежность добродетели» [6, с. 24 – 25]. «В доброте тоже нужно знать меру, ограничивая её строгостью и требовательностью, иначе неизбежным результатом … будет испорченность людей, ставших её объектами» [7, с. 32]. Применительно к нашему исследованию, благоразумие призвано ограничивать сферу актуализации нравственной ценности, дабы «не вымос-

тить благими намерениями дорогу в ад». Данное основание, на наш взгляд, актуально для людей альтруистической направленности, количество которых всегда составляло и по-прежнему составляет значительное меньшинство.

Для более наглядного и целостного представления об основаниях для выделения нравственных ценностей считаем необходимым отразить их в таблице.

Таблица 1

Основания для выделения нравственных ценностей

<table>
<tr><td colspan="3">1. Доброе/злое: как отношение к ценностям: доброе есть нравственное, злое – безнравственное</td></tr>
<tr><td>2. Направленность на другого человека: как выбор альтруистической ориентации в поступках</td><td>3. Добровольность: как независимость от окружения и ситуации при свободном выборе между добром и злом</td><td>4. Внутренние регуляторы: как субъективное сознание соответствия/ несоответствия собственного поведения нравственным ценностям</td></tr>
<tr><td colspan="2">5. Благоразумие: как разумное предпочтение добра злу</td></tr>
</table>

Вышеприведенные основания для выделения нравственных ценностей позволили нам определить нравственную ценность как императив, отвечающий нравственным требованиям добра, определяющийся разумной альтруистической ориентацией в отношении к другому человеку, проявляющийся на добровольной основе независимо от ситуации и окружения и регулируемый нравственными чувствами стыда, совести и вины.

Для более глубокого понимания сущности понятия «нравственные ценности» мы уточнили и обосновали признаки исследуемого явления:

Субъективно-объективная природа нравственных ценностей. Объективно они существуют в обществе в виде моральных норм, принципов оценок, понятий, идеалов. С субъективной стороны они должны быть осознаны и усвоены личностью, должны проникнуть в «глубинные слои» человеческой психики. В то же время отличительной чертой нравственной ценности как объективного качества является и то, что она непосредственно не проявляется в физическом пространстве и времени, не есть первичное качество и не ощущается отдельными органами чувств. Её отражение сознанием носит более сложный характер и осуществляется через восприятие, интуицию, умозрение.

Субъективная интенциональность нравственных ценностей, под которой мы понимаем связь ценностей с их субъектами. Те или иные конкретные ценности «требуют» и конкретных субъектов, только конкретные субъекты могут «узреть», осознать в той или иной степени данные ценности. Подобной субъективной интенциональностью нравственных ценностей и объясняется тот факт, что, являясь объективными по своей сути и потенциально присутствуя в объекте, в социальной действительности они могут и не быть реализованными, оставаться неосознанными.

Неотделимость нравственных ценностей от культуры и общества. Нравственные ценности есть продукт и элемент человеческой культуры, возвышающий человека над миром живой и неодушевленной природы. В культуре нравственные ценности закреплены в виде норм, традиций, привычек, верований.

Нравственные ценности сформированы конкретно-историческим и социальным опытом человечества и представляют собой факт общественного сознания, в котором проявляется субъективное выражение социальной взаимосвязи человека и общества. Но в то же время нравственная ценность может выступать как личностный феномен, как персонифицированное отношение человека к общественным нравственным ценностям, их принятие или непринятие.

Одновалентность нравственных ценностей, которые могут быть сопричастными только добру и не содержат в себе противоположных качеств, т. е. качеств добра и зла одновременно, и поэтому предстают одновалентными. В то же время реальные, не являющиеся ценностями феномены, могут иметь и положительную, и отрицательную ценность одновременно, т. е. быть сопричастными добру и злу в различных их конкретных формах.

Нравственные ценности выступают в роли «категорического императива» и носят характер долженствования, которому нужно следовать в поведении, выборе своих поступков. Термин «категорический императив» был введён И. Кантом, который придал более широкое звучание общепринятому в этике названию библейской заповеди, известной как «золотое правило»: «Во всём, как хотите, чтобы другие поступали с вами, поступайте и вы с ними».

Вышеперечисленные признаки не являются исчерпывающими, однако позволяют проследить взаимосвязанность и взаимообусловленность ценностей между собой и их комплексное воздействие на личность. Выступая как целостное системное образование, нравственные ценности выполняют следующие функции в жизни человека:

– ориентирующую (ориентируют человека среди объектов природного и социального мира);

– регулятивную (регулируют взаимоотношения людей в обществе);

– оценивания (являются критерием оценки разнообразных человеческих поступков);

– мотивообразующую (выступают мотивом человеческих поступков);

– поддержания образца (являются образцом для поведения);

– феликсологическую (дают понимание, что счастье жизни в самой жизни, если она наполняется ценностным содержанием).

Феликсологическая (от лат. «felix» – «счастливый», «несущий счастье») функция, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, поскольку стремление к счастью как великая движущая сила личностного совершенствования человека было выявлено и сформулировано в числе общих объективных закономерностей человеческой жизни. Термин «счастье» используется в различных науках для обозначения ориентации личности в мире ценностей, формирования жизненной перспективы, личностного отношения к себе, миру и обществу. Известно аристотелевское изречение, что счастливая жизнь и счастье состоят в том, чтобы жить хорошо, а хорошо жить – значит жить добродетельно.

Исследование природы нравственных ценностей, их признаков и функций ещё раз подтвердило устоявшееся мнение, что нравственные ценности как основа бытия всегда являлись доминирующими именно в русском сознании. Это привело нас к мысли о необходимости формирования нравственных ценностей через базовые ценности национальной культуры, которые внутренне заданы человеку через его природу, религию, культуру, что и должно обусловливать естественный, свободный характер духовно-нравственного становления человека.

Мы придерживаемся точки зрения С. В. Кульневича, который считает, что российской системе воспитания наиболее соответствует ориентация на «естественные культурные традиции», основанные на схемах порождения смыслов и ценностей деятельности, которая носит нравственно-поисковый характер. Эта особенность определяет наиболее свойственные россиянам ценностные основания любой деятельности и отражает национальную специфику отечественной системы воспитания, в которой представлены традиционные ценности общинного духа и веры в абсолютные истины и авторитеты [8].

В целях нашего исследования в содержании нравственных ценностей было обозначено соотношение общечеловеческого и национального аспектов, которые диалектичны по своей сути. Эта диалектика общечеловеческого и национального выражается в их взаимообогащении, взаимовлиянии и взаимообусловленности. Общечеловеческое в ценностях следует воспринимать и интерпретировать так, чтобы оно не подавляло национальную культуру, а, наоборот, умножало её богатство и неповторимое своеобразие, заимствуя вместе с тем всё лучшее из чужеземного опыта.

Под нравственными национальными ценностями мы понимаем императивы, отражающие традиции и идеалы русского народа, его самобытность, составляющие единую ценностно-нормативную систему и регулирующие поведение людей в обществе. Исходя из предложенных нами оснований для выделения нравственных ценностей, мы определили нравственные ценности, являющиеся фундаментальными для русского сознания. Нравственные ценности соборности, патриотизма, добротолюбия и стремления к правде являются высшими ценностями для русского человека, дополняя, обусловливая друг друга и реализуясь через более конкретные формы ценностей, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Нравственные национальные ценности

Соборность	**Добротолюбие**	**Стремление к правде**	**Патриотизм**
– солидарность (товарищество/ взаимовыручка) – уважительное отношение к труду – уважение к другим людям – миролюбие	– милосердие – бескорыстие – сопереживание – душевность – открытость – отзывчивость – доброжелательность – прощение	– честность – справедливость – равноправие – принципиальность – порядочность – искренность – правдивость – нестяжательство	– державность – любовь к родным местам/к природе – альтруизм – терпимость

На содержание нравственных национальных ценностей большое влияние оказывает менталитет народа, который раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающихся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях, задающих вместе с глубинными потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей.

Факторы, способствующие формированию менталитета русского человека, оказали также существенное влияние на появление и содержание основных нравственных национальных ценностей.

– Природно-климатические условия жизни народа, отличающиеся особой суровостью и повлиявшие на специфическую организацию жизни русского человека – общину, привели к возникновению такой нравственной национальной ценности, как соборность, которая понимается как добровольное единение людей, устремленных к высшим духовно-нравственным ценностям.

Соборность есть определённый компромисс между такими полярными категориями, как коллективизм и индивидуализм. Если в советское время формирование нравственных ценностей осуществлялось исключительно в коллективе и через коллектив, а западный мир базируется на духе индивидуалистического начала, то современный отечественный подход к формированию нравственных ценностей должен учитывать оба этих момента, их взаимосвязь и взаимообусловленность.

– Русская цивилизация, складывающаяся на стыке материков и развивающаяся как многонациональная, полиэтническая, многоконфессиональная держава, оказала влияние на возникновение ценности добротолюбия, которая носит деятельный характер созидания, добра. Данная ценность проявля-

ется как способность – сочувствуя Другому, переживать вместе с ним его душевное состояние, проявлять желание помочь и поддержать как близких людей, так и совершенно незнакомых и как готовность делать добро.

Проявление доброты относится к числу первичных основных свойств характера русского народа, высоко развито ценностное отношение к людям. В иерархии нравственных ценностей никогда не превалировали черты высокомерия, национального превосходства, а нажива и стяжательство не были мерилом общественного успеха, значительности личности. В своё время немецкий философ Вальтер Шубарт сказал о русском национальном характере: «Русский человек добр не из чувства долга, а потому что это присуще, что он иначе не может. Это нравственность не рассудка, а сердца» [9].

– Православная религия, сыгравшая огромную роль в преобладании духовно-нравственных мотивов, способствовала формированию такой ценности, на наш взгляд, как стремление к правде, где правда понимается как «нравственные принципы, по которым живёт народ» [10]. В понятиях Святой Руси право, закон должны были носить прежде всего нравственный, а не формальный характер, соответствовать правде и справедливости. Чтобы понять главный принцип становления России как великой державы, следует обратиться к словам князя Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде». Мотив правды был и остаётся ведущим, сквозным, определяющим во всей древнерусской, средневековой, новой и новейшей культуре России.

Если в соборности и добротолюбии на первое место выходят направленность на другого человека, то в стремлении к правде – внутренний регулятор совести. Вышеобозначенные ценности соборности, добротолюбия и стремления к правде полностью соотносятся с основаниями для выделения нравственных ценностей, в то время как ценность патриотизма не связана напрямую с направленностью на другого человека.

– Бесконечная борьба за свое выживание с различными захватчиками сформировала ценность патриотизма как нравственную категорию, которая была заложена изначально, исполняя роль могучего национально-объединяющего фактора. В русском патриотизме всегда прослеживался примат общегосударственных, общенародных интересов над личными, индивидуальными. Для отечественного патриотизма характерны искренняя любовь к Отечеству, страстное желание служения ему, желание действовать во имя и во благо Государства вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам русской истории. И с этой точки зрения русский патриотизм, несомненно, – ценность нравственная.

Мы понимаем, что описанные выше ценности не могут быть достижимы в полной мере; их необходимо рассматривать как нравственный идеал, в котором воплощено стремление человека к нравственному и духовному совершенству. Опускать планку высших ценностей мы не имеем права, ибо, чем выше ценности, тем выше наши устремления и тем выше уровень реально достигаемых нравственных ценностей. Важно, как человек поступает, но не менее важно, какие представления о нравственном, достойном питают его дух и душу. В этом аспекте справедливо мнение Д. С. Лихачёва, который считал, что «о народе следует судить по нравственным вершинам и идеалам, которыми он живёт» [11].

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА – М, 2006. – 576 с.

2. Шрейдер, Ю. А. Этика. Введение в предмет: учебное пособие для высших учебных заведений / Ю. А. Шрейдер. – М.: ТЕКСТ, 1998. – 271с.

3. Ермакова, Е. Ю. Воспитание альтруизма и нравственности у школьников. Стратегия воспитания в образовательной системе России: подходы и проблемы / Е. Ю. Ермакова, В. А. Ермаков. – М., 2005. – 480 с.

4. Сандагийн, Э. Совесть и стыд. Проблемы морально-нравственного развития личности и общества / Э. Сандагийн // Сб. научных трудов. – Кемерово, 2004. – 346 с.

5. Вульфсон, Б. Л. Нравственное и гражданское воспитание в России и на Западе: актуальные проблемы / Б. Л. Вульфсон. – М.: МПСИ, 2008. – 336 с.

6. Аристотель. Соч.: в 4 т. / Аристотель; перевод Н. В. Брагинской. – М., 1983. – Т. 1.

7. Блюмкин, В. А. Мир моральных ценностей / В. А. Блюмкин. – М., 1981. – 64 с.

8. Кульневич, С. В. Воспитательная работа в средней школе: от коллективизма к взаимодействию: практическое пособие для учителей и классных руководителей, студентов пед. учеб. заведений, слушателей ИПК / С. В. Кульневич, Т. П. Лакоценина. – Ростов-н/Д: Учитель, 2000. – 288 с.

9. Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт. – М., 1997.

10. Платонов, О. А. Терновый венец России. Святая Русь. Открытие русской цивилизации / О. А. Платонов. – М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2001.

11. Лихачёв, Д. С. Диалоги / Д. С. Лихачев, Н. Г. Самвелян. – М., 1988. – С. 70.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 32:[352.075:316.334.56]

ФОРСАЙТ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

Э. И. Крымова, В. В. Желтов

FORSYTHE TECHNOLOGY POLICIES Of URBAN DEVELOPMENT

E. I. Krymova, V. V. Zheltov

В статье рассматривается современная практика форсайтов в России как особой технологии взаимодействия и диалога местной власти, ученых, бизнеса и местных сообществ. Решение задач муниципального развития в современных условиях актуализирует использование форсайт-технологий российскими городами.

The modern practice of foresights in Russia as special technology of cooperation and interaction of local authorities, scientists, business and local communities is being considered in the article. Solving the problem of municipal development in the modern conditions is making the usage of foresight technologies in the Russian cities urgent.

Ключевые слова: форсайт, муниципальное развитие, местная власть, население, взаимодействие.

Keywords: foresight, municipal development, local authorities, population, interaction.

В сфере принятия управленческих решений, связанных с большим количеством людей и большим временным периодом планирования, используется новая технология, называемая форсайтом. Форсайт проводится для того, чтобы «заглянуть в отдаленное будущее науки, технологий, экономики и общества с целью определения областей стратегических исследований и технологий, которые, вероятно, могут принести наибольшие экономические и социальные выгоды» [6]. Кроме прогнозно-аналитической составляющей форсайта, которая отвечает за комбинацию методов работы с будущим в том или ином форсайт-проекте, в них присутствует другая ключевая составляющая – организация взаимодействия и диалога при выработке решений и формирование общих целей участников конкретного форсайт-проекта. Именно на этом аспекте форсайт-исследований мы останавливались в предыдущих работах [4, с. 297 – 300].

С 90-х годов прошлого века форсайт начал использоваться в общественно-политической сфере. Последние десять лет активно проводятся форсайт-проекты городов: Дублин, Барселона, Штутгарт; форсайт-проекты социального развития стран: Великобритания, Австрия, Финляндия, Франция, ЮАР [12]. На сегодняшний день форсайт является мощным инструментом, применяющимся для различных социально-экономических целей; такие форсайты называют социально-экономическими или социально ориентированными [1; 8, с. 25 – 43]. К социально ориентированному относят региональные форсайты или форсайты отдельных автономий, крупных городов. Для отечественной практики региональные форсайты трактуются как исследования на уровне субъекта федерации, муниципальных образований, городов, районов сельской и городской местности. За последние десятилетия были осуществлены форсайт-проекты в следующих регионах: Каталония (автономная область Испании), Лимузин (регион во Франции), Ломбардия (Италия), Уусимаа (Финляндия), Мидленс (Великобритания), Центральная Македония, Западно-венгерский регион, Баден-Вентемберг (Германия), Рейланд-Фальц (Германия) и др. [5].

Практика применения региональных форсайтов в России находится в стадии становления. Н. Н. Семенова отмечает, что в настоящий момент «города конкурируют друг с другом, чтобы привлечь внутренние инвестиции, местные власти стремятся создать высококачественные, здоровые, привлекательные окружающие среды для своих граждан, а также привлекать этим фирмы из других мест» [8, с. 39]. Современные развивающиеся города заинтересованы в привлечении разного рода капиталов: финансового, социального. Решая задачи, направленные на создание комфортной для жизни среды, они планируют строительство дополнительных транспортных магистралей, доступного жилья, проектирование новых общественных пространств, изменение облика города и многое другое [10]. Города, претендующие на лидерство в современном мире, уже не могут позволить себе жить так, как жилось раньше. Они начали работать на создание своего социального будущего и активно включают в этот процесс субъектов, активно действующих на их территории, и население. Эти задачи требуют использования инновационных механизмов взаимодействия заинтересованных сторон, разрешения спорных ситуаций вокруг крупных городских проектов и городских стратегий. Форсайт становится тем инструментом, который позволяет упорядочить этот сложный процесс взаимодействия и согласования, управления коммуникацией в ситуации разнонаправленных интересов и стратегий.

В целом главная особенность форсайта заключается в организации взаимодействия между экспертами, властью, бизнес-компаниями и населением и выработке общего понимания и общих, согласованных действий. Именно организационные, политические, управленческие технологии и методы, ис-

пользуемые в форсайт-проектах, имеют большое значение и способны изменить результаты прогнозирования и планирования. Согласно методологии форсайта, организуется процесс, обеспечивающий создание общего видения будущего участников, которое в дальнейшем стремятся поддержать все заинтересованные стороны своими действиями.

Очень высоко значение коммуникативной составляющей при реализации форсайтов. «Коммуникативные технологии форсайта – один из эффективных инструментов формирования общественного мнения и позиции профессиональных сообществ. Они позволяют направлять и фокусировать деятельность вовлеченных в процесс компаний, организаций и широких групп людей в единое русло и соответственно влиять на постановку целей и задач, обусловленных представлением о возможных путях развития отдаленного будущего. В том числе как наиболее уязвимых, так и обладающих потенциалом роста» [2, с. 50]. Коммуникативные технологии реализуются в два этапа; первый этап называют аналитическим, а второй – обобщающим, формирующим общие договоренности, смыслы и ориентиры [3, с. 27]. Ценность и уникальность форсайта как политической технологии состоит в возможностях согласования принятия решений между многочисленными заинтересованными участниками; он способствует балансировке интересов, делает принятие решений публичным и позволяет достичь согласованных действий субъектов благодаря выработке единого видения будущего власти и населения. Согласно технологии форсайта, выработка экспертных решений и экспертные методы (экспертиза) из узкопрофессиональных и научных сообществ «переходят» в публичное пространство, становясь частью публичной политики. При этой ситуации актуализируется роль тех, от кого будет зависеть выполнение или реализация принятых решений. Отдельной задачей становится вовлечение различных субъектов – бизнеса, научного сообщества, органов государственной власти и гражданского общества – в обсуждение и выработку муниципальных стратегий развития, согласования сценариев видения будущего и развития. Для муниципальных образований, крупных городов, регионов, отдельных территорий – это очень значимо.

Однако отечественные исследователи отмечают, что «пресловутый высокий уровень общественных коммуникаций – вот во что в конечном итоге упирается разговор о механизмах определения будущего города. И с этой точки зрения наиболее ценный для нас зарубежный опыт – не урбанистическая политика, а общественный обиход» [8]. Главное, чему может научить нас зарубежный опыт, это необходимость вести грамотный диалог, четко излагать свою позицию и слышать другую сторону. Можно утверждать, что в настоящее время практика применения региональных форсайтов в России уже начала развиваться. Вызовы, возникающие перед городами, органами местной власти, местными сообществами, подталкивают к изменению традиционных подходов принятия решений, и местные власти все чаще обращаются к использованию форсайт-технологий. Приведем некоторые примеры региональных форсайтов, осуществленные за последнее время в России.

В 2009 году форсайт был проведен в городе Череповце. С помощью проекта «Форсайт-2020» был создан комплексный инвестиционный план развития Череповца, целью которого стала диверсификация городской экономики с привлечением инвестиций в развитие разноплановых проектов. В начале реализации проекта было подписано Соглашение между мэрией г. Череповца и ОАО «Северсталь» о сотрудничестве в реализации проекта «Форсайт города Череповца» [11]. Схема проекта форсайта, с одной стороны, включала в себя коммуникацию с горожанами на всем протяжении проведения форсайта и вовлечение населения в построение будущего города. А с другой стороны, – взаимодействие и коммуникацию двух ключевых субъектов города: муниципальной власти и руководителей градообразующего (доминирующего в экономике города) предприятия ОАО «Северсталь».

В городе Элиста (Республика Калмыкия) при разработке Концепции социально-экономического развития на 2011 – 2015 г. также был использован метод форсайт [7]. В рамках работ был осуществлен комплексный прогноз социально-экономического развития города, включающий демократические формы и рыночные механизмы влияния с целью достижения прогнозных индикативных показателей. Форсайт позволил разработать представление о будущем города с учетом желания городского социума и проработкой путей его достижения, в частности, поддержки инноваций и технологий, подготовки востребованных экономикой города кадров, приоритетных направлений использования ресурсов (физического и человеческого капитала).

Форсайт в Красноярском крае был проведен с целью изучения будущего коренных малочисленных народов севера Красноярского края на период до 2060 года (демография, хозяйство, культура). Форсайт был необходим, чтобы управлять процессами социально-экономического и культурного развития малочисленных народов севера Красноярского края и определить согласованную государственную поддержку коренных малочисленных народов Севера. Результаты форсайт-исследований:

– наличие сценариев развития коренных малочисленных народов (их хозяйства, народонаселения, культуры);

– список перспективных производственных, информационных, медицинских, социальных, культурных технологий, которые окажут значительное влияние на ситуацию северных малочисленных народов;

– дорожная карта деятельностей, которые необходимы для реализации базового сценария (позитивного сценария, принятого властью, бизнесом и обществом).

Проведение форсайта развития города в городе Санкт-Петербурге обсуждается многими экспертами [10]. В рамках этих намерений проводится ежегод-

ный форум «Будущий Петербург. Ценности, цели, проекты». В октябре 2010 года форум состоялся уже во второй раз [13]. На нем организуются постоянно действующие и временные площадки, на которых обсуждаются те или иные вопросы, связанные с выработкой требований и принципов, будущих прогнозно-стратегических работ; в марте 2011 года в рамках проекта «Будущий Петербург» прошла дискуссия «Принципы городской стратегии. Взаимодействие заинтересованных сторон». В обсуждении принимали участие представители власти мегаполиса; руководители, отвечающие за инвестиции и стратегические проекты, строительную сферу; представители компаний-застройщиков, финансово-инвестиционных компаний, девелоперы и другие участники проекта.

Серия форсайт-игр, посвященных вопросам развития регионального IT-рынка, который является одним из ключевых современных развивающих рынков, реализуется в городе Калининграде [9]. В результате уже прошедших мероприятий произошло первичное структурирование участников этого рынка – сейчас активно формируется программа его развития на базе создаваемой ассоциации игроков IT-сферы. Результаты форсайта будут использованы при разработке стратегии и плана действий по развитию информационного общества в регионе, а на мероприятиях были приняты оптимальные общественно-политические решения, которые будут способствовать активному формированию намеченного будущего в этой сфере и в регионе.

В некоторых городах можно отметить проведение мероприятий, предшествующих проведению форсайта. Например, в городе Новосибирске несколько лет ведется тема общественного публичного обсуждения будущего города, построения сценариев развития, дорожных карт и т. д. В частности, тема планируемого в апреле 2011 года V Градостроительного форума «Город завтра». Современный город: новый гражданский договор» [14]. Аудитория форума – это руководители органов государственной и муниципальной власти в области стратегического управления и градорегулирования; заслуженные и начинающие архитекторы, проектировщики, градостроители; руководители строительных компаний; девелоперы, управляющие недвижимостью, собственники недвижимости, инвесторы; представители консалтинговых компаний, маркетологи; представители образовательного сообщества в сфере строительства и архитектуры; представители архитектурной и строительной общественности; представители предприятий-разработчиков и поставщиков программно-технических решений для градостроительной сферы; представители инновационной инфраструктуры, бизнеса и научной сферы регионов России и ряда зарубежных стран. В частности, на форуме запланировано проведение круглого стола «Взаимодействие власти, бизнеса и общества в области управления развитием городом и межмуниципальных взаимодействий», что, по мнению организаторов, является успехом реализации принимаемых муниципальных стратегий и долгосрочных решений.

Можно выделить следующие особенности проведения форсайтов в российских городах. Есть стремление к многостороннему взаимодействию; органы власти и крупные активные субъекты (корпорации, профессиональные сообщества) согласуют свои интересы и цели; в рамках форсайтов ведется координация интересов различных субъектов. Во всех проектах присутствует информационное сопровождение принимаемых решений и намерений участников, происходит принятие официальных публичных документов – соглашений, резолюций и т. д.; публикуются статьи в газетах и журналах, размещается информация на официальных сайтах.

Важным результатом проведенных форсайтов является не только выработка нового знания о направлениях развития муниципалитета, будущих приоритетов, но и развитие неформальных связей между участниками, создание единого представления о текущей ситуации и желаемом будущем. В ряде проектов осуществляется формирование горизонтальных сетей и специальных площадок, в рамках которых ученые и бизнесмены, преподаватели вузов и чиновники, специалисты смежных областей могут систематически обсуждать городские проблемы. При умелом использовании форсайта создается благоприятный климат для конструктивного диалога между всеми заинтересованными сторонами по приоритетным направлениям развития в средне- и долгосрочной перспективе.

При наличии форсайт-исследований можно более точно и определенно строить индивидуальные или групповые стратегии, определять коммерческие или общественные направления развития, добиваться поставленных целей создания благоприятных условий жизни. Форсайт – это способ налаживания постоянного диалога между властью и населением, это способ организации постоянно действующего процесса, уточняющего видение будущего города, формирующего общие согласованные цели и стратегии, учитывающего активность участников и действующих субъектов различных социальных слоев общества.

Литература

1. Калюжнова, Н. Я. Региональный форсайт Сибири [Электронный ресурс] / Н. Я. Калюжнова // Сайт «Стратег.Ру». – Режим доступа: http://stra.teg.ru/library/global/Prognoz/foresight/10. Дата обращения: 2.02.2009.

2. Куклина, И. Р. Форсайт как инструмент активного исследования и формирования будущего [Текст] / И. Р. Куклина // Российское экспертное обозрение. – Санкт-Петербург, 2007. – № 3 (21). – С. 49 – 53.

3. Кузьминов, Я. И. Перспективы форсайта в России безграничны [Текст] / Я. И. Кузьминов // Форсайт. – М., 2007. – № 1 (1). – С. 26 – 29.

4. Крымова, Э. И. Форсайт как политическая коммуникативная технология [Текст] / Э. И. Кры-

мова // Известия АГУ. – Барнаул, 2009. – № 4(64). – С. 297 – 300.

5. Мешкова, Н. В. Уроки проведения региональных форсайтов в странах ЕС [Электронный ресурс] / Н. В. Мешкова, В. А. Козлов, В. П. Третьяк // Виртуальная ассоциация исследователей. – Режим доступа: http://www.virtass.ru/admin/pics/25-01_IO.pdf. Дата обращения: 02.04.2011.

6. Нужен ли России Foresight (форсайт – «взгляд вперед») [Электронный ресурс] // Сайт «Стратег.РУ». – Режим доступа: http://stra.teg.ru/library/foresight. Дата обращения: 5.06.2009.

7. Постановление мэрии города Элисты Республики Калмыкия от 03.03.2011 г. N 445 "Об утверждении Концепции социально-экономического развития города Элисты на 2011 – 2015 годы. – Режим доступа: http://www.garant.ru/hotlaw/kalmyk/315646/. Дата обращения: 02.04.2011.

8. Семенова, Н. Н. Форсайт в условиях глобализации [Текст] / Н. Н. Семенова // Альманах «Наука. Инновации. Образование». – Вып. 5. – М., 2008. – С. 25 – 43.

9. Серия форсайт-игр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://re2011.ru/. Дата обращения: 21.03.2011.

10. Смирнова, Е. Форсайт, который так нужен [Электронный ресурс] / Е. Смирнова // Журнал «Эксперт Северо-запад» № 38 (484), 27.09.2010. – Режим доступа: http://ns3.raexpert.ru/northwest/2010/38/gradostroiteli/. Дата обращения: 10.03.2011.

11. Соглашение между мэрией города Череповца и ОАО «Северсталь» о сотрудничестве в реализации проекта «Форсайт города Череповца» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cherinfo.ru/download/134. Дата обращения: 23.03.2011.

12. Форсайт [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Форсайт. Дата обращения: 09.04.2011.

13. Форум «Будущий Петербург. Ценности, цели, проекты» [Электронный ресурс] // Сайт ЦСР «Северо-Запад». – Режим доступа: http://www.csr-nw.ru/content/announce/default.asp?shmode=2&ids=21&ida=2577. Дата обращения: 07.04.2011.

14. V Открытый Градостроительный форум «Город завтра». – Режим доступа: http://gradoforum.novo-sibirsk.ru/ – 05.04.2011.

УДК 323.2

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Е. В. Матвеева

PROBLEM OF MODERNIZATION OF RUSSIA AND ECOLOGICAL POLICY

E. V. Matveeva

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия современной российской модели модернизации и ключевые направления экологической политики, проводимой в России. Охарактеризованы ключевые документы в области модернизации и экологической политики, направленные на создание эффективной системы управления в природоохранной сфере.

In article questions of interaction of modern Russian model of modernization and key directions of the ecological policy spent for Russia are considered. Key documents are characterized in the field of modernization and the ecological policy, directed on creation of an effective control system in nature protection sphere.

Ключевые слова: модернизация, экологическая политика, концепция устойчивого развития, проблема глобального изменения климата.

Keywords: modernization, an ecological policy, the concept of steady development, a problem of global change of a climate.

В исследованиях российских ученых вопросы экологической политики и модернизации России преимущественно рассматриваются самостоятельно без выявления современных закономерностей, возникающих в их взаимодействии и развитии. На наш взгляд, такой подход в изучении названных вопросов сегодня не оправдывает себя, главным образом, в силу изменения стратегии развития Российского государства.

Экологическая политика в последние несколько лет становится одним из направлений модернизации России, предложенной Президентом РФ Д. А. Медведевым и реализуемой в настоящий период времени (реформирование системы среднего и высшего образования, административной системы, армии, судов и т. д.).

Процесс переоценки внутриполитической стратегии России, в том числе в области экологии, связан с вступлением на должность Президента РФ Д. А. Медведева. Период с 2008 г. отмечен активизацией внимания государства к вопросам формирования национальной экологической политики: разрабатывается национальная стратегия по глобальным экологическим проблемам, Россия принимает участие в крупнейших международных экологических мероприятиях, организованных ООН, взаимодействует в решении экологических проблем со странами Евросоюза.

Особое внимание мирового сообщества на протяжении двух последних десятилетий обращено к проблеме глобального изменения климата и разработке национальных стратегий устойчивого разви-

тия. Отметим, что Российская Федерация принимает непосредственное участие в названных процессах.

Работа над проектом Государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации была начата летом 1996 г. Первый вариант этого документа был представлен Правительству в конце 1996 г. Однако до сих пор в России не принята стратегия устойчивого развития [1,2]. Начиная с 1992 г. (Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро), в Российской Федерации стала разрабатываться законодательная база РФ для обеспечения устойчивого развития. На государственном уровне были приняты важнейшие документы в области развития национальной стратегии устойчивого развития, в частности:

– «Основные положения государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» (1994);

– Указ Президента от 1 апреля 1996 г. о «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»;

– «Национальный план действий по охране окружающей среды Российской Федерации на 1999 – 2001 гг.»;

– «Экологическая доктрина Российской Федерации» (2002);

– «Национальная стратегия и Основные направления Национального плана действий по сохранению биоразнообразия» (2001);

– Национальные стратегии и планы действий (включая программы по сохранению редких видов, развитию системы охраняемых природных территорий, реализации требований конвенций «О биологическом разнообразии», Рамсар, СИТЕС и др.);

– Обзор национальных приоритетов охраны живой природы России, одобренный МПР России и его территориальными органами (2003);

– «Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (до 2004 г.)»;

– «Энергетическая стратегия Российской Федерации» (2003);

– «Программа среднесрочного социально-экономического развития России на 2006 – 2008 гг.»;

– «Климатическая доктрина Российской Федерации» (2009);

– «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.».

В России имеются некоторые природно-территориальные особенности, способствующие ее переходу к устойчивому развитию. Речь идет о наличии ненарушенных хозяйственной деятельностью естественных экосистем (биогеоценозов, природных ландшафтов, богатых растительностью).

С одной стороны, в России больше, чем где бы то ни было, территорий, практически не затронутых хозяйственной деятельностью (зоны так называемой дикой природы). В России нет ни перепотребления материальных благ, типичного для развитых стран, – одного из важных факторов появления экологических угроз, ни перенаселения, от которого жестоко страдает экономика и природа многих развивающихся стран. С 1990 г. снижается воздействие хозяйства на окружающую среду (к сожалению, на 80 % из-за падения производства).

С другой стороны, 15 % площади России занимают территории, экологическое состояние которых неудовлетворительное. Это больше, чем Западная Европа и Центральная Европа вместе взятые. Удельные показатели воздействия на окружающую среду в России в расчете на душу населения и единицу валового национального продукта принадлежат к самым неблагополучным. Для менталитета россиян характерны пренебрежение к закону и низкая правовая культура, безответственность и расточительство по отношению к собственным ресурсам, слабая производственная дисциплина, невысокое состояние экологического сознания – все это крайне негативные факторы длительного действия. Для производственной системы характерны значительный износ и моральное старение основных фондов, архаическая структура хозяйства (как с экологической, так и с экономической точек зрения), высокая концентрация производства в немногих центрах и регионах страны. Эти негативные факторы в ближайшие годы и в среднесрочном плане могут стать определяющими в зависимости от выбора стратегии развития. Вместе с тем это стимул для скорейшей перестройки, ускорения реформ и выхода из экономического и структурного кризисов.

В любых реформах и действиях государственной власти и общества уже сейчас должен ощущаться и реализовываться приоритет целей устойчивого развития. Особенность российской траектории устойчивого развития – это не только стихийное движение к постиндустриальному обществу (которое практически разворачивается в модели неустойчивого развития), но и совпадение по историческим масштабам времени с переходом к рыночным отношениям и демократическим преобразованиям. Хозяйственная и социальная деятельность в нашей стране уже сейчас должна ориентироваться не просто на достижение высокой экономической эффективности, но и на социальную справедливость и экологическую безопасность, которые постепенно должны стать одними из главных критериев развития (впрочем, речь должна идти и о других видах безопасности).

Россия на пути к устойчивому развитию будет характеризоваться не только общими (глобальными) тенденциями и показателями, но и специфическими чертами и тенденциями. Они определяются таким системным набором, как особенности российской духовности и менталитета, история и национальные традиции, евразийские культурно-этнические и территориально-природные реалии, экологическая ситуация России и т. д., которые могут как способствовать переходу к устойчивому развитию, так и тормозить этот процесс.

Несмотря на сделанные на ЮНСЕД и ВСУР заявления России о поддержке международного сотрудничества в интересах устойчивого развития, а

также на принятую Концепцию перехода страны к устойчивому развитию, реальностью сегодня стало неустойчивое состояние российского общества одна из негативных особенностей нашего стартового положения на пути в третье тысячелетие. Свидетельством такого состояния являются существенный спад промышленного и сельскохозяйственного производства, ухудшение экологической ситуации во многих регионах страны, выразившееся в росте числа техногенных аварий и катастроф, бесконтрольном использовании природных ресурсов, составляющих основу для жизни будущих поколений, истощении почв, уничтожении зеленых насаждений в городах и других поселениях. Возрастает социальное неравенство между богатым меньшинством и массой обездоленных, снижается продолжительность жизни людей. Угрозами для миллионов стали безработица, рост болезней, падение продолжительности жизни, утрата надежды на будущее. При этом бюджетные ассигнования на охрану окружающей среды, социальную защиту граждан и здравоохранение являются крайне низкими. Проводятся постоянные реорганизации государственных органов по надзору за состоянием окружающей среды и по социальной защите населения. Отсутствуют специальные органы и координация по обеспечению устойчивого развития страны.

Среди позитивных особенностей российского «старта в ноосферу» - огромная территория (площадь территории, приходящейся на душу населения в России, – 11,5 га, тогда как в США – 3,35 га, в Японии – 0,29 га, Китае – 0,76 га). Речь также идет о колоссальных запасах природных ресурсов (природный газ – 33 % мировых запасов, нефть – второе место по запасам после Саудовской Аравии, уголь – третье место после США и Китая, золото – третье место после США и ЮАР, четверть мирового запаса древесины, второе место в мире по запасам пресноводных ресурсов, пашни и пастбищ и т. п.). Суммарная стоимость запасов всех видов полезных ископаемых России составляет 28 трлн долл. США (пока рентабельная часть – 1,5 трлн долл. США) [3].

Переход России к устойчивому развитию не определяется связанными со снижением темпов роста народонаселения общемировыми демографическими приоритетами. Демографический фактор, играющий в целом для биосферы планеты и развивающихся стран, возможно, решающую роль, не оказывается достаточно существенным для России, поскольку в настоящее время идет депопуляция (согласно переписи 2002 г., население России составляло около 145 млн чел.), как, впрочем, и в развитых странах (кроме США и Японии). Но в России, в отличие от развитых стран, не создано общество потребления, и поэтому задача снижения потребления ресурсов (приоритетная для развитых стран и особенно США) также не определяет переход к устойчивому развитию. Здесь лишь стоит задача экономии и сбережения ресурсов (особенно для производства), перехода на принципы устойчивого их использования. При этом под устойчивым развитием, скажем, применительно к минерально-сырьевым ресурсам, подразумевается гарантированное обеспечение экономической безопасности страны путем создания надежной минерально-сырьевой базы для удовлетворения текущих и перспективных потребностей экономики России с учетом экологических, демографических, оборонных и других факторов [4, с. 4].

Специфика перехода России к устойчивому развитию определяется и особенностями экологической ситуации в стране. Темпы и масштабы деградации окружающей среды в стране в большинстве случаев находятся на среднемировом уровне. Так, по характеру деградации земель и лесов Россия ближе к развивающимся странам, а по выбросам загрязнений в воздушную и водную среду, их массе и разнообразию – к развитым странам. На Россию по большинству видов воздействия на окружающую среду приходится 7 – 10 % от среднемирового уровня, в то время как развитые страны выбрасывают в нее до 75 % загрязнителей.

К особенностям деградации окружающей среды в России следует отнести и самую высокую в мире радиационную загрязненность, и более высокий, по сравнению с развитыми странами, уровень загрязнения токсичными веществами. Значительное негативное влияние на переход к устойчивому развитию оказывает уже упомянутый экстенсивный характер экономики. Сюда же стоит отнести и деформированную структуру народного хозяйства с преобладанием природоэксплуатирующих производств (особенно военных комплексов), создающих постоянную чрезмерную нагрузку на экосистемы, устаревшие неэкологичные технологические процессы, изношенность и ненадежность технических систем, ведущих к авариям и антропогенным катастрофам и т. д.

На наш взгляд, концепции, стратегии, программы и другие прогнозные документы по переходу к устойчивому развитию в России должны формироваться не только для регионов (территориально-административный подход), но и для различных видов и отраслей народного хозяйства и социальной деятельности (это, однако, не означает, что каждая отрасль или регион могут самостоятельно перейти на путь устойчивого развития). Иначе при формировании федеральной стратегии перехода возникнет противоречие между требованиями устойчивого развития на административно-территориальном и на отраслевом уровнях, произойдет рассогласование целей управления переходом между ведомствами и администрацией республик, краев, областей и т. д. Ведь в наследство от централизованно управляемой экономики стране достались ведомственный подход к решению многих проблем и принижение регионально-территориальных, национальных и этнических проблем.

Мы считаем, что первоочередными мерами для обеспечения перехода России к устойчивом развитию должны быть решения и действия, связанные с развитием науки, образования, управления. В старой модели (неустойчивого) развития этот процесс идет стихийно и фактически почти не требует вмеша-

тельства интеллектуально-духовной и особенно рациональной составляющей. Переход от старой модели развития к новой не может произойти стихийно, он потребует скоординированного, управляемого воздействия в глобальном масштабе. Новая модель развития вначале создается концептуально-теоретически, а затем должна внедряться в уже существующую модель развития, чтобы ее изменить, ориентировать на цели устойчивого развития.

Модель устойчивого развития вначале должна создаваться с помощью науки и затем реализовываться управленческими решениями и действиями на локальном, региональном, государственном, наднациональном и планетарном уровнях. Роль науки должна быть существенно усилена в процессе движения к устойчивому будущему, но и наука должна «повернуться» к проблеме устойчивого развития. Этот поворот означает, что вся российская и мировая науки должны быть нацелены на формирование, проектирование и реализацию нового будущего, они обязаны существенно больше заниматься не прошлым (как это имеет место сейчас), а предсказанием и особенно прогнозированием на все возможные отрезки времени. Должна произойти ноосферная революция в науке, причем опережающим образом, ибо ноосферная наука составит в широком смысле интеллектуальную (а не только методологическую и технологическую) основу перехода на траекторию управляемого сбалансированного развития. Вот почему мы полагаем, что первоочередной мерой должно стать выделение финансовых и иных средств, которые необходимы для переориентации науки на цели устойчивого развития.

Следующими, или, лучше сказать, одновременными по степени приоритетности должны быть меры, связанные с формированием всех уровней управления переходом к устойчивому развитию. В отличие от современного управления, которое обходится без ноосферно-ориентированной науки, управление переходом к устойчивому развитию будет базироваться на научных знаниях. Лица, принимающие решения, особенно на высшем государственном уровне, либо сами должны быть учеными, глубоко разбирающимися в проблеме устойчивого развития, либо пользоваться услугами экспертов-ученых – специалистов в этой области.

Несмотря на определенные сложности перехода России к стратегии устойчивого развития, необходимо еще раз отметить то, что первые шаги в этом направлении уже сделаны: определены стратегические направления охраны природы России (Экологическая доктрина, 2002; Национальная стратегия сохранения биоразнообразия, 2001, и др.) в целом и ее отдельных отраслей, в том числе долгосрочная программа создания охраняемых территорий; сформированы основы законодательной и нормативной базы по охране окружающей среды; создана методологическая и методическая база для выявления экономической ценности живой природы, ее генетических ресурсов, товаров и услуг, ориентированных на ресурсосбережение и охрану окружающей среды; идет внедрение позитивного национального и международного опыта использования институциональных, управленческих, информационных и финансовых механизмов и экономических стимулов охраны окружающей среды; созданы условия для расширения природоохранных инвестиций частного сектора; определены стратегические позиции России как поставщика природных ресурсов, экосистемы которой вносят существенный вклад в поддержание глобальной устойчивости биосферы; созданы предпосылки для учета фактора защиты окружающей среды в переговорном процессе, связанном с вступлением России в ВТО. Однако по-прежнему остается не разработанной Государственная стратегия устойчивого развития Российской Федерации.

Неоднозначно оцениваются перспективы участия России в Киотском протоколе. Часть экспертов (бизнес-элита, часть политической элиты в лице представителей партии «Единая Россия») ожидают весомых выгод от продажи квот и реализации проектов совместного осуществления. Они утверждают, что Россия не скоро исчерпает запас квот для развития собственных энергетических мощностей и промышленных производств. Отмечается значительный потенциал энергосбережения, который даст дополнительный эффект. Другая часть экспертов в лице ученых Российской академии наук прогнозируют в будущем замедление экономического роста из-за необходимости сокращать энергоёмкие технологии производства, модернизировать промышленность. Все эти доводы ещё более усиливаются в период экономического кризиса. Сокращение производства приводит в масштабах страны к сокращению выбросов. На встрече Президента РФ Д. А. Медведева с руководством РАН и представителями научного сообщества 15 декабря 2009 г., крупнейшими учеными России была озвучена позиция относительно последствий климатических изменений для мира и России. Учеными РАН, в числе которых С. М. Алдошин, Ж. И. Алферов, А. Ф. Андреев, А. Л. Асеев, А. И. Григорьев, В. В. Костюк, В. В. Козлов, Н. П. Лаверов, Г. А. Месяц, А. Д. Некипелов, В. А. Садовничий, Ю. А. Израэль, и другими было отмечено, что в вопросе климатических изменений «надо занимать взвешенную позицию, не брать на себя трудноосуществимых обязательств по снижению промышленных выбросов. Но переход на современную промышленную технику, снижающую расходы топлива, существенно бы изменил ситуацию» [5, с. 3].

Исходя из этого, отметим, что научное сообщество в России не считает, что потепление климата несет для России только негативные последствия, но и имеет ряд преимуществ. В свое время российские ученые активно выступали против ратификации Киотского протокола. Сегодня они также придерживаются умеренной позиции относительно участия нашей страны в новых климатических соглашениях, считая, что такое участие необходимо строить только с учетом национальных интересов государства.

Политические партии России по-разному относятся как в целом к экологическим проблемам, так и, в частности, к проблеме изменения климата. При-

ведем несколько позиций представителей разных политических партий России на вопрос ратификации Киотского протокола в России. Так, в 2004 г. депутаты Российского парламента ратифицировали Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Документ поддержали 334 депутата, 73 проголосовали «против», 2 – «воздержались». Большинство проголосовавших за принятие Киотского протокола являлись депутатами фракции «Единая Россия», которая полностью поддерживает политический курс Президента РФ, в том числе и проводимую в стране экологическую политику. Так, член фракции «Единая Россия» В. Зубов заявил, что, «если парниковый эффект не влияет на изменение климата, то, по крайней мере, Россия получит дополнительные экономические «плюсы» [6].

По мнению представителей других оппозиционных партий, входивших в Государственную думу четвертого созыва (КПРФ, ЛДПР, «Родина»), подписание подобных соглашений угрожает национальным интересам России. По высказыванию первого зампреда думского комитета по экологии П. Романова, выступившего от партии КПРФ накануне ратификации документа, партия не поддерживает «спорный документ», поскольку он угрожает национальным интересам России. П. Романов заявил, что КПРФ выступает против торговли квотами. По его мнению, с момента ратификации Киотского протокола за Россией будет осуществляется более строгий контроль, и страна утонет в штрафах и санкциях.

Фракция ЛДПР и «Родина» обратили внимание на экономическую составляющую данного документа. А. Островский (фракция ЛДПР) заявил, что ратификация протокола приведет к падению уровня экономики в России на 1 % в год. В итоге Россия будет платить за чужие квоты. Депутат Н. Нарочницкая (фракция «Родина») подчеркнула, что Россия испытывает сильное международное давление, однако экологическая составляющая Киотского протокола практически равна нулю. Н. Нарочницкая назвала документ «коммерческим договором», подчеркнув, что речь идет о контроле за российскими ресурсами. Ратифицировав договор, Россия дает юридическое обязательство оставаться индустриально отсталой страной. Несмотря на подобные заявления депутатов от оппозиционных фракций и мнение ведущих ученых России, Киотский протокол был ратифицирован.

На государственном уровне РФ за 2008 – 2009 гг. неоднократно в выступлениях Президента была озвучена национальная стратегия развития России на ближайшие годы, в том числе в области экологии. При этом не всегда подобные высказывания основывались на мнении российских ученых. По оценке Президента РФ Д. А. Медведева, «общая задача – задача власти, задача гражданского общества и задача бизнеса – продолжить работу по оздоровлению нашей окружающей среды … создавать новые производства, совершенствовать системы очистки, снижать выбросы. То есть вся эта работа должна продолжаться нон-стоп, независимо ни от каких внешних или внутренних причин» [7, с. 36].

На Конференции ООН по климату, прошедшей в декабре 2009 г., Д. А. Медведев обозначил социально-экономические задачи, стоящие перед Россией на ближайшие десять лет. «Россия будет стремиться сократить рост эмиссии парниковых газов к 2020 г. на 25 % по сравнению с уровнем 1990 г., сократив снижение выбросов к 2020 г. более чем на 30 млрд тонн. Одним из направлений достижения этой цели должно стать снижение доли газа в потреблении первичных топливно-энергетических ресурсов. Рост цен на газ на внутреннем рынке приведет к 2030 г., с одной стороны, к снижению доли газа в потреблении первичных топливно-энергетических ресурсов до 46 – 47 %, а с другой – к более активному его использованию. Кроме того, принято решение о поэтапном увеличении в энергобалансе доли возобновляемых источников энергии до уровня 1,5 % в 2010 г., 2,5 % – в 2015 г., 4,5 % – к 2020 г. Снижение выбросов парниковых газов в электроэнергетике будет осуществляться за счет увеличения доли атомной энергии в энергобалансе. Доля электроэнергии, производимой на атомных станциях России, увеличиться к 2030 г. на 25 %. 15 апреля РФ представила мировому сообществу данные о выбросах парниковых газов в стране с 1990 по 2007 гг. Согласно представленным данным, «рост выбросов продолжался, но составлял примерно около 1 % в год. Кроме того, впервые в нашей стране было подсчитано поглощение CO_2 лесами, не входившими в Лесной фонд РФ (земли сельскохозяйственного назначения). Например, в 2007 г. этот показатель составил примерно 1,2 млрд т/г. Это больше, чем все выбросы парниковых газов за год в Германии» [8].

Знаменательным событием стало проведение в начале 2008 г., по инициативе Российского регионального экологического центра и Партнерства по возобновляемой энергии и энегоэффективности, совместного заседания Россия – ЕС по вопросам обеспечения энергетической и климатической безопасности, в котором приняли участие представители различных российских министерств и ведомств, Европейской комиссии, а также правительственных органов стран-членов ЕС. Впервые в России на международном уровне обсуждались вопросы взаимодействия энергетики и климата.

Кроме того, вопросы повышения эффективности энергетики и изменения климата все чаще рассматриваются вместе российскими чиновниками и представителями бизнеса, так как Киотский протокол открывает возможность российским компаниям привлекать дополнительные инвестиции в энергоэффективные проекты. Иностранные инвесторы охотно вкладывают средства в реализацию таких проектов на территории Российской Федерации, что позволит в дальнейшем достичь наибольшего снижения выбросов на единицу вложенных средств. Особым стимулом в реализации этого направления для российских предпринимателей является сформированная в России в 2007 г. необходимая нормативно-правовая база.

В 2007 г. в России был принят ряд законодательных актов, направленных на регулирование проектов совместного осуществления. Постановлением Правительства РФ от 28 мая 2007 г. принято Положение об утверждении и проверке хода реализации проектов, осуществляемых в соответствии с Киотским протоколом (ст. 6). Координационным центром по подготовке к утверждению проектов стало Минэкономразвития России. Оно завершило формирование нормативно-правовой базы в этой области. В ноябре 2007 г. вышел приказ Минэкономразвития России «Об утверждении лимитов величины сокращения выбросов парниковых газов». В январе 2008 г. Министерство промышленности и энергетики РФ выпустило Приказ «Об организации рассмотрения и проверки хода реализации проектов, осуществляемых в соответствии со статьей 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата».

В начале 2008 г. Региональное партнерство по возобновляемой энергии и энергоэффективности и Российский региональный экологический центр выпустили «Руководство по реализации бизнес-проектов в сфере энергоэффективности в России через механизмы Киотского протокола». В Руководстве представлены практические возможности, предоставляемые российскому бизнесу, изложена подробная схема прохождения проектного цикла, представлены примеры уже реализуемых российских проектов.

В результате проделанной работы, в рейтинге стран, принимающих проекты совместного осуществления, подготовленном аналитической компанией «Pointcarbon» в январе 2009 года, Россия сохранила четвёртое место (как и в 2008 г., тогда как летом 2007 г. она занимала девятую позицию).

Согласно Международной программе «Леса Киото» Правительство России до 2010 г. выделило 1,5 млрд рублей из Федерального бюджета на создание в субъектах Российской Федерации лесных плантаций во исполнение Киотского протокола. Наиболее активно «леса Киото» сажают в Нижегородской, Саратовской, Ульяновской областях [9, 10].

В будущем России необходимо предпринимать дальнейшие меры по повышению энергоэффективности и развитию инновационной, низкоуглеродной экономики, что должно привести к снижению объемов выбросов парниковых газов. Вместе с тем последствия климатических изменений ощущаются уже сейчас, а в будущем будут только усиливаться, поэтому уже сегодня необходимо приспосабливаться и минимизировать негативные воздействия одних и максимально использовать выгоду от других. Поэтому еще одним приоритетным направлением деятельности для России должна стать разработка и последующее внедрение соответствующих адаптационных мер в экономике, чтобы снизить негативные воздействия климатических изменений.

В частности, в рамках реализации мероприятий ратифицированного в Российской Федерации Киотского протокола 23 июля 2010 г. Минэкономразвития утвердил «Перечень проектов, осуществляемых в соответствии со статьей 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата», в который вошли 15 проектов совместного осуществления из 40 поданных на конкурс. В результате из 15 проектов-победителей почти половину представляет нефтегазовый сектор («Газпромнефть», «Роснефть» и др.), их доля в ожидаемом совокупном сокращении выбросов составляет 47 %. Еще 19 % приходится на долю промышленных выбросов парниковых газов (хладона-23 и гексафторида серы). За счёт осуществления проектов по повышению энергоэффективности в промышленности ожидается обеспечить только 16 % снижения. Остальные 10 % приходятся на проекты по развитию крупных ГЭС. Из 10 поданных проектов повышения энергоэффективности на производстве одобрены только три, а из всех проектов по развитию возобновляемой энергетики не был одобрен ни один [11]. Подобные скромные результаты Российской Федерации в снижении выбросов парниковых газов свидетельствуют о недооценке государством российского потенциала как в области создания проектов совместного осуществления, так и пробуксовке развития государственных механизмов поддержки и стимулирования внедрения возобновляемой энергетики.

Интерес политических элит к проблемам модернизации возникал на протяжении истории российского государства неоднократно, начиная с реформ Петра I и его преемников и заканчивая проектом модернизации администрации Д. А. Медведева.

Одной из последних разработок последних лет стал научный доклад 1999 г. «Модернизация России как построение нового государства», подготовленный по инициативе Президента РФ Д. А. Медведева. Авторами доклада стали: депутат Государственной думы И. Пономарев, президент Института национальной стратегии М. Ремизов, генеральный директор того же института Р. Кареев, руководитель подкомитета по технологическому развитию Комитета ГД по информационной политике, информационным технологиям и связи К. Бакулев.

По мнению авторов доклада, модернизация – это не процесс развития технологий, не копирование ценностей западного общества, а «процесс формирования/реформирования в конкретных обстоятельствах места и времени базовых социальных институтов, образующих каркас общества модерна» [12]. В число сфер преобразования должны входить система массового образования, административная система, армия, суды и т. д. При этом в данном докладе уделяется не просто незначительное место проблемам окружающей среды, а скорее вопросы экологии рассматриваются в контексте экологической модернизации страны (например разделы доклада – экологически ориентированное сельское хозяйство, экологический туризм, свидетельствуют о непосредственном усилении давления на природу). Так, экологический туризм включает в себя «задействование потенциала обширных слабо затронутых цивилизацией природных пространств». Политический курс российской элиты с 2009 г. (период опублико-

вания доклада) говорит о том, что развернута интенсивная модернизация страны в рамках обозначенных в докладе сфер общества: принятие закона «О полиции» 2011 г., разработка проектов реформ средней и высшей школы, административная реформа и т. д.

На государственном уровне впервые проблемы модернизации страны преимущественно в контексте политических изменений в деятельности политических партий и сознании эффективной партийной системы прозвучали в Послании Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 2009 г. В данном документе в частности было отмечено, что повышение энергоэффективности, переход к рациональной модели потребления ресурсов – одно из приоритетных направлений модернизации экономики. При этом под энергоэффективными технологиями рассматривались новые энергосберегающие технологии в системе ЖКХ, а также инновации в традиционной и альтернативной энергетике [13].

Спустя год в Послании Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации 2010 г. вопросы модернизации приобрели более конкретное звучание. Впервые на государственном уровне прозвучало определение модернизации. «Модернизация – это, конечно, не самоцель. Это лишь инструмент, с помощью которого мы сможем решить давно назревшие проблемы в экономике и в социальной сфере, поддержать тех, кто в этом более всего нуждается, и создать условия для раскрытия способностей тех, на кого мы очень надеемся, то есть наших детей, нашей молодежи».

Создание эффективной системы управления в природоохранной сфере в названном документе названо в комплексе решения проблемы здоровья нации и здоровья будущих поколений. Несмотря на это в области экологической политики в нашей стране планируется проведение следующих мероприятий.

1. «Оценить реальное состояние всех загрязнённых территорий и рассматривать этот уровень в качестве стартового уровня для осуществления программ минимизации негативного воздействия на окружающую среду и накопленного ранее экологического ущерба. Некоторые эксперты также считают необходимым провести так называемую экологическую амнистию при условии, что предприятие примет на себя жёсткие обязательства по экологическому оздоровлению производства и той территории, где оно работает.

2. Правительству необходимо разработать нормативы качества окружающей среды, учитывающие состояние особенностей конкретных территорий. Это основа для деятельности органов власти и установления требований к производственным объектам. И, кстати, что немаловажно, это и чёткий ориентир для общества, для наших граждан, для наших партнёров из других государств.

3. Свою решающую, принципиальную роль в охране окружающей среды должно сыграть наше гражданское общество.

4. Качество окружающей среды должно стать важнейшим из показателей качества жизни и одним из основных показателей социально-экономического развития территорий, соответственно должно стать критерием оценки эффективности органов власти на местах. Что касается неправительственных экологических организаций, то с теми, кто реально заботится о сохранении природной среды, надо ещё до строительства производственных и инфраструктурных объектов вести обстоятельный диалог и находить взаимоприемлемые решения» [14].

Вопросы модернизации России и их влияние на экологию требуют к себе очень пристального внимания со стороны ученых и политической элиты государства. Отметим, что внедрение современных инновационных технологий на современном этапе развития цивилизации требует гораздо большего воздействия на природную среду, чем при использовании традиционных способов производства. В качестве примера следует отметить разработки западных и российских ученых в области использования альтернативных источников энергии (энергия ветра, солнца, производство биотоплива).

Так, производство биотоплива имеет на настоящий период времени две существенные проблемы. Первая проблема состоит в эффективности биотоплива. Целесообразность его использования зависит от источника производства. Лучшие виды топлива (например сахарный тростник) могут выделять в 10 раз больше энергии, чем энергия, которая задействована в его производстве. Худшие же (пальмовое масло), наоборот, требуют гораздо больших затрат энергии при производстве, при этом выделяют при их использовании много парниковых газов. Вторая проблема – используемые при производстве биотоплива злаковые и масленые культуры могут быть успешно реализованы при производстве продуктов питания. Поэтому использование более экологически чистого источника энергии – биотоплива – на сегодняшний день сопряжено с социальными и экономическими проблемами [15].

Возникают определенные сложности и при применении солнечной энергетики, связанные с утилизацией отходов производства. Наряду с этим использование солнечной энергетики требует использования больших площадей земли [16].

Исходя из вышесказанного, дальнейший процесс формирования и реализации экологической политики в нашей стране напрямую зависит от предложенных Президентом РФ Д. А. Медведевым инициатив в области модернизации страны. И хотя проблемам охраны окружающей среды в Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации 2009 г., 2010 г. не отводится первое место, они логично вписываются в национальною стратегию развития России не только на ближайшие годы, но и десятилетия.

Литература

1. Барлыбаев, Х. А. Общая теория глобализации и устойчивого развития / Х. А. Барлыбаев. – М., 2003.

2. Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации. – М., 2002.

3. Специфика перехода России к ноосферному развитию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ustoichivo.ru. Дата обращения 1.08.2010.

4. Путин, В. В. Минерально-сырьевые ресурсы в стратегии развития российской экономики / В. В. Путин // Записки Горного института. – Т. 144. – СПб., 1999.

5. Президент РФ в Российской академии наук // Наука в Сибири. – 2009. – № 49 – 50.

6. Госдума ратифицировала Киотский протокол [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.regnum.ru/news/347159.html. Дата обращения 17.05.2010.

7. Здоровец, Я. И. Глобальное измерение климата: угрозы и меры противодействия / Я. И. Здоровец // Аналитический вестник. – 2009. – № 7.

8. 15 апреля РФ представила мировому сообществу детальные данные о выбросах парниковых газов в стране с 1990 по 2007 гг. // Информационный дайджест «Ноосферогенез» (на пути к устойчивому развитию человечества). – 2009. – № 8.

9. В Саратовской области принята программа развития лесной отрасли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //www.woodsale.ru. Дата обращения 17.05.2010.

10. В Омской области высадят «Леса Киото» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.mail.ru (дата обращения 17.05.2010).

11. Названы первые 15 российских проектов совместного осуществления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //www.bellona.ru. Дата обращения 9.08.2010.

12. Пономарев, И. Модернизация России как построение нового государства. Независимый экспертный доклад / И. Пономарев, М. Ремизов, Р. Кареев, К. Бакулев. – М., 2009.

13. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 2009 г. // Российская газета. – 2009. – 13 ноября.

14. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 2010 г. // Российская газета. – 2010. – 13 ноября.

15. Биотопливо – проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://autorelease.ru. Дата обращения 12.02.2011.

16. Применение и недостатки солнечной энергетики [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://alternativenegy.ru. Дата обращения 12.02.2011.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 371.382.159.922.4

ЭТНИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ

А. А. Бучек

ETHNIC DESIGN AS THE WAY OF REALIZATION OF ETHNIC CONSCIOUSNESS OF THE PERSON IN POLYETHNIC TO ENVIRONMENT

A. A. Buchek

Статья посвящена обоснованию возможности анализа этнического самосознания личности в современном полиэтничном мире через этническое конструирование, которое позиционируется как способ активного преобразования субъективного образа этнической культуры, выступающего потенциалом для развития личности и способного привести к реальным изменениям в жизни этнокультурного сообщества.

Article is devoted to a background of a possibility of the analysis of ethnic consciousness of the person in modern polyethnic the world through ethnic design which is positioned as a way of active transformation of a subjective image of the ethnic culture acting in potential for progress of the person and capable to lead to actual variations in a life of ethnocultural community.

Ключевые слова: этническое самосознание личности, этническое конструирование.

Keywords: ethnic consciousness of the person, ethnic design.

Интерес к изучению этнического самосознания обусловлен принципиально новой ролью этнической образующей в процессе социальной эволюции, связанной с глобальными изменениями, произошедшими в мире, глубоким цивилизационным и мировоззренческим кризисом эпохи, а также усиливающейся неустойчивостью многих сфер современного мирового сообщества. Сложившееся в этнологии представление о системе структурирования этничности уже не может эффективно выполнять основную функцию – способствовать формированию четкой и индивидуализированной идентичности через принадлежность к этнической группе, поскольку сам этнос, прежде всего как психологическая общность в современном полиэтничном пространстве, значительно расширил свои очертания. Развитие реальности привело к признанию того, что ни один из признаков системы этнодифференцирующих симво-

лов и представлений этнической общности, за исключением этнического самосознания, не является уже маркером определенной этнокультурной группы: «Этническое самосознание – это своего рода «последний рубеж» сохранения этничности, ибо в ходе исторического развития могут быть утеряны и язык, и общая территория, и даже культурные традиции, но пока сохраняется этническое самосознание, не тускнеет и образ «мы» [8, с. 99]. Активное развитие системы взаимодействия в мире, открывающей новые границы общения, изменяющей картину мира человека в целом, процессы идентификации и самоидентификации и прежде всего этнического самоопределения, неизбежно вызывает повышенное внимание к исследованию данного феномена.

Вопрос о функционировании этнического самосознания личности в полиэтничном пространстве современного мира мы рассматриваем, исходя из следующих представлений современных исследователей: во-первых, из положения о том, что «в рамках именно этнической формы существования человек наиболее полно реализует свою биосоциокультурную природу» [4, с.27], во-вторых, основываясь на утверждении о том, что «самосознание следует рассматривать в качестве основной отличительной черты этнической группы» [8, с.99].

Анализ исследований показал, что этническое самосознание представляет собой: компонент индивидуального самосознания, связывающий человека с социальной реальностью и позволяющий определить свое место в ней (J. Phinney, L. Alipuria, 1990; W. E. Cross, 1971; Ю. В. Ставропольский, 2003); глобальную ценностную ориентацию, пронизывающую все звенья самосознания личности (В. С. Мухина, 1988); такой же устойчивый и обязательный компонент самосознания, как отнесение себя к определенному полу (О. Н. Сусликова, 2006); важную составляющую персонального мифа личности (Э. И. Мещерякова, 2001), человеческого «Я» (Г. Л. Тульчинский, 2002); способ удовлетворения потребности личности в позитивной Я-концепции (А. Н. Соловьева, 2009) и благополучной адаптации в среде членов этнокультурной группы (J. Phinney, M. E. Bernal, G. P. Knidth, 1993); следствие реализации порождающей функции образа мира личности (В. П. Серкин, 2005).

В ходе многочисленных эмпирических исследований было установлено, что этническое самосознание способствует общей концептуализации мира (И. Е. Фадеева, 2008); ориентации в окружающем пространстве (Г. У. Солдатова, 1998; Е. П. Белинская, Т. Г. Стефаненко, 2000; А. К. Петрова, 2010); упорядочиванию субъективной реальности личности как компонента внешней реальности (С. В. Лурье, 1997); защите личности и сохранению ее благополучия и психического здоровья (W. E. Cross, 1971; З. В. Сикевич, 1999; Е. П. Белинская, Т. Г. Стефаненко, 2000; Ю. В. Ставропольский, 2003; А. К. Петрова, 2010); регуляции межличностного и межгруппового общения и социального поведения (З. В. Сикевич, 1999), обеспечению самоконтроля во всех сферах общественной жизни (А. Х. Гаджиев, 1982); осознанию индивидом себя как носителя особой культуры и члена особой социальной группы, наделенного уникальными этническими особенностями (В. П. Левкович, Н. Г. Панкова, 2003; А. Н. Соловьева, 2009).

Ядром этнического самосознания признана этническая идентичность, валентность которой может быть позитивной и негативной [11]. Негативная этническая идентичность является причинами: низкого самоуважения (J. S. Phinney, 1990); отрицательных самоустановок, личностных конфликтов, ощущения небезопасности (I. Pushkin, T. Veness, 1973); отсутствия гибкости в процессах социального взаимодействия (A. Royce, 1982); ощущения приниженности, неадекватности и гиперсензитивности личности (J. Helms, 1990); снижения толерантности по отношению к членам аутгрупп (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, 2002), меньшего проявления тенденции к самоактуализации, низкой самооценки, высокой тревожности, низкого уровня личностной автономности и зрелости межличностных отношений (Ю. В. Ставропольский, 2010).

Итак, современная этнопсихология признает этническое самосознание устойчивым психологическим феноменом, связанным с социализацией и усвоением культурного опыта, защищающим личность от неопределенности и отвечающим за поиск и осознание личностью своего места в мире, что позволяет упорядочивать не только внешнюю реальность, но и субъективную реальность личности.

В стремительно изменяющемся современном мире, где правила, нормы и ценности разных культур взаимопроникают друг в друга и усваиваются личностью одновременно, а этнос выступает в качестве носителя многих и разных этнокультурных традиций, личность уже не может формироваться только в пространстве своей этнической культуры, а неизбежно включает соприкасающиеся с ней образы этнических культур мира. В связи с этим внешний, бытийный уровень образа жизни носителей разных этнических культур может не иметь отличий или стремиться к унификации. При этом внутренняя потребность в чувстве причастности к этнической группе как к чему-то незыблемому, настоящему, своему «дому» не исчезает, поскольку в настоящем, как и в прошлом, люди не перестали пользоваться «древнейшей системой категоризации, основанной на принципе биполярности», в соответствии с которым «происходит категоризация этнических общностей, членами которых они себя воспринимают («Мы»), и тех, которых они не воспринимают своими («Они»)» [6, с. 65].

Стремление разрешить внутреннее противоречие между «этнически безымянным» (М. В. Иордан, 1997) существованием и потребностью в этническом самоопределении и самовыражении как способе достижения психологического благополучия вызывает необходимость конструировать, «достраивать» образ этнического мира в сознании и самосознании. Под давлением множества культур, народов, религиозных миров, исторических традиций, воздейст-

вующих на личность одновременно, осознание себя членом определенной этнической группы приобретает новые качества, по-иному функционирует. Таким образом, несмотря на отсутствие или нивелирование явных этнических маркеров, внутреннее ощущение причастности к своему этносу остается и продолжает развиваться, находя для своего воплощения новые формы, прежде всего в этническом самосознании личности. На наш взгляд, реализация потребности личности в чувстве причастности к этнической группе в полиэтничной среде происходит в форме этнического конструирования образа своего этнического мира (и себя в этом мире), в котором все его компоненты обеспечивают человеку чувство защищенности и комфорта.

Современной науке известно, что в истории развития представлений о феномене этничности немаловажное место занимает конструктивистский теоретико-методологический подход. В основу конструктивистского понимания этничности положено признание условности и сконструированности реальности, которое было осмыслено в трудах современных философов, социологов, психологов (П. Бергер, Дж. Брунер, Ф. Варела, К. Герген, Э. фон Глазерсфельд, Дж. Келли, Т. Лукман, М. Луман, У. Матурана, Дж. Мид, Ж. Пиаже, Х. фон Фёрстер, А. Шюц и др.). Применение конструктивизма в изучении психологии человека опирается на идею о том, что, понимая мир, человек имеет дело не с определенной формой его репрезентации, а со специфическим способом конструирования и установления реальности [12]. Среди современных отечественных психологов, идеи которых в определенном смысле трактуются как конструктивистские, называют В. П. Зинченко, Г. М. Андрееву, С. Д. Смирнова, А. Г. Асмолова, В. В. Знакова, В. Ф. Петренко и др.

Считается, что этничность представляет собой интеллектуальный конструкт, сознательно создаваемый писателями, учеными, политиками, как результат их субъективных представлений о социальном мире: «Если чувственная активность организмов создает среду по их подобию, тем более, это относится к интеллектуальной деятельности, создающей по своему подобию культурную среду обитания» [10, с. 37]. М. Эпштейн утверждает, что подобно тому, как писатель, или художник, или философ создают произведения в каком-то определенном жанре искусства – романа, картины, трактата – возникают произведения в жанре культуры как целого, точнее, проекта такой культуры: «Сейчас такая пора, когда можно и нужно…создавать целую культуру как единое произведение» [10, с. 628]. Культура в таком случае выступает «не как стихийное порождение почвы, народа, а как искусственное и искусное создание» [там же, с. 628]. Конструктивистская теоретическая традиция, согласно которой этничность понимается как социальный конструкт, в дальнейшем была применена нами для анализа связи субъективного образа этнического мира с конструирующей деятельностью самосознания, что позволило позиционировать этническое конструирование как способ личностного преобразования субъекта в культуре.

Под этническим конструированием мы понимаем процесс создания субъективного образа этнической группы, соотносимого с идеальным прообразом своей этнической группы и релевантного определенной культурно-исторической, этносоциальной позиции группы в социуме и субъективному экзистенциальному опыту личности. Продуктом этнического конструирования является индивидуальное субъективное представление об этнической группе, к которой личность себя причисляет. В плане взаимодействия с исторической традицией этническое конструирование может приближаться к экзистенциальному проектированию личности и тогда субъект выстраивает свой жизненный мир соответственно достижениям, проблемам и перспективам этнической общности, с которой он себя идентифицирует. Исследование образа этнического мира с позиции субъектно-конструктивистского подхода может раскрыть новые возможности для понимания современной личности. На определенном этапе развития этнической идентичности, названном нами этапом аксиологизации, ознаменованном появлением ценностного отношения к своей жизни и этнической принадлежности как ее обязательной составляющей [1], для субъекта становится необходимым видение этнической реальности в перспективах идеального прообраза своей этнической группы [9].

Переход в пространство этнического конструирования предоставляет личности инструмент для выстраивания субъективного образа этнического мира и вместе с тем открывает культурно-исторический потенциал самореализации в данной этнической группе. Субъективный образ этнического мира выстроен на основе этнического традиционного образа мира (идеального прообраза), хотя и не совпадает полностью с ним, что позволяет развить и обогатить содержание этнокультурной традиции. Свободно выбирая присущую данной культуре систему бытийных координат, личность наполняет ее субъективным смыслом. Она демонстрирует особую значимость этнического образа мира для конкретного человека, берет ее за основу собственного жизнетворчества и позиционирует как свой экзистенциальный проект. Для личности это способ связи со своим народом, способ осуществления саморазвития через этническое конструирование. Можно предположить, что личность спонтанно трансформирует этнический образ мира, чтобы привнести в него субъективный опыт, а вместе с ним собственные этические императивы и ценности. Эта внутренняя деятельность по сознательному преобразованию образа своего народа раздвигает границы осознания этнической культуры, открывает в ней новые возможности, потенциал для развития личности. Происходящая таким образом трансформация позволяет выйти за привычные рамки представлений об этнической культуре, возникает представление не только ее ретроспективы, но и перспективы в будущем.

Этническое конструирование в самосознании личности можно соотнести с «культурным рождением» субъекта в этнической культуре, т. к. оно является средством углубления и расширения ее идентификации с этнической группой, наделено высоким уровнем саморефлексии и, таким образом, инструментом самопознания и саморазвития. В связи с вышеизложенным, открываются новые ракурсы исследования и проектирования жизненного мира личности. Принцип «бытийного опосредования субъективных смыслов» [5] имеет и обратную перспективу: субъективные смыслы конкретной личности влияют на ее отношения с миром, включаясь в эти отношения на субъект-субъектной основе, человек изменяет мир и меняется сам. В результате «мир оказывается таким, каким субъект его видит, какие методы познания он применяет, какие вопросы ставит» [3, с. 119]. По мнению А. Я. Гуревича, в основе моделирования окружающего мира в сознании лежат космические и социальные категории культуры, они же категории ментальности [2]. Так как категориальные структуры сознания ответственны не только за процесс психического отражения действительности, но и (в большей или в меньшей степени) за его конструирование, то «категоризация мира является одновременно его строительством, что ведет к самореализующемуся прогнозу» [7, с. 104 – 105]. Следовательно, можно предположить, что творческое преломление или расширение категориального состава общественного сознания через включение новых образов этнического мира может приводить к реальным изменениям в жизни этнокультурного сообщества.

Творение нового взгляда на этнический мир и себя в этом мире можно квалифицировать как составляющее этнического конструирования, которое является связующим звеном между этническим образом мира и индивидуальным образом мира субъекта. Оно активизирует связь личности с глобальным пространством этнических культур, верований посредством родной культуры и в этом смысле является совместным актом субъекта конструирования с определенной этнокультурной общностью как коллективным субъектом. Таким образом, этническое конструирование личности имеет высокий психосоциальный потенциал, который связан с осознанием выхода за собственные границы в пространство общего с другими образа определенного этнокультурного сообщества. Процесс этнического конструирования является необходимым для осуществления гармоничного и своевременного преобразования коллективного этнического образа мира в субъективный образ своей личности в полиэтничной среде современного социума.

Литература

1. Бучек, А. А. Социально-психологические особенности формирования этнической идентичности коренных народов Камчатки / А. А. Бучек. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ, 2004. – 173 с.

2. Гуревич, А. Я. История – нескончаемый спор / А. Я. Гуревич. – М.: РГГУ, 2005. – С. 407 – 427.

3. Знаков, В. В. Психология понимания: проблемы и перспективы / В. В. Знаков. – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2005. – 448 с.

4. Исакова, Н. В. Моделирующие возможности гуманитарного знания: культурно-антропологическая модель жизнедеятельности человека / Н. В. Исакова // Фундаментальные проблемы культурологи. В 4 т. – Том II: Историческая культурология / отв. ред. Д. Л. Спивак. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 17 – 31.

5. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.

6. Мухина, В. С. Качественные методы исследования этнического самосознания / В. С. Мухина, Т. Ц. Дугаолва // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Р. Д. Санжаевой. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. – Т. 1. – С. 64 – 68.

7. Петренко, В. Ф. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета) / В. Ф. Петренко, О. В. Митина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – С. 104 – 105.

8. Сикевич, З. В. Социология и психология национальных отношений: учебное пособие / З. В. Сикевич. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. – 203 с.

9. Сухарев, А. В. Этнофукциональная парадигма в психологии / А. В. Сухарев. – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2008. – 576 с.

10. Эпштейн, М. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук / М. Эпштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.

11. Berry, J. W. Aboriginal cultural identity / J. W. Berry // Canad. J. Native Stud. – 1999. – Vol. 19. – № 1. – P. 1 – 36.

12. Bruner, J. Two Modes of Thought / J. Bruner // Actual Minds, Possible Worlds. – London: Harvard University Press, 1986. – P. 11 – 43.

УДК 159.923.2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРИЗИСОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. В. Валиуллина

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF CRISES OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION IN THE COURSE OF THE HIGHER MEDICAL EDUCATION

E. V. Valiullina

В статье рассмотрены психологические характеристики кризисов профессионального самоопределения на стадии вузовской подготовки будущих врачей. Зависимость переживания кризисов от уровня невротизации, наличия внутренних конфликтов, профессиональной мотивации, уровня психологической и эмоционально-деятельностной адаптивности.

The article describes the psychological characteristics of the crisis of professional self-determination at the stage of university training for future doctors. Dependence of the experience of crises on the level of neuroticism, the presence of internal conflicts, professional motivation, psychological and emotional - active adaptability.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, профессиональные кризисы, психологические особенности.

Keywords: professional self-determination, professional crises, psychological characteristics.

Как самостоятельная область исследований проблема кризисов профессионального самоопределения в развитии личности сформировалась лишь в последнем десятилетии XX века. В рамках концепции профессионального развития личности проведены исследования, раскрывающие психологические особенности кризисов профессионального самоопределения и факторов, их детерминирующих. Данная тематика отражена в работах Э. Ф. Зеера, Е. А. Климова, А. К. Марковой, Е. Ю. Пряжникова, Е. Ю. Пряжниковой, Э. Э. Сыманюк и др.

Кризисные явления – неотъемлемый атрибут динамического процесса профессионального самоопределения личности. Под кризисами профессионального самоопределения понимают непродолжительные по времени периоды кардинальной перестройки профессионального сознания и структуры субъекта деятельности, сопровождающиеся изменением вектора профессионального развития [3, с. 191]. Выделяют нормативные и ненормативные кризисы. К нормативным Э. Ф. Зеер относит следующие виды кризисов: кризис выбора профессии, кризис учебно-профессиональных ориентации, кризис профессиональных экспектаций, кризис профессионального роста, кризис профессиональной карьеры, кризис социально-профессиональной самоактуализации, кризис утраты профессии. Ненормативные кризисы возникают в результате стечения неблагоприятных жизненных обстоятельств, время их наступления и участники случайны, но они могут нарушить линию профессионального развития [3, с. 31].

В силу отсутствия на этапе вузовского обучения непосредственных перспектив профессионального роста и достижения карьеры, основными кризисами профессионального самоопределения в процессе обучения являются: кризис учебно-профессиональных ориентаций, кризис выбора профессии, кризис профессиональных экспектаций и ненормативный кризис.

На стадии профессиональной подготовки в высших учебных заведениях в работах Н. С. Андреевой, Д. Е. Беловой, М. Г. Голубевой, И. В. Кагитиной, Л. И. Кунц, Ю. П. Поваренкова и др. отражены содержательные характеристики профессионального самоопределения студентов, будущих педагогов, психологов и инженеров. Вместе с тем анализ научной литературы показывает, что в настоящее время проблема кризисов профессионального самоопределения в процессе высшего медицинского образования остается недостаточно изученной.

В связи с вышесказанным, в качестве проблемы исследования выступает противоречие между потребностью психологической теории и практики в знании психологических особенностей кризисов профессионального самоопределения медиков на этапе профессиональной подготовки и недостаточной разработанностью поднимаемой проблемы в научной литературе. Данное обстоятельство определило цель исследования: выявить психологические особенности протекания кризисов профессионального самоопределения будущих врачей на этапе вузовской подготовки.

Исследование проводилось на базе Кемеровской государственной медицинской академии. В исследовании приняли участие студенты 1 – 6 курсов (всего 409 человек), в том числе обучающиеся по специальности «Лечебное дело» (212 чел.) и «Педиатрическое дело» (197 чел.). Основными методиками исследования стали психобиографическая анкета В. Г. Норакидзе, в обработке Э. Э. Сыманюк; методика диагностики уровня невротизации Л. И. Вассермана; шкала профессиональной мотивации К. Замфир, в модификации А. Реана; методика самооценки психологической и эмоционально-деятельностной адаптивности; система «Диагностика внутреннего конфликта» Е. Б. Фанталовой. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программы Statistica 6.1. Выбор непараметрических критериев оценки достоверности результатов и корреляций обусловлен характером распределений (ненормальное распределение для большинства показателей).

Различия показателей анализировались с помощью χ2–критерия Пирсона. Результаты исследования отражены в таблице 1 (обозначения интерпретационных коэффициентов в тексте).

Таблица 1

Средние показатели исследуемых параметров психологического содержания кризисов профессионального самоопределения

Коэффициенты	*I курс M ± m*	*II курс M ± m*	*III курс M ± m*	*IV курс M ± m*	*V курс M ± m*	*VI курс M ± m*	*p*
КПС	0,78±0,13	0,71±0,15	1,06±0,16	0,94±0,13	0,60±0,13	0,85±0,18	0, 007
УН	1,70±0,06	1,57± 0,07	1,78±0,10	1,76±0,06	1,65±0,10	1,58±0,11	0,02
ПА	3,02±0,16	3,06±0,19	3,10±0,18	2,89±0,14	3,20±0,20	3,88±0,25	0,035
ЭДА	2,23±0,05	2,21±0,05	2,28±0,07	2,27±0,05	2,39±0,06	2,38±0,10	0,03
ПМ	1,20±0,04	1,15±0,04	1,10±0,03	1,18±0,03	1,08±0,03	1,08±0,04	0,02
ИР	2,11±0,06	2,09±0,05	2,10±0,08	2,25±0,07	2,00±0,08	2,11±0,11	0, 009
УС	1,94±0,08	2,12±0,11	2,20±0,09	1,81±0,05	2,08±0,10	2,23±0,17	0, 01

Как видно из таблицы 1, кризисы профессионального самоопределения (КПС) наиболее выражены на первом, третьем, четвертом и шестом годах обучения. Исследование переживания кризисов профессионального самоопределения студентов-медиков проводилось методом психобиографической анкеты В. Г. Норакидзе в обработке Э. Э. Сыманюк [3, с. 195 – 210]. Критериями для выделения определенного вида кризиса служили элементы в текстах психобиографий студентов, все характеризующие кризисы высказывания, относящиеся к причинам их возникновения, психологическим изменениям в структуре субъекта деятельности. При этом учитывались как собственно оценочные суждения, так и простые описания, которые затем были соотнесены с индикаторной таблицей, предложенной Э. Э. Сыманюк. Индикаторами факторов, обусловливающих кризисы, стали объективные (смена ведущей деятельности, изменение способа выполнения деятельности, изменение социальной ситуации и т. д.) и субъективные (социально-профессиональная активность, неудовлетворенность потребностями личности, стремление к саморазвитию, неготовность к профессиональному самоопределению и т. д.) факторы.

Результаты содержательного анализа кризисов профессионального самоопределения представлены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение видов кризисов профессионального самоопределения, переживаемых студентами медицинского вуза по курсам (%)

Кризис / Курс	*I курс (n = 84)*	*II курс (n = 66)*	*III курс (n = 73)*	*IV курс (n = 94)*	*V курс (n = 58)*	*VI курс (n = 34)*
Кризис учебно-профессиональных ориентаций	5,9	9,1	8,2	12,8	10,3	20,6
Кризис выбора профессии	13,1	7,6	6,8	9,6	12,1	17,6
Кризис профессиональных экспектаций	10,7	7,6	24,7	18,1	8,6	5,9
Ненормативный кризис	3,6	6,1	2,7	2,1	0,0	2,9

Ненормативный кризис имеет незначительную выраженность на всех этапах обучения, колебания процентного распределения студентов от 0 % до 6,1 %, переживающих данный вид кризиса, не позволяет четко обозначить его динамику.

Кризис учебно-профессиональных ориентаций проявляется на всех курсах обучения, достаточно устойчивый процент студентов выражают отрицательное отношение к учебной деятельности. Наиболее выражен данный вид кризиса на шестом курсе (20,6 % из всех опрошенных на курсе студентов), что, как показывает собеседование, проведенное с выпускниками, связано с некоторой усталостью от учебной деятельности и желанием поскорее закончить учебное заведение.

Анализ выраженности на учебных курсах кризиса профессиональных экспектаций показывает его яркую выраженность на третьем курсе (24,7 %), что соответствует результатам, полученным другими исследователями кризисов профессионального самоопределения. В нашем исследовании этот вид кризиса также выражен и у студентов четвертого курса (18,1 %). Более плотное знакомство с содержанием профессиональной деятельности, с условиями ее реализации вызывает значительный рост разочарованности в профессии, а в медицинском вузе этот период охватывает два курса, несколько сглаживается на четвертом курсе, но не менее остро переживается.

Высокие показатели проявления кризиса экспектаций на четвертом курсе могут быть результатом того, что в конце третьего курса студенты проходят производственную практику «Сестринское дело». После прохождения этой практики значительное число студентов (больше трети всех опрошенных) приступили к самостоятельной трудовой

деятельности в качестве среднего медицинского персонала. Тем самым приобщившись к профессиональному медицинскому сообществу и получив новые впечатления и представления для анализа.

Кризис выбора профессии наиболее выражен на первом (13,1 %), пятом (12,1 %) и шестом (17,6 %) курсах. Анализируя психологические проявления кризиса, на основе собеседования с первокурсниками, высокий показатель объясняется тем, что, сделав свой профессиональный выбор, не все уверены в его правильности. Повторный рост выраженности кризиса выбора на завершающем этапе обучения, на выпускных курсах, можно объяснить некоторой тревожностью перед будущим, т. к. студенты находятся на пороге самостоятельной профессиональной деятельности, сомневаются в правильности сделанного ранее профессионального выбора.

Таким образом, в процессе получения высшего медицинского образования у студентов проявляются три группы кризисов профессионального самоопределения, пики выраженности кризисов наблюдаются на первом (кризис выбора профессии), на третьем и четвертом (кризис профессиональных экспектаций) и на шестом (кризис учебно-профессиональных ориентаций) курсах профессиональной подготовки.

В процессе переживания кризисов профессионального самоопределения происходят определенные изменения личности студентов-медиков. Для изучения уровня невротизации была использована методика Л. И. Вассермана [1, с. 171 – 173]. Невротизация рассматривается как состояние эмоциональной нестабильности, которая может привести к невротическим тенденциям в поведении личности. Уровень невротизации (УН) выше среднего выявлен у 17,8 % студентов третьего и 17,2 % – четвертого курсов ($p < 0,05$), это свидетельствует о выраженной эмоциональной возбудимости, беспокойстве, напряженности и способствует внутреннему подкреплению переживаемых кризисов профессионального самоопределения.

Исследование адаптационных способностей с помощью самооценки психологической (ПА) и эмоционально-деятельностной (ЭДА) адаптивности [1, с. 84] позволило проследить динамику распределения по учебным курсам студентов с различным уровнем адаптивности, которая отражает изменение уровня доверия личности к себе и выбранному профессиональному пути в рамках профессионального самоопределения. В ходе исследования выявлено, что на начальных этапах обучения относительно небольшой процент студентов имеют хорошие адаптационные способности – 27,4 % ($p < 0,05$), что свидетельствует о трудностях встраивания в образовательный процесс. Эти показатели повышаются в процессе обучения, и к последнему курсу происходит значительное увеличение процента студентов обладающих высоким уровнем психологической адаптивности – до 60,7 % ($p < 0,05$).

Согласно полученным результатам по методике «Диагностики внутреннего конфликта» Е. Б. Фанталовой [4], такие сферы, как «Материально обеспеченная жизнь», «Любовь», «Счастливая семейная жизнь», «Здоровье» в иерархии ценностей студентов занимают лидирующие позиции. Руководствуясь ссылкой в авторской методике Е. Б. Фанталовой о том, что сферы, предназначенные для оценки их по параметрам «Ценность» и «Доступность», можно варьировать, в зависимости от целей и задач намеченного исследования [4, с. 21 – 31]. Для анализа были выбраны следующие сферы: «Интересная работа», «Познание» и «Уверенность в себе». Так, при поступлении на первый курс и на выпускном курсе студенты примерно в равном соотношении переживают состояния внутреннего конфликта и внутреннего вакуума. Однако различия обнаруживаются при содержательном анализе данных: состояние внутреннего конфликта проявляется у первокурсников в большей степени в сфере «интересная работа» (ИР) 15,5 % ($p < 0,05$), разрыв между высокой значимостью наличия интересной работы вообще и низкой достижимостью таковой в настоящий момент – атрибут будущего по отношению к нереализованному пока желанию. На шестом курсе внутренний конфликт в сфере «уверенность в себе» (УС) – 20,6 % ($p < 0,01$), профессиональную неуверенность выпускников, заниженную самооценку часто связывают с реальными и мнимыми сложностями предстоящего трудоустройства.

При исследовании профессиональной мотивации (ПМ) была использована анкета с одноименной шкалой К. Замфир, в модификации А. Реана [2, с. 115 – 117]. Под профессиональной мотивацией понимается система и иерархия мотивов, определяющих позитивное или негативное отношение к избранной профессии, формирование профессиональной мотивации рассматривается во взаимосвязи с первичным профессиональным самоопределением. Соотношение между собой трех видов мотивации: внутренней (когда значима сама деятельность), внешней положительной (когда превалируют мотивы успеха и достижения) и внешней отрицательной (мотивы избегания, защиты) определяют мотивационный комплекс личности в структуре профессиональной деятельности.

В ходе исследования было выявлено, что 21,5 % ($p < 0,05$) студентов первого курса имеют неоптимальный профессиональный мотивационный комплекс. Это говорит о том, что у части первокурсников преобладает внешняя мотивация, они выполняют только те действия, которые необходимы для получения подкрепления (например оценки), это может быть связано с адаптационными процессами, происходящими на первом году обучения, с необходимостью перестройки мотивационной системы, преобладающей в школьном обучении.

Корреляционный анализ проведен с помощью r–критерия Спирмена, результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Корреляционные связи исследуемых параметров психологического содержания кризисов профессионального самоопределения

Интерпретационные коэффициенты	*r*	*Интерпретационные коэффициенты*	*r*
КПС – УН	0.323 *	ПА – ПМ	0.368 **
КПС – ПМ	- 0.543	КПС – УС	0.271
КПС – ПА	- 0.206 *	УН – ПМ	- 0.592 *
КПС – ЭДА	- 0.347 *	ПМ – ЭДА	0.553 **
УН – ИР	0.084**	ИР – ПА	- 0.032
ПА – ЭДА	0.433 **	ЭДА – УН	- 0.756 **
ПА – УН	- 0.396 *	ПА – УС	0.088
* - корреляция между выборками статистически значима с $p < 0,05$; ** - корреляция между выборками статистически значима с $p < 0,01$			

Таким образом, студенты-медики, переживающие кризисы профессионального самоопределения, характеризуются низкой психологической и эмоционально деятельностной адаптивностью и высоким уровнем невротизации. С повышением уровня невротизации повышается вероятность развития неоптимального профессионального мотивационного комплекса и появления внутренних конфликтов в сферах, напрямую связанных с профессиональным самоопределением личности.

Кризисы профессионального самоопределения выступают необходимой составляющей профессионального становления личности, порождая психическую напряженность, они стимулируют профессиональное развитие личности. Но не всякая личность может самостоятельно найти конструктивный выход из кризиса. Психологический дискомфорт, отрицательные эмоции, пассивное отношение к себе часто приводят к деструктивному профессиональному поведению. Поэтому необходимо создавать оптимальные условия для преодоления уже возникших кризисов и психологические методы сопровождения профессионального самоопределения на этапе вузовской подготовки будущих врачей.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в работе психологических служб медицинских вузов по психолого-педагогическому сопровождению процесса обучения, для разработки стратегий преодоления кризисов профессионального самоопределения, а также методов их профилактики.

Литература

1. Практическая психология: учебное пособие [Текст] / под ред. М. К. Тутушкиной. – СПб: Дидактика Плюс, 1998. – 336 с.

2. Реан, А. А. Практическая психодиагностика личности: учеб. пособие [Текст] / А. А. Реан. – СПб., 2001. – 384 с.

3. Сыманюк, Э. Э. Психология профессионально обусловленных кризисов [Текст] / Э. Э. Сыманюк. – Воронеж: МОДЭК, 2004. – 320 с.

4. Фанталова, Е. Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта [Текст] / Е. Б. Фанталова. – М.: Бахрам - М, 2001. – 128 с.

УДК 159.942

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И ТИПОВ ОТНОШЕНИЙ СТУДЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УСПЕШНОСТИ В ОБУЧЕНИИ

В. П. Михайлова, И. А. Фокина, Л. А. Александрова

A COMPARATIVE STUDY OF EMOTIONAL COMPETENCE AND TYPES OF STUDENTS' RELATIONSHIPS WITH RELEVANCE TO THEIR ACADEMIC ACCOMPLISHMENTS

V. P. Mikhailova, I. A. Fokina, L. A. Alexandrova

Статья посвящена актуальной проблеме современной психологической науки – эмоциональному интеллекту, его структуре и взаимосвязи с другими психологическими характеристиками студентов в зависимости от успешности в обучении.

The paper discusses a highly topical issue of modern psychological science related to the area of emotional intellect. The study focuses on the structure of the emotional intellect and its correlation with other psychological features in the target group of students with relevance to their academic success.

Ключевые слова: эмоциональная компетентность, эмпатия, рефлексия, саморегуляция и регуляция отношений.

Keywords: emotional competence, empathy, reflection, self-regulation, regulation of relationships.

Основные характеристики студенческого возраста как особой социальной категории: высокий образовательный уровень, высокая познавательная мотивация, наивысшая социальная активность и достаточно гармоничное сочетание интеллектуальной и социальной зрелости [11, с. 309].

Необходимым условием формирования профессиональной направленности в системе отношений «человек – человек» является способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми. Нормы поведения задаются той социальной ролью, которую выполняет участник взаимодействия. Для того, чтобы возник диалог, необходимо в образ конкретной социальной роли включать модель коммуникативного поведения, которая включает значимость получаемой информации для собеседника, его психическое состояние, установку и т. д. Высокая степень включенности в процесс общения эмоциональной сферы, умение управлять своим восприятием, смотреть на личность как на ценность, «считывать» изменения в лице, голосе, жесте, умение прогнозировать ход общения невозможно без самопознания, саморефлексии и саморегуляции – способности сравнивать, сопоставлять свое видение себя с оценками других участников взаимодействия.

Термин «эмоциональный интеллект» стал общепринятым после опубликования Д. Гоулманом книги с аналогичным названием в 1995 году [5].

Он ввел понятие «эмоциональная компетентность» (ЭК) – управление собой, а также понятие «социальная компетентность» – установление взаимоотношений. В настоящее время теория эмоционального интеллекта содержит четыре составляющие:

– распознавание собственных эмоций и эмоций других людей;

– понимание значений эмоций;

– управление эмоциями, умение отсрочить удовольствия;

– рефлексия, осознание, размышление в ситуациях неудач.

Признаками эмоционального интеллекта или эмоциональной компетентности являются: осознание своих чувств, эмоциональная осведомленность, управление своими чувствами, эмпатия, самомотивация и распознавание эмоций и чувств других людей, которые, в свою очередь, образуют два фактора: внешний – «понимание эмоций» и внутренний – «эмоциональная саморегуляция» [6, с. 5].

«Эмоциональная компетентность – это группа развивающихся способностей к саморегуляции и регуляции интерперсональных отношений путем эмоционального понимания себя и других» [12, с. 389]. В модели эмоциональной компетентности можно выделить два направления: когнитивное (понимание) и поведенческое (управление).

Когнитивный вектор направлен, с одной стороны, на самопонимание, обозначаемое как явление рефлексии, с другой – при направленности на других, известную как явление эмпатии.

Поведенческий вектор направлен на взаимодействие с окружающими (регуляция отношений), и адаптация происходит через саморегуляцию поведения (управление своим поведением).

Таким образом, конструкт эмоциональной компетентности состоит из четырех базовых компонентов: саморегуляции, регуляции взаимоотношений, рефлексии и эмпатии, которые, группируясь, образуют четыре функциональных блока: поведенческий, когнитивный, интраперсональный и интерперсональный [12, с. 390].

Эмоциональная компетентность как интегральная характеристика позволяет прогнозировать успешность профессиональной карьеры личности в коммуникативной и социально-управленческой деятельности. В сегодняшней ситуации это особенно актуально, так как во всех сферах деятельности присутствует компетентностный подход.

По результатам исследования Ю. В. Давыдовой известно, что общий показатель эмоционального интеллекта у девочек выше, чем у мальчиков (эмоциональная осведомленность, эмпатия и распознавание эмоций у других людей), но демонстрируют ухудшение способности управлять своими эмоциями [6, с. 20]. В ряде исследований было установлено, что женщины, по сравнению с мужчинами, более эмоционально развиты. Они лучше распознают по невербальным признакам и экспрессии состояние других людей, но не всегда умеют управлять своим эмоциональным состоянием [3].

Исследование саморегуляции в студенческом возрасте было проведено Е. В. Королевой. По ее мнению, успешность профессиональной подготовки зависит от единства мотивационных, содержательно-деятельностных и регулирующих компонентов, которые составляют основу саморегуляции [8, с. 175]. Ею были выделены три уровня саморегуляции.

Высокий уровень развития саморегуляции характеризуется наличием концепции своей профессиональной деятельности и способностью интерпретировать свои учебно-профессиональные действия в соответствии с ней.

Средний уровень характеризуется высоким уровнем развития способности к анализу собственных возможностей.

Низкий уровень развития саморегуляции в процессе развития учебной деятельности предполагает лишь фрагментарный анализ профессиональных характеристик, слабое осознание будущей профессиональной деятельности, наличие профессиональных шаблонов и отсутствие концепции собственной профессиональной деятельности [8, с. 177].

По результатам ее исследования к четвертому и пятому курсу лишь пятая часть студентов (19,7 %) могли соотнести свои учебные действия с профессионально значимыми целями [8, с. 177]. Лишь создав специальный курс, студенты смогли объяснить методические закономерности «психологическим языком». Таким образом, возникает новый тип деятельности – учебно-профессиональный, который повышает профессиональную компетентность.

Признаками социальной зрелости являются: чувство ответственности, наличие эмпатии и рефлексии, эмоциональная устойчивость и эмоциональная зрелость, адекватность самоотражения, самоконтроль, самореализованность. Социальная зрелость определяется множеством факторов, но решающим среди них является мотивация саморазвития, мотивация самосовершенствования.

По меткому выражению А. Г. Асмолова, нынешняя система обучения лишь усердно снабжает учащихся информацией, формируя интеллектуального потребителя. Итогом такого обучения являются проблемы нравственного порядка.

При исследовании эмоциональной компетентности студентов четвертого курса математического факультета КемГУ на высоком уровне достоверности саморегуляция коррелирует с эмпатией ($r = 0{,}84$). Эмпатия имеет достоверные связи с индексом эмоциональной компетентности, с поведенческим, с интраперсональным блоком и с регуляцией отношений [1, с. 79 – 81]. Успешности любой деятельности способствуют все вышеперечисленные компоненты эмоциональной компетентности, которые обеспечивают тонкость распознавания, понимания чувств других людей и способы к самоконтролю, самоорганизации и адекватной коммуникации.

Нами была поставлена цель: изучить, как эти способности развиты у студентов с разной успешностью в обучении. В группу успешных вошли студенты, допущенные к сессии и успешно сдавшие ее. В группу неуспешных были включены студенты, не допущенные к сессии в установленный срок, то есть не овладевшие в необходимом объеме материалом, изучавшимся в течение семестра. Особенность исследовательского дизайна состоит в том, что психодиагностическое обследование проводилось в течение учебного семестра, а следовательно, предшествовало определению конкретных студентов как успешных или неуспешных. Обычно имеет место обратная картина: вначале студент определяется как успешный или неуспешный, а потом проводится психодиагностическое обследование, поэтому остается неясным, являются ли полученные психодиагностические данные причиной или следствием неуспешности в учебе. В нашем исследовании этот недостаток преодолевается за счет того, что психодиагностическое обследование предшествует сессии, следовательно, проводится именно на этапе освоения студентом учебного плана. Поэтому полученные результаты можно рассматривать в русле прогноза эффективности учебной деятельности студентов.

По мнению Г. В. Юсуповой, в эмоциональную компетентность входят четыре базовые составляющие:

– саморегуляция, контроль импульсов, управление эмоциями, выражение эмоций и блокировка негативных эмоциональных состояний;

– регуляция взаимоотношений – социальные навыки, умение строить отношения с окружающими;

– рефлексия – самосознание, рациональное осмысление эмоций, выявление собственных мотивов;

– эмпатия – чувствительность к слабым сигналам, выражающим потребности и желания других людей.

На основе базовых составляющих эмоциональной компетентности были сформированы функциональные блоки:

– поведенческий блок, который включает саморегуляцию и регуляцию отношений;

– когнитивный блок, который состоит из рефлексии и эмпатии;

– интраперсональный блок, включающий саморегуляцию и рефлексию;

– интерперсональный блок, который включает регуляцию отношений и эмпатию.

Итоговая оценка или индекса эмоциональной компетентности рассчитывается по определенной формуле [12].

Кроме типов отношений, эмоциональной компетентности определялся тип темперамента у студентов по методике А. Белова, общий кругозор, знание отечественных и зарубежных знаменитостей, структура личности по Э. Берну, особенности памяти (методика В. П. Михайловой).

Исследование самопознания осуществлялось с помощью самооценок и оценок качеств, включенных в учебную деятельность: нравственных, волевых, интеллектуальных и мировоззренческих. Оценить нужно было качества по следующей схеме: 3 балла – максимально выражено качество, 2 балла – средне, 1 балл – слабо. По каждой группе качеств находили средний балл. Среди интеллектуальных качеств были названы: наблюдательность, дальновидность, сообразительность и т. д. Кроме оценки позитивных качеств, студенты должны были оценить свои негативные качества. Например, среди нравственных качеств были: жадность, мстительность, лицемерие и т. д. Кроме этого, студентам предлагали список качеств как положительных, так и отрицательных, и они подчеркивали те, которые у них есть, по их мнению.

Для исследования особенностей межличностных отношений студентов был использован метод «Диагностика межличностных отношений» в адаптации Л. Н. Собчик (1990) и представляет собой модифицированный вариант интерперсональной диагностики T. Leary (1969). Опросник представляет собой набор из 128 достаточно простых характеристик личности. Испытуемый должен отметить те характеристики, которые он у себя находит (реальное я) и какие хотел бы иметь (идеальное я). По данным опросника, диагностируют 8 типов интерперсональных отношений, каждый из которых выявляет определенные психологические тенденции: 1) стремление к лидерству; 2) уверенность в себе; 3) требовательность; 4) независимость; 5) уступчивость; 6) зависимость; 7) конформизм; 8) отзывчивость. Первые четыре типа характеризуются преобладанием неконформных тенденций и склонностью к конфликтам, тенденцией к лидерству и доминированию. Другие четыре шкалы: 5, 6, 7, 8 – представляют противоположную картину: склонность к компромиссам, конформность установок, постоянство

контактов с окружающими. Ниже приводятся характеристики отдельных шкал.

Степень адаптации или дезадаптации определяется шкалой от 0 до 16. Баллы, достигшие уровня 14 – 16, свидетельствуют о трудностях социальной адаптации. Низкие показатели по всем шкалам (0 – 3 балла) могут быть результатом скрытности или неоткровенности испытуемого. Характеристики, выходящие за пределы 8 баллов, свидетельствуют об акцентуации измеряемых свойств.

При помощи метода корреляционного анализа выявляли связи между количественными показателями вышеназванных параметров, анализировались те корреляционные связи между шкалами опросников, которые превышали уровень статистической значимости ($p < 0,05$).

Рассмотрим результаты исследований в группе «успешных»

Саморегуляция имеет 16 коэффициентов корреляции. На 1 %-м уровне достоверности саморегуляция связана с поведенческим блоком ($r = 0,74$), с интраперсональным блоком ($r = 0,72$) и с общим индексом эмоциональной компетентности ($r = 0,67$). На 5 %-м уровне достоверности имеются корреляции с эмпатией ($r = 0,5$), с регуляцией отношений ($r = 0,46$) и интерперсональным блоком ($r = 0,46$), с властным типом отношений ($r = 0,47$). Саморегуляция – это способность совершать сознательные действия по отношению к самому себе [8, с. 6 – 7]. Она невозможна без социальных навыков, умения строить отношения с окружающими, предвидеть их последствия, умения властвовать над своими чувствами и поступками.

Саморегуляция на 5 %-м уровне связана с самооценкой нравственных, волевых, интеллектуальных качеств ($r = 0,54$; $r = 0,44$; $r = 0,49$), положительно связана с логической и абстрактной памятью ($r = 0,50$; $r = 0,56$) и с настроением ($r = 0,51$) и отрицательно – с меланхолическим типом темперамента ($r = – 0,45$), с отрицательными характеристиками нравственной сферы личности.

Саморегуляция – это контроль за своими импульсами, эмоциями, умение выражать их и управлять ими, способность блокировать негативные переживания. Саморегуляция невозможна без взаимодействия интеллектуальных, волевых и нравственных качеств и позитивного настроения. Это подвластно только сильному человеку, поэтому отрицательная корреляция с меланхолическим темпераментом вполне естественна и закономерна. Связь саморегуляции с эмпатией обнаружена в исследовании Ю. В. Давыдовой [6, с. 13].

Структурными компонентами саморегуляции являются: самоанализ, самопрогноз, самоконтроль поведения и самооценка. Оценивать саморегуляцию можно по таким качествам, как ответственность, организованность, контроль за своими эмоциями. В. Е. Василенко обнаружила корреляцию между высоким уровнем саморегуляции поведения и высоким уровнем развития интеллектуальных функций у младших школьников [4].

Рефлексия имеет 11 корреляций. Самый большой коэффициент корреляции рефлексия имеет с регуляцией отношений ($r = 0,92$), с поведенческим, интраперсональным, интерперсональным и индексом эмоциональной компетентности на 1 %-м уровне ($r = 0,81$; $r = 0,82$; $r = 0,84$; $r = 0,82$). Рефлексия положительно связана с позицией взрослого ($r = 0,44$). С положительными характеристиками волевой сферы рефлексия связана на 5 %-м уровне ($r = 0,44$) и отрицательно – с мировоззренческими характеристиками ($r = – 0,5$). Рефлексия связана положительно с холерическим типом темперамента ($r = 0,51$). Связь эта кажется парадоксальной, но в минуты эмоционального дискомфорта даже импульсивный холерик способен к размышлению, чтобы устранить причины своего негативного состояния. Остальные корреляции – свидетельство зрелости личности, обладающей хорошими адаптивными способностями, легко преодолевающей стрессовые ситуации.

Эмпатия имеет 7 корреляций. Одна из них – с холерическим типом темперамента ($r = 0,54$), а все остальные связаны с компонентами эмоциональной компетентности на 1 %-м уровне с интерперсональным блоком, с регуляцией отношений, с индексом эмоциональной компетентности, с интраперсональным и поведенческим блоками и когнитивным ($r = 0,92$; $r = 0,88$; $r = 0,84$; $r = 0,83$; $r = 0,70$). Когнитивный блок – это умение распознавать переживания других, а поведенческий блок – социальные навыки и умение устанавливать контакты. Эти компоненты входят в блок «понимание эмоций», который может свидетельствовать о тенденции к развитию. Положительная же связь эмпатии с холерическим темпераментом – свидетельство парадоксального развития, сочетание импульсивности и рефлексии, тенденции к самосохранению и саморазрушению, стремлении к комфорту и эмоциональным бурям, сочетание внутренней неуверенности с внешней бравадой и т. д.

Регуляция отношений имеет отрицательную корреляцию с холерическим типом темперамента ($r = – 0,54$), положительную – с властным типом отношений ($r = 0,46$). Остальные корреляции с элементами эмоциональной компетентности: с поведенческим блоком ($r = 0,89$), с интерперсональным ($r = 0,93$), с индексом эмоциональной компетентности ($r = 0,86$), с интраперсональным блоком ($r = 0,85$) и когнитивным блоком ($r = 0,66$). Регуляция отношений означает умение строить отношения с окружающими. Отрицательная связь этого компонента эмоциональной компетентности с холерическим типом темперамента объясняется импульсивностью, повышенной конфликтностью с окружающими этого типа темперамента. Педагогический вывод очевиден: необходимо у холерика формировать подчинение общественным интересам, толерантность по отношению к другим, адекватность в межличностных контактах.

Поведенческий блок имеет 10 корреляций. Самые высокие коэффициенты корреляций на 1 %-м уровне с интраперсональным блоком ($r = 0,92$) и с

индексом эмоциональной компетентности (r = 0,91), с интерперсональным блоком (r = 0,87). Данный блок положительно связан с когнитивным блоком (r = 0,65) и отрицательно – с меланхолическим типом темперамента (r = – 0,47). Все остальные корреляции на 5 %-м уровне: с властно-лидирующим типом отношений (r = 0,49), с интеллектуальной самооценкой (r = 0,47), с абстрактной памятью (r = 0,46), с холерическим типом темперамента (r = 0,49), с оценкой мировоззренческих качеств (r = 0,46).

Когнитивный блок имеет 11 корреляций. На 1 %-м уровне достоверности данный блок связан с интраперсональным и интерперсональным блоками и общим индексом эмоциональной компетентности (r = 0,66; r = 0,65; r = 0,64). Имеется положительная корреляция с властным типом отношений (r = 0,48), с позицией взрослого (r = 0,57), с положительными оценками волевой и мировоззренческой сферами личности (r = 0,48; r = 0,60); с самооценкой интеллектуальных качеств (r = 0,56); с кругозором (r = 0,47), с зрительной памятью (r = 0,49) и отрицательная корреляция с меланхолическим типом темперамента (r = – 0,46). Когнитивный блок состоит из рефлексии и эмпатии, выражает чувствительность к переживаниям других, умение предвидеть поступки людей и адекватно реагировать на них.

Интраперсональный блок на высоком уровне значимости коррелирует с общим индексом эмоциональной компетентности (r = 0,89), с интерперсональным блоком (r = 0,86), с отрицательными чертами волевой сферы (r = 0,51), интеллектуальными качествами (r = 0,53), с сангвиническим типом темперамента (r = 0,48) и отрицательная связь обнаружена с меланхолическим типом темперамента (r = – 0,61). Интраперсональный блок включает саморегуляцию и рефлексию. Высокие показатели по этому блоку свидетельствуют о психологической грамотности человека, умении устанавливать контакты на основе обратной связи, уверенности принимать решения и адекватной самореализации. Если у человека есть какие-то противоречия, они легко преодолеваются. В этом ему помогает оптимистический настрой и уход от стереотипов, принятых в обществе. Высокая корреляция с интерперсональным блоком свидетельствует об умении регулировать отношения, отталкиваясь от переживаний конкретных людей.

Интерперсональный блок имеет только две корреляции. Одна положительная корреляция с индексом эмоциональной компетентности (r = 0,84) и с отрицательными чертами волевой сферы (r = 0,47). Интерперсональный блок – это регуляция отношений и эмпатия. Регуляция отношений реализуется в интерперсональных отношениях на основе распознавания, понимания и интерпретации эмоциональных состояний других людей. ИЭК связан положительно с логической памятью (r = 0,44), с холерическим типом темперамента (r = 0,45) и с отрицательными характеристиками интеллектуальной сферы (r = 0,45).

Властный тип отношений связан с ответственным (r = 0,61), независимым типами отношений (r = 0,55), агрессивным типом отношений в идеальном «я» (r = 0,49; r = 0,46), с самооценкой нравственных качеств (r = 0,47) и с мировоззренческими характеристиками (r = 0,46). «Властно-лидирующий» тип отношений характеризуется высокой мотивацией достижений, повышенным уровнем притязаний, легкостью принятия решений и независимостью поведения, большим стремлением вести за собой людей и подчинять их своей воле [10, с. 63]. В идеальном плане данный тип межличностных отношений хотел бы оставаться независимым и быть более агрессивным, чем в реальном «я». Тот и другой характеризуются упорством в достижении поставленных целей и стремлением не нарушать нравственные нормы.

Независимый тип отношений реального «я» имеет корреляции с разными типами отношений реального «Я»: с агрессивным (r = 0,6), недоверчивым (r = 0,58), с покорным (r = 0,62), с зависимым (r = 0,62) сотрудничающим (r = 0,58) и ответственным (r = 0,53). Независимый тип отношений имеет положительную корреляцию с общей эмоциональной памятью (r = 0,56) и с типами отношений идеального «я»: властным (r = 0,54), независимым (r = 0,66), агрессивным (r = 0,54), недоверчивым (r = 0,44), покорным (r = 0,59) и зависимым (r = 0,56). Независимый тип межличностных отношений в идеальном плане хотел бы оставаться таким же, как и в реальном «я»: властным, агрессивным, недоверчивым, но быть более зависимым и покорным.

Агрессивный тип реального «я» связан с недоверчивым (r = 0,59), с покорным (r = 0,89), с зависимым (r = 0,88) и с сотрудничающим (r = 0,56) реального «я». В идеальном «я» агрессивный тип отношений имеет положительные корреляции с покорным (r = 0,71), с зависимым (r = 0,61), агрессивным (r = 0,61), с независимым (r = 0,54) и недоверчивым (r = 0,48). Близость агрессивного типа с недоверчивым типом как в реальном «я», так и в идеальном «я» объясняется сходством некоторых характеристик: общим критическим настроем по отношению к любым мнениям, неудовлетворенностью своей позиции, чувствительностью к замечаниям в свой адрес и постоянной готовностью к конфликтам, враждебными установками на окружающих. Стремление быть покорным и зависимым объясняется потребностью в привязанности и теплых отношениях и готовностью сотрудничать с теми, кто рядом.

Недоверчивый тип отношений реального «я» связан с покорным типом (r = 0,66), с зависимым (r = 0,56) реального же «я». Имеются положительные корреляции с меланхолическим типом темперамента (r = 0,45), отрицательная связь с оценкой волевых качеств (r = – 0,57) и с позицией «дитя». В идеальном, желаемом плане недоверчивый тип отношений сохраняет корреляции с покорным (r = 0,60) и с зависимым типом отношений (r = 0,47).

Недоверчиво-скептический тип сверхчувствителен к замечаниям в свой адрес, замкнут и обособлен. Общее у него с зависимым и покорным типами то, что они все подчинены условиям среды, убежденно-

стью в недоброжелательном к ним отношениям и недовольством своим статусом, своей ролью, которую они выполняют. Положительную корреляцию недоверчивого типа с меланхоликом раскрывает дефицит положительных эмоций и дефицит волевых характеристик.

Покорный тип отношений реального «я» имеет положительные корреляции с зависимым типом (r = 0,88) и с сотрудничающим (r = 0,55). В идеальном «я» покорный тип имеет корреляцию с покорным способом поведения (r = 0,77), с зависимым (r = 0,60), с недоверчивым (r = 0,60), с агрессивным (r – 0,57) и независимым (r = 0,49). Положительные корреляции покорного типа с зависимым и сотрудничающим сохраняются и в идеальном «я». Но данный тип стремится быть независимым, агрессивным и недоверчивым. Так как покорный тип обладает повышенной склонностью к рефлексии, сосредоточенного на своих недостатках и неудачах, то ему хотелось бы большей импульсивности, непроизвольности в поведении, которая присуща агрессивному типу отношений.

Зависимый тип отношений реального «я» связан с сотрудничающим (r = 0,68) и с ответственным (r = 0,59). В идеальном «я» этот тип отношений связан с независимым (r = 0,49), с покорным (r = 0,73), с агрессивным (r = 0,64), с зависимым (r = 0,67). Зависимый тип проявляет повышенную чувствительность к воздействиям социальной среды и мнениям других людей, высокую тревожность и неустойчивость самооценки, поэтому он привержен интересам группы, готов сотрудничать с теми, кто ему может помочь существовать в этом хрупком, не очень надежном мире. Повышенную конформность данный тип сохраняет и в идеальном «я», но хотел бы быть более агрессивным и независимым.

Сотрудничающий тип отношений реального «я» имеет только одну корреляцию с ответственным (r = 0,81). В идеальном «я» этот способ поведения связан с агрессивным (r = 0,64), с покорным (r = 0,63), с независимым (r = 0,51), недоверчивым (r = 0,56) и с сотрудничающим (r = 0,47). Сотрудничающий тип очень отзывчив на социальные воздействия, отличается стремлением соответствовать групповым нормам морали, желанием жить интересами других людей и чувствует свою ответственность перед людьми. В идеальном «я» он сохраняет тенденции сотрудничества, но хотел бы быть более агрессивным, недоверчивым и независимым.

Ответственный тип отношений имеет все корреляции только с отношениями в идеальном «я». Это агрессивный тип (r = 0,62), недоверчивый (r = 0,53), с независимым (r = 0,49), с покорным (r = 0,47) и с зависимым (r = 0,47). Имеется одна корреляция с самооценкой нравственных качеств и оценкой волевых характеристик (r = 0,47). При этом способе взаимодействия человек склонен идеализировать межличностные отношения. Его отличает большая доброжелательность, милосердие, стремление приносить себя в жертву другим людям. Артистичность, желание произвести хорошее впечатление, понравиться окружающим может сделать его эмоции более поверхностными и неустойчивыми. В идеальном «я» он хотел бы быть более агрессивным, покорным и зависимым и независимым одновременно. Сочетание противоположных характеристик может свидетельствовать о некоторой невротичности такой личности.

Властный тип отношений идеального «я» связан с независимым типом (r = 0,81), с зависимым (r = 0,64), с ответственным (r = 0,62), с покорным (r = 0,58), с недоверчивым (r = 0,50), с агрессивным (r = 0,54). Властный тип межличностных отношений в идеальном «я» связан положительной корреляцией с независимым и зависимым, с ответственным и покорным, с агрессивным и недоверчивым. Такая широкая палитра корреляций свидетельствует о многообразии паттернов поведения, о стремлении доминировать и занимать активную жизненную позицию. Он вполне самостоятелен, уверен в себе и предприимчив [10, с. 63].

Независимый тип отношений идеального «я» имеет в корреляции с типами отношений идеального «я»: с агрессивным (r = 0,66), с сотрудничающим (r = 0,65), ответственным (r = 0,63), с зависимым (r = 0,54), с покорным (r = 0,52) и с недоверчивым (r = 0,49). Независимый тип взаимоотношений характерен для человека, который стремится доминировать над другими, сохраняет дистанцию в отношениях и критически относится к окружающим. Постоянное стремление в чем-то превзойти своих сокурсников делает его эгоистичным и индивидуалистом. Сочетание в нем противоположностей покорности и агрессивности, ответственности и недоверчивости, зависимости и сотрудничества делает его эмоциональную жизнь напряженной и невротичной.

Агрессивный тип отношений имеет все корреляции с типом отношений идеального «я»: покорный тип (r = 0,84), недоверчивый (r = 0,79), зависимый (r = 0,82), с ответственным (r = 0,57) и с сотрудничающим (r = 0,57). Самые большие коэффициенты корреляции агрессивного типа в идеальном «я» с покорным и зависимым, недоверчивым типами отношений ($\rho < 0,01$). Данные корреляции можно объяснить наличием противоречивых свойств покорности и зависимости, готовности быть конформистом и идти на компромиссы и подозрительности, повышенной обидчивости от замечаний в их адрес и даже враждебности по отношению к окружающим. На 5 %-м уровне достоверности обнаружены связи агрессивного типа с ответственным и сотрудничающим типами взаимодействия. Смелость, самостоятельность в принятии решений делает этот тип ответственным и готовым сотрудничать ради достижения цели.

Недоверчивый тип отношений идеального «я» положительно связан с меланхолическим типом темперамента (r = 0,46), с механической памятью (r = 0,48), отрицательно – с пиктограммой (r = – 0,52). Самый высокий коэффициент корреляции имеет недоверчивый тип с покорным (r = 0,78), с сотрудничающим (r = 0,54) и с зависимым типами отношений идеального «я». Данные корреляции

объясняются тем, что в недоверчивом человеке, неудовлетворенным своим положением, подозрительным и неконформным, живущим в постоянном дискомфорте, живет мечта стать покорным и зависимым от других людей, чем быть подчиненным враждебным установкам своей личности. Данный тип осознает свои слабости и положительная корреляция с меланхолическим типом темперамента логична и реалистична.

Покорный тип отношений идеального «я» связан с зависимым типом (r = 0,8), с сотрудничающим (r = 0,64) и с ответственным (r = 0,53). Покорный тип имеет повышенное чувство ответственности, склонен себя обвинять в своих неудачах, с заниженной самооценкой, он зависим от сотрудничества с окружающими и ищет поддержки и защиты у них, он аккуратен и исполнителен, не любит внимания окружающих и предан своей работе.

Зависимый тип отношений идеального «я» имеет лишь две корреляции: с ответственным (r = 0,54) и с сотрудничающим типами отношений. Корреляция зависимого типа с сотрудничающим – свидетельство приверженности данного типа к интересам группы. Большая самокритичность говорит об ответственности данного типа перед другими.

Сотрудничающий тип отношений идеального «я» положительно связан с ответственным типом (r = 0,72), с оценкой нравственных (r = 0,53) и волевых качеств (r = 0,53). Для данного типа отношений характерно стремление к совместной деятельности, желание жить интересами группы и эмоционально откликаться на их переживания, чувство ответственности за общие дела. Нравственные и волевые качества являются условием сотрудничества.

Ответственный тип отношений идеального «я» имеет лишь одну положительную корреляцию с оценкой интеллектуальных качеств (r = 0,52). Наличие этой корреляции свидетельствует о некоторой зрелости личности, которая невозможна без интеллектуальных качеств.

Кругозор – знание отечественных выдающихся людей, связан с общим кругозором (r = 0,71) и с оценкой нравственных качеств (r = 0,46). Кругозор – знание зарубежных выдающихся людей связан с общим кругозором (r = 0,65), с позицией «взрослого» (r = 0,48) и с позицией «дитя» (r = 0,48), с зрительной (r = 0,54), с механической памятью (r = 0,48) и с оценкой интеллектуальных качеств (r = 0,48). Все корреляции, кроме первой, на 5 %-м уровне достоверности. Общий кругозор, который включает знания как отечественных, так и зарубежных знаменитых людей положительно связан со зрительной памятью (r = 0,65) и с самооценкой нравственных качеств (r = 0,5).

Позиция «родитель» положительно коррелирует с позицией «взрослого» ($\rho < 0,1$), на этом же уровне значимости с самооценкой интеллектуальных качеств и со зрительной памятью.

Позиция «взрослый» имеет 11 корреляций. Самый высокий коэффициент корреляции имеет эта позиция с самооценкой мировоззренческих качеств (r = 0,85), с оценкой интеллектуальных и нравственных качеств (r = 0,57; r = 0,54), с положительными характеристиками волевых качеств характера (r = 0,55), отрицательная связь с меланхолическим типом темперамента (r = – 0,45) и положительная с холерическим (r = 0,53). Позиция «взрослый» связана почти со всеми видами памяти: эмоциональной (r = 0,55), механической (r = 0,51), логической (r = 0,48) и зрительной (r = 0,45).

Позиция «дитя» отрицательно коррелирует с оценкой нравственных качеств (r = – 0,52), волевых (r = – 0,45), положительно с механической памятью (r = 0,44). Все корреляции на 5 %-м уровне значимости.

Самооценка нравственных качеств положительно связана с самооценкой интеллектуальных качеств (r = 0,53), с положительными характеристиками нравственной сферы личности (r = 0,50).

Самооценка волевых качеств – с самооценкой интеллектуальных качеств (r = 0,65), с логической памятью (r = 0,48) и с меланхоликом (r = 0,56).

Самооценка интеллектуальных качеств имеет положительные корреляции с самооценкой волевых качеств (r = 0,62), с холерическим типом темперамента (r = 0,52), с логической памятью (r = 0,49), с эмоциональными видами памяти (r = 0,49; r = 0,42) и отрицательную корреляцию с меланхолическим типом темперамента (r = – 0,52).

Самооценка мировоззренческих качеств не имеет ни одной корреляции.

Оценка нравственных качеств имеет положительные связи с оценкой волевых и мировоззренческих качеств (r = 0,47; r = 0,56), с положительными чертами характера нравственной и волевой сферы личности (r = 0,52; r = 0,50).

Оценка волевых качеств связана с оценкой интеллектуальных качеств (r = 0,74) и с флегматическим типом темперамента.

Оценка интеллектуальных качеств положительно связана с оценкой мировоззренческих качеств (r = 0,54).

Положительные черты характера нравственной сферы имеют достоверные корреляции с характеристиками волевой, интеллектуальной сферы и характеристиками мировоззрения (r = 0,46; r = 0,79; r = 0,72).

Характеристики волевой сферы личности положительно связаны с положительными чертами характера мировоззрения и общего интеллекта (r = 0,71; r = 0,51).

Интеллектуальные черты характера с позитивным содержанием положительно связаны с положительными чертами характера мировоззрения (r = 0,58).

Нравственные черты характера с негативным содержанием отрицательно связаны с интеллектуальными чертами (r = – 0,78) и положительно с мировоззренческими (r = 0,72).

Отрицательные черты воли имеют одну корреляцию с негативными чертами общего интеллекта (r = 0,84).

Холерический тип темперамента имеет отрицательную корреляцию с флегматиком (r = – 0,48).

Сангвинический тип темперамента положительно коррелирует с настроением до эксперимента ($н_л$) и после эксперимента ($н_г$) на высоком уровне значимости (r = 0,68; r = 0,46).

Логическая память имеет связи с общей абстрактной памятью (r = 0,63), с общей эмоциональной (r = 0,78), со зрительной (r = 0,65) и с механической (r = 0,75).

Механическая память связана со зрительной (r = 0,49), а зрительная – с эмоциональной (r = 0,45) и с абстрактной (r = 0,54).

Эмоциональная память, как ни странно, но связана с абстрактной (r = 0,55) на 5 %-м уровне достоверности.

Результаты исследования в группе «менее успешных».

Корреляции саморегуляции с компонентами эмоциональной компетентности и типами отношений. Данный компонент эмоционального интеллекта связан с индексом эмоциональной компетентности (r = 0,65), с интраперсональным блоком (r = 0,63) и поведенческим (r = 0,72). Саморегуляция – это умение управлять своими эмоциями, а поведенческий блок – способность адекватно выражать свои чувства и позитивный настрой, то корреляции эти логичны.

Саморегуляция имеет положительные связи с сотрудничающим (r = 0,53), с ответственным типом отношений (r = 0,51) и властным (r = 0,56). Все корреляции на 5 %-м уровне. В группе «успешных» студентов только одна корреляция с властным типом отношений. Главная особенность этого типа отношений – стремление к достижениям и доминированию над другими. Саморегуляция в сочетании с несколькими видами межличностного взаимодействия свидетельствует о широте и некоторой распыленности интересов, неумениям сосредоточиваться на самом главном – учебе.

Саморегуляция имеет положительные связи на 5 %-м уровне достоверности с самооценками волевых, интеллектуальных и мировоззренческих качеств, но нет ни одной корреляции с эмпатией и с интерперсональным блоком, который содержит в своей структуре эмпатию. Отсутствие эмпатии как одного из главных компонентов эмоциональной компетентности свидетельствует о некоторой дефектности и несовершенстве взаимоотношений с людьми и с самим собой.

Рефлексия имеет 8 положительных корреляций, две из них с общим индексом эмоциональной компетентности и с когнитивным блоком (r = 0,53; r = 0,71). На 5 %-м уровне достоверности рефлексия связана с властным, лидирующим типом отношений как в реальном, так и идеальном плане и ответственным типом взаимодействия, по Т. Лири. Рефлексия также имеет связи с общим кругозором (r = 0,50), с самооценкой волевых качеств (r = 0,49) и с интеллектуальными качествами характера (r = 0,54), но нет ни одной связи с эмпатией.

Эмпатия не имеет ни одной связи с типом отношений, но связана положительно с общим индексом эмоциональной компетентности (r = 0,61), с когнитивным и интерперсональным блоками (r = 0,52; r = 0,47). На 5 %-м уровне связана с самооценкой интеллектуальных и мировоззренческих качеств (r = 0,55; r = 0,61) и с оценкой интеллектуальных (r = 0,72) и мировоззренческих характеристик (r = 0,53). Данные корреляции свидетельствуют о том, что адаптация как фактор успешности личности должна быть результатом согласованности самооценок и оценок, связи когнитивного блока, который означает социальную грамотность человека, ролевую пластичность и интерперсональным блоком, который отражает позитивные установки на людей.

Регуляция отношений связана только с компонентами эмоционального интеллекта: с поведенческим блоком (r = 0,56), с интерперсональным блоком (r = 0,72) и с общим индексом эмоциональной компетентности (r = 0,52). Это означает умение строить отношения с другими людьми на основе самоконтроля и хорошей самоорганизации.

Поведенческий блок имеет 10 корреляций. Две из них с компонентами эмоционального интеллекта (r = 0,58) и (r = 0,81), с интраперсональным блоком и общим индексом эмоциональной компетентности. На 5 %-м уровне связан с властным (r = 0,62) и с ответственным типами отношений (r = 0,56). На этом же уровне достоверности имеются две корреляции с оценками и самооценками интеллектуальных, мировоззренческих качеств (r = 0,56; r = 0,52; r = 0,52). Одна корреляция поведенческого блока с социальной позицией «дитя» (r = 0,50). Позиция «дитя» – свидетельство незрелости психических функций.

Когнитивный блок связан с интраперсональным блоком (r = 0,49), с индексом эмоциональной компетентности (r = 0,71) и на 5 %-м уровне достоверности связан с самооценкой мировоззренческих качеств и с механической памятью (r = 0,53).

Интраперсональный блок связан с интерперсональным блоком (r = 0,66) и с индексом эмоциональной компетентности (r = 0,64), с властно-лидирующим типом отношений (r = 0,62) и с позициями «взрослого» (r = 0,59) и «дитя» (r = 0,57). Интраперсональный блок включает саморегуляцию и рефлексию, а интерперсональный блок – регуляцию отношений и эмпатию. Положительная корреляция с ИЭК легко объяснима. Связь этих блоков с властно-лидирующим типом – свидетельство психологической грамотности в межличностных отношениях. Но одновременное сочетание позиции «взрослого» и «дитя» в этих отношениях делает их неопределенными и напряженными.

Интерперсональный блок связан с индексом эмоциональной компетентности (r = 0,54), с позиций «дитя» (r = 0,61) и с меланхоликом отрицательная связь (r = – 0,52). Интерперсональный блок содержит в себе элементы эмпатии и регуляции отношений, но в сочетании с позиций «дитя» вряд ли он может играть конструктивную роль. Индекс эмоциональной компетентности связан положительно на 5 %-м уровне с властным и ответственным типами отношений (r = 0,57; r = 0,53), а также с самооценкой волевых, интеллектуальных, мировоззрен-

ческих качеств (r = 0,56; r = 0,68; r = 0,64) и оценкой интеллектуальных и мировоззренческих качеств (r = 0,67; r = 0,67).

Индекс эмоциональной компетентности связан с властным и ответственным типами отношений, с самооценкой и оценкой всех измеряемых качеств, кроме нравственных.

Властно-лидирующий тип отношений связан с ответственным типом отношений (r = 0,56), с самооценкой волевых качеств (r = 0,74), с оценкой мировоззренческих качеств (r = 0,52) и с позиции «взрослого» (r = 0,74).

Общее между группой «успешных» и «неуспешных» корреляция властного типа с ответственным типом отношений, для которого характерно стремление к достижению целей, упорство и настойчивость. Но в первом случае этот тип отношений «привязан» к самооценке нравственных качеств, во втором – волевых.

Независимый тип отношений в реальном «я» имеет лишь одну корреляцию на 5 % -м уровне с зависимым типом отношений (r = 0,54). Сочетание двух противоположных качеств независимости и зависимости может привести к непредсказуемости поведения, которое усложняет взаимоотношения.

Агрессивный тип отношений имеет 8 корреляций на 5 %-м уровне достоверности, связан с покорным типом (r = 0,49) в реальном «я» и с недоверчивым (r = 0,51) типом отношений в идеальном «я». На 1 %-м уровне достоверности агрессивный тип связан с недоверчивым типом (r = 0,60) в реальном «я» и с агрессивным типом (r = 0,74) в идеальном «я». Агрессивный тип отношения имеет положительную корреляцию с холерическим типом темперамента (r = 0,56), с положительными интеллектуальными чертами характера (r = 0,55) и с отрицательными нравственными (r = 0,57) и волевыми характеристиками (r = 0,62). Неуравновешенность и сверхвозбудимость, агрессивное поведение мешают его адаптации и, как следствие, ведут к деформации волевой и нравственной сфер. Положительная связь с интеллектуальными качествами может привести к самосовершенствованию.

Недоверчивый тип отношения в реальном «я» имеет положительные корреляции с покорным типом в реальном «я» и агрессивным и недоверчивым в идеальном «я» (r = 0,69; r = 0,67; r = 0,83). Сочетание в недоверчивом типе личности «покорности» и «агрессивности» может свидетельствовать о болезненных переживаниях личности, о внутреннем конфликте ее. Недоверчивый тип в реальном «я» имеет две положительные корреляции с негативными и мировоззренческими качествами характера и отрицательную корреляцию с настроением (r = – 0,56). Данный тип взаимодействия отличается настороженностью, недовольством сложившихся отношений и постоянно пребывающим в плохом настроении.

Покорный тип реального «я» связан на 5 %-м уровне с агрессивным, зависимым и недоверчивым типами отношений реального «я» (r = 0,58; r = 0,49; r = 0,54). Имеет положительную связь с сангвиническим типом темперамента (r = 0,69), с положительными волевыми характеристиками (r = 0,51) и с отрицательными нравственными чертами характера (r = 0,56). И отрицательная корреляция с настроением (r = – 0,49). Сочетание покорности и недоверчивости, зависимости и импульсивности отражают бесконтрольность поведения, которое может свидетельствовать о внутренней конфликтности, напряженности личности. Этот портрет дополняется тем, что покорный тип связан с чертами сангвиника и положительными волевыми характеристиками, в то же время с негативными чертами характера.

Зависимый тип реального «я» имеет всего две корреляции с отрицательными характеристиками нравственной сферы и отрицательными характеристиками мировоззренческих. Как покорный, так и зависимый типы взаимодействия – это варианты конформного поведения. Связь этой формы поведения с негативными чертами характера может свидетельствовать о некотором разладе в межличностных отношениях со своими сверстниками и внутренней напряженности.

Сотрудничающий тип отношений реального «я» связан с зрительной памятью (r = 0,62), с самооценкой нравственных качеств (r = 0,47) и с оценкой мировоззренческих качеств (r = 0,51).

Ответственный тип отношений реального «я» связан положительно с покорным типом идеального «я», с самооценкой волевых, интеллектуальных, мировоззренческих качеств (r = 0,53; r = 0,64). Данный тип отношений связан с положительными характеристиками нравственной, волевой, интеллектуальной и мировоззренческой сферы личности (r = 0,56; r = 0,62; r = 0,62; r = 0,51).

Властный тип отношений идеального «я» связан с независимым типом отношений и агрессивным реального «я», с зависимым, сотрудничающим и ответственным типами отношений идеального «я» (r = 0,62; r = 0,59; r = 0,58). Властный тип отношений связан с отрицательными чертами характера нравственной и волевой сферы личности (r = 0,48; r = 0,54).

Независимый тип идеального «я» положительно связан с агрессивным типом реального «я» и с ответственным и сотрудничающим типами идеального «я» (r = 0,48; r = 0,57) и с отрицательными характеристиками волевой сферы (r = 0,52).

Агрессивный тип отношений идеального «я» связан с недоверчивым, покорным, сотрудничающим типами отношений идеального «я» (r = 0,75); (r = 0,60; r = 0,49), логической памятью (r = 0,56) и с отрицательными чертами характера нравственной, волевой и мировоззренческой сфер личности.

Недоверчивый тип отношений идеального «я» связан с зависимым типом отношений идеального «я» (r = 0,49), с логической памятью (r = 0,59) и с отрицательными характеристиками волевой, мировоззренческой и нравственной сферы личности (r = 0,63; r = 0,68; r = 0,67).

Покорный тип отношений идеального «я» корелирует с ответственным типом отношений (r = 0,62), со зрительной памятью (r = 0,48), с поло-

жительными чертами характера мировоззренческой и интеллектуальной сфер личности (r = 0,61; r = 0,48), а также с кругозором (знанием отечественных знаменитых личностей). Коэффициент корреляции покорного типа отношений с кругозором равен 0,61.

Зависимый тип отношений идеального «я» связан положительно с сотрудничающим типом идеального «я» (r = 0,76), с эмоциональной памятью (r = 0,54) и с отрицательными характеристиками нравственной и волевой сферы личности (r = 0,52); (r = 0,50).

Сотрудничающий тип отношений идеального «я» связан только с ответственным типом отношений (r = 0,82).

Какие выводы можно сделать в результате проведенного исследования?

Успешность учебной деятельности является одним из объективных критериев эффективной адаптации студентов. Неуспешность в учебной деятельности, напротив, свидетельствует о нарушениях адаптации, с одной стороны, и является причиной этой дезадаптации – с другой. Однако эти явления носят, по большей части, временный и обратимый характер.

Структура саморегуляции успешных и неуспешных студентов существенно различается. Навыки саморегуляции, сформированные у студентов, успешно справляющихся с трудностями учебного процесса, в целом отвечают его требованиям. Структура саморегуляции неуспешных студентов имеет существенные недостатки, препятствующие эффективной учебной деятельности, а именно: фрагментарность и недостаток взаимосвязей, в результате чего эмоциональный интеллект не может функционировать как единое целое.

Структура эмоционального интеллекта и эмоциональной компетентности успешных студентов представляет собой единое, динамично функционирующее и гибкое, взаимосвязанное целое. Структура эмоционального интеллекта неуспешных студентов является негибкой и взаимосвязи между отдельными параметрами эмоциональной компетентности у них недостаточно сформированы.

Составляющие эмоционального интеллекта, а также все другие исследуемые показатели, являются личностными ресурсами решения задач, которые ставятся учебной деятельностью. Недостаточное развитие этих ресурсов и недостаток взаимосвязей между ними превращают задачи учебной деятельности в проблемы для личности.

У успешных студентов параметры эмоционального интеллекта в основном связаны со взрослым состоянием «Я», в то время как у неуспешных студентов – с состоянием «Я» ребенка. Это говорит не только об эмоциональной, но и о личностной незрелости последних.

Эмоциональная компетентность и другие рассматриваемые в исследовании ресурсы личности, и в особенности степень их взаимосвязанности, можно рассматривать как личностный фактор эффективности учебной деятельности и, более того, как один из предикторов успешности освоения учебного материала.

Недостаточный уровень развития параметров эмоционального интеллекта и других ресурсов личности, и в особенности недостаточность взаимосвязей между ними, препятствуют эффективному решению учебных задач. Так, по результатам исследования, количество взаимосвязей между исследуемыми показателями у успешных студентов в полтора раза превышает число взаимосвязей, выявленных у неуспешных студентов. Есть основания говорить о том, что именно наличие тесных взаимосвязей, а не абсолютная выраженность изучаемых показателей, может быть предиктором успешности решения жизненных задач.

Исследовательский дизайн, использованный в данной работе, не позволяет однозначно судить о том, являются ли нарушения в структуре эмоционального интеллекта причиной или следствием дезадаптации неуспешных студентов. Однако полученные данные дают все основания утверждать, что они существенно снижают результативность учебной деятельности.

Идея Б. Г. Ананьева состоит в том, что эффектом совместного взаимодействия познания, общения и труда являются характер, способности и работоспособность [2]. Недооценка в деле воспитания и обучения практической, т. е. трудовой деятельности, наносит огромный ущерб личности. Поэтому очень важно, чтобы учебная деятельность стала учебно-профессиональной. В процессе общения происходит овладение способами взаимодействия, совершенствуются коммуникативные свойства личности, растет взаимопонимание. В процессе познания происходит овладение мыслительными операциями: анализа, синтеза, сравнения, обобщения и абстрагирования. В процессе труда происходит овладение способами и приемами трудовой деятельности, без которых невозможен никакой прогресс. Студенты-психологи и студенты, овладевающие профессией педагога, находятся в этом смысле в преимущественном положении, т. к. их профессиональные навыки во многом развиваются в учебном процессе, во взаимодействии друг с другом и с преподавателями и в преодолении жизненных трудностей, связанных с учебным процессом. Дефицит коммуникативной компетентности, саморегуляции, эмпатии, навыков эффективного взаимодействия и решения проблем негативно сказываются не только на эффективности учебной деятельности, как было наглядно показано выше, но может стать критичным для профессионального становления и будущей профессиональной деятельности.

На основе полученных в ходе исследования данных, можно предложить следующие рекомендации по психолого-педагогическому сопровождению учащихся, испытывающих трудности в учебной деятельности, связанные с недостатками развития эмоционального интеллекта и саморегуляции:

Сформировать у студентов установку на самосовершенствование, так как данный возраст является оптимальным с точки зрения направленного самоизменения личности.

Помочь студентам овладеть элементами аутотренинга, самоорганизации и умения управлять своими эмоциями и ресурсами, чтобы стать хозяином положения, а не жертвой обстоятельств [7, с. 354].

Ознакомить студентов с признаками социальной незрелости, такими, как недостаточность чувства ответственности, эгоистическая направленность интересов, недоразвитие эмпатии, рефлексии, эмоциональная нестабильность, и предложить методы позитивного развития этих качеств, например, социально-психологический тренинг.

Своевременно рекомендовать студентам при возникновении серьезных проблем обращаться в психологическую службу университета, в частности, по результатам промежуточной аттестации в течение учебного семестра, рекомендовать психологическое самообразование, в частности, освоение факультативного курса «Помоги себе сам», который направлен на выявление познавательных и эмоционально-волевых способностей человека.

Кураторам групп необходимо выявить студентов, которые недостаточно серьезно относятся к своим обязанностям и своему будущему, вступить с ними в диалог и помочь им осознать боль и радость своих близких, а также собственную ответственность за психоэмоциональное состояние тех, кому они дороги, таким образом сформировав у них дополнительный личностный ресурс по преодолению трудностей, связанных с учебным процессом.

Литература

1. Александрова, Л. А. Связь механизмов психологических защит и совладания (coping) с акцентуациями характера, типом темперамента, эмоциональной компетентностью и агрессивностью / Л. А. Александрова, В. П. Михайлова, Н. И. Корытченкова, Т. И. Кувшинова // Вестник КемГУ. – Вып. 4 (36). – Кемерово: ИНТ, 2008.
2. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. – СПб.: Питтер, 2001. – 272 с.
3. Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект: проблемы категориальности: мат. Международной научной конференции / И. Н. Андреева. – Смоленск: СмолГУ, 2007. – Ч. 1. – С. 108 – 142.
4. Василенко, В. Е. Интеллектуально-личностное развитие школьников в связи с особенностями их поведенческой саморегуляции: автореф. дис. … канд. психол. наук / В. Е. Василенко. – СПб., 2003. – 22 с.
5. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман; пер. с англ. А. П. Исаевой. – М.: АСТ: АСТ Москва: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 478 с.
6. Давыдова, Ю. В. Эмоциональный интеллект: сущностные признаки, структура и особенности проявления в подростковом возрасте: автореф. дис. … канд. психол. наук / Ю. В. Давыдова. – М., 2011. – 22 с.
7. Кертисс, А. Выход из депрессии [Как разорвать порочный круг отчаяния] / А. Кертисс; [пер. с англ. Е. Кудрявцевой]. – М.: Столица-Принт, 2008. – 384 с.
8. Королева, Е. В. Особенности развития саморегуляции у будущих педагогов начальной школы // Актуальные проблемы современной психологии: сборник научных статей. Кемеровский государственный университет. – Кемерово: Редактор и $К^0$, 2010. – 250 с.
9. Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М.: Смысл, 2006. – 53 с.
10. Никифоров, Г. С. Психологические аспекты саморегуляции состояния: учеб. пособие / Г. С. Никифоров, Ю. И. Филимоненко, А. К. Польшин. – Ленинград, 1966. – 44 с.
11. Собчик, Л. Н. Введение в психологию индивидуальности. Теория и практика психодиагностики / Л. Н. Собчик. – М.: Институт прикладной психологии, 1997. – 480 с.
12. Шлаева, М. В. Анализ содержания межличностных конфликтов в студенческой среде и способы их разрешения / М. В. Шлаева // Конфликты в современной России: исследование и регулирование: мат. Всероссийской науч.-практ. конф., 11 февраля 2010 г. – М.: СГУ, 2010. – 326 с.
13. Юсупова, Г. В. Состав и измерение эмоциональной компетентности: автореф. дис. … канд. психол. наук / Г. В. Юсупова. – Казань, 2006. – 18 с.
14. Maddi, S. Dispositional Hardiness in Health and Effectiveness // Encyclopedia of Mental Health / H. S. Friedman (Ed.). – San Diego (CA): Academic Press, 1998. – P. 323 – 335.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811. 161. 1' 37

ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБЫДЕННОЙ СЕМАНТИКИ БИОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (на материале метаязыковых рефлексий и ассоциаций рядовых носителей русского языка)

Ю. С. Волобуева

THE FORMS OF REPRESENTATION OF BIONIMIC WORD ORDINARY SEMANTICS (on the material of metalanguage reflections and ordinary rassian speakers associations)

J. S. Volobueva

В статье делается попытка семасиологической квалификации и описания различных форм репрезентации лексического значения русских бионимов (слов, обозначающих биологические виды). Описанные формы выявлены в ходе лингвистического эксперимента, отражающего особенности функционирования значения слова в языковом сознании носителей языка.

The article deals with the semaciological description of different forms of representation of lexical meanings of Russian bionims (words meaning biological species). The described forms have been determined during the linguistic experiment reflecting the peculiarities of functioning of the word meaning in the language consciousness of the native speakers.

Ключевые слова: дефиниция, ассоциация, бионим, языковая личность, обыденная семантика.

Keywords: definition, association, bionim, linguage personality, ordinary linguistics, ordinary semantics.

Цель настоящей статьи – выявить и описать особенности различных форм репрезентации обыденной семантики в языковом сознании рядовых носителей русского языка. В этом плане сопоставляются две таких формы – толкование и ассоциации, полученные в результате семантического эксперимента, в котором словами-стимулами выступали русские бионимы (слова, обозначающие биологические виды) [3, с. 29 – 30].

В современной лингвистике существует устойчивое мнение о том, что толковые словари в своих дефинициях отражают наивные представления рядовых носителей языка о денотатах. Ср., например: «В словаре раскрывается значение слова в кратком определении, достаточном для понимания самого слова и его употребления в современной речи. Краткие определения для слов с одним или несколькими значениями охватывают только те значения и смысловые оттенки слов (в том числе и переносные), которые являются устойчивыми в литературном языке и свойственны современному употреблению» [6, с. 11].

Лексикограф теоретически осознает, что его обязанностью является фиксация того языка, который он непосредственно наблюдает. «Составление толкования начинается с того, что лингвист-лексикограф рассматривает свое языковое сознание, т. е. совершает акт интроспекции. На этом этапе он решает для себя, какую информацию имя несет о денотате. Далее лингвист (не без основания) выдвигает предположение о том, что внутренние миры других говорящих индивидов похожи на его собственный. На основании этого лингвист и производит совершенно принципиальный для дальнейших обобщений акт интроспекции: наделяет других носителей языка «языковым сознанием», не слишком отличающимся от своего. Такого рода шаги и позволяют считать, что в лексикографическом толковании вскрывается структура наивных понятий о вещи…» [9, с. 65]. В реальной лексикографии, однако, мы нередко видим, что направленность на отражение наивных понятий выдерживается далеко не всегда, реальная семантика в словарях нередко подменяется нормативной, причем нормативное отождествляется с научным знанием. Поэтому одной из перспектив выявления обыденной семантики, репрезентированной в экспериментах, является возможность оценки содержания словарных дефиниций с тем содержанием, которое реально связывают со словом рядовые носители языка.

Лексикограф, по сути, приписывает «правильное» значение общеупотребительным словам, полагая, что он фиксирует общезначимые, регулярно выявляемые для рядовых носителей языка признаки.

Лексикографические исследования последних десятилетий значительно расширили представление об объеме и границах лексического значения слова, его интерпретации, поэтому значительный интерес для изучения лексического значения представляет функционирование слова в речи, значения, представленном в сознании носителей языка. «Значения слов – это, грубо говоря, то, что мы «имеем в виду», или «держим в голове», когда произносим слова [5, с. 243].

Определяя термин «обыденное толкование», мы говорим прежде всего о форме метаречевой деятельности рядового носителя языка. Метаязыковое сознание рядового носителя языка лексикоцентрично: объектом осмысления говорящего выступает слово в единстве его формы и содержания. Знание о значении слова составляет необходимое условие владения языком и, в свою очередь, образует ядерную часть области метаязыковых знаний [12, с. 182]. Метаречевая деятельность требует высоких уровней

переработки информации «и по линии манипулирования знанием, и по уровню контроля за выбором необходимых средств его выражения» [7, с. 100]. И. Т. Вепрева в своей работе «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху» определяет уровни существования метаязыкового сознания – теоретический и обыденный. Теоретический уровень представлен системой научных понятий, концепций, теорий. Научные знания – это результат профессиональной познавательной деятельности, а обыденные знания формируются в повседневной речевой практике и представляют собой донаучный взгляд на язык [1, с. 55].

Обыденный уровень проявляется в форме метаязыковой деятельности рядового носителя языка, направленной на экспликацию мыслительного содержания, репрезентируемого словом в его (носителя) языковом сознании. Рядовой носитель языка, осуществляющий такую деятельность, становится в позицию лексикографа – наивного лексикографа.

Толкование лексического значения слова говорящим – это способ отражения психологической структуры значения (представления о значении слова в сознании носителя языка) [10, с. 24] и того практического и коммуникативного опыта, который окружал употребление данного слова говорящим и всем языковым коллективом. Таким образом, объектом исследования является то содержание, что закреплено за определенным словом в языковом сознании носителей языка и в толковом словаре, а предметом – формы репрезентации этого содержания. Термин «репрезентация» обозначает отношение внутреннего (репрезентируемого) содержания и внешней (репрезентирующей) языковой формы.

В процессе извлечения мыслительного содержания слова происходит его репрезентация.

Основная гипотеза, на решение которой направлена наша статья, заключается в том, что две формы репрезентации смыслового содержания слова – дефиниция и ассоциация – обусловлены репрезентируемым когнитивным содержанием: логическим (понятием) и чувственным (представлением, образом). «…Слово связано, с одной стороны, с предметом действительности, а с другой стороны, с представлением об этом предмете» [9, с. 179]. Предполагается, что в дефиниции репрезентируются логические когнитивные формы сознания, а ассоциация репрезентирует чувственные когнитивные формы того же сознания.

Дефиниция – форма репрезентации лексического значения слова, предполагающая прежде всего перечень его признаков-сем. Дефиниция – это описание какого-либо понятия, содержащее наиболее существенные, значимые его признаки. Под дефиницией мы понимаем конкретную форму репрезентации лексического значения слова. «Значение – это обобщенная идеальная модель объекта в сознании субъекта, в которой фиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности» [14, с. 10].

Именно наличие дефиниции отличает понятие от представления: если мы умеем назвать дифференцирующие признаки предмета, мы обладаем понятием о нем, если мы не можем этого сделать, то мы находимся на стадии представления [2, с. 43]. Если свойства объекта, зафиксированные в сознании субъекта, могут быть вербализованы с помощью дефиниции, то мы можем говорить о том, что данный субъект имеет понятие о данном объекте.

В сознании носителей языка понятие о том или ином предмете имеет более или менее фиксированную структуру, состоящую из набора определенных смыслов. Типовая структура дефиниции, как правило, состоит из двух частей:

1) указание ближайшего рода (класса);
2) указание видовых отличий, то есть признаков, которые отличают определяемый предмет от всех других предметов того же класса.

Как показывает эксперимент, типовая дефиниция в обыденной метаязыковой деятельности реализуется далеко не всегда. Если субъект не имеет четкого понятия о наиболее характерных свойствах объекта и не может их вычленить, а в его сознании возникают только чувственные представления, ощущения, связанные с этим объектом, то они репрезентируются в формах, близких к ассоциациям.

В основе ассоциации лежит «общепринятое в языковом коллективе универсальное представление об объекте» [12, с. 200]. «"Представление" как термин обязательно связано с репродуцируемым в памяти субъекта значимым комплексом ощущений. Будучи вполне автономным, не зависимым от вербализации, этот комплекс может быть в дальнейшем связан со словом или словосочетанием условнорефлекторно» [9, с. 131 – 132]. Называя то или иное слово, в нашем сознании возникает представление о том объекте, которое это слово называет, через связь с другим объектом, возникающем в нашем сознании (зима – снег; корабль – море; лето – солнце). Ассоциации возникают спонтанно и неосознанно.

Существует множество определений ассоциации, приведем одно из них:

Ассоциация – связь между отдельными представлениями, при которой одно из представлений вызывает другое [11, с. 37].

Ассоциация – это форма репрезентации лексического значения слова, представляющая собой спонтанную словесную реакцию на слово-стимул. Первые пришедшие на ум слова характеризуют смысловую область, в которой данное слово находится в сознании носителя языка. Также ассоциация говорит о признаке обозначаемого словом предмета, актуализированном в ситуации «немедленного ответа», не проходящего для своего выхода «светлого поля» сознания. Поэтому сопоставление ассоциаций и дефиниций – это еще и сопоставление неосознанных и осознанных форм репрезентации содержания слова, что представляет особый и немаловажный исследовательский интерес.

Материал для сопоставления получен экспериментальным путем. Эксперимент, имеющий целью получение дефиниций, проводился с использованием анкет, содержащих конкретный вопрос: «Какое значение имеют данные слова?» Ассоциативный ма-

териал извлекался из РАС под редакцией Ю. Н. Караулова [13].

Представим полученные реакции в виде таблицы.

Полученные данные свидетельствуют о том, что при ответе на предложенный вопрос анкеты основной формой репрезентации содержания слова стала дефиниционная форма, состоящая из двух частей и характеризующаяся выделением как родовых компонентов значения, так и видовых отличительных признаков предложенных слов. Соответственно, мы можем говорить о том, что в сознании реципиентов существует понятие о тех объектах, которые названы предложенными словами, поскольку они могут перечислить признаки этих объектов.

Таблица

Формы репрезентации слов-бионимов рядовыми носителями языка (по данным эксперимента)

Формы репрезентации лексического значения слов рядовыми носителями языка	
ассоциация	***дефиниция***
Комар – насекомое, укус 9; муха 8; кровопийца, кровь 7; кусает 5; гад, пищит 3; вампир, жужжит, зуд, кусает, лес, надоедливый, пискун, укусил 2.	Комар – маленькое летающее кровососущее насекомое, переносчик заболеваний, издающее характерный писк, бодрствующий вечером и мало живущий.
Береза – белая 16; стройная 7; русская 6; дерево 4; дуб, красивое, лес 3; белоствольная, высокая, зеленая, красота, кудрявая, осина, поле, поляна, почки, стоит, тонкая 2.	Береза – лиственное дерево с черно-белым стволом, растущее на территории России, из него получают березовый сок.
Рябина – красная 52; дерево 10; ягода 6; калина 4; горькая, кудрявая 3; алая, красное, осень 2.	Рябина – дерево с маленькими красными ягодами, кислыми или горькими, в виде кисти, которые едят птицы зимой.

В процессе толкования актуализируется, как правило, общий родовой компонент и дифференциальные признаки дефиниций (указание на цвет, форму, величину, место обитания и т. д.).

При толковании слова «комар» (в процессе эксперимента было получено 50 реакций на слово-стимул) наиболее актуальным родовым компонентом для говорящих является «насекомое». Далее выстроим шкалу дифференциальных признаков по степени употребительности, т. е. значимости для реципиентов:

1) питание: кровососущее, кровосос, кровопийца, сосущий кровь, пьет кровь, питается кровью людей, питающееся кровью животных, высасывает кровь – 76 %;

2) звук: звенит, отличается характерным писком, издающее звук-писк, пищащий, пищащее, будит раздражающим звуком – 20 %;

3) размер: мелкое, очень маленькое, маленькое, большой – 20 %;

4) внешние признаки: с усами (усатое, имеет усы), многоножное (с 6 ногами), имеет хитиновый панцирь, мерзкое (мерзкий, омерзительный);

5) способ передвижения: летающее – 19 %;

6) образ жизни, манера поведения: переносчик заболеваний, переносящий болезни, кусающееся, назойливое, противный – 15 %;

7) продолжительность жизни, время: живут мало, бодрствуют вечером – 5 %.

При толковании слова «береза» (в процессе эксперимента было получено 50 реакций на слово-стимул) наиболее актуальным родовым компонентом для говорящих является «дерево». Далее выстроим шкалу дифференциальных признаков по степени употребительности, т. е. значимости для реципиентов:

1) цвет: кора белая, белое, белоствольное, белый ствол, белое с черными пупырышками, белое с черными меточками, черно-белое, с черно-белой окраской, в черную полоску, с пятнами на стволе, белый с черными крапинками, зеленое – 50 %;

2) пространственный: русское, растущее в России, русское – народное, исконно русское – 25 %;

3) внешние признаки: лиственное, с сережками – 23 %.

При толковании слова «рябина» (в процессе эксперимента было получено 50 реакций на слово-стимул) наиболее актуальным родовым компонентом для говорящих является «дерево». Далее выстроим шкалу дифференциальных признаков по степени употребительности, т. е. значимости для реципиентов:

1) цвет: красная, с красными ягодами, оранжевая, с темным стволом, с оранжевыми ягодами – 50 %;

2) утилитарные признаки: делают варенье, едят птицы, едят синицы, птички едят, любят есть снегири, пища для снегирей, дает пропитание птицам, питание для пернатых – 30 %;

3) внешние признаки: имеет ягоды, лиственное, с ягодами, с плодами, с пушистыми листьями, есть ягоды – 20 %;

4) вкус: с горьким вкусом, кислые плоды, с кислыми ягодами, горькая, с вкусными ягодами – 10 %;

5) размер: мелкая, маленькие плоды, диаметром не более 1 см, с маленькими ягодами – 10 %;

6) время: зимняя, цветущее зимой, ягоды вкусны зимой – 6 %.

Таким образом, тип вопроса, заданный нами в начале эксперимента, предопределяет получение именно понятия о словах, репрезентируемых в форме дефиниции. В процессе толкования было названо несколько различных признаков в количестве от

1 до 6 актуальных в значении данного слова для реципиентов. Но данный вопрос, ориентирующий информантов на определение понятия не исключил и появление среди ответов другой формы репрезентации – ассоциации.

Например, определяя значение слова «береза», наряду с дефинициями реципиенты давали ассоциации: Русь, Россия, русское.

Ассоциации, данные на те же самые слова-стимулы, лежат в иной смысловой области и акцентируют только одно из представлений, названное тем или иным признаком. В отличие от дефиниций, по своей форме ассоциации представляют чаще всего одно слово-реакцию.

Например, самой частотной реакцией на слово «береза» является слово «белая» (16), что связно прежде всего с восприятием данного объекта через цветовые ощущения. Слово «рябина» ассоциируется у информантов также с определенным цветом – красная (52), что связано, конечно, со зрительным восприятием красных ягод рябины.

Важно также отметить, что в ассоциативном поле много таких реакций, которые по форме и содержательно не характерны для дефиниций, например, в наивных дефинициях отсутствуют некоторые компоненты ассоциативного поля слова «комар»: «место обитания» – лес, «последствия укуса» – зуд.

В ассоциативных же полях отсутствуют признаки дефиниционных форм, например, в ассоциативном поле слова «комар» отсутствуют следующие признаки: «переносчик заболеваний», «бодрствует вечером», «мало живет». В наивных дефинициях отсутствуют некоторые компоненты ассоциативного поля – «место обитания» – лес, «последствия укуса» – зуд.

Сравнивая полученные данные, можно отметить следующее: одна и та же задача, заключающаяся в определении значения слова, решается одновременно с использованием дефиниционной и ассоциативной формы репрезентации лексического значения слов. Но ассоциация, в отличие от дефиниции, – продукт непроизвольной реакции, и в этом смысле она далека от метаязыковых и логико-понятийных форм ментальной деятельности.

Соответственно гипотеза о том, что понятие о предмете представлено в форме дефиниции, а представление в форме ассоциации подтверждается экспериментальными данными.

Но, несмотря на то, что дефиниция и ассоциация являются разными формами репрезентации содержания слова, связанными с понятием и представлением, многие факты свидетельствует о том, что компоненты ассоциативного поля слова и признаки обыденных толкований не являются взаимоисключающими, а дополняют представления о реальном функционировании слова в языковом сознании носителей языка.

Можно говорить о том, что ассоциация является одним из этапов формирования понятия о слове, а следовательно, является внешним языковым проявлением признаков-сем, составляющих содержание слова.

«В тот момент, когда ребенок впервые усвоил новое слово, связанное с определенным значением, развитие слова не закончилось, а только началось; оно является вначале обобщением самого элементарного типа и только по мере своего развития переходит от обобщения элементарного типа к все высшим типам обобщения, завершая этот процесс образованием подлинных и настоящих понятий» [4, с. 4].

Полученные в результате эксперимента формы репрезентации характеризуются во многих случаях взаимопереходностью чувственных и логических когнитивных форм сознания, то есть дефиниция и ассоциация являются взаимодополняющими формами, поскольку компоненты ассоциативного поля могут перемещаться в структуру дефиниции и наоборот. Данное взаимодействие проявляется в следующем:

1. Среди ответов информантов на дефиниционный вопрос можно легко выделить полученные ассоциации, основанные на смежности: рябина – Есенин; зима; мякоть; пчела – билайн; мед; береза – Россия; Русь; капуста – овощ; гусь – выходит сухим из воды; курица – яйцо; салат – гадость; таракан – враг человечества; оса – страх; фобия; верблюд – медлительность; елка – праздник и на сходстве предметов: зебра – лошадь; кинжал – нож; оса – пчела.

2. Для ассоциативного поля определяемых слов и дефиниций, данных рядовыми носителями русского языка, характерно наличие большого количества общих по содержанию с обыденными толкованиями родо-видовых признаков значения. Классификационный признак в обыденных толкованиях слов-бионимов различных тематических групп совпадает с ассоциациями: «насекомые» (клоп – насекомое 7; клещ – насекомое 11; оса – насекомое 4); «животные» (козел – животное 5; крокодил – животное 3; лошадь – животное 15; лось – животное 10); «птицы» (лебедь – птица 14; страус – птица 19; орел – птица 834; петух – птица 7); «рыбы» (кит – рыба 14; треска – рыба 53).

Видовые компоненты ассоциативного поля слов-бионимов, как правило, также соотносимы. Такой дифференцирующий признак значения слова «комар», как «кровососущее» также присутствует в ассоциативном поле этого слова (кровопийца, кровь – 7). Признак «характерный писк» в ассоциативное поле также зафиксирован (жужжит, пискун – 2). Слово «рябина» имеет общие признаки в ассоциативном поле и в обыденных толкованиях рядовых носителей языка: красная – 52, горькая – 3. Подобным образом можно зафиксировать и другие общие для дефиниций и ассоциаций признаки слов-бионимов: форма, место обитания, звучание, вкус, польза-вред для человека, эстетическое отношение. Общие родо-видовые реакции в ассоциативных полях можно трактовать как неполные дефиниции, в которых есть только родовой или видовой компонент. Например, среди дефиниционных определений много таких, в составе которых рецепиенты выделяют либо только родовой компонент значения

слова: айва – фрукт; белуга – рыба; аист – птица; белка – животное, либо только видовой: кинжал – острый, длинный; салат – вкусное; диван – удобный, уютный; бублик – круглое с дыркой; горчица – жгучая; чай – его пьют. На выбор таких форм репрезентации существенное влияние оказывает ассоциативная стратегия. В свою очередь, если трактовать ассоциативные реакции как свернутый текст, то в ассоциативном поле слов-бионимов можно найти проявления «дефиниционности»: приносит мед, в поле оса – большая муха.

Ассоциация является одним из этапов формирования понятия, поскольку, объединив ядерные компоненты ассоциативного поля того или иного слова, называемые достаточно большим количеством информантов, мы можем выстроить условную дефиницию. Таким образом, компоненты ассоциативного поля могут быть названы семантическими компонентами дефиниции.

Признаки слов, которые выделяются в результате ассоциативного эксперимента, «легко интерпретируются содержательно как семантические компоненты слов, а это может служить одним из доказательств принципиального единства психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов» [8, с. 217].

3. Характерным признаком многих дефиниций, является то, что, сближаясь по форме с ассоциациями, в них появляется большая степень субъективности (наличие положительных / отрицательных оценок, эмоциональности, экспрессивности, направленности к внутреннему переживанию). Определения же «классического» дефиниционного типа отличаются тем, что признаки, называемые во второй части таких определений, часто указывают только на внешнюю характеристику предмета (цвет, размер, запах). Ср.:

Рябина – дерево с красными ягодками (дефиниционная форма). – Рябина – Есенин (ассоциативная форма).

Курица – птица, которая несет яйца (дефиниционная форма). – Курица – тупость (ассоциативная форма).

Верблюд – животное с горбом (дефиниционная форма). – Верблюд – медлительность (ассоциативная форма).

Следовательно, гипотеза о том, что дефиниционная форма репрезентации значения соответствует только понятийному содержанию и понятийной форме и что ассоциация связана с представлением о предмете подтверждается частично. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что компоненты ассоциативного поля слова и признаки обыденных толкований не являются взаимоисключающими, а дополняют представления о реальном функционировании слова в языковом сознании носителей языка.

Литература

1. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.

2. Ветров. Расчлененность формы как основное свойство понятия / Ветров // Вопросы философии. – №1. – М., 1958. – С. 42 – 49.

3. Витковский, Т. Проблемы словаря ономастической терминологии / Т. Витковский // Перспективы развития славянской ономастики. – М., 1980. – С. 21 – 39.

4. Выготский, Л. С. К вопросу о развитии научных понятий в школьном возрасте / Л. С. Выготский // Жиф Ж. И. Развитие научных понятий у школьников. – М.; Л.: Учпедгиз, 1935. – С. 3 – 17.

5. Голев, Н. Д. О возможностях Интернета в количественном описании лексической семантики / Н. Д. Голев // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты: материалы I Международной научной конференции. – Вып. 1. – Кемерово, 2006. – С. 41 – 49.

6. Голев, Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам лингвогносеологем) / Н. Д.Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1.: коллективная монография /отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово-Барнаул, 2009. – 532 с.

7. Залевская, А. А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте / А. А. Залевская. – Тверь, 1996. – 267 с.

8. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды / А. А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.

9. Леонтьев, А. А. Психолингвистические проблемы семантики / А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1983. – 288 с.

10. Овчинникова, И. Г. Ассоциации и высказывание. Структура и семантика: учебное пособие по спецкурсу / И. Г. Овчинникова. – Пермь: ПГУ, 1994. – 124 с.

11. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 2004. – 1200 с.

12. Ростова, А. Н. Обыденная семантизация слов / А. Н. Ростова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 1.: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев – Кемерово-Барнаул, 2009. – 532 с.

13. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – Т.1. – От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин. – М.: АСТ, 2002. – 784 с.

14. Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – М.: МГУ, 1988. – 210 с.

УДК 378.14

ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ ЯЗЫКОВОГО ПОРТФЕЛЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ КОНТРОЛЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ

Л. А. Коняева, М. Д. Чачибая

APPROACHES TO EUROPEAN LANGAUGE PORTFOLIO CREATION AS A MEANS OF STUDENTS' LINGUISTIC COMPETENCE MONITORING

L. A. Koniaeva, M. D. Chachibaia

В статье рассматриваются подходы к созданию Европейского языкового портфеля, адаптированные для современной российской школы на основе сотрудничества преподавателя и обучаемого.

The article deals with approaches to Langauge Portfolio creation adapted to modern Russain educational institutions; based on teacher-student cooperation.

Ключевые слова*:* Европейский языковой портфель; лингвистическая компетенция; современные педагогические технологии; сотрудничество преподавателя и обучаемого.

Keywords: European Langauge Portfolio; linguistic competence; modern teaching methods; teacher-student cooperation.

Преподавание иностранного языка (ИЯ) в современных условиях требует от преподавателя знания, активного применения различных технологий, творческого подхода и информированности. Дидактическая система, основанная на личностно-ориентированном подходе к обучению, включает в себя широкий спектр современных педагогических технологий, среди которых языковой портфель студента играет важную роль. Технологии, объединённые понятием «Языковой портфель», логично вписываются в центрированную на обучаемом систему. Параметры Европейского языкового портфеля определяют уровень владения иностранным языком любого человека.

Европейский языковой портфель (ЕЯП) для России разработан в рамках проекта Совета Европы по швейцарской модели Московским государственным лингвистическим университетом в 2001 году. Общая шкала уровней, а также таблица для самооценки были разработаны для "Общеевропейских компетенций владения языком" и "Европейского языкового портфеля" в рамках Швейцарской национальной программы исследований № 33 "The Effectiveness of Swiss Educational Systems" (Schneider, Gunter/North, Brian; "Trendsprachen konnen - was heisst das", Zurich, 2000).

Дескрипторы в листах самооценки модернизированы и переведены на русский язык с разрешения авторов Европейского языкового портфеля**.** ЕЯП состоит из трёх частей: "Языкового паспорта", "Языковой биографии" и "Досье". "Языковой паспорт" представлен в ЕЯП отдельным документом. Он признаётся Советом Европы в качестве документа, отражающего достижения в изучении ИЯ и может использоваться при продолжении учёбы или поиске работы в европейский странах.

"Языковой паспорт" (Europass – Language Passport) содержит личные данные (имя, фамилию, дату и место рождения, национальность), языки обучения и общения в семье, информацию о пребывании за границей и об участии в проектах, свидетельства, дипломы, сертификаты и таблицу самооценки. В приложении приведен образец такого паспорта.

"Языковая биография" (Language Biography) помогает ставить задачи и анализировать то, какими умениями удалось овладеть за последнее время, каким образом и насколько успешно этого достигли, используя контрольные листы самооценки. Контрольные листы помогают определить уровень владения языком (A1, A2, B1, B2, C1, C2) по аудированию, чтению, монологу, диалогу и письму.

"Досье" (Language Dossier) ЕЯП фиксирует любые практические примеры достижений в изучении неродных языков. Такими примерами могут быть самостоятельные работы, выполненные переводы художественных текстов, материалы учебных проектов. В "Досье" также могут быть включены справки и дипломы об окончании языковых курсов и др.

Работа велась в следующих направлениях:

– повышение качества знаний по ИЯ по различным аспектам: аудирование, чтение, говорение, письмо;

– участие в конкурсах, играх и олимпиадах по иностранным языкам на разных уровнях;

– разучивание и исполнение песен на ИЯ;

– учебно-исследовательская деятельность, связанная с культурой разных стран;

– участие в международном обмене;

– персональная практика языка;

– совершенствование знаний по ИЯ с помощью Интернета;

– участие в подготовке праздников, посвященных обычаям и традициям стран изучаемого языка;

– переписка с друзьями из разных стран;

– подготовка к сдаче сертифицированных международных экзаменов различного уровня.

Работа с языковым портфелем вносит в учебный процесс специфическую систему взаимодействия между преподавателем и студентом. Это взаимодействие носит характер переговоров, консультаций, определенных учебных ситуаций, в которых оба субъекта разделяют ответственность за решение за-

дач учебной деятельности в равной степени. При этом студент проявляет себя как субъект учебной деятельности, в полной мере ответственный за результат овладения изучаемым языком. Таким образом, используя ЯП, мы обеспечиваем аутентичные условия взаимодействия в системе студент – преподаватель – учебная группа.

Языковой портфель представляет собой реальный личностный образовательный продукт, который студент создает в процессе изучения языка и культуры. В процессе практического овладения ИЯ и иноязычной культурой использование языкового портфеля в самостоятельной работе студента позволяет решать не только текущие задачи учебного процесса по практическому овладению иностранным языком, но и более широкие перспективы языкового образования. При обучении иностранным языкам языковой портфель решает следующие ключевые задачи:

– мотивирует студентов к изучению иностранных языков;

– повышает ответственность студентов за результаты учебного процесса;

– учит анализировать учебный процесс, формирует рефлексивную культуру;

– формирует умение самостоятельно оценивать собственные достижения;

– позволяет найти индивидуальный подход к студентам, выстроить индивидуальную образовательную траекторию.

Языковой портфель определяется как пакет рабочих материалов, отражающий опыт и результат учебной деятельности обучаемого по овладению ИЯ. Он позволяет равноправным участникам образовательного пространства самостоятельно или совместно анализировать и оценивать объем работы и спектр достижений в области сформированности языковой, речевой, стратегической и дискурсивной компетенций; формирует у студентов способности к объективной самооценке и умения делать необходимые выводы относительно собственного самосовершенствования.

Основными принципами данной технологии являются:

– самооценка результатов (входных, промежуточных, итоговых) овладения конкретными видами коммуникативной деятельности;

– систематичность и регулярность самомониторинга, который подразумевает необходимую коррекцию письменных работ, их тщательный анализ, отбор наиболее интересных работ, краткую самооценку достижений;

– структуризация материалов портфеля, логичность и лаконичность всех письменных пояснений (постановка задач и цели; определение критериев отбора материала; подбор средств самопроверки и самоконтроля; параметры и критерии оценки вложенных в портфель работ; анкеты для экспертной группы на презентации для объективной оценки представленного портфеля);

– аккуратно и эстетично выполненное оформление портфеля;

– целостность, тематическая завершенность представленных в портфеле материалов;

– наглядность и обоснованность презентации языкового портфеля студента.

В современной практике преподавания ИЯ в высшей школе эффективно используются различные виды языкового портфеля:

– как инструмент самооценки достижений студента в процессе овладения ИЯ и уровня владения изучаемым языком (Self-Assessment Language Portfolio);

– как инструмент автономного изучения ИЯ (Language Learning Portfolio) — по чтению (Reading Portfolio), аудированию (Listening Portfolio), говорению (Speaking Portfolio), письму (Writing Portfolio), и взаимосвязанности различных видов иноязычной речевой деятельности (Integrated Skills Portfolio);

– как инструмент управления учебной деятельностью (Administrative Language Portfolio);

– как инструмент равноправного взаимодействия в учебном процессе при изучении ИЯ (Show Case, Feedback Language Portfolio);

– как многофункциональный языковой портфель (Comprehensive Language Portfolio).

В настоящее время существует три версии типового портфеля для трех возрастных групп. На их основе разрабатываются национальные версии. Российская версия ЕЯП разработана специалистами из Московского государственного лингвистического университета и была представлена на официальной церемонии открытия Европейского года языков. Шкала уровней самооценки опубликована в официальной брошюре Совета Европы.

ПОНИМАНИЕ Аудирование

❖ A1 Я могу понимать знакомые слова и ходовые выражения, касающиеся меня самого, моей семьи и конкретного непосредственного окружения, если со мной говорят медленно и отчетливо.

❖ A2 Я могу понимать достаточно употребительные слова и выражения, касающиеся меня и окружающего меня мира (например, меня самого, семьи, покупок, близкого окружения, работы). Я могу в общих чертах схватить содержание кратких анонсов и простых сообщений.

❖ B1 Я могу понимать основные мысли, сформулированные ясно и с соблюдением литературной нормы, касающиеся бытовых тем – работы, школы, досуга и т. д. Я понимаю большинство информационных радио- и телепередач, а также программы, связанные с моими личными или профессиональными интересами, если речь достаточно медленная и четкая.

❖ B2 Я могу понять достаточно сложные и развернутые доклады и лекции по знакомой мне теме. Я понимаю почти все программы новостей и содержание художественных фильмов, если их герои говорят на литературном языке.

❖ C1 Я могу понимать развернутые сообщения сложной структуры, даже если смысловые связи недостаточно выражены. Я почти свободно понимаю различные телепрограммы и фильмы.

❖ C2 Я свободно понимаю устную речь в любом стиле при непосредственном или опосредованном общении. Я свободно понимаю говорящих в быстром темпе, если есть возможность привыкнуть к его индивидуальным особенностям произношения.

ПОНИМАНИЕ Чтение

❖ A1 Я понимаю знакомые имена, слова, а также очень простые предложения в объявлениях, каталогах или плакатах.

❖ A2 Я могу понимать очень короткие и простые тексты. Я могу найти конкретную, предсказуемую информацию в простых текстах из повседневной жизни: рекламах, проспектах, меню, расписании. Я понимаю простые письма личного характера.

❖ B1 Я могу понимать тексты на повседневные и узкопрофессиональные темы, в которых используются достаточно употребительные слова и конструкции. Я понимаю описания событий, чувств, намерений в письмах личного характера.

❖ B2 Я могу понять статьи и сообщения по актуальной проблематике, особую позицию автора по изложенному вопросу. Я понимаю язык современной художественной литературы.

❖ C1 Я могу понимать тексты различных жанров, их стилистические особенности. Я понимаю также статьи по специальности и развернутые технические инструкции, даже если они не касаются моей профессиональной деятельности.

❖ C2 Я свободно понимаю тексты любых жанров, в том числе абстрактного содержания, со сложной композицией или языком, в том числе специальную литературу и художественные произведения.

ГОВОРЕНИЕ Диалог

❖ A1 Я могу участвовать в диалоге, если мой собеседник медленно повторяет по моей просьбе свои слова или перефразирует свою реплику, а также помогает мне подобрать слова для того, что я хочу сказать. Я могу задавать простые вопросы и отвечать на них в пределах изученных тем.

❖ A2 Я умею общаться в простых, типичных ситуациях, требующих прямого обмена информацией в пределах знакомых тем или видов деятельности. Я могу поддерживать короткие разговоры на бытовые темы, но понимаю недостаточно для того, чтобы вести беседу самому.

❖ B1 Я умею общаться в большинстве типичных ситуаций, которые могут быть при поездке в страну изучаемого языка. Я могу без подготовки участвовать в диалогах на интересующую меня тему (семья, свободное время, работа, путешествия, разные новости).

❖ B2 Я могу без подготовки достаточно свободно участвовать в диалогах с носителями изучаемого языка. Я могу активно участвовать в дискуссии на знакомую мне тему, обосновывая свою точку зрения.

❖ C1 Я могу без подготовки и бегло выражать свои мысли, без усилий подбирая слова. Моя речь разнообразна, и языковые средства используются в соответствии с ситуацией общения. Я могу точно формулировать свои мысли и активно поддерживать любую беседу.

❖ C2 Я могу свободно участвовать в любом разговоре или дискуссии, владею идиоматикой и разговорными выражениями. Я говорю бегло и могу выразить любые нюансы значения. Если у меня возникают языковые трудности, я могу незаметно для окружающих перефразировать высказывание.

ГОВОРЕНИЕ Монолог

❖ A1 Я умею простыми фразами рассказать о месте, где живу, и о своих знакомых.

❖ A2 Я могу рассказать о своей семье, разных людях, своей жизни, учебе, работе.

❖ B1 Я рассказываю о своих впечатлениях, планах, используя несложные фразы; кратко излагаю и аргументирую свои взгляды; передаю содержание книг или фильмов, выражая свое отношение.

❖ B2 Я могу понятно и подробно высказаться по широкому кругу интересных мне тем, объясняя свою точку зрения на актуальные проблемы и подробно аргументируя ее.

❖ C1 Я умею понятно и подробно говорить на сложные темы, строить сложные по композиции высказывания, развивать отдельные мысли и делать выводы.

❖ C2 Я говорю свободно и аргументированно, использую языковые средства, соответствующие ситуации общения, так логически строю свою речь, чтобы слушатели отметили наиболее важное.

ПИСЬМО

❖ A1 Я могу писать простые открытки (например, поздравительные), заполнить бланк или зарегистрироваться в гостинице.

❖ A2 Я умею писать простые короткие записки и сообщения, а также личные письма (например, поблагодарить за что-нибудь).

❖ B1 Я могу написать простой связный текст на знакомые или интересующие меня темы, а также личное письмо о моих переживаниях и впечатлениях.

❖ B2 Я могу написать подробное сообщение, а также доклад, в котором аргументированно изложена моя позиция, отмечены те события и впечатления, которые мне особенно важны.

❖ C1 Я четко и логично выражаю свои мысли на письме, подробно излагаю свои взгляды. Я могу освещать в текстах разного жанра сложные проблемы, акцентируя то, что мне кажется важным. Я владею разными стилями речи.

❖ C2 Я могу логично и ясно выразить свои мысли на письме, используя нужные языковые средства; пишу отчеты, доклады или статьи с четкой структурой, которая помогает адресату запомнить самые важные положения. Я пишу резюме и рецензии на тексты специального характера и художественные.

Американский портфель студента

Портфель ведётся по целому ряду предметов, изучаемых в старшей школе. Отслеживает работу учащегося над портфелем учитель родного языка. Такой портфель включает следующие компоненты:

❖ свидетельства персонального роста (автобиографический очерк: история семьи, особые события и отношения ценности; кратко- и долгосрочные цели);

❖ свидетельства проявления лидерских качеств в школе, семье и сообществе;

❖ свидетельства общественно-полезной работы (резюме общественной работы; групповой проект, который принесёт пользу сообществу);

❖ свидетельства академических достижений (лучшие, с точки зрения студента, работы).

Цели ведения портфеля:

❖ показать таланты и лучшие работы студента;

❖ развивать навык рефлексии проделанной работы;

❖ дать возможность преподавателям понять, какие курсы и задания оказали наибольшее влияние на личность студента.

Рефлексия: студенты пишут характеристику по каждой статье портфолио. В ней они объясняют важность данной работы лично для них, способ достижения цели, тренировку навыка.

Оценивание портфеля: в конце каждого семестра портфель оценивают с помощью оценочных листов, разработанных администрацией. В конце года студенты представляют портфели на конференции. По окончании курса обучения студенты получают портфели с рекомендательными письмами преподавателей.

Языковой портфель России

В статьях Гальсковой Н. Д. и Полат Е. С. даётся подробное описание основополагающих идей, заложенных в общероссийский проект под одноимённым названием. В основу данной технологии положены «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком». В статье подробно описываются компоненты портфеля. Актуальна шкала соответствий общеевропейских языковых компетенций российской системе языкового образования – языковые уровни соотнесены с программой преподавания иностранного языка в каждом конкретном случае.

Формы работы с ЯП в практике преподавания иностранного языка могут быть различными в зависимости от поставленной цели. В методических статьях, посвящённых использованию языкового портфеля, подчеркивается, что вряд ли правомерно говорить об «одном правильном способе» работы с ним в неоднозначном образовательном пространстве. По своей сути, ЯП является гибким учебным средством и может быть адаптирован практически к любой учебной ситуации. Вариации могут быть по цели обучения, возрасту, этапу или уровню овладения ИЯ, условиям обучения, индивидуальным особенностям обучающегося, индивидуальному стилю учебной деятельности, используемым методам и средствам обучения.

В зависимости от основной функции и цели ЯП будут определяться содержание, структура каждого его вида, предлагаемые средства самооценки и характер материалов, включаемых в языковой портфель.

Так, ЯП типа *Administrative* содержит, как правило, образцы лучших самостоятельных работ, выполненных в течение определенного периода. С помощью такого портфеля студент может показать свои достижения в изучении ИЯ в ходе интервью при приеме на работу, в учебное заведение или в других целях.

Языковой портфель типа *Feedback* включает в себя материалы выполненных учебных заданий, которые фиксируют степень сформированности различных компетенций иноязычного речевого общения. Этот тип языкового портфеля служит для того, чтобы по результатам выполнения определенных учебных заданий осуществлять обратную связь и на основании оценки результата проводить необходимую коррекцию самостоятельной учебной деятельности по овладению иностранным языком.

Функция ЯП типа *Show Case* – в первую очередь, репрезентативная: накапливать и представлять образцы речевых произведений, опыта иноязычного речевого общения, использования изучаемого языка в различных ситуациях, а также самостоятельные, в том числе и творческие, работы студента. Обучаемый представляет свои наиболее удачные работы на основании собственной оценки успешности и качества личного речевого творчества, что является проявлением и одновременно условием развития его способности к рефлексивной самооценке и продуктивной учебной деятельности по овладению иностранным языком и культурой.

Перспективной формой является ЯП типа *Language Learning Portfolio, к*оторый содержит материалы, представляющие определенные рекомендации по самостоятельной работе над различными аспектами изучаемого языка. Наряду с этим ЯП обучающего типа содержит различного рода средства самостоятельной диагностики и оценки владения речевыми умениями, а также мониторинга динамики овладения ими.

Примерное содержание языкового портфеля может быть следующим:

- ✓ Титульная страница.
- ✓ Краткая история успехов студента по предмету.
- ✓ Записи, доклады, домашние работы.
- ✓ Контрольные, самостоятельные работы.
- ✓ Тесты.
- ✓ Использование информационных технологий.
- ✓ Групповой проект.
- ✓ «Моя любимая работа».
- ✓ Оценка рецензента.

Большое значение имеет то, что последовательная работа над созданием языкового портфеля дает возможность развить у студента способность к рефлексивной и адекватной самооценке, что является одним из наиболее важных показателей учебной компетенции и независимости студента в учебной деятельности, направленной на овладение иностранным языком и культурой.

Модель рефлексивного овладения иностранным языком основана на том, как оценивают сами изучающие степень сформированности собственных коммуникативных умений и достигнутый уровень коммуникативной компетенции в видах речевой деятельности, анализируют свои достижения и успехи, отслеживают прогресс при выполнении промежуточных и итоговых контрольных тестов и используют предлагаемые рекомендации преподавате-

ля по самостоятельной работе. Учебная деятельность и ответственность за свой труд становятся более осознанными. Немаловажная роль принадлежит независимым экспертам, принимающим активное участие в этом процессе, что дает возможность создания объективной целостной картины динамики изучения языка.

Под словом «рефлексия» мы понимаем сознательное и сосредоточенное размышление о чем-либо. Это кажущееся простым определение относится к комплексной сфере ментальных действий. Изучая язык, мы размышляем о языковых фактах, способах его изучения и применения. В качестве трех видов рефлексии можно выделить: планирование при выполнении коммуникативной задачи, контроль в процессе выполнения учебного задания, оценка после его выполнения. ЕЯП вовлекает студентов во все три вида рефлексии. Реальная значимость и личная вовлеченность студентов в процесс управления и оценки своей учебной деятельностью, повышают мотивацию на достижение практического результата и на процесс обучения.

Работа с ЯП способствует формированию такого важного показателя продуктивной учебной деятельности, как накопление эффективного опыта использования и овладения ИЯ и перенос его в иные социально значимые ситуации. Языковой портфель предполагает долговременную работу с этим учебным средством, которая может и должна перейти в привычку постоянно фиксировать свой речевой и учебный опыт в области изучения языка и культуры, оценивать его, внося необходимые коррективы.

Основные цели портфеля – формирование межкультурной компетенции студентов, стремление самостоятельно осваивать культурное и языковое наследие Европы. Основные задачи портфеля – внимание к личностным лингвистическим способностям, умениям, навыкам; опыту межкультурного общения, динамике развития, личностным творческим особенностям и преемственности в процессе обучения при переходе в другое учебное заведение и изучению иностранных языков на протяжении всей жизни. Социальная функция ЯП демонстрирует способности его владельца к иностранным языкам. Он служит в качестве приложения к аттестатам и дипломам, предоставляет дополнительную информацию и конкретные свидетельства достижений в изучении иностранных языков. Педагогическая функция обеспечивает прозрачность процесса обучения для студентов, помогает развивать мыслительные способности и повышает самооценку. Эта функция соответствует задаче Совета Европы – способствует развитию автономности обучаемого в изучении европейских языков на протяжении всей жизни.

Анализ педагогических возможностей языкового портфеля как средства рефлексивного обучения иностранным языком показывает, что его использование в самостоятельной работе студентов обеспечивает:

❖ личностно-ориентированный характер обучения иностранным языкам, когда складываются условия осознания и реализации, личностно-значимых потребностей в изучении языка и культуры;

❖ направленность на создание личностного образовательного продукта и включение процесса овладения иностранными языками в формате языкового портфеля, что обеспечивает развитие и условия для продуктивной учебной деятельности при изучения языка и культуры;

❖ формирование и развитие самостоятельности в овладении ИЯ и иноязычной культурой;

❖ условия для проявления креативности студента и его творческой самореализации в языковой, информационной и образовательной среде;

❖ непрерывное изучение языка и культуры в условиях вариативного языкового образования.

Итак, языковой портфель – это инструмент самооценки и личного познавательного творческого труда студента, рефлексии его собственной деятельности. Как показывают результаты апробации ЯП, его особое педагогическое значение как учебного средства состоит в том, что оно направлено на актуализацию самостоятельной академической деятельности по овладению ИЯ. Создаются оптимальные условия для формирования учебной компетенции обучаемого в области изучения языка и развития его продуктивной аудиторной и самостоятельной деятельности студентов. В силу этого, формируются соответствующие учебные стратегии и умения, необходимые для эффективной внеаудиторной работы при изучении ИЯ.

Технология “языковой портфель” реализует инновационный подход к учебному процессу и является важным фактором развития способностей самостоятельной работы. При преподавании иностранного языка технологию “языковой портфель” можно рассматривать как инновационную, академическую технологию, основанную на развитии способности к самооценке. Технология “языковой портфель” обеспечивает способность и готовность обучаемого к самостоятельному и автономному изучению языка на протяжении всей жизни и создает условия для непрерывного личностного роста и европейского языкового образования.

Литература

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 5-е изд., стер. – М.: Академия, 2008.

2. Гальскова, Н. Д. Языковой портфель – инструмент оценки и самооценки уровня владения современными языками в XXI столетии (к 70-летию МГЛУ) / Н. Д. Гальскова, К. М. Ирисханова, Г. В. Стрелкова // Дидиактика. – 2000. – № 3.

3. Европейский языковой портфель. – Страсбург, 1997.

4. Европейский языковой портфель.– РЕЖИМ ДОСТУПА: http://methods.ucoz.ru/.

5. Коряковцева, Н. Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык / Н. Ф. Коряковцева. – М., 2002.

6. Мирошникова, О. Х. Профессионально-языковой портфель как средство реализации профессиональной компоненты в процессе иноязычной

подготовки в неязыковом вузе / О. Х. Мирошникова // Преподаватель высшей школы в XXI веке. – Ч. 1: труды Международной научно-практической Интернет-конференции. – Ростов-на-Дону: РГУПС, 2008. – С. 326 – 331.

7. Языковой портфель как инструмент формирования социо-кросскультурной компетенции обучаемых. – Режим доступа: http://mmc.krsnet.ru/.

8. European Language Portfolio (ELP) Principles And Guideline With Added Explanatory Notes (Version 1.0).

9. Modern Languages: Learning, Teaching, Assessment. A Common European Framework of Reference.– Strasburg, 1996.

10. Schneider, G. and P. Lenz: European Language Portfolio: guide for developers. – Strasbourg: Council of Europe, 2001. – Режим доступа: http://www.coe.int/portfolio.

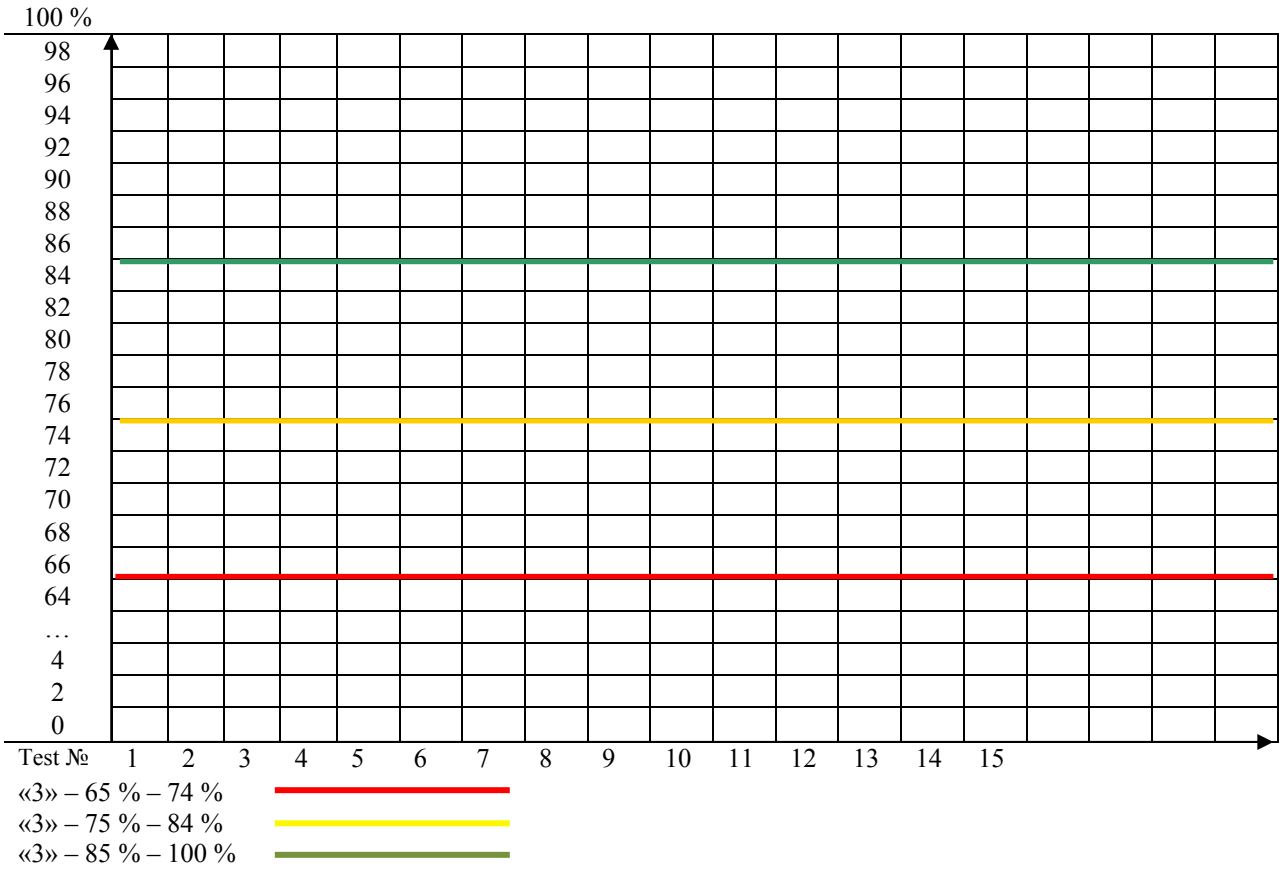
1) Identity Card.
2) Test results.
3) Teacher's page.
4) Europass

Identity Card

Name: ……..
Age: ……
Home town: ……..
Nationality: ……
Mother tongue: …….
Year: ……
Majors: ……
Likes: ……
Dislikes: ……
Hobby: ……
Favourite pastime: ……
Other information: ……
Date: ……
Signature: ……

APPENDIX:

Name: _____ Form _____



TEACHER'S PAGE

Student _____
Studied in my group from _____ to _____ form
General level _____
Level in
Listening _____
Reading _____
Writing _____
Monologues _____
Dialogues _____
Extra-curriculum activities _____
Hardships _____
Date _____ Signature _____/_____/

EUROPASS LANGUAGE PROFILE
Part of the European Language Portfolio and the Common European Framework of Reference for Languages (CEFR) developed by the Council of Europe

Surname(s)
First name(s)
Date of birth (*)
Mother tongue(s)
Other language(s)

LANGUAGE

Self-assessment of language skills (**)	UNDERSTANDING		SPEAKING		WRITING
	Listening	Reading	Spoken interaction	Spoken production	
European level					

Diploma(s) or certificate(s) (*)				
	Title of diploma or certificate	*Awarding body*	Year	*European level* (***)
	Description		*From*	*To*

LANGUAGE

Self-assessment of language skills (**)	UNDERSTANDING		SPEAKING		WRITING
	Listening	Reading	Spoken interaction	Spoken production	
European level					

Diploma(s) or certificate(s) (*)				
	Title of diploma or certificate	*Awarding body*	Year	*European level* (***)

Linguistic experience(s) (*)			
	Description	*From*	*To*

(*) Headings marked with an asterisk are optional (**) See Self-assessment grid on reverse (***) CEF level if specified on the original certificate or diploma

УДК 81'42

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ

Н. В. Рабкина

ESCHATOLOGICAL MOTIVES IN WAR POETRY

N. V. Rabkina

Данная статья посвящена анализу апокалипсических мотивов в военной поэзии. Подробно, в диахроническом аспекте рассматривается развитие мотивов руин и враждебности стихий, начиная от англосаксонской поэзии и заканчивая современной антивоенной лирикой, публикуемой в сети Интернет.

The article under consideration contains a thorough analysis of some apocalyptical motives found in war poetry. The article mainly focuses on the themes of ruins and hostile nature elements, tracing their development back to Anglo-Saxon poetry and up to the modern anti-war Internet sites.

Ключевые слова: военная поэзия, эсхатологический мотив, современная антивоенная поэзия Интернет, концепт «война».

Keywords: war poetry, apocalyptical motive, modern anti-war Internet poetry, the concept of war.

Город-полис – центр ойкумены, колониальной модели мира. Образ разрушенного войной, оставленного жителями города, фигурирует в мировой поэзии уже много веков и за все это время не претерпел особенного развития. Первые иерархически устроенные города древней Месопотамии – результат попыток привести устройство общества в согласие со стройностью, математической предопределенностью мира, которую древние жрецы замечали, наблюдая за движением светил [1, с. 230]. Город во времена живой мифологии претендовал на то, чтобы быть образом космоса. Его фундамент – божественное основание, на котором покоится мир: круг или квадрат, объединенный общим центром, идеальный план, на основе которого построено все, в том числе и Иерусалим Апокалипсиса. В основе обрядов заложения города лежал союз отцовского и материнского начал [11, с. 19 – 24], что приравнивает основание города не только к акту создания макрокосма, но и микрокосма – человека.

Близость концептов обжитого пространства и мироздания – одна из констант индоевропейской культуры, в которой микрокосм иллюстрирует Вселенную. Представление о мире было связано у индоевропейцев с типом их исторического расселения: роль города до сих пор так велика, что их названия используются не только для обозначения страны, языка, но и как родовое имя или мир в целом [7]. Каждая историческая цивилизация с живым городским ядром начинается с массового захоронения, а заканчивается «руинами, разрушенными строениями, пустыми мастерскими и кучами бессмысленного мусора, в то время как население было истреблено или угнано в рабство, - таковы следы любой цивилизации» [8, с. 209]. Исследования по восстановлению индоевропейской картины мира [3] также демонстрируют, что дом, жилище воспринималось как Космос, воплощение Божественной гармонии и порядка.

Закономерно поэтому, что локус разрушенного города, как и многие другие аспекты пространства поэтических текстов войны, соответствует художественному пространству эсхатологических текстов. Как пишет И. Г. Матюшина, тема разрушения города распространилась в средневековой литературе под воздействием христианских учений о суетности всего земного. Сочинения Блаженного Августина, Алкуина и Гильдаса создавались под непосредственным впечатлением от разрушения великих городов и захватов монастырей и восходят к традициям ветхозаветных книг, полных пророчеств и плачей о покинутых городах (книги пророка Исайи, Изекииля, Иеримии), античной поэзии (разрушение Трои в «Энеиде», элегии Овидия) и к древнейшим в мировой словесности фольклорным плачам шумерской поэзии (плачи о разрушении Лагаша, гибели Ура, Шумера и Аккада) [5, с.11].

Брошенные города – основная тема немногочисленных примеров англосаксонской лирики (поэмы «Морестранник», «Руины»). Разрушенные крепости великанов, покинутые жилища – пространство в этих элегиях представляет собой огромное кладбище, заполненное остатками былой славы. Здесь поэтическая жалоба расширяется до эсхатологического видения целого мира. Индивидуальная судьба лирического героя осмысливается как часть общемировой трагедии всего земного, микрокосм приобретает макрокосмический характер [4, с. 23 – 45, 54 – 60].

Кадры разрушенных иракских городов потрясли воображение американских поэтов и не могли не вызвать сочувствие, а события 11 сентября показали всю уязвимость урбанистической цивилизации. «После 9/11 мы стали остро ощущать хрупкость бытия», – пишет Т. Фридман в своей книге «Плоский мир»: – «человеческая жизнь может быть сметена по воле какого-то афганца в пещере» («person's life can be wiped out by the arbitrary will of a madman in a cave in Afghanistan») [13, с. 194]. Поразительно, с какой легкостью может быть разрушено здание (like a knife halves a pomegranate – T. Goff, Iraq): A house burned right down to the ground, / scattered in the wind-blown dirt, / where a doll, a thigh, and a few entrails, / walls and roof collapsed, / part of the wall stood, / silent monument to a once-loving home. – E. Anderson, Collateral Damage).

Образ руин – центральный для поэзии, посвященной войне в Ираке: leaning doorway, collapsed rubble, blood-laced walls. Человеческие жилища из бетона (cheap concrete houses / buildings / homes), эти «городские пещеры» (urban caves), содрогаются (shudder, convulse), разрушены (broken, destroyed,

half-erected, bisected, wrecked, crushed, rotten, rubbled, in utter ruin), взорваны (exploded, blasted, burst), объяты пламенем (blazing), разграблены (looted). Внутренне пространство дома оказывается вывернутым наизнанку (lie open / naked), что характеризует пространство войны как область «недолжного бытия».

Остаются камни, обломки, разбитое стекло, пыль, прах: blocks of cement, stones, bricks, broken / vaporized glass, iron slag, particles of dust, cement / tear-stained / irradiated / drifting on sills dust, drenched ashes.

Город не просто разрушен, а стерт с лица земли (razed). Трагедия одного человека, оставшегося без крыши над головой, разрастается до космических масштабов, продолжая традицию отождествления микрокосма с макрокосмом в англосаксонской поэзии. Гибель мира, его беспощадное разрушение и уничтожение начинается с гибели вещей, то есть с уничтожения дома как центра и средоточия человеческого микрокомоса: «взрыв бомбы уводит все в безвещность» [9, с. 127, 144].

Город, в котором идет война, разделился сам в себе (barbed wire, borders, fence, barricades, walls of fire) и превращается в город мертвых (dead city, caldron of death), некий рукотворный ад (man-made devil's Hell), где все мертво (everything dies). Дома становятся могилами (waiting graves), и сам город – одна большая братская могила (huge mass grave). Смерть притаилась за каждым углом (death lurks in every corner). В таком пространстве даже слово «тупик» (dead-end valley) приобретает смысл, связанный со смертью.

На месте некогда прекрасного города (grand places and soaring mosques) – «мерзость запустения», маркирующая в Библии начало последних дней. Город покинут, пуст: empty, half-deserted, never used now, abandoned. Это особая, безжизненная пустота: fear vacuumed the streets (A. Rich, The School Among the Ruins). Покинутый город погружен в темноту (darkened city), дым пожарищ застилает дневной свет (day-cancelling smoke), а вспышки света связаны с взрывами и несут смертельную опасность (spotlights cutting the night into pieces, light that shakes the earth). Электричество не работает и, чтобы передать темноту оконных и дверных проемов (dark doorways, dark windows), поэт прибегает к словотворчеству: electricity turned into darktricity.

«Мерзость запустения» выражается через описание нечистот и мусора (shit, rot, mud, trash, scraps of rotten food), останков животных (animal intestine, poisoned rats). Улицы превращаются в сточные канавы (garbage-strewn streets, gutters, trash cans, sewage), источающие зловоние (acrid odour); в кишащих крысами развалинах (rat-swarmed ruins) свирепствуют голод и болезни (famine, cholera, plague). Город в буквальном смысле слова тонет в отходах (filthy tide of sewage laps the streets God-forsaken land of sewers, flies and garbage), то есть опускается вниз, в подземный мир, где в наивной картине мира находится преисподняя. Город тонет в крови (the whole town flinches blood), которая, как сточные воды, струится по улицам и канавам (red sewers, bloody streets, rivers of blood that weep from dismembered bodies howls in the street). Это особая грязь, связанная с мотивом нежелательной памяти – грязь, которую нельзя смыть: …the dirt pungent under your nails / your hands that will never / be clean again / in the end if you remember / anything at all (C. J. McElroy, What They don't Tell You About War).

Человеческие останки также приравниваются к грязи (the mud of bodies), мусору: на дорогах разбросаны трупы (highways littered with Iraqi dead), на улицах и площадях – оторванные конечности (severed limbs, amputated arms, discrete pieces, decapitated hands and heads, torso, swirls of human hair), среди которых выделяются части тел военнослужащих (khaki limbs). Смрад разлагающихся тел – запах войны – заполняет собой голову, которая традиционно концептуализируется как контейнер сознания: The smell the stink of war / is all that fills your head (C. J. McElroy, What They don't Tell You About War). Останки предстают в виде обломков: human debris (debris – осколки, обломки, строительный мусор).

Разрушение тела часто сравнивается с разрушением храма, дома Божьего, то есть приравнивается к святотатству. И в поэзии Первой мировой войны, и в поэзии Ирака присутствует мысль о том, что любой человек – и любое человеческое тело – представляет собой образ и подобие Бога: A boy's face, delicate and blond, the very mask of God, / Broken – God's temple (A.J.Mann, The Soldier); Spray-painted sketch of a / Nude human body on / My neighborhood sidewalk / I want to write on it / "Tread lightly here my friends / This is Gods temple"(E.Bell, One Year Ago).

Связь человеческого тела и здания в концептуальном пространстве города характерна для культуры полисов, ориентированной в своей идеологии на мир человека, где человек – мера всех вещей [10, с. 247]. Дом в концептуальном пространстве войны может предстать в виде человеческого черепа: The Illumined Skull / sits on the side / of the dark hill (…) In night-vision, Mom / steps out of the jaw / onto a few teeth sprinkled / like an unfinished walk. / Sis sits in one eye socket / writing. (…) There's no house left / on the block like this one— / garden scattered with green bones / that won't stop growing (R. Houchin, The Illumined Skull).

Пространство войны отравлено, непригодно для жизни. Смерть несут все элементы бытия:

воздух	poisoned air, a rainbow of blood, mushroom clouds, chemic smoke
вода	the rain was dust; radioactive / bitter copper rain, rain of bullets; bombing, like rain pouring from sky; thunderballs of steel from the sky; the Tigris and Euphrates are defiled; poisoned / black rivers; warring waters
почва	soil poisoned for a thousand generations; irradiated / acid land

В лирике, посвященной войне в Ираке, война выстраивает универсум катастроф: здесь не только люди борются с людьми, но и земля восстает на лю-

дей, поднимая против них стихии (typhoon, hurricane, tornado, tempest, storm, thunderstorm, avalanche, whirlpool, earthquake).

В мифологии огонь и вода могли выступать не только как спасительное или очищающее начало, но и как губительное, всеуничтожающее [2, с. 78]. Например, в египетской теогонии циклическое существование Вселенной и вечная борьба хаоса и космоса представлена борьбой Солнца с крокодилами и гиппопотамами в подземной реке [6, с. 147]. Мотив смертоносности того, что мыслится как базовые составляющие Вселенной (огонь, земля, вода, воздух), отсылает нас к описанию конца мира в скандинавском эпосе, где последняя битва описывается как борьба со стихией, которую не выдерживают старые боги Эдды: «Хрюм с востока идет щитоносный, / Йормунганд-змей злобно клубится, хвостом бьет море, / орел клекочет (…) Сурт идет с юга – огонь всесильный солнцем блещет на мечах у богов…» («Предсказание Вёлвы»). В таком представлении о Последней битве (Армагеддоне, Рагнарёке) как о восстании стихий против людей находит свое выражение мифологическая космогония: в конце очередной фазы существования Вселенной все стихии вернутся в состояние хаоса.

Представление битвы с врагом как борьбы со стихиями восходит к эпическим текстам. Так, в «Слове о Полку Игореве» надвигающаяся буря служит предзнаменованием неспокойного времени: «Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго!» Против войска Игоря оборачивается сама природа: «Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ с моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть». Особенно нагляден в этом плане фрагмент плача Ярославны, где она обращается к ветру («Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои?») и солнцу («Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче?»), которые усиливают страдания воинов.

Связь войны и стихий можно продемонстрировать и на примере кеннингов битвы скальдической поэзии, которые зачастую содержат элемент, связанный со стихией: ветром и непогодой (буря копий / битвы, вьюга секиры, вьюга ратная, стрел пурга тугая, ливень стрел, гроза Скёгуль), водой (море ран, прибой блеска резких лезвий), землей (нива жал). Сюда же примыкают, например, кеннинги крови (море меча, роса трупа), меча (огонь треска стрел, огонь битвы). Здесь четко прослеживается родство стихий: например, кеннинг огня представляет его как «родича бури». В качестве примера можно также привести поэтические сравнения и метафоры битвы в поэзии скальдов: «Был как прибой булатный бой и с круч мечей журчал ручей», «Ран огни горели в волнах крови, / Стрел поток струился» (пер. С. В. Петрова).

Поэт Первой мировой использует идиоматические выражения, связанные со стихиями, чтобы продемонстрировать их враждебность. То, что в мирном пространстве подчинено человеку, в пространстве войны несет ему смерть: The young men of the world / No longer possess the road: / The road possesses them. / They no longer inherit the earth: / The earth inherits them. / They are no longer the masters of fire: / Fire is their master; / They serve him, he destroys them. / They no longer rule waters: / The genius of the seas has invented a new monster, / And they fly from its teeth. / They no longer breathe freely: / The genius of the air / Has contrived a new demon / That rends them into pieces (Lament, F.C.Flint). Аналогично описание солдатских судеб в поэзии, посвященной войне в Ираке: One crumpled under stone, / one went a way of water, / one climbed the air but plunged through fire, / one lay slathered in garlands, one left only a smear (PAW: Umoja: Each of Us Counts, R.Dove).

Мотив дружественности стихий – скорее исключение, связанное с пропагандой: The fighting man shall from the sun take warmth and life from glowing earth, speed win the light-foot winds to run, and with the trees to newer birth (Into Battle, J.Grenfell).

В современной военной поэзии «the storm of battle» – часто употребляемая метафора. Все пространство войны пронизано ветром: The stones themselves must flinch in this east wind (The Zonnebeke Road, E.Blunden); The wind came posting by with chilly gusts and buttering at corners, piping thin (A Working Party, S.Sassoon); Our brains ache, in the merciless iced east winds that knive us (Exposure, W.Owen). Солдат-призрак может вернуться домой в образе стихии – ветра: Whistle and I will hear / And come another evening, when this boat / Travels with you alone toward Iffley: / As you lie looking up for thunder again, / This cool touch does not betoken rain; / It is my spirit that kisses your mouth lightly (Canoe, E.Doughlas).

Смерть раскрывается и через образ морской стихии, что особенно актуально для поэзии Первой мировой войны: умереть – значит утонуть во тьме (sinking in dark, drowning, falling), в бездонной грязи (bottomless mud): If I were dead', he mused, 'there'd be no thinking - / Only some plunging underworld of sinking, / And hueless, shifting welter where I'd drown (Stretcher Case, S.Sassoon). Индивид, остро осознавший на войне ничтожность своего собственного существования и бренность всего сущего, определяет смерть через метафору моря (death's sea, moonless waves of death), бездонного и всепоглощающего (к примеру, образ солдата, тонущего в море ядовитого газа в известном стихотворении «Dulce et Decorum est» У.Оуэна).

Следует отметить, что из всех стихий самой опасной и наиболее часто упоминающейся является огонь. Сама война уподоблена огню: I count him one of the war dead; the war inflamed him (T. Goff, Divine Wind). Огонь охватывает микрокосм и макрокосм в поэзии Второй мировой войны: Flesh was fire, frost and fire: / Flesh is fire in this wilderness of fire / Which is our dwelling (S. Keyes, The Wilderness). Универсум в пространстве войны не более стабилен, чем дрожащее пламя свечи: «With them in hell the sorrowful dark of hell, / Whose world is but the trembling of a flare» (Apologia pro Poemate Meo, W.Owen).

Именно с огнем связана разрушительная сила современного оружия (nuclear flame). Описания жертв сопровождают семантически связанные с воздействием высоких температур лексемы, расположенные здесь по нарастанию деструктивности: scorched, seared, set ablaze, burnt (alive), blasted, incinerated. Наивысшая степень деструктивного воздействия огня – испарение (vaporized / made vapor), распыление (pulverized to dust), исчезновение (faded away), превращение в ничто (initiated into nothing, nullified). С огнем связано описание трагедии 11 сентября (the blanket of ash, fallen / white hot ash, volcanic eruption, plume, smoke; the airborn burning remnants of buildings, paper, people).

Мотив огня связан не только со спецификой современного вооружения, но и с общей эсхатологической направленностью современной военной лирики: согласно Библии, «тогдашний мир» был сотворен из воды и погиб в Великом потопе, а современный мир закончится в огне (2 Петр.3,3-7). Битва сравнивается с огнем и в древнеанглийской поэзии: Ne ðis ne dagað eastan, ne her draca ne fleogeð, ne her ðisse healle hornas ne byrnað. Ac her forþ berað («The Battle of Finnsburh», 3-5) - 'This is not dawn from the east, no dragon flies here, the gables of the hall are not burning, but men are making an attack; Swurdleoma stod, swylce eal Finnsburuh fyrenu wære («The Battle of Finnsburh», 36-37) – The gleaming swords so shone it seemed as if all Finnsburh were in flames.

Показательно, что мотив враждебности стихий в неизмененном виде встречается в прозаических воспоминаниях очевидцев. Так, мы обнаруживаем его у У.Черчилля в одной из его речей, где он описывает ужасы 1МВ: “The wounded died between the lines; the dead moulded into soil. Merchant ships and neutral ships and hospital ships were sunk on the seas and all on board left to their fate, or killed as they swam. (…) Bombs from the air were cast down indiscriminately. Poison gas in many forms stifled or seared the soldiers. Liquid fire was projected upon their bodies. Men fell from the air in flames, or were smothered often slowly in the dusk recesses of the sea” [12, с. 913-914].

Можно сделать вывод, что любая война концептуализируется человеческим сознанием как последняя – то есть как процесс декосмизации. Вероятнее всего, это представление носит универсальный характер. В рамках же англоязычной поэзии его можно возвести к мотиву тождества макрокосма и микрокосма, характерного еще для древнейших образчиков англо-саксонской поэзии.

Литература

1. Кэмпбелл, Дж. Мифы, в которых нам жить / Дж. Кэмпбелл. – М.: Гелиос, 2002. – 256 с.

2. Маковский, М. М. Язык – миф – культура (Символы жизни и жизнь символов) / М. М. Маковский // Вопр. языкознания. – 1997. – № 1. – С. 73 – 80.

3. Маковский, М. М. Мифопоэтические этюды / М. М. Маковский // Вопр. языкознания. – 2007. – № 5. – С. 35 – 57.

4. Матюшина, И. Г. Древнейшая лирика Европы / И. Г. Матюшина. – М.: РПГТУ, 1999. – Т. 1. – 246 с.

5. Матюшина, И. Г. Руины: становление топики в средневековой европейской лирике / И. Г. Матюшина // Arbor Mundi: Мировое древо. – 2000. – Вып. 7. – С. 11 – 38.

6. Мелетинский, Е. М. От мифа к литературе / Е. М. Мелетинский. – М., 2000. – 168 с.

7. Проскурин, С. Г. Концептуальные системы в индоевропейском языке и культуре. Проблема «коды» и «тексты» (преим. на мат. герм. яз.) / С. Г. Проскурин: дис. …д-ра филол. наук. 10.02.20. – М., 1999. – 243 с.

8. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности: [пер.с англ. Л. М. Телятникова, Т. В. Панфилова] / Э. Фромм. – Мн.: Попурри, 1999. – 624 с.

9. Цивьян, Т. В. Семиотические путешествия / Т. В. Цивьян. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. – 248 с.

10. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Новосибирск, 1993. – 720 с.

11. Юнг, К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К. Г. Юнг.; пер. с нем. А. А. Спектор. – Мн.: Харвест, 2004. – 400 с.

12. Gilbert, M. Winston S. Churchill / M. Gilbert.– Volume Four: The Stricken World 1917 – 1922 – London, 1975. – 1298 p.

13. Friedman, T. L. The World is Flat: A Brief History of the 21 Century / T. L. Friedman. – New-York: Farrar: Straus and Giroux, 2005. – 315 p.

УДК 81-114.2

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В ХОЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

М. Ю. Рябова

HOLISTIC INTERPRETATION OF TENSE

M. Yu. Ryabova

В статье рассматривается вопрос интерпретации семантики грамматической категории времени английского языка на основе теории холизма как модели смысловой комплексности, характерной для всех форм языковой коммуникации. Категория Tense является паттерном автопоэзиса и результатом актуализации комплексности.

The article deals with the question of semantic interpretation of English tense system in the light of holistic theory as the model of semantic completeness, typical for all forms of language communication. The category of tense is an autopoiesis pattern and a result of actualization of complexity.

Ключевые слова: время, холизм, автопоэзис, комплексность, смысл.

Keywords: tense, holism, autopoiesis, complexity, meaning.

Феноменология

Осмысление времени, попытка дать определение понятию «время», вычленить его из круга смежных и/или близких категорий издавна занимала умы философов и мыслителей.

Традиционно время определялось через движение и изменение; время ассоциировалось как последовательность сменяющих друг друга мгновений «теперь» и «сейчас», связывающих собой промежутки прошлого и будущего. Время, таким образом, мыслилось как некая бесконечная линия, состоящая из последовательной цепочки моментов движущегося «настоящего», плавно перетекающего в периоды «прошлого» по мере наступления «будущего». Истоки данных представлений восходят к учениям Св. Августина и Аристотеля: “If there is no perception of time without the perception of movement, there is no possible existence of time itself without that of movement… It is evident then, that time is neither movement nor independent of movement” (если невозможно восприятие времени без восприятия движения, то невозможно и само существование времени без существования движения. Очевидно, что время не есть движение, но время зависит от движения (пер. автора) [1, с. 315].

Время как символ длительности и мера всякого движения традиционно имело двойственную семантику, обнаруживаемую в греческом различении терминов chrónos и kairós (вечность и время); или в латинском – aeternitas и tempus (вечность и время); соответственно, в английском – eternity и time, во французском – éternité и temps. Так, например, различие chrónos и kairós обосновывает практику предсказаний, основывающуюся на знании текущих признаков ненастоящего, в том числе и будущего.

Время – часть сознания человека, но время не зависит от его мировосприятия и осознания: “We do not produce time, but it surrounds us, envelops us, and overpowers us with awesome strength” (мы не производим время, но оно вокруг нас, оно обнимает нас, оно сжимает нас со страшной силой) [13, с. 17]. Время – это прошлое наших воспоминаний и будущее наших ожиданий, связанных воедино настоящим наших ощущений и мыслей.

Одним из важнейших компонентов концепта времени является его соотнесенность с осознанием точки и/или момента «сейчас» (now), цепь которых и образует, по-видимому, линию времени. Как определить сущность феномена «сейчас». По Э. Гуссерлю, феномен «сейчас» неразрывно связан с определенным типом интенциональности, которая направлена в сторону мгновенно прошедшего. Настоящее, ассоциированное с моментом «теперь», включает понятие так называемого «расширенного» настоящего, складываемого из настоящего уходящего в прошлое и настоящего приближающегося будущего, распадаясь при этом на комплексы отдельных моментов «теперь», которые и есть сущность самого времени [3, с. 81], или “the big now” (большого настоящего). Время осознается как протяженность постоянно расширяющихся точек настоящего, убегающих в прошлое. В этом плане представляет интерес интерпретация смысла наречия “still” (еще), который, по мнению П. Рикера, может заключаться в следующем: “its use expresses in its own way the adhering of the “just past” to consciousness of the present” (его употребление по своему обозначает присоединение только что истекшего к восприятию настоящего) [13, с. 31].

Если феноменология настоящего по большому счету строится на осознании и восприятии моментов «теперь», то феноменология прошедшего времени представляет собой прежде всего само осознание сохранения или памяти (в основе которой лежат образы впечатлений, воспоминаний, символы неких моментов «теперь», их моментальные снимки).

Прошлое может варьироваться осознанием и восприятием как прошлое, связанное с настоящим (Present Perfect tense forms), прошлое, отдаленное от него настолько, что эта связь более утрачивает актуальность (Past Simple tense forms). Прошлое, связанное с настоящим, можно представить с помощью модели перехода между “was” (было) и “is no longer” (уже нет сейчас). Вероятно, в системе грамматических форм времени английского языка данная временная модель воплощается в системе форм перфекта настоящего времени (Present perfect); концептуальная сущность формы может быть передана сравнением с хвостом кометы, тело которой и есть настоящее [13, с. 31]. Прошлое, утратившее связь с настоящим, будет репрезентироваться формами простого прошедшего (Past Simple), что соответствует образам наших воспоминаний, следы которых испарились в настоящем (“all our memories that no longer have a foothold in the present”).

Линия времени как пространственная координата распадается на отдельные серии, которые соответственным образом локализуются в виде прошлого, настоящего и будущего. Если прошлое представляется как материализация (актуализация) некоего настоящего опыта, удерживаемого памятью, то будущее будет соответствовать времени, обрамляющему настоящее, как нечто ожидаемое или предвосхищаемое, как предчувствие некоторого восприятия [13, с. 37].

Анализ

Время можно осознать на трех уровнях анализа: 1) как объективное время, 2) как объективируемое время временных объектов (tempo-objects), 3) как имманентное время. Имманентным можно считать время, постигаемое и воспринимаемое с помощью интуиции: “If we take away from our inner intuition the

peculiar condition of our sensibility, the concept of time likewise vanishes" (если убрать из интуиции нашу особую чувствительность, то смысл времени исчезает) [13, с. 47]. Время не есть неотъемлемое свойство предметов и объектов, время – свойство познающего или воспринимающего субъекта, часть его интуиции. Таким образом, время категория антропологическая и включена в сферу материальной культуры.

С другой стороны, нельзя воспринимать время само по себе, скорее, мы воспринимаем те или иные объекты, существующие во времени (tempo-objects). Существование объектов во времени может быть представлено моделью философии языка, в которой время концептуализируется через пространство, связывая между собой и фиксируя это в разнообразных языковых выражениях, ср.: to be behind time (to be late - опаздывать),

to be on time (to be punctual – быть вовремя),

to be in time for something (to come at the right time to do or get it – успеть что-либо сделать),

from time to time (sometimes – время от времени, иногда),

behind the times (out of date - устареть);

behind time (не вовремя, не аккуратно, с опозданием);

between times (в промежутках, время от времени);

before one's time (до кого-либо, до чьего-либо рождения, появления, приезда)

be in good time (to be early, have time to spare – прийти заранее),

in time (after a certain expected length of time has passed – через какое-то время),

in times gone by (in the past – в прошлом),

it's about time (said about something that should have happened earlier, but which was delayed – пора, подходит время),

to pass the time of day with someone (to exchange greetings with someone – провести время с кем-то), др. [10].

Семантический анализ структур данных выражений позволяет обнаружить наличие пространственных предлогов и наречий, входящих в их состав (in, on, behind, about, from, before, after, etc.). Таким образом, можно видеть, что язык закрепил модель восприятия времени через пространство, которое мыслилось как некое вместилище времени.

Известно что, объективное время характеризуется тремя основными признаками: длительность, последовательность и одновременность. Дополнительный признак или свойство времени – постоянство, которое может быть измерено и осмысленно посредством идеи порядка, или упорядоченности. Таким образом, временные отношения, ассоциируемые с процессом восприятия времени, могут быть представлены следующими категориями: количество времени (определяющее число или множество существования, маркируемая в языке, как правило, лексическими средствами – наречиями, прилагательными, существительными, предлогами и др.), порядок или упорядоченность сменяющих друг друга фаз событий – их последовательность и одновременность (маркируемая средствами лингвистической категории таксиса).

Автопоэзис

В современной когнитивной семантике категория времени может быть осмыслена в аспекте автопоэзиса, т. е. с точки зрения теории самореференции и двойной контингентности. Данная трактовка была предложена немецким социологом Никласом Луманом в его теории систем в парадигме «часть – целое», известной как холистическая методология, сформулированная чилийским нейробиологом У. Матураной и Ф. Варелой в 70-е годы.

Слово "автопоэзис" («аутопойесис», «аутопоэз» (autopoiesis)) происходит от греческих слов autos – само и poiein – построение или произведение. Выбор греческого слова позволяет придать термину свойство оператора, действующего на смысловое поле и обладающего спектром собственных значений. Несмотря на изначальную биологическую направленность теории автопоэзиса, она имеет перспективную междисциплинарную методологию. Эти подходы находят свое применение в концепциях трансперсональной психологии, исследовании социальных процессов, теории искусственного интеллекта, развитии новых информационных технологий. Идеи У. Матураны и Ф. Варелы получили широкое распространение в мировом научном сообществе. Автопоэтическая теория входит в более общую исследовательскую программу, такую как когнитивная наука, которая осуществляет междисциплинарный синтез исследований в области нейролингвистики, искусственного интеллекта, когнитивной психологии, нейробиологии и эпистемологии. Среди авторов, работающих в этой области знания и развивающих ее современную фазу - задействование (enaction), можно назвать таких ученых, как Ф. Варела, Т. Виноград, Дж. Лакофф и др.

Основным понятием теории автопоэзиса является целостность (или холизм). Структуру сложной целостности, статической или динамической, создают реальные элементы или реальные отношения этой целостности как связи между ее физическими компонентами. Структура определенного сложного образования заключается в самом способе ее производства как целостности. Другими словами, структура системы представляет собой физическое воплощение ее организации. Поскольку У. Матурана и Ф. Варела подчеркивают, что организация системы не зависит от свойств ее компонентов, то данная организация может быть осуществлена различными способами, т. е. при помощи различных компонентов. Матурана и Варела считают автопоэзис паттерном организации, общим для всех живых систем независимо от природы самих этих компонентов. При этом автопоэтическая система определяется как сеть процессов производства компонент, создающих саму эту сеть, результатом функционирования которой является ее автопоэтическая организация или паттерн как инвариант. Матурана и Варела выделили способность к самопроизводству и устойчивому развитию в своей среде обитания в качестве наибо-

лее характерных свойств живых систем. В соответствии с этим ими был развит принцип операциональной замкнутости как один из основных принципов автопоэзиса. Операциональная замкнутость не подразумевает закрытость, т. к. речь идет об автономности особого рода, допускающей одновременно как взаимодействие системы с внешним миром, так и непрерывное саморазвитие. Несмотря на то, что живые организмы непрерывно контактируют с окружающей средой, они остаются относительно устойчивыми по отношению к ее воздействиям. Нечто заставляет систему оставаться операционально замкнутой, т. е. поддерживать неизменными основные циклы жизнедеятельности и воспроизводить саму себя [7].

У. Матурана рассматривает феномен языка и языкового поведения как расширение когнитивной области наблюдателя. Матурана приходит к автопоэтическому объяснению феномена языка как результату совместного онтогенеза живых систем. При этом такие традиционно связываемые с языком понятия, как "перенос информации", "символизирование", "денотация", "значение" имеют смысл только для рефлексии о языке, т. е. при размышлении внешнего наблюдателя о том, что происходит в языковом поведении. Быть человеком – значит существовать в языке, поэтому языковое поведение описывается как поведение, которое является частью и результатом нашего поведения в качестве живых систем: «Мы движемся в нашем онтогенетическом и филогенетическом дрейфе как действующие в языке люди в структурном сопряжении в нашей области существования. Язык поэтому возникает в жизненной практике наблюдателя и генерирует в свою очередь снова жизненную практику наблюдателя» [6]. Матурана и Варела видят смысл языкового поведения в том, что оно представляет способ сосуществования живых систем. Самосознание и самость существуют только в языке, а так как язык является социальным феноменом, то и самосознание является также социальным феноменом [7].

По мнению Ф. Варелы, в когнитивной интерпретации определяющим является утверждение об объективном существовании внешнего мира. Однако, открывая вновь «здоровое человеческое понимание», мы обнаруживаем себя в нашем обыденном сознании активными, творческими участниками всех процессов окружающей нас реальности. Наше сознание не обрабатывает полученную извне информацию и не разрешает внешне заданные проблемные ситуации. Все эти модели когнитивных процессов являются лишь результатом деятельности наблюдателя, т. е. живой самореферентной системы, упрощающей сложность мира в акте восприятия, порождающем этот мир и самого наблюдателя. Процесс порождения в действии, или задействование (enact), может быть понят только в его циклическом, самопорождающем представлении. Именно эту «тотальную циркулярность» Варела обозначает термином «задействование» или «порождение» (enaction). Объект и субъект возникают одновременно, порождая и обусловливая друг друга. Мы не можем не принимать во внимание наше обыденное знание, которое, как это показала феноменология, неотделимо от нашей телесности, языка и социальной истории, а эта установка не совместима с фундаментальным естественнонаучным предположением, укоренившемся в западной культуре, будто мир, каким мы его воспринимаем, не зависит от воспринимающего его субъекта [7].

Центральной концепцией Матураны и Варелы является автопоэзис. Формальное определение концепции сводится к следующему: «Автопоэтическая система организована как сеть процессов производства (трансформации и разрушения), состоящая из компонентов, производящих компоненты: 1) которые взаимодействуя и изменяясь, регенерируют и реализуют сеть процессов (отношений), производящих их и 2) конституирующие его (машину) как некоторое единство в пространстве, в котором они [компоненты] существуют, задавая топологическую область своих реализаций как такой сети» [14, p. 13]. Любое единство, отвечающее данным условиям, является автопоэтической системой, и любая автопоэтическая система, реализованная в физическом пространстве, является живой системой. Особая конфигурация данного единства – его структура – не является достаточным условием для определения его как единства. Ключевой особенностью живой системы является поддержка своей организации, то есть сохранение сети отношений, которая определяет её как системное единство [2]. Иначе говоря, «автопоэтические системы действуют как гомеостатические системы, для которых их организация является основным критическим фактором, который они активно поддерживают постоянным» [11, p. 318].

Работы Матураны являются ключевым источником представлений о лингвистических взаимодействиях автопоэтической теории. Исходя из принципов структурного детерминизма и структурного сопряжения, он разрабатывает модель осуществления языка как деятельности, в которой, участники направляют друг друга относительно самих себя и некоего предмета. Мартурана представляет интерперсональную коммуникацию, как «передачу по трубам» информации между участниками разговора. Данная точка зрения предполагает, что информация является квантовым товаром. Дж. Лакофф и М. Джонсон называют эту точку зрения на коммуникацию «метафорой трубопровода» [9]. Коммуникация сравнивается с видом коммерции, как [12] взаимодействием, при котором получатель принимает состояние, определённое состоянием отправителя, переданное через сообщение. Данная точка зрения на язык основывается на «денотативной системе символических коммуникаций, состоящей из слов, которые обозначают сущности без области, в которой эти сущности могут существовать» [2].

Для Матураны главной функцией лингвистического взаимодействия является не доставка «информационных квантов», но взаимная ориентация разговаривающих внутри согласованной области, осуществляемой благодаря их взаимодействию. Ком-

муникация становится способом взаимной ориентации: начальной, относительно поведения друг друга, и вторичной, относительно какого-то предмета. С точки зрения когнитивного подхода, такое взаимодействие описывается как семантическое сопряжение – процесс, с помощью которого каждый из наблюдателей рассчитывает соответствующее состояние на основе информации, исходящей от другого. «Понятие информации имеет силу только в дескриптивной области как выражение когнитивной неопределённости наблюдателя» [11, p. 322]. Таким образом, лингвистическое взаимодействие сводится к процедуре структурного сопряжения. «В этом контексте поверхностная синтаксическая структура, или грамматика естественного языка может быть описанием закономерностей в объединении элементов, в согласованном объединении. … Поверхностный синтаксис может быть любым, потому что его детерминация является зависящей от истории структурного сопряжения. … Универсальная грамматика, как набор правил общих для всех человеческих языков, может основываться только на универсальности процесса рекурсивного структурного сопряжения» [12, p. 52].

Автопоэтическое видение языка не сводится к кодированию с помощью символов, обеспечивающих процесс взаимодействия коммуникантов. Освобождая взаимодействие от необходимости прибегать к лексической ссылке и следовать должному грамматическому образцу, автопоэтическая модель неявно разрешает все способы невербального означивания. Соединяя лингвистическое взаимодействие со структурным сопряжением, контекст определения значения объединяется с контекстом взаимодействия. Это, в свою очередь, объединяет два смысла контекста: контекст как решающий фактор описания лингвистического значения и контекст как ситуационный фон. Данный факт предоставляет автопоэтической теории основание для обращения с зависимыми от контекста аспектами текущих взаимодействий [2].

Ф. Варела связывает понятие автопоэзиса с организационной закрытостью системы [1]. Такая ситуация в частности проявляется в том случае, когда наблюдатель не в состоянии шагнуть за пределы целостности, чтобы определить ее границы и, соответственно, окружающую среду, однако он всегда связан с функционированием целостности в качестве одной из определяющих ее составных частей. В таких случаях, под которые попадает большинство автономных социальных систем, характерными являются процессы, при которых уже само описание системы изменяет ее. На каждой стадии наблюдатель взаимодействует с системой, осознавая нечто, что приводит к модификации его связей с данной системой. Собственно говоря, это - не что иное, как герменевтический круг актов интерпретации, на котором основывается вся человеческая деятельность [1].

Как и в случае автопоэзиса, организационная закрытость создает единицу целостности, которая специфицирует феноменологическую область. Таким образом, с каждым классом замкнутости ассоциирована определенная область. И всякий раз, когда подобная феноменология обретает определенное многообразие и значимость, соответствующее наименование дается как явлениям, так и типу замкнутости; так происходит в случае автопоэзиса и биологической феноменологии. Другими примерами служат закрытость языковых взаимодействий и феноменология общения. Очевидным является то, что, как только благодаря замкнутости возникает некая единица целостности, она тут же специфицирует область, с которой она может взаимодействовать без потери собственной идентичности. Такая область является областью дескриптивных взаимодействий, соотносящихся с окружающей средой так, как это видится с позиции наблюдателя, т.е. является когнитивной областью для данной единицы целостности. Механизмы индивидуализации (identity) и когнитивная область являются взаимосвязанными понятиями, группирующимися вокруг способа определенной организации путем замкнутости в данной области [1].

Дальнейшее развитие автопоэзиса содержится в работах немецкого ученого Никласа Лумана. С точки зрения Н. Лумана, «аутопойесис – это такая организация, которая является своим “собственным состоянием”, то есть таким производительным взаимодействием компонентов системы, результатом которого становятся именно эти компоненты». Набор явлений автопоэзиса чрезвычайно широк: кирпичный завод выпускает кирпичи, из которых он сам и строится; организм (органы и клетки), произведенный в результате взаимодействия органов и клеток; язык как особая система, позволяющая говорить о языке, то есть о самой себе, и – через язык – решать вопрос о том, что надо говорить, какие слова произносить. Функцией такого удвоения или раздвоения (дифференциации) – всегда является воспроизводство целостности, порождающей ее элементы [5].

Время и комплексность

Согласно Н. Луману, время является основой необходимости отбора в комплексных системах. Время есть символ того, что если происходит нечто определенное, то всегда совершается и нечто иное, так что ни одна отдельная операция не может когда-либо приобрести полный контроль над своими условиями [5, с. 76]. Время представляет собой результат темпорализации комплексности. Темпорализация комплексности осуществляется посредством темпорализации элементов системы. Система образуется из нестабильных элементов, существующих лишь кратковременно. Стабильная система состоит из нестабильных элементов, ее стабильность кроется в ней самой, а не в ее элементах, в этом смысле время является автопоэтической системой [5, с. 83].

Стратегия фиксации и развертывания своей нестабильности есть стратегия развертывания смысла. Смысл, таким образом, есть текущая актуализация возможностей, которая представляет собой временное измерение, или время. Время для смысловых

систем является категорией интерпретации реальности в отношении различия прошлого, настоящего и будущего. Через презентацию времени и его вокабуляра в самореферентно-смысловую организацию социальных систем водится информация, что существуют необратимости и встречная самоотнесенность. При этом метафорика и аналитика времени достаточно открыты и пластичны, чтобы в ходе общественного развития быть в состоянии приспособиться к более высокой комплексности [5, с. 122].

Так, можно наблюдать состояние высокой комплексности в системе метафорических концептов времени, репрезентируемых в английском языке такими выражениями, как:

Time is money (время – это деньги);

Buy time («покупать время», возможность за плату выступить по радио или телевидению);

Do (serve) time (отбывать тюремное заключение, отсиживать срок);

Gain time (выиграть время);

Have a fine time (хорошо провести время, веселиться);

Kill time (убивать время);

Lose time (терять время);

You're wasting my time (ты попусту тратишь мое время);

This gadget will save your hours (это устройство сэкономит тебе много времени);

I don't have the time to give you (у меня нет времени для тебя);

You are running out of time (твое время истекает);

He is living on borrowed time (он живет взаймы);

Thank you for your time (спасибо за потраченное время) и др. [10].

Время, как отмечает Дж. Лакофф, это культурная ценность. Это ограниченный ресурс, который мы используем для достижения своих целей. В западной культуре метафора «время – деньги» выступает во многих формах: как единица оплаты телефонных сообщений, почасовое жалованье, плата за гостиничные номера, годовой бюджет, проценты по займам, выполнение общественных обязанностей, измеряемое потраченным на них временем. Данная практика появилась в современном обществе и структурирует повседневную деятельность человека. Поскольку в нашей деятельности мы исходим из представления о времени как о ценности, сопоставимой с ограниченным ресурсом и даже деньгами, то мы и воспринимаем время таким образом. Мы понимаем и ощущаем время как сущность, которая может быть потрачена впустую или с пользой, изложена мудро или бесполезно, как сущность, которую можно сохранить или растратить [4, с. 30].

Время как культурная ценность находит отражение в таких метафорических номинациях английского языка, как:

Time and tide wait for no man (время, приливы и отливы никого не ждут // время не ждет никого), где время концептуализируется как поток, река, уносящая все своим течением;

Time is a great healer (время – великий исцелитель //с течением времени всякое горе забывается, и человек привыкает к новым обстоятельствам), время концептуализируется через признак утешения, облегчения боли, муки, забвения, стирания из памяти;

Time tames the strongest grief (время лучший лекарь), концептуальный признак – утешения, облегчения боли, муки, забвения, стирания из памяти;

Time works wonders (время творит чудеса // время лечит), концептуальный признак – утешения, облегчения боли, муки, забвения, стирания из памяти; время преобразует мир;

All in good time (все в свое время // не следует торопить события и проявлять ненужное нетерпение), концептуализируется признак необратимости времени и покорности перед ним (всему свое время; всякому овощу свое время; придет время, прорастет и семя).

There is no time like the present (никакое время не сравнится с настоящим // все надо делать немедленно, не откладывая на будущее), концептуальный признак, лежащий в основе метафоры – признание наличного существования только настоящего, отрицание прошлого и будущего как эфемерного времени (не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня; куй железо, пока горячо; у завтра нет конца). С точки зрения автопоэтической самореференции события или структуры социальных систем бывают всегда лишь в настоящем, они пронизывают время лишь во временном горизонте настоящего, которое интегрирует настоящее и будущее с настоящим прошлым.

Never put off till tomorrow what you can do today (не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня), концептуальный признак – существует только настоящее. Отрезок времени, в котором происходит становление необратимости изменения, познается как настоящее. Настоящее длится столько же, сколько и становление необратимости.

Time flies (время летит), концептуальный признак – скорость изменения и др. [10].

Время как концепт в культуре английского языка структурируется следующими признаками:

а) пространственными (деменсиональными). Время мыслится в координатах: «верх» - time is up; it is high time;

«вокруг», «между», «перед», «за», «в» - about time, between times, in time, on time, behind time, once upon time;

б) движения и скорости: time flies, in jig time, in no time, one's time has come, the time is ripe;

в) количества: ten times, time and again, all the time, at all times, at one time, for the N's time, nine times out of ten, one time and another, times out of number, размера: the big time;

г) жизнь человека: have the time of one's life, live on borrowed time;

д) манипуляции и различные операции, совершаемые в социуме:

Beat somebody's time, bide one's time, buy time, do time, fill in time, gain time, give somebody a hard time, have all the time of the world, kill time, knock

somebody out of time, lose time, make a time over somebody, mark time, needle time;

е) ценности: at the best of times, give somebody a hard time, have a fine (big, good, high) time, have a rough time, in good time, lost time is never found, и др.

Выделенные признаки концепта времени группируются по линии трех основных координат – предметное (деменсиальные признаки), временное и социальное. Различимость предметного, временного и социального измерений и масштаб их дифференциации относительно друга друга являются результатом социокультурной эволюции, т. е. меняются вместе с общественной структурой. Соответственно, разъединение данных признаков есть предпосылка семантической комплексности, лежащей в основе двойной контенгентности концепта.

Время есть не только мера движения или простая хронология, время есть асимметризация самореференции в отношении порядка актов отбора [5, с. 179], и в языке оно овременяет двойную контенгентность коммуникативного действия с самореференциями, в нем протекающими. Время есть смысловое измерение со множеством переменных (например, необратимостью, темпом, скоростью, ограниченностью).

Можно утверждать, что система языка использует масштаб времени для решения проблем собственной смысловой комплексности. Темпорализация смысловой комплексности является приспособлением языка к необратимости во времени (посредством конституирования своих элементов). Темпорализация комплексности ведет к избирательному порядку соединения элементов во временной последовательности. Абстракция структур обеспечивает, а темпорализация элементов требует постоянного изменения модели отношений. Действие не просто остается информацией, событие не остается просто событием. Они изначально ориентированы на присоединение чего-то иного. С хронологической точки зрения каждый элемент имеет определенную продолжительность во времени, однако длительность, в которой он рассматривается как далее неразложимое единство, определяется самой системой, имеет привнесенный, а не бытийный характер. Стабильная система состоит из нестабильных элементов; ее стабильность кроется в ней самой, и в этом смысле темпорализация является результатом существующей автопоэтической системы.

Литература

1. Варела, Ф. Автономность и аутопоэз: [пер. С. Цоколова] [Электронный ресурс] / Ф. Варела. – Режим доступа: http://synergetic.ru/autopoiesis/-avtonomnost-iautopoez.html.

2. Витакер, Р. Обзор основных понятий автопоэзиса: [пер. Р. В. Червоткина] [Электронный ресурс] / Р. Витакер. – Режим доступа: http.://synergetic.ru/autopoiesis/obzor.html.

3. Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Том 1. Феноменология внутреннего сознания времени [Текст] / Э. Гуссерль. – М.: Гнозис, 1994. – 163 с.

4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

5. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории: [пер. с нем. И. Д. Газиева] [Текст] / Н. Луман. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 643 с.

6. Матурана, У. Древо познания: [пер. с англ. Ю. А. Данилова] [Текст] / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.

7. Москалев, И. Е. Концепция автопоэзиса в современном научном познании [Текст]: автореф. дис. … канд. филос. наук / И. Е. Москалев. – М., 2002. – 35 с.

8. Aristotle. The Complete Works of Aristotle. Vol.1. Physics [Text] / Aristotle. – Princeton: Princeton University Press, 1984. – 446 p.

9. Lakoff, G. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – NY: Basic Books, 1999. – 624 p.

10. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second Edition [Text]. – London: Macmillan Publishers Ltd, 2007. – 1750 p.

11. Maturana, Humberto R. The Organization of the Living: A Theory of the Living Organization [Text] / H. R. Maturana // International Journal of Man-Machine Studies. – Vol. 7 (1975). – P. 313 – 332.

12. Maturana, Humberto R. The Biology of Language [text] / H.R. Maturana // The Biology and Psychology of Language and Thought . – NY: Plenum Press, 1978. – P. 27 – 63.

13. Ricoeur, P. Time and Narrative [text] / P. Ricoeur. – Chicago: The University of Chicago Press, 1990. – 355 p.

14. Varela, Francisco J. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience [Text] / F. J. Varela, E. Thompson, E. Rosch. – Cambridge: MA MIT Press, 1991. – 309 p.

УДК 811.161.1’27

ФАКТОР АДРЕСАТА В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ «КНИГА ОТЗЫВОВ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ»

Т. В. Шуматова

FACTOR OF THE ADDRESSEE IN THE SPEECH GENRE "OPINIONS AND PROPOSALS BOOK"

T. V. Shumatova

В статье рассматривается образ адресата в жанре естественной письменной русской речи «Книга отзывов и предложений». Осуществляется классификация образа адресата по способу взаимодействия коммуни-

кантов; по характеру эксплицированности / неэксплицированности образа адресата; по типу отношений адресанта и адресата; по статусному параметру.

In article the image of the addressee in a genre of natural written Russian speech to "Opinions and proposals book" is considered. Classification of an image of the addressee by a way of interaction is carried out; on character expressiveness / not the expressiveness; as relations; on status parameter.

***Ключевые слова**:* естественная письменная речь, жанр, жанрообразующие признаки, образ адресата .

Keywords: Natural written speech, genre, signs forming a genre, the image of the addressee.

Интерес к личностным и социальным сторонам деятельности говорящего и слушающего активизировал антропоцентрический подход к языку. Этот подход объединил направления исследования – коммуникативное и прагматическое, – для которых общим явилось рассмотрение текста в его отношении к участникам коммуникации.

Объектом исследования в данной статье является речевой жанр «Книга отзывов и предложений» (далее – КОП**)**, который имеет ярко выраженную прагматическую направленность, следовательно, существенную роль в формировании исследуемого жанра речи играет фактор адресата. Рассматриваемый речевой жанр функционирует на границах естественной письменной речи (далее – ЕПР) и официально-деловой письменной речи. Термин «естественная письменная русская речь» был предложен Н. Б. Лебедевой для номинации естественной речи в письменной форме [4]. Все записи, имеющие такие признаки, как «письменная форма, спонтанность и непрофессиональность исполнения, неофициальность (повседневность) сферы бытования, отсутствие промежуточных лиц и инстанций между текстом, написанным самим автором, и читателем», исследователь предлагает называть естественной письменной речью.

В русле данного направления изучения разновидностей речи жанр – это языко-речевая единица, состоящая из комплекса жанрово-релевантных (т. е. жанрообразующих и частотных нежанрообразующих) признаков, в число которых входят функционально-целевой признак и, как правило, материальные (субстанциональные) признаки, в том числе – субстрат (Н. Б. Лебедева). В зависимости от объема и сложности интеракции исследователи дифференцируют разные типы речевых жанров (РЖ). Так, например, М. Ю. Федосюк предлагает различать «элементарные» и «комплексные» жанры [8, с. 104].

К. Ф. Седов, кроме собственно речевых жанров, выделяет субжанры (минимальные единицы, равные одному речевому акту, например колкость), гипержанры (речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров, например застолье) и жанроиды (переходные формы, сочетающие в себе элементы нескольких жанров, например жанроид ссоры и семейной беседы) [5, с. 145].

Мы в нашей работе придерживаемся классификации РЖ в зависимости от сложности и объема взаимодействия, предложенной М. Ю. Федосюк. Итак, КОП – сложный речевой жанр, реализуемый в простых жанрах жалобы, отзыва, предложения и благодарности. КОП функционирует на границе экстралингвистической и собственно лингвистической сфер, основная функция его – контролировать и регулировать взаимодействие субъектов в сфере услуг и торговли, в качестве субстрата КОП выступают сброшюрованные и пронумерованные листы бумаги.

В качестве предмета изучения рассматривается адресат КОП как жанрообразующий фактор для данной разновидности письменной речи.

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении адресата как фактора, влияющего на формирование текстов РЖ Книга отзывов и предложений, и осуществляется посредством решения следующих задач: выявление коммуникативных ролей субъектов в денотативной структуре ситуации взаимодействия в сфере обслуживания, установление адресата КОП, комплексное описание адресата текстов КОП, составление типологии адресатов исследуемого жанра речи.

Материалом исследования послужили тексты КОП, адресатами которых являются лица, предоставляющие бытовые, товарно-денежные, банковские, юридические, транспортные, интеллектуальные, духовные и другие услуги.

Сбор материала осуществлялся автором с 2006 по 2011 годы. Корпус текстов, подвергнутых изучению, составляет 281 «Книгу отзывов и предложений», где представлено 3275 текстов, квалифицируемых как простые РЖ – жалоба, отзыв, благодарность и предложение.

Коммуникативная ситуация, возникающая между потребителем и лицами, предоставляющими услуги, может быть представлена в виде следующей схемы.

В данной схеме отмечены три стороны взаимодействия в сфере услуг: клиент-потребитель, лица, предоставляющие услуги, надзорные инстанции. В число клиентов-потребителей входят все лица, которые покупают те или иные услуги и товары. Обобщающим словосочетанием «лица, предоставляющие услуги» мы обозначили лиц, которые продают услуги и товары (материальные, интеллектуальные, духовные). К числу лиц, предоставляющих услуги, мы отнесли:

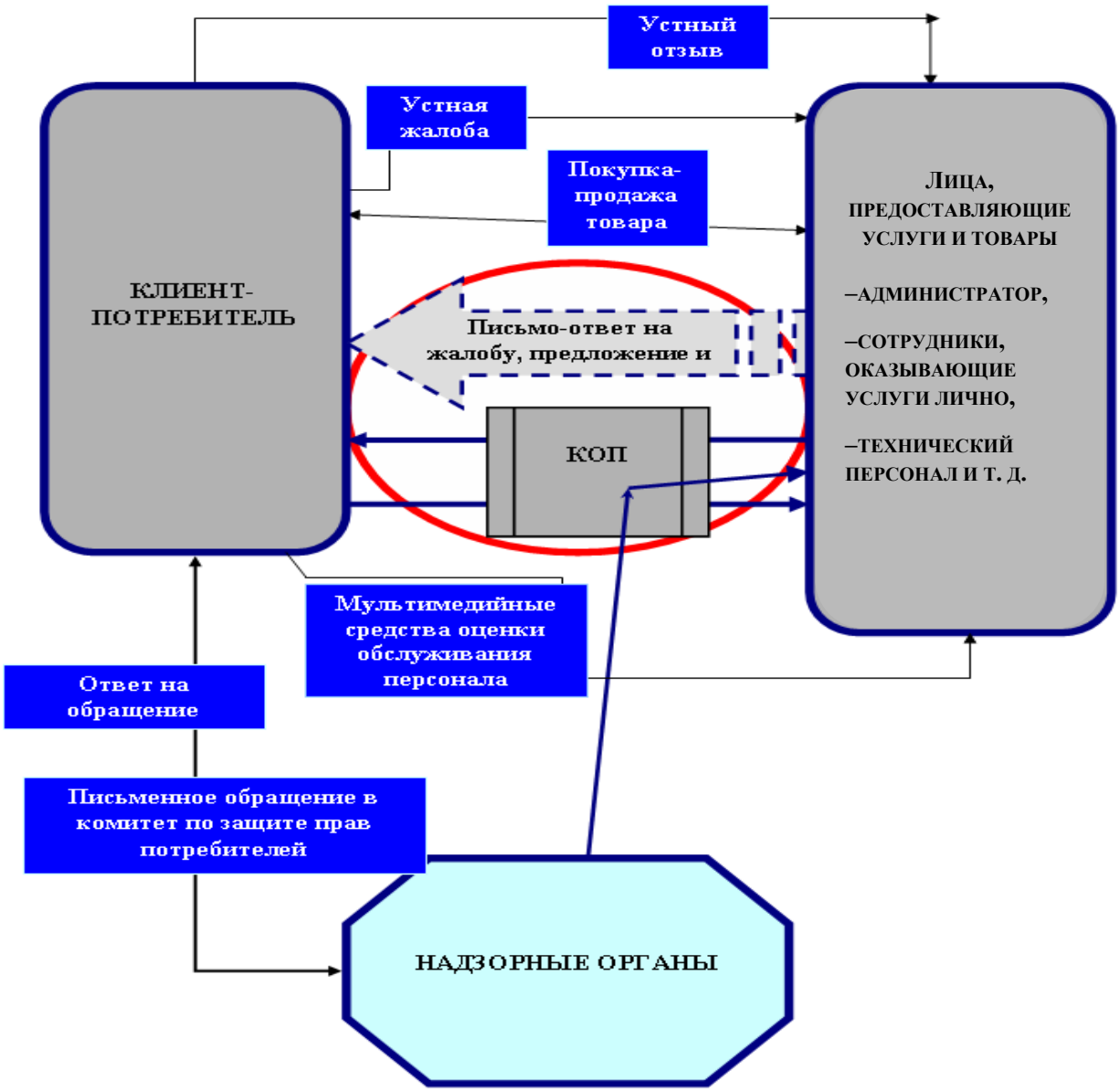
a) руководителей, директоров организаций (на схеме они номинированы обобщающим словом «администратор»),

b) продавцов, парикмахеров, врачей, художников, актеров (они в схеме названы «сотрудниками, оказывающими услуги лично»),

c) грузчиков, охранников и других лиц, которые прямо не связаны со сферой обслуживания населения, в той или иной сервисной сфере они выполня-

ют вспомогательные функции (на схеме данная группа лиц обозначена как технический персонал).

Схема 1. Денотативная структура ситуации взаимодействия потребитель-клиент / администратор (лицо, предоставляющее услуги) / надзорные органы



К надзорным инстанциям относятся организации, которые контролируют и регулируют качество оказываемых администратором услуг.

Взаимодействие между клиентом и лицами, предоставляющими услуги, начинается в момент приобретения потребителем услуги или товара. На вербальном уровне ситуация покупки товара или услуги выражается в нескольких формах: устной, письменной, мультимедийной. Клиент, совершая покупку, вступает в устную коммуникацию с администратором, клиент в устной форме может выразить благодарность администратору за оказанную услугу или же каким-либо образом отозваться о качестве обслуживания и т. д. В свою очередь, администратор также вступает с клиентом в устную коммуникацию. Современное общество высокотехнологично, данный факт находит свое отражение в мультимедийных средствах общения клиента и администратора (например, кнопочные аппараты в сфере банковского обслуживания). Письменное взаимодействие в сфере услуг традиционно осуществляется следующими способами:

– письма в надзорные инстанции (автором является клиент),

– письма-рекомендации (запросы) лицам, предоставляющим услуги (автор – надзорная инстанция),

– письма-ответы на жалобы клиентов (автор – администратор, в том случае, если ответ осуществляется на запись в КОП; автор – надзорная инстанция, если ответная реакция вызвана письмом клиента),

– КОП (авторами текстов КОП могут быть две категории лиц: клиенты-потребители и представители надзорных инстанций).

Объектом нашего исследования является письменное взаимодействие клиента-потребителя и администратора, на схеме оно обозначено красным овалом. Отметим, что КОП представляет собой диалоговую структуру: на каждую запись клиента должен последовать ответ администратора, он осуществляется в двух формах – в виде отчета администратора по жалобе или предложению и в форме письма, которое отправляется на имя заявителя-клиента администратором. В данной статье мы рассматриваем речевой диалог клиента и администратора, который непосредственно отражен на страницах КОП. Представим стандартный разворот КОП:

ФИО заявителя…… Адрес заявителя……. Меры, принятые по заявлению администрацией предприятия …… …… …… …… Подпись руководителя предприятия Дата «…»……..…. 2000…г. Ответ заявителю послан «…»…….200…г. Для отметок представителя (ей) торговой организации……... …… Дата «…»……200…г. Должность…… Подпись……	«…»……20…г. ЗАЯВЛЕНИЕ №….. …… …… …… …… …… …… …… …… …… …… …… …… …… …… ……
1	2

В настоящей статье предметом исследования является адресованность текстов, которые представляют собой заявления клиентов-потребителей, на представленном выше шаблоне страницы КОП – это тексты, расположенные на странице 2. Именно адресаты жалоб, предложений, благодарностей и т. д. клиентов рассматриваются как адресаты КОП в целом. Отчеты администраторов по заявлениям расположены на шаблоне на странице 1, фактор адресата этих РЖ в данной статье нами не рассматривается.

Характеристику адресата КОП мы производим по следующим параметрам: по способу взаимодействия коммуникантов; по характеру эксплицированности / неэксплицированности адресата; по типу отношений, складывающихся между коммуникантами; по статусному параметру. Выбор данных параметров описания образа адресата обусловлен лингвистическими особенностями исследуемого РЖ, названные выше параметры находят лингвистическое выражение в текстах КОП.

1. ***Описание образа адресата по способу взаимодействия коммуникантов***

Анализ образа адресата КОП проводится с учетом разных типов связи, возникающих между коммуникантами [6, 7].

В зависимости от вида контакта взаимодействие коммуникантов может быть открытым и скрытым [2, с. 12 – 22]. Открытый вид коммуникации характеризуется общедоступностью текста, ориентированностью на определенного адресата является чертой закрытого вида коммуникации.

В качестве адресата понимается лицо, к которому обращаются в тексте, понятие «адресат» не вполне тождественен понятию «читатель», так как адресат – это избранный читатель» [4, с. 8].

Адресатом КОП являются лица, предоставляющие услуги, но КОП имеет «потенциальных читателей», так как прочитать тексты Книги отзывов и предложений могут другие авторы, а также представители надзорных организаций.

Тексты КОП характеризуются нами как адресно-ориентированные, но в то же время любая запись, функционирующая в структуре исследуемого РЖ, доступна для прочтения не только тем, кому она была адресована, но и, в частности, другим клиентам, которые также захотят оставить свою запись. Следовательно, коммуникация в КОПе может характеризоваться как полуоткрытый тип. Проиллюстрируем данное утверждение примерами. Все записи из КОП приведены с сохранением авторской грамматики, орфографии и пунктуации.

Уважаемые продавцы, моя просьба состоит в том, что у товаров, расположенных на нижних стеллажах, ценника практически не видно. Примите какие-нибудь меры.

Данный текст КОП квалифицируется нами как РЖ «просьба», так как интенция автора связана с вежливым побуждением адресата к действиям, которые кажутся автору необходимыми для автора.

В качестве адресата приведенной выше просьбы выступают *продавцы*, они являются «избранными читателями», но данная просьба обязательно будет прочитана руководителем магазина при проверке КОП, т. е. руководитель является потенциальным читателем, кроме того, другие авторы текстов КОП могут прочесть рассматриваемую просьбу, также эта просьба может быть прочитана специалистами, осуществляющими контроль торговой деятельности данного магазина, контроль работы с потребителями и т. д. Наличие потенциальных читателей характеризует КОП как коммуникацию открытого вида.

Исследованный материал КОП позволяет говорить о двух типах адресата КОП: администратор (57 %) и сотрудник, предоставляющий услугу непосредственно (41 %). Рассмотрим пример, в котором адресатом является администратор.

Уважаемый Директор!

Прошу уделить особое внимание вашим сотрудникам (Щербина Елена и Алена Владимировна) желательно в виде премии за особо интеллигентное отношение к клиентам.

Побольше Вам
таких сотрудников
(с большой буквы сотрудников)
!!!

Адресатом приведенного текста является директор (в нашей схеме обобщенно названный администратором), но прочитают текст и сами сотрудники магазина, которые стали предметом просьбы (ее темой), другие авторы КОП, члены контролирующих инстанций, другие покупатели.

В некоторых случаях в тексте КОП встречается смена адресата, что является проявлением признака естественности данного типа письменной речи. Приведем пример:

Охранники Никитин и Авронин очень грубые, Вы человеки! гнать Вас надо…

Адресатом первого предложения является администратор, поскольку информация об охранниках выступает в виде темы, во втором же предложении адресатами становятся сами охранники, в адрес которых автор высказывает свое возмущение.

В Книгах отзывов и предложений только 2 % корпуса текстов имеют адресатов, представляющих технический персонал. Деятельность данных лиц не связана с видом услуги, оказываемой той или иной организацией, такие записи встречаются в КОП банков, магазинов, театров. В качестве самостоятельных адресатов технический персонал мы не рассматриваем, так как в таких текстах всегда наблюдается смена адресата. Автор, обращаясь к данным лицам, выражает степень своего возмущения, которое он в письменной форме демонстрирует администратору, который и является конечным адресатом таких текстов.

2. ***Описание адресата с учетом его эксплицированности/ неэксплицированности в текстах КОП***

Нужно отметить, что администратор, выполняя руководящие функции, несет ответственность за организацию деятельности по оказанию услуг, он обязан регулировать поведение сотрудников. Данные социальные функции администратора предполагают, что конечным адресатом КОП всегда является администратор, но он может быть не эксплицирован языковыми средствами. Наблюдения над текстами КОП показали, что когда в качестве адресата выступает сотрудник, образ администратора имплицитен. Приведем пример, в котором также имеется смена адресата: в первой части текста имплицитным адресатом является администратор, во второй части – эксплицитно выражены имена адресатов-сотрудников – объектов благодарности.

Выражаю глубокую благодарность врачу-невропатологу Н. В. Сайгутиной и медсестре О. В. Молотиловой за внимательное и чуткое отношение. Спасибо Вам за ваш нелегкий и благородный труд.

С уважением Тарунова

В данном примере автор записи оценивает услуги, качество которых в первую очередь зависят именно от сотрудника. Заметим, что профессиональные качества сотрудников и их доброжелательное отношение к клиентам – наиболее частотная тема в КОП (71 %).

Адресат-администратор чаще всего (87%) эксплицирован в тех случаях, когда предметом обращения потребителя к организатору является качество услуги, оказываемой исполнителем недолжным образом, когда сотрудники уже не рассматриваются как адресаты, а становятся «темой» сообщения.

(1) ***Господа руководители****!!! Просим обратить внимание на скорость выполнения заказов, приходится долго ждать. А к качеству продукции претензий не имеем. Все очень вкусно!!! Надеемся вы примите меры…*

(2) Я, покупатель Проценко Раиса Ануреевна, в десятом часу вечера покупала пачку сигарет «Максим». Мне ***продавец не додала сдачу*** *0.20 коп, а сказала, что пачка стоит 11 руб. 50коп. при повторном моем спросе* ***кинула мне*** *0.20 коп и* ***грубила мне****.*

Проценко

В тексте (1) адресат-администратор эксплицирован, данный текст рассматривается нами как РЖ «просьба» (интенция – в вежливой форме призвать адресата к принятию мер). Автором указываются аспекты, снижающие положительную оценку деятельности сферы услуг. Следуя стилю официального общения, адресант обращается к адресату на Вы, указывает статусные характеристики последнего, кроме того, автор использует конструкции *обратите внимание, примите меры*, которые могут быть расценены как в вежливой форме выраженные рекомендации, которые ослабляют императивный эффект высказывания в целом. Данный текст эмоционально насыщен за счет паравербальных элементов, использование которых также нацелено на достижение прагматических целей.

В тексте (2) адресат-руководитель имплицирован, текст квалифицирован нами как РЖ «жалоба»: автор информирует адресата-администратора о том, что конкретный сотрудник нарушил ее потребительское право, вел себя неподобающим образом. В дан-

ном тексте императивная цель выражена имплицитно, автор детально описывает ситуацию, использует глагольные лексемы, отрицательно характеризующие сотрудника (*не додала сдачу, кинула мне, грубила мне*). Для автора адресат – это лицо, которое заинтересовано в сохранении и увеличении клиентуры, а событие, описываемое автором, расценивается им как препятствующее достижению этой цели. Имплицированный адресат-руководитель встречается в 13 % высказываний, в которых оценивается качество услуги как ненормативное.

Предметом жалоб, отзывов, предложений в КОП, кроме характеристик сотрудников, их деятельности и поведения, являются товары и услуги, предоставляемые потребителю (9 %), особенности организации пространства, в котором протекает взаимодействие субъектов сферы услуг (6 %), комплекс элементов, составляющих сферу услуг (4 %). Тексты, содержащие эти темы, всегда адресованы руководителю, в 13 % случаев он имплицирован. Приведем примеры:

(1) ***Битую посуду*** *уберите, наконец. Не позорьтесь!*

(2) У вас в магазине очень ***некачественные телефоны****! Проработал неделю! Ужасно!!!*

(3) Сегодня посетила Ваш магазин. Очень понравилось. Светлые, уютные залы. Большой ассортимент товаров. Грамотное, высококвалифицированное обслуживание продавцов.

Теперь я ваш постоянный покупатель. Спасибо! Вы супер!!!

В примерах (1) и (2) тема текстов связана с качеством товаров, которые предлагаются потребителю, в (3) примере автор оценивает комплекс элементов сферы обслуживания. Тексты обращены администратору, который в тексте имплицирован. Обращается автор к адресату на Вы, соблюдая нормы официального общения, но все три примера представляют собой разновидности естественной письменной речи. В (1) тексте автор использует вводную конструкцию, которая носит разговорный характер. Второе предложение также содержит разговорные элементы. В примере (2) элементы ЕПР присутствуют во 2 и 3 предложении: 2 предложение неполное (отсутствует подлежащее), в 3 предложении автор выражает свое отношение к ситуации, используя лексему *ужасно*, которая является стилистически окрашенной. В примере (3) автором для оценки деятельности адресата используется конструкция *Вы супер*, которая содержит разговорные элементы. В целом текст эмоционально насыщен, содержит паравербальные элементы.

Основная цель администратора сферы услуг – продать услугу или товар, расширить клиентскую базу, поэтому он заинтересован в качестве оказываемых услуг и товаров. Потребитель, пишущий в КОП, осознает это, поэтому имплицитно адресат-администратор присутствует практически во всех записях КОП.

Остановимся на особых случаях, когда адресат-администратор не подразумевается автором вообще (9 % всех КОП). В данном случае мы подсчитывали именно количество книг, так как 93 % записей в них адресованы только сотруднику, оказывающему услугу непосредственно, данные КОП имеют определенную ограниченную сферу функционирования – это КОП театров и музеев. В данных Книгах отзывов и предложений адресат-администратор встречается, если темой или адресатом (при дальнейшей его смене) является технический персонал. Приведем пример записи КОП, в которой отсутствует адресат-администратор:

Какой потрясающий художник Булгов. Смотрю на эти картины и просто поражаюсь на сколько иногда талантливы люди. Спасибо художнику за полет фантазии и откровение души.

Темой приведенного текста (объектом коммуникации) является художник Булгов, сам текст содержит в себе элементы автокоммуникации: автор высказывается о творчестве художника, выражает свое впечатление от картин художника, рассуждает о том, насколько бывают люди талантливы. Хотя текст и не адресован автором администратору, тем не менее он, по всей видимости, рассчитывает на то, что его отзыв будет прочитан организатором (в тайне души автор надеется, что и самим художником) и учтен как одобрение выставок названного художника и его творчества. Учитывая отклики потребителей, администратор корректирует свою деятельность в сфере услуг, поэтому конечным читателем всех записей КОП является администратор. При этом адресат-художник или адресат-актер, хотя и может прочесть отзыв и эмоционально отреагировать на подобные записи потребителей, все же не будет подвергнут каким-либо действиям со стороны администратора.

Таким образом, можно говорить о двух вариантах адресата КОП в зависимости от сферы функционирования Книг: КОП, функционирующих в сфере предоставления материальных услуг, и КОП, функционирующих в сфере предоставления духовных услуг.

Адресат-администратор представляет собой обобщенный образ, в одной и той же КОП для его номинации могут быть использованы как существительные множественного числа (господа руководители) в 3 % случаев, так и единственного числа (директор) в 4 % случаев, подавляющее же число записей содержат лишь обращения на «вы». Использование авторами указанных вариантов обращения к администратору можно квалифицировать как следование нормам официального общения. В подавляющем количестве случаев (94 % текстов КОП) авторы обращаются к незнакомым им людям, при этом авторы не знают, сколько человек является организаторами учреждения, поэтому адресанты обобщенно обращаются к организатору (-ам) в соответствии со своими представлениями о них.

Адресат-сотрудник чаще всего является единичным (58,5 %), хотя может быть и коллективным адресатом (41,5 %), при этом 20,5 % записей содержат существительные, обобщенно обозначающие исполнителей (персонал, сотрудники), а 20 % – по-

фамильное или поименное перечисление адресатов. Приведем примеры единичного адресата в РЖ КОП:

(1) Милая Лиана Николаевна! Поздравляю вас с новым годом. Спасибо, что вы хорошо и професионально относитесь к пациентам. Я всегда благодарна.

Приведем примеры коллективного адресата КОП:

(2) Уважаемые сотрудники парикмахерской «Анита» у вас очень плохая красящая смесь. Что теперь прикажете мне делать с цветом волос. Вашу работу теперь не закрасишь не убьешь! Жуть!!!

(3) Саша и Оксана очень вкусно готовите! Денег вам побольше! Николаев

Между автором и адресатом-руководителем до момента написания реплики в КОП взаимодействия не было, в то время как адресат-сотрудник до любой записи в КОП всегда напрямую общаются с автором, именно этот фактор влияет на формирование обобщенного образа адресата-руководителя, а так же на тип отношений, складывающийся между автором и адресатом-исполнителем.

Перейдем к рассмотрению следующего параметра.

3. Описание образа адресата по типу отношений и статусному параметру

Отношения между автором и адресатом строятся, исходя из оппозиции «близкий / далекий». Близкий адресат для автора – это друг, подруга, родители, близкие родственники и проч. [6].

Для выявления сущности корреляций «близкий / далекий» может быть использовано понятие личной сферы говорящего. По мнению Ю. Д. Апресяна, личную сферу говорящего образуют «сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально» [1, с. 37 – 67].

Близкий адресат не представлен в исследуемом речевом жанре. Образ далекого адресата встречается в 83 % записей, в 57 % случаев адресат и адресант не знают друг друга (случаи обращения к руководителю), но можно назвать случаи (9 %), когда адресат-сотрудник находится в промежуточной зоне между «близким и далеким». Проиллюстрируем это примерами:

(1) Прекрасное обслуживание кассира Галины! Просто красавица, прелесть! Быстрота, внимание, такт и обояние – всегда!!! Умничка-девочка!

(2) Мы выражаем огромную благодарность санитарке Людмилке! Такая заботливая прям как дочка! спасибо…

В приведенных примерах адресат находится в промежуточной зоне между «близким и далеким». Из приведенных примеров видно, что адресат благодарности как бы входит в зону близкого окружения адресанта (использование имен существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами для характеристики адресата), но тем не менее сохраняет и признаки дальнего адресата (указывая на профессиональную принадлежность адресата-сотрудника, автор осознает, что действия адресата продиктованы не только его личностными качествами, но и его обязанностями как сотрудника сферы обслуживания.

Для коммуникативной ситуации, в рамках которой реализуется речевой жанр КОП, характерна асимметричность коммуникативных ролей партнеров по общению, то есть разное положение участников коммуникации по отношению к тексту. Сфера предоставления услуг и реализации товаров регламентирована условиями делового общения, каждый участник деловой коммуникации имеет свой социальный статус, соотносимый с правами и обязанностями сторон. КОП представляет собой фактор, регулирующий взаимодействие потребителя и администратора. Клиент приобретает услуги и товары, он заинтересован в качественности приобретаемого. Администратор заинтересован продать услугу (товар), в его интересах сохранить старых клиентов и приобрести новых. Как отмечает Л. П. Крысин, существенным компонентом социальной роли является ожидание, соотносимое с правами и обязанностями индивида, с допустимым коммуникативным поведением в конкретной социальной ситуации [3, с. 43]. Клиент ожидает качественно выполненной услуги, администратор ожидает оценки услуг и товаров клиентами. Поэтому существенным признаком коммуникации клиент – администратор является общение, в русле которого коммуникативная роль клиента в коммуникации выше роли администратора. Нами выделены следующие статусно-ролевые характеристики: администратор, сотрудники сферы услуг, потребитель услуг, пишущий жалобы/отзывы/предложения/благодарности.

Проанализировав материал, мы пришли к выводу: КОП представляет собой речевое образование, где коммуникация осуществляется с учетом официально-деловой сферы общения. Адресант осознает, что адресат для него, в первую очередь, официальное лицо, заинтересованное в продаже услуг и товаров, нацеленное на формирование положительного имиджа его организации как предприятия, соблюдающего права потребителя, нормы официального общения, создающего положительный эмоциональный фон обслуживания. Поэтому официальный образ адресата можно назвать ключевым параметром для развертывания текста адресантом в максимальном его приближении к официально-деловому языку. При этом образ адресата распадается на две группы: адресат-сотрудник, с которым автор до записи в КОП вступает в непосредственный контакт, и адресат-администратор, который мыслится автором обобщенно и который регламентирует деятельность как всей сферы деятельности, в которой функционирует КОП, так и деятельности, осуществляемой исполнителем. При этом администратор всегда является «избранным читателем» КОП, что подразумевается самой функцией рассматриваемого РЖ.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37 – 67.

2. Богин, Г. И. Речевой жанр как средство индивидуации / Г. И. Богин // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1.

3. Крысин, Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих / Л. П. Крысин // Социально-лингвистические исследования. – М., 1976.

4. Лебедева, Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования / Н. Б. Лебедева // Вестник БГПУ: гуманитарные науки. Изд-во БГПУ, 2001. – №1.

5. Седов, К. Ф. Языковая личность и речевые жанры / К. Ф. Седов, И. Н. Горело // Основы психолингвистики. – М., 1998. – С. 145 – 154.

6. Сухотерина, Т. П. «Поздравление» как гипержанр естественной письменной русской речи: автореф. дис. … канд. филол. наук / Т. П. Сухотерина. – Кемерово, 2007.

7. Тюкаева, Н. И. Студенческое граффити как жанр естественной письменной русской речи: автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. И. Тюкаева. – Барнаул, 2005.

8. Федосюк, М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» / М. Ю. Федосюк // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996.

ФИЛОСОФИЯ

УДК902.7(571.17)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАРОДОВ И НАРОДНОСТЕЙ КУЗБАССА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л. Т. Зауэрвайн

NATIONAL AND CULTURAL SELF-IDENYITY OF NATIONS AND NATIONALITIES OF KUZBASS IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

L. T. Zauervine

В статье освещается опыт создания условий для национально-культурной самоидентификации этносов, населяющих Кузбасс в непростых условиях глобализационных процессов. Теоретические выкладки иллюстрируются конкретными примерами мероприятий, направленных на идентификацию и самоидентификацию народов и народностей Кемеровской области.

The experience of creating the conditions for national and cultural self-identity of ethnic groups inhabiting the Kemerovo region in the difficult conditions of globalization processes is the subject of this article. Theoretical material is illustrated by specific examples of activities aimed at the identity of nations and nationalities of Kemerovo region.

Ключевые слова: глобализация, самоидентификация, коммунитаризм, Кузбасс (Кемеровская область)

Keywords: globalization, self-identity, kommunitarism, Kuzbass (Kemerovo region).

Актуальность выбранной темы обусловлена сложностью проблемы самоидентификации малых народов и народностей в условиях глобализации, сущностной основой которой, как известно, является информационная революция. Глобализация оказывает существенное влияние на все сферы социума: политику, экономику, образование, язык, нравственно-духовную сферу, межэтнические и межконфессиональные отношения, которые обретают в этих условиях новые черты. Под глобализацией мы, вслед за В. М. Межуевым, известным российским ученым, понимаем «усиливающуюся взаимозависимость национальных государств и регионов, образующих мировое сообщество, их постепенную интеграцию в единую систему с общими для всех правилами и нормами экономического, политического и культурного поведения» [6, с. 102 – 115].

Как считает М. Делягин, глобализации присущи такие черты, как «разрушение административных барьеров между странами, планетарное объединение региональных финансовых рынков, владение финансовыми потоками, конкуренцией, информацией и технологиями всеобщего мирового характера. Важнейшей чертой глобализации является формирование в масштабах всего мира не просто финансового или информационного рынка, но финансово-информационного пространства, в котором во все большей степени осуществляется не только коммерческая, но и вся деятельность человечества» [9, с. 133 – 134].

Можно выявить несколько наиболее характерных точек зрения на проблему соотношения культуры и глобализации. Большинство авторов сходятся в описании негативных для культуры последствий современной глобализации, среди которых на первом месте стоят унификация культурно-исторических форм на основе базовой модели, стандартизация, беспредельное распространение различных культурных образцов, нивелировка ценностей, утрата символического значения произведений культуры, утрата субъектной идентичности (исторической, национальной, этнической, личностной), подавление индивидуальных творческих способностей, стимулирование распространения массовой культуры. Все эти критические суждения о характере современной культуры сводятся к вредоносному воздействию глобализации. С. Панарин, известный российский философ, считает что глобализацию «определяют как процесс ослабления традиционных территориальных, социокультурных и государственно-

политических барьеров, некогда изолировавших народы друг от друга, но в то же время предохранявших от неупорядоченных внешних воздействий, и системы международного взаимодействия и взаимозависимости» [7, с. 394 – 395]. Но возможно ли, чтобы материальные и информационные процессы произвели столь глубинное содержательное разрушение культуры в самих ее основаниях? С другой стороны, когда перечисляют позитивные моменты влияния глобализации на культуру, ограничиваются лишь функциональными механизмами: расширение возможностей культурного обмена, расширение границ восприятия, активизация образовательного процесса в связи с расширением информационного поля. Получается явное несоответствие этих двух сторон и критериев их оценки. По-видимому, следует отличать существо процессов, происходящих в современной культуре, имеющих свои культурные и социальные корни и собственную историческую логику развития, понимать, что многие черты современной культуры (например, нивелировка ценностей, снижение потенциала творческой самобытности субъекта, симулякризация, стирание идентичностей, разрастание массовой культуры) стали проявляться задолго до того, как начался, так называемый, современный период глобализации, отличать от тех обстоятельств, условий и механизмов функционирования современной культуры, которые лишь усиливают проявление и действие указанных свойств и черт. Заметим, что на сегодняшний день нет общепризнанной концепции глобализации. Да и сам процесс глобализации еще нуждается в серьёзном теоретическом осмыслении и исследовании.

Глобализация в нашем понимании – результат объективного исторического развития. Сама по себе она не является ни позитивным явлением, ни явлением негативного свойства, хотя ещё в 2000 году главы государств и правительств приняли Декларацию ООН, в которой своей главной задачей объявили «обеспечение того, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира» [3, с. 24]. Это комплекс объективных процессов, не зависящих от воли индивидов и наций. «Его можно использовать в интересах человека и всего человечества, если обеспечить уважение культурных и иных различий между людьми, – важнейшую предпосылку для построения мира, опирающегося на равновесие между различными видами исторического опыта» [5, с. 64].

Глобализация культуры, которая происходит параллельно с глобализацией науки, созданием мирового рынка товаров и другими подобными процессами, «болезненно переживается в основном из-за боязни представителей национальных (особенно малых) культур потерять своё лицо, раствориться в «мировом рынке» культуры» [10, с. 47]. Глобализация, первоначально охватывающая, главным образом, экономическую и политическую области, в настоящее время распространилась и на культуру. Современные кинофильмы выходят на экраны одновременно во многих странах мира, книги переводятся и становятся популярными у читателей из разных стран. Повсеместное распространение Интернета играет огромную роль в культурной глобализации. Кроме того, с каждым годом всё большее распространение получает международный туризм. На наш взгляд, сам процесс глобализации, как политической, экономической, так и культурной сфер, нельзя рассматривать только с одной стороны – положительной или отрицательной. Это как палка о двух концах. С одной стороны, глобализация приводит к популяризации отдельных видов национальной культуры по всему миру. С другой – популярные международные культурные явления могут вытеснять национальные признаки или превращать их в интернациональные. Многие расценивают это как утрату национальных культурных ценностей и борются за возрождение национальной культуры. «Глобальный мир, – пишет И. А. Василенко, – необходимо созидать в диалоге цивилизаций как общее пространство многогранной духовности – всегда открытое и вечное, совершенствующееся в процессе понимания другого» [1, с. 18].

Основные направления корректировки культурной политики в России в условиях общественной трансформации связаны, на наш взгляд, с реализацией такой приоритетной по значению функцией культурной политики, как сохранение национальной культурной идентичности; с сопряжением политики в области культуры с человеческим развитием и формированием гражданского общества; усилением гармоничной межкультурной коммуникации в период ускоряющихся общественных перемен, налаживанием диалога культур, развитием индустрии культуры с использованием новых информационно-коммуникационных технологий. «Наше культурное разнообразие, – говорится в Хартии Земли, провозглашенной ООН, – является ценным наследием, и различные культуры найдут свои собственные пути к реализации своего видения устойчивого образа жизни» [14].

Под национально-культурной самоидентификацией в настоящей статье мы понимаем духовно-практическое самоопределение этнических общностей в аспекте осознания и реализации своего культурно-исторического опыта и достояния в общенациональном и мировом социокультурном пространстве, в том числе в аспекте собственного вклада в национальное и мировое культурно-историческое наследие.

Характер современной культурной политики будет отвечать перспективным тенденциям в том случае, если будет усилена ее социальная направленность, достигнут необходимый для изменяющегося общества баланс между традициями и инновациями, поддержано творчество в любом его проявлении, обеспечено использование культурного достояния для осуществления внутринациональных, региональных и субрегиональных процессов. В Декларации тысячелетия Организации Объединённых Наций говорится: «Глобализация может обрести полностью всеохватывающий и справедливый характер лишь через посредство широкомасштабных и настойчивых усилий по формированию обще-

го будущего, основанного на нашей общей принадлежности к роду человеческому во всём его многообразии» [3, с. 24].

Важно, чтобы в развитии страны в целом и каждого региона в отдельности были отражены и реализованы их социокультурные особенности, в том числе на общенациональном, региональном и субрегиональном уровнях. Среди важнейших приоритетов прежде всего следует назвать коммунитаризм как идеологию и практику социального движения за альтернативу «большому обществу» путём создания нового социального порядка, основанного на децентрализованной самоуправляемой, компактной общности свободных граждан. С учётом этого не менее важными приоритетами культурной политики российского государства в современных условиях являются: сохранение культурного наследия как важнейшего фактора национальной идентичности; создание условий для реализации гражданами своего конституционного права в части свободы научного, литературного, художественного, технического и иных видов творчества, а также свободы преподавания; приобщение населения к мировым и национальным ценностям и благам; повышение эффективности регуляции общественных отношений в сфере культуры на основе современных социокультурных технологий (в том числе информационно-телекоммуникативных); непрерывного повышения квалификации, уровня профессионального мастерства работников сферы культуры.

Важнейшими условиями развития перечисленных приоритетных направлений, на наш взгляд, являются:

– развитие социального партнёрства (работодатели, творческие союзы и национальные объединения, образовательные учреждения, частные фирмы и предприятия);

– оптимизация объёмов и структуры бюджетных расходов на поддержку и развитие национальных культур;

– увеличение объёмов привлечённых средств из внебюджетных источников;

– модернизация материальной базы учреждений и организаций культуры;

– переход учреждений культуры на принципы многоканального финансирования, повышение их экономической самостоятельности и ответственности за результаты своей деятельности;

– стимулирование творческой активности общественных объединений и организаций, отдельных граждан в области художественного и литературного творчества, поддержка новых, перспективных направлений в искусстве;

– создание системы мониторинга удовлетворенности населения качеством услуг, оказываемых учреждениями и организациями культуры, включение соответствующих показателей в действующую систему оценки эффективности деятельности исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Развитие социокультурной сферы в современных условиях предполагает использование преимуществ самоорганизационных процессов, "самодостраивания" культуры, которым, ввиду неэффективности принципа жесткого администрирования и строгой иерархии в руководстве, придают значение защитной и одновременно проектной реакции на глобализацию.

Для проведения в современных условиях целенаправленной эффективной культурной политики важно изучать народную культуру, в том числе традиционные промыслы и занятия, фольклор, верования, обычаи и обряды, которые наряду с историческими национальными памятниками являются важными составляющими элементами духовной культуры каждого народа. Любому празднику или обряду присущи определённые ритуальные действия, в них используются специфические виды и жанры искусства, за ними закреплены конкретные произведения народного творчества [11, с. 85]. Сохранение, воспроизводство в новых, современных условиях народной культуры может и должно стать делом не только ученых и специалистов-практиков, но и всех, кому не безразлична судьба своего народа, страны.

Взаимовлияние и взаимообогащение культур разных народов и народностей активно происходит в условиях нашего многонационального государства в целом и его отдельных регионов – в том числе Кузбасса. Кемеровская область относится к регионам с преобладающим русским населением. По численному составу область можно назвать моноэтничной (русские составляют 91,9 %), но в регионе проживают представители более 100 народов и народностей, этнических групп.

Согласно переписи 2002 года, к числу наиболее многочисленных народов и народностей, населяющих Кемеровскую область, относятся: украинцы, татары, немцы, чуваши, армяне. Кроме того, в Кузбассе проживают народы, включенные, согласно Постановлению Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255, в перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, – шорцы и телеуты. Согласно Всероссийской переписи населения 2002 года, их численность составляла около 11550 и 2530 человек соответственно (в связи с проведением Всероссийской переписи 2010 года, когда будут обнародованы её результаты, численность шорцев и телеутов может измениться). Шорцы компактно проживают в Междуреченском, Таштагольском, Новокузнецком районах, а телеуты – в Беловском и Гурьевском районах.

Согласно данным Федеральной регистрационной службы, на территории Кемеровской области, по состоянию на 1 февраля 2010 г., действовали 44 национально-культурных общественных объединения, зарегистрированных в установленном порядке в государственных органах. В этих объединениях участвовали более 15 тысяч граждан – взрослых и детей. Деятельность этих объединений направлена прежде всего на сохранение родного языка, национальной культуры, традиций и обычаев своего народа. При их непосредственном участии проводятся фольклорные экспедиции по изучению истории сво-

его народа, создаются музеи и отдельные экспозиции, ведется лекционно–просветительская работа, работа с детьми и молодежью. Интересы коренных малочисленных народов Кемеровской области представляют Ассоциации шорского и телеутского народов.

Одним из приоритетных направлений в работе Департамента культуры и национальной политики является содействие в сохранении и развитии самобытной национальной культуры народов, проживающих в области, развитие социальной инфраструктуры в местах компактного проживания коренных малочисленных народов, повышение уровня их образования, сохранение мира и стабильности в регионе, создание условий для сохранения и развития национальных языков, укрепления межнационального культурного сотрудничества. В Кемеровской области накоплен значительный и уникальный опыт культурной политики – область одна из первых в России и первая в Сибирском Федеральном округе разработала «Приоритетный региональный национальный проект «Культура», реализуемый на территории Кемеровской области (2006 – 2010 гг.)», который законодательно подкреплён целым пакетом частных актов («Концепцией развития культуры и искусства Кемеровской области на 2001 – 2010 гг.», Законом Кемеровской области от 14.02.2005 № 26-ОЗ «О культуре», «Об утверждении краткосрочной региональной целевой программы «Культура Кузбасса» на 2006 год», Законом Кемеровской области от 10.12.2007 № 163-03 «О наделении органов местного самоуправления отдельным государственным полномочием Кемеровской области в сфере культуры», Постановлением Коллегии администрации Кемеровской области от 20.12.2007 № 358 «О включении в единый реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) вновь выявленных объектов культурного наследия, находящихся на территории Кемеровской области», «Концепция сохранения культурного наследия Кемеровской области») [8, с. 62 – 63]. В Кузбассе действует среднесрочная целевая региональная программа, утвержденная Постановлением Коллегии администрации Кемеровской области «Социально-экономическое развитие наций и народностей в Кемеровской области на 2008 – 2012 годы». На её реализацию выделяются субсидии из федерального бюджета по поддержке социального и экономического развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Важным условием и вместе с тем механизмом реализации указанных выше приоритетов является постоянное взаимодействие представителей разных культур, народов и народностей России, в том числе на уровне отдельно взятого региона и муниципального образования. Ежегодно проводятся традиционные национальные праздники: татарский сабантуй, шорский пайрам, телеутский Ильин день, славянский Троица, еврейские Песах и Пурим [15, с. 67 – 69].

Администрация Кемеровской области рассматривает культуру и национальную политику как важнейшее стратегическое направление собственной деятельности. В соответствии с этим в Кузбассе организуются и проводятся крупные, общественно-значимые мероприятия и акции, такие как: Губернаторская ёлка «Хоровод дружбы», районные Дни шорской и телеутской культуры, спартакиады коренных малочисленных народов, творческие встречи шорских поэтов и писателей, членов Союза писателей России, посвященные памяти Степана Торбокова. В г. Осинники, областной детский фестиваль национальных культур «Родники Кузбасса», фестиваль национальных культур «Мы живем семьей единой», впервые прошедший в три этапа и охвативший все города и районы области. Его участниками стали более 1000 человек, в числе которых были национальные творческие коллективы, общественные национальные объединения и отдельные солисты. Фестиваль впервые привлек многочисленные диаспоры: армянскую, цыганскую, чувашскую, чеченскую, казахскую и азербайджанскую. Так были найдены подходы к решению ряда основных задач деятельности Департамента культуры и национальной политики: развитие толерантности в межнациональных отношениях, повышение эффективности работы национальных объединений, развитие и сохранение национальных традиций и создание условий по взаимообогащению культур в условиях глобализационных процессов [13, с. 66 – 67].

В области нет ярко выраженных конфликтов на национальной почве. Все официально зарегистрированные национальные организации активно участвуют в общественной жизни области, оказывают благотворительную помощь малоимущим и престарелым, работают с детьми и юношеством. В этих социально организованных группах не наблюдается фактов межэтнического противостояния, межнациональных конфликтов и ксенофобских настроений.

При Департаменте культуры и национальной политики работает Координационный Совет (далее – Совет) национальных общественных объединений, действующий на основании соответствующего Положения, который является консультативным органом и элементом механизма взаимодействия национальных общественных объединений с Советом народных депутатов, Администрацией и другими исполнительными органами государственной власти Кемеровской области. Вопросы, относящиеся к деятельности национальных общественных объединений, рассматриваются на заседаниях Совета, которые проводятся по мере необходимости, но не реже 1 раза в квартал [12, с. 56].

Повестка дня заседания Совета формируется из плановых вопросов, вопросов, вносимых исполнительными и представительными органами власти, национальными общественными объединениями, отдельными гражданами и инициативными группами. При необходимости план может корректироваться и утверждаться на Совете. Члены Президиума Совета являются активными участниками областных благотворительных акций, например круглого стола «Влияние межнациональных отношений на правопорядок в Кузбассе. Проблемы и перспективы

взаимодействия» при ГУВД Кемеровской области, оказывают активную поддержку как уже существующим, так и вновь создаваемым общественным объединениям соотечественников [13, с. 67].

С давних времен обычаи и обряды являлись средством передачи культурного наследия от поколения к поколению и имеют большое значение для всех народов. Во-первых, это сплачивает нацию в один социальный организм, особенно важную роль в этом играют коллективные обрядовые действия, например поминовение усопших. Во-вторых, они регулируют поведение человека согласно нормам общественной морали и обычного права, подчиняя интересы отдельного члена общины коллективным интересам. А это, безусловно, имеет большое значение в воспитании человека и в конечном счёте способствует сохранению традиционного образа жизни и специфики национального характера, самобытности каждого народа.

В связи со сказанным выше, заслуживает внимания опыт создания и функционирования на территории Кузбасса шорской и телеутской национально-культурных автономий. В рамках приоритетной региональной программы «Культура» с 23 июня по 2 июля 2010 г. Управление образования Таштагольского района и Ассоциация шорского народа при поддержке Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области открыли ежегодную областную смену шорской языковой деревни «Каратаг» в туристическом приюте «Кабырзинка» МОУ ДОД «Городская станция юных туристов» (п. Усть-Кабырза). В работе смены приняли участие 25 детей в возрасте от 11 до 15 лет, изучающие шорский язык и культуру шорского народа из Новокузнецка, Таштагола, Осинников, Междуреченска, Мысков. Цель областной смены – знакомство с традициями и обычаями шорского народа, национальными видами спорта, воспитание у детей уважения к этнической культуре шорцев.

Согласно программе, разработанной преподавателями КузГПА – членами рабочей группы по сохранению языков коренных малочисленных народов области, были проведены: занятия по шорскому языку; мастер-классы резьбы по дереву, работы с кожей, мехом, по бумагопластике; изучению народных песен, обрядов и кухни; по национальным видам состязаний шорцев. В рамках программы были также проведены: однодневный поход в окрестности Азасской пещеры «Этот загадочный йети», литературные вечера по произведениям современных шорских поэтов Г. Косточакова, Т. Тудегешевой и Л. Арбачаковой, конкурсы и фестиваль народного творчества. Занятия проводились на шорском языке учителями шорского языка г. Таштагола и преподавателями Кузбасской государственной педагогической академии.

Впервые в рамках реализации программы оздоровительного летнего отдыха детей организована работа школы для детей мигрантов по изучению русского языка и русской культуры «Белый журавль» [13, с. 67].

21 июня 2010 г. в с. Бековo Беловского района на базе МОУ «Бековская СОШ» Управление культуры и национальной политики Беловского района при поддержке Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области впервые открыли областной летний лингвистический лагерь дневного пребывания «Тан» («Рассвет»). В работе лагеря приняли участие 25 детей в возрасте от 11 до 15 лет, изучающие телеутский язык и культуру из г. Белово, Беловского и Гурьевского районов. Программа работы лагеря обширна и разнообразна и предусматривала занятия телеутским языком с учителями Бековской школы, экскурсии по историческим местам, занятия декоративно-прикладным творчеством телеутов, изучение народных песен, обрядов и кухни, занятия по национальным видам состязаний телеутов.

Нельзя не согласиться с доктором филологических наук, профессором Т. П. Григорьевой в том, что «народ обязан сберечь свое национальное достояние, ибо только в этом случае он может внести в сокровищницу народов что-то свое неповторимое, без чего невозможно мировое единство. В этом, а не в том, чтобы быть, «как все», и состоит его интернациональный долг. Тот, кто забывает об этом, не только ущемляет национальное чувство другого народа, но и наносит ущерб самому себе, ибо отказывается от того, что принадлежит всем …» [2, с. 250].

Обобщая всё сказанное выше, можно заключить, что в Кемеровской области создана единая программно-целевая основа региональной культурной и национальной политики, направленная на создание условий для:

– достижения стратегических ориентиров социально-экономического развития региона;

– сохранения национально-культурной самобытности народов и народностей, населяющих Кузбасс;

– охраны национальных памятников истории и культуры, составляющих культурно-историческое достояние и наследие народов России;

– поддержки и развития художественного, литературного и других видов творчества граждан;

– обеспечения свободного доступа граждан к культурным ценностям и благам, их приобщения к общенациональной и мировой культуре;

– предотвращения межнациональных (межэтнических) конфликтов, дискриминации граждан по признакам расовой, этнической, религиозной и языковой принадлежности;

– обеспечения национально-культурной самоидентификации народов и народностей, проживающих на территории Кузбасса, развития межэтнического и межкультурного диалога.

Литература

1. Василенко, И. А. Диалог цивилизаций [Текст] / И. А. Василенко. – М.: Эдиториал УРСС. – 1999. – С. 18.

2. Григорьева, Т. Путь японской культуры [Текст] / Т. Григорьева // Иностранная литература. – 2002. – № 8. – С. 250.

3. Декларация тысячелетия ОНН [Текст] // Экология – XXI век. – 2002. – № 1 – 2. – С. 24.

4. Информационно-правовое обеспечение сферы культуры. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011.

5. Магади, Абд аль-Хафиз. Метаморфозы самобытности и вызовы глобализации / Абд аль-Хафиз Магади // Культурная идентичность и глобализация. Докл. и выст. 5-й Межд. филос. симпозиум «Диалог цивилизаций: Восток-Запад. 27 – 28 апреля, 4 – 5 мая 2001 г. [Текст]. – М., 2002. – С. 64.

6. Межуев, В. М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации [Текст] / В. М. Межуев // Полития. – № 3. – 2000. – С. 102 – 115.

7. Панарин, С. А. Политология. [Текст] / С. А. Панарин. – М.: Гардарики, 2000. – С. 394 – 395.

8. Приоритетный национальный проект «Культура», реализуемый на территории Кемеровской области. – Кемерово, 2006. – С. 62 – 63.

9. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи [Текст]. – М., 2000. – С. 133 – 134.

10. Прозерский, В. В. Глобализационные процессы в истории культуры [Текст] / В. В. Прозерский // Глобализация и культура: аналитический подход. – СПб.: Янус, 2003. – С. 47.

11. Сагалаев, А. М. Алтай в зеркале мифа [Текст] / А. М. Сагалаев. – Новосибирск, 1992. – С. 85.

12. Совершенствование системы социального управления учреждениями культуры Кемеровской области в 2008 году в свете приоритетного регионального национального проекта «Культура». Ежегодный доклад начальника Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области Л. Т. Зауэрвайн. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – С. 56.

13. Сохранение и развитие единой информационно-культурной среды Кемеровской области (итоги 2009 года). Ежегодный доклад начальника Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области Л. Т. Зауэрвайн. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2010. – С. 66 – 67.

14. Хартия Земли. – Режим доступа: http; www.earthcharter.org/draft/ charter.htm.

15. Эффективность деятельности учреждений культуры Кемеровской области (итоги 2010 года). Ежегодный доклад начальника Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области Л. Т. Зауэрвайн. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 67 – 69.

УДК 340.155.8:340.111.5

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

В. М. Золотухин, С. В. Суслова

LEGAL CULTURE AND EDUCATION

V. M. Zolotuhin, S. V. Suslova

В статье рассматриваются различные подходы к пониманию правовой культуры, в частности, среди молодежи, в российском правовом пространстве. Социально-философская интерпретация правовой культуры позволяет выявить, с одной стороны, потребность общества в ней, а с другой – неоднозначность ее оценки и значения.

The article discusses various approaches to understanding the legal culture, particularly among young people in Russia's legal space. Socio-philosophical interpretation of the legal culture reveals, on the one hand, society's need for it, but on the other - the ambiguity of its assessment and significance.

Ключевые слова: правовая культура, культурная среда, ценность, свобода слова, правовое государство.

Keywords: legal culture, cultural environment, value, freedom of speech, constitutional state

В качестве самостоятельной лексической единицы слово «культура» существует лишь с XVIII века. Своим происхождением как лексической единицы «культура» обязана латинскому слову «colere-cultura» (возделывание, обработка, улучшение, уход). Позже происходит расширение смысла термина «культура». Им стали обозначать также процессы и результаты возделывания материалов природы в различных ремеслах, а затем и процессы воспитания и обучения человека. В этом расширенном смысле термин «культура» впервые был применен в работе древнеримского оратора и философа Марка Туллия Цицерона «Тускуланские рукописи» (45 г. до н. э.) [2, 464].

В России термин «культура» впервые представлен в «Карманном словаре иностранных слов» Н. Кириллова в 1846 году и характеризует «деятельность для пробуждения дремлющих в человеке сил». Со второй половины XVIII века культура начинает рассматриваться как важнейший аспект жизни общества, связанный со способом осуществления человеческой деятельности, характеризующий отличие человеческого бытия от животного существования. Правовой аспект связан с применением овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права и их отражению в сознании и поведении людей.

Современное состояние взаимосвязи государства и права находится в сложном и неоднозначном взаимодействии с общечеловеческой культурой, которая становится более усложненной и неоднозначной. Культура как форма, созданная человеком, является результатом его творчества и отражением его внутреннего состояния и мира. Уровень же правовой культуры формирует основные признаки правового государства, при условии что, ее формирование

осуществляется параллельно с другими видами культуры – политической, моральной, эстетической и т. д.

Если говорить в целом о правовой культуре, то необходимо сказать, что она на сегодняшний день является неотъемлемой частью общей культуры народа, основанной на её началах и является отражением уровня развития и менталитета народа. Формирование правовой культуры не может быть процессом обособленным и развиваться отдельно от развития других видов культуры – политической, моральной, эстетической. С уверенностью можно констатировать, что это комплексный вопрос. Развитие всех сторон культуры общества направлено на решение одной задачи – создание морально-правового климата в обществе, способного гарантировать и обеспечить свободу поведения личности в соединении с ответственностью перед обществом. Так как право дает не только свободу, но и обязанность, обеспечивает её права, социальную защищённость, уважение её достоинства, то есть ставит человека в центр экономических, социальных, политических, культурных процессов, действующих на территории того или иного государства.

По мнению П. Леграна, культура есть некая схема, одновременно конститутивная и нормативная, в рамках которой индивид совершает свои сознательные (intelligible) действия и оценивает действия других. Он также отождествляет культуру с неосязаемым каркасом, в рамках которого в данном обществе осуществляется жизнедеятельность индивидов. Иными словами, культура выступает как своего рода единство человека и культурной среды, продуктом которой он является.

При рассмотрении проблем правовой культуры существует немало дискуссионных вопросов, к которым прежде всего относится исследование истоков, сущности, обусловленных особенностями современного государственного развития, а также структуры и механизма взаимодействия правовой культуры с другими правовыми явлениями. Данные проблемы являются приоритетным направлением развития правовой науки, которое успешно осваивается рядом отечественных ученых, например В. В. Головченко, В. И. Каминской, А. А. Погорадзе, А. Р. Ратиновым, О. Г. Шапиевой.

Формирование нового понятийного аппарата, отражающего реалии современного общества, позволяет по-новому взглянуть на феномен правовой культуры, оценить ее роль в процессе социализации личности, эволюции общества в целом. Так, если А. П. Семитко характеризует правовую культуру только как «качественное состояние правовой жизни общества», то З. Ч. Чикеева полагает, что, рассматривая правовую культуру только в этом аспекте, мы характеризуем лишь внешнюю форму данного явления; внутреннее же ее содержание заключается в развитии самого человека. Такая позиция представляется нам весьма здравомыслящей, поскольку развитие личности в процессе формирования ее правовых ценностей и их усвоения, несомненно, является формой существования правовой культуры.

Необходимо отметить, что проблемы правовой культуры и правового воспитания затрагивают вопросы о сущности, ценностях и элементах правовой культуры. Обстоятельно рассматриваются прикладные аспекты проблемы правовой культуры отдельных категорий людей (личности, профессиональной правовой культуры сотрудников органов внутренних дел и др.), а также роль правовой культуры в формировании правовой активности и правомерного поведения (В. И. Абрамова, Г. П. Давыдова, С. А. Ивкина и др.). В то же время в специальной педагогике изучение данной проблемы представлено лишь несколькими исследованиями. Первым является исследование Б. П. Пузанова [1, 162]. Изучение вопросов правового воспитания подростков с тяжелыми нарушениями речи было проведено С. Н. Фалько, изучение оптимизации процесса обучения обществознанию как составной части правового образования глухих и слабослышащих старшеклассников раскрывается в диссертационном исследовании О. О. Малхасьян.

Под влиянием политических событий происходит трансформация правового пространства: коренным образом меняется роль и место правовых знаний в российском обществе и в сознании людей. Особое место в данном становлении отводится именно подрастающему поколению.

В 2010 году нами было проведено анкетирование среди студентов двух кузбасских высших учебных заведений города Кемерово Кемеровской области, с общей выборочной совокупностью 458 человек. В том числе:

– Кузбасский государственный технический университет (КузГТУ) – 276 человек. Анкетирование проводилось на факультете наземного и подземного строительства (специальности: 270205 – Автомобильные дороги и аэродромы, 270115 – Экспертиза и управление недвижимостью, 270112 – Водоснабжение и водоотведение) и инженерно-экономическом факультете (специальность 080105 – Финансы и кредит);

– Кемеровский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета (КемИ (филиал) РГТЭУ) – 182 человека. Удалось опросить студентов факультета внешнеэкономической деятельности (специальность 080102 – Мировая экономика), факультета менеджмента (специальность 080502 – Экономика и управление на предприятии (в торговле) и экономического факультета (специальности: 080801 – Прикладная информатика (в экономике); 080109 – Бухгалтерский учет, анализ, аудит; 080105 – Финансы и кредит).

Из них студентами первого курса являются 41 %, второго – 25 %, третьего – 34 %.

В исследовании использовались выборочный метод и анкетный опрос.

Цель анкетирования: определить уровень правовой культуры среди студентов высших учебных заведений г. Кемерово Кемеровской области.

Отношение анкетируемых к заполнению анкет было неравнозначным – одни проявляли интерес, другие испытывали затруднения при ответах.

Результаты анкетирования по вопросам выглядят следующим образом:

Отвечая на вопрос «Знаете ли Вы свои права и свободы?», невозможно было перечислить все права и свободы, поэтому в полном объёме ответов не было. Не ответили на данный вопрос 19 чел., в это число вошли неопределённые ответы («Их много», «Не помню» и т. п.).

В ответах приводились самые разнообразные варианты. По значимости права распределялись следующим образом:

«Право на жизнь» – 357 анкет,

«Право на образование» – 282 анкеты,

«Право на труд и отдых» – 224 анкеты,

«Свобода передвижений и места жительства» – 215 анкеты,

«Право на свободу мысли и слова» – 202 анкеты,

«Право на свободу и личную неприкосновенность» – 72 анкеты,

«Право на охрану здоровья и медицинскую помощь» – 41 анкета.

Все остальные права и свободы в анкетах отмечены незначительными цифрами – от 3-и до 17. Такие права граждан, как «проводить собрания, митинги…», «участвовать в управлении делами государства…», «социальное обеспечение», «заниматься экономической деятельностью», «свобода творчества» ни в одной анкете не отражены. Кроме того, в анкетах встречаются такие записи: «жить и заниматься деятельностью, только не уголовной», «поступать в той или иной ситуации, как хочется, но не против закона», «делать то, что законно», «право на имя» и т. п.

На вопрос «Знаете ли Вы законы, защищающие Ваши права и свободы?» утвердительно «Да» ответили 309 респондентов. Среди ответов перечисляются такие законы, как: Конституция РФ, нормы кодексов (гражданский, семейный, уголовный, об административных правонарушениях), федеральные законы, международные нормативно-правовые акты, законы (о защите животных, о защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, законы о защите и охране природы, закон об охоте, защищающий права человека с ружьем, закон о психиатрии, защищающий права психически больных, закон о защите прав потребителей). Затруднились ответить – 86.

43 ответили «Да», а 10 «Не знают» ответа на вопрос: «Считаете ли Вы что Ваши права и свободы соблюдаются?» При этом были даны иные варианты ответов, а именно: «Скорее да, но до полного соблюдения всех прав и обязанностей в нашей стране ещё очень далеко», «Не всегда, их часто нарушают органы государственной власти, органы местного самоуправления и должностные лица».

Большинство – 248 респондентов, черпают информацию о своих правах и свободах через Интернет, 220 – посредством общения с преподавателями и юристами, 160 – через СМИ. Также можно выделить следующие ответы: лекции – 60, правовые системы «Консультант плюс» и «Гарант» – 35, Законы – 31, нормативно-правовые акты – 19, Конституция – 13.

К сожалению, большинство респондентов отрицательно относятся к определению "Все равны перед законом" и категорически не согласны с ним: «Закон что дышло, – куда повернешь, туда и вышло». В то же время согласны с ним, но с различными вариантам: «равноправие между всеми социальными слоями, по моему мнению, очень важное условие для нормального существования между людьми», «равенство – основной критерий для закона и суда», «этот принцип не соблюдается» и «так должно быть, все имеют обязанности, которые должны выполнять без исключения».

Свободным человеком считают себя 49 респондентов, не свободным – 221. Свобода проявляется следующим образом: «Свобода слова, свобода мнения, передвижения», «Я свободно могу совершать выбор в чем-либо, учитывая мои возможности», «Мы свободны до тех пор пока не начинается свобода другого человека», «Я живу в демократическом государстве и вправе решать многие вопросы», «Всегда ограничены материальные возможности», «Свобода не про нашу страну». Затруднились ответить – 9.

Вопрос «Какие основные нарушения прав и свобод Вы наблюдаете в современном обществе?» выявил следующие характерные особенности: большой пробел между социальными слоями в обществе; нарушение конституционных прав и обязанностей; беспредел милиции, нарушение прав и свобод сотрудниками МВД; нарушение прав потребителей; пренебрежительное отношение в больнице; коррупция; платная медицина, образование, нарушение трудовых норм; убийства, насилие, грабежи; равенство прав и свобод человека независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения; давление со стороны политических партий на выбор граждан; на приобретение жилья; несвоевременная выплата заработной платы; не выплачиваются стипендии вовремя (особенно сиротам); не отправляют по закону Кемеровской области на отдых детей-сирот и инвалидов; продажа просроченных товаров; проблема нарушения прав граждан органами, осуществляющими призыв на воинскую службу; ущемляется право на митинги; работодатели нарушают условия договоров; право на защиту в суде; нарушение прав ребенка; право на интеллектуальную собственность; нарушение прав на равенство перед законом; расовая дискриминация; не предоставляется свобода выбора; давление на людей.

К основным недостаткам правовой культуры в обществе респонденты относили: «Незнание своих прав и обязанностей большинством населения», «Недоступность языка для простого населения, не каждый поймет то, что написано в законе, который предполагает прямое и однозначное толкование», «Низкий уровень правовой культуры», «Человек получил власть и сразу начал ей злоупотреблять»,

«Недостатков много, некоторые люди не знают элементарных вещей, которые помогут им защитить свои права», «Правовая безграмотность», «Правовая культура – это результат человеческого творчества, поэтому недостатков в ней много», «Недостаток информирования», «Не совсем ответственный и организованный подход к подаче материала в школе».

Правовое воспитание молодежи считают важным и необходимым – 159 респондентов. Его важность и необходимость обусловливаются такими компонентами, как: «Формирование правового социального государства, должного уровня ответственности», «Для того, чтобы защитить себя от произвола власти», «Молодежь должна знать и понимать свои права и обязанности и применять их в жизни», «Человек, знающий закон, не нарушит его», «Приобретение необходимого минимума правовых знаний, т. к. в повседневной жизни мы часто сталкиваемся с разными ситуациями и не знаем, как поступить в тот или иной момент», «Для становления демократической России» и «Становление человека как личности». Не знают ответа всего 3 респондента.

По мнению респондентов, для формирования правовой культуры молодежи необходимо следующее: «Изучение правовых дисциплин на всех этапах получения образования (от детского сада до вуза)» – 85; «Пропаганда в СМИ идей правового демократического государства и ценности прав человека» – 68; «Деятельность правоохранительных органов и органов молодежной политики» – 71; «Разработка целевой программы по правовому воспитанию» – 83.

Правовое воспитание в образовательных учреждениях должно осуществляться в следующих формах: «Изучение правовых дисциплин на занятиях» – 354; «Вовлечение молодежи в работу научных обществ, кружков правовой направленности, участие в научных конференциях по правовой тематике» – 263; «Проведение воспитательных мероприятий правовой направленности» – 331; «Практическая отработка различных правовых ситуаций на семинарских и практических занятиях» – 286; «Встречи с работниками правоохранительных, судебных и иных органов, посещение соответствующих учреждений» – 336. Характерные варианты ответов студентов на данный вопрос были следующими: «Соединение теории и практики», «Предмет «Правоведение» должен быть введен во всех общеобразовательных школах, чтобы уже со школьной скамьи знали и соблюдали свои права и обязанности».

Анкетирование подтвердило мнение о том, что молодёжь недостаточно владеет правовыми знаниями, а именно – предметом «Правоведение», который преподаётся в школах с 5-го класса. Анкеты показали, что отсутствуют не только знания по правовой культуре, но и по русскому языку. Безграмотность присутствует у каждого третьего респондента.

Провозглашенный лозунг построения правового государства в России и, как следствие, начавшаяся правовая реформа требуют нового подхода не только к формированию основополагающих принципов построения гражданского общества, но и к образованию подрастающего поколения через систему образовательных стандартов. При этом необходимо отчетливо осознавать, что по мере изменения и обновления законодательной базы становится очевидным факт существования значительного разрыва между новым демократическим законодательством и низким уровнем правосознания и правовой культуры населения. Прежде всего это относится к подрастающему поколению. На сегодняшний день большая часть учащихся, студентов вузов и ссузов относятся к праву как механизму решения собственных проблем или средству получения желаемого. При этом, забывая о том, что любое право так или иначе порождает обязанность, а несоблюдение обязанностей ведет к нарушению норм и прав других участников общественной жизни.

Развитие правовой культуры среди подрастающего поколения подразумевает формирование в мышлении позитивного отношения к праву как необходимому элементу государственного строя, а также как к фактору правового регулирования отношений между участниками общественных и иных взаимоотношений. Наличие определенного уровня правовых знаний, умений и навыков дает возможность молодежи применять их в практической деятельности. И здесь речь идет не только о профессиональной деятельности, но и общественной. Уровень правовой культуры формирует среди молодежи осознание необходимости соблюдения правомерного поведения.

В современных условиях построение правового государства не может быть осуществлено без одновременного формирования у специалистов соответствующих правовых знаний и правосознания, которые зависят от правового образования. Современное правовое образование подразумевает структурированный и систематический вклад государства, его органов, общественных объединений, трудовых коллективов и всех образовательных учреждений в процесс формирования и повышения самой правовой культуры.

Успешность реализации программ по повышению правового образования учащихся и студентов будет определяться не только степенью активизации образовательного процесса в направлении правового воспитания, но и от четко сформированного определения целевой установки указанной многогранной деятельности. Со стороны преподавательского состава, реализующего программы правового образования, должно быть четкое понимание конечной цели своей деятельности. С нашей точки зрения, конечной целью осуществления правового образования является сформированная правовая культура среди учащихся и студентов. И как следствие – сформировавшийся профессиональный специалист с четко усвоенной правовой культурой.

Становится очевидным, что проблема развития правовой культуры может быть решена путем формирования целостной концепции личностной правовой культуры, ориентированной на укоренение в сознании студентов, как будущих специалистов, необходимости высокого уровня самосознания. В этой

связи педагог, реализующий принцип формирования правовой культуры, является носителем необходимых знаний для достижения поставленных задач.

Правовая культура выпускников, наряду с высоким уровнем правосознания, должна стать, с одной стороны, необходимым составляющим профессионального профиля специалиста. А с другой стороны, – необходимым базовым элементом, способным в повседневной жизни дать человеку чувство защищенности от противозаконных действий, а также развить чувство ответственности. Правовая культура должна стать ключевым элементом системы образования и воспитания. Именно через призму правовой культуры мы можем привить подрастающему поколению чувство ответственности за совершаемые действия и научить защищать свои интересы в рамках предусмотренных законодательством РФ.

Главной задачей учреждений профессионального образования является становление и развитие личности будущего специалиста в соответствии с их ценностным выбором, индивидуальными способностями, социальным заказом общества, потребностями государства в квалифицированных кадрах, а также подготовка специалистов, представляющих конкуренцию на международном рынке труда.

В свою очередь, правовая культура должна стать тем элементом, который включит в себя необходимые личностные качества, характеризующие данный подвид культуры: знание и понимание права, выработанный принцип соблюдения требований закона, уважение к правовым предписаниям, убежденность в их справедливости, активная жизненная позиция в правовой сфере, т. е. познавательные, оценочные и поведенческие элементы.

Литература

1. Пузанов, Б. П. Правовое обучение и воспитание учащихся старших классов вспомогательной школы / Б. П. Пузанов: дис. … канд. пед. наук. – М., 1980. – 162 с.

2. Цицерон, М. Т. Избранные сочинения: [пер. с лат.] / М. Т. Цицерон; вступ. ст. Г. Кнабе. – Харьков; М.: Фолио: АСТ, 2000. – 464 с.

УДК 2-81

РЕЛИГИОЗНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ВЕРУЮЩИХ ЖЕНЩИН КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

С. В. Рязанова

RELIGIOUS ENVIRONMENT OF BELIEVING WOMEN AS THE FACTOR FORMATIONS AND REALIZATIONS OF CONFESSIONAL POSITIONS

S. V. Ryazanova

Исследование проведено благодаря финансовой поддержке РГНФ, грант № 07-03-82303 а/У (сведения о верующих масульманках любезно предоставлены А. В. Михалевой).

Исследуются особенности религиозного сознания верующих женщин в Пермском крае. Выделяются конфессиональные модели религиозного поведения. Анализируется религиозное окружение верующих.

This article is devoted to the specific of the woman's religious consciousness in Perm region. Some models of religious behavior are described. Religious environment of believers are analyzed.

Ключевые слова*:* женская религиозность, религиозное сознание, традиционные и нетрадиционные религии.

Keywords*:* woman's religiousness, religious consciousness, traditional and non-traditional religions.

Общим местом современного религиоведения стало признание наличия ряда черт, объединяющих верующих женщин разных конфессий и позволяющих говорить о женской религиозности как самостоятельном явлении. Несмотря на то, что и в теоретическом аспекте тема не до конца исследована, нам более привлекательным в исследовательском плане представляется региональный аспект. В его границах существует больше возможностей для верификации разрабатываемой концепции при помощи конкретного эмпирического материала, а также прослеживания синхронных и диахронных связей для такого социального феномена, как религиозность. Прикамье как поликонфессиональный регион предоставляет возможности для широкого спектра компаративистских исследований, позволяющих вывести закономерности религиозности как культурного явления и логики ее трансформации на современном этапе истории: на территории Пермского края проживают последователи основных традиционных религий и около трех десятков религий нового типа.

Демографическая ситуация в регионе и стране в целом – с отчетливым преобладанием женского населения – наталкивает на вывод о «женском» лице религии [2]. Между тем наиболее значимые события, связанные с деятельностью отдельных конфессий, а также внешний облик религиозных общин региона очень редко ассоциируются с женщинами (противостояние Центрального духовного управления мусульман и Совета муфтиев России, состав Межконфессионального консультационного комитета, конфликты между представителями традиционных и нетрадиционных религий, персоналии лидеров религиозных организаций и т. д.). Несмотря на то, что роль женщины в религиозных делах общины неуклонно растет, вопросы административно-

го управления и выработки стратегии поведения общины по-прежнему решаются на уровне мужского религиозного и организационного дискурса.

На региональном уровне феномен религиозности, религиозной идентичности и способов ее выражения остаются пока слабо изученными, поскольку религиозная социализация во многих общинах – и особенно вне их – осуществляется на бытовом уровне, стихийно, без весомого влияния и участия соответствующих институтов, в некоторых случаях как сугубо интровертивное действие. Поэтому содержание усваиваемой в этом процессе информации может корректироваться, частично оставаться скрытым, реализовываться внешне в весьма причудливых формах культового и внекультового поведения. Соответственно и совокупность основных компонентов религиозной идентичности в каждом конкретном случае (речь идет и об общине, и об индивиде) имеет свою наполняемость. Стоит учитывать и гетерогенность совокупности верующих женщин как в целом по региону, так и в рамках одной организации. В качестве дифференцирующих факторов здесь выступают разные уровни образования, дохода, степень общественно-политической ангажированности.

Поскольку женщины численно преобладают практически во всех конфессиональных организациях низового уровня, то обработка информации о настроениях, ожиданиях, степени и формах бытовой религиозности верующих женщин даст возможность произвести срез конфессиональной ситуации в регионе, дать ей адекватную оценку и прогнозировать ее дальнейшее развитие.

Исследование проводилось на территории Пермского края в 2007 – 2008 гг. и строилось на многоступенчатой выборке. Генеральная совокупность – все женщины Пермского края, идентифицирующие себя как верующие – рассчитывалась путем сопоставления данных переписи 2002 г. и показателей соцопросов об уровне религиозности среди населения [1, 3 – 6]. Исследование является репрезентативным (собрано 1066 анкет), ошибка выборки составила около 3 %. Оно охватило пять традиционных конфессий и целый ряд общин нового типа.

В результате проведенного исследования в научный оборот социальных наук предполагается ввести пласт аналитической информации о мотивационных и поведенческих особенностях представительниц традиционных конфессий Пермского края и выстроить на этой основе модель, объясняющую логику формирования, бытования и трансформации женской религиозности на постсоветском пространстве. Предлагаемая статья развертывает один из аспектов исследуемого материала – наличие для верующих женщин окружения, влияющего на формирование и осуществление стратегии религиозного поведения.

Уровень консолидации верующих внутри религиозных общин и готовность так или иначе общаться с носителями других взглядов на окружающий мир, как и само религиозное сознание, в значительной мере зависит от специфики той или иной общины. Не всегда установки и образцы, задаваемые канонами и церковным руководством, становятся определяющими, особенно если говорить о представителях традиционных религий. Значимую роль играет и то окружение, в котором существует верующая и которое влияет на способ существования женщины в религиозном пространстве.

Говорить о некой православной модели поведения как единой достаточно сложно в силу крайней размытости границ той группы верующих женщин, которые называют себя православными. Представленная статистика, на наш взгляд, не отражает полностью те особенности стратегии поведения, которые характерны для прихожанок РПЦ, а, скорее, является индикатором тех процессов, которые весьма интенсивно протекают в религиозном пространстве Церкви, сегодня вновь претендующей на статус государственной. Уровень соответствия реального поведения даваемым Церковью установкам как нельзя лучше показывает то, насколько РПЦ влиятельна в сознании если не большей части населения страны, то хотя бы тех, кто относит себя к православной традиции. Данные, полученные при сборе анкет на катехизаторских курсах, – яркое тому подтверждение.

Почти 90 % (74 % по данным с курсов) православных женщин имеют единоверцев в своей семье и в кругу друзей. Три четверти православных женщин указали, что к этой категории можно отнести и супруга. 44 % (80 % на курсах) категорически не согласны на брак ребенка с иноверцем (при этом 14,5 % (12 % соответственно) просто не думали на этот счет, а 7 % (0 %) готовы принять решение в зависимости от сути этой веры). 64 % (80 %) согласны на то, чтобы их дети посещали воскресную школу при храме, причем все те, кто отказывается от вероучительного образования для ребенка, попадают в молодежную группу.

У старообрядцев плотность единоверческого окружения еще выше – у 79 % члены семьи, у 89 % – друзья. При этом верующих мужей уже поменьше – 67 %, хотя и эта цифра вполне приличная. Зато на браке детей с единоверцем настаивают только 45 %, а трети этот вопрос безразличен. Думается, и в этом аспекте сказывается значительный прессинг внешней среды, невозможность полностью замкнутого существования для общины. Однако детей предпочитают отдавать в воскресную школу до 80 % опрошенных женщин, что еще раз подтверждает устойчивость следования группы традициям.

Католическая община во многих отношениях производит ощущение более консолидированной, нежели православная и старообрядческая. У 82 % есть единомышленники в вопросах веры внутри семьи и среди друзей. Среди состоящих в браке 100 % указали на то, что их супруг также является верующим. 91 % женщин готовы водить ребенка в воскресную школу с религиозным уклоном. 58 % готовы на брак ребенка с представителем другого вероисповедания, 8 % ставят решение этого вопроса от сущности вероисповедания. А 30 % выступают против этого в любом случае. Можно сказать, что в

конфессиональном плане католическая семья является почти замкнутой общностью.

Сравнительно небольшая лютеранская общность, видимо, испытывает потребность в постоянном поддерживании своего состава и его воспроизводстве. У 100 % респонденток есть верующие в составе семьи и ближайшем окружении, 80 % имеют супруга-единомышленника в вопросах веры. Все опрошенные готовы водить ребенка в воскресную школу при храме, зато половине безразлично, с кем вступит в брак их ребенок, оставшиеся оговариваются, что их согласие зависит от того, к какой конфессии принадлежит будущий родственник.

Представительницы иудейской группы верующих более терпимы в вопросах общения, что, по нашему мнению, определяется спецификой исторического пути носителей данной религии. Согласно полученным данным, 67 % опрошенных имеют верующих среди членов своей семьи, и 87 % – среди друзей. Примечательно, что этот показатель достаточно низок (33,3 %) у молодежи, зато выше среднего во второй и третьей возрастных группах. У 76,5 % супруг также является верующим. При этом 85 % ответивших хотели бы дать ребенку азы религиозной грамотности в воскресной школе.

Если говорить о мусульманах, то среди убежденных верующих подавляющее большинство (77,8 %) указали на религиозность супруга и 22,2 % на ее отсутствие. В семьях номинально верующих супруги, как правило, нерелигиозные (57,9 % против 36,8 % религиозных). Особенно иллюстративны в этом смысле случаи русских женщин, принявших ислам (интервью 11Perm07. Пермь, 21.06.2007). У большинства верующих члены семьи также разделяют религиозные убеждения (около 90 %). Подавляющая масса респондентов (96,2 %) указала на наличие религиозных лиц среди своих друзей. 70 % опрошенных настаивают на браке своего ребенка с представителем своей конфессии. 47,4 % всех опрошенных живут с верующим супругом. В однородных религиозных семьях предпочтение чаще отдается единоверцу (66,7 %). Даже при русском супруге незамужние респондентки мечтают передать исламские традиции своим детям (интервью 3Perm07. Пермь, 16.04.2007). 57,7 % мусульманок указали на религиозность старшего поколения в семье.

Что касается членов объединений новых религий, то они вынуждены искать компромисс между стремлением полностью подчинить жизнь своей семьи и собственную религиозным регламентациям и реалиями постсоветской культуры с размытыми и не всегда адекватными представлениями о вере, приводящими к необходимости общаться далеко не только со своими единомышленниками. Имеет место и стремление рассматривать весь имеющийся религиозный опыт как основанный на едином принципе связи с сакральным началом. Это позволяет прослеживать семейные традиции веры со старших поколений и воспринимать большинство окружающих людей как верующих.

Так 61 % адвентисток готовы сразу включить ребенка в религиозное пространство путем получения соответствующего образования в воскресной школе, причем наибольшее число желающих наблюдается в самой младшей группе (93,8 %), видимо, для старших поколений такой вид образования является менее привычным в силу исторических причин. В самом близком окружении – в семье – представительницы адвентистов также имеют неверующих людей, причем, чем старше опрашиваемые, тем больше этот процент (12,5 % – 28,6 % – 42,9 % – 66,7 % соответственно). В отношении друзей наблюдается такая же зависимость (0 % – 6,7 % – 15,2 % – 50 % соответственно). 39 % женщин проживают в браке с неверующим супругом. В отношении вступления ребенка в брак с представителями других религий адвентистки оказались еще более единодушны – преобладающее большинство из них (от 72,7 % до 93,8 %) и слышать об этом не хотят. Только члены самой старшей группы (18,2 %) оговариваются, что их отношение зависит от того, о какой религии идет речь.

У баптистов верующее окружение достигает почти 100 %. Практически все участники опроса ориентированы на получение их ребенком религиозного воспитания и нетерпимы в вопросах заключения брака: только 6 % проявили безразличие, 23,5 % готовы анализировать религиозную принадлежность потенциального родственника, а остальные полностью отрицают возможность включения иноверцев в семью.

Почти 70 % женщин пятидесятнических общин в качестве супруга имеют верующего человека, у 85 % есть единомышленники в этом отношении и в кругу семьи. Почти 90 % опрошенных указали, что их друзья тоже разделяют их позицию в отношении к Богу. Как и в случае с другими организациями, здесь имеет место выстраивание круга общения с определенными мировоззренческими позициями.

Три четверти женщин в общине мормонов имеют верующего супруга и единомышленников в кругу семьи. Практически все считают себя верующими не первого поколения, поскольку их старшие родственники тоже веровали в Бога. У 85 % есть друзья в близком окружении. Все опрошенные уверены, что их дети должны посещать воскресную школу для получения религиозного образования.

В том, что касается антропного фактора для «Семьи Божией», в религиозном пространстве сложилась следующая ситуация. Только половина замужних женщин имеют верующего супруга. Тем не менее, у 86,5 % имеются верующие родственники, а друзья-единомышленники – даже у 90 % (что неудивительно для действующей общины). 84 % готовы отдать чадо в школу с религиозным уклоном, хотя бы на выходные.

86 % прихожанок ИСККОН состоят в браке с верующим человеком (исходя из специфики учения вайшнавов, это, скорее всего, член исследуемой общины). 76,5 % отметили, что верующие есть среди близких родственников. У 100 % наличествуют друзья, поддерживающие их в вопросах веры. 94 % указали, что согласны с обучением ребенка в школе с религиозным уклоном.

У половины респондентов общины Церкви сайентологии нет верующих внутри семьи, зато у 77 % имеются друзья-единомышленники. Эта ситуация определена самой природой сайентологического учения как помещенного на грань светского и мифологического сознания и имеющего очень спорную репутацию в обществе.

Видение социального пространства для индивида начинается с самопредставления и определения своего статуса внутри общества. Для верующей женщины этот образ необходимо соотносится с заданным в религиозных текстах образцом и обязательно проецируется на других представительниц слабого пола – для сравнения и оценки.

Представления о социуме включают в себя и понимание коммуникации. Уровень открытости окружающим, доверия и готовности вступить в контакт является важной составляющей облика современной женщины. У православных для общения со всеми людьми открыто почти 60 % женщин, возможно, потому, что сама по себе коммуникация не обязывает к тесным отношениям. Предпочтение единоверцам выказали около трети опрошенных. У старообрядцев отчетливо прослеживается тенденция выбирать для общения тех людей, которые являются легитимированными для коммуникации самой приверженностью к старообрядчеству (более 80 %). У католичек на втором месте в качестве партнеров общения (27 %) находятся сторонники собственной веры. Из представительниц лютеранской общины 30 % указали в качестве желательных партнеров общения сторонников своей веры. Среди иудеек сторонников своей веры как приоритетный объект для коммуникации оценивают только 11 %. При оценке социальной контактности мусульманок было выявлено, что убежденные верующие этой группы чаще поддерживают контакты с единоверцами, чем номинально исповедующие ислам (74,2 % против 26,7 % в каждой из групп).

Среди адвентистов на сторонников собственной веры падает всего 10,8 % приоритетов в общении. Если говорить о представительницах баптизма, то для них характерен приоритет в этой сфере для единомышленников (100 %). Если рассматривать особенности коммуникативных стратегий женщин пятидесятнических общин, то единоверцы как оптимальный вариант коммуникации составляют около половины ответов. У мормонов, как и в случае с некоторыми другими общинами, религиозное отношение воспроизводится только на уровне самой организации и круга близких людей (85 % не склонны ограничивать свой круг общения какой-то определенной группой людей, а единоверцев указали лишь 16 %). Более половины опрошенных Церкви «Семья Божия» открыты для контакта с любым человеком, а две трети указывают среди желательных субъектов общения единоверцев. Достаточно открытыми, по нашему мнению, являются и преданные Кришны: только 14,3 % ориентированы на общение в среде единоверцев. Если говорить о Церкви сайентологии, то становится очевидным, что в сфере общения вопросы веры для последовательниц учения Хаббарда являются важными, но не приводят к элиминированию партнеров коммуникации. Поэтому 85 % респондентов готово идти на контакт с любым человеком, а единомышленников по вере выбрали лишь около 10 %.

Как видно из результатов анкетирования, у представительниц как новых, так и традиционных общин присутствует желание замкнуться в собственной религиозной среде. В меньшей мере к этому склонны верующие конфессий, давно уже существующих на территории региона, как имеющих опыт существования в квазиатеистической среде. Для членов общин наличие единомышленников, видимо, представляется залогом правильного поведения, к тому же, подобная позиция усиливается формированием элитарного сознания в группах такого рода. Поэтому логическим следствием имеющихся поведенческих установок становятся либо желание предельно расширить границы общины за счет включения новых членов, либо максимально ограничить контакты с внешним миром. Последний вариант встречается реже, как встречающий сопротивление внешней социальной среды и может быть реализован частично.

Как уже отмечалось, тема религиозности и всего, что с ней связано, является достаточно широкой. Учитывая тот факт, что трансформации конфессионального пространства являются константой для культуры человечества, всегда сложно претендовать на всеохватность проводимых исследовательских работ.

Анализ ряда явлений религиозной и околорелигиозной жизни показал, что религиозность как специфическое явление в социальном пространстве необходимо содержит элемент некой универсальности: социум во многом является конструирующим фактором и этого отношения. Результаты проведенных социологических опросов дают основание говорить о том, что женщины-верующие изучаемого региона могут рассматриваться как единая группа на том основании, что на них влияют общие социально-экономические, политические и культурно-исторические предпосылки социального бытия. Другими словами, применительно к российской ситуации следует говорить о неком наборе стереотипов мышления и поведения прихожанок, который может в равной степени быть отнесен к представительницам почти всех религиозных групп. Данный факт делает возможным априорную аппликацию полученных данных в отношении тех общин, которые по ряду причин оказались не вовлеченными в проведенное исследование.

Исследование показало, что сама модель религиозного поведения очерчена в каждой общине достаточно четко, так что можно говорить, в какой-то мере, о ее специфических конфессиональных формах. Именно в религиозном пространстве наиболее ярко, по нашему мнению, проявляется разница в стратегиях поведения в традиционных и новых религиозных общинах. Религии, относимые к традиционным, отличает, кроме всего прочего, расплывчатость границ религиозности в традиционных об-

щинах и смещение этого отношения в сферу образа жизни, когда не требуется интенсивность религиозного переживания. Одним из доминирующих факторов здесь также является и специфика каждого из религиозных учений, соединенная с особенностями культурно-исторического развития страны, этноса, группы верующих.

Примененные методы количественного анализа, вне верификации качественной природы, наглядно показали, что каждая группа имеет свой специфический модус мышления и поведения, напрямую связанный со специфическими потребностями и возможностями ее представителей. Этот модус в наибольшей мере касается непосредственно моделей религиозного поведения.

Исследование подтвердило справедливость нашего предположения о том, что в эпоху постмодернистских ценностей (индивидуализм, профессионализм, самореализация), эмансипации женщин, гендерной революции, все возрастающей мультикультурности обществ отдельно взятому индивиду приходится корректировать свои традиционные ориентации, создавая свою собственную модель взаимоотношения с окружающим миром, в т. ч. и в отношении вопросов веры. Современная верующая вынуждена не только позиционировать себя в религиозном континууме и в социальном плане, но и существовать в условиях поликонфессиональности и открытости культуры разным модернизационным веяниям.

Это уже не зависит от половой принадлежности, а скорее, определяется уровнем модернизированности общества в целом. Налицо столкновение традиционных и современных ценностей, преодоление которого в качественном аспекте определяется дифференцированно у представительниц разных общин.

Стоит принимать во внимание и факт весьма высокой эффективности вовлечения в активную внебогослужебную деятельность представителей традиционных и нетрадиционных религий, наблюдаемый как раз среди женской части религиозных сообществ. В границах самих общин это уже давно имеет место и осуществляется в разнообразных формах и сферах приложения усилий. Социальный потенциал членов конфессиональных объединений делает привлекательными религиозные общины в качестве партнеров при осуществлении разного рода благотворительной и просветительской деятельности.

Разумеется, религиозность как явление не стоит сводить к региональному, гендерному либо другим аспектам. Она как феномен требует постоянного и всестороннего изучения. Однако обращение к тем аспектам религиозной жизни, которые наиболее ярко заявляют о себе в конфессиональном пространстве, дает неограниченное число возможностей для ухода от формальных параметров явления и обращения к тому, что действительно вносит вклад в социальную жизнь и неотъемлемую от нее культуру.

Литература

1. Население по полу и возрастным группам по субъектам Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=31. Дата обращения: 21.11.2010.

2. Население, учтенное при Всероссийской переписи населения 2002 года. – Режим доступа: http://www. perepis2002.ru/ct/doc/1_TOM_01_01.xls. Дата обращения 15.06.2007.

3. Сколько и какие верующие есть в России. – Режим доступа: http://newchristianity.ucoz.-ru/news/2009-07-27-34. Дата обращения: 21.11.2010.

4. Тарусин, М. Исследование «Религия и общество» / М. Тарусин. – Режим доступа: http://www.religare. ru/2_35081.html. Дата обращения: 21.11.2010.

5. Терентьев, Д. Кто такие «настоящие» и «ненастоящие» верующие / Д. Терентьев. – Режим доступа: http://www.religare.ru/2_22953.html. Дата обращения: 21.11.2010.

6. Филатов, С. Статистика российской религиозности / С. Филатов, Р. Лункин. – Режим доступа: http://www.manwb.ru/articles/world_today/tolerance/StatReligio_FilLunk. Дата обращения: 21.11.2010.

ЭКОЛОГИЯ. ЗДОРОВЬЕ

УДК [316.728:303.62]:[616-006:611.6-056.24]

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ПРИ ПОМОЩИ ОПРОСНИКА FACT – BL У БОЛЬНЫХ ИНВАЗИВНЫМ РАКОМ МОЧЕВОГО ПУЗЫРЯ

А. Д. Каприн, Н. Ю. Добровольская, А. В. Шестаков, С. В. Гармаш, А. Д. Цыбульский

DETERMINATION OF QUALITY OF LIFE WITH THE HELP OF FACT-BL IN PATIENTS WITH INVASIVE BLADDER CANCER

A. D Kaprin, N. Y. Dobrovolskaya, A. V. Shestakov, S. V. Garmash, A. D. Tsybulsky

В исследовании попытались оценить качество жизни больных после комбинированного и комплексного лечения.

Материалы и методы. В исследование было включено 90 больных с раком мочевого пузыря в стадии T2-T3aN0M0, получающие лечение в РНЦРР в период с 2003 по 2008 год. В первую группу было включено 43 пациента, получавших комбинированное лечение; во вторую вошло 47 больных, которым проводилось

комплексное лечение. В исследовании нами использовался опросник Functional Assessment of Cancer Therapy-Bladder. FACT-BL – специально разработанный модуль для больных раком мочевого пузыря, в последнее время стал активно использоваться совместно с общим опросником для раковых больных (FACT G).

Результаты. У пациентов при комплексном лечении отмечается динамика ухудшения показателей от молодых пациентов к более пожилым. При сравнении больных посредством дополнительного модуля вопросов FACT-Bl на момент исследования различий в показателях обеих групп не отмечалось (диаграмма 1). При оценке пациентов после хирургического и химиолучевого лечения выявлены достоверные изменения через 6 месяцев после проведения терапии в виде уменьшения показателей опросника, что во многом определяется положительным эффектом от проводимого лечения. Установлено, что в I группе отмечается более выраженное увеличение значений, начиная с 12 месяца наблюдений, по сравнению со 2 группой. При динамическом наблюдении показатели при разных вариантах лечения достоверно отличаются (FACT-Bl в I группе 24,3; во II группе 15,9)

Использование опросника FACT – Bl позволяет отслеживать изменения самочувствия больного на протяжении лечения и в ходе его реабилитации, тогда как выявление прогностического значения показателя общего качества жизни позволяет предсказывать общие тенденции изменения состояния больного при проведении лечения еще до его фактического начала.

In the research we tried to estimate quality of life (QoL) of patients after combined therapy and complex therapy.

Materials and methods: 90 patients with bladder cancer at the stage T2-T3N0M0 underwent treatment in FSI Russian Scientific Rentgenradiology Centre for the period 2003 – 2008 were included in the research. The first group consisted of 43 patients who received combined therapy; the second group consisted of 47 patients who were performed complex treatment. In the research we used the questionnaire Functional Assessment of Cancer Therapy-Bladder. FACT-BL is a specially worked out module for patients with bladder cancer which is actively used conjointly with the general questionnaire for oncologic patients (FACT-G).

Results: Deterioration dynamics in patients after complex therapy is registered due to age-dependent indicator (from young to older patients). Comparing patients with the help of FACT-BL-module at the moment of research, QoL scores were not significantly different in both groups. While evaluating patients after surgical treatment and chemoradiation, significant changes like decreasing of scores were identified in 6 months after therapy which shows positive effect of the treatment. It's established that in the first group scores are much higher beginning from the 12-th month of follow-up period (in comparison with the second group). According to the dynamic study, scores in different variants of treatment are significantly different (FACT-BL in the first group is 24.3, in the second group – 15.9).

Conclusion: The usage of FACT-BL gives an opportunity to follow up the patient's state of health during the whole treatment process as well as during his rehabilitation, while getting of the prognostic value of QoL indicator helps to predict general tendencies for changes of health status since before the factual commencement of the treatment.

Ключевые слова: качество жизни, опросники, рак мочевого пузыря.

Keywords: quality of life, questionnaire, bladder cancer.

Основной целью медицинской помощи онкологическим больным является продление их жизни, однако при выборе лечебной тактики должен учитываться и такой аспект функционального состояния больных, как качество жизни (КЖ) [2]. Он позволяет дать количественную оценку многокомпонентных характеристик жизнедеятельности человека – физического, психологического и социального функционирования. В связи с этим исследования КЖ используются как для оценки, так и для совершенствования эффективности медицинской помощи больным [1].

В настоящее время все больше внимания уделяется влиянию лечения на различные аспекты качества жизни больных, связанного с их здоровьем. Такого рода оценка особенно уместна у пациентов, страдающих онкологическими заболеваниями нижних мочевых путей, которые сегодня, благодаря успехам, достигнутым в лечении этого заболевания, живут в течение многих лет после установления диагноза. У таких больных даже незначительные изменения качества жизни (как позитивные, так и негативные) могут приводить к выраженному изменению психо-эмоционального состояния и самооценки. Следовательно, для больных индекс качества жизни может быть столь же важен, как и выживаемость. Поэтому при выборе методов лечения при различных стадиях в расчет следует принимать не только продолжительность, но и качество жизни [3, 4].

Учитывая постоянное появление новых лекарственных препаратов, усовершенствование существующих, внедрение новых методов лечения, постоянно пересматриваются подходы к лечению различных заболеваний. Долгое время «золотым стандартом лечения» инвазивного РМП является радикальная цистэктомия. Однако в последнее время все больше используются органосохраняющее лечение с использованием комбинации различных методов, которое обеспечивает выживаемость, не отличающуюся от хирургического лечения. Но в то же время КЖ пациентов при комплексном лечении выше, чем после рацикальной цистэктомии. Вместе с тем недостаточная разработанность методического арсенала для оценки состояния пациентов с различной патологией существенно ограничивает возмож-

ности эффективного использования КЖ в качестве одного из критериев эффективности лечебно-профилакти-ческих мероприятий.

В исследование было включено 90 больных с раком мочевого пузыря в стадии T2-T3N0M0, получающие лечение в РНЦРР в период с 2003 по 2008 гг. В первую группу было включено 43 пациента, получавших комбинированное (химиолучевое, СОД 66 – 68Гр) лечение, во вторую вошло 47 больных, которым проводилось комплексное лечение (трансуретральная резекция в сочетании с химиолучевым лечением, СОД 48-50Гр).

В исследовании нами использовался опросник Functional Assessment of Cancer Therapy-Bladder. FACT-BL – специально разработанный модуль для больных раком мочевого пузыря, в последнее время стал активно использоваться совместно с общим опросником для раковых больных (FACT G) [8]. При использовании опросника FACT-BL учитывались физическое состояние, социальное/семейное состояние, эмоциональное состояние, функциональное состояние, а также дополнительные специальные вопросы позволяли оценить состояние нижних мочевых путей. Однако в процессе исследования в специально разработанном модуле нами были исключены 2 вопроса, относившиеся к вариантам деривации после радикальной цистэктомии.

Результаты

Достоверных различий в показателях качества жизни в обеих группах не выявлено. Однако при комбинированном лечении отмечалось лучшее качество жизни, чем при комплексном лечении (FACT-G I группы 48,1 и 2 группа 51,2; FACT-Bl 64,2 и 66,6 соответственно). При динамическом исследовании показатели в обеих группах изменились. Так было отмечено, что через 12 месяцев после лечения достоверного нарастания значений не отмечается. Через 18 месяцев выявлено увеличение показателей эмоционального состояния пациентов. Через 24 месяца отмечается нарастание показателей общего, эмоционального, функционального состояния больных, но в то же время на всем протяжении наблюдения значения социальной адаптации остаются в пределах начального уровня в обеих группах.

При изучении качества жизни больных проводилось сравнение показателей шкал в процессе лечения через 6, 12 и 24 месяцев соответственно.

При сравнении показателей опросника FACT-G достоверных различий в исследуемых группах не выявлено (диаграмма 1). Однако у пациентов после комбинированного лечения отмечается увеличение показателей через 12 месяцев наблюдения по сравнению с больными после комплексного лечения.

Диаграмма 1

Динамика среднего количества баллов FACT-G у больных после хирургического и химиолучевого лечения

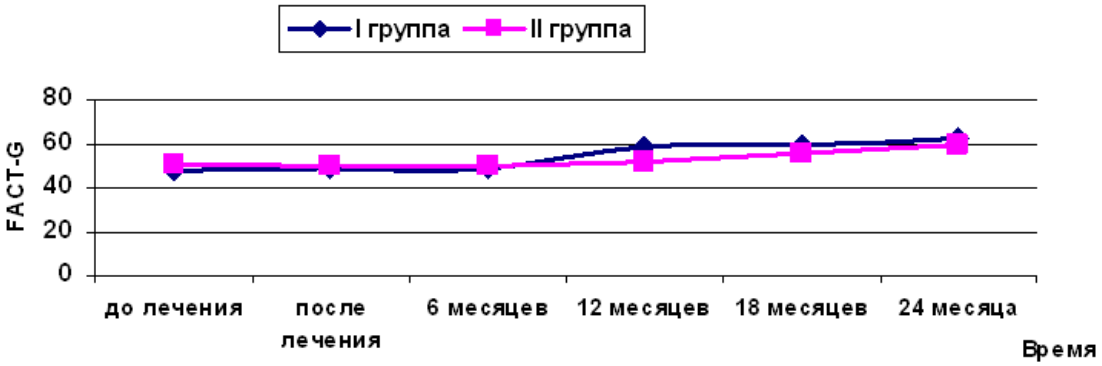
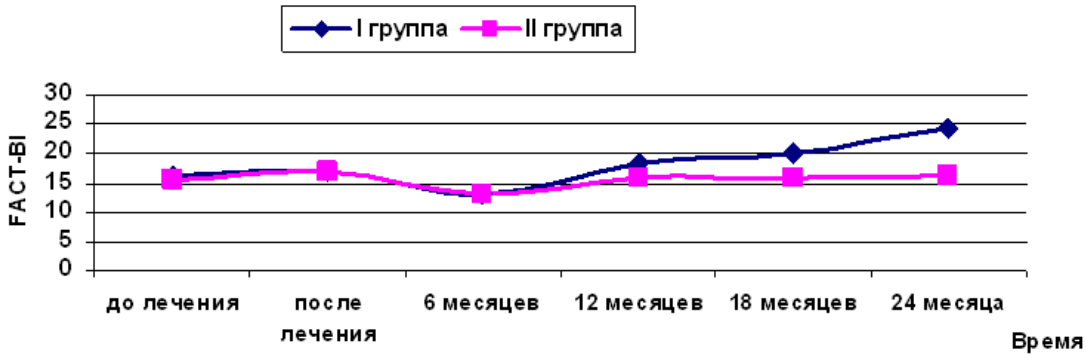


Диаграмма 2

Динамика среднего количества баллов FACT-Bl у больных после хирургического и химиолучевого лечения



При сравнении больных посредством дополнительного модуля вопросов FACT-Bl на момент исследования различий в показателях обеих групп не отмечалось (диаграмма 1). При оценке пациентов после хирургического и химиолучевого лечения выявлены достоверные изменения через 6 месяцев после проведения терапии в виде уменьшения показателей опросника, что во многом определяется положительным эффектом от проводимого лечения.

Установлено, что в I группе отмечается более выраженное увеличение значений начиная с 12 месяца наблюдений, по сравнению со 2 группой. При динамическом наблюдении показатели при разных вариантах лечения достоверно отличаются (FACT-Bl в I группе 24,3, во II группе 15,9). Объяснением служит тот факт, что у части пациентов отмечаются рецидивы основного заболевания, появляются отсроченные осложнения. Как в одном, так и другом случае больным требуется применение специального лечения.

Обсуждение

Для оценки КЖ применимы принципы психометрической тест-теории. Ее суть состоит в том, что информация о КЖ собирается с помощью пациент-центрированных исследований, инструментами которых являются самоопросники или опрос (интервьюирование) пациентов с помощью третьих (нейтральных) лиц [10]. Опросники обычно содержат различные вопросы (или пункты), которые сгруппированы по шкалам. Домены могут быть общими или специфическими. Общие домены характеризуют ощущение пациентом общего состояния здоровья, а специфические – фокусируют воздействие патологического процесса на отдельных сторонах самочувствия и жизни конкретного индивидуума [3]. Оценка качества жизни важна для понимания психологических, физических и социальных последствий лечения рака мочевого пузыря.

В ходе исследования подтвердилось предположение о том, что больные, имеющие изначально низкий уровень общего качества жизни, будут иметь соответственно низкие показатели на протяжении всего периода наблюдения, что свидетельствует о возможности прогнозирования состояния пациента, основываясь на показателях шкалы КЖ до начала лечения.

Уже наличие онкологического заболевания оказывает выраженное неблагоприятное влияние на различные сферы жизнедеятельности человека: физическую, психологическую, социальную и духовную. Применение любых вариантов лечения, даже малоинвазивных, приводит только к ухудшению КЖ. В связи с чем оценка и коррекция показателей КЖ, дальнейшая реабилитация пациентов, подвергающихся комплексному лечению, является, несомненно, важной, актуальной и социально значимой проблемой [6, 7].

Анализ полученной информации позволил предположить, что различие качества жизни пациентов во время лечения во многом определяется выбранным подходом к лечению. В связи с чем у больных, получающих комплексное лечение, этот показатель будет больше, чем при комбинированном лечении. При наблюдении выявлено ухудшение качества жизни в 1 группе по сравнению с 2 группой. Однако можно четко охарактеризовать их зависимость от возраста пациентов, стадии заболевания, наличия сопутствующих заболеваний. В то же время в 1 группе отмечались более выраженные поздние лучевые осложнения, чем во второй группе. По данным некоторых авторов, после проведения комбинированного лечения гемцитабином и лучевой терапией такие показатели качества жизни, как функция мочеиспускания и сексуальная функция по результатам опросов пациентов улучшились при наблюдение в течение 36 и 18 месяцев соответственно [11,12]. При ретроспективном анализе, в котором приняли участие 93 пациента, качество жизни после комбинированного лечения уступало результатам комплексного подхода по таким группам показателей, как сексуальная функция и общефизическое состояние [5].

Анализ показателей качества жизни у пациентов в зависимости от исходного уровня показателя шкалы КЖ позволил выявить ряд закономерностей, свидетельствующих о наличии прогностического значения показателя общего качества жизни, оцененного до начала лечения [9]. При обсуждении полученных результатов необходимо отметить, что существует взаимосвязь между всеми показателями, влияющими на качество жизни после различных вариантов лечения, о чем говорит увеличение значений, начиная с 12 месяцев наблюдений. Таким образом, на качество жизни пациентов при различных стадиях заболевания и разнообразных вариантах лечения влияет большое количество факторов, и коррекция одного не приведет к улучшению общего состояния больного.

Выводы

Использование опросника FACT – Bl позволяет отслеживать изменения самочувствия больного на протяжении лечения и в ходе его реабилитации, тогда как выявление прогностического значения показателя общего качества жизни позволяет предсказывать общие тенденции изменения состояния больного при проведении лечения еще до его фактического начала. Данная информация может с успехом использоваться в практической деятельности врача для коррекции ожидаемых изменений внутреннего состояния больного.

Литература

1. Сухонос, Ю. А. Особенности популяционного исследования качества жизни: автореф. дис. ... канд. мед. наук / Ю. А. Сухонос – СПб., 2003.

2. Щепия, О. П. Здоровье населения Российской Федерации: проблемы и перспективы / О. П. Щепия // Вестник РАМН. – 1999. – С. 34 – 35.

3. Bowling, A. Measuring disease. A review of disease-specific quality of life measurement scales / A. Bowling. – Philadelphia: Open University Press, 1996.

4. Cella, D. R. Quality of life in cancer: definition, purpose, and method of measurement / D. R. Cella,

D. S. Tulsky. – Cancer Invest, 1993. – Vol. 1l. – N 3. – P. 327 – 336.

5. Henningsohn, L. Distressful symptoms after radical radiotherapy for urinary bladder cancer / L. Henningsohn, H. Wijkstrom, P. W. Dickman et al. – Radiother Oncol, 2002. – Vol. 62. – P. 215 – 225.

6. Jenial, A. Cancer statistics / A. Jenial, R. C. Tiwari, T. Murray et al. // Cancer J Clin. – 2004. – Vol. 54. – N l. – P. 8 – 29.

7. Kaplan, R. M. The quality of well-being scale: critical similarities and differences with SF-36 / R. M. Kaplan, T. G. Ganiats, W. J. Sieber et al // Int J Qual Health Care. – 1998. – Vol. 10. – N 6. – P. 509 – 520.

8. Kikuchi, E. Assessment of Long-Term Quality of Life Using the FACT-BL Questionnaire in Patients with an Ileal Conduit, Continent Reservoir, or Orthotopic Neobladder / E. Kikuchi, Y. Horiguchi, J. Nakashima // Jpn J Clin Oncol. – 2006. – Vol. 36. – N 11. – P. 712 – 716.

9. Miyanaga, N. A bladder preservation regimen using intra-arterial chemotherapy and radiotherapy for invasive bladder cancer: a prospective study / N. Miyanaga, H. Akaza, T. Okumura et al. // Int. J. Urol. – 2000. – Vol. 7. – P. 41 – 48.

10. Moinpour, C. M. Quality of life end points in cancer clinical trials: review and recommendations / C. M. Moinpour, P. Feigl, B. Metch et al. // J Natl Cancer Inst. – 1989. – Vol. 81. – N 7. P. 485 – 495.

11. Spry, N. Development of a european organization for research and treatment of cancer module to assess the quality of life of patients with proctitis after pelvic radiotherapy for malignancy / N. Spry, G. Halkett, S. Aoun // Int. J. Radiation Oncology Biol. Phys. – 2008. – Vol. 72. – N 2. – P. 522 – 528.

12. Velikovaa, G. The EORTC QLQ-HDC29: A supplementary module assessing the quality of life during and after high-dose chemotherapy and stem cell transplantation / G. Velikovaa, J. Weisb, M. Hjermstadc // European journal of cancer. – 2007. – Vol. 43. – P. 87 – 94.

УДК: 504.06:613.1/.9

ОЦЕНКА АНТРОПОГЕННОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА г. НОВОКУЗНЕЦКА

П. В. Климов, Д. В. Суржиков, В. Д. Суржиков, В. В. Большаков

ASSESSMENT OF ANTHROPOGENIC AIR POLLUTION IN NOVOKUZNETSK

P. V. Klimov, D. V. Surzhikov, V. D. Surzhikov, V. V. Bolshakov

Исследование выполнено на кафедре экологии и естествознания Новокузнецкого филиала-Института Кемеровского государственного университета и в лаборатории прикладных гигиенических исследований Научно-исследовательского института комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний Сибирского отделения РАМН

Выполнено исследование по оценке загрязнения атмосферного воздуха крупного промышленного города. Выбросы загрязняющих веществ в сочетании с метеорологическими условиями и особенностями городской застройки ведут к опасному для здоровья населения загрязнению воздушного бассейна г. Новокузнецка. Концентрации формальдегида, взвешенных частиц, диоксида азота и фтористого водорода в атмосферном воздухе всех районов города превышают предельно допустимые нормативы. Наибольшей потенциальной угрозой для населения обладают выбросы взвешенных частиц и диоксида серы, от стационарных источников, а от транспорта – выбросы диоксида азота.

Assessment on study of air pollution in a big industrial city has been completed. Pollutant emissions, combined with meteorological conditions and characteristics of urban sprawl lead to public health risk of air pollution in Novokuznetsk. Concentrations on formaldehyde, particulates, nitrogen dioxide and hydrogen fluoride in the air across the city exceed the maximum permissible standards. The greatest potential threat to the population have the emissions from stationary sources of particulates and sulfur dioxide, and from transport – emissions of nitrogen dioxide.

Ключевые слова: загрязнение атмосферного воздуха, выбросы промышленных предприятий.

Keywords*:* air pollution, industrial venterprises emissions.

Выбросы промышленных предприятий и автотранспорта оказывают негативное влияние на среду обитания и состояние здоровья людей. Присутствие в атмосферном воздухе токсичных веществ и аэрозолей ведет к росту заболеваемости и смертности населения, наносит значительный экономический ущерб [4, 5]. В Российской Федерации 55 % горожан проживают в условиях высокого и очень высокого уровня загрязнения атмосферного воздуха [1]. При реструктуризации действующих и строительстве новых промышленных предприятий должен учитываться экологический фактор. Оценка антропогенного загрязнения крупного промышленного города является актуальной задачей экологических исследований.

Для характеристики загрязнения атмосферного воздуха были проанализированы данные о техногенных выбросах загрязняющих веществ Комитета по охране окружающей среды и природных ресурсов администрации г. Новокузнецка с 2004 по 2008 гг. Рассчитывался индекс сравнительной опасности выбросов [3, с. 100 – 102]. Оценивались среднегодовые и максимальные концентрации вредных примесей в атмосферном воздухе по данным Новокузнецкой гидрометобсерватории Росгидромета РФ за этот же период наблюдения. Оценка уровня за-

грязнения атмосферного воздуха проводилась с помощью показателя P, стандартизация кратности превышения ПДК осуществлялась по третьему классу опасности загрязняющих атмосферный воздух веществ [2, с. 25]

Для посуточного определения степени жесткости погоды [6, с. 8-10] были проанализированы метеорологические данные лаборатории экологического мониторинга воздушной среды Новокузнецкого филиала-института Кемеровского государственного университета (НФИ КемГУ) за 2004 – 2006 гг. Стационарная лаборатория расположена в центральной части города, организована на базе комплекса экологического оборудования по непрерывному мониторингу воздушной среды, полученного в рамках межправительственного соглашения между РФ и США, в комплекс оборудования входят приборы по определению метеорологических показателей, концентраций ряда примесей в атмосфере, в.т. ч. озона.

Собственная богатая сырьевая база по добыче угля и железной руды обусловила развитие на юге Кемеровской области отраслей тяжелой промышленности, оказывающих значительную нагрузку на окружающую природную среду. В промузел г. Новокузнецка входят два металлургических комбината, алюминиевый и ферросплавный заводы, агломерационная и углеобогатительные фабрики, ряд шахт и разрезов, три крупные ТЭЦ и свыше 60 небольших котельных. Население города составляет свыше 560 тыс. человек. В административном отношении г. Новокузнецк разделен на шесть районов: Центральный (I), Заводской (II), Кузнецкий (III), Куйбышевский (IV), Новоильинский (V) и Орджоникидзевский (VI). Предприятия города характеризуются сосредоточением большого количества источников выбросов в воздушный бассейн на ограниченной территории, финансированием природо-охранной деятельности по остаточному принципу, использованием устаревших технологий, низкой эффективностью очистных сооружений.

Город расположен на холмистой равнине, расчлененной долинами рек Томь, Кондома и Аба и окруженной отрогами Салаирского кряжа и Кузнецкого Алатау. Исторически г. Новокузнецк развивался и строился отдельными площадками. Жилые районы находятся между промплощадками отдельных крупных производств. Близкое расположение промышленных и селитебных зон обуславливает высокую вероятность контакта населения с загрязняющими атмосферный воздух веществами. В юго-восточной части города расположены жилые массивы районов III и VI. Между ними расположена промышленная площадка, включающая алюминиевый и ферросплавный заводы, крупную ТЭЦ. Селитебные кварталы района III не имеет достаточной зоны санитарного разрыва с этой промплощадкой. Район VI несколько более удален и менее подвержен воздействию атмосферных выбросов. На островах реки Кондома, в 2,5 км от жилой зоны района I находится Абагурская аглофабрика, промышленные выбросы от которой оказывают влияние на воздушный бассейн районов I, III и IV.

Крупный источник загрязнения атмосферного воздуха – Новокузнецкий металлургический комбинат находится на северо-западной окраине района I, у подножия отрогов Салаирского кряжа, на левом берегу реки Томь. Наибольшему воздействию его выбросов подвергается атмосферный воздух районов I, II и IV. Промышленная площадка Западно-Сибирского металлургического комбината (ЗСМК) имеет протяженность 9 км, расположена на правом берегу реки Томь на расстоянии 12 км от жилых массивов района II. ЗСМК является единственным крупным городским предприятием, имеющим нормативный размер санитарного разрыва с селитебными кварталами.

Фактором, усугубляющим неблагоприятную градостроительную ситуацию и ведущим к накоплению атмосферных загрязнений в приземном слое воздуха, являются климатические условия местности. Застройка городской территории и выбор местоположения промышленных предприятий в г. Новокузнецке осуществлялись без учета климатических характеристик, обуславливающих рассеивание в воздухе примесей. При северных (повторяемость 8 – 10 %) и северо-восточных (повторяемость 3 – 6 %) ветрах факелы предприятий почти полностью накрывают центральную часть города. На метеорологический режим города влияют изменения альбедо земной поверхности, которая для застроенных районов меньше альбедо загородной местности, выделений тепла, создаваемого различными видами хозяйственной деятельности. В центральной части города формируется остров тепла, который вызывает поток воздуха от окраин к центру. В этих условиях в районах V, VI и частично в районе IV, расположенных ближе к окраинам, наблюдается приток свежего воздуха, а в центр (районы I и III), поступает загрязненный воздух от промышленных предприятий. Важным фактором формирования острова тепла является наличие в воздушном бассейне большого количества выбросов твердых частиц, скапливающихся в атмосфере над городом и поглощающим часть солнечной радиации, что ведет к дополнительному нагреванию воздуха.

Особенностью климатических условий г. Новокузнецка является преобладание антициклонных барических образований. В воздушной среде города часты инверсионные распределения температуры. Приземные инверсии возникают в зимний период в результате застаивания и выхолаживанию воздуха над земной поверхностью. В летний период преобладают приподнятые инверсии, связанные с атмосферными циркуляционными процессами. В условиях г. Новокузнецка, при наличии большого количества низких источников выбросов, при инверсиях создаются условия, способствующие накоплению примесей в приземном слое воздуха. Выбросы низких источников в г. Новокузнецке скапливаются в приземном слое воздуха при штилях (повторяемость 13 – 18 %). Большую опасность для воздушного бассейна города представляют застои воздуха, т. е. ситуации, когда приземные инверсии температуры наблюдаются при штилевой погоде.

Повторяемость дней с умеренно жесткой степенью погоды в центральной части города составляет 42,5 %, мягкой – 26,5 %, жесткой – 25,8 %, очень жесткой 5,2 %. В зимние месяцы повторяемость дней с жесткой степенью погоды может достигать 84 %, а в летние месяцы – 63 %. В весенний и осенний периоды преобладают умеренно жесткие (повторяемость дней 52,1 %) и мягкие (повторяемость дней 40,9 %) степени погоды.

В зимний период для воздушного бассейна города характерно образование ледяного смога, представляющего собой сочетание газообразных загрязнителей, пылевидных частиц и кристаллов льда, возникающих при замерзании капель тумана и пара отопительных систем, а также образование, при растворении в каплях тумана диоксида серы, повышенных концентраций паров серной кислоты. Высокая концентрация аэрозольных частиц в городском воздухе ведет к увеличению конденсации влаги и, соответственно, частоты туманов, которые играют значительную роль в уменьшении дальности видимости на территории города. Туман является фактором, усиливающим загрязнение приземного слоя воздуха. Капли тумана поглощают вредные вещества как вблизи поверхности, так и из вышележащих загрязненных слоев воздуха. Концентрации примесей в тумане возрастают, что связано с происходящими в нем химическими процессами. В переходный период года атмосферу города характеризует формирование восстановительного смога из смеси дыма, сажи, капель тумана и диоксида серы. Данный тип смога достигает максимальных уровней при высокой влажности воздуха и состоянии приподнятой инверсии в воздушном бассейне. В летний период отмечается формирование в воздушной среде города фотохимического смога, возникающего в результате разложения загрязняющих веществ под действием солнечного излучения. Большая повторяемость антициклональной погоды и континентальность климата способствуют тому, что по количеству ясных дней и солнечному сиянию, а также количеству поступающей солнечной радиации г. Новокузнецк превосходит города европейской территории страны на тех же широтах. Основным условием формирования фотохимического окислительного смога является наличие в атмосфере оксидов азота, входящих в состав промышленных выбросов большинства предприятий города. В набор конечных продуктов данного типа смога входят озон и формальдегид.

Оценка сезонности распределения концентраций загрязняющих веществ в атмосферном воздухе центральной части города (район I) проводилась за период с 01.12.2004 по 01.12.2009 гг. по данным наблюдений на трех стационарных постах Новокузнецкой гидрометобсерватории. В зимний период года средние концентрации сажи в 6,1 раза, диоксида серы в 2,9 раза, бенз(а)пирена в 2,3 раза выше, чем летом, когда наблюдаются минимальные концентрации этих веществ в атмосферном воздухе, при коэффициентах сезонной колеблемости 78,6 %, 46,2 %, 30,5 %, соответственно. Для летнего периода характерны высокие средние концентрации формальдегида, превышающие концентрации данного загрязнителя зимой в 1,65 раза, при коэффициенте сезонной колеблемости 27,7 %, а также фенола, концентрации которого летом в 2,48 раза выше, чем зимой, при коэффициенте сезонной колеблемости 46,25 %. Оценка сезонности уровня загрязнения атмосферного воздуха по комплексному показателю Р (без учета бенз(а)пирена, так как концентрации данного загрязнителя не отслеживаются в других районах города) выявила, что летом значения показателя Р в центральной части города достигают опасного уровня, в то же время как зимой, осенью и весной преобладает уровень загрязнения, вызывающий опасение. Согласно данным лаборатории экологического мониторинга воздушной среды НФИ КемГУ, максимальный уровень концентрации озона достигается в весенний период, что связано с высоким притоком солнечной радиации, в том числе и ультрафиолетовой, а также с наиболее интенсивным переносом озона из стратосферы в это время года. Минимальный уровень загрязнения атмосферного воздуха центральной части города озоном отмечается в осенний период.

Загрязнение атмосферного воздуха г. Новокузнецка, в первую очередь, связано с высокими выбросами дымовых труб промышленных предприятий металлургического и теплоэнергетического комплексов. Также в атмосферный воздух города поступают низкие выбросы из труб мелких котельных, производственных зданий, автомобильные и железнодорожные выхлопы, которые сразу же оказываются в приземном слое и слабо разбавляются. На крупных металлургических предприятиях в процессе производства накапливаются вредные вещества, которые периодически поставляются в атмосферу залповыми выбросами. При выбросах от металлургических предприятий и ТЭЦ, обладающих высотными трубами, значительные концентрации примесей у поверхности создаются при опасной скорости ветра, при которой факел выброса опускается к земле и наблюдается эффект задымления. Значения опасной скорости ветра зависят от высоты, скорости и температуры выбросов из источника. Для предприятий г. Новокузнецка опасная скорость ветра колеблется в пределах 3 - 4 м/с при средней скорости ветра в городе 2,8 м/с. При ослаблении ветра до штиля должен происходить подъем перегретых выбросов от высоких источников в верхние слои атмосферы, где они могут рассеиваться. Однако в условиях г. Новокузнецка при штилевой погоде часто наблюдается инверсия, которая образует задерживающий слой, препятствующий подъему выбросов. От точечных и линейных рельефоидных источников ежегодно в атмосферный воздух поступают (период 2004-2008 гг.) взвешенные частицы, диоксид азота, диоксид серы, фтористый водород в количестве 51,2; 19,2; 40,1; 1,07 тыс. тонн соответственно. Предприятия города выбрасывают в воздух фенол, сажу, сероводород и аммиак в среднем 243; 824; 276; и 715 тонн в год соответственно (таблица 1).

Таблица 1

Выбросы загрязняющих веществ в воздушный бассейн г. Новокузнецка от точечных и линейных рельефоидных источников

Примесь	*Выбросы, тыс. тонн/год*	*Индекс сравнительной опасности выбросов*	*Удельный вес в суммарном индексе опасности выбросов, %*
Взвешенные частицы	51,22	286809	39,2
Диоксид азота	19,22	107654	14,72
Диоксид серы	40,09	224482	30,68
Оксид углерода	267,22	14964	2,04
Фтористый водород	1,07	59920	8,19
Сероводород	0,276	15456	2,11
Фенол	0,243	13586	1,86
Формальдегид	0,0001	5,6	0,0008
Сажа	0,824	4615,5	0,63
Аммиак	0,715	4005,1	0,55
Суммарно	-	731496,7	100,0

Также в атмосферный воздух города от рельефоидных источников поступает метан в среднем количестве 40,56 тыс. тонн/год и бенз(а)пирен в среднем количестве 1,15 тонн/год, обладающий канцерогенными свойствами. Согласно данным таблицы 1, в результате предварительного ранжирования загрязняющих веществ установлено, что наибольшей потенциальной угрозой для населения обладают выбросы от стационарных источников взвешенных частиц (удельный вес в суммарном индексе опасности составляет 39,2 %), диоксида серы (удельный вес 30,68 %), диоксида азота (14,72 %) и фтористого водорода (8,19 %).

Установлены вклады отраслей хозяйства в выбросы основных, загрязняющих атмосферный воздух, примесей. Удельный вес предприятий черной металлургии в выбросах взвешенных веществ от стационарных источников составил 48,42 %, диоксида серы 63,4 %, оксида углерода – 92,2 %, диоксида азота 33,5 %, бенз(а)пирена – 15,16 %. Удельный вес предприятий теплоэнергетики весьма высок в выбросах взвешенных частиц – 17,23 %, диоксида серы – 30,8 % и диоксида азота – 56,4 %. Причем ТЭЦ выбрасывают в воздушный бассейн взвешенные вещества с высоким содержанием в своем составе диоксида кремния (от 20 % до 70 %). Цветная металлургия вносит существенный «вклад» в поступление в атмосферный воздух города бенз(а)пирена – 84,70 % от суммарных выбросов данного загрязнителя, а также взвешенных частиц – 18,11 % и оксида углерода – 5,5 %. Доля котельных ЖКХ и некрупных предприятий весьма значительна в выбросах таких атмосферных примесей, как взвешенные вещества – 14,0 %, диоксид серы – 3,57 %, диоксид азота – 8,34 %. Выбросы котельных осуществляются через низкие трубы и при состоянии приземной инверсии в атмосфере концентрации вредных веществ, отходящих от данного типа источников, в приземном слое воздуха резко возрастают.

Автомобильный и железнодорожный транспорт поставляет в воздушный бассейн г. Новокузнецка в среднем 53,0 тыс. тонн/год оксида углерода и 7,16 тыс. тон/год диоксида азота. В автомобильных и железнодорожных выхлопах присутствуют опасные для здоровья человека диоксид серы в среднем количестве 526 тонн/год и сажа – в количестве 106 тонн/год.

Предварительное ранжирование токсичных веществ позволило определить, что наибольшую опасность в выбросах от транспорта для населения г. Новокузнецка представляют диоксид азота (удельный вес в суммарном индексе опасности выбросов 86,04 %), оксид углерода (удельный вес 6,37 %) и диоксид серы (удельный вес 6,32 %).

В качестве основных показателей загрязненности воздушной среды г. Новокузнецка нами были использованы кратность превышения ПДК и комплексный показатель Р. Эти показатели позволяют количественно оценить степень загрязнения воздушной среды комплексом химических веществ. Средние за рассматриваемый временной период концентрации фтористого водорода превышали среднесуточную ПДК в 1,2 – 1,4 раза (в зависимости от селитебной зоны), формальдегида в 3,67 – 5,87 раза, взвешенных частиц – в 1,39–2,05 раза, диоксида азота – в 1,15 – 1,59 раза. Наибольший средний уровень загрязнения взвешенными частицами, оксидом углерода и диоксидом азота отмечается в атмосферном воздухе селитебной зоны района III, сажей и диоксидом серы – в селитебной зоне района I, формальдегидом и оксидом азота – в районе IV (таблица 2).

Средние из максимальных за рассматриваемый период концентрации фенола превышали максимально разовую ПДК в 2,76 – 3,7 раза (в зависимости от селитебной зоны), сажи – в 1,64 – 2,31 раза, фтористого водорода – в 4,39 – 5,96 раза, формальдегида – в 2,64 – 4,43 раза. Средний из максимальных уровень загрязнения атмосферного воздуха взвешенными частицами был выше предельно допустимого норматива в 2,68 – 3,44 раза, оксидом углерода – в 1,4 – 2,92 раза, диоксидом азота – в 1,76 – 2,53 раза.

Таблица 2

Средние за период наблюдения (2004 – 2008 гг.) концентрации атмосферных примесей по районам г. Новокузнецка (в кратностях превышения среднесуточной ПДК) и показатель Р (в баллах)

	Районы					
	I	***II***	***III***	***IV***	***V***	***VI***
Взвешенные частицы	1,59	1,39	2,05	1,78	1,47	1,45
Диоксид серы	0,24	0,12	0,228	0,148	0,18	0,22
Оксид углерода	0,37	0,36	0,40	0,36	0,33	0,36
Диоксид азота	1,43	1,18	1,59	1,49	1,15	1,38
Оксид азота	0,33	0,32	0,46	0,57	0,35	0,43
Фенол	0,67	0,33	0,73	0,73	0,67	0,67
Сажа	0,36	0,26	0,232	0,304	0,32	0,32
Фтористый водород	1,2	1,2	1,2	1,2	1,4	1,2
Аммиак	0,075	0,05	0,08	0,07	0,075	0,05
Формальдегид	4,33	3,67	4,07	5,87	4,67	4,33
Показатель Р	7,0	5,3	6,5	9,9	7,5	6,5

Комплексный показатель Р, рассчитанный по среднегодовым концентрациям атмосферных примесей, находился в пределах от 5,3 до 9,9 баллов (в зависимости от района города). Значения показателя Р, установленные по максимальным концентрациям, колебались от 50,5 до 84,4 баллов в зависимости от селитебной зоны. Степень загрязнения воздушного бассейна г. Новокузнецка, как по среднегодовым, так и по максимальным концентрациям, оценивается как опасная.

Согласно данным, представленным в таблице 2, максимальные значения комплексного показателя Р, установленные по средним концентрациям, отмечены в районе IV, что связано с высоким содержанием в атмосферном воздухе этой селитебной зоны формальдегида, минимальные в районе II. Отличие структуры загрязнения воздушного бассейна района IV от структуры загрязнения других селитебных зон имплицировано близостью к коксохимическому производству.

Таким образом, сосредоточение большого количества промышленных предприятий, производящих выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух (преимущественно предприятия металлургии и теплоэнергетики) в сочетании с метеорологическими условиями (штили и инверсии) и особенностями городской застройки (близость селитебных и промышленных зон), ведут к опасному загрязнению атмосферного воздуха г. Новокузнецка. Результаты исследования позволили обосновать следующие выводы:

1. Средние за 2004 – 2008 гг. концентрации формальдегида, взвешенных частиц, диоксида азота и фтористого водорода в атмосферном воздухе всех районов города превышают предельно допустимые нормативы. Степень загрязнения атмосферного воздуха г. Новокузнецка оценивается как опасная для здоровья населения.

2. Характер загрязнения атмосферного воздуха центральной части г. Новокузнецка варьирует по сезонам, в зимний период года средние концентрации сажи в 6,1 раза, диоксида серы в 2,9 раза, бенз(а)пирена в 2,3 раза выше, чем летом, а в летний период года концентрации формальдегида в 1,65 раза, фенола в 2,48 раза выше по сравнению с зимой.

3. Согласно результатам предварительного ранжирования загрязняющих веществ, наибольшей потенциальной угрозой для населения обладают выбросы взвешенных частиц и диоксида серы от стационарных источников, а от транспорта – выбросы диоксида азота.

Литература

1. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2008 году». [Электронный ресурс] / Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. – М., 2009. – Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/part/?pid=1136.

2. Окружающая среда и здоровье: подходы к оценке риска [Текст] / под ред. А. П. Щербо. – СПб.: СПбМАПО, 2002. – 376 с.

3. Основы оценки риска для здоровья населения при воздействии химических веществ, загрязняющих окружающую среду [Текст] / Г. Г. Онищенко, С. М. Новиков, Ю. А. Рахманин и др.; под ред. Ю. А. Рахманина, Г. Г. Онищенко. – М.: НИИ ЭЧ и ГОС, 2002. – 408 с.

4. Ревич, Б. А. «Горящие точки» химического загрязнения окружающей среды и здоровье населения России [Текст] / Б. А. Ревич; под ред. В. М. Захарова. – М.: Акрополь: Общественная палата РФ, 2007. – 192 с.

5. Ревич, Б. А. Экономические последствия воздействия загрязненной окружающей среды на здоровье населения. Пособие по региональной экологической политике [Текст] / Б. А. Ревич, В. Н. Сидоренко; под ред. В. М. Захарова, С. Н. Бобылева. – М.: Акрополь: ЦЭПР, 2007. – 56 с.

6. Суржиков, В. Д. Оценка влияния атмосферных загрязнений и метеорологических условий на показатели обращаемости за скорой медицинской помощью: методические рекомендации [Текст]/ В. Д. Суржиков. – Новокузнецк: НИИ КПГПЗ СО АМН СССР, 1989. – 18 с.

ЭКОНОМИКА

УДК 330.12:330.59

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

А. Д. Леванов

THE HUMANITARIAN COMPONENT OF QUALITY LIFE POPULATION

A. D. Levanov

Статья затрагивает вопросы единства двух сторон качества жизни: материально-вещественных условий и гуманистических, духовно-нравственных ценностей. Неравномерное развитие этих сторон снижает общую оценку качества жизни. Рассматриваются причины низкого уровня гуманизации отечественной экономики и пути их устранения.

The article deals with the question of the unity of two parts of quality life: substantial, humanistisch conditions and moral values. Uneven development of these parts reduces the quality of life. It takes reasons of low level of humanization in home economy and ways of its elimination.

Ключевые слова: структура качества жизни населения, гуманистические ценности, пути формирования.

Keywords: structure of the quality life population, human valuable, ways of formation.

В структуре категории «качество жизни населения» выделяют две важнейшие стороны – объективно-материальную и субъективно-духовную. Первая из названных сторон характеризуется показателями уровня жизни – уровня потребления материальных благ. Он рассчитывается на основе подушевого потребления широкого спектра продуктов длительного пользования, уровня коммунально-жилищного обслуживания, показателей здравоохранения, ряда других показателей. Суммарное стоимостное выражение этой стороны качества жизни, как правило, подсчитывается путём деления валового внутреннего продукта на одного жителя страны – на душу населения. Отметим, что методы этих подсчётов в целом устоялись и дают возможность осуществлять международные сравнения.

Вторая сторона качества жизни имеет другие показатели, связанные с личностными оценками условий жизнедеятельности – оценками безопасности, качества услуг – образовательных, культурных, медицинского обслуживания, экологии и других, позволяющих определить возможности творческого развития личности и благосостояния в целом. Но поскольку в оценках этой стороны качества жизни преобладают субъективные позиции, то количественные показатели здесь не играют первостепенной роли. Общий фон оценок здесь так или иначе связан с удовлетворённостью или неудовлетворенностью положением дел, окружающей средой, уверенностью в завтрашнем дне.

Обе стороны подчинены задаче реализации общечеловеческих ценностей бытия. Выделение этих сторон и значение их в наполнении содержанием категории качества жизни во многом условно, подвижно. Тем не менее традиционно считается, что материально-вещественная сторона более значима. Духовно-нравственная составляющая, определяемая человеческими, гуманистическими ценностями, не очень привлекает внимание теоретиков и практиков. Полагаем, что эта ситуация нуждается в пересмотре. Этот вывод становится очевидным, если в анализе качества жизни использовать принцип историзма, который позволит очертить значение материальной и гуманистической составляющих в этой категории, а также причинно-следственный и институциональный аспекты.

Материально-объективная сторона оценок была важнейшей в процессе становления теории качества жизни. Её предпосылками были учения о богатстве страны, которые зародились ещё в позднем средневековье и развились до уровня систематизированных теорий в виде меркантилизма, физиократии и классической политической экономии. Формой богатства первоначально были признаны деньги – золото и серебро, а затем материально-вещественные блага, которые делают жизнь удобной и приятной (А. Смит). Постепенно теория богатства трансформировалась в теорию благосостояния, основными разработчиками которой стали английские экономисты А. Маршалл и А. Пигу. В теории благосостояния учитывалось взаимодействие различных характеристик благ и различие вкусов, предпочтений людей. Появились термины «благосостояние», «уровень жизни». Последнее понятие отражало, по мнению А. Маршалла, «нормы деятельности, скорректированные на потребности». Благодаря трудам этого учёного, появилась классификация благ, в которой блага определялись как внешние, внутренние, личные, передаваемые и непередаваемые.

Первоначальное обращение к выяснению элементов невещественного богатства и их значения было, надо полагать, предположительным, отрывочным. Так, у А. Смита можно встретить высокую оценку жизни в сельской местности, поскольку близость к природе способствует здоровому образу жизни человека и его спокойствию. К гуманистическим и негативным факторам жизни общества обратился в своих исследованиях Т. Р. Мальтус. В дальнейшем теория благосостояния уже непосредственно обратилась к здоровью, к интеллектуальным факторам общества как составным частям богатства. Использование А. Маршаллом понятий «сила насе-

ления», «благонамеренная человеческая деятельность», «семейные привязанности» указывает на элементы экономики, которые можно назвать гуманистическими [3].

Однако гуманистическая составляющая качества жизни по большому счёту не представляет собой отдельный предмет изучения в экономической теории. Объясняется это положение во многом отсутствием прямой связи между экономическими процессами и духовно-нравственными условиями жизни человека. Материально-вещественная сторона бытия и деятельности имеет точные физические и календарные выражения: квадратные метры жилой площади, количество товаров длительного пользования на жителя, потребленные килограммы и калории, кубометры воды, количество тепла и т. д. В таком количестве показателей у гуманистической составляющей нет, за исключением некоторых показателей, которые только указывают на стремление к общекультурным, общечеловеческим ценностям. Таковыми являются количество посещений зрелищных мероприятий (просмотр кинофильмов, спектаклей, концертов), пользование библиотеками (включая электронные), количество издаваемых периодических изданий, посещение музеев, туризм по историческим местам и некоторые другие. Статистический сборник «Кузбасс. История в цифрах» (Кемерово, 2008) содержит около полутора сотен статистических таблиц, отражающих уровень благосостояния жителей Кемеровской области. Однако только восемь из них показывают данные по интересующему нас вопросу. Это таблицы «Театры», «Музеи», «Учреждения культурно-досугового типа», «Киноустановки», «Общедоступные библиотеки», «Численность туристов», «Коллективы, спортивные клубы, организации, осуществляющие деятельность по физической культуре и спорту» и «Развитие массовых видов спорта».

В определённой степени этот раздел статистики дополняется показателями состояния здравоохранения и образования, результативность которых проявляется как в духовно-нравственной сфере, так и в материально-вещественной. Но надо учесть, что итоговый результат образовательной деятельности и сферы здравоохранения выражается не только в количестве ученических мест, выпуске из учебных заведений или количестве больничных коек, а в качестве знаний и продолжительности жизни. В определённой степени этот недостаток устраняет так называемый «индекс социального здоровья», предложенный в конце 80-х годов XX века американскими специалистами. Индекс призван отразить ощущение, субъективную оценку жителей страны в отношении условий проживания.

Очевидно, что высокой оценка качества жизни не будет без признания всей совокупности условий жизнедеятельности человека приятными, комфортными и безопасными. Именно эти условия соответствуют реализации гуманистических потенций жителей, членов общества. Что следует сделать, чтобы их реализовать?

Наличие ряда вопросов, связанных с выяснением значения гуманистической составляющей в качестве жизни объясняется недостаточным вниманием к гуманизации экономики в целом. В связи с этим полагаем, что Высший аттестационный комитет Правительства России поступил оправданно, включив в паспорт научных специальностей проблему гуманизации экономического роста (Раздел 1. Общая экономическая теория). Тем самым научным сообществом признаётся теоретическая и практическая потребность научных исследований указанных проблем.

Начало тематики гуманизма в экономических учениях, надо полагать, относится к первой трети 19 века – ко времени появления учений социалистов. Нельзя не признать существенно значимой их мысль о том, что производство должно быть подчинено потребностям человека. Быть может, эта идея и предопределила основной методологический принцип австрийской школы (60-е годы 19 века), которая объявила исходным пунктом экономических отношений интересы и потребности человека, а также ощущения удовлетворения и неудовлетворения, тягот и радости, счастья и несчастья.

Появившаяся затем неоклассическая школа способствовала развитию идей благосостояния, тем самым признав гуманизм органической частью экономики. Западная экономическая мысль первой подошла к осознанию важности использования показателя «чистого экономического благосостояния» (Дж. Тобин), а затем и предложила видение современной структуры-иерархии потребностей человека (А. Маслоу).

Направленность на выяснение гуманистических основ экономики в советский период было связано с появлением в 70-х годах прошлого века концепции «социализм с человеческим лицом», и с так называемым развитом социализмом. Напомним, что и развёрнутое строительство коммунизма (60-е годы) шло под девизом «Всё во имя человека, всё для блага человека!» В период перестройки, а затем и радикальных реформ, акцент сместился на достижение демократических принципов общественного устройства и формирование рыночных отношений, что снизило интерес к указанной проблематике. Лишь в середине 90-х годов наметилась её актуализация: открывается Российский государственный гуманитарный университет и Государственный университет гуманитарных наук. В целях объединения усилий академических и вузовских учёных создаётся Академия гуманитарных наук. Время от времени о гуманизме в экономике учёные и практики говорят на страницах таких изданий, как «Вопросы экономики», «Экономист», «Человек и труд», проводятся научно-практические международные конференции. Институт экономики РАН в 2002 году издал монографию «Гуманистические ориентиры России», а в научном анализе появляется новое направление – экономика гуманизма.

Под гуманизацией экономики следует понимать сведение к минимуму тех условий и факторов общественного воспроизводства, которые ведут к сокра-

щению продолжительности жизни человека, сдерживают его способности к саморазвитию и творчеству, деформируют человеческие ценности. Производство, обмен и потребление подчиняются целям удовлетворения растущих потребностей в материальной и духовной сферах, не нанося ущерб человеческой личности.

Обратимся к некоторым аспектам приведённого определения.

Пожалуй, будет правильным сказать, что большинство процессов в производстве порождают угрозы для жизни и здоровья, начиная с регламентированного режима труда и кончая удобствами или неудобствами рабочего места: всё это оказывает влияние на качество воспроизводства рабочей силы, а следовательно, и на качество жизни. Крайние проявления антигуманизма в производстве – несчастные случаи со смертельным исходом, травматизм и инвалидность. Зародившаяся в период промышленного переворота (первая волна которого приходится на конец XVIII – начало XIX века) – перехода от мануфактурного к машинному производству, ориентация общества на гуманизм выразилась в выработке норм техники безопасности, в появлении трудового законодательства, а в дальнейшем – в появлении прикладной науки – эргономики. Но вместе с тем процесс производства – это пространство для реализации творческого начала человека, формирующегося в ходе общеобразовательной и профессиональной подготовки. В качество примера можно предположить, что прямые и косвенные гуманистические элементы японской организации современного производства породили явление так называемого трудоголизма – первенство трудовой деятельности в целевых установках многих работников этой страны.

Гуманистическая составляющая в производстве имеет существенную поддержку прежде всего в виде конституционных норм, политике охраны труда, в деятельности служб надзора, в природоохранной деятельности и в таком научном направлениии, как экономическая этика. Конкретные тенденции в соотношении гуманизм - антигуманизм в сфере производственной деятельности отчётливее всего проявляются через количественную динамику указанных выше тяжких последствий аварий и несчастных случаев на производстве.

Сфера обмена вместе с сопряжёнными с ней распределительными отношениями на абстрактно-теоретическом уровне может рассматриваться одним из основных условий формирования гуманистической экономики, поскольку служит средством доставки до человека всего многообразия товаров, услуг, устанавливая эквивалентность между вкладом участника в общественное богатство и объёмом вознаграждения, а соответственно и объёмом потребления. На практике покупки-приобретения выступают как средство самоутверждения. Для многих мировосприятие и самореализация сводится к принципу «Пока я покупаю, я живу!»

Антигуманизм сферы обмена не столь очевиден. Он, как правило, принимает форму некачественных, а то и вредоносных товаров и услуг, раздражающей рекламы, скрытого обмана покупателя. Почти все его негативные последствия общество осознаёт и может устранить: меры противодействия прописаны как в Основном законе Конституции, так и в Гражданском кодексе, в нормативных актах о защите прав потребителей, в уголовном и гражданском законодательстве. В цивилизованных обществах действует просветительское движение, разъясняются права покупателей. Но практика показывает, что массовое сознание зачастую мирится с последствиями антигуманной составляющей обмена, как, впрочем, и с нарушениями справедливости распределения доходов.

Потребление – конечный и исходный пункт экономики, гуманно тогда, когда результативно проявляет себя в отношении к следующим потребностям (по Э. Бём-Баверку): в отношении к потребностям, неудовлетворение которых приводит к смерти, к потребностям, неудовлетворение которых приводит к болезням и к потребностям, неудовлетворение которых влечёт несчастия. Современное толкование материальных условий качества жизни – «обеспечить достойные условия жизни человека» как раз и отражает степень удовлетворения названных потребностей. Они удовлетворены ещё далеко не во всех странах, включая и нашу.

Наряду с материальной составляющей жизнедеятельности потребности охватывают и духовно-нравственный мир человека. Критерии удовлетворения этой группы потребностей непросты, поскольку нет доказательного ответа на вопрос об основе гуманистических идеалов, человеческих ценностей. Заложены ли они в самом человеке или они порождаются только верой в Бога? В этом смысле определённую ясность даёт сопоставление перечня человеческих ценностей, определяемых отечественной Православной церковью и представителями гражданского общества страны. Так, по версии церковнослужителей, значимость вечных ценностей представлена следующим образом: 1. Справедливость. 2. Свобода. 3. Солидарность. 4. Соборность. 5. Самоограничение и жертвенность. 6. Патриотизм. 7. Благо человека. 8. Семейные традиции. По мнению населения нашей страны, последовательность этих ценностей такова: 1.Справедливость. 2. Семейные традиции. 3. Свобода. 4. Патриотизм. 5. Человеческое благо. 6. Самоограничение и жертвенность. 7. Соборность. 8. Солидарность [5, с. 9]. Как видим, порядок расположения указанных ценностей различен. Полагаем, что основной причиной этого является отсутствие длительных, продолжительных состояний в общественном устройстве, которые могли бы быть охарактеризованы как стабильные. Это относится и к церковно- религиозным институтам.

Сложен, но необходим для рассмотрения, вопрос об институциональных основах гуманизации экономики и качества жизни. Надо бы иметь определённое представление, например, о том, насколько способствуют формированию гуманности отношения собственности в различных её формах? Однозначно ли гуманна социальная защита населения?

Как «работают» экономические меры принуждения? Почему право на достойную жизнь для многих остаётся лишь декларацией?

Обратим внимание на отсутствие механизма защиты прав и свобод человека, обеспечение безопасности жизни. Принято делить их перечень на две части. Одну из них должно защищать и обеспечивать государство, а другую – сам человек. Но та, и другая части сегодня практически обеспечиваются чрезвычайно слабо: угрожающие масштабы принял терроризм, аварийность на дорогах, на предприятиях и на транспорте приняла невиданные масштабы. Не снижается число пожаров, техногенных катаклизмов, бедствием для общества стали наркомания, алкоголизм, табакокурение. Трагедией стала обыденность восприятия череды заказных и бытовых убийств, криминальных преступлений. Статистика свидетельствует, что Россия в первом десятилетии XXI века является одним из мировых лидеров по показателю количества убийств на 100 тыс. жителей.

Низкая общественная и индивидуальная активность, равнодушие и, наверно, страх являются основой возрастающей агрессии, ненависти и деградации в культурно-нравственных отношениях. Так, еженедельник «Аргументы и факты» привёл результаты ответов на следующие вопросы: 1. В вашей школе ученики заняты только своей личной жизнью (секс, выпить, погулять)? 2. В вашей школе на то, какие вы получаете знания, всем наплевать? 3. В вашей школе оскорбляют учителей, их никто не слушает? 4. В вашей школе на уроках матерятся? Выяснилось, что утвердительно ответили примерно половина респондентов [4, с. 7]. Число приёмов убийства гуманизма в физическом и морально-нравственном смысле и условий их провоцирующих превышает, по нашим подсчётам, цифру семьдесят! Речь сегодня идёт уже не об угрозах духовному и физическому здоровью, а о реальных трагических процессах, разрушающих нацию.

Развитие гуманистической составляющей возможно посредством воспитания, привития экономической культуры, формированием экономической этики и социализации экономических отношений. Каковы же возможности этих факторов?

Экономическая культура общества и каждого индивида в отдельности ценна тем, что уменьшает возможности негативных действий, решений, поступков. Таковой она является только тогда, когда формирует уважительное отношение к деятельности других, к предпринимательству, к имуществу и собственности и предопределяет ответственность за безопасность в процессе производства, воспитывает равноправие агентов на всех видах рынков, повышает социальную ответственность бизнеса, делает более цивилизованными отношения между работниками и работодателями. Несомненно, интересна с гуманистических аспектов и культура потребления, включая и отношение к природе. Сложность же воспитания экономической культуры в том, что само воспитание сводится пока лишь к лозунгам и призывам. С чего начинается её воспитание, какими методами оно должно осуществляться, предусматривается ли наказание за отступление от её норм? Что и как надо сделать для повышения авторитета экономически культурного собственника, работника, агента в виде фирмы, семьи? Отвечая на эти вопросы, надо, полагаем, изучить отечественный и зарубежный опыт хозяйствования за многолетнюю предшествующую историю стран и народов.

Этика как наука о нравственности пока не пользуется большим вниманием отечественных экономистов. Существует, однако, мнение, что экономическая этика отражает принцип экономической ответственности [2, с.57]. Данный подход очень важен, поскольку позволяет определять границы экономической свободы, отделить от свободы вседозволенность. С теоретических позиций экономическая этика позволяет выявить взаимосвязь гуманистических ценностей с нормами поведения людей, а с практических – выявлять последствия поступков, решений, действий.

Что касается социальной составляющей экономики, отметим, что её эффективность будет выше, если определить субъекты, которые являются источником угроз, опасностей для благосостояния человека. Только при этом условии термин «социальная защита» наполняется содержанием. Только зная, от кого исходит угроза, кем порождается опасность можно определять объёмы финансирования на социальные нужды и сокращать их посредством привлечения к ответственности носителя угрозы, будь то физическое или юридическое лицо. Например, низкие доходы неполноценных семей не повышаются из-за неэффективной политики по отношению к собираемости алиментов с родителей, бросивших детей. Сложно получить компенсацию за вред, причиненный работнику по вине предприятия. Обезличивает ответственность властей существование детских домов и приютов для сирот. Невозможно найти ответственных за то, что миллионы сограждан живут за чертой бедности. Полагаем, стоит обратить внимание на повседневную практику ряда стран мира: защиту гуманизма здесь осуществляют путем неотвратимости весьма жёстких наказаний к субъектам, совершающим антигуманные действия.

В отношении гуманизации отечественной экономики накопилось немало тревожных вопросов. Пройдена ли нашим обществом «точка возврата» к идеалам гуманизма? Пока ответ не известен. Но в любом случае ясно, что привлекательные модели и варианты долгосрочных экономических и социальных программ развития страны, включая и модернизацию экономики, без учёта гуманистической составляющей будут ущербными или вовсе невыполнимыми.

Литература

1. Бузгалин, А. В. Гуманизм как теоретическая и практическая проблема XXI века: философские, социальные, экономические и политические аспекты. Доклады и вступления на Международной научной конференции 3 – 4 июня 2004 г. [Текст] / А. В. Бузгалин. – М., 2004.

2. Канке, В. А. Философия экономической науки [Текст]: учеб. пособие для вузов / В. А. Канке. – М., 2007.

3. Маршалл, А. Принципы экономической науки [Текст]: [пер. с англ.]: в 3 т. / А. Маршалл. – М., 1993. – Т. 1.

4. Аргументы и факты [Текст]. – 2010, март. – № 10.

5. Аргументы и факты [Текст]. – 2011, февраль. – № 5.

УДК 330.341.2; 330.837; 316.334

ИНТЕГРИРОВАННЫЕ БИЗНЕС-ГРУППЫ КАК «СУБЪЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ» ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА

С. Н. Левин, К. С. Саблин, Д. В. Кислицын

INTEGRATED BUSINESS GROUPS AS 'MODERNIZATION SUBJECTS' OF ECONOMY OF RESOURCE TYPE REGIONS

S. N. Levin, K. S. Sablin, D. V. Kislitsyn

Статья выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (г/к №П1893 от 28.10.2009 г.)

В статье рассматривается взаимодействие региональных органов власти и бизнес-групп при формировании институтов развития в регионах ресурсного типа. Показано, что отечественные бизнес-группы пока в большей степени ориентированы не на реализацию технологических инноваций, а на установление «особых» отношений с властью.

Regional authorities and business groups interplay according to developmental institutions formation in resource type regions is considered in the article. It is supposed that business groups are more likely to invest their resources to set up «special» relations with regional authorities than to invest in R&D realization.

Ключевые слова: бизнес-группы, институты развития, инновации.

Keywords: business-groups, developmental institutions, innovations.

В настоящее время модернизация российской экономики, связанная с переходом на инновационный путь развития, провозглашена политико-административными элитами в качестве приоритетной задачи. В этой связи разрабатывается и реализуется ряд институциональных проектов, направленных на стимулирование инноваций. Одно из центральных мест среди них занимает формирование институтов развития, назначение которых заключается в активном привлечении инвестиций в социальную и инженерную инфраструктуру, в новые отрасли и в человеческий капитал, а также в создание новых технологий и в содействие повышению конкурентоспособности отечественного среднего и малого бизнеса.

Как показывает зарубежный опыт (Южная Корея, Тайвань, Финляндия, Ирландия), центральным субъектом, заинтересованным в осуществлении модернизации национальной экономики, является государство, которое в данном случае выступает в качестве государства развития (developmental state), т. е. государства, продвигающего и поддерживающего экономическое развитие, под которым понимается сочетание стабильно высоких темпов экономического роста, структурных изменений в национальной экономике и улучшение качества жизни всего населения страны [5, с. 113]. При этом, на наш взгляд, необходимо учитывать то, что государство предстает субъектом развития в лице конкретных чиновников как публичных акторов, которые способны создавать положительные стимулы для предпринимателей, поощряя производительное инвестирование ресурсов в развитие новых видов деятельности и освоение новых технологий, а также снижая возможные риски, возникающие в процессе инвестирования.

Партнером государства в создании институтов развития выступает бизнес. Причем ряд исследователей отмечают, что именно крупные, экономически состоятельные компании, имеющие достаточные финансовые, кадровые и интеллектуальные ресурсы, более всего расположены к различным инновациям. Так, например, почти 50 % всех ассигнований на НИОКР в Финляндии, идущих из частного сектора, приходится на корпорацию Nokia, в то время как в Южной Корее небольшая группа конгломератов (chaebol) финансирует до 75 % всех прикладных разработок, связанных с использованием нововведений, в Ирландии более 2/3 инвестиций в инновационном секторе осуществляют крупные иностранные корпорации (в частности, IBM) [4, p. 116 – 134]. При этом, чем крупнее компании, тем выше среди них доля инноваторов, а привлечение в инновационную сферу резерва, связанного с деятельностью малых и средних фирм, требует серьезных усилий со стороны государства, поскольку немаловажная роль в интенсификации инновационных процессов принадлежит малым фирмам, что обусловлено их инициативностью, гибкостью, способностью быстро приспосабливаться к новым требованиям рынка [2, p. 4].

В отличие от малых стран (Финляндии, Ирландии, Южной Кореи, Тайваня), являющихся лидерами в сфере построения национальных моделей инновационного развития, Россия состоит из субъектов Федерации, крайне неравнозначных по своему политическому, экономическому и ресурсному потенциалам. В литературе отмечается, что российская

экономика является одной из самых неоднородных в мире по уровню региональных различий [20, с. 53; 11, с. 118].

Представляется, что федеральное правительство уделяет недостаточное внимание этому факту в процессе решения модернизационных задач, поскольку степень эффективности централизованно предпринимаемых мер по стимулированию экономического развития является неодинаковой в разных регионах в силу того, что фрагментированная институциональная среда российской экономики создает различные стимулы как у региональных политико-административных элит, ответственных за переход на инновационный путь развития подведомственных им территорий, так и оказывает значительное влияние на формирование стратегий поведения частного бизнеса. Принципиально важной здесь является позиция именно крупного бизнеса. Особенно это касается регионов ресурсного типа.

В этой связи цель статьи состоит в выявлении стратегий поведения российского крупного бизнеса, действующего в регионах ресурсного типа, в контексте становления региональных институтов развития.

К регионам ресурсного типа мы относим субъекты Федерации, базовыми отраслями экономики которых являются отрасли добывающей промышленности и обрабатывающей промышленности первичного передела, производящие сырьевую и промежуточную продукцию (в качестве примеров мы рассматриваем Кемеровскую область и Красноярский край), а под «крупным бизнесом» будем подразумевать общенациональные интегрированные бизнес-группы, ведущие хозяйственную деятельность на территории данных регионов с целью извлечения коммерческих выгод. В свою очередь, интегрированная бизнес-группа (ИБГ) является совокупностью предприятий из разных отраслей экономики, выступающей в некоторых существенных экономических и управленческих аспектах как единое целое, при этом все предприятия контролируются единой группой стратегических собственников и/или высших менеджеров, которые обеспечивают указанное единство [22, с. 91].

Интегрированные бизнес-группы и региональная власть

Отличительными чертами отечественного крупного бизнеса является незавершенность процесса спецификации его прав собственности, которая проявляется в открытых неформальных притязаниях государства на его активы и доходы, а также сохранение в структуре хозяйственной мотивации рентной ориентации (и, как правило, рентоориентированных стратегий поведения), которая проявляется в высокой заинтересованности в сохранении «особых» отношений с представителями власти [17, с. 28].

Важно отметить, что стратегии поведения интегрированных бизнес-групп и их склонность к применению различных инноваций формируются с учетом интересов региональных административно-политических элит, выступающих в качестве консолидированного субъекта, предлагающего определенные «правила игры», по которым происходит их взаимодействие с интегрированными бизнес-группами, формирующими, в свою очередь, спрос на определенные инновации и институты развития. При этом взаимоотношения субъекта предложения и субъекта спроса оказываются изначально «укорененными» в исторически сложившиеся нерыночные по своей природе неформальные институты и практики иерархического типа, предопределяющие роль региональной власти как организатора и оператора потока ресурсов бизнеса, направляемого на поддержку регионального развития [13, с. 173 – 181; 17, с. 36].

В этом смысле некоторые региональные подразделения (предприятия) общенациональных интегрированных бизнес-групп являются «встроенными» в исполнительную вертикаль в субъектах Федерации и могут составлять один из ее ключевых элементов. В то же время крупный бизнес способен выступать в качестве относительно самостоятельного актора, поскольку он обладает, как правило, значимыми активами за пределами региона, в котором ведет хозяйственную деятельность, и в состоянии лоббировать свои интересы на федеральном уровне (косвенно о такой возможности свидетельствует наличие центрального офиса в Москве, более явно – встречи высших менеджеров и стратегических собственников с высшей политической и административной элитой). Таким образом, сложившаяся практика взаимоотношений власти и бизнеса в регионах в значительной степени влияет на процесс создания региональных институтов развития.

Инновационная активность интегрированных бизнес-групп

Рассмотрим подробнее становление региональных институтов развития в Кемеровской области и Красноярском крае с учетом выявления стратегий поведения и инновационной активности «Евраз Груп С.А.» и ОАО «ГМК «Норильский Никель», которые являются крупнейшими интегрированными бизнес-группами, ведущими хозяйственную деятельность в данных регионах. Безусловно, мы понимаем, что оценка инновационности бизнес-групп по традиционным критериям, принятых зарубежом, например величина затрат на НИОКР в объеме выручки, в российских условиях будет неполной. Однако, по нашему мнению, затраты на НИОКР при сопоставлении их с другими затратами, производимыми бизнес-группами в отмеченных регионах, могут служить индикатором стратегий предпринимательского поведения.

Согласно годовому отчету, в 2008 г. общая сумма ассигнований на НИОКР, выделенная ОАО «ГМК «Норильский Никель», оказалась равной 19 млн. долл. при выручке 13980 млн долл. [9], что составляет 0,15 % (данная цифра, например, вполне сравнима с затратами на НИОКР, осуществляемыми лидерами рейтинга «Эксперт-400», ОАО «Газпром» и НК «ЛУКОЙЛ»: 0,3 % в 2004 г. у ОАО «Газпром», и 0,042 % в 2005 г. у НК «ЛУКОЙЛ» соответственно [14, с. 24]). Основной задачей инвестиционной деятельности бизнес-группы является повышение эко-

номической эффективности производства, в том числе на основе внедрения прогрессивных технологий, соответствующих уровню лучших мировых практик. В соответствии с данной задачей, приоритетными направлениями инвестирования явились: строительство объектов минерально-сырьевой базы и модернизация и техническое перевооружение мощностей с целью повышения производительности обогатительного и металлургического производства (табл. 1).

Таблица 1

Основные инвестиционные программы на российских предприятиях Группы (2008 г.)

Строительство объектов минерально-сырьевой базы:
Реконструкция шахтного и подъемного комплексов рудников «Таймырский» и «Комсомольский», направленная на увеличение производительности скиповых стволов.
Продолжение строительства рудника «Северный-Глубокий» на Кольском полуострове.
Модернизация и техническое перевооружение мощностей обогатительного и металлургического производства:
Продолжение реализации комплексного проекта по закрытию агломерационного и плавильного переделов Никелевого завода.
Решение проблем кислородоснабжения металлургических предприятий.

Источник: отчет о корпоративной социальной ответственности ОАО «ГМК «Норильский никель» 2008 год // Официальный сайт ГМК «Норильский никель». – Режим доступа: http://www.nornik.ru/_upload/editor_files/ file1274.pdf. Дата обращения: 10.04.10.

Для проведения необходимых НИОКР, ГМК «Норильский Никель» на базе научно-исследовательского института «Гипроникель» сформировал единый научно-проектный центр. Так, в 2007 г. к институту были присоединены в качестве филиалов: Институт «Норильскпроект», Горно-металлургический опытно-исследовательский центр ЗФ ОАО «ГМК «Норильский никель», Норильская научно-техническая библиотека, Проектно-исследовательский центр ОАО «Кольская ГМК», научно-техническая библиотека Кольской ГМК. Таким образом, ОАО «ГМК «Норильский никель» объединило возможности всех своих исследовательских и проектных подразделений. В частности, на территории Красноярского края находятся Институт «Норильскпроект», Норильская научно-техническая библиотека и Горно-металлургический опытно-исследовательский центр ЗФ ОАО «ГМК «Норильский никель».

Важно отметить, что предприятия, входящие в ОАО ГМК «Норильский Никель», вносят значительный вклад в социально-экономическое развитие территорий хозяйствования. Помимо налоговых отчислений в консолидированный бюджет Красноярского края (44149 млн руб.) и бюджет г. Норильска (8037 млн руб.) (данные о налоговых отчислениях в бюджеты разных уровней представлены за 2008 год), бизнес-группа также заключает соглашения с региональными властями, касающиеся дополнительного финансирования обустройства территории и модернизации социальной, транспортной и коммуникационной инфраструктур. Как заметил А. Хлопонин, компания работает на территории края, поэтому ее финансовая, промышленная и социальная политика не может быть оторвана от интересов региона [24, с. 21]. Примером подобной практики является Соглашение, подписанное губернатором Красноярского края Л. Кузнецовым и руководством ОАО «ГМК «Норильский никель» в конце марта 2010 г., которое предусматривает создание ведущего авиаперевозчика на базе ОАО «Авиакомпания «Таймыр» и Государственного предприятия «КрасАвиа». Бизнес-группа должна обеспечить авиаперевозчика современными воздушными судами российского и иностранного производства (в частности, Боинг 737-800 NG). Ранее, в 2008 г., руководство «Норильского никеля» инвестировало 2,5 млрд руб. в полномасштабную реконструкцию инфраструктуры аэропорта г. Норильска.

Приведенные примеры показывают, что дополнительные финансовые затраты ОАО «ГМК «Норильский никель», связанные с установлением «особых» отношений с региональными властями, в несколько раз превышают ассигнования бизнес-группы, направляемые на проведение НИОКР, которые считаются одним из ключевых источников повышения конкурентоспособности крупного бизнеса на мировом рынке. Как следствие, она формирует спрос не столько на инновации технологического и организационного типа, ведущие к повышению эффективности производства и укреплению конкурентоспособности, сколько на инновации, представляющие собой новые комбинации определенных официальных (государственных) привилегий и преференций [7], которые дают региональные власти в обмен на инфраструктурную и социальную поддержку территории. В этом смысле стратегические собственники и/или высшие менеджеры заинтересованы инвестировать свои ресурсы в установление и поддержание «хороших» отношений с региональными административно-политическими элитами, в то же время производя для населения общественные блага с локализованными положитель-ными внешними эффектами.

Крупнейшей металлургической бизнес-группой России является «Евраз Груп С.А.», особенность которой заключается в наличии в ее структуре трех крупных металлургических комбинатов (Нижне-Тагильского, Новокузнецкого и Западно-Сибирского) и которая лидирует в черной металлургии Кемеровской области [16, с. 183 – 184].

Согласно годовому отчету, в 2009 г. выручка «Евраз Груп С.А.» составила 9772 млн долл., из которых на «модернизацию производства и повышение экономической эффективности» было ассигновано 60 млн долл. [1], что равняется 0,6 % от выручки. Основным направлением инвестирования финансовых ресурсов является программа технического перевооружения, предусматривающая реконструкцию рудников и обогатительных фабрик (в частности, по данным администрации Кемеровской области, общий объем инвестиций на выполнение этой программы в 2007 г. составил 550 млн руб.).

Для сравнения: у финской корпорации Nokia в 2009 г. величина соответствующих затрат на НИОКР равнялась 11,8 % при выручке 74224 млн долл.; южнокорейские чеболи Hyundai Motor Company и Samsung Group в 2008 г. инвестировали 3,2 % и 6,2 % от своей выручки соответственно; ассигнования корпорации IBM в 2009 г. составили 5800 млн долл. (или 5,7 %) в объеме выручки (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение затрат на НИОКР у западных корпораций, чеболей и российских интегрированных бизнес-групп, % и млн долл. от выручки

	Корпорация, чеболь или интегрированная бизнес-группа						
Экономический субъект	ГМК «Норильский Никель»	«Евраз Груп С.А.»	ОАО «Газпром»	Hyundai Motor Company	IBM Corporation	Samsung Group	Nokia Corporation
Затраты на НИОКР, %	0,15	0,6	0,6	3,2	5,7	6,2	11,8
Затраты на НИОКР, млн долл.	19	60	597	2 400	5 800	10 750	8 760
Год	2008	2009	2008	2008	2009	2008	2009

Рассчитано авторами по: годовой отчет ОАО «ГМК «Норильский никель» 2008; Annual Reports and Accounts 2009 Evraz Group S.A.; Nokia Form 20-F Annual Report 2009; IBM 2009 Annual Report; Samsung Profile 2009; Fortune Global 500 List 2008; The 2008 R&D Scoreboard.

Отметим, что «Евраз Груп С.А.» также вносит значительный вклад в социально-экономическую устойчивость регионов, где ведет свою хозяйственную деятельность. Так, дополнительные расходы на поддержку социальной инфраструктуры в 2009 г. составили 53 млн долл. (например, ремонт и закупка современного оборудования для медицинских учреждений, строительство и реконструкция объектов отдыха и туризма, финансирование спортивных команд).

Ранее мировой финансово-экономический кризис «заставил» предприятия бизнес-группы повышать производительность труда, сокращать расходы и оптимизировать численность работников. В этой связи руководство «Евраз Груп С.А.» и губернатор Кемеровской области подписали «очень ответственное» Соглашение о поддержке высвобождаемых работников, которое предусматривает в случае их увольнения материальную помощь в размере пяти среднемесячных заработных плат. Кроме того, был создан специальный фонд, где уволенные металлурги могут получить от 150 до 200 тыс. руб. на открытие собственного дела (соответствующие средства уже получили 700 человек [23, с. 14], т. е. минимальные затраты бизнес-группы, связанные с оказанием социальной поддержки, составили примерно 105 млн руб.).

Приведенные данные показывают, что расходы «Евраз Груп С.А.» на осуществление НИОКР и дополнительные расходы на поддержку социальной инфраструктуры в тех регионах, где бизнес-группа ведет хозяйственную деятельность (в том числе в Кемеровской области), вполне сопоставимы, в то время как у зарубежных корпораций ассигнования на НИОКР, как правило, превышают затраты, связанные с «социальной ответственностью» бизнеса (corporate social responsibility).

Представляется, что поддержание «особых» отношений с региональными властями посредством инвестирования ресурсов в социальные проекты и сохранение социально-экономической стабильности территории является приоритетной задачей для бизнес-группы, нежели проведение НИОКР и повышение своей конкурентоспособности как на внутреннем, так и мировом рынках. Вследствие этого, и Красноярский край, и Кемеровская область в целом характеризуются относительно низкими показателями инновационной активности предприятий (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес предприятий Красноярского края и Кемеровской области, осуществляющих технологические инновации, %

Регион	***2000***	***2001***	***2002***	***2003***	***2004***	***2005***	***2006***	***2007***	***2008***
Красноярский край	3,7	2,8	4,3	5,3	5,7	6,7	6,2	9,9	14,0
Кемеровская область	8,6	7,7	7,2	8,3	7	6,3	6,3	5,8	6,0

Источник: регионы России. Социально-экономические показатели 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – С. 817.

В настоящее время, для повышения инновационной активности и увеличения числа предприятий, проявляющих интерес к различным нововведениям, в регионах создаются институты развития, под которыми мы понимаем организационно-экономические структуры, содействующие распределению ресурсов в пользу проектов по реализации нового потенциала экономического роста посредством активного привлечения инвестиций в инновационную инфраструктуру, в развивающиеся отрасли и в человеческий капитал, а также посредством создания новых технологий и содействия повышению конкурентоспособности отечественного среднего и малого бизнеса. Так, в Красноярском крае создано ОАО «Корпорация развития Красноярского края», а в Кемеровской области – ОАО «Кузбасский технопарк».

Интегрированные бизнес-группы и создание региональных институтов развития

На наш взгляд, можно выделить два варианта становления региональных институтов развития в российской экономике:

– Региональные институты развития формируются посредством инвестирования только бюджетных средств, привлекаемых как из Федерального центра, так и заложенных в региональных бюджетах. Например, единственным акционером ОАО «Кузбасский технопарк» является администрация Кемеровской области, и на его создание в 2008 – 2010 гг. планируется выделить 300 млн руб. из федерального бюджета и 413 млн руб. из областного (по другим данным, общая сумма составляет 3173 млн руб., в том числе 643 млн руб. – на строительство и реконструкцию инфраструктуры технопарка).

– Становление региональных институтов развития осуществляется на основе софинансирования, когда государство (федеральный и региональный уровни) не только инвестирует бюджетные средства, но и создает благоприятные условия для привлечения ресурсов из частного сектора. Примером является ОАО «Корпорация развития Красноярского края», уставной капитал которого составляет 120 млн руб., а акционерами выступают: ГК «Банк развития и внешнеэкономической деятельности» (25 %), ООО «Компания «Базовый элемент» (25 %), ЗАО «Богучанская ГЭС» (25 %) и ОАО «Красноярский завод цветных металлов им. В. Н. Гулидова» (25 %).

Деятельность ОАО «Корпорация развития Красноярского края» связана с реализацией крупномасштабных промышленных и инфраструктурных проектов. Приоритетным проектом является «Комплексное развитие Нижнего Приангарья», в рамках которого государство за счет средств Инвестиционного фонда РФ финансирует развитие инфраструктуры, что позволит бизнесу инвестировать свои ресурсы в строительство новых промышленных объектов. Общая стоимость проекта на конец 2008 г. была оценена в 213915 млн руб., в том числе средства Инвестиционного фонда РФ, необходимые для реализации проекта, оказались равными 34223 млн руб.; средства, привлекаемые из федерального бюджета , составили 8800 млн руб., а из краевого бюджета – 1046 млн руб. [8].

Согласно проекту, развитие инфраструктуры позволит компаниям (в частности, ОАО «Русский алюминий») на первом этапе реализации проекта инвестировать 179,7 млрд руб. в строительство промышленных объектов (например, гидроэлектростанции, нового алюминиевого завода, лесоперерабатывающего комплекса). В целом инфраструктурные проекты, входящие в состав инвестиционного проекта «Комплексное развитие Нижнего Приангарья», являются основой развития региона, включая его социальные потребности.

Формирование ОАО «Кузбасский технопарк» произошло в соответствии с Государственной программой «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» в 2007 г. с привлечением средств из федерального и областного бюджетов. В последующем предполагается привлечение ресурсов из частного сектора в целях строительства объектов и сооружений технопарка, который должен способствовать генерированию технологических инноваций, в первую очередь, в сфере добычи и переработки угля. Так, например, на 1 марта 2010 г. Экспертный совет ОАО «Кузбасский технопарк» рекомендовал 56 проектов к внедрению, при этом большая их часть связана с добычей и первичной переработкой полезных ископаемых [15, с. 53].

С другой стороны, узкая специализация регионального института развития исключительно на одной отрасли и практически полное отсутствие инновационной деятельности, ориентированной на обслуживание несырьевых производств, может привести к «топливно-технологическому консерватизму» технопарка и «зацикленности» инновационной деятельности на традиционных отраслях региональной экономики [10, с. 40 – 41]. В этой связи необходимо преодолеть «зацикленность» с целью превращения технопарка в один из инструментов диверсификации экономики Кузбасса.

Примеры создания региональных институтов развития показывают, что крупный бизнес либо совсем не участвует в их формировании, поскольку власти субъектов Федерации привлекают только бюджетные средства (например, создание ОАО «Кузбасский технопарк») и предпочитают использовать его финансовые ресурсы в качестве инструмента поддержания социальной стабильности территории (Кемеровская область), либо региональные административно-политические элиты «дозируют» доступ интегрированных бизнес-групп к участию в процессе формирования институтов развития (примером выступает ОАО «Корпорация развития Красноярского края») и используют финансовые средства крупного бизнеса в целях освоения природных ресурсов региона и/или модернизации социальной, коммуникационной и транспортной инфраструктуры (Красноярский край).

Выводы

На наш взгляд, стратегии поведения крупного бизнеса в рамках создания региональных институ-

тов развития формируются в условиях локальных институциональных сред, которые стимулируют инвестирование ресурсов не в проведение НИОКР и интенсивное использование технологических и организационных инноваций (как в зарубежных корпорациях и чеболях), а в установление и поддержание «особых» отношений с региональными властями посредством финансирования социальных проектов. Как следствие, интегрированные бизнес-группы проявляют весьма слабый интерес к процессу создания и функционирования региональных институтов развития, и в этом смысле «обнаруживается» отсутствие спроса на технологические инновации.

Представляется, что дальнейшая «консервация» подобных стратегий может привести к возникновению «порочного круга» экономического развития [3, p. 351 – 355], в который попадут российские интегрированные бизнес-группы, если их сопоставить с иностранными компаниями: относительно небольшой объем инвестиций в НИОКР ведет к ухудшению конкурентных позиций на мировом рынке, что, в свою очередь, предопределяет снижение потенциального объема прибыли по сравнению с зарубежными корпорациями, и, как следствие, бизнес-группа инвестирует еще меньше средств в осуществление НИОКР, чем крупные иностранные компании, что снова приводит к ухудшению конкурентных позиций и т. д.

Как показывает зарубежный опыт, «порочный круг» можно разорвать посредством создания стимулов у стратегических собственников и высших менеджеров бизнес-групп инвестировать ресурсы не столько в установление «особых» отношений с властью, сколько в проведение НИОКР и коммерциализацию технологических инноваций. В данном случае интегрированные бизнес-группы могут стать реальными субъектами модернизации как территорий ресурсного типа, так и российской экономики в целом. Однако принципиальное значение будет иметь позиция региональных административно-политических элит, определяющих правила (как формальные, так и неформальные) взаимоотношений с крупным бизнесом.

Литература

1. Annual Reports and Accounts 2009 Evraz Group S.A. [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Евраз Груп С.А.». – Режим доступа: http://www.evraz.com (дата обращения: 05.08.10).
2. Baumol, W. The Free-Market Innovation Machine: Analyzing the Growth Miracle of Capitalism [Text] / W. Baumol. – Princeton: Princeton University Press, 2002.
3. Krueger, A. Virtuous and Vicious Circles in Economic Development [Text] / A. Krueger // The American Economic Review. – 1993. – Vol. 83. – № 2.
4. OECD Science, Technology and Industry Outlook [Text]. – OECD Publishing, 2008.
5. Onis, Z. The Logic of the Developmental State [Text] / Z. Onis // Comparative Politics. – 1991. – Vol. 24. – № 1.
6. Public Financial Support for Commercial Innovation [Text] // Europe and Central Asia Chief Economist's Regional Working Paper Series. – 2006. – Vol. 1. – № 1.
7. The Invention of Enterprise: Entrepreneurship from Ancient Mesopotamia to Modern Times [Text] / Ed. by D. Landes, J. Mokyr, W. Baumol. – Princeton: Princeton University Press, 2010.
8. Годовой отчет ОАО «Корпорация развития Красноярского края» за 2008 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОАО «Корпорация развития Красноярского края». – Режим доступа: http://www.krdc.ru (дата обращения: 06.04.10).
9. Годовой отчет ОАО «ГМК «Норильский никель» 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nornik.ru/_upload/year2008/report (дата обращения: 10.04.10).
10. Жиронкин, С. А. Технопарк как структуропреобразующая форма развития экономики Кузбасса [Текст] / С. А. Жиронкин, М. Ю. Журавский. – ЭКО. – 2009. – № 7.
11. Захаров, А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме [Текст] / А. Захаров. – М.: Московская школа политических исследований, 2008.
12. Зубаревич, Н. Изменения роли и стратегий крупного бизнеса в регионах России [Текст] / Н. Зубаревич // Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть: сб. статей / РАН. ИНИОН. – М., 2002.
13. Зудин, А. Неокорпоративизм в России? (Государство и бизнес при Владимире Путине) [Текст] / А. Зудин // Pro et Contra. – 2001. – Т. 6. – № 4.
14. Инновационная ориентация российских экономических институтов [Текст] / под ред. В. Е. Дементьева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
15. Каретин, А. Н. Изучение инновационного спроса как инструмент маркетинга инноваций на примере деятельности Кузбасского технопарка [Текст] / А. Н. Каретин// ЭКО. – 2010. – № 5.
16. Кузнецова, О. В. Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов [Текст] / О. В. Кузнецова, А. В. Кузнецов, Р. Ф. Туровский, А. С. Четверикова. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
17. Курбатова, М. В. Деформализация правил в современной российской экономике (на примере взаимодействия власти и бизнеса) [Текст] / М. В. Курбатова, С. Н. Левин // Terra Economicus (Экономический вестник Ростовского государственного университета). – 2010. – Т. 8. – № 1.
18. Лацоник, У. Разновидности капитализма, рыночных сил и инновационного предпринимательства [Текст] / У. Лацоник // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Т. 6. – № 3.
19. Лексин, В. Н. Федеративная Россия и ее региональная политика [Текст] / В. Н. Лексин. – М.: ИНФРА-М, 2008.
20. Отчет о корпоративной социальной ответственности ОАО «ГМК «Норильский никель» 2008 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГМК «Норильский никель». – Режим доступа:

http://www.nornik.ru/_upload/editor_files/file1274.pdf (дата обращения: 10.04.10).

21. Паппэ, Я. Отношения федеральной экономической элиты и власти в России в 2000 – 2004 годах: торможение в центре и новая стратегия в регионах [Текст] / Я. Паппэ // Региональная элита в современной России. – М.: Либеральная миссия, 2005.

22. Регионы России. Социально-экономические показатели 2009: стат. сб. [Текст] / Росстат. – М., 2009.

23. Тулеев, А. Бюджет стабилизации (Бюджетное послание губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева депутатам Совета народных депутатов Кемеровской области 17 ноября 2009 г.) [Текст] / А. Тулеев, С. Ващенко. – Кемерово: Книга, 2009.

24. Хлопонин, А. Кризис – это временно [Текст] / А. Хлопонин // Корпоративный журнал «Норильский никель». – 2009. – № 5

РЕЦЕНЗИИ

КЕНТАВРЫ, ЕДИНОРОГИ, ДРАКОНЫ И ДРУГИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ (о книге Л. С. Клейн. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. – СПб: Евразия, 2010. – 496 с. Илл. цв. 32 с.)

Я. А. Шер

CENTAURS, UNICORNS, DRAGONS AND OTHER MYTHOLOGICAL CHARACTERS (about the book and LS Klein. Time centaurs. steppe homeland of the Greeks and the Aryans. - St. Petersburg, Eurasia, 2010. – pp.496., illus. col. 32 sec.)

Ya. A. Sher

Главная тема книги отражена в подзаголовке: «Степная прародина греков и ариев». Это следует подчеркнуть, поскольку у не очень подготовленного читателя может возникнуть ожидание решения проблемы прародины индоевропейцев вообще. Слово «кентавры» играет символическую роль и является синонимом не всех индоевропейцев, а тех, которые уже в III – II тыс. до н. э. пришли в степь со своей, пока еще не вполне ясной, первичной прародины. В дальнейшем тексте мы будем различать прародину вообще всех индоевропейцев и степную прародину греков и ариев. Как в хорошем детективе, в книге Л. С. Клейна связь образа кентавра с греками и ариями проясняется только в последней главе.

Некоторые вопросы возникают сразу с титульного листа. Скромно представляя свой, почти 500-страничный труд как научно-популярную книгу, автор ставит читателей, и особенно рецензентов, в затруднительное положение. И читатель, особенно профессиональный, и тем более рецензент, знакомясь с новой книгой, вольно или подсознательно выбирают уровень, с которого ее нужно воспринимать.

Популярная книга должна быть занимательной, и это смягчает критерии ее оценки. Если же книга научная, то критерии должны быть более строгими и жесткими. Популярные книги обычно посвящены достаточно хорошо разработанным разделам науки. Думается, что проблема прародины индоевропейцев вообще, а также греков и ариев в частности, как, например, и проблема единой теории поля в физике, к таковым не относится.

Для выхода из неопределенности нужно оценить, чего в этой книге больше: строгой науки или популярного текста. Правда, есть еще один вид научной литературы, пока в большей мере свойственный нашим европейским и американским коллегам. Они давно приспособились к рыночным отношениям в книгоиздании и научились писать так, что и научный уровень достаточно высокий, и читать интересно, и полиграфически привлекательно, например, книги издательств Seuil, Gallimard (Париж), Thames & Hudson (Нью-Йорк, Лондон) и др. По-видимому, книгу Клейна можно отнести к этому виду.

Полиграфически книга сделана весьма прилично: бумага, иллюстрации (цветные и черно-белые), шрифт – все в рамках хорошего тона. Она подробно структурирована: 12 глав, «Ведение», «Заключение», библиография. Пересказывать ее подряд можно только для себя, чтобы лучше понять и глубже вникнуть, но для печати это неприемлемо по причине резкого увеличения объема данной статьи.

Вокруг индоевропейской проблемы и одной из ее главных составляющих – локализации прародины индоевропейцев – накопилась более чем обширная историография. Сотни книг, тысячи статей и сайтов в Интернете, как высокопрофессиональных, так и дилетантских. Чтобы написать такую книгу, знание этой литературы необходимо, и то, что Л. С. Клейну удалось преодолеть такое препятствие, уже большое достижение. Что касается характера изложения, то он, конечно, прав, заканчивая «Введение» словами: «Тема может считаться ясной самому исследователю… когда он может внятно изложить ее образованному читателю, не подготовленному профессионально» (с. 10)[1]. Можно считать, что это – один из критериев оценки книги. Вторым критерием являет-

[1] В скобках без имени автора ссылки на страницы рецензируемой книги.

ся полнота и непротиворечивость изложения научной стороны проблемы.

Наука не существует без споров. Естественно, что о месте первоначальной индоевропейской прародины существуют разные мнения. Л. С. Клейн объединяет их в 5 гипотез: Гималайскую (F. Schlegel, A. Schleicher), Североевропейскую (G. Kosinna, M. Much и др.), Дунайскую (P. Bosh-Gimpera, И. М. Дьяконов) Восточноевропейскую (Степную – M. Gimbutas) и Малоазиатскую (Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов). Я бы добавил сюда еще одну, шестую гипотезу (Сафронов, 1989), которая, не входя ни в одну из пяти, затрагивает четыре из них.

Локализация индоевропейской прародины – проблема не только историко-археологическая, но и историко-лингвистическая (чего больше – трудно сказать). Не вдаваясь в недоступный для меня разбор лингвистческой аргументации, отмечу, что 5 гипотез (Гималайскую, как устаревшую, можно не считать) образуют две неравные группы. Североевропейская и Восточноевропейская (Степная) гипотезы построены на данных археологии.

Сторонники Североевропейской гипотезы связывают с древнейшими индоевропейцами археологические материалы эпохи неолита, в частности, культуру воронковидных кубков (КВК, IV – III тыс. до н. э.). Сначала к этой гипотезе примыкал В. Гордон Чайлд. После того, как она была скомпроментирована расистской политикой Гитлера, у нее осталось немного последователей. Более поздней культурой, ассоциирующейся с индоевропейцами, считается культура шнуровой керамики (II тыс. до н. э., есть даты по ^{14}C).

Степная гипотеза разработана на материале ямной и более поздних культур эпохи бронзы не только археологами (M. Gimbutas, Н. Я. Мерперт, Е. Е. Кузьмина, R. Ghirshman и др.). Ее поддержали филологи и лингвисты (В. И. Абаев, А. И. Зайцев, M. Leroi и др.). Время – III – II тыс. до н. э., есть много дат по ^{14}C.

Если сторонники Северной и Степной гипотезы ведут речь о прародине и миграциях древних племен, обладавших определенными особенностями материальной культуры, то в двух остальных рассматриваются перемещения праязыков. Дунайская и Малоазиатская гипотезы основаны на языковом материале. Представляется, что наибольшим правдоподобием в данном случае обладает представление о двух способах миграции языков: 1) за счет массовой миграции его носителей; 2) за счет языка небольших групп, если он развит больше, чем местный язык (английский в Америке и Индии; французский в Африке; испанский и португальский в Южной Америке). Подробнее см.: (Зайцев, 1994, с. 48 – 50 и сл.).

Лингвисты Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов строили свою гипотезу на основе древнейших индоевропейских письменных текстов. В них отражена географическая среда, ближе всего соответствующая природе Малой Азии. Археологи К. Ренфрью, Дж. Мэллори и П. М. Долуханов добавили, что вместе с распространением неолитических культур из Малой Азии в Европу проникали не только земледелие, скотоводство и материальная культура, но и все остальные достижения культуры, т. е. язык, мифология и другие виды духовной сферы.

Л. С. Клейн и его ученик В. А. Сафронов попытались на своем уровне совместить данные археологии и лингвистики. В результате Л. С. Клейн – сторонник Северной гипотезы, а В. А. Сафронов нашел, по крайней мере, три прародины. Древнейшая – Чатал-Хююк – (Малая Азия, VII – VI тыс. до н. э.), средняя – Винча (северные Балканы, V – IV тыс. до н. э.), поздняя – Лендельская и КВК (Прикарпатье – IV – III тыс. до н. э.).

Вполне правомерно, что в этой проблеме приоритетное значение придается языковым данным, поскольку «…любое решение, выходящее за переделы лингвистики, базируется на тех или иных косвенных допущениях, которые, в свою очередь, исходят из обычно (если не всегда) труднодоказуемых предпосылок» (Мэллори, 1997, с. 62). Соотношение археологических и лингвистических данных при этноисторической идентификации тех или иных культур – это особая проблема, тоже еще далекая от решения. Таким образом одна нерешенная проблема наслаивается на другую. В этой связи вспоминается забытая многими статья (Виноградов, 1969), в которой были убедительно показаны серьезные трудности отождествления археологических культур с носителями тех или иных праязыков.

В последние годы добавился еще один важный довод – результаты генетических исследований, которые тоже указывают на древний поток населения Малой Азии и смежных стран, которые «…де, и принесли индоевропейский язык» (с. 27). Этот довод можно уточнить. Методы генетических исследований в палеоантропологии позволяют получить намного более подробную информацию, чем 15 – 20 лет назад, и продолжают совершенствоваться. Извлечение из ископаемых костей фрагментов ДНК и обнаружение в них соответствующих участков маркирующих те или иные особенности (цвет волос, цвет глаз, пигментация кожи и т. п.) способствуют более точной иденитификации погребенных.[2] За последние годы появились новые, иногда сенсационные результаты, ставящие под сомнения, казалось бы, общепринятые данные (связь афанасьевцев с ямниками и др.) и проливающие новый свет на миграции культур энеолита и ранней бронзы по степи (Козинцев, 2000; 2007 – 2010; Keyzer, 2009 и др.)[3]

Книга Клейна многоплановая. Чтобы в ней разобраться, нужно, кроме общей археологии, хорошо знать археологию юга Восточной Европы и Малой Азии, сравнительно-историческую индоевро-

[2] Благодарю А. Г. Козинцева за полезную для меня консультацию.

[3] Мне кажется, что если рассматривать не только мужские черепа (Козинцев, 2009), а, например, в случае «окуневской» культуры, и женские, то можно будет выйти на новые факты. Те могилы, которые рассматривались как впускные в афанасьевских курганах, могут свидетельствовать об экзогамии в долине Енисея между пришельцами и местными жителями.

пеистику и мифологию. Л. С. Клейн настолько свободно оперирует названиями многочисленных культур неолитической эпохи и бронзового века, что не только образованному в другой области читателю (учителю, врачу, инженеру и т. д.), но и профессионалу, работающему в иной тематике, бывает трудно. Например, «Фригийцы, ближе всего по языку стоявшие к грекам, были связаны с культурой многоваликовой керамики, которая сложилась на базе нерушайской культуры Молдавии и Румынии… Нерушайская же культура, сложившаяся на основе какой-то из культур этого региона (усатовской или культуры шнуровой керамики, или культуры шаровидных амфор, или всех троих вместе), испытала сильное влияние ямной культуры, то ли общеарийской, то ли, скорее уже иранской» (с. 109 – 110). Чтобы понять суть этой фразы, нужно быть почти профессионалом в археологии Восточной Европы эпохи бронзы. Восприятие еще усложняется тем, что древние культуры локализуются в рамках современных политико-административных границ, которые никак не связаны с древними историко-географическими границами.

Но в этом нельзя упрекать Клейна, поскольку это – болезнь всей советской и российской археологии (не берусь судить о европейской). Правила номинации археологических культур не регламентированы. Каждому автору хочется быть открывателем хотя бы одной культуры, и поэтому их названия размножаются простым делением. Как станет ясно ближе к концу книги, автор сам тоже не избежал этого соблазна[4].

Иногда одни и те же археологические культуры получают разные названия, а авторы спорят о приоритете, ссылаясь на даты подписания к печати своих работ, где эти культуры были названы впервые. В новом учебнике под ред. акад. В. Л. Янина приводится более 200 культур эпохи энеолита и бронзы.

Л. С. Клейн делает ряд отступлений в область лингвистики и естественнонаучных методов археологии (стратиграфии, датировки по ленточным глинам, по ^{14}C, по дендрохронологии и т. п.). При этом сложные методы излагаются просто и ясно. Затем он переходит к проблеме древнейшего письменного языка Европы, каковым считает микенский греческий (с. 48), хотя есть более ранние клинописные хеттские тексты (XVIII до н. э., с. 88) и не менее древние, чем греческие, – лувийские и палайские тексты.

Л. С. Клейн обращается к анализу археологических, антропологических и лингвистических свидетельств, перебирая которые, он пытается выбрать наиболее вероятных пришельцев, носителей индоевропейских языков. Результаты сопоставления антропологических данных, сравнение материалов разных археологических культур с Микенами и морфологических особенностей древних языков интересны. В то же время многостраничное рассмотрение результатов этого анализа лишний раз показывают, что книга на самом деле не так уж популярна. Тот, кого автор называет «образованным читателем», пробежит эти страницы «по диагонали» в поисках выводов. Но до них еще далеко.

Если хетты и лувийцы пришли в Грецию с севера, «не заходя в Малую Азию…», т. е. «как более чистые баденцы» (с. 94), то, следовательно, их прародину следует искать в местах первичной локализации баденской культуры, т. е. в Центральной Европе. Автор резюмирует предшествующее рассмотрение следующим наброском этногеографии юга Восточной Европы с археологической идентификацией: «… арии обитали в понтокаспийских степях, и им принадлежала ямная, а затем катакомбные культуры и срубная с андроновской, а фригийцы – в Венгрии и Румынии, им принадлежали культуры с лицевыми урнами и инкрустированной керамикой. Фракийцы, ближе всего по языку стоявшие к грекам, были связаны с культурой многоваликовой керамики, которая сложилась на базе нерушайской культуры Молдавии и Румынии. Таким образом, нерушайская культура имеет больше всего шансов оказаться культурой протогреков. Нерушайская или ее ближайшие ответвления в степях Сербии и Венгрии» (с. 109 – 110).

Далее идет «Гордиев узел» – историографический экскурс в лингвистические и мифологические аспекты сравнительно-исторической индоевропеистики. Л. С. Клейн возвращается к теме Троянской войны как к эпизоду героического эпоса (с. 159). Думается, что автор льстит своим читателям, когда пишет, что фригийцы известны каждому образованному человеку (с. 126). Маститые ученые нередко этим грешат. Сначала молодой человек, посвятивший себя науке, хочет поделиться новыми знаниями с окружающими, считая, что они этого еще не знают, а с возрастом, обретя солидный научный потенциал, впадает в другую иллюзию, думая, что все, известное ему, известно всем остальным. Если взять сотню современных образованных людей (инженеров, врачей, программистов и т. п.), то хорошо, если двое-трое из них помнят, кто такой царь Мидас, а уж, кто такие были фригийцы вряд ли знает хотя бы один из них. И намного меньше знают, что такое нерушайская культура.

Но вернемся к «Гордиеву узлу». Конечно, в индоевропейской лингвистике я – полный дилетант. Если же в археологии вообще не совсем дилетант, то в археологии юга Восточной Европы и Малой Азии моих знаний недостаточно. Хотя был я в Трое, почти целый день ходил по ее руинам, внимательно изучал ее историческую стратиграфию по выставленным на городище стендам, составленным по раскопкам В. Дерпфельда и тех, кто копал Трою после него. Вероятно по недостатку знаний, мне осталось неясным в чем же суть «Гордиева узла», развязал ли его Клейн или разрубил, как должно быть по легенде. Это – к вопросу о популярном характере книги.

Глава заканчивается словами о том, что прародина греков и ариев находилась где-то между Индом и Дунаем на каком-то «более ограниченном ареале внутри этого огромного пространства. Но где именно? И с какой археологической культурой

[4]Оказывается, что название нерушайской культуры придумал сам автор (с. 363)

можно связать эту языковую общность? Очевидно, об этом можно будет сказать что-то более определенное только после прослеживания вглубь корней ариев – индоиранцев и иранцев» (с. 162). Иными словами, «узел» пока остается. Около 40 лет назад этот узел пытался развязать Р. М. Гиршман, основоположник научной археологии древнего Ирана (Ghirshman, 1977), и тогда его подход казался мне вполне продуктивным. Исходным пунктом индоиранских миграций, по Гиршману, тоже была степь между Доном и Волгой, и двигались они двумя путями – через Кавказ и Северный Прикаспий (Ghirshman, 1977, p. 23, fig. 5).

В тексте первых трех глав и в подзаголовках ключевое слово «прародина» встречается постоянно, свидетельствуя о том, что вопрос о прародине в разных аспектах обсуждается повсеместно, но в IV главе это уже заголовок всей главы «Прародина ариев». Дальше в подзаголовках оно уже не встречается, а в тексте встречается реже. Не логичнее ли было бы сделать IV главу последней и подвести в ней итоги? Но, что есть, то есть.

Если попытаться кратко охарактеризовать основную идею этой главы, то речь идет об археологических памятниках второй половины II тыс. до н. э. на территории степей Юга России, как прародины ариев. Но Л. С. Клейн делает еще отступление в сторону финно-угорских языков и мифологии, чтобы определить, с какой стороны от финно-угров находились индоарии и определяет эту сторону как долину Дона и нынешнюю Украину. Затем еще экскурс в сторону языка синдов и вообще в индоарийский субстрат на Северном Кавказе в ранней античности и в погребальную обрядность скифов (может быть, точнее – меотов? – Я. Ш.) с фрагментами индо-арийского обряда ашвамедха (с. 180 – 186).

Отождествление с индоариями носителей катакомбных культур эпохи бронзы, как одна из гипотез, имеет право на существование. Но привлечение в качестве дополнительных доводов в ее пользу элементов погребальной обрядности скифов представляется мне идеей более, чем спорной, поскольку в ее основе лежит одна из упоминавшихся Дж. Мэллори труднодоказуемых предпосылок. Сейчас уже почти никто не считает, что скифы произошли от причерноморских культур эпохи бронзы, в частности, – катакомбной и срубной.

После раскопок кургана Аржан I (М. П. Грязнов) стало ясно, что самые ранние скифские находки в Причерноморье (Келермес) лет на 200 – 300 позднее Аржана. Новые находки это подтвердили и позволили выстроить почти непрерывную цепочку из известных, но до этого разрозненных раннескифских памятников, которые указывали на движение не с запада на восток, а в обратном направлении (Аржан I, Аржан II, Туэкта, Чиликты, Тас-Мола, Тагискен, Уйгарак, Памирская, Гумарово и далее на запад). Уходили не все. Об этом свидетельствуют Пазырык, Укок, Берель и другие курганы, синхронные классическим скифским древностям Причерноморья (V – IV вв. до н. э.).

Это, конечно, не опровергает возможной идентификации катакомбных культур как индоариев. Они вполне могли участвовать в потоке миграций пастухов-скотоводов с запада на восток и могли внести свой вклад в формирование культур ранних кочевников степей, в том числе и протоскифов[5], но все это было примерно на полторы тысячи лет раньше. И еще: если главным идентификационным признаком катакомбной культуры считать наличие катакомбы, то ее ареал нужно расширить почти на всю Среднюю Азию до западного Пакистана и Синьцзяна, чего не отрицает и автор (с. 190). Катакомбы и подбои не могут быть диагностическими признаками так же, как и размеры могилы. Они и сейчас являются элементом мусульманского погребального обряда. Территория степного Причерноморья гипотетически вполне могла быть частью прародины индоариев, но доказательств недостает, о чем сам автор и написал в конце главы.

Для комплексного подхода к проблеме прародины и миграций древних индоевропейцев следовало бы привлечь больше антропологических данных. Как уже отмечалось выше, за последние 10 – 15 лет они начинают играть все более важную роль. Например, они уже явно свидетельствуют против ближневосточной прародины в пользу восточноевропейских катакомбной и полтавкинской культур (Козинцев, 2009, с. 125 – 136; 2010, с. 419 – 420), т. е. подтверждают предположения Л. С. Клейна и частично – Е. Е. Кузьминой.

Что касается скифов, то их культура действительно сложилась на основе культур эпохи бронзы, но не в Причерноморье, а в Центре Азии. В Причерноморье они пришли, как писал Геродот, «с Востока» около VIII – VII в. до н. э. Они принесли уже сформировавшийся звериный стиль, элементы которого были использованы греческими и ассирийскими торевтами.

После весьма самокритичного завершающего абзаца IV главы автор обращается к поиску предков ведических ариев, опираясь на этнонимику и ареалы, отразившиеся в Ригведе, Атхарваведе и в других древних текстах (гл. V). Из приводимых здесь доказательств катакомбы уже рассматривались. Захоронения коней? Да, но все же косвенное. Парные захоронения мужчин и женщин? Да, но они есть и в андроновских культурах (Тасты-Бутак и др.), которые Л. С. Клейн не считает прямыми предками индоариев (с. 172). Эти и другие факты, в том числе и сходные звучания имен божеств и этнонимов, все же не создают прочной доказательной базы, что чувствует и сам автор, завершая главу «золотыми» словами: закрывая белые пятна, наука открывает черные дыры (с. 222). В этом он, безусловно, прав.

Рассматривая следы ритуальной практики по археологическим материалам и сопоставляя их с древними священными текстами, автор считает, что

[5] Первые наброски гипотезы о происхождении скифо-сакских культур были опубликованы автором этих строк 30 лет назад. Теперь она подкрепляется еще и антропологическими материалами (Козинцев, 2010, с. 419 – 421).

«за этими многообразными и детальными сходствами стоит некое общее религиозное наследие ариев…» и что «… очень трудно определить, что появилось в результате смешивания, а что изначально общее и является свидетельством общего происхождения» (с. 235). Здесь было бы уместно привести пример с «Господином коней», божеством типа Potnia Theron (Hippon), изображения которого известны в вазописи Угарита (XII в. до н. э.), а к VIII – VII в. до н. э. «добрались» до прибрежных скал Енисея (Шер, 1993) и сейчас существуют в росписях стен современных деревенских домов в Индии (Vidal. 2001, p. 114). Этот образ восходит к древнейшему женскому божеству из общеиндоевропейского мифа.

Автор то соглашается, то спорит с отнесением к протоиранцам андроновской культуры и с протозороастрийской атрибуцией Гонура (Сарианиди, 1989, 152 – 169). Еще более серьезные сомнения о Гонуре были высказаны в комментариях к данной публикации ведущими иранистами (см. ВДИ, 1989, № 1).

Читая книгу Л. С. Клейна, лишний раз убеждаешься в высоком профессионализме автора не только в археологии, но и в смежных науках. Он свободно оперирует археологическими данными, очень дробными, вплоть до мелких деталей (количество дырочек на погребальных урнах). Столь же уверенно автор пользуется данными лингвистики, мифологии, этнографии и т. д.

С одной стороны, эта безграничная эрудиция вызывает восхищение, но, с другой, – при исследовании такой обширной и общей проблемы, как происхождение и миграции греков и ариев, есть реальная возможность «утопить» ее в деталях, и каждая мысль может вызвать противоположную. Поэтому в тексте практически всех разделов трудно найти какое-то твердо обоснованное мнение по тому или иному факту. Многие исторические выводы строятся по схеме: «возможно это так, а возможно и иначе». Однако не всегда. Иногда не так уж твердо обоснованные предположения через 2 – 3 страницы превращаются в факты.

Например, вопрос о миграции фригийцев «как этноса» (с. 261 – 262). Как этнос они засвидетельствованы Геродотом, когда обитали на севере Балкан вместе с македонцами, т. е. спустя почти полторы тысячи лет после того, как они мигрировали в Малую Азию в конце II тыс. до н. э. Допустим, они двигались быстро (2 – 3 поколения). Но даже при такой невероятной скорости преодолеть более трех тысяч км (по прямой), не оставив на своем пути заметных следов своей миграции, но сохраниться как этнос, «не оставив прямых наследников» (с. 265) еще менее вероятно.

Говоря о каменных изваяниях ямной культуры, было бы вполне уместно упомянуть интересную гипотезу А. И. Зайцева, который предположил, что ямные изваяния, стоявшие в степи на курганах, олицетворяли собой одну из древнейших индоевропейских эпических формул «неувядаемая слава» (Зайцев, 1986, с. 96 – 107).

Не очень убедительно рассуждение о путях движения обычая высекать каменные изваяния-стелы: «… значит, не с востока на запад…, а скорее, наоборот, – с запада на восток» (с. 282). Здесь, скорее всего, кроется одно широко распространенное добросовестное заблуждение, присущее многим нашим коллегам. В нашей работе большое место занимают сравнительные методы. Мы всегда ищем аналогии чему-то и иногда забываем, что некоторые наши древности, особенно изображения, могут иметь сходство не потому, что они заимствовались у кого-то или переместились вместе с миграциями людей, а вполне конвергентно, в силу своей общечеловеческой природы. При сравнении изобразительных памятников не всегда учитываются некоторые общечеловеческие универсалии, которые есть не только в языке, где их изучают лингвисты, но и в других сферах культуры, и чаще – в изображениях. Грубо говоря, человеческие лица и фигуры на всех континентах морфологически одинаковы. По той же причине везде, от Северной Европы до Австралии, в наскальной живописи и графике встречаются одинаковые сексуальные сюжеты и изображения рожающих женщин, и нет никаких поводов думать о влияниях и/или заимствованиях. В таких случаях следует при сравнении опираться не на универсалии, а на иные, например стилистические, особенности: не ЧТО изображено, а КАК изображено. Если следовать этому принципу, то между восточно-европейскими (ямными) и западно-европейскими изваяниями не так уж много общего.

Завершает гл. VII фраза: «Заманчиво думать, что за великолепным расцветом классической эллинской и роскошной индийской скульптуры, обоготворившей человеческое тело, скрываются четыре тысячи лет эволюции, в начале которой – обитатели наших степей, очеловечившие богов» (с. 298). Даже для научно-популярного текста она звучит более чем романтично. Например, не менее заманчиво думать, что за образом Афродиты Милосской скрывается около 30 тыс. лет эволюции, в начале которой была «Дама в капюшоне» из Брассемпуи или статуэтки из Мальты. Красиво сказано, но не более.

Майкопский курган, его материалы и археологический контекст – тема отдельной главы (VIII, с. 300 – 320). Безусловно, это – выдающееся открытие, и Л. С. Клейн ярко описывает живой интерес европейских археологов к докладам Б. В. Фармаковского и М. И. Ростовцева о Майкопском кургане на конгрессе в Лондоне. До конца главы не очень ясно, какое отношение этот выдающийся памятник имеет к прародине греков и ариев, поскольку выводы, как и в других местах книги, то ли индоевропейцы, то ли – нет.

Примерно тоже можно сказать и о главе, посвященной игральным костям (IX), обнаруженным при раскопках могил катакомбной культуры. У автора уже были публикации на эту тему (Клейн, 1997 и др.). Очень интересный текст, очень детальный анализ знаков на костях и сравнение результатов с другими подобными находками «от Дуная до Инда». Но причем здесь главная тема книги? В

начале книги Л. С. Клейн пишет, что он предположительно считает территорию катакомбной культуры прародиной ариев, а рассуждения в данной главе уже строятся на этой гипотезе как на доказанном факте. Это – не упрек Л. С. Клейну, а широко распространенная в нашей науке практика.

Двигаясь дальше «Тропой единорога» (гл. X), возвращаемся к поднятым в первых главах проблемам ямной культуры, в том числе к идеям М. Гимбутас о расселении древних индоевропейцев на Запад из наших степей, а также к более умеренным, но родственным идеям В. Н. Даниленко и Н. Я. Мерперта. Затем автор обращается к работе своего ученика В. Н. Дергачева и отмечает его ошибки в типологии зооморфных наверший. В. Н. Дергачев то ли не знал, то ли не учел закон редукции в развитии изображений. Не от простого к сложному, а от реалистического к упрощенной схеме. И снова всплывает проблема прародины.

Получилось так, что в предыдущих главах эта проблема (казалось бы, главная) отошла на задний план, а теперь неожиданно вернулась. Не логичней ли было бы рассмотреть ее вкупе с первыми главами о культурах ранней и средней бронзы, не повторяя снова, какие из них индоарии, а какие индоиранцы, и повторяя ошибку, связанную с происхождением скифов, уже отмеченную выше.

Причем это ошибка не Клейна, а тех, к кому он когда-то примкнул. Первой ошиблась Н. Л. Членова, связав происхождение скифского звериного стиля с оленными бляшками типа Керкук и с легендарными походами на Ближний Восток, которые теперь вообще ставятся под сомнение (Грантовский, 1998, 147 – 180). Это позволяло избежать противоречия в выведении скифов из культур эпохи бронзы степного Причерноморья, в материалах которых нет вообще никаких изображений, тем более, похожих на звериный стиль. Затем находки из Зивие, казалось, подкрепили эту идею, и к ней присоединились М. И. Артамонов, Б. Б. Пиотровский, Д. С. Раевский, М. Н. Погребова и почти все скифологи. Суть ошибки была рассмотрена выше и нет смысла вдаваться в подробности.

Однако основное содержание «Тропы единорога» – объяснение зооморфных предметов, которые Л. С. Клейн сначала называет «скипетрами», а потом приходит к выводу о том, что они использовались не как символы власти, а как «хирургические» инструменты для женских инициаций. Из всех выводов автора данный представляется наименее обоснованным и достаточно далеким от проблемы прародины. В эпоху ранних индоевропейцев Единорог имел облик быка с рогом. Только спустя тысячи лет, ближе к появлению христианства, он превратился в коня. Зооморфные «скипетры» довольно трудно без натяжек сопоставить с обликом какого-либо определенного животного. На голову лошади они похожи меньше всего.

Интерпретация подобных «жезлов» как инструментов инициаций вполне вероятна, но тогда к этой категории больше подходят предметы мелкой пластики из приуральских и более восточных культур эпохи бронзы, в частности, круга, сейминско-турбинских древностей (см., например, Шер, 2006, с. 74 – 76).

За единорогом следует «Дракон в узде» (гл. X), где дается краткий аналитический обзор энеолитических стел из Минусинской котловины с оценкой их интерпретаций разными исследователями. Л. С. Клейну больше импонирует идея С. В. Киселева о китайском влиянии. Он тоже увидел в минусинских личинах на стелах и в наскальных рисунках морду китайского дракона. Рассматривая идеи С. В. Киселева, следует учитывать, что Сергей Владимирович был очень чуток к политической конъюнктуре, а тогда были «русский с китайцем – братья навек». Его идея о Тао-Те не нашла продолжения.

Л. С. Клейн не заметил, или не счел существенной, одну важную, с моей точки зрения, особенность большой группы минусинских изваяний. На тех из них, где личина (маска или то, что автор называет мордой дракона) находится в средней части стелы, четко прослеживается одна и та же, почти стандартная трехчастная композиция: в верхней части голова человека или копытного животного, в середине – личина, а внизу, вниз головой, иногда в билатеральной проекции, хищник с оскаленной пастью. Тот же самый хищник, изображение которого выбито на песчаниковой плите из Черновой, выставленной на экспозиции в Эрмитаже. Образ данного мифологического персонажа в зооморфной и антропоморфной ипостаси, т. е. как инвариантная эпическая формула, часто встречается не только на изваяниях, но и в наскальных изображениях в Саянах и в Минусинской котловине. Это изобразительная формула, аналогичная фразам-формулам, характерным для эпического или фольклорного словесного текста (подробнее см.: Шер, 1997).

Стелы с трехчастной структурой изображений наглядно демонстрируют модель индоевропейского космогонического мифа, являются символом Мирового Древа, в нижней части которого обитают хтонические существа (хищник). В петроглифах Минусинской котловины встречаются и другие индоевропейские изобразительные мифологемы: кони у Мирового Древа (ашвамедха), упоминавшийся выше «Господин коней», повозки и колесницы, пара женщина – бык и др. Эти изображения, как мне кажется, маркируют восточную границу распространения прототохар в Южной Сибири.

Далее Л. С. Клейн приводит антропологические данные о появлении европеоидов, носителей афанасьевской и андроновской культуры. В связи с новыми возможностями использования генетических методов, антропологические материалы становятся в последние годы особенно важными фактами, меняющими некоторые устоявшиеся представления о предках и потомках в культурах эпохи бронзы Восточной Европы и Южной Сибири (Козинцев, 2007; 2009; 2010 и др.).

Последующие рассуждения автора о «добрых глазах дракона», о Шиве и Прото-Шиве интересны и, вероятно, уместны в популярной книге, но все же недостаточно близки к главной идее о прародине и

передвижениях древних индоевропейцев в эпоху бронзы.

В заключительной главе (XII «Кентавры повсюду») Л. С. Клейн возвращается к персонажу, имя которого стоит в заголовке книги. Большая часть главы содержит пересказ мифов о кентаврах и их «родственниках» – сатирах, Пане, силенах, о Минотавре, Геракле и т. д. Автор сближает кентавров античности с гандхарвами древнеиндийского эпоса, ведических гимнов и заговоров, а также Авесты. К такому сближению склоняются и другие исследователи. Перебирая разные варианты фольклорных и эпических сюжетов у очень широкого круга древних и современных народов от Фракии до Индии, Л. С. Клейн показывает, что в разных видоизмененных обликах ряда мифических монстров скрываются кентавры или подобные им существа, которые относятся к большому пласту древней индоевропейской мифологии. Что касается «родства двух выдающихся культур – греческой и индийской – и их древнейшей генетической связи с территорией нашей страны» (с. 460), то здесь почти все верно, кроме того, что индийская культура все же сохранила многое от доарийского времени, т. е. от хараппской цивилизации.

Завершая эту рецензию, хотелось бы дать общую оценку книги. Можно ли сказать, что проблема прародины греков и ариев решена в этой книге? Нет, нельзя. Можно ли сказать, что сделан серьезный и крупный шаг к ее решению? Несомненно. Автор прекрасно понимает стоящие перед ним трудности и не претендует на какую-то бесспорную истину. Об этом свидетельствуют многие пассажи книги, но особенно четко – две коротких цитаты. «Материала мало, связь тонка и очень растянута во времени и пространстве» (с. 419). «Всё это нуждается в дальнейших исследованиях» (с. 459).

Читать книгу интересно, хотя местами и нелегко. Масштаб и глубина проблематики вряд ли имеет аналогии в нашей и зарубежной археологической литературе. Спорных вопросов достаточно. Автор сам вольно или невольно их провоцирует. Он так много знает, что груз этих знаний, как уже отмечалось, его подавляет, и он нередко не может принять решения по поводу той или иной гипотезы («может быть так, а может быть и иначе»). Но это не умаляет научных качеств книги. Настоящая наука не может развиваться без спорных вопросов и дискуссий. В итоге, думаю, что вполне можно поздравить Льва Самойловича с очередным, будем надеяться, не последним, успехом.

Литература

1. Виноградов, В. А. О реконструкции протоязыковых состояний / В. А. Виноградов // Система и уровни языка. – М.: Наука, 1969. – С. 4 – 42.
2. Грантовский, Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов / Э. А. Грантовский. – М.: Наука, 1998. – 343 с.
3. Зайцев, А. И. Праиндоевропейские истоки древнегреческого эпоса / А. И. Зайцев // Проблемы античного источниковедения. – М.; Л., 1986. – С. 96 – 107.
4. Клейн, Л. С. Археологические признаки миграции (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации) / Л. С. Клейн. – М.: Наука, 1973.
5. Клейн, Л. С. Происхождение нуля или древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом / Л. С. Клейн // Stratum plus: структуры и катастрофы. – 1997. – № 1. – С. 52 – 71.
6. Клейн, Л. С. Миграции: археологические признаки / Л. С. Клейн // Stratum plus. – 1999. – № 1. – С. 52 – 71.
7. Козинцев, А. Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение / А. Г. Козинцев // АЭАЕ. – 2007. – № 4. – С. 143 – 157.
8. Козинцев, А. Г. О так называемых средиземноморцах Южной Сибири / А. Г. Козинцев // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 205 – 208.
9. Козинцев, А. Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) / А. Г. Козинцев // АЭАЕ. – 2009. – № 4. – С. 125 – 136.
10. Козинцев, А. Г. Ранние индоевропейцы Сибири и Центральной Азии по данным антропологии / А. Г. Козинцев // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 419 – 421.
11. Сарианиди, В. И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма / В. И. Сарианиди// ВДИ, 1989. – № 1. – С. 152 – 169.
12. Сафронов, В. А. Индоевропейские прародины / В. А. Сафронов. – Горький: Волго-Вятское книж. изд., 1989. – 402 с.
13. Шер, Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я. А. Шер. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
14. Шер, Я. А. «Господин коней» на берегу Енисея / Я. А. Шер // Петербургский археологический вестник. – № 6. – СПб.: Фарн, 1993. – С. 17 – 22.
15. Шер, Я. А. Петроглифы – древнейший изобразительный фольклор / Я. А. Шер // Наскальное искусство Азии. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 28 – 35.
16. Шер, Я. А. Первобытное искусство / Я. А. Шер. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 350 с.
17. Ghirshman, R. L'Iran et la migration des indoaryens et des iraniens / R. Ghirshman. – Leiden, 1977. – 88 p.
18. Vidal, P. L'Art rupestre in peril / P. Vidal. – Périgueux: Pilot édition, 2001. – 127 p.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Александрова Лада Анатольевна – Московский городской психолого-педагогический университет, ведущий научный сотрудник лаборатории проблем развития личности ***Alexandrova Lada Anatolievna*** – Moscow city psycho-pedagogical University, leading researcher of the laboratory of personality development	8-926-286-36-28
Артюхов Михаил Васильевич – доктор педагогических наук, профессор Новокузнецкого филиала – института КемГУ, член - корреспондент РАПО ***Artioukhov Mikhail Vasilievich*** – doctor of pedagogical sciences, Professor KemSU Novokuzneckogo branch-Institute, corresponding member RAPO	8(384-3) 77-64-59
Белозёрова Марина Витальевна – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций Кемеровского государственного университета культуры и искусств, главный научный сотрудник Лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики КемГУ ***Belozerova Marina Vitalievna*** – doctor of historical sciences, professor, Director of Institute of tolerance and intercultural communication of Kemerovo State University of Culture and Art	8(384-2) 21-04-09, mbelozerowa@mail.ru
Большаков Владимир Витальевич – старший научный сотрудник лаборатории прикладных гигиенических исследований Научно-исследовательского института комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний Сибирского отделения РАМН. ***Bolshakov Vladimir Vitalievich*** – Senior researcher of the Laboratory of Applied Hygienic Research of Research Institute of Complex Hygiene Problems and Occupational Deseases, the Siberian branch of the Russian Academy of Medical Sciences	8(384-3) 79-65-49, ecologia_nie@mail.ru.
Бучек Альбина Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии. Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга ***Butschek Albin Alexandrovna*** – candidate of psychological Sciences, senior lecturer, Associate Professor of theoretical and applied psychology. Kamchatka State University. Vitus Bering	8-962-282-94-92, buchek@mail.ru
Валиуллина Евгения Викторовна – ассистент кафедры истории психологии КемГМА, соискатель кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ ***Valiullina Yevgeniya Viktorovna*** – Assistant Professor of history of Psychology KemGMA, an applicant of the Department of social psychology and psycho-social technology KemSU	8-960-921-05-10, valiullinajv@ya.ru
Вержицкая Елена Николаевна – соискатель кафедры клинической психологии Томского государственного университета, зам. директора Центра психолого-медико-социального сопровождения «ДАР» ***Verzhitskaya Elena N.*** - The center of medical, psychological and social support "DAR". Applicant for degree, The chair of clinical psychology. Tomsk State University	8-903-945-46-16, elenaver10@yandex.ru
Волобуева Юлия Сергеевна – ассистент кафедры русского языка факультета филологии и журналистики КемГУ ***Volobueva Julia Sergeevna*** – the assistant of Russian language sub department of Philology and journalism department	8-904-966-53-08, volobyulia@mail.ru
Гармаш Сергей Владимирович – ФГУ Российский научный центр рентгенорадиологии Минздравсоцразвития, Москва ***Garmash Sergey. V.*** – FGU rentgenoradiologii Russia's Russian Research Center, Moscow	mailbox@rncrr.rssi.ru
Горбатов Алексей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и культуры России факультета истории и международных отношений КемГУ ***Gorbatov Alexey Vladimirovich*** – Ph.d., head of the Department of history and culture of Russia, Faculty of history and international relations	gorbn@kemcity.ru
Гринвальд Оксана Николаевна - аспирант кафедры общей и межвузовской педагогики КемГУ, старший преподаватель кафедры иностранных языков КемГУ ***Greenwald Oxana Nickolaevna*** – a postgraduate student of the department of general and high school pedagogy of KemSU, a senior teacher of the department of foreign languages of KemSU	8(3842) 75-24-24, greenwald.ru@rambler.ru

Добровольская Н. Ю. – д.м.н., ФГУ Российский научный центр рентгенорадиологии Минздравсоцразвития, Москва ***Dobrovolskaya N. Y.*** – FGU rentgenoradiologii Russia's Russian Research Center, Moscow	mailbox@rncrr.rssi.ru
Дочкин Сергей Александрович – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ГОУ «Кузбасский региональный институт развития профессионального образовании» ***Dochkin Sergey A.*** – doctor of pedagogics, docent, professor of the Department of Pedagogics and Psychology of Vocational Education at Kuzbass Regional Institute of Vocational Education Development	8(3842) 73-64-38
Желтов Виктор Васильевич – зав. кафедрой политических наук КемГУ, доктор философских наук, профессор, академик МАН ВШ, АСН и АПН. ***Zheltov Viktor Vasilievich*** – head Department of Political Science of Kemerovo State University, Ph.D., Professor, Academician of IAS HS, ASN and APN	8(3842) 54-49-33, vjeltov@kemsu.ru
Зауэрвайн Лариса Теодоровна – кандидат философских наук, доцент Кемеровского государственного университета культуры и искусств, начальник Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области ***Zauèrvajn Larissa Teodorovna*** – candidate of philosophical Sciences, Assistant Professor, State University of culture days of culture and arts, head of the Department of culture and national policy of the Kemerovo area	8(3842) 36-33-42, dep-kult@ako.ru Larisa_Zauervine@ako.ru
Золотухин Владимир Михайлович – доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой социологии, политических отношений права КузГТУ ***Zolotuhin Vladimir Mihaylovich*** – the Doctor of Philosophy, the senior lecturer, the head of chair of sociology, political relations and the right of the Kuzbass state technical university	8-905-067-16-63, zvm64@mail.ru
Зяблицева Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Кемеровского государственного сельскохозяйственного института, кафедра истории и педагогики ***Zâbliceva Svetlana Vladimirovna*** – candidate of historical sciences, docent days of State Agricultural Institute, Department of history and pedagogy	8-(3842) 72-74-95, ziabl2@rambler.ru
Игонина Татьяна Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры межвузовской и вузовской педагогики КемГУ ***Igonina Tatyana Borisovna*** – candidate of pedagogical sciences, senior lecturer of faculty and University pedagogy KemGU inter-high school	8-905-965-23-92, t.b.igonina@mail.ru
Казин Эдуард Михайлович – доктор биологически наук, профессор кафедры физиологии человека и животных и валеологии КемГУ ***Kasin Edward Mihajlovich*** – doctor biological Sciences, the professor of Department of human physiology and animals and valeology KemSU	8(3842) 58-35-15, valeol@kemsu.ru
Каприн А. Д. – Городская клиническая больница № 20, кафедра урологии с курсом онкоурологии ФПК МР РУДН ***Kaprin A. D.*** – City Clinical Hospital No. 20, Department of Urology course onkourologii FEC LL RUDN	mailbox@rncrr.rssi.ru
Касаткина Наталья Эмильевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики КемГУ ***Kasatkina Natalia Emilievna*** – doctor of pedagogical science, professor Head of Chair of General and higher education KemSU	8(384-2) 58-29-55, kasatkina@kemsu.ru
Кислицын Дмитрий Викторович – студент магистратуры экономического факультета КемГУ ***Kislitsyn Dmitriy Viktorovich*** – a student of the Graduate School of Economics, KemSU	dmitv.v.kislitsyn@gmail.com
Китова Людмила Юрьевна – доцент кафедры археологии, КемГУ ***Kitova Ludmila. Yu.*** – docent of Department of Archeology KemSU	2-88, 8-909-517-16-42 kitova@kemsu.ru
Климов Петр Валерьевич – кандидат биологических наук, доцент кафедры экологии и естествознания Новокузнецкого филиала – института КемГУ ***Klimov Petr Valerievich*** - Candidate of biological sciences, Associate Professor of the Chair of Environment and Natural Science, the Novokuznetsk Branch-Institute of KemSU	8(3843) 77-56-20, cdn77@inbox.ru.
Ковалева Ирина Викторовна – аспирант Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования. ***Kovaleva Irina Viktorovna*** – post-graduate student. The methodologist of department of monitoring of quality of formation	8-903-940-63-05, nmcomko@mail.ru

Кондаурова Ирина Геннадьевна – кандидат педагогических наук, Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт ***Kondaurova Irina Gennadievna*** – candidate of pedagogical sciences, Kemerovo State Agricultural Institute	8-905-965-44-59, kondirina08@mail.ru
Коняева Людмила Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 КемГУ ***Koniaeva Ludmila Alexandrovna*** – Ph.D, associate professor of English Philology Office№ 1, Romance and Germanic Philology Department, KemSU	loudmillakoni@mail.ru
Крымова Эльвира Игоревна – соискатель кафедры политических наук КемГУ. ***Krymova Elvira Igorevna*** – applicant of the Department of Political Science of KemSU	8(3842) 36-17-51, elya.krymova@rambler.ru
Леванов Анатолий Дмитриевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории экономического факультета КемГУ ***Levanov Anatoly*** – doctor of economy, Professor of economic theory department KemSU	8(3842) 58-17-35, Bash@kemsu.ru
Левин Сергей Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории КемГУ ***Levin Sergey Nikolaevich*** – d.SC. (Econ.), Professor of Economics KemSU	8(3842)58-31-97, levin@kemsu.ru
Матвеева Елена Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук КемГУ ***Matveeva Elena Viktorovna*** – the candidate of political sciences, the senior lecturer of faculty of political sciences The KemSU	8-951-186-80-82, mev@kemcity.ru
Миронова Татьяна Николаевна – старший преподаватель кафедры экономики Новокузнецкого филиала – института КемГУ ***Mironova Tetyana Nicolaevna*** – is a senior lecturer at the Economics Institute of Novokuzneckogo branch – KemSU	8-913-336-94-57, tn-mir@gmail.ru
Михайлова Валентина Платоновна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования КемГУ ***Mikhailova Valentina Platonovna*** – the candidate of psychological Sciences, Assistant Professor of psychology of education KemSU	8(3842) 31-08-18
Морозов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий инженер лаборатории истории Южной Сибири, Институт экологии человека СО РАН (г. Кемерово). ***Morozov Nikolai Mikhailovich*** – Candidate of Historical Sciences, chief engineer laboratory history of South Siberia, Institute of Human Ecology SB RAS (Kemerovo)	8-905-969-57-74, oven777@mail.ru
Москаленко Ирина Валерьевна – учитель русского языка и литературы МОУ «Гимназия №1», г. Кемерово ***Moskalenko, Irina Valerievna*** – teacher of Russian language and literature MAIS "gymnasium 1, Kemerovo	8(3842) 34 61 99, moskalenko.74@mail.ru
Никитенко Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Сибирской государственной геодезической академии, г. Новосибирск ***Nikitenko Elena Viktorovna*** – senior lecturer, Department of Humanities of the Siberian State GEODESIC Academy, Novosibirsk	8-903-904-47-77, nikena@list.ru
Патрина Вера Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент КемГУ ***Patrina Vera Viktorovna*** – candidate of pedagogic Sciences, docent KemSU	8(3842) 58-29-55, kasatkina@kemsu.ru
Пономарёв Владимир Алексеевич – доцент кафедры гуманитарного образования и иностранных языков факультета экономики и менеджмента Юргинского технологического института (филиал) Томского политехнического университета ***Ponomaryov Vladimir Alekseevich*** – associate professor of Humanities and Foreign Languages department at the Faculty of Economics and Management, Yurga Technologic Institute of Tomsk Polytechnic University	8(38451) 5-47-64, pwa13@mail.ru
Рабкина Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии №1 КемГУ ***Rabkina Nadezda Vladimirovna*** – PhD, assistant professor to the Department of The English Philology №1, KemSU	8(384-2) 58-34-97, modesta@kemcity.ru
Рябова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии № 1 КемГУ ***Ryabova Marina Yurievna*** – doctor of Philology, Professor, head of the Department of English Philology No. 1 KemSU	8(3842) 75-17-46, mriabova@inbox.ru

Рязанова Светлана Владимировна – кандидат философских наук, доцент, Институт философии и права Уральского отделения РАН ***Ryazanova Svetlana Vladimirovna*** – candidate of philosophical Sciences, Assistant Professor, Institute of philosophy and law of the Ural branch of RUSSIAN ACADEMY of SCIENCES	8-912-78-376-98, svet-ryazanova@yandex.ru
Саблин Кирилл Сергеевич – аспирант кафедры экономической теории КемГУ ***Sablin Kirill Sergeevich*** – post-graduate student of the Department of economic theory KemSU	sablin-ks@ngs.ru
Семенкова Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, проректор КемГУ ***Semenkova Tatyana Nikolaevna*** – the candidate pedagogical sciences, docent, Vice-Rector KemSU	8(384-2) 58-36-22, Semenkova@kemsu.ru
Суржиков Вячеслав Дмитриевич – доктор медицинских наук, профессор кафедры медицинских знаний и экологии Кузбасской государственной педагогической академии. ***Surzhikov Viacheslav Dmitrievich*** – Doctor of medical sciences, Professor of the Chair of Medical Knowledge and Ecology of The Kuzbass State Pedagogical Academy	8(3843) 77-70-20, ecologia_nie@mail.ru.
Суржиков Дмитрий Вячеславович – доктор биологических наук, заведующий лабораторией прикладных гигиенических исследований Научно-исследовательского института комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний Сибирского отделения РАМН. ***Surzhikov Dmitry Viachislavovich*** – Doctor of biological sciences, Head of the Laboratory of Applied Hygienic Research of Research Institute of Complex Hygiene Problems and Occupational Deseases, the Siberian branch of the Russian Academy of Medical Sciences	8(3843) 79-65-49, ecologia_nie@mail.ru.
Суслова Светлана Владимировна – Кемеровский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета, г. Кемерово, аспирант, ассистент ***Suslova Svetlana Vladimirovna*** – The Kemerovo institute (branch) of the Russian state trade and economic university, Kemerovo, the post-graduate student, the assistant	8-923-482-22-24, suslova-sv@mail.ru
Тулуш Демир Константинович – научный сотрудник сектора археологии и этнографии ГНИ и ОУ Тувинский институт гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва ***Tuluš Demir Konstantinovich*** – researcher of the sector of Archeology and ethnography of the STI and OC Tuvan Institute of humanitarian studies under the Government of the Republic of Tuva	8(923) 266-80-85, demirtdk@rambler.ru, igi@tuva.ru
Тупикина Г. Г. – кандидат педагогических наук, доцент межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ ***Tupikina G. G*** .– PhD in medicine, associate professor of the Interdisciplinary Department of Pedagogics at the KemSU	kasatkina@kemsu.ru
Умеренкова Ольга Вячеславовна – ведущий инженер Кузбасской лаборатории археологии КемГУ – ИАЭТ СО РАН ***Umerenkova Olga Vjacheslavovna*** – leading engineer Kuzbass laboratory of archeology	8-903-941-24-12, klae@kemsu.ru
Фокина Ирина Александровна – адвокат Московской адвокатуры ***Fokina Irina Alexandrovna*** – Moscow advocacy lawyer	8-499-613-08-84
Фомин Александр Аркадьевич – кандидат физико-математических наук КемГУ ***Fomin Alexander A.*** – Candidate of Physical and Mathematical Sciences KemSU	8-923-603-14-99, fomin_aa@mail.ru
Фомина Любовь Николаевна – старший преподаватель кафедры вычислительной математики, кандидат физико-математических наук, КемГУ ***Fomina Lubov Nicolaevna*** – KemSU, Mathematical Faculty, Department of Computational Mathematics, Senior Teacher, Candidate of Physical and Mathematical Sciences	8-923-495-66-35, lubafomina@mail.ru
Цыбульский А. Д. – к.м.н., ФГУ Российский научный центр рентгенорадиологии Минздравсоцразвития, Москва ***Tsybulskiy A. D.*** – FGU rentgenoradiologii Russia's Russian Research Center, Moscow	mailbox@rncrr.rssi.ru
Чачибая Манана Давидовна – кафедра английской филологии №1, ф-т романо-германской филологии КемГУ ***Chachibaia Manana Davidovna*** – assistant lecturer of English Philology Office№ 1, Romance and Germanic Philology Department, KemSU	8(3842)-58-34-97, chmanana@yandex.ru

Чурекова Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ ***Churekova Tatyana Mihaylovna*** – doctor of pedagogics, Professor of the Department of General and higher education KemSU	8(3842) 58-29-55, churekova_t@mail.ru
Шер Яков Абрамович – доктор исторических наук, профессор, КемГУ ***Cher Yakov Abramovich*** – d.SC. (Hist.), Professor, KemSU	8-384-2-58-43-18, scher@kemsu.ru
Шестаков А. В. – ФГУ Российский научный центр рентгенорадиологии Минздравсоцразвития, Москва ***Shestakov A. V***. – FGU rentgenoradiologii Russia's Russian Research Center, Moscow	mailbox@rncrr.rssi.ru
Шуматова Татьяна Владимировна – аспирант 3 года обучения кафедры общего и русского языкознания Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул ***Šumatova Tatyana Vladimirovna*** – 3 year PhD student, Department of General Linguistics and Russian Altai State Pedagogical Academy, Barnaul	8-903-910-56-96, tatyanashumatova@mail.ru

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА
"Вестник Кемеровского государственного университета"

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала.

Со второго полугодия 2004 г. производится подписка на журнал (индекс 42150 по каталогу *«Пресса России»,* 51944 по каталогу российской прессы «Почта России»,). Электронная версия журнала представлена на сайте http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm. С 2008 г. полнотекстовая версия журнала в открытом доступе представлена в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU и включена в реферативную базу данных **«Российский индекс научного цитирования»** (РИНЦ).

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc,* построенного средствами Microsoft Word 97-2003 или последующих версий, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210х297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте gos@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения за основу берется печатный вариант.
2. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати. Бланк экспертного заключения для авторов, являющихся сотрудниками КемГУ, представлен в приложении 1.
3. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала и публикуются по решению редакционного совета журнала.
4. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.
5. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.
6. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.
7. Не допускается свыше двух публикаций одного автора в одном номере журнала.
8. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.*
9. Сторонние авторы оплачивают публикацию, статьи только после получения от редакции согласия на публикацию.
10. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ПРАВИЛА К ОФОРМЛЕНИЮ

1. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер шрифта 10, межстрочный интервал – 1; поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое - 2,5 см, красная строка – 0,6 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация – книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц), перенос слов в документе – автоматический.
2. В верхнем левом углу указывается индекс УДК.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить' на русском и английском языках, прописными буквами, размер шрифта – 10, жирный, по центру.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов через запятую) – строчными буквами, размер шрифта 10, полужирный, курсив.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами (рекомендуемое количество ключевых слов – 5 – 7) на русском и английском языках.

6. При вставке формул использовать только Microsoft Equation (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки. Например:

$$J_g^+ : g = \begin{Bmatrix} \mathrm{Re}(z_1)i + \mathrm{Im}(z_1 / z_2)\, j + \\ + \mid z_1 \mid^2 - \mid z_2 \mid^2 k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{Bmatrix} \quad (12)$$

7. Рисунки, вставленные в документ, должны допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров. Допустимо представление рисунков отдельными файлами формата *Jpg*. Рисунки необходимо представлять в черно-белой палитре. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте; желательно при размещении таблиц и рисунков не делать разрыва страницы, так как это затрудняет компьютерную верстку сборника. Нумерация – подрисуночная по центру.

Например: *Рис. 5.* ***Элементарная ячейка кубического перовскита***

8. Таблицы нумеруются, если их число более одной:

Таблица I

Динамика изменения объема продаж продавцов-консультантов

9. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках (ГОСТ 7.0.5.2008).

Например: ссылка на полный текст документа [6]; ссылка на фрагмент текста документа [6, с. 24 – 28].

10. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7,12 – 93. Допускается использование аббревиатур.

11. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи, предваряется словом «Литература» и оформляется по ГОСТ 7.1-2003. Под одним номером допустимо указывать только один источник.

12. Примечания оформляются в виде сносок.

13. В конце текста статьи указываются: **полное название учреждения, где выполнено исследование, фамилии, имена и отчества (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы**, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов (**на русском и английском языках**).

14. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

15. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 4 – 7 страниц компьютерного набора формата А4 (210х297 мм).

ОБРАЗЕЦ НАБОРА

УДК 14(470+571) «18/19»

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В XIX В.

В. И. Красиков

A PROBLEM OF SUBJECTS OF RUSSIAN PHILOSOPHIZING IN XIX CENTURY

V. I. Krasikov

В статье исследуются социальные и ментальные особенности отечественных философов XIX столетия. Автор выявляет их обусловленность со стороны материальных и культурных ресурсов, образа жизни, стремится продемонстрировать как эти черты сказывались на стиле, интенсивности и приоритетах в философских занятиях.

The article is investigated the social and mental peculiarities of Russian philosophers of XIX century. The author explains their source and strives to demonstrate their influence upon a style, intensity and priority of philosophizing.

Ключевые слова: русская философия XIX века, особенности аристократического и демократического образа жизни и мышления в их влиянии на интеллектуальные построения.

Keywords: Russian philosophy of XIX century, the peculiarities of noble and democratic style of life and thinking and their influence upon intellectual constructions.

Текст...

Литература...

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор межфакультетской кафедры философии КемГУ.

Krasikov Vladimir Ivanovich – doctor of philosophy, Professor of mežfakul′tetskoj philosophy KemSU.

E-mail: krasikov 1958fd).vahoo.com. Тел.:.8(3842) 72-77-75.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Почтовый адрес: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ),
650043, Кемерово, ул. Красная, 6, Редакция журнала «Вестник КемГУ».

Электронный адрес: gos(@)kemsu.ru, ***телефон:*** (3842) 58-80-24.

УСЛОВИЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ!

– *Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год. Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).*

– *Подписка проводится через отделения связи по объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 42150, по каталогу российской прессы «Почта России» по индексу 51944*

– *Стоимость подписки через подписные агентства указана в соответствующих каталогах.*